Aus der

Büchersammlung des Capitäns

Th. Dempster Gordon.

Geschenk des k. Forstrathes G. Dürig
an die k. Bibliothek.

Myst.
o
58

О НЕБЕСАХЪ,

О МІРѢ ДУХОВЪ, И ОБЪ АДѢ.

КАКЪ СЛЫШАЛЪ И ВИДѢЛЪ

Э. СВЕДЕНБОРГЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО ИЗДАНІЯ: DE COELO ET EJUS MIRABILIBUS, ET DE INFERNO. EX AUDITIS ET VISIS. LONDINI. 1758.

ЛЕЙПЦИГЪ, ФРАНЦЪ ВАГНЕРЪ.

LEIPZIG, FRANZ WAGNER.

1863.

1

KÖNIGL. BAYER. BIBLIOTHEK BAMBERG

Оглавленіе.

Стр.

От переводчика . v
Біографія Сведенборга xix
Объяснительный словарь xxxv

О небесахъ, о мірѣ духовъ, и объ адѣ.

Введеніе . 1

О небесахъ.

Господь есть Богъ небесъ 4
Божественное (начало) Господа образуетъ небеса 7
Божественное (начало) Господа на небесахъ есть любовь къ нему и любовь къ ближнему 11
Небеса раздѣляются на два царства 17
О троичности небесъ 21
Небеса состоятъ изъ безчисленныхъ обществъ 29
Каждое общество образуетъ небеса въ маломъ видѣ, а каждый ангелъ въ меньшемъ 33
Всѣ небеса въ совокупности изображаютъ какъ бы одного человѣка 40
Каждое общество на небесахъ изображаетъ человѣка 45
Внѣшній образъ каждаго ангела есть совершенно человѣческій . 48
Небеса, вообще и въ частности, изображаютъ человѣка, вслѣдствіе Божественной человѣчности Господа 52
Все, что на небесахъ, соотвѣтствуетъ всему, что есть въ человѣкѣ 58
Все что есть на землѣ соотвѣтствуетъ небесамъ 67
О небесномъ солнцѣ 78
О небесномъ свѣтѣ и теплѣ 85
О четырехъ странахъ свѣта на небесахъ 98
Объ измѣненіяхъ внутренняго состоянія ангеловъ на небесахъ 107
О времени на небесахъ 112
О предметахъ изображаемыхъ и видимыхъ на небесахъ (de repraesentativis et apparentiis) 117
Объ одѣяніяхъ ангельскихъ 120
О жилищахъ и обителяхъ ангельскихъ 124
О пространствѣ на небесахъ 129
О небесномъ образѣ, согласно которому устроены сообщества и сообщенія на небесахъ 134
О небесномъ управленіи 143
О небесномъ Богослуженіи 148
О могуществѣ ангеловъ небесныхъ 152
О рѣчи ангельской 157

О разговорѣ ангеловъ съ человѣкомъ 166
О небесномъ письмѣ 176
О мудрости небесныхъ ангеловъ 181
О состояніи мира на небесахъ 203
О соединеніи небесъ съ человѣкомъ посредствомъ Слова . . . 219
Небеса и адъ образуются изъ рода человѣческаго 230
О состояніи на небесахъ язычниковъ, или народовъ, находящихся внѣ церкви (extra ecclesiam) 237
О дѣтяхъ на небесахъ 249
О мудрыхъ и простыхъ на небесахъ 263
О богатыхъ и бѣдныхъ на небесахъ 277
О бракахъ на небесахъ 289
Объ ангельскихъ занятіяхъ на небесахъ 307
О небесной радости и небесномъ блаженствѣ 313
О необъятности небесъ 333

О мірѣ духовъ.

Что такое міръ духовъ 342
Всякій человѣкъ по внутреннимъ началамъ своимъ (quoad interiora) духъ . 350
О возстаніи человѣка изъ мертвыхъ и о вступленіи его въ жизнь вѣчную . 357
Человѣкъ, по смерти является въ совершенномъ человѣческомъ образѣ . 363
Человѣкъ по смерти вполнѣ сохраняетъ чувства, память, мысли и любовь (affectiones), принадлежавшія ему въ міру, покидая одно только земное тѣло свое 370
Человѣкъ по смерти таковъ, какова была жизнь его на землѣ . 385
Наслажденіе каждаго по роду жизни его, превращается по смерти въ соотвѣтствующее 404
О первомъ состояніи человѣка по смерти 413
О второмъ состояніи человѣка по смерти 419
О третьемъ состояніи человѣка по смерти, которое есть состояніе наставленія для поступающихъ въ небеса 433
Никто не можетъ сподобиться царства небеснаго, по одному только непосредственному милосердію Господню 443
Не столь трудна, какъ полагаютъ, жизнь ведущая къ небесамъ 450

Объ адѣ.

Господь управляетъ адомъ 463
Господь никого не ввергаетъ въ адъ, но это дѣлается самимъ духомъ . 469
Всѣ жители ада обрѣтаются во злѣ и затѣмъ во лжи, по любви къ себѣ и къ міру 475
Что такое адскій огонь и скрежетъ зубовъ 490
О коварствѣ и ужасныхъ ухищреніяхъ адскихъ духовъ . . . 501
О видѣ, мѣстоположеніи и множествѣ адовъ 508
О равновѣсіи между небесами и адомъ 516
Человѣкъ свободенъ вслѣдствіе равновѣсія между небесами и адомъ . 525

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Книга эта предлагается читателю не какъ сектаторское ученіе, не какъ догматическая истина, или непогрѣшимое откровеніе, но какъ матеріалъ для изученія законовъ и быта духовнаго міра. Въ настоящее время, вопросъ о духовномъ мірѣ поднятъ снова и быстрыми шагами идетъ впередъ. Онъ развивается не философскимъ умствованіемъ, не мистическою проповѣдію новой религіи, не логикой одиночнаго ума, но простымъ путемъ фактовъ, путемъ естественнаго откровенія законовъ природы, положительной логикой историческаго свидѣтельства.

Поразительныя явленія совершаются вокругъ насъ! Завѣса, скрывавшая доселѣ отъ человѣка тайны духовнаго міра и дальнѣйшія судьбы души нашей въ посмертной жизни ея, изчезаетъ; сообщеніе между міромъ духовнымъ и землею, между человѣкомъ во плоти и человѣкомъ-духомъ, возстановляется; новый міръ открытъ душѣ человѣческой, которая слышитъ, видитъ и осязаетъ въ немъ безсмертіе свое; люди всѣхъ званій и вѣрованій, тысячами свидѣтель-

ствуютъ объ истинѣ этой по личному опыту; страна разума холоднаго и трезваго, но страна свободная, колыбель и вѣстница Спиритуализма — Сѣверная Америка, привѣтствуетъ это міровое явленіе и съ глубокимъ вниманіемъ изучаетъ его! Но мы, которые гордимся знаніемъ вѣка и слѣдимъ за всѣми движеніями его, не хотимъ знать, что дѣлается въ области Спиритуализма, считаемъ это вздоромъ и ложью, и съ насмѣшкой отворачиваемся отъ него! Не смотря на это, событіе растетъ, разумъ поражается простотою истины, убѣжденія подчиняются подавляющей силѣ факта, — и великій переворотъ неизбѣженъ, онъ начался.

Переворотъ этотъ состоитъ въ томъ, что *вопросъ о безсмертіи души рѣшается положительно*, фактически, осязательно. Философія и религія представляютъ нынѣ жалкое зрѣлище: религія совершенно опустошена раціонализмомъ; философія, уничтоживъ религію ничего не создала; разбивши вѣру, она не разрѣшила ея задачъ! Человѣкъ, поставленный между двумя противорѣчіями, отрицаетъ все: между разбитой вѣрой и неполной философіей, онъ, какъ оторванное звѣно, не зная какъ и для чего онъ созданъ? Чтобъ признать безсмертіе души, религія требуетъ отъ него вѣры, философія умозрительныхъ доказательствъ, наука фактовъ, — и ничего этого онъ дать не въ состояніи! Вѣрить онъ болѣе не можетъ, а хочетъ знать; и не зная ничего положительнаго о душѣ своей, онъ весь отдался матеріализму! Но нынѣ на великій запросъ данъ великій отвѣтъ: матеріализмъ требовалъ матеріальнаго доказательства безсмертія души, и это до-

казательство явилось; онъ требовалъ знанія, и это знаніе ему дано; безсмертіе души уже не догматъ, а фактъ. Волею или неволею наука должна будетъ признать эту истину, и отнынѣ вѣчный разладъ философіи съ религіей прекращается. Спиритуализмъ является для нихъ *началомъ примирительнымъ*, на основаніи котораго, начнется для той и другой новая эпоха развитія.

Что же такое *Спиритуализмъ?*

Десять лѣтъ тому назадъ не было и помину о немъ въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ нынѣ. Въ настоящее время, подъ этимъ словомъ разумѣется, какъ самое сообщеніе съ міромъ духовнымъ и духами, чрезъ такъ называемыхъ *медіумовъ* (посредниковъ), или чрезъ другіе приспособленные къ тому физическіе снаряды, — такъ и самое ученіе, которое вытекаетъ изъ этихъ сообщеній; вообще же, все относящееся до явленій, приписываемыхъ вліянію духовнаго міра, и совершающихся чрезъ посредство предметовъ одушевленныхъ или неодушевленныхъ. Медіумомъ называется тотъ человѣкъ, который, по особенностямъ тѣлеснаго сложенія своего, служитъ орудіемъ или посредникомъ, для сношеній отрѣшеннаго духа съ духомъ во плоти, и для произведенія чрезъ него различныхъ явленій, въ области вещественнаго міра. Спиритуализмъ, прежде всего для всякаго посторонняго человѣка, есть фактъ, а не ученіе. Онъ не имѣетъ ни признанныхъ представителей, ни верховныхъ учителей, ни коноводовъ; эта не секта, и не таинство; его явленія совершаются не во тмѣ, и не въ тиши, но гласно, всенародно, и по всему земному

шару! Онъ не требуетъ слѣпой вѣры, или восторженной преданности, но доказываясь фактомъ, онъ постоянно, и настойчиво, взываетъ къ свободному суду разума. Словомъ, явленія его основаны на всеобщей способности человѣческой природы, и всякій желающій провѣрить этотъ законъ, съ искреннимъ желаніемъ дойти до истины, можетъ легко въ этомъ убѣдиться.

Спиритуализмъ развился преимущественно въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, потому что для него нужна была почва свободная: принося факты и убѣжденія, онъ разрушаетъ въ дѣлѣ вѣры всякую церковность и догматизмъ. Онъ представляетъ міръ Божій въ той простотѣ, которая свойственна всякой истинѣ, и потому не легко допускается тѣми, для которыхъ свобода мысли грѣхъ, которые хотятъ видѣть истину только въ томъ, что согласуется съ ихъ прежними убѣжденіями, или не вѣрятъ, чтобъ божеская истина могла находиться внѣ рамки догматическаго ученія церкви. Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, считается въ настоящее время болѣе двухъ милліоновъ Спиритуалистовъ, т. е. людей знакомыхъ съ ученіемъ Спиритуализма и признающихъ подлинность его явленій, въ томъ смыслѣ, какъ мною изложено выше; изъ числа этихъ людей десятки тысячъ служатъ медіумами, и распространяютъ его ученіе словомъ и дѣломъ: ихъ роль, хотя и страдательная, есть тѣмъ не менѣе живая проповѣдь. Во Франціи, Англіи и Германіи, движеніе не такъ сильно, но идетъ впередъ.

Для желающихъ познакомиться съ этимъ пред-

метомъ ближе, не могу, на первый случай, сдѣлать лучше, какъ указать на главныя сочиненія по этой части. Въ Америкѣ: *A. J. Davis.* Principles of nature and her divine revelations. New York (начала природы и ея Божественныя откровенія). 2 vol. in 8. Первое изданіе вышло въ Лондонѣ въ 1847, у Chapman'а. — *Его же:* Great Harmonia (великая гармонія), New York. 1854—62. 5 vol. in 8. — Philosophy of Spiritual intercourse (философія сообщеній съ духовнымъ міромъ). New York; и другія. Его сочиненія, какъ излагающія, не только внѣшнюю сторону Спиритуализма, но и философію его ученія, можно считать самыми замѣчательными. — *Spiritualism by Edmonds and Dexter.* New York. 1854. 2 vol. in 8; первый изъ нихъ, весьма извѣстное и уважаемое въ Соединенныхъ Штатахъ лице, занимавшее тамъ должность судьи и вынужденное оставить ее за честное и смѣлое исповѣданіе убѣжденія, къ которому привелъ его личный опытъ; второй, докторъ медицины и медіумъ. — *Hare.* Experimental investigations on the spiritual manifestations, etc. (опытныя изслѣдованія духовныхъ явленій, доказывающія бытіе духовъ и сообщеніе ихъ съ человѣкомъ). New York. 1856. Авторъ этой книги, бывшій профессоръ химіи и физики въ Пенсильванскомъ университетѣ, давно извѣстенъ въ ученомъ европейскомъ мірѣ. Для изслѣдованій своихъ, онъ построилъ особенные физическія снаряды, которые, по всѣмъ извѣстымъ доселѣ въ наукѣ законамъ, не могли быть приведены въ движеніе какою либо обыкновеннаою физическою силою. — Спиритуализмъ породилъ въ Соединенныхъ Штатахъ уже

цѣлую литературу, ибо тамъ насчитывается до 300 сочиненій по этой части; но здѣсь, не мѣсто распространяться объ этомъ. Изъ журналовъ, которыхъ тамъ выходитъ около двѣнадцати, упомяну слѣдующіе: *Herald of Progress,* издаваемый A. J. Davis'омъ въ New York'ѣ, и *Banner of Light,* издаваемый въ Бостонѣ. — Въ Англіи: *Owen.* Footfalls on the boundary of another world. London. Авторъ книги, бывшій англійскій посланникъ при неаполитанскомъ дворѣ.— *Spiritual Magazine,* ежемѣсячный журналъ, издаваемый въ Лондонѣ Wilkinson'омъ. — Во Франціи: *Guldenstubbé.* Realité des esprits prouveé par leur ecriture directe. Paris 1857. — *Goupy.* Explication des tables parlantes. Paris 1860. — *Kardeck.* Le livre des esprits. — *Id.* Le livre des mediums. — *Cahagnet.* Arcanes de la vie future devoilés, 1848. — *Id.* Encyclopedie magnétique-spiritualiste, 1854—1859. — *Mirville.* Des esprits et de leurs manifestations fluidiques, 1854.— *Gougenot des Mousseaux.* La magie au XIX siecle et ses mediateurs. Paris 1861—1863. — Изъ издающихся журналовъ: *Pierart.* La revue spiritualiste. — *Kardeck.* La revue spirite. — *Guerin.* Le progrés spiritualiste. — *Le Spiritualiste,* издававшійся въ Сѣверной Америки, въ la Nouvelle Orleans, 1857 до 1858. — Въ Германіи: *Hornung.* Neue Geheimnisse des Tages. — *Id.* Neueste Erfahrungen aus dem Geisterleben. Leipzig 1858.— Въ Швейцаріи: Докторъ *Roessinger.* Journal de l'ame. Genève, 1856—1860.

Нѣкоторые писатели, занявшись Спиритуализмомъ, признали подлинность его явленій, но приписали ихъ цѣликомъ нечистой силѣ и объявили вредными. Дру-

гіе, какъ-то, Maury, Morin, Perty, Schindler и Szapary, занявшись изслѣдованіемъ этихъ фактовъ, точно также признали ихъ, но объяснили иначе: отвергая въ нихъ всякое участіе духовнаго міра, и разумныхъ, невидимыхъ личностей, т. е. духовъ, они стараются объяснить эти явленія особыми теоріями безсознательнаго дѣйствія внутреннихъ силъ самого человѣка. Ходъ понятій давно извѣстный въ исторіи: отъ полнаго отрицанія, люди приходятъ къ признанію очевидныхъ фактовъ, но хотятъ понимать ихъ по своему, по мѣркѣ усвоенныхъ ими знаній и убѣжденій; затѣмъ, признается и истина. Тоже самое недавно было съ магнетизмомъ и гомеопатіей, которые прежде отвергались безпрекословно, а теперь уже допускаются какъ факты; такой же участи подвергается нынѣ и Спиритуализмъ въ ученомъ мірѣ.

Всякое христіанское исповѣданіе, которое по преданію и по вѣрѣ признаетъ безсмертіе души, ея индивидуальность въ томъ мірѣ, бытіе ангеловъ и святыхъ, сообщеніе ихъ съ человѣкомъ, и вообще вліяніе того міра на здѣшній, — не могло не признать фактической стороны Спиритуализма, но, подобно нѣкоторымъ ученымъ, приписало всѣ его явленія нечистой силѣ, дьяволу. На сколько основателенъ такой приговоръ, будетъ ясно изъ тѣхъ общихъ выводовъ, къ которымъ приводитъ Спиритуализмъ; ибо важнѣйшее въ немъ, не тѣ диковинныя явленія, въ области физическаго міра, которыми забавляется невѣрующее, и вмѣстѣ съ тѣмъ жадное до всего чудеснаго человѣчество, — но то ученіе, которое вытекаетъ изъ получаемыхъ сообщеній.

Вотъ что Спиритуализмъ доказываетъ:

1. Человѣкъ есть органическое духовное существо или духъ, и вещественное тѣло его есть вообще изображеніе этого духа.

2. Смерть человѣка есть ничто иное, какъ физіологическое и химическое измѣненіе его тѣла, при чемъ разумъ и чувства остаются неприкосновенными, такъ, что личность духа, послѣ смерти, сохраняется вполнѣ и продолжаетъ жить въ вѣчности.

3. Динамическія отношенія между землею и духовнымъ міромъ непрестанны и неизмѣнны, вслѣдствіе чего, отшедшіе въ тотъ міръ, могутъ входить въ сношеніе съ оставшимися (Davis. Great Harmonia. part. V. p. 249).

Вотъ чему Спиритуализмъ учитъ:

1. Богъ есть любовь и истина. Великій центръ положительной силы, къ которому стремится всякая тварь. Онъ есть самый законъ и порядокъ, и ничто въ мірѣ не совершается внѣ установленыхъ законовъ.

2. За незнаніемъ законовъ природы, мы называли сверхъестественнымъ и чудеснымъ то, что совершалось по тѣмъ же естественнымъ законамъ, какъ и все прочее; по такимъ же законамъ совершается и сообщеніе человѣка-духа, съ человѣкомъ во плоти, міра духовнаго съ вещественнымъ. Это сообщеніе въ порядкѣ вещей; оно обусловливается нѣкоторыми законами духа и тѣла, вслѣдствіе чего, одинъ человѣкъ способенъ входить въ сношеніе съ духовнымъ міромъ и быть медіумомъ, а другой нѣтъ. Равно и внѣшнія проявленія изъ духовнаго міра, совершающіяся чрезъ предметы неодушевленные, не чудеса, а происходятъ

при извѣстной обстановкѣ внѣшнихъ условій, отъ коихъ зависитъ ихъ возможность.

3. Душа человѣческая естественно безсмертна, т. е. ея безсмертіе есть слѣдствіе законовъ естественнаго порядка вещей; тутъ нѣтъ чудеснаго. Законъ этого явленія: сродство и взаимное притяженіе духовныхъ частицъ, образующихъ человѣческое *я*, сильнѣе всякаго посторонняго притяженія; вслѣдствіе этого, духъ человѣка не распадается; его самость есть нерушимый, положительный центръ, чрезъ который онъ относится ко всему окружающему. (Davis, Gr. Harm. p. V. p. 395.)

4. Душа, по отрѣшеніи отъ тѣла, переходитъ въ міръ духовный, сохраняя свою индивидуальность, и облекаясь въ духовное тѣло, образъ котораго вполнѣ человѣческій.

5. Міръ духовный есть міръ подобный здѣшнему, но міръ образовъ и предметовъ духовныхъ, которые для тѣла духовнаго, столь же осязательны и видимы, какъ вещественные для тѣла земнаго.

6. Отъ жизни нашей на землѣ будетъ зависить и состояніе жизни нашей въ томъ мірѣ; оно будетъ согласно со степенью развитія любви и разума нашего здѣсь. Одинъ законъ жизни: любить Бога, любя ближняго.

7. Душа въ томъ мірѣ продолжаетъ вѣчно развиваться и усовершенствоваться. Законъ развитія — міровой законъ. Что называется адомъ, есть состояніе искушенія и нравственной муки для преступившихъ законъ природы, относительно духа или тѣла: лишь дѣломъ искупается дѣло, лишь добромъ искупается зло; поколѣ человѣкъ, сознавши зло свое, не

перейдетъ къ добру, потолѣ онъ и въ аду. Изъ этого видно, что понятіе объ этомъ состояніи условно; передъ вѣчностію оно не можетъ быть вѣчнымъ, и каждый человѣкъ рожденъ для блаженства.

Кажется трудно признать, чтобъ ученіе, выражающееся такъ просто и высоко, могло быть отъ нечистой силы или дьявольское! Скорѣе можно сказать, что тутъ нѣтъ ничего новаго; что эти начала болѣе или менѣе уже давно проповѣдуются разными религіями; что они не только не противны *духу* Христіанскаго ученія, но утверждаютъ и развиваютъ его. Ужели Христіанское ученіе не всемірное? Для чего же тогда каждому человѣку строить его по своему, келейно, самовластно, клеймя все прочее названіемъ ереси?

Читатель предлагаемаго сочиненія увидитъ, что то, что нынѣ *доказывается* и проповѣдуется Спиритуализмомъ, вполнѣ сходно, въ главныхъ чертахъ, съ тѣмъ, что съ такою отважною искренностію, было высказано Сведенборгомъ за сто лѣтъ тому назадъ: тотъ же міръ духовный въ образахъ видимыхъ и осязаемыхъ, тоже понятіе о смерти и душѣ человѣческой, тѣже законы жизни нравственной и быта небеснаго. Вѣчность ада и нѣкоторые догматическіе оттѣнки, вотъ вся разница. Сведенборгъ можетъ быть справедливо названъ предтечею Спиритуализма. Въ свою очередь, Спиритуализмъ, подтверждая фактически видѣнія великаго духовидца, снимаетъ съ него тотъ укоръ мистицизма и помѣшательства, который доселѣ почти что затмѣвалъ его славу, даже какъ глубокаго естествоиспытателя и философа. Вотъ почему сочиненіе

его *о Небесахъ и Мірѣ Духовъ* издается въ настоящее время. Мнѣ думается, что оно теперь можетъ быть читано съ бо̀льшимъ довѣріемъ, или по крайней мѣрѣ, имѣетъ болѣе права на вниманіе всякаго добросовѣстнаго любителя истины.

Богословскія сочиненія Сведенборга породили секту, — вотъ обыкновенная, несчастная участь великой мысли, сданной на руки человѣчеству; такъ склоненъ и любитъ человѣкъ jurare in verba magistri! Не смотря на всю духовность и широту ученія шведскаго теософа, послѣдователи его остались при буквѣ его; они поражены громадностію его откровеній и не идутъ далѣе; онъ для нихъ не ступень, а центръ! Назвавъ вѣру разумомъ и знаніемъ, они тѣмъ не менѣе отказались отъ разума и знанія, поставивъ себя въ безисходный кругъ догматизма! И что удивительно, имъ бы казалось быть первыми защитниками Спиритуализма, имъ бы слить въ одно тѣ общія начала, которыя вытекаютъ изъ одного источника — и что же вышло? Они становятся, на этотъ случай, врядъ съ католицизмомъ и признавая фактъ, объявляютъ его демонскимъ, потому только, что Сведенборгъ считаетъ сообщенія съ духовнымъ міромъ противными порядку; послѣдователи его забываютъ, что Сведенборгъ говорилъ *во времени*, и что если порядокъ былъ нарушенъ, то согласно его же ученію, онъ долженъ быть возстановленъ.

Но въ предлагаемомъ сочиненіи насъ занимаетъ не богословская и догматическая его сторона, — изъ этого всякій приметъ то, что ему ближе, сроднѣе; для насъ важны тѣ положительныя свѣденія, которыя

Сведенборгъ сообщаетъ намъ о духовномъ мірѣ, по личному опыту; онъ для насъ не богословъ, а духовидецъ или медіумъ. Въ этомъ отношеніи, его сочиненіе *о Небесахъ и объ Адѣ* единственное, по настоящее время, которое съ такой подробностію и отчетливостію, съ такой систематичностію, и такимъ глубоко-философскимъ разумомъ, раскрываетъ намъ весь бытъ загробной жизни. Многое въ этомъ сочиненіи можетъ показаться страннымъ и непонятнымъ, что на первый взглядъ обыкновенно осмѣивается и отвергается. Не должно забывать, что Сведенборгъ былъ человѣкъ, и какъ бы не было высоко его озарѣніе, онъ все таки былъ подъ впечатленіемъ личныхъ вѣрованій и воззрѣній; многое могло быть принято имъ за безусловное и вѣчное, что было только представленіемъ условнымъ и временнымъ: допустивъ эту условную истинность, все непонятное легко объясняется. Ктому же, странности, поражающія читателя, относятся большею частію до мелочей и подробностей; ихъ должно отстранить и ограничиться тѣми общими данными, которыя вытекаютъ изъ видѣній Сведенборга. Сила не въ подробностяхъ и частностяхъ, а въ общихъ понятіяхъ; *мысли* принадлежатъ данной личности и забываются, а міровыя *начала* принадлежатъ человѣчеству и вѣчны. Въ этомъ смыслѣ нельзя не признать, что предлагаемое сочиненіе написано въ духѣ самаго чистаго, высоко-нравственнаго Христіанскаго ученія; *начала* высказанныя Сведенборгомъ отъ первой и до послѣдней страницы этой книги, равно какъ и *начала* утверждаемыя Спиритуализмомъ, суть *начала* общечеловѣческія и міровыя, а потому и Христіанскія.

Геніальная личность Сведенборга, признанная нынѣ такою въ наукѣ, сбивала съ толку и вѣры, когда дѣло касалось его видѣній; нынѣ такія личности живутъ и пишутъ, и мы можемъ изучить ихъ вживѣ! Самая замѣчательная изъ нихъ есть, безспорно, Andrew Jackson Davis, авторъ вышепомянутаго сочиненія Principles of Nature, и многихъ другихъ. Это сочиненіе стольже замѣчательно по содержанію своему, какъ и по способу появленія: оно было продиктовано Девисомъ въ состояніи магнетическаго усыпленія, въ видѣ чтеній, которыя продалжались полтора года. Чтенія эти открыты были для всѣхъ, и на рукописи, состоящей изъ 157 диктовокъ, приложены подписи 267 свидѣтелей, въ разное время присутствовавшихъ при самихъ чтеніяхъ. Авторъ этого сочиненія былъ тогда молодой человѣкъ лѣтъ двадцати. Сынъ башмашника, онъ воспитался въ этомъ ремеслѣ, и продолжалъ заниматься имъ до 1843 г.; въ этомъ году, онъ впервые подвергся магнетическому дѣйствію Г. Левингстона и сталъ замѣчательнымъ ясновидящимъ; въ началѣ, онъ посвятилъ себя леченію больныхъ, а въ 1845 году, 27 ноября, онъ уже открылъ свои чтенія. Личное образованіи его тогда было самое ограниченное: онъ едва умѣлъ порядочно читать и писать, а въ ариѳметикѣ былъ знакомъ только съ первыми правилами ея; вообще его познанія не простирались далѣе тѣхъ, которыя получаются въ обыкновенномъ уѣздномъ училищѣ. Эта внѣшняя обстановка очень хорошо извѣстна въ Соединенныхъ Штатахъ, и способъ явленія упомянутой книги никѣмъ не опровергается: это фактъ, облеченный во всю силу исторической досто-

вѣрности. Сама же книга есть филофское изложеніе началъ природы, созданія вселенной и ея міровыхъ законовъ. Объяснивъ вообще образованіе нашей солнечной системы, описавъ ея планеты и жителей ихъ, Девисъ переходитъ къ подробному изложенію геологическаго образованія нашей земли и постепеннаго развитія всѣхъ трехъ царствъ природы. Затѣмъ онъ говоритъ о происхожденіи человѣка и рѣчи его; о первобытныхъ народахъ, и миѳологической теологіи; о первоначальныхъ вѣрованіяхъ и откровеніяхъ; о человѣкѣ физическомъ и духовномъ, и о законахъ различныхъ способностей его. Описавъ процессъ смерти, онъ вводитъ человѣка во вторую сферу его жизни или въ міръ духовный, раскрывая передъ нимъ конечную цѣль его существованія въ прочихъ сферъ духовнаго міра, и останавливаясь передъ созерцаніемъ седьмой, какъ великаго духовнаго солнца вселенной, престола мудрости и любви Божественой. — О достоинствѣ содержанія и изложенія всего лучше посудитъ самъ читатель; по отзыву же прочихъ, сочиненіе это выдерживаетъ самую строгую ученую и философскую критику: при такихъ условіяхъ, оно есть одно изъ самыхъ диковинныхъ явленій нашего вѣка. Послѣ того, Девису не нужно было болѣе впадать въ усыпленіе, и онъ сталъ произвольно переходитъ въ высшее духовное состояніе, въ которомъ, пріобщаясь міру причинъ, онъ почерпаетъ свои вдохновенія.

Исторія Спиритуализма и подробное изложеніе ученія его, будутъ цѣлью моихъ послѣдующихъ трудовъ.

Парижъ, 1|13. Января 1863 г. А. А.

БІОГРАФІЯ СВЕДЕНБОРГА.*)

Въ ряду первыхъ знаменитостей Скандинавіи встрѣчается имя, возбудившее въ свою эпоху много превратныхъ толковъ и мнѣній, имѣющее съ одной стороны, глубокихъ почитателей, съ другой, до сихъ поръ служащее для большинства предметомъ тупаго удивленія и любопытства, какъ имя какого-то духовидца, съ такимъ невѣжествомъ и легкомысліемъ поставленное общимъ мнѣніемъ подлѣ имени Каліостро, и подобныхъ ему прошлецовъ человѣчества. Говоримъ о государственномъ и ученомъ мужѣ Швеціи, снискавшемъ особенную довѣренность ея воинственнаго короля и европейскую извѣстность между учеными современниками, — о Эмануилѣ Сведенборгѣ.

*) Перепечатано, съ нѣкоторыми сокращеніями, изъ Финскаго Вѣстника 1846 г.? Въ послѣднее время писали о Сведенборгѣ, Шлейденъ въ очеркахъ своихъ, Эмерсонъ въ своихъ *Representative men*. — Весьма обстоятельная біографія помѣщена въ *Compendium of the theological writings of Swedenborg*, недавно изданномъ въ Boston'ѣ, 1854 г. — Для большихъ подробностей желающіе могутъ обратиться въ журналы *Intellectual Repository*, издаваемый въ Лондонѣ, и *Revue de la Nouvelle Jerusalem* издававшуюся въ Парижѣ въ 1842 — 49 г. — Въ настоящее время, извѣстный французскій писатель Matter занимается составленіемъ новой біографіи Сведенборга. — См. также Tafel, Urkunde über Swedenborg. Tübingen, 1824—42. *Пр. Пер.*

Онъ родился въ Стокголмѣ, 29-го января 1688 года. Отецъ его, докторъ Іесперъ Сведбергъ, происходившій отъ старинной шведской фамиліи, былъ епископомъ и полковымъ священникомъ королевской гвардіи. Молодой Эмануилъ, одаренный счастливѣйшими способностями, получилъ отличное образованіе въ упсальскомъ университетѣ и съ раннихъ лѣтъ отличался неутомимымъ стремленіемъ къ пріобрѣтенію познаній. — Его занятія обнимали филологію, философію, всѣ отрасли математики, астрономію и вообще всѣ естественныя науки. Первыми трудами его, изданными въ свѣтъ, были: въ 1709 году, академическая диссертація, имѣвшая предметомъ изрѣченія римскихъ философовъ, и, въ 1710 года, собраніе латинскихъ стихотвореній, подъ названіемъ *Ludus Heliconicus,* обнаруживающихъ, при изящной отдѣлкѣ, рѣдкую живость воображенія. Вскорѣ за тѣмъ Сведбергъ, для довершенія своего образованія, предпринялъ путешествіе по Англіи, Голландіи, Франціи и Германіи, и въ продолженіи четырехъ лѣтъ посѣщалъ знаменитѣйшіе ихъ университеты. Съ особенною любовью предался онъ изученію математики, астрономіи, механики и физики, и по возвращеніи своемъ издалъ въ Стокгольмѣ, въ 1716 году, свои математическіе и физическіе опыты и замѣчанія, подъ названіемъ: *Daedalus hyperboreus,* доставившіе ему извѣстность между учеными. Эти труды и дѣятельность Сведберга обратили на него особенное вниманіе Карла XII, и король, изъ уваженія къ талантамъ молодаго математика, назначилъ его, въ 1716 году (28 лѣтъ), безъ всякаго съ его стороны искатель-

ства, чрезвычайнымъ ассесоромъ королевской горной коллегіи, оставляя, впрочемъ, на его волю принятіе на себя этой важной въ Швеціи должности. Съ этого времени Сведбергъ пользовался отличною довѣренностью короля, который искалъ нерѣдко его общества, — и въ 1718 году, при осадѣ Фридрихсгаля, имѣлъ случай оказать Карлу особенную услугу изобрѣтеніемъ механическаго снаряда, посредствомъ котораго перекатилъ черезъ горы и долины, отдѣляющія Швецію отъ Норвегіи, на разстояніи двухъ съ половиною миль (болѣе 20 верстъ), двѣ галеры, пять большихъ лещадей и одну шлюбку, употребленныя Карломъ для перевозки осадной артиллеріи подъ самыя стѣны Фридрихсгаля. Эта заслуга и новые труды*) ученой дѣятельности Сведберга были оцѣнены шведскимъ правительствомъ, и признательная королева Ульрика Элеонора возвела его, въ 1719 г., въ дворянское достоинство, съ которымъ и соединено почетное переименованіе Сведберга въ Сведенборга.

Обязанности Сведенборга, какъ человѣка и гражданина, всегда были для него предметомъ самаго добросовѣстнаго исполненія.**) Проникнутый этимъ

*) Онъ издалъ тогда: Предложеніе о установленіи цѣны монетъ и введеніи мѣръ въ Швеціи, съ простѣйшими подраздѣленіями. — Разсужденія о высотѣ приливовъ, и о великомъ приливѣ и отливѣ океана, въ давнюю эпоху, съ изложеніемъ доказательствъ, какія представляетъ этому почва Швеціи. — Трактатъ о положеніи земли и планетъ, и проч.

**) На многихъ его рукописяхъ найдена внизу страницъ слѣдующая замѣтка:

1. Часто читать Слово Божіе и размышлять о немъ.

2. Покорять себя во всемъ волѣ Божественнаго промысла.

убѣжденіемъ, Сведенборгъ, имѣя всѣ нужныя теоретическія свѣдѣнія въ основаніяхъ горнаго искусства, не хотѣлъ, однакожъ, вступить въ отправленіе предоставленной ему королемъ должности, не изучивъ совершенно металлургіи и вообще всего, относящагося къ добыванію и обработкѣ минераловъ. Съ этой цѣлью, чтобъ на самомъ производствѣ работъ, пріобрѣсть основательное практическое знаніе горнаго дѣла, онъ въ 1721 году, предпринялъ новое путешествіе, для обозрѣнія и изслѣдованія рудниковъ и разработки металловъ на горныхъ заводахъ въ Швеціи, Саксоніи и Брауншвейгѣ, а впослѣдствіи — въ Австріи и Венгріи. Среди этихъ занятій, Сведенборгъ неутомимо трудился и для науки, и обогатилъ ее многими сочиненіями, какъ собственно принадлежащими къ области минералогіи, химіи и физики, такъ и другими, по предмету астрономіи, гидростатики и кораблестроенія. Всѣ они изданы въ 1721—22 г. Письма Сведенборга, относящіяся къ этому времени, показываютъ, съ какимъ умѣньемъ пользовался онъ своимъ пребываніемъ за границей. Все, что̀ являлось замѣчательнаго въ ученомъ мірѣ, — всякое новое открытіе или важное сочиненіе, обращало на себя его дѣятельное вниманіе, и, въ ревностномъ содѣйствіи пользамъ своего края, онъ спѣшилъ познакомить съ ними своихъ соотечественниковъ, пріобрѣтая

3. Соблюдать во всѣхъ поступкахъ истинное приличіе и хранить всегда неукоризненную совѣсть.

4. Исполнять честно и правдиво обязанности своего званія и долгъ службы, и стараться сдѣлать себя во всѣхъ отношеніяхъ полезнымъ членомъ общества.

и отправляя въ Швецію всѣ нужныя для этого матеріялы. Возвратясь въ Стокгольмъ, Сведенборгъ принялъ на себя должность ассесора, и съ этого времени ученая дѣятелность его сосредоточилась преимущественно на минеральномъ царствѣ природы, и на философическомъ изслѣдованіи и объясненіи явленій стихійнаго міра, основанномъ на началахъ математики. Онъ обработалъ по этому предмету обширное сочиненіе, которое напечаталъ въ 1734 году (въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ) подъ названіемъ: *Opera philosophica et mineralia* (философическіе и минералогическіе труды), въ трехъ томахъ *in folio*. Въ первомъ изложены его *Principia rerum naturalium, sive novorum tentaminum phaenomena mundi elementaris philosophice explicandi;* остальныя содержатъ описаніе способовъ и новѣйшихъ улучшеній горнаго дѣла, не только во всѣхъ земляхъ Европы, но и въ англійскихъ колоніяхъ, — съ чертежами горнилъ и инструментовъ. — Здѣсь Сведенборгъ вполнѣ развиваетъ основныя положенія своей строгообдуманной и превосходно связанной въ частяхъ системы, запечатленной характеромъ своеобразнаго, глубокомысленнаго взгляда на природу, смѣлостью новыхъ идей и обширной ученостію, — обнимая, притомъ, все, что только могло горное искусство того времени представить, относительно обработки употребительнѣйшихъ въ общежитіи металловъ. Это сочиненіе возвысило еще болѣе значеніе Сведенборга въ кругу европейскихъ ученыхъ, и они спѣшили изъявить ему знаки своего уваженія. Стокгольмская академія наукъ, основанная около того времени, и другія ученыя общества Европы избрали

его въ число своихъ членовъ; членомъ упсальской академіи онъ уже былъ и до этого времени. Тогда же и С. Петербургская академія наукъ прислала ему, отъ 17 декабря, 1734 года, дипломъ на званіе члена — корреспондента. — Сведенборгъ занялъ почетное мѣсто между представителями европейской учености.*)

Въ томъ же году онъ издалъ другое сочиненіе: *Prodromus Philosophiae Ratiocinantis de Infinito, de causa finali creationis et de mechanismo operationis animae et corporis.* За нимъ слѣдовали: *Oeconomia regni animalis* и *Regnum animale* (1744—1745), которымъ первое сочиненіе служитъ какъ бы вступительнымъ очеркомъ, и наконецъ, *De cultu et amore Dei,* изданное также въ 1745 году, въ Лондонѣ. Въ этихъ сочиненіяхъ философическія идеи Сведенборга получили новое развитіе, въ приложеніи ихъ къ животному царству природы и въ особенности къ человѣку; въ нихъ содержится трактатъ о безконечномъ и конечной цѣли творенія, о механизмѣ дѣйствія души и тѣла, и мимоходомъ, какъ и въ прежнихъ его сочиненіяхъ, сдѣлано много замѣчаній и приложеній, какихъ не встрѣчаемъ ни въ одномъ изъ предшествовавшихъ ему авторовъ. Вездѣ тотъ же глубокомысленный взглядъ, то же всеобъемлющее знаніе своего предмета, самостоятельность мыслей, полнота содержанія, и при этомъ, — характерическая черта Сведенборга, — всегдашнее отсутствіе желанья поражать одною внѣшностью, —

*) Почти черезъ 40 лѣтъ послѣ появленія этого сочиненія, вся его вторая часть, содержащая трактатъ о желѣзѣ и стали, переведена была на французскій языкъ, и помѣщена въ Description des Arts et Métiers.

еще менѣе, скажемъ мимоходомъ, усвоивать себѣ счастливые обороты другихъ, или ловко пользоваться чужимъ трудомъ, придавая ему видъ новости, своеобразнымъ изложеніемъ и блескомъ внѣшней отдѣлки.*)

Сочиненіемъ *De cultu et amore Dei* заключается рядъ собственно ученыхъ трудовъ и философическихъ изысканій Сведенборга. Какое бы значеніе ни имѣли

*) Одинъ англійскій литературный журналъ, Jerold's magazine, разбирая новое сочиненіе Фредерики Бремеръ, извѣстной шведской писательницы, коей романы и нравоописанія переведены на разные языки, обращаетъ вниманіе иностранныхъ читателей на шведскую литературу и на Сведенборга, какъ на ученѣйшаго автора и философа, и говоритъ о немъ слѣдующее (перепечатаное въ 1846 году и въ другихъ журналахъ Франціи, Англіи и Америки):

«Швеція, страна героевъ новой исторіи, есть также отечество самыхъ трудолюбивыхъ и глубокомысленныхъ испытателей тайнъ природы: Линея, составившаго каталогъ ея произведеній, и Сведенборга, проникнувшаго въ ея дѣйствія. Слава перваго принадлежитъ минувшему, но слава послѣдняго еще должна проявиться. Какъ ни медленно міръ принимаетъ открытія науки, какъ не готовъ онъ признать безразсуднымъ всякое противорѣчіе общепринятымъ идеямъ, однако, удивительно, что *Principia* Сведенборга, твореніе, признанное въ недавнемъ времени, однимъ изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ Европы, достойнымъ занять мѣсто подлѣ *Principes mathématiques de Philosophie Naturelle de Newton*, — было совершенно устранено отъ философскаго разсмотрѣнія, и что его великія творенія *Regnum Animale* и *Oeconomia* даже не были упомянуты у Кювье. Такое невѣденіе должно заставить насъ смириться, при оцѣнкѣ развитія человѣческой философіи! Вѣроятно ошибочное мнѣніе, вездѣ распространенное, было причиною этого небреженія: его ученые труды оставлены въ забвеніи, потому, что его теологическія писанія почитались твореніемъ духовидца. Самый поверхностный даже разборъ ученыхъ его сочиненій (нынѣ вновь публикуемыхъ въ точномъ переводѣ), можетъ доказать несправедливость сужденія о немъ, — и по одному факту, что онъ первый ввелъ въ свое отечество познаніе дифференціальнаго исчисленія, можно составить себѣ идею о математической точности и ясности его умственныхъ понятій.»

они въ области человѣческаго знанія, но путь, пройденный шведскимъ натуралистомъ-мыслителемъ на этомъ поприщѣ, глубоко поучителенъ. Видимъ, какъ постепенно, отъ разсматриванія вселенной въ конечныхъ явленіяхъ пространства и времени, Сведенборгъ веденъ былъ къ новой высшей дѣятельности — въ сферу безконечнаго..... Въ 1745 г., по собственнымъ словамъ его, ему дано было прозрѣть въ міръ духовный, и онъ вошелъ въ сообщеніе съ духами и ангелами.

Съ этого времени многосторонняя дѣятельность Сведенборга, призваннаго къ новому подвигу, приняла исключительно религіозное направленіе. Онъ (въ 1747 году) сложилъ съ себя обязанности государственной службы, чтобы совершенно посвятить себя своимъ новымъ занятіямъ,*) и только въ сеймахъ, которыхъ былъ членомъ, какъ глава дворянской фамиліи, постоянно принималъ онъ дѣятельное участіе,**) являясь всегда ревностнымъ и благороднымъ защитникомъ пользы страны своей, чуждымъ враждебнаго духа раздиравшихъ тогда Швецію партій, которыхъ страсти и крамолы довели ее наконецъ до крайней степени разстройства и политическаго ничтожества.

Съ 1745 года настала вторая половина богатой трудами жизни Сведенборга. Теологическія сочиненія

*) Король, изъ уваженія къ заслугамъ Сведенборга, предложилъ возвести его, при увольненіи отъ службы, въ званіе барона; но Сведенборгъ отклонилъ отъ себя эту почесть и просилъ короля только о пенсіонѣ половиннаго оклада, присвоеннаго мѣсту, которое онъ занималъ въ качествѣ ассесора горной коллегіи.

**) Самое основательное и превосходно изложенное мнѣніе о финансовой системѣ, представленное на сеймъ 1761 г., принадлежитъ ему.

его чрезвычайно многочисленны, и въ главѣ ихъ стоятъ: *Arcana Coelestia* (небесныя тайны), гдѣ Сведенборгъ изъясняетъ первыя девяносто главъ библіи, переведенныя имъ буквально съ подлинника (книги Бытія и Исхода). Первые томы этого огромнаго труда появились въ печати въ 1749 году, и ими начинается длинный рядъ, почти безостановочно слѣдовавшихъ одно за другимъ, его теологическихъ сочиненій. Бо̀льшая часть важнѣйшихъ изъ нихъ издана самимъ авторомъ; другія же напечатаны послѣ его смерти, — всѣхъ числомъ отъ 30 до 40 томовъ. Все это, какъ и прежнія сочиненія Сведенборга, написано по латыни. Но языкъ его, отличавшійся прежде чистотою и нѣкоторымъ изяществомъ, здѣсь особенно простъ, сжатъ и, при математической строгости выраженія, заключенъ болѣе или менѣе въ формы однообразныя.

Вотъ перечень главнѣйшихъ теологическихъ сочиненій Сведенборга:

Arcana coelestia (небесныя тайны), in quarto въ 8 томахъ. Лондонъ 1739—1756.

De coelo et inferno (о небѣ и адѣ) ib. 1758.

Sapientia angelica de divino amore et de divina sapientia, (мудрость ангельская о Божественной любви и Божественной премудрости.) Амстерд. 1763.

Sapientia angelica de divina providentia (мудрость ангельская о Божественномъ провидѣніи). Амстердамъ 1764.

Apocalypsis revelata, (Апокалипсисъ открытый). Амстердамъ 1766.

Wera christiana religio, (истинная христіанская религія). Лондонъ 1771.

Всѣ сочиненія свои, какъ видимъ, Сведенборгъ печаталъ въ Лондонѣ и Амстердамѣ, всегда съ собственноручныхъ манускриптовъ, писанныхъ, по словамъ его, прямо на бѣло, и потомъ разсылалъ ихъ по разнымъ университетамъ или раздавалъ духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ, извѣстнымъ въ ученомъ мірѣ своими трудами и значеніемъ. Другихъ путей Сведенборгъ не избиралъ для распространенія своего ученія, и далекъ былъ отъ духа сектаторства и старанія пріобрѣтать прозелитовъ......

Глубокая старость не ослабила духовной дѣятельности и тѣлесныхъ силъ Сведенборга. Въ 1771 году, еще разъ отправился онъ въ Лондонъ, въ намѣреніи издать при жизни послѣднее свое сочиненіе: *Wera christiana religio*, (истинная христіанская религія). Сведенборгъ успѣлъ въ этомъ; но предѣлъ земныхъ трудовъ его былъ уже близокъ: въ Лондонѣ, въ концѣ этого года, онъ былъ постигнутъ апоплексическимъ ударомъ, вслѣдствіе котораго и скончался 29 марта, 1772 года, на 85 году своей неутомимой жизни, посвященной высокому служенію истины.

Сведенборгъ былъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательнымъ явленіемъ нравственнаго міра, получивъ отъ природы одну изъ тѣхъ счастливыхъ организацій, какія даются въ удѣлъ не многимъ; съ глубокимъ, многостороннимъ умомъ и ясностію взгляда соединялись въ немъ прекрасныя качества души и сердца. Любовь къ человѣчеству, пламенное служеніе истиннымъ пользамъ своего края, при самомъ

строгомъ и ревностномъ исполненіи своихъ обязанностей, были постоянными руководителями Сведенборга на длинномъ поприщѣ его дѣятельной жизни. Онъ былъ истиннымъ философомъ, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, — неутомимъ въ трудахъ и скроменъ въ желаніяхъ. Не жаждая почестей, онъ всю жизнь довольствовался мѣстомъ ассесора, и послѣ 30 лѣтней службы искалъ только пенсіи, которая бы, вмѣстѣ съ оставшимся ему отъ отца состояніемъ, могла обезпечить нужды его неприхотливой жизни и доставить ему возможность, вполнѣ и со всею дѣятельностью, посвятить себя своему новому призванію.

Разказываютъ о Сведенборгѣ много, какъ о духовидцѣ.

Вотъ одно изъ этихъ происшествій, выдаваемыхъ за достовѣрныя:

Шведская королева Луиза Ульрика,*) желая лично убѣдиться въ справедливости того, что ей разказывали о духовидѣніи Сведенборга, вздумала подвергнуть его испытанію. Пригласивъ его однажды во дворецъ, королева между разговоромъ спросила у него, справедливо ли то, что онъ можетъ имѣть сношеніе съ умершими, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, спросила его, не можетъ ли онъ принять отъ нея порученіе къ недавноумершему ея брату (Принцу Вильгельму). Сведенборгъ отвѣчалъ, что онъ исполнитъ это съ большимъ удовольствіемъ; и королева

*) Супруга Адольфа Фридриха, возведеннаго на шведскій престолъ побѣдоносной волею русской императрицы, и сестра Фридриха Великаго.

отведя его въ сторону, изъявила желаніе узнать отъ него, о чемъ говорилъ съ нею братъ въ послѣднія минуты ихъ свиданія, передъ самымъ отъѣздомъ ея въ Стокгольмъ. — Королева очень хорошо знала, что принцъ никому бы не пересказалъ этого разговора, и она сама никогда не говорила о томъ ни съ кѣмъ. Чрезъ нѣсколько дней, Сведенборгъ явился съ отвѣтомъ во дворецъ, и по приглашенію королевы войдя съ ней въ особую комнату, въ присутствіи только государственнаго совѣтника графа Шверина, остававшагося въ нѣкоторомъ отдаленіи, передалъ ей разговоръ ея съ принцемъ, со всѣми подробностями мѣста, времени и обстоятельствъ, при которыхъ онъ происходилъ. Королева такъ поражена была этой неожиданностью, что почувствовала дурноту, и только чрезъ нѣсколько минутъ пришла въ себя отъ изумленія, какимъ образомъ Сведенборгъ могъ узнать то, что было тайною для всѣхъ, и извѣстно только ей и ея умершему брату.

(Извлечено изъ разсказа русскаго посланника при шведскомъ дворѣ, графа Мусина Пушкина, изъ писемъ и записокъ датскаго генерала Туксена, французскаго ученаго академика Тьебо (Thiebault), который лично спрашивалъ о томъ у шведской королевы, академика Пернетти, знаменитаго Канта, Юнга Штиллинга, и многихъ другихъ особъ).

Не менѣе замѣчательно слѣдующее происшествіе.

Послѣ внезапной кончины голланскаго посланника при стокгольмскомъ дворѣ, графа Мартевиля, ко вдовѣ его обратились съ требованіемъ, за поставку какихъ то вещей въ домъ покойнаго, значитель-

ной суммы денегъ, которую, какъ ей было извѣстно, мужъ ея заплатилъ въ свое время; но она не могла представить въ томъ полученной квитанціи, не зная, гдѣ ее отыскать. Въ такомъ положеніи она, по совѣту своихъ знакомыхъ, — болѣе, впрочемъ, изъ любопытства, чѣмъ изъ другихъ побужденій, — прибѣгнула къ Сведенборгу съ просьбою, узнать отъ покойнаго ея мужа, гдѣ положена квитанція, — на что̀ и получила отъ него согласіе. Чрезъ нѣсколько времени, Сведенборгъ пришелъ къ ней, и объявилъ, что видѣлся съ ея мужемъ и получилъ отъ него обѣщаніе заняться немедленно отысканіемъ росписки. Въ ту же ночь, г. Мартевиль явился женѣ своей во снѣ и сказалъ, въ какомъ именно мѣстѣ спрятана квитанція, которая и была тамъ найдена.

(Изъ записокъ Карла Робзама (Robsahm), коммисара стокгольмскаго банка, и изъ письма втораго мужа г-жи Мартевиль, датскаго генерала Ф. Е.)

Мы приведемъ здѣсь еще два замѣчательные случая. Вотъ одинъ изъ нихъ, о которомъ Кантъ собралъ всѣ нужныя свѣдѣнія.

Въ 1756 году, въ концѣ сентября, Сведенборгъ, только что возвратившійся изъ Англіи въ Готтенбургъ, обѣдалъ въ обществѣ нѣсколькихъ особъ, у одного изъ тамошнихъ жителей. Около шести часовъ вечера, онъ вышелъ изъ комнаты и воротился блѣдный и встревоженный, говоря, что въ Стокгольмѣ сильный пожаръ, и что пламя охватило уже значительную часть города. *) Въ безпокойствѣ онъ нѣс-

*) Готтенбургъ удаленъ отъ Стокгольма слишкомъ на 50 м.

колько разъ послѣ того оставлялъ комнаты и объявилъ наконецъ, что домъ такого-то его знакомаго уже превратился въ пепелъ, и что его собственный домъ находится въ большой опасности. Вышедши еще разъ около 8 часовъ, онъ возвратился уже съ лицомъ спокойнымъ, говоря: слава Богу, пожаръ погашенъ; огонь остановился за три дома отъ моего. — Все это произвело большое движеніе въ городѣ, и дошло до свѣденія губернатора, который на другой день пригласилъ къ себѣ Сведенборга, и получилъ отъ него подтвержденіе всего сказаннаго имъ накакунѣ, съ описаніемъ всѣхъ малѣйшихъ подробностей; а въ слѣдующій за тѣмъ день, пріѣхалъ изъ Стокгольма курьеръ съ извѣстіемъ о пожарѣ, который дѣйствительно происходилъ, какъ его описывалъ Сведенборгъ.

Слѣдующій анекдотъ разсказанъ Юнгомъ Штиллингомъ въ его сочиненіи (Theorie der Geisterkunde).

Въ семидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія, говоритъ онъ, жилъ въ Эльберфельдѣ (въ герцогствѣ Бергскомъ) одинъ негоціантъ, съ которымъ я былъ связанъ самою тѣсною дружбой. Это былъ глубокій мистикъ, въ высшемъ значеніи слова, человѣкъ свѣтлаго ума и самой неукоризненной честности, который не сказал ъбы умышленной лжи ни за какія блага жизни. Этотъ другъ, давно уже отшедшій изъ міра, разсказывалъ мнѣ, что однажды онъ былъ по дѣламъ своимъ въ Амстердамѣ, гдѣ въ то время находился также Сведенборгъ, о которомъ онъ слышалъ и читалъ много удивительнаго. Желая съ нимъ познакомиться и узнать его короче, другъ мой рѣшился идти къ нему, и нашелъ старика весьма пріятной наруж-

ности, который принялъ его очень вѣжливо и попросилъ сѣсть. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, негоціантъ сказалъ: г. ассесоръ, сочиненія ваши, произвели на меня глубокое впечатлѣніе, но источникъ, изъ котораго вы почерпаете......... извините, это такъ необыкновенно, такъ недоступно для ума, что вы, надѣюсь, не оскорбитесь желаніемъ правдиваго друга истины, ежели онъ попроситъ у васъ неопровержимаго доказательства дѣйствительности вашихъ сношеній съ духовнымъ міромъ....... У меня былъ другъ, который учился богословію въ одномъ изъ германскихъ университетовъ и умеръ еще бывши студентомъ. Незадолго до его смерти, я имѣлъ съ нимъ очень важный разговоръ; можете ли узнать отъ него, о чемъ мы съ нимъ говорили? — Хорошо, я посмотрю, отвѣчалъ Сведенборгъ; какъ звали вашего друга? — Негоціантъ сказалъ его имя. — Зайдите ко мнѣ дня черезъ два, три; я увижу, могу ли найти его. — Чрезъ нѣсколько дней, негоціантъ снова посѣтилъ Сведенборга, который встрѣтилъ его съ улыбкою и сказалъ: я говорилъ съ вашимъ другомъ; предметомъ разговора вашего было возстановленіе всѣхъ вещей. И тутъ, Сведенборгъ разсказалъ ему со всею точностью, что̀ онъ и что̀ другъ его утверждали въ этомъ разговорѣ.

Въ концѣ 1771 года Сведенборгъ, какъ мы уже сказали, былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ, вслѣдствіе чего лишился употребленія языка и впалъ въ состояніе летаргіи. Однакожъ, онъ вскорѣ оправился, снова могъ говорить, и уже до самой своей кончины, сохранилъ во всей полнотѣ чувство самосознанія и умственныя силы. Въ продолженіи болѣзни

онъ былъ посѣщаемъ почти исключительно небольшимъ числомъ друзей своихъ и замѣтно чуждался общества. Между послѣдними былъ одинъ шведскій священникъ Ферелiусъ. Во время своихъ посѣщеній, этотъ другъ Сведенборга неоднократно спрашивалъ его, что̀ онъ думаетъ о исходѣ своей болѣзни, и получалъ въ отвѣтъ каждый разъ, что онъ долженъ отъ нея умереть. Вслѣдствіе этого, Ферелiусъ, спросилъ его, не намѣренъ ли онъ передъ смертью, для обнаруженія истины, отрѣчься, можетъ быть, отъ чего нибудь изъ того, что̀ онъ написалъ. На это Сведенборгъ, поднявшись на кровати и положивъ руку на грудь, отвѣчалъ съ нѣкоторымъ жаромъ, свидѣтельствуя истину всего имъ написаннаго и прибавя, что онъ могъ бы написать гораздо болѣе, еслибъ это было ему позволено. Священникъ обратился къ нему съ вопросомъ, не желаетъ ли онъ пріобщиться святыхъ таинъ, на что Сведенборгъ изъявилъ согласіе и благодарилъ друга, спросивъ при этомъ, читалъ ли онъ его изъясненіе тайной вечери. Въ слѣдъ за тѣмъ, съ величайшимъ благоговѣніемъ произнесъ онъ покаяніе въ грѣхахъ, и принялъ святое причастіе. Подобное разсказываетъ еще нѣкто Гартлей, докторъ богословія, который, въ сопровожденіи одного изъ своихъ друзей, посѣтивъ Сведенборга за нѣсколько дней до его смерти, именемъ дружбы и вѣчности убѣждалъ его открыто объявить, точно ли истинно все, что написалъ онъ относительно предметовъ религіозныхъ. Все, мною написанное, чистая истина, — былъ твердый отвѣтъ Сведенборга; и вы впослѣдствіи, съ каждымъ днемъ, будете болѣе и болѣе убѣждаться въ этомъ.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ.

Слогъ Сведенборга, во всѣхъ его богословскихъ сочиненіяхъ, отличается математическою точностію употребляемыхъ выраженій, и простотою, доходящею даже до сухости; въ подобнаго рода сочиненіяхъ, это скорѣе достоинство, чѣмъ недостатокъ. Я старался передать подлинникъ какъ можно ближе, чтобъ читатель могъ получить вѣрное понятіе о слогѣ самого автора; но я не упускалъ изъ виду главную цѣль перевода, а именно, его понятность и общедоступность: поэтому, передавая почти всегда одинаково одни и тѣже выраженія автора, я однакожъ, иногда, замѣнялъ ихъ другими, болѣе общеупотребительными, когда, по смыслу, оказывалась въ этомъ надобность; при этомъ, я всегда сопоставлялъ и латинское выраженіе, дѣлая тоже самое и для всякаго другаго слова, когда для полнѣйшаго уразумѣнія его находилъ это полезнымъ. Переводя съ подлинника, я пользовался и французскимъ и англійскимъ переводомъ. Первый сдѣланъ съ дословною точностію: въ немъ сохранены даже всѣ частицы и почти вся пунктуація подлинника, которая весьма небрежна;

вслѣдствіе этого переводъ читается съ трудомъ и кажется темнымъ. Второй несравненно лучше: при такой же точности, онъ ясенъ и легокъ; но разбивъ всѣ періоды на отдѣльныя фразы, онъ впалъ, я нахожу, въ другую крайность. Я избралъ середину, и старался сохранить, по возможности, полноту латинскаго періода. Нечего говорить о томъ, что переводъ всякаго философскаго сочиненія на русскій, представляетъ не мало трудностей; тѣмъ болѣе было ихъ въ этомъ дѣлѣ, что у Сведенборга встрѣчаются слова, которыя употребляются имъ въ особомъ значеніи: я старался пріискать для нихъ равнозначущія выраженія въ нашей письменной, народной, или Славянской рѣчи, не прибѣгая къ составленію новыхъ словъ, какъ вынуждены были это сдѣлать Французскіе и Англійскіе переводчики, не смотря на сходство ихъ языковъ съ латинскимъ. Главное дѣло, въ философскомъ сочиненіи, точное опредѣленіе выраженій; поэтому я и счелъ должнымъ представить вслѣдъ за симъ, съ нѣкоторыми объясненіями, списокъ всѣхъ тѣхъ словъ, которыя употреблены мною въ этомъ переводѣ въ особомъ значеніи, и которыя могли бы, для иныхъ, показаться непонятными, а для другихъ, быть вовсе неизвѣстными.

Благо. Bonum. Я принялъ это слово, а не *добро*, потому что оно можетъ употребляться и во множественномъ числѣ, что весьма хорошо передаетъ оттѣнокъ латинскаго bona. Выраженіями *благо по истинѣ*, *благо по вѣрѣ*, *зло по лжи*, и на оборотъ, *истина по благу*, *ложь по злу*, — я передавалъ латинскія *bonum veri*, *bonum fidei*, *ma-*

lum falsi, verum boni, falsum mali, а иногда *bonum ex vero*, и т. д. Русская частица *по* передаетъ значеніе латинской *ex*, и означаетъ то основаніе, изъ котораго вытекаетъ понятіе подлежащаго; напримѣръ, жить *въ истинѣ по благу*, значитъ жить преимущественно во благѣ, или по благу, изъ котораго вытекаетъ и истина; это понятнѣе чѣмъ сказать: жить *въ истинѣ блага*.

Благостыня. Charitas. У насъ нѣтъ слова, которое бы съ точностью передавало полноту латинскаго; иногда, въ этомъ смыслѣ, у насъ говорятъ *милосердіе*, но это выраженіе неправильно. Я нахожу что слово *благостыня* вполнѣ отвѣчаетъ значенію латинскаго *charitas*, но только оно не введено у насъ въ употребленіе: какъ милостыня есть милость на дѣлѣ, такъ благостыня есть благость на дѣлѣ, дѣятельная любовь; благо или добро на дѣлѣ; въ этомъ значеніи оно употребляется иногда въ нашихъ славянскихъ текстахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ я переводилъ это слово *любовью*, и очень рѣдко *милосердіемъ*, см. нн. 112. 467.

Божественное Начало. Divinum. Англійскій переводчикъ передаетъ это выраженіе словомъ *Божество*, на томъ основаніи, что оно ближе къ понятіямъ автора, ибо содержитъ въ себѣ понятіе о личности, чего нѣтъ въ отвлеченномъ выраженіи. Я нахожу такое пониманіе автора буквальнымъ; придерживаясь принятаго мною слова, я измѣнялъ его только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда того требовалъ смыслъ.

Божественная человѣчность Господа. Divinum Hu-

manum Domini. По ученію Сведенборга, Господь принялъ человѣчность свою отъ матери, а Божественнымъ началомъ своимъ прославилъ ее и содѣлалъ Божественною; съ нею онъ и вознесся на небеса.

Видимость, во мнж. *видимости.* Apparentiae. Образы и предметы видимо являющіеся на небесахъ, но въ дѣйствительности не существующіе, имѣющіе одно только объективное, а не субъективное значеніе. Иногда этоже слово употребляется и въ отвлеченномъ значеніи, въ смыслѣ качества, свойства предмета. См. н. 175.

Внутреннія начала. Interiora, quae sunt mentis. Начала, относящіяся до внутренняго или духовнаго человѣка; всѣ начала разума и воли, принадлежащія духу человѣка. Иногда я выражалъ это однимъ словомъ *внутреннее*, *внутренность*, т. е. совокупность всѣхъ внутреннихъ началъ. — *Самыя внутреннія начала, самое внутреннее. Intima.*

Внѣшнія начала. Exteriora. Начала относящіяся до внѣшняго или природнаго человѣка, до плотскаго и вещественнаго; иногда однимъ словомъ *внѣшнее*, *внѣшность.*

Душа и духъ. На Латинскомъ четыре слова: spiritus, mens, animus, anima, для которыхъ у насъ только два, *духъ* и *душа;* для первыхъ трехъ *духъ*, для послѣдняго *душа.* Вотъ оттѣнки первыхъ трехъ значеній: *spiritus,* это духъ, личность духовная, житель духовнаго міра; *mens,* совокупность духовныхъ, сравнительно внутрен-

нихъ началъ, образующихъ духовнаго человѣка, разумъ и воля его. Наше слово *умъ*, въ значеніи славянскихъ рѣченій: *умы ангельскіе*, *умныя телеса ангельскія*, соотвѣтствуетъ латинскому *mens*, т. е. означаетъ цѣльность духовнаго существа; въ этомъ смыслѣ я употребилъ это слово въ нн. 110, 170, для передачи выраженій *mens naturalis*, *mens spiritualis*. Англійское *mind*, вполнѣ передаетъ латинское *mens*, а французскіе переводчики составили для него новое слово, *le mental*. *Animus* относится болѣе къ природнымъ, сравнительно внѣшнимъ началамъ духа. — *Mens* и *animus* почти тоже что *pneuma* и *psyche*, поэтому, *animus* и *anima* я передавалъ словомъ *душа*, а *mens* и *spiritus*, словомъ *духъ*.

Естество. Essentia. Это слово, какъ одного корня съ *esse*, тождественно и въ значеніи со словами, *сущность* и *суть*, коими переводится *esse*. Но суть и сущность *(esse)* относятся къ *существу* и *естеству (essentia)*, какъ начало къ послѣдствію, какъ *esse* къ *existere*, см. н. 89.

Наитіе. Influxus. Вліяніе высшаго начала на низшее: Божественнаго начала на небеса, однихъ небесъ на другія, духовнаго міра на міръ природный, внутренняго человѣка на внѣшняго. — Отъ этого слова глаголъ: *наитствовать*, *influere*.

Наважденіе, *наваждать*. Infestatio, infestare. Говорится о тѣхъ нападеніяхъ и ухищреніяхъ, коими злые духи искушаютъ и соблазняютъ человѣка.

Останки. Reliquiae. Тѣ остатки добра и истины, кои

Божественнымъ провидѣніемъ хранятся внутри человѣка, какъ средство для будущаго возрожденія его.

Отщеченіе, отщетиться. Vastatio, vastari. Опустошеніе, которому подвергается человѣкъ, относительно благъ и истинъ своихъ, чтобъ онъ не уносилъ ихъ съ собою въ адъ; или относильно лжи и зла своего, чтобъ онъ былъ свободенъ отъ нихъ на небесахъ. См. н. 551. — Слово славянское.

Понятія мышленія. Ideae cogitationis. У насъ обыкновенно переводятъ *idea, представленіе;* но я нахожу первое слово проще и вѣрнѣе.

Природный, -ое. Naturalis, -ia. Относящееся до природы или естества человѣческаго; внѣшнее въ сравненіи съ духовнымъ. Въ природномъ мірѣ, природный человѣкъ; въ природномъ человѣкѣ, природныя начала; въ природныхъ началахъ, природный смыслъ: *mundus, homo, sensus naturalis.* У насъ, въ богословіи, принято слово: *естественный человѣкъ,* въ значеніи его доблагодатнаго состоянія; но это слово не могло бы передать всѣхъ оттѣнковъ латинскаго, въ различныхъ сочетаніяхъ его; ктому же оно имѣетъ у насъ и другія значенія, да и корень его, *естество* (essentia), означаетъ совсѣмъ иное.

Разсудокъ, разсудочный. Rationale, rationalis. *Человѣкъ разсудочный, homo rationalis,* занимающій среднюю ступень между человѣкомъ природнымъ и духовнымъ. — Разумъ, intellectus. Разумѣніе, intelligentia. — Указываю на эти латин-

скія слова потому, что Сведенборгъ различаетъ и употребляетъ ихъ съ точностію.

Служба. Usus. Назначеніе, цѣль и польза вещи; все существуетъ для извѣстной службы; служба вещи соотвѣтствуетъ ея пользѣ и употребленію. *Исполнять службу*, *praestare usus*, отправлять должность или служить, смотря по назначенію и по способностямъ своимъ; *службы благостыни*, дѣла любви, въ которыхъ она проявляется, благо на дѣлѣ, см. н. 112.

Собь. Proprium. То, что собственно принадлежитъ человѣку, т. е. одно зло, любовь къ себѣ, и любовь къ міру. Слово это взято изъ народной рѣчи, гдѣ *сдбина*, *собь*, означаетъ личную собственность, имущество.

Соотвѣтствіе. Correspondentia. См. подробное толкованіе этого слово въ н. 87, и далѣе.

Степени сплошныя и раздѣльныя. Gradus continui et discreti. Первыя суть степени прибыли и убыли, напр. свѣта или тмы; онѣ заходятъ одна въ другую и измѣряются разстояніями. Вторыя различны какъ начало и конецъ, причина и слѣдствіе. Онѣ не заходятъ одна въ другую, и хотя смежны, но имѣютъ каждая свои опредѣленныя границы; онѣ соотвѣтствуютъ природному, духовному и небесному началу; см. нн. 33. 38. 211.

Суть, сщ. ж. р. Esse. *Самая суть.* Ipsum esse. Самая сущность чего; въ человѣкѣ, любовь и воля, см. нн. 26. 447. 474.

Творить благо, истину. Facere bonum, verum. Жить

въ истинѣ и благѣ; выраженіе славянское, см. Ев. Іоан. III. 21.

Черёво. Viscus. Нутренность, особенно брюшная; во множ. ч. *черёва, viscera:* внутренности тѣла; все что въ брюшной полости.

Чувства. Affectiones. Наклонности, расположеніе, привязанность. У насъ нѣтъ слова, которое бы передавало вполнѣ значеніе латинскаго, какъ равно и на латинскомъ нѣтъ слова, которое бы передавало то, что мы нынѣ разумѣемъ подъ *чувствами* душевными; вотъ почему я и принялъ это слово, говоря *внутреннія чувства*, или *чувства любви*, тамъ гдѣ въ подлинникѣ *affectiones amoris*, — и *чувства внѣшнія*, гдѣ *sensus corporis*. — Собственно *affectio est continuitas amoris*, какъ выражается Сведенборгъ, длительное дѣйствіе любви; прямое русское слово есть *любленіе* или *возлюбленіе*, см. н. 335, но оно у насъ не употребляется.

О НЕБЕСАХЪ, О МІРѢ ДУХОВЪ,

и

ОБЪ АДѢ.

ВВЕДЕНІЕ.

1. Господь, бесѣдуя съ учениками своими о скончаніи вѣка, какъ о послѣднемъ времени церкви, подъ конецъ предсказаній о послѣдовательныхъ состояніяхъ ея относительно любви и вѣры, говоритъ: *Абіе же по скорби дній тѣхъ, солнце померкнетъ и луна не дастъ свѣта своего и звѣзды спадутъ съ небесе, и силы небесныя подвигнутся. И тогда явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси: и тогда восплачутся вся колѣна земная и узрятъ Сына человѣческаго, грядуща на облацѣхъ небесныхъ съ силою и славою многою. И послетъ ангелы своя, съ трубнымъ гласомъ веліимъ и соберутъ избранныя его отъ четырехъ вѣтръ, отъ конецъ небесъ до конецъ ихъ.* Матѳ. XXIV. 29. 30. 31. Кто понимаетъ эти слова въ ихъ буквальномъ смыслѣ, тотъ думаетъ, что все въ нихъ сказанное случится, какъ описано, подъ конецъ вѣка, называемый послѣднимъ судомъ; что такимъ образомъ, не только солнце и луна померкнутъ, звѣзды падутъ съ неба, и на небѣ явится знаменіе Господа, и Его самого узрятъ на облакахъ, а вмѣстѣ съ нимъ и ангеловъ съ трубами, но что даже, какъ мѣстами

предсказано въ Священномъ Писаніи, погибнетъ весь видимый міръ, и что послѣ этого будетъ новое небо и новая земля. Въ настоящее время весьма многіе въ церкви живутъ въ этомъ убѣжденіи; но кто такъ думаетъ, тотъ не вѣдаетъ тайнъ сокрытыхъ въ каждомъ рѣченіи Слова Божія, ибо въ каждомъ его рѣченіи есть внутренній смыслъ, въ которомъ заключается не природное*) и мірское, какъ въ буквальномъ смыслѣ, но одно духовное и небесное; и это не только относительно смысла нѣкоторыхъ словъ, но даже относительно каждаго слова; ибо Слово Божіе написано отъ начала до конца по соотвѣтствіямъ, для той цѣли, чтобы въ каждой частицѣ его былъ внутренній смыслъ. Каковъ этотъ смыслъ, можно видѣть изъ всего, что писано и показано о немъ въ „Тайнахъ Небесныхъ," и также изъ того, что сказано о немъ въ сочиненіи „О бѣломъ конѣ Апокалипсиса." Въ этомъ же самомъ смыслѣ надо разумѣть сказанное Господомъ, въ вышеприведенномъ изрѣченіи, о пришествіи его на облакахъ: Солнце, которое омрачится, означаетъ Господа, относительно любви; луна означаетъ Господа, относительно вѣры; звѣзды познанія блага и истины, или любви и вѣры; знаменіе сына человѣческаго на небесахъ, появленіе божественной истины; колѣна земная, которыя восплачутся, все что относится къ истинѣ и благу или къ вѣрѣ и любви; пришествіе Господа на облацѣхъ небесныхъ съ силою и славою, присутствіе его самого въ Словѣ и откровеніе; облака означаютъ буквальный смыслъ

*) Naturalia. См. объяснит. Словарь.

Слова, а слава, внутренній смыслъ его; ангелы съ трубами и гласомъ веліемъ, означаютъ небеса, отколѣ исходитъ божественная истина. Изъ этого можно видѣть, что значатъ эти слова Господа, а именно: что подъ конецъ церкви, когда не станетъ болѣе любви, а за тѣмъ и вѣры, Господь откроетъ Слово въ его внутреннемъ смыслѣ и объявитъ тайны небесныя. Тайны открываемыя въ слѣдующихъ страницахъ относятся до Небесъ и Ада, и до жизни человѣка послѣ его смерти. Нынѣ человѣкъ церкви едва ли что знаетъ о небесахъ и объ адѣ, и о жизни своей послѣ смерти, хотя обо всемъ этомъ писано въ Словѣ; даже многіе принадлежащіе къ церкви, все это отрицаютъ, говоря въ себѣ: кто оттоль приходилъ и разказывалъ? Но чтобъ эта наклонность къ отрицанію, преимущественно свойственная многоученымъ міра сего, не заразила и не испортила простыхъ сердцемъ и простыхъ вѣрою, мнѣ дано было въ теченіи 13 лѣтъ, быть вмѣстѣ съ ангелами, говорить съ ними какъ человѣку съ человѣкомъ, и видѣть что происходитъ на небесахъ и въ аду; въ настоящее же время мнѣ дано описать, что я видѣлъ и слышалъ, въ той надеждѣ, что невѣжество просвѣтится и невѣріе уничтожится. Такое непосредственное откровеніе совершается нынѣ потому, что оно то самое, которое разумѣется подъ пришествіемъ Господа.

О НЕБЕСАХЪ.

Господь есть Богъ Небесъ.

2. Прежде всего надо знать кто Богъ небесъ, ибо все остальное отъ того зависитъ: во всѣхъ небесахъ не признаютъ другаго Бога кромѣ одного Господа; тамъ говорятъ, какъ онъ самъ учитъ, что *онъ единъ съ Отцемъ; что Отецъ въ немъ и Онъ въ Отцѣ; что кто видитъ Его видитъ Отца*, *и что все святое отъ Него исходитъ.* Іоан. X. 30. 38; XVI. 13. 14. 15. Я часто говорилъ объ этомъ съ ангелами, и они постоянно отвѣчали мнѣ, что на небесахъ они не могутъ дѣлить Божественное (начало) на три, ибо знаютъ и постигаютъ, что Божественное (начало) одно и что оно едино въ Господѣ; они также сказали мнѣ, что люди принадлежащіе къ церкви и приходящіе въ тотъ міръ съ понятіемъ о троякомъ Божествѣ, не могутъ быть приняты на небеса, потому что мысль ихъ переходитъ отъ одного понятія къ другому, а тамъ нельзя думать о трехъ и говорить объ одномъ: всякій на небесахъ говоритъ какъ мыслитъ, ибо тамъ рѣчь мысленна или мысль словесна; вслѣдствіе чего тѣ, кои въ мірѣ дѣлили

Божественное начало на три и составили себѣ о каждомъ отдѣльное понятіе, не собравъ ихъ въ одно, и не сосредоточивъ ихъ въ Господѣ, не могутъ быть приняты. На небесахъ всѣ мысли взаимно сообщаются; еслибъ кто туда пришелъ, имѣя на умѣ понятіе о трехъ началахъ, а говорилъ бы объ одномъ, его бы тотчасъ разузнали и отвергли. Однакожъ должно знать, что всѣ тѣ кои не отдѣляли истину отъ блага или вѣру отъ любви, получаютъ въ той жизни, когда ихъ тому научатъ, небесное понятіе о Господѣ, т. е. что Онъ — Богъ вселенной; не такъ бываетъ въ тѣми, кои вѣру отдѣляли отъ жизни, т. е. кои не жили по заповѣдямъ истинной вѣры.

3. Люди церкви, отрицавшіе Господа и признававшіе одного Отца и въ такой вѣрѣ утвердившіеся, находятся внѣ небесъ; а какъ на такихъ людей нѣтъ никакого наитія съ небесъ, гдѣ поклоняются одному Господу, то они постепенно лишаются способности мыслить истину о чемъ бы то ни было; они наконецъ дѣлаются точно нѣмые или говорятъ какъ безумные; ходятъ зря, и руки у нихъ висятъ и качаются, какъ лишенныя силы въ сочлененіяхъ. Люди, которые отрицали Божественное (начало) Господа и признавали въ немъ одно только человѣческое начало, какъ Социніанцы, одинаково находятся внѣ небесъ; они проносятся впередъ*), немного вправо и спускаются въ глубину; такимъ образомъ они отдѣлены совершенно отъ прочихъ Христіанъ. Но люди говорившіе, что вѣрятъ въ Божественное невидимое начало, называя это

*) См. для поясненія главу о Странахъ Свѣта на Небесахъ, § 141 и далѣе.

начало Существомъ вселенной*), коимъ все сталось, и отбрасывавшіе всякую вѣру въ Господа, оказались не вѣрующими ни въ какого Бога, потому что невидимое Божественное (начало), есть для нихъ все таже природа въ своихъ первоначалахъ; но ни вѣра ни любовь не постигаютъ божественнаго невидимаго начала, потому что мысль не вмѣщаетъ этого понятія; такіе люди отсылаются къ тѣмъ, кои называются натуралистами, т. е. естественниками. Не такъ бываетъ съ тѣми, которые родились внѣ церкви и называются язычниками; объ нихъ будетъ говорено въ послѣдствіи.

4. Всѣ дѣти, изъ коихъ состоитъ одна треть небесъ, приводятся къ признанію и вѣрѣ, что Отецъ ихъ Господь, и затѣмъ, что Онъ Господь всѣхъ, слѣд. Богъ небесъ и земли. Что дѣти на небесахъ выростаютъ и совершенствуются въ познаніяхъ до степени разума и мудрости ангельской, это увидится въ послѣдствіи.

5. Что Господь есть Богъ небесъ, въ этомъ люди церкви сомнѣваться не могутъ, ибо Онъ самъ учитъ: *Вся елика имать Отецъ, моя суть.* Матѳ. XI. 27. Іоан. XVI. 15. XVII. 2. И далѣе: *Дадеся ми всяка власть на небеси и на земли.* Мат. XXVIII. 16. Господь говоритъ на небеси и на земли, потому что кто управляетъ небесами, тотъ управляетъ и землею, ибо одно зависитъ отъ другаго. Управлять небесами и землею, значитъ получать отъ Господа всякое благо принадлежащее любви, и всякую исти-

*) Ens Universi.

ну принадлежащую вѣрѣ, такимъ образомъ всякое разумѣніе и всякую мудрость, и слѣд. всякое блаженство, словомъ: жизнь вѣчную; этому также учитъ самъ Господь, говоря: *Вѣруяй въ Сына имать животъ вѣчный; а иже невѣруетъ въ Сына не узритъ живота.* Іоан. III. 36. И въ другомъ мѣстѣ: *Азъ есмь воскресеніе и животъ, вѣруяй въ мя, аще и умретъ, оживетъ; всякъ живый и вѣруяй въ мя не умретъ во вѣки.* Іоан. XI. 25. 26. И далѣе: *Азъ есмь путь и истина и животъ.* Іоан. XIV. 6.

6. Были духи, которые живши въ мірѣ исповѣдовали Бога Отца, но о Господѣ думали, какъ о человѣкѣ, а потому не вѣрили, чтобы Онъ же былъ и Богомъ небесъ; по этой причинѣ имъ было позволено идти во всѣ стороны и искать гдѣ хотятъ есть-ли другія небеса кромѣ Господнихъ; но поискавши въ продолженіи нѣсколькихъ дней, нигдѣ ихъ не нашли. Они были изъ числа тѣхъ, которые полагали блаженство небесъ въ славѣ и господствѣ; но не достигнувъ желаемаго и услышавъ, что небеса въ этомъ не состоятъ, они пришли въ негодованіе, и требовали такихъ небесъ, въ которыхъ они могли бы господствовать надъ другими и блестѣть такою же славою, какъ въ мірѣ.

Божественное начало Господа образуетъ небеса.

7. Ангелы въ совокупности называются небесами, потому что они собою составляютъ ихъ; не ме-

нѣе того небеса, какъ вообще, такъ и въ частности, образуются изъ Божественнаго начала, которое исходя отъ Господа, наитствуетъ ангеловъ и пріемлется ими. Божественное (начало), исходящее отъ Господа, есть благо любви и истина вѣры; поэтому, по мѣрѣ принятія ангелами отъ Господа блага и истины, они становятся ангелами и на столько же небесами.

8. Всякій на небесахъ знаетъ и вѣритъ, даже постигаетъ, что онъ самъ собою не можетъ ни хотѣть, ни дѣлать блага, и что самъ по себѣ никто не можетъ ни мыслить истины, ни вѣровать въ нее, но что все это исходитъ отъ Божественнаго (начала) и слѣдов. отъ Господа; равно всякій знаетъ, что благо и истина ангельскія, не суть по себѣ благо и истина, потому что въ нихъ нѣтъ жизни, исходящей отъ Божественнаго начала. Ангелы самыхъ внутреннихъ небесъ, даже постигаютъ это наитіе*) Господне и чувствуютъ его; насколько они принимаютъ его, на столько имъ кажется, что они въ небесахъ, потому что они въ той же мѣрѣ находятся въ любви и вѣрѣ, и въ той же мѣрѣ во свѣтѣ разумѣнія и мудрости, и въ небесной оттолѣ радости; такъ какъ все это исходитъ отъ Божественнаго (начала) Господа, и небеса для ангеловъ состоятъ въ этомъ, то ясно, что небеса образуются Божественнымъ началомъ Господа, а не ангелами изъ какой либо соби своей**). По этой причинѣ небеса, въ Словѣ Божіемъ, называются жилищемъ Господа, и также престоломъ его, а живущіе на небесахъ называются живущими въ Го-

*) Influxus. См. это слово въ прилож. Словарѣ. **) Proprium. См. Сл.

сподѣ. Какимъ образомъ Божественное (начало) исходитъ отъ Господа и наполняетъ собою небеса, объ этомъ будетъ сказано въ послѣдствіи.

9. Ангелы, въ премудрости своей, идутъ еще далѣе. Они говорятъ, что отъ Господа исходятъ, не только всякое благо и истина, но даже всякая жизнь; они подтверждаютъ это слѣдующимъ разсужденіемъ: ни въ чемъ нѣтъ бытія по себѣ; всякое бытіе зависитъ отъ чего либо ему предшествующаго, слѣд. всякое *бытіе* держится первымъ началомъ, которое ангелы называютъ самою Сутью*) всякой жизни; такимъ же образомъ *существуетъ* и все прочее въ мірѣ, ибо *существованіе* есть непрестанное *бытіе***), а то, что не держится промежуточнымъ въ непрерывной связи съ первымъ началомъ, тотчасъ же распадается и разрушается. Кромѣ того ангелы говорятъ, что источникъ жизни только одинъ, а жизнь человѣка, текущій отъ него ручей, который, если не будетъ постоянно питаться отъ своего источника, тотчасъ изсякаетъ. Отъ этого Единаго источника жизни, который есть Господь, ничто иное не исходитъ кромѣ Божественнаго блага и Божественной истины, которыя каждый человѣкъ любитъ, на сколько онъ принимаетъ ихъ; кто принимаетъ ихъ вѣрою и жизнію, тотъ живетъ жизнію небесъ; но кто отметаетъ или подавляетъ ихъ, тотъ мѣняетъ ихъ на адъ, ибо обращаетъ благо во зло, а истину въ ложь, слѣд. жизнь въ смерть. Что всякая жизнь исходитъ отъ Господа, ангелы подтверждаютъ это еще слѣдую-

*) Ipsum Esse. **) Subsistentia est perpetua existentia.

щимъ образомъ: все въ мірѣ относится ко благу и къ истинѣ; жизнь воли человѣка, т. е. жизнь любви его, относится ко благу, а жизнь разума человѣка, т. е. жизнь вѣры его, къ истинѣ; и такъ, если всякое благо и истина идутъ свыше, то оттолѣ же исходитъ и всякая жизнь. Ангелы, вѣруя такимъ образомъ, отказываются отъ всякой благодарности за благо, которое они творятъ; они даже приходятъ въ негодованіе и удаляются, если кто приписываетъ имъ такое благо; имъ на диво, какъ человѣкъ можетъ вѣрить, что онъ мудръ самъ отъ себя, и что онъ самъ отъ себя же творитъ благо; благо, которое человѣкъ творитъ ради себя самого, не признается ими за благо, ибо это значитъ дѣлать его отъ себя; но благо сдѣланное ради блага, они называютъ благомъ исходящимъ отъ Божественнаго (начала), и говорятъ, что это самое благо образуетъ небеса, ибо такое благо есть самъ Господь.

10. Нѣкоторые духи, живши въ мірѣ, утвердились въ той вѣрѣ, что благо, которое они дѣлаютъ, и истина, которой они вѣрятъ, исходятъ отъ нихъ самихъ, или присвоены имъ какъ собственность: въ такой вѣрѣ живутъ всѣ тѣ, которые въ добрыхъ дѣлахъ своихъ видятъ заслугу и требуютъ себѣ за нихъ воздаянія; такіе духи не принимаются въ небеса. Ангелы бѣгутъ отъ нихъ и смотрятъ на нихъ, какъ на безумцевъ и татей; на безумцевъ, потому что они безпрестанно видятъ самихъ себя, а не Божественное (начало); на татей, потому что они отъимаютъ отъ Господа то, что ему принадлежитъ. Эти духи не принимаютъ той небесной вѣры, что

Божественное (начало) Господа, пріемлемое ангелами, образуетъ небеса.

11. Что жители небесъ и сыны церкви живутъ въ Господѣ и Господь въ нихъ, этому учитъ и самъ Господь, говоря: *Будите во мнѣ и азъ въ васъ; яко же розга не можетъ творити плода о себѣ аще не будетъ на лозѣ, тако и вы аще во мнѣ не пребудете. Азъ есмь лоза, вы же рождіе, и иже будетъ во мнѣ и азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ многъ, яко безъ мене не можете сотворити ничесо же.* Іоан. XV. 4—7.

12. Изъ этого можно видѣть, что Господь, обитая въ небесныхъ ангелахъ, обитаетъ въ томъ что ему принадлежитъ; и что такимъ образомъ Господь есть все во всемъ небесномъ, по той причинѣ, что благо, исходящее отъ Господа, есть для ангеловъ самъ Господь, ибо что исходитъ отъ него — есть Онъ Самъ; слѣд. небеса для ангеловъ состоятъ изъ блага исходящаго отъ Господа, а не изъ какой либо ихъ соби.

Божественное (начало) Господа на небесахъ есть любовь къ нему и любовь къ ближнему*).

13. Божественное (начало) исходящее отъ Господа называется на небесахъ Божественною истиною, по причинѣ о которой будетъ сказано впослѣд-

*) Charitas. Благостыня, См. Сл.

ствіи. Эта Божественная истина, по Божественной любви Господней, наитствуетъ отъ него на небеса. Божественная любовь и, исходящая отъ нея, Божественная истина, могутъ уподобиться солнечному огню и свѣту отъ него: любовь подобна солнечному огню, а истина исходящая отъ любви, подобна свѣту исходящему отъ солнца; равно и по соотвѣствію, огонь означаетъ любовь, а свѣтъ истину отъ нея исходящую. Изъ этого можно видѣть какова Божественная истина, исходящая отъ Божественной любви Господней: она, по естеству своему, есть Божественное благо въ соединеніи съ Божественною истиною; и въ силу этого соединенія, она живитъ все что на небесахъ, подобно тому какъ тепло солнца, въ соединеніи со свѣтомъ вешней и лѣтней порою, оплодотворяетъ всю землю; не то бываетъ, когда тепло не соединено со свѣтомъ, т. е. при холодномъ свѣтѣ: тогда все цѣпенѣетъ и замираетъ. Это Божественное благо, которое было уподоблено теплу, есть въ ангелахъ благо любви, а Божественная истина, уподобленная свѣту, есть та истина, чрезъ которую и отъ которой исходитъ благо любви.

14. Любовь потому есть то Божественное начало, изъ котораго состоятъ небеса, что она есть духовное соединеніе; она соединяетъ ангеловъ съ Господомъ и ихъ самихъ соединяетъ взаимно, такъ что они передъ Господомъ составляютъ одно цѣлое. Кто-му же любовь есть для каждаго самая суть его жизни: любовью живетъ ангелъ, любовью живетъ и человѣкъ. Что самое внутреннее начало жизни въ человѣкѣ исходитъ отъ любви, это при маломъ раз-

мышленіи понятно всякому; и точно: человѣкъ, отъ присутствія въ немъ любви, воспламеняется, при отсутствіи ея онъ стынетъ, а лишаясь ее вовсе, умираетъ. Должно знать, что жизнь каждаго человѣка такова, какъ и любовь его.

15. На небесахъ есть два различныхъ рода любви: любовь къ Господу и любовь къ ближнему; въ самыхъ внутреннихъ или третьихъ небесахъ — любовь къ Господу; а во вторыхъ или среднихъ, любовь къ ближнему; и та и другая исходитъ отъ Господа, и та и другая составляетъ небеса. Какимъ образомъ эти два рода любви между собою различаются и соединяются, это съ большею ясностью видно на небесахъ, и только смутно понимается на землѣ. На небесахъ, любить Господа, не значитъ любить его личность, но любить благо, которое исходитъ отъ него; а любить благо значитъ хотѣть и дѣлать его по любви; любить же ближняго, не значитъ любить его личность, но любить истину исходящую отъ Слова; а любить истину, значитъ хотѣть ее и жить по ней: изъ этого очевидно, что эти оба рода любви различаются какъ благо отъ истины, и что они соединяются какъ благо съ истиной. Но все это съ трудомъ доступно мысли человѣка, который не знаетъ, что такое любовь, что благо, и что такое ближній.

16. Я иногда говорилъ объ этомъ съ ангелами: они удивляются, что люди церкви не знаютъ, что любить Господа и любить ближняго, значитъ любить благо и истину, и по волѣ дѣлать то и другое; межъ тѣмъ какъ люди моглибы знать, что всякій доказы-

ваетъ любовь свою къ другому, когда онъ хочетъ и дѣлаетъ то, что желаетъ другой: что тогда только онъ любимъ взаимно и соединяется съ тѣмъ кого любитъ; а что любить другаго и не исполнять его воли, не доказываетъ любви, а напротивъ въ сущности естч не любовь. Ктомуже люди могли бы знать, что благо исходящее отъ Господа есть подобіе его, ибо онъ самъ въ этомъ благѣ, и что тѣ люди становятся подобіями Господа и соединяются съ нимъ, которые усвояютъ себѣ благо и истину тѣмъ, что хотятъ ихъ и живутъ въ нихъ; хотѣть, значитъ и любить дѣлать. Что все это такъ, тому учитъ Господь въ Словѣ, говоря: *Имѣяй Заповѣди моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй мя, и азъ возлюблю его и явлюся ему самъ.* Іоан. XIV. 21. 23. *Аще заповѣди моя соблюдете, пребудете въ любви моей.* Іоан. XV. 10. 12.

17. Что любовь есть то Божественное (начало), которое исходя отъ Господа, проникаетъ (afficit) ангеловъ и образуетъ небеса, это тамъ доказывается на опытѣ, ибо всѣ живущіе на небесахъ суть образы любви и благостыни*); они являются въ несказанной красотѣ, и въ ихъ лицѣ, въ ихъ словахъ, и въ каждой частности ихъ жизни, свѣтится любовь. Кромѣ того отъ каждаго ангела и отъ каждаго духа исходятъ и объемлютъ ихъ духовныя сферы жизни, посредствомъ которыхъ узнаются, иногда даже на большомъ разстояніи, каковы эти духи относительно чувствъ любви своей**); ибо сферы эти истекаютъ отъ жизни чувства и за тѣмъ помысловъ, или отъ жизни любви

*) Charitas. **) Quoad affectiones amoris.

и затѣмъ вѣры каждаго изъ нихъ. Сферы истекающія отъ ангеловъ такъ полны любви, что они проникаютъ до самаго внутренняго начала жизни тѣхъ духовъ, въ обществѣ которыхъ ангелы находятся; мнѣ случалось иногда ощущать ихъ, и они точно также проникали и меня. Что ангелы получаютъ жизнь свою отъ любви, это стало мнѣ ясно также изъ того, что каждый въ той жизни обращается лицемъ смотря по любви своей; тѣ кои живутъ въ любви къ Господу и въ любви къ ближнему, постоянно обращаются къ Господу; тѣ же напротивъ, которые живутъ въ любви къ себѣ, постоянно обращаются въ противуположную отъ Господа сторону. Это случается постоянно и какимъ бы образомъ они ни обращались тѣломъ, ибо въ той жизни разстоянія отвѣчаютъ въ точности внутреннему состоянію жителей, равно какъ и страны свѣта, которыя тамъ не опредѣлены разъ на всегда, какъ на землѣ, но смотря по обращенію лица жителей. Во всякомъ случаѣ не сами ангелы обращаются къ Господу, но Господь обращаетъ къ себѣ тѣхъ, которые любятъ дѣлать все что исходитъ отъ него. Объ этомъ съ бо̀льшею подробностью будетъ сказано въ послѣдствіи, когда будетъ говориться о странахъ свѣта въ той жизни.

18. Божественное (начало) Господа на небесахъ есть любовь, потому что любовь есть пріемникъ всего небеснаго, т. е. мира, разумѣнія, мудрости и блаженства; въ самомъ дѣлѣ любовь принимаетъ, желаетъ и ищетъ, все что ей сродно, питается этимъ, и постоянно хочетъ обогащаться и совершаться тѣмъ, что до нея относится. Это не безъизвѣстно и человѣку;

ибо любовь въ немъ, такъ сказать, разсматриваетъ все, что есть у него въ памяти, и то, что тутъ находитъ сроднаго, извлекаетъ, собираетъ и располагаетъ въ себѣ и около себя; въ себѣ, чтобы оно было ея собственностью, и около себя, чтобъ оно служило ей; а все остальное, не сродное ей, она откидываетъ и изгоняетъ. Что у любви есть способность принимать сродныя ей истины и желаніе присоединять ихъ къ себѣ, это стало мнѣ ясно чрезъ духовъ, вознесенныхъ на небеса: не смотря на то, что они въ мірѣ были изъ числа простыхъ, какъ только они вошли въ общество ангеловъ, они достигли полной ангельской мудрости и блаженства небесъ; это было дано имъ за то, что они любили благо и истину, ради блага и истины, и усвоивъ то и другое жизнію, пріобрѣли чрезъ это возможность стать пріемниками небесъ, и всего, что есть тамъ неизреченнаго. У тѣхъ же, которые живутъ въ любви къ себѣ и къ міру, не только вовсе нѣтъ способности принимать благо и истину, но они даже имъ противны и отвергаются ими; такъ что при первомъ прикосновеніи или наитіи благъ и истинъ, духи эти убѣгаютъ, и пріобщаются въ аду къ тѣмъ, которые въ одинаковой съ ними любви. Нѣкоторые духи сомнѣвались, чтобъ небесная любовь была такова, и желали знать такъ ли это; вслѣдствіе чего, по удаленіи препятствій, они были приведены въ состояніе небесной любви, и отнесены на нѣкоторое разстояніе впередъ, къ ангельскимъ небесамъ; они оттуда говорили со мною и сказывали, что испытывали внутреннее блаженство, котораго они не могутъ выразить на словахъ, весьма сожалѣя, что имъ пред-

стоитъ возвратиться въ прежнее состояніе. Другіе были даже вознесены на небеса, и по мѣрѣ того, какъ уносились внутрь или выше, достигали такого разумѣнія и мудрости, что постигали то, что прежде имъ было вовсе не понятно. Изъ всего этого ясно, что любовь, исходящая отъ Господа, есть пріемникъ небесъ и всего, что въ нихъ есть.

19. Любовь къ Господу и любовь къ ближнему объемлятъ собою всѣ божественныя истины; это можно видѣть изъ того, что самъ Господь сказалъ о той и другой любви: *Возлюбиши Господа Бога твоего всъмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею; сія есть первая и большая заповѣдь. Вторая же подобна ей: возлюбиши искренняго твоего яко самъ себе. Въ сію обою заповѣдію весь законъ и пророцы висятъ.* Матѳ. XXII. 37. 38. 39. 40. Въ законѣ и пророкахъ все Слово, а слѣдовательно и всякая Божественная истина.

Небеса раздѣляются на два царства.

20. Такъ какъ небеса до безконечности разнообразны, и нѣтъ въ нихъ ни одного общества вполнѣ сходнаго съ другимъ, ни даже одного ангела съ другимъ ангеломъ, то небеса и раздѣляются вообще на два царства, а въ особенности на трое небесъ, въ частности же на безчисленныя общества; обо всемъ этомъ будетъ сказано подробнѣе на своемъ

мѣстѣ. Здѣсь же общіе отдѣлы названы *царствами*, потому что небеса называются *Царствомъ Божіимъ*.

21. Божественное (начало), исходящее отъ Господа, пріемлется ангелами внутрь болѣе или менѣе; пріемлющіе его болѣе внутрь называются *небесными* ангелами, а тѣ, кои пріемлютъ его менѣе внутрь, называются *духовными* ангелами; вслѣдствіе этого небеса раздѣляются на два царства, изъ коихъ одно называется *Царствомъ Небеснымъ*, а другое *Царствомъ Духовнымъ*.

22. Ангелы составляющіе небесное царство, принимая Божественное отъ Господа начало болѣе внутрь, называются ангелами внутренними или высшими; по этому самому и небеса, которыя они образуютъ, называются небесами внутренними или высшими. Ангелы составляющіе духовное царство, принимая Божественное отъ Господа начало менѣе внутрь, называются Ангелами внѣшними и также низшими; по этому самому и небеса, которыя образуются ими, называются небесами внѣшними или нисшими. Сказано *высшими* и *низшими* потому, что они относительно могутъ быть также названы *внутренними* и *внѣшними*.

23. Любовь ангеловъ небеснаго царства называется небесною любовью, а любовь ангеловъ духовнаго царства называется духовною любовью: небесная любовь есть любовь къ Господу, а духовная любовь есть любовь къ ближнему. Такъ какъ всякое благо принадлежитъ любви (ибо любимое считается каждымъ за благо), то и благо перваго царства называется благомъ небеснымъ, а благо вто-

раго царства благомъ духовнымъ. Изъ этого ясно, что эти оба царства различаются между собою, какъ благо любви къ Господу и благо любви къ ближнему (charitas); а такъ какъ благо любви къ Господу есть благо внутреннее, и эта любовь есть любовь внутренняя, то и небесные ангелы суть ангелы внутренніе, и называются высшими.

24. Небесное царство называется также Царствомъ Священства Господня, а въ Словѣ, жилищемъ его; духовное же царство называется Царскимъ Царствомъ его, а въ Словѣ, престоломъ его. По Божественному небесному (началу) своему, Господь названъ въ мірѣ Іисусомъ, а по Божественному духовному (началу) — Христомъ.

25. Ангелы небеснаго царства Господня, въ мудрости и славѣ своей, стоятъ много выше ангеловъ духовнаго царства, по той причинѣ, что они болѣе внутрь принимаютъ Божественное (начало) Господа, ибо пребывая въ любви къ нему, они къ нему ближе и тѣснѣе съ нимъ соединены. Небесные ангелы таковы, потому что будучи въ мірѣ, они принимали и теперь принимаютъ Божественныя истины немедленно въ жизнь, не принимая ихъ, какъ духовные ангелы, предварительно въ память и мысль; вслѣдствіе того истины эти начертаны въ сердцахъ ихъ: они постигаютъ и, такъ сказать, видятъ ихъ въ себѣ самихъ, никогда не разсуждая, чтобъ убѣдиться истина это или нѣтъ. У Іереміи они описаны слѣдующимъ образомъ: *Дамъ законы моя въ мысли ихъ, и на сердцахъ ихъ напишу я; и не научитъ кійждо ближняго своего, и кійждо брата своего, глаголя: по-*

знай Іегову; яко вси познаютъ мя, отъ мала даже и до великаго ихъ. XXXI. 33. 34. У прор. Исаіи, они названы *наученые Іеговою*. LIV. 13. Что наученные Іеговою, суть тѣже кои научены Господомъ, самъ Господь тому учитъ у Іоанна гл. VI. ст. 45. 46.

26. Было сказано, что эти ангелы по премудрости и славѣ своей, много выше другихъ, потому что они не медля принимали и принимаютъ въ жизнь Божественныя истины: услышавъ ихъ, они тотчасъ же хотятъ и исполняютъ ихъ на дѣлѣ, не перенося ихъ предварительно въ память для обсужденія, впослѣдствіи, подлинно ли это истины? Такіе ангелы тотчасъ знаютъ, по наитію отъ Господа, истина ли та истина, которую они слышатъ или нѣтъ: ибо Господь вліяетъ непосредственно на волю человѣка, а посредствомъ воли на мысль его; или что тоже, Господь вліяетъ непосредственно на благо, а чрезъ него на истину: ибо то называется благомъ, что принадлежитъ воли и затѣмъ дѣлу, а истиной, чтó принадлежитъ памяти и за тѣмъ мысли. Даже всякая истина обращается во благо и вселяется въ любовь, какъ только она поселяется въ волю; но покуда истина въ одной памяти и затѣмъ въ мысли, она не становится благомъ, не жива и не усвояется человѣкомъ, ибо человѣкъ есть человѣкъ въ силу воли своей и согласнаго съ ней разума, а не въ силу одного разума своего, отдѣльно отъ воли.

27. Вслѣдствіе такого различія между ангелами небеснаго царства и ангелами духовнаго царства, они не живутъ вмѣстѣ и между ними нѣтъ сообщенія. Они сообщаются только чрезъ посредство

ангельскихъ обществъ, называемыхъ небесно-духовными; чрезъ эти общества небесное царство вліяетъ на духовное: вслѣдствіе чего происходитъ, что небеса, хотя и раздѣляются на два царства, тѣмъ не менѣе составляютъ одно цѣлое. Господь всегда радѣетъ о такихъ ангелахъ—посредникахъ, чрезъ которыхъ совершаются сообщенія и соединенія.

28. Такъ какъ вслѣдъ за симъ не мало будетъ говорено объ ангелахъ того и другаго царства, то подробности здѣсь опускаются.

О троичности небесъ.

29. Небесъ трое, и весьма между собою различныхъ, а именно: самыя внутреннія или третьи, среднія или вторыя, и послѣднія или первыя. Они слѣдуютъ одни за другими и относятся между собой, какъ въ человѣкѣ верхняя, средняя и нижняя часть тѣла, т. е. голова, туловище и ноги; или какъ верхній, средній и нижній ярусъ дома. Въ такомъ же точно порядкѣ исходитъ и нисходитъ божественное отъ Господа начало, а потому и раздѣлъ небесъ на три части вытекаетъ изъ необходимости порядка.

30. Внутреннія въ человѣкѣ начала, душѣ и духу его (animo et menti)*) принадлежащія, находятся въ подобномъ же порядкѣ: въ нихъ также есть самое внутреннее, среднее и послѣднее; ибо въ

*) См. объяснит. Словарь.

составъ человѣка, при созданіи его, вошли всѣ начала Божественнаго порядка, такъ что самъ человѣкъ сталъ образомъ этого порядка, а слѣдовательно и небесъ въ маломъ видѣ. Вотъ почему человѣкъ, посредствомъ внутреннихъ началъ своихъ, сообщается съ небесами, и послѣ смерти переходитъ къ ангеламъ: къ ангеламъ самыхъ внутреннихъ, среднихъ, или послѣднихъ небесъ, по мѣрѣ принятія имъ, въ здѣшней жизни, Божественнаго блага и истины, исходящихъ отъ Господа.

31. Божественное начало, наитіемъ исходящее отъ Господа, и принимаемое въ третьихъ или самыхъ внутреннихъ небесахъ, называется *небеснымъ*, а за тѣмъ и ангелы этихъ небесъ называются *небесными*. Божественное начало, истекающее отъ Господа, и пріемлемое во вторыхъ или среднихъ небесахъ, называется *духовнымъ*, а за тѣмъ и ангелы этихъ небесъ называются ангелами *духовными*; наконецъ Божественное начало наитствующее отъ Господа, и пріемлемое въ послѣднихъ или первыхъ небесахъ, называется *природнымъ*. Такъ какъ природное начало этихъ небесъ не подобно природному здѣшняго міра, но заключаетъ въ себѣ и духовное и небесное, то и небеса эти называются духовно-природными и небесно природными; за тѣмъ и ангелы этихъ небесъ называются духовно-природными и небесно-природными: духовно-природными называются тѣ, кои подъ наитіемъ среднихъ или вторыхъ небесъ т. е. духовныхъ, а небесно-природными называются тѣ, кои подъ наитіемъ самыхъ внутреннихъ или третьихъ небесъ, т. е. небесныхъ. Хотя ангелы ду-

ховно-природные и различны отъ небесно-природныхъ, но тѣмъ не менѣе они составляютъ одни небеса, потому что они находятся въ одной степени.

32. Въ каждыхъ небесахъ есть внутреннее и внѣшнее; ангелы, живущіе во внутреннемъ, называются ангелами внутренними, а тѣ, кои живутъ во внѣшнемъ, называются ангелами внѣшними. Внѣшнее и внутреннее на всѣхъ небесахъ, или въ каждыхъ изъ трехъ небесъ, въ томъ же отношеніи между собою какъ воля и ея разумъ въ человѣкѣ: внутреннее отвѣчаетъ воли, а внѣшнее разуму ея. У всякой воли свой разумъ; одно безъ другаго не бываетъ: волю можно уподобить пламени, а разумъ свѣту отъ пламени.

33. Надо знать, что ангелы находятся въ однихъ или другихъ небесахъ, смотря по своему внутреннему; чѣмъ болѣе ихъ внутреннее открыто къ Господу, тѣмъ они въ болѣе внутреннихъ небесахъ. Въ каждомъ ангелѣ, духѣ и человѣкѣ есть три степени внутренняго (начала); тѣ, въ которыхъ открыта третья степень, находятся въ самыхъ внутреннихъ небесахъ; тѣ, въ которыхъ открыта вторая или только первая степень, находятся въ среднихъ или послѣднихъ небесахъ. Внутреннее (начало) открывается чрезъ принятіе Божественнаго блага и божественной истины; кто любитъ Божественныя истины и тотчасъ пріемлетъ ихъ въ жизнь, слѣд. въ волю и за тѣмъ въ дѣло, тотъ, по мѣрѣ принятія имъ блага изъ любви къ истинѣ, находится въ самыхъ внутреннихъ или третьихъ небесахъ; кто не пріемлетъ Божественныя истины тотчасъ въ волю, но сперва въ память, а потомъ въ разумъ, и затѣмъ уже хочетъ и исполняетъ ихъ на

дѣлѣ, тотъ находится въ среднихъ или вторыхъ небесахъ; а кто живетъ нравственно и вѣритъ въ Божественное начало, не заботясь преимущественно объ учености, тотъ находится въ послѣднихъ или первыхъ небесахъ. Изъ этого ясно, что небеса образуются различіемъ состояній внутренняго (начала) въ человѣкѣ, и что небеса находятся не внѣ, а внутри каждаго; этому также учитъ и Господь, говоря: *Не пріидетъ Царствіе Божіе съ усмотреніемъ, ниже рекутъ: се здѣ, или индѣ; ибо Царствіе Божіе внутрь васъ.* Лук. XVII. 20. 21.

34. Точно такъ и всякое совершенство растетъ къ нутру и умаляется къ наружи, ибо внутреннее ближе къ Божественному и въ себѣ чище, внѣшнее же болѣе удалено отъ Божественнаго и въ себѣ грубѣе. Ангельское совершенство состоитъ въ разумѣніи, въ мудрости, въ любви, во всякомъ благѣ и затѣмъ во блаженствѣ, но не въ блаженствѣ безъ разумѣнія, мудрости, любви и блага, потому что, безъ этого, блаженство только внѣшнее, а не внутреннее. Внутреннее, въ ангелахъ самыхъ внутреннихъ небесъ, открыто въ третьей степени, и потому совершенство ихъ чрезмѣрно превосходитъ совершенство ангеловъ среднихъ небесъ, коихъ внутреннее открыто во второй степени; такимъ же образомъ, совершенство ангеловъ среднихъ небесъ, чрезмѣрно превосходитъ совершенство ангеловъ послѣднихъ небесъ.

35. Въ силу такого различія, ангелу однихъ небесъ нѣтъ входа къ ангеламъ другихъ небесъ, т. е. ангелъ нисшихъ небесъ не можетъ подняться, ни ангелъ высшихъ небесъ спуститься. Кто подымается

съ низшихъ небесъ, того объемлетъ безпокойство, доходящее до мученія; онъ никого не можетъ видѣть и еще менѣе говорить съ кѣмъ: а кто нисходитъ съ высшихъ небесъ, тотъ лишается своей мудрости, говоритъ не связно, и приходитъ въ отчаяніе. Нѣкоторые изъ живущихъ въ послѣднихъ небесахъ, еще не знавши что небеса находятся внутри ангела, думали, что они достигнутъ высшаго небеснаго блаженства, если только взойдутъ въ тѣ небеса, гдѣ ангелы наслаждаются такимъ блаженствомъ; имъ даже позволено было взойти туда, но когда они взошли, то не смотря на всѣ поиски, и на большую толпу присутствовавшихъ ангеловъ, они никого не могли увидать: внутреннія начала пришедшихъ не были открыты въ той же степени, какъ внутреннія начала ангеловъ этихъ небесъ, а потому и зрѣніе ихъ было закрыто; вскорѣ послѣ того, сердце ихъ сжалось такъ, что они едва знали живы они или нѣтъ, и потому тотчасъ перенеслись оттуда въ свои небеса, радуясь, что очутились среди своихъ, и обѣщая себѣ впередъ не желать того, что выше подходящаго къ ихъ жизни. Я также видѣлъ ангеловъ сходившихъ съ высшихъ небесъ въ низшія, и лишавшихся своей мудрости до того, что они не узнавали своихъ небесъ. Этого не случается, когда самъ Господь возноситъ нѣкоторыхъ ангеловъ изъ низшихъ небесъ въ высшія, чтобы они видѣли славу этихъ небесъ, что бываетъ довольно часто; въ такомъ случаѣ, ангелы напередъ приготовляются, а потомъ сопровождаются, ангелами посредниками, чрезъ которыхъ они сообщаются. Изъ предшествующаго видно, что всѣ трое небесъ весьма различны между собою.

36. Въ однихъ и тѣхъ же небесахъ, всякій можетъ быть въ сообществѣ съ кѣмъ онъ хочетъ, но удовольствія отъ сообщества зависятъ отъ сходства блага, въ которомъ кто находится; впрочемъ объ этомъ будетъ говорено въ послѣдующихъ главахъ.

37. Хотя небеса столь различны между собою, что ангелы однихъ небесъ не могутъ сноситься съ ангелами другихъ небесъ, тѣмъ не менѣе Господь соединяетъ всѣ небеса въ одно, наитіемъ непосредственнымъ и посредственнымъ; наитіемъ непосредственнымъ, отъ него идущимъ во всѣ небеса, и наитіемъ посредственнымъ отъ однихъ небесъ въ другія. Вслѣдствіе того, всѣ трое небесъ составляютъ одно цѣлое, и все существующее въ нихъ находится во взаимной связи, отъ перваго до послѣдняго, такъ что безсвязнаго нѣтъ ничего; что не связано промежуточнымъ съ первымъ, то не можетъ существовать, но разрушается и уничтожается.

38. Кто незнаетъ Божественнаго порядка относительно степеней, тотъ не можетъ понять какимъ образомъ небеса могутъ различаться между собою, и равно понять, что такое человѣкъ внутренній и человѣкъ внѣшній. Большею частью, въ мірѣ, не имѣютъ другаго понятія о внутреннемъ и внѣшнемъ, или о высшемъ и низшемъ, какъ о чемъ то непрерывномъ или нераздѣльномъ, идущемъ отъ чистѣйшаго до грубѣйшаго; межъ тѣмъ какъ внутреннее съ внѣшнимъ не связно, а раздѣльно. Степени бываютъ двоякаго рода:*) сплошныя и раздѣльныя (gradus

*) См. объяснит. Словарь.

continui et discreti). Сплошныя подобны степенямъ свѣта отъ яркаго пламени до потемокъ, или подобны степенямъ ясности предметовъ, по мѣрѣ ихъ освѣщенія; или еще подобны степенямъ чистоты воздуха отъ низшихъ его слоевъ до высшихъ: эти степени измѣряются растояніями. Напротивъ того, степени не сплошныя, а раздѣльныя, различны какъ начало и конецъ, какъ причина и слѣдствіе, какъ производитель и произведеніе. Всякій наблюдатель увидитъ, что каждая вещь въ мірѣ, какъ вообще, такъ и въ частности, создается и образуется по этимъ степенямъ, т. е. что отъ одной вещи происходитъ другая, отъ другой третья, и т. д. Кто не дойдетъ до постиженія этихъ степеней, тому никакъ не понять, ни различія однихъ небесъ отъ другихъ, ни различія способностей внутренняго и внѣшняго человѣка, ни различія между міромъ духовнымъ и природнымъ, ни различія между духомъ человѣка и тѣломъ его, ни уразумѣть что такое и откуда происходятъ соотвѣтствія и прообразованія (представительства, representativa), ни что значитъ наитіе. Люди чувственные не понимаютъ сихъ различій; они даже въ этихъ раздѣльныхъ степеняхъ видятъ одно сплошное, и потому, по ихъ понятію, духовное есть ничто иное какъ природное, только болѣе чистое. По этой причинѣ такіе духи стоятъ снаружи (какъ бы за порогомъ), и далеки отъ разумѣнія.

39. Въ добавокъ мнѣ позволено, объ ангелахъ всѣхъ трехъ небесъ, сказать тайну, которая доселѣ не приходила на умъ ни кому, за неразумѣніемъ степеней. Тайна эта состоитъ въ томъ, что въ каждомъ ангелѣ и въ каждомъ человѣкѣ, есть самая внутрен-

няя или высшая, духовная степень, нѣчто самое внутреннее и высшее, или, такъ сказать, тайникъ*), въ который всего прежде или всего ближе вліяетъ Божественное, исходящее отъ Господа начало, которое, затѣмъ уже, какъ бы изъ тайника этого, располагаетъ и всѣ прочія внутреннія начала, слѣдующія по степенямъ порядка, какъ въ ангелѣ, такъ и въ человѣкѣ; это внутреннее, высшее начало или тайникъ этотъ, можно назвать, въ человѣкѣ и ангелѣ, входомъ Господнимъ и даже Господнимъ въ нихъ жилищемъ. Чрезъ это внутреннее или высшее начало, человѣкъ становится человѣкомъ и отличается отъ животныхъ, у которыхъ этого внутренняго начала или тайника нѣтъ; вотъ почему человѣкъ, не какъ прочія животныя, можетъ, черезъ внутреннія начала души и духа своего (mentis et animi), возноситься Господомъ до него самого, вѣрить въ него, проникаться любовью къ нему и чрезъ это видѣть его; по этому самому человѣкъ можетъ стать пріемникомъ разумѣнія и мудрости, говорить по разсудку и наконецъ жить въ вѣчности. Однакожъ ни одинъ ангелъ не можетъ ясно постичь, что именно, провидѣніемъ Господнимъ, творится въ тайникѣ его, ибо это выше всѣхъ понятій и премудрости ангеловъ.

40. Все это было сказано о всѣхъ трехъ небесахъ вообще; вслѣдъ же за этимъ будетъ говорено о каждыхъ небесахъ въ особенности.

*) Intimum.

Небеса состоятъ изъ безчисленныхъ обществъ.

41. Ангелы каждыхъ небесъ не живутъ всѣ въ одномъ мѣстѣ, но дѣлятся на малыя и большія общества, смотря по различію блага любви и вѣры каждаго изъ нихъ; сходные между собою по благу образуютъ одно общество. Благо на небесахъ разнообразно до безконечности, и каждый ангелъ таковъ, каково его благо.

42. Ангельскія общества на небесахъ находятся даже въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, смотря по различію своего блага вообще и въ частности. Разстоянія въ духовномъ мірѣ происходятъ не отъ чего другаго, какъ отъ различія состояній внутренняго (начала); слѣд. разстоянія на небесахъ зависятъ не отъ чего иного, какъ отъ различія состояній любви. Духи, которые въ этомъ отношеніи весьма различны между собою, находятся въ большемъ разстояніи другъ отъ друга; тѣже напротивъ, которые мало между собою различны, находятся въ мѐньшемъ разстояніи; но тѣ, коихъ состоянія любви совершенно сходны, живутъ вмѣстѣ.

43 Равно различны между собою и всѣ члены одного и тогоже общества: ангелы болѣе совершенные, т. е. превосходящіе другихъ благомъ и затѣмъ любовью, мудростію и разумѣніемъ, находятся въ серединѣ; а менѣе совершенные, вокругъ ихъ, въ такомъ разстояніи, на сколько уступаютъ первымъ въ совершенствѣ. Въ этомъ отношеніи они могутъ быть уподоблены свѣту, который убываетъ отъ середины къ

окружности; кто находится въ серединѣ, тотъ въ наибольшемъ свѣтѣ, а кто ближе къ окружности, тотъ и въ свѣтѣ постепенно убывающемъ.

44. Ангелы, какъ бы сами собой влекутся къ подобнымъ себѣ; съ ними они какъ со своими и какъ дома, съ другими же они какъ съ чужими и какъ не у себя; въ сообществѣ себѣ подобныхъ они чувствуютъ себя свободными, и затѣмъ находятся въ полномъ удовольствіи жизни.

45. Изъ этого видно, что всѣхъ живущихъ на небесахъ, сближаетъ благо, и что ангелы различаются между собою по качеству его. Не сами ангелы однакожъ сближаются такимъ образомъ, но сближаетъ ихъ Господь, отъ коего исходитъ благо: Онъ самъ ведетъ ихъ, соединяетъ ихъ и распредѣляетъ, даруя каждому свободу по мѣрѣ блага его; такимъ образомъ онъ каждому даетъ жить по своей любви, вѣрѣ, разумѣнію и мудрости, и слѣдовательно во блаженствѣ.

46. Всѣ ангелы живущіе въ сходственномъ благѣ знаютъ другъ друга точно такъ, какъ люди здѣшняго міра знаютъ своихъ родителей, родственниковъ и друзей; даже знаютъ другъ друга, никогда прежде не видавшись; это происходитъ оттого, что въ той жизни нѣтъ другаго родства, сближенія и дружбы, кромѣ духовнаго, принадлежащаго любви и вѣрѣ. Нѣсколько разъ мнѣ дано было видѣть это, когда я былъ въ духѣ, т. е. отрѣшенъ отъ тѣла, и такимъ образомъ въ сообществѣ ангеловъ; тогда иныхъ я видѣлъ какъ бы знакомыхъ мнѣ съ издѣтства, другіе же казались мнѣ вовсе чужими: первые находи-

лись въ подобномъ со мною состояніи духа, а вторые, въ различномъ.

47. Всѣ составляющіе одно ангельское общество, вообще походятъ другъ на друга лицемъ, но въ частности не походятъ. Это общее сходство лицъ, и разнообразіе ихъ въ частности, можетъ быть нѣсколько понятно изъ того, что бываетъ на землѣ; извѣстно, что у каждаго народа есть въ лицѣ и глазахъ, какое-то общее сходство, по которому онъ узнается и отличается отъ другихъ; еще болѣе бываетъ это сходство у одного семейства съ другимъ; но съ гораздо большимъ совершенствомъ бываетъ оно на небесахъ, гдѣ всѣ внутреннія чувства выражаются и просвѣчиваютъ на лицѣ: лице на небесахъ есть внѣшнее изображеніе этихъ чувствъ; тамъ нельзя имѣть лице не сходное съ чувствами своими. Мнѣ было даже показано, какъ общее сходство разнообразно въ частностяхъ каждаго лица, принадлежащаго одному обществу: передо мной являлось какъ бы ангельское лице, которое въ чертахъ своихъ разнообразно измѣнялось, согласно чувствамъ блага и истины у ангеловъ одного общества; эти измѣненія продолжались долго, но я замѣчалъ, что одно выраженіе лица оставалось общимъ основаніемъ, а всѣ прочія выходили и слагались изъ него же. Такимъ же образомъ, и чрезъ это же лице, мнѣ были показаны чувства цѣлаго общества, согласно коимъ видоизмѣняется лице каждаго изъ членовъ его; ибо, какъ сказано выше, лице каждаго ангела есть образъ его внутреннихъ началъ, слѣдовательно и образъ чувствъ, принадлежащихъ его любви и вѣрѣ.

48. Вслѣдствіе того же происходитъ, что ангелъ высшей мудрости, тотчасъ видитъ по лицу каковъ другой ангелъ; на небесахъ никто не можетъ скрыть на лицѣ каковъ онъ внутри или притворяться; точно также невозможно тамъ лгать или обманывать хитростію и лицемѣріемъ. Случается иногда, что въ ангельскія общества вкрадываются лицемѣры, которые навыкли искусно скрывать свое внутреннее, и принимать внѣшность или образъ того блага, въ которомъ живутъ эти общества, и такимъ образомъ подражать ангеламъ свѣта; но они не могутъ тутъ долго оставаться: они вскорѣ начинаютъ чувствовать внутреннюю тоску, мучатся, блѣднѣютъ и какъ бы задыхаются. Такая перемѣна совершается въ нихъ, вслѣдствіе вліянія и дѣйствія на нихъ противуположной жизни; по этому они не медля кидаются обратно въ адъ, ко своимъ, и не пытаются болѣе подыматься на небеса: такого то рода духи разумѣются подъ именемъ человѣка, который среди званыхъ на пиръ и возлежащихъ, былъ найденъ одѣтымъ не въ брачное платье и ввергнутъ во тму кромѣшнюю. Мат. XXII. ст. 11 и далѣе.

49. Всѣ небесныя общества сообщаются между собою, но не прямымъ путемъ, т. е. не многіе ангелы выходятъ изъ своего общества въ другое, ибо выйти изъ своего общества, значитъ какъ бы выйти изъ себя или своей жизни, и перейти въ другую не столь подходящую; но всѣ общества сообщаются между собою чрезъ распространеніе сферы, которая исходитъ отъ жизни каждаго: сфера жизни есть сфера чувствъ любви и вѣры. Сфера эта распространяет-

ся вокругъ обществъ въ длину и ширину, и тѣмъ болѣе въ длину и ширину, чѣмъ чувства ангельскія болѣе внутренни и совершенны. Распространеніе это соразмѣрно съ разумѣніемъ и мудростію ангеловъ: сфера находящихся въ самыхъ внутреннихъ небесахъ и въ рединѣ ихъ, распространяется во всѣ небеса; такимъ образомъ всѣ небесные жители сообщаются съ каждымъ и каждый со всѣми. Но объ этомъ распространеніи сферъ будетъ говорено съ бо́льшею подробностью ниже, въ главѣ о небесномъ образѣ, согласно которому расположены ангельскія общества, и также въ главѣ о мудрости и разумѣніи ангеловъ, ибо всякое распространеніе чувствъ и мыслей совершается по этому образу.

50. Выше было сказано, что на небесахъ есть большія и малыя общества: большія состоятъ изъ миріадъ ангеловъ, малыя изъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ, а меньшія изъ нѣсколькихъ сотенъ. Есть также ангелы, живущіе уединенно, немногими семьями или домами; хотя они и живутъ порознь, но они расположены въ томъ же порядкѣ, какъ и самыя общества, т. е. мудрѣйшіе изъ нихъ находятся въ серединѣ, а самые простые на границахъ; живущіе такимъ образомъ находятся подъ ближайщемъ наблюденіемъ Господа и суть лучшіе изъ ангеловъ.

Каждое общество образуетъ небеса въ маломъ видѣ, а каждый ангелъ въ меньшемъ.

51. Каждое общество образуетъ небеса въ маломъ видѣ, а каждый ангелъ въ меньшемъ, потому имен-

но, что благо любви и вѣры образуетъ небеса, и что это благо присуще каждому небесному обществу и каждому ангелу такого общества; хотя это благо всюду различно и разнообразно, тѣмъ не менѣе это одно и тоже небесное благо: вся разница только въ различіи самихъ небесъ. Оттого и говорится про вознесшагося въ какое либо небесное общество, что онъ на небесахъ, равно и о тѣхъ, которые уже тамъ, что они въ небесахъ и каждый въ своихъ; это вѣдомо всѣмъ жителямъ того міра; по этому тѣ, кои стоятъ внѣ небесъ или подъ ними, и смотрятъ издали на жилища ангельскихъ обществъ, также говорятъ: вотъ небеса тутъ и тамъ. Это можно сравнить съ начальниками, должностными лицами и служителями при царскомъ дворцѣ; хотя они живутъ порознь, каждый въ своемъ жильѣ или въ своей горницѣ, иной на верху, другой внизу, тѣмъ не менѣе они въ одномъ и томъ же дворцѣ и при одномъ дворѣ, каждый при своей должности и на службѣ царской. Изъ этого ясно, что̀ разумѣется въ словахъ Господа: *въ дому Отца моего обители многи суть.* Іоан. XIV. 2, и у пророковъ подъ словами: *жилища небесъ и небеса небесъ.*

52. Что каждое общество образуетъ небеса въ маломъ видѣ, я могъ видѣть это изъ того, что небесный образъ каждаго общества подобенъ образу всѣхъ небесъ: посрединѣ каждыхъ небесъ, какъ было сказано выше въ н. 43, обрѣтаются ангелы болѣе совершенные, а вокругъ ихъ до самыхъ предѣловъ, въ постепенномъ порядкѣ, менѣе совершенные. Я могъ убѣдиться въ этомъ также изъ того, что Господь, не только всѣхъ живущихъ на небесахъ, но точно так-

же и всѣхъ членовъ каждаго общества, ведетъ какъ одного человѣка; вслѣдствіе этого цѣлое ангельское общество является иногда какъ одно лице, въ образѣ ангела, что и дано мнѣ было Господомъ видѣть. Равно и Господь среди ангеловъ не является окруженный сонмами ихъ, но одинъ въ образѣ ангела: вотъ почему Господь и цѣлыя общества названы въ словѣ ангеломъ; ибо Михаилъ, Гавріилъ, Рафаилъ суть не что иное, какъ ангельскія общества, коимъ даны эти имена по ихъ должностямъ.

53. Какъ цѣлое общество составляетъ по себѣ небеса въ маломъ видѣ, точно также и каждый ангелъ составляетъ ихъ въ самомъ маломъ. Небеса не внѣ ангела, а внутри его; внутреннее въ каждомъ ангелѣ, духу его принадлежащее, начало, расположено въ немъ по образу небесъ, для принятія всего небеснаго, находящагося внѣ его; и ангелъ принимаетъ это небесное по качетву блага, находящагося въ немъ отъ Господа: вотъ почему и каждый ангелъ по себѣ образуетъ небеса.

54. Никакъ нельзя сказать о комъ нибудь, что небеса находятся внѣ его, но должно сказать, что они внутри его, ибо каждый ангелъ принимаетъ небеса, которыя внѣ его, по тѣмъ небесамъ, которыя внутри его. Изъ этого ясно, сколько ошибается тотъ, кто думаетъ, что ему только стоитъ перенестись въ среду ангеловъ, чтобы войти въ небеса, какова бы ни была его внутренняя жизнь, и, что по сему, небесная жизнь даруется каждому по непосредственному милосердію Господа — тогда какъ ничего небеснаго, находящагося внѣ человѣка, не можетъ вліять

на него и не принимается имъ, если внутри его самого нѣтъ небесъ. Многіе духи, державшіеся перваго убѣжденія, были, вслѣдствіе такой вѣры, перенесены въ небеса; но, такъ какъ ихъ внутренняя жизнь была противуположна ангельской, то разумъ ихъ началъ до того помрачаться, что они дѣлались какъ бы полуумными, а воля ихъ до того стала мучиться, что они какъ бы впадали въ иступленіе; словомъ: когда жившіе дурно покушаются взойти въ небеса, то они задыхаются и мучаться тамъ подобно рыбѣ, вынутой изъ воды и оставленной на воздухѣ, или подобно животнымъ подъ колоколомъ насоса, въ безвоздушномъ эфирѣ. Изъ этого ясно, что небеса находятся внутри каждаго (человѣка), а не внѣ его!

55. Такъ какъ всѣ ангелы принимаютъ небеса, находящіяся внѣ ихъ, по качеству небесъ, находящихся внутри ихъ, то подобнымъ же образомъ они принимаютъ и Господа, потому что Божественное (начало) Господа образуетъ небеса. Вотъ почему, когда Господь является какому нибудь обществу, то его видятъ по качеству блага этого общества, т. е. не вездѣ одинаково; не потому, чтобы эта разность была въ Господѣ, но потому, что она въ тѣхъ, которые видятъ его по качеству своего блага; даже самый видъ Господа проникаетъ ихъ по качеству любви ихъ къ нему: любящіе Господа отъ всего сердца, проникнуты имъ до самой глубины души, а кто любитъ его менѣе, тотъ и менѣе проникнутъ имъ; для злыхъ же, находящихся внѣ небесъ, присутствіе Господа есть мученіе. Господь, являясь какому либо обществу, представляется ему въ образѣ ангела, но

тотчасъ отличается отъ другихъ по Божественному свѣту, исходящему отъ него.

56. Небеса находятся вездѣ, гдѣ признаютъ Господа, гдѣ вѣрятъ въ него и любятъ его; разнообразіе поклоненія ему, и разнообразіе блага въ томъ и другомъ обществѣ не предосудительно, а полезно, потому что изъ этого разнообразія слагается совершенство небесъ. Трудно объяснить это, не прибѣгнувъ къ принятымъ и обычнымъ въ наукѣ выраженіямъ, которыми толкуютъ, какимъ образомъ совершенство единицы образуется изъ разнообразія частей: всякая единица, говоритъ наука, состоитъ изъ разныхъ частей, ибо единица, въ которой ихъ нѣтъ, сама ничто, не имѣетъ формы, слѣд. не имѣетъ качества; но когда единица состоитъ изъ различныхъ частей, и когда эти части составляютъ образъ совершенный, въ которомъ каждая изъ нихъ дружно и стройно присоединяется къ другой, тогда единица, по качеству своему, совершенна. Такимъ же образомъ и небеса составляютъ единицу, состоящую изъ разнообразныхъ частей, расположенныхъ въ совершеннѣйшемъ образѣ; ибо небесный образъ (форма) есть совершеннѣйшій изъ всѣхъ образовъ. Что въ этомъ состоитъ всякое совершенство, это ясно видно по всему прекрасному и пріятному, что поражаетъ одинаково и внѣшнія чувства и духъ; ибо все прекрасное существуетъ и происходитъ не отъ чего инаго, какъ отъ сочетанія различныхъ, стройно составленныхъ и согласованныхъ частей, расположенныхъ въ совокупномъ (совмѣстномъ) или послѣдовательномъ порядкѣ: никогда это качество прекраснаго не принадлежитъ единицѣ нераз-

нообразной въ своихъ частяхъ. На этомъ основаніи говорятъ, что разнообразіе пріятно, и извѣстно, что отъ качества этого разнообразія зависитъ и его пріятность. Изъ всего этого видно, какимъ образомъ совершенство, даже небесное, происходитъ отъ разнообразія частей, ибо изъ того, что существуетъ въ мірѣ природномъ, можно, какъ бы въ зеркалѣ, видѣть то, что существуетъ мірѣ духовномъ.

57. Сказанное выше о небесахъ, можетъ быть одинаково сказано и о церкви, ибо церковь есть небеса Господни на землѣ. Церквей нѣсколько, и не смотря на то, каждая изъ нихъ называется церковью, и подлинно есть церковь на столько, на сколько благо любви и вѣры царствуютъ въ ней: Господь и тутъ, изъ различныхъ частей составляетъ одно цѣлое, т. е. одну церковь изъ нѣсколькихъ. О каждомъ человѣкѣ церкви можно сказать въ частности тоже, что о церкви вообще, а именно, что церковь внутри человѣка, а не внѣ его, и что каждый человѣкъ, въ коемъ Господь присущъ во благѣ любви и вѣры, есть также церковь. Объ ангелѣ, въ коемъ находятся небеса, можно сказать тоже самое, что и о человѣкѣ внутри коего церковь: т. е. какъ ангелъ по себѣ образуетъ небеса въ маломъ видѣ, такъ и человѣкъ образуетъ въ маломъ видѣ церковь; болѣе того, тотъ человѣкъ внутри котораго церковь, образуетъ собою такіяже небеса какъ и ангелъ, ибо человѣкъ созданъ для того, чтобъ идти въ небеса и быть ангеломъ; вотъ почему всякій пріемлющій благо отъ Господа, есть человѣкъ-ангелъ. Кстати должно сказать, что̀ одинаково свойственно человѣку и ангелу, и что̀ сверхъ того свой-

ственно одному только человѣку: *человѣку и ангелу* одинаково свойственно то, что внутреннее ихъ начало сотворено по образу небесъ, и что тотъ и другой становится образомъ небесъ, на сколько они живутъ во благѣ любви и вѣры. Сверхъ этого, *только одному человѣку* свойственно, что его внѣшнее сотворено по образу міра, и что, на сколько онъ живетъ во благѣ, на столько мірское въ нёмъ подчинено небесамъ и служитъ имъ, и что тогда Господь присущъ во внутреннемъ и внѣшнемъ его человѣкѣ, какъ бы во своихъ небесахъ; въ томъ и другомъ Господь находится въ своемъ Божественномъ порядкѣ, потому что Богъ есть самый порядокъ.

58. Наконецъ должно сказать, что небеса находятся внутри кого либо, не только въ его общихъ или главныхъ частяхъ, но даже въ малѣйшихъ и мельчайшихъ, потому что малѣйшая часть въ немъ изображаетъ въ себѣ и наибольшую. Это происходитъ отъ того, что каждый человѣкъ есть олицетвореніе своей любви и таковъ, какъ царствующая въ немъ любовь: ибо господствующее начало вліяетъ во всѣ малѣйшія частицы, устрояетъ ихъ, и всюду вводитъ свое подобіе. Царствующая любовь на небесахъ есть любовь къ Господу, онъ тамъ любимъ выше всего, а потому Господь на небесахъ и есть все во всемъ. Онъ наитствуетъ на всѣхъ ангеловъ вообще и на каждаго въ особенности, устрояетъ ихъ, облекаетъ ихъ въ свое подобіе, и присутствіемъ своимъ образуетъ небеса; вотъ почему каждый ангелъ образуетъ небеса въ маломъ видѣ, общество въ большомъ а всѣ общества вмѣстѣ въ наибольшемъ.

Всѣ небеса въ собокупности изображаютъ какъ бы одного человѣка.

59. Эта тайна еще невѣдома въ мірѣ, но она весьма извѣстна на небесахъ; знаніе этой тайны, со всѣми частностями и подробностями относящимися до нея, есть главный предметъ ангельскаго разумѣнія; отъ этого знанія зависитъ и многое другое, что безъ познанія самой тайны, какъ общаго начала, не могло бы отчетливо и ясно входить въ ангельскія понятія. Зная, что всѣ небеса, вмѣстѣ съ обществами, изображаютъ какъ бы одного человѣка, они называютъ небеса „Большимъ или Божественнымъ Человѣкомъ." Божественнымъ потому, что Божественное начало Господа образуетъ собою небеса. См. выше нн. 7—12.

60. Люди безъ вѣрнаго понятія о духовныхъ и небесныхъ предметахъ не могутъ постичь, чтобъ духовное и небесное могло быть устроено и соединено въ образъ и подобіе человѣка; они думаютъ, что земное и вещественное, составляющее послѣднее въ человѣкѣ, составляетъ и его самого, и что безъ этого человѣкъ не есть человѣкъ; но да будетъ имъ вѣдомо, что человѣкъ становится человѣкомъ, не въ силу земныхъ и вещественныхъ началъ изъ коихъ сложилось тѣло его, но въ силу того, что онъ можетъ разумѣть истину и хотѣть благо: это послѣднее и есть то духовное и небесное, что дѣйствительно составляетъ человѣка. Всякому извѣстно, что человѣкъ таковъ, каковы его разумъ и воля; но сверхъ того человѣкъ могъ бы знать, что земное тѣло его сотво-

рено для земной службы разуму и волѣ, и для отправленія, согласно ихъ требованіямъ, службы въ послѣдней сферѣ природы; по этому самому тѣло нисколько не дѣйствуетъ само по себѣ, но вполнѣ повинуется разуму и волѣ; и до такой степени, что всякую мысль свою человѣкъ выражаетъ языкомъ и устами, а все, что желаетъ волею, исполняетъ тѣломъ и членами; такимъ образомъ все дѣлаетея тѣломъ по разуму и волѣ, а само тѣло по себѣ ничего не дѣлаетъ. Изъ этого ясно, что начала разума и воли составляютъ человѣка и, что дѣйствуя на самомалѣйшія частицы тѣла, какъ внутреннее на внѣшнее, они во образѣ своемъ подобны человѣку, который посему и называется внутреннимъ или духовнымъ; такого именно человѣка, въ наибольшемъ и совершеннѣйшемъ видѣ, изображаютъ небеса.

61. При такомъ понятіи о человѣкѣ, ангелы никогда не обращаютъ вниманія на то, что онъ дѣлаетъ тѣлесно, но смотрятъ на волю, по которой дѣйствуетъ тѣло; эту волю они называютъ самимъ человѣкомъ; также и разумъ его, когда онъ съ волей составляетъ одно цѣлое.

62. Ангелы однакожъ не видятъ всѣхъ небесъ вмѣстѣ въ образѣ одного человѣка, потому что ни одинъ ангелъ не можетъ обнять взглядомъ всѣхъ небесъ; но, въ этомъ образѣ, они видятъ иногда цѣлыя общества, находящіяся въ дали отъ нихъ, и состоящія изъ нѣсколькихъ тысячъ ангеловъ; по одному обществу, какъ части, они заключаютъ и о цѣломъ, т. е. и о всѣхъ небесахъ; ибо въ совершеннѣйшемъ образѣ цѣлое отвѣчаетъ части, а часть цѣлому: одно разли-

чіе въ величинѣ. Посему ангелы и говорятъ, что Господь видитъ всѣ небеса въ томъ образѣ, въ которомъ имъ видно только одно общество, ибо Божество, изъ глубины тайника своего (ex intimo), объемлетъ и видитъ все.

63. Вслѣдствіе такого человѣческаго образа небесъ, Господь и управляетъ ими какъ однимъ человѣкомъ или единицею; извѣстно, что хотя человѣкъ состоитъ изъ несчетно-разнообразныхъ частей, какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльности (въ цѣломъ, изъ членовъ, органовъ и черёвъ (viscera), а въ отдѣльности, изъ волоконъ, нервовъ и кровеносныхъ сосудовъ, слѣд. изъ членовъ внутри членовъ и изъ частицъ внутри частей), — но тѣмъ не менѣе онъ дѣйствуетъ какъ одинъ человѣкъ: таковы и небеса подъ управленіемъ и усмотрѣніемъ Господа.

64. Не смотря на такое разнообразіе частей, человѣкъ потому составляетъ одно цѣлое, что въ немъ нѣтъ ни одной частицы, которая бы не содѣйствовала цѣлому и не отправляла службы; цѣлое служитъ для частей своихъ, и части служатъ для цѣлаго, ибо цѣлое состоитъ изъ частей и части составляютъ цѣлое; вслѣдствіе этого одна часть радѣетъ о другой, соблюдаетъ ее, и, взаимно соединяясь, принимаетъ такой образъ, что они всѣ вмѣстѣ, какъ вообще такъ и въ частности, содѣйствуютъ цѣлому и благу его: такимъ образомъ они дѣйствуютъ, какъ единица. Такимъ же образомъ и общества на небесахъ соединяются въ одно цѣлое, смотря по отправленію каждымъ изъ нихъ службы своей; не отправляющіе никакой службы для цѣлаго, отстра-

няются какъ разнородныя части: отправлять службу, значитъ хотѣть блага, а не отправлять службы, значитъ хотѣть другимъ блага, не ради общаго блага, а ради себя самого, и, при этомъ, болѣе всего любить себя, а въ первомъ случаѣ болѣе всего любить Господа. Такимъ то образомъ всѣ живущіе на небесахъ составляютъ какъ одно цѣлое; не сами по себѣ однакожъ, но по Господу: на него они взираютъ, какъ на Единаго, отъ котораго исходитъ все, а на царство его, какъ на общину, о которой должно пещись; это самое разумѣется въ словахъ Господа: *Ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ,* Матѳ. VI. 33. — Искать правды его значитъ искать блага его. Любящіе въ этомъ мірѣ благо отечества болѣе своего, и благо ближняго какъ свое, въ той жизни любятъ и ищутъ царство Господне, ибо тамъ царство Господне имъ замѣсто отечества; а любящіе творить благо другимъ, не ради себя, но ради блага, любятъ тамъ ближняго, ибо для нихъ благо есть ближній: всѣ такіе люди находятся въ большомъ человѣкѣ, т. е. на небесахъ.

65. Такъ какъ всѣ небеса не только изображаютъ одного человѣка, но, можно сказать, и составляютъ божественно-духовнаго человѣка въ наибольшемъ образѣ, даже по виду, то небеса и различаются, подобно человѣку, на члены и части, которыя и одинаково именуются; ангелы знаютъ въ какомъ членѣ находится то или другое общество, и говорятъ: такое то общество находится въ такой то части или области головы, другое въ такой то части или области груди, а третье въ такой то части или области чреслъ

и т. д. Вообще, высшія или третія небеса составляютъ голову до шеи; среднія или вторыя небеса — грудь и туловище до колѣнъ; а послѣднія или первыя — ноги отъ колѣнъ до подошвъ, и руки отъ плечъ до пальцевъ, ибо руки съ пальцами, хотя они и съ боковъ тѣла, но составляютъ послѣднее въ человѣкѣ. Изъ этого еще разъ видно почему трое небесъ.

66. Духи находящіеся подъ небесами, весьма дивятся слышать и видѣть, что есть небеса надъ ними и подъ ними: духи эти думаютъ и вѣрятъ, какъ люди въ мірѣ, что небеса только на верху; они не знаютъ, что расположеніе небесъ подобно расположенію членовъ, органовъ и черёвъ (viscera) въ человѣкѣ, изъ коихъ нѣкоторые лежатъ выше, другіе ниже, и также подобно расположенію частей въ каждомъ членѣ, органѣ и черёвѣ, изъ воихъ нѣкоторыя наружи, а другія внутри. Вотъ откуда происходитъ и сбивчивость понятій этихъ духовъ о небесахъ.

67. Эти подробности о небесахъ, какъ о большомъ человѣкѣ, потому приведены здѣсь, что безъ предварительнаго познанія ихъ, никакъ нельзя было бы понять то, что будетъ сказано ниже о небесахъ, ни составить себѣ яснаго понятія о небесномъ образѣ (формѣ), о соединеніи Господа съ небесами, о соединеніи небесъ съ человѣкомъ, о вліяніи духовнаго міра на природный, и вовсе никакаго о соотвѣтствіяхъ; а такъ какъ о всемъ этомъ будетъ говорено по порядку ниже, то все предшествующее и было сказано для ясности послѣдующаго.

Каждое общество на небесахъ изображаетъ человѣка.

68. Что каждое общество на небесахъ изображаетъ человѣка, и также подобно ему по образу своему, мнѣ нѣсколько разъ дано было видѣть это. Въ одно общество вкралось нѣсколько духовъ, которые сумѣли показаться ангелами свѣта; это были лицемѣры; по мѣрѣ того, какъ они отдѣлялись отъ ангеловъ, я видѣлъ, какъ все общество сперва казалось чѣмъ то темнымъ, какъ затѣмъ оно постепенно принимало человѣческій, еще не ясный образъ, и какъ наконецъ, въ полномъ свѣтѣ, стало подобнымъ человѣку. Всѣ бывшіе во благѣ сего общества, находились въ этомъ человѣкѣ и составляли его, прочіе же, не находившіеся въ немъ и не составлявшіе его, были лицемѣры; послѣдніе были откинуты, а первые оставлены; такимъ образомъ совершилось раздѣленіе. Лицемѣрами называются тѣ, которые говорятъ и дѣйствуютъ хорошо, но которые во всемъ видятъ только самихъ себя; они одинаково съ ангелами говорятъ о Господѣ, о небесахъ, о любви, о жизни небесной, и одинаково съ ними поступаютъ хорошо, чтобъ показаться на дѣлѣ такими же какъ и на словахъ; но думаютъ они иначе: ни во что не вѣрятъ, никому не хотятъ блага, кромѣ себя, добро дѣлаютъ только для самихъ себя, а если и для другихъ, то только на показъ, и слѣдовательно тоже для себя.

69. Мнѣ дано было видѣть и то, какъ цѣлое общество, въ присутствіи Господа, является едини-

цей въ человѣческомъ образѣ. На высотѣ, къ востоку, появилось что-то въ родѣ облачка, цвѣту переходящаго отъ бѣлаго къ алому, со звѣздочками вокругъ; оно опускалось, постепенно становилось свѣтлѣе, и наконецъ явилось мнѣ въ совершенномъ человѣческомъ образѣ; звѣздочки вокругъ облачка были ангелы, которые казались звѣздами по свѣту исходящему отъ Господа.

70. Надо знать, что хотя всякое общество, когда оно въ сборѣ, является однимъ лицемъ въ образѣ человѣка, тѣмъ не менѣе, ни одно общество въ человѣческомъ образѣ своемъ, не подобно другому обществу; они различаются между собой, какъ лица одной семьи; причина сему таже, что была изложена выше, въ н. 47, т. е. что общества различаются между собою по разнообразію блага, въ которомъ они живутъ, и отъ котораго зависитъ ихъ видимый образъ: въ совершеннѣйшемъ и прекраснѣйшемъ человѣческомъ образѣ, являются общества, находящіяся въ самыхъ внутреннихъ или высшихъ небесахъ и въ центрѣ этихъ небесъ.

71. Достойно замѣчанія, что чѣмъ болѣе ангеловъ составляютъ одно небесное общество, и образуютъ одно цѣлое, тѣмъ совершеннѣе человѣческій образъ этого общества: какъ было сказано выше въ н. 56, разнообразіе устроенное по небесному образу, производитъ совершенство, а гдѣ болѣе ангеловъ, тамъ и болѣе разнообразія. Каждое небесное общество ежедневно растетъ въ числѣ своемъ, и вмѣстѣ съ этимъ становится совершеннѣе; вслѣдствіе этого совершенствуется не только одно общество, но

и всѣ небеса, ибо они всѣ состоятъ изъ различныхъ обществъ. Еслиже небеса совершенствуются съ приращенiемъ числа своихъ жителей, то изъ этого видно сколь ошибаются тѣ, кои полагаютъ, что небеса отъ полноты своей замкнутся; напротивъ, чѣмъ они будутъ полнѣе, тѣмъ они будутъ совершеннѣе; а потому и ангелы ничего не желаютъ болѣе, какъ принимать къ себѣ новоприбывшихъ ангеловъ.

72. Каждое общество, яляясь въ сборѣ своемъ единицей, потому принимаетъ человѣческiй образъ, что это, какъ было сказано выше, свойственно и цѣлымъ небесамъ; въ совершеннѣйшемъ образѣ, каковъ образъ небесъ, части подобны цѣлому, и малѣйшiя самымъ большимъ; а эти то частицы и части суть ничто иное, какъ общества, изъ которыхъ состоятъ небеса; что эти общества такiя же небеса въ маломъ видѣ, см. нн. 51 до 58. Такое постоянное сходство основано на томъ, что на небесахъ, благо каждаго исходитъ изъ единой любви, и слѣдовательно изъ одного источника; эта единая любовь, отъ которой исходитъ всякое благо на небесахъ, есть любовь къ Господу, исходящая отъ него самого; вотъ почему всѣ небеса, какъ одно цѣлое, составляютъ его подобiе въ общемъ видѣ, каждое общество въ меньшемъ, а каждый ангелъ въ частности.

Внѣшній образъ каждаго ангела есть совершенно человѣческій.

73. Въ двухъ предшествующихъ главахъ было показано, что небеса, въ совокупности своей, изображаютъ человѣка, равно какъ и каждое небесное общество въ отдѣльности; по вышеизложеннымъ причинамъ слѣдуетъ тоже самое заключить и о каждомъ ангелѣ. Какъ небеса составляютъ человѣка въ наибольшемъ образѣ, и каждое небесное общество въ меньшемъ, такъ и каждый ангелъ въ наименьшемъ; ибо въ образѣ столь совершенномъ, каковъ образъ небесъ, цѣлое подобно части, а часть подобна цѣлому; это происходитъ оттого, что небеса образуютъ общину, которая сообщаетъ каждому все небесное, и каждаго надѣляетъ всѣмъ тѣмъ, что въ немъ есть. Становясь такимъ образомъ пріемникомъ, ангелъ становится и небесами въ маломъ видѣ. Точно такъ и человѣкъ: на сколько онъ пріемлетъ въ себя небеса, на столько онъ становится такимъ пріемникомъ, за тѣмъ небесами, и ангеломъ; см. выше н. 37. — Это самое сказано въ Апокалипсисѣ слѣдующимъ образомъ: *И размѣри стѣну его* (святаго Іерусалима) *во сто и четыредесять и четыре локтя, въ мѣру человѣческу, яже есть ангела.* XX. 17. — Іерусалимъ здѣсь означаетъ церковь Господню, а въ высшемъ смыслѣ небеса; стѣна обозначаетъ истину, охраняющую отъ нападеній лжи и зла; число 144 означаетъ всѣ блага и истины въ совокупности; мѣра означаетъ качество; человѣкъ означаетъ того, въ которомъ всѣ эти блага и истины

находятся вообще и въ частности, слѣд. того, въ комъ находятся небеса; а какъ ангелъ, въ силу принятія имъ этихъ благъ и истинъ, есть также человѣкъ, то и сказано: мѣра человѣка яже есть ангела. Вотъ внутренній смыслъ этихъ словъ, безъ котораго никто не могъ бы понять, что стѣна Святаго Іерусалима есть мѣра человѣка, т. е. ангела.

74. Теперь обратимся къ опыту. Что ангелы имѣютъ человѣческій образъ, т. е. что они такіе же люди, это я видѣлъ до тысячи разъ: я разговаривалъ съ ними какъ человѣкъ съ человѣкомъ, иногда съ однимъ, иногда со многими вмѣстѣ, и никогда я не видалъ, чтобы внѣшній образъ ихъ чѣмъ нибудь разнился отъ человѣческаго; иногда я дивился этому; но чтобы это небыло приписано обману чувствъ или воображенія, мнѣ дано было видѣть ихъ на яву, при полномъ сознаніи чувствъ, и въ состояніи яснаго постиженія. Я часто разсказывалъ имъ, какъ люди въ христіанскомъ мірѣ, по слѣпому невѣжеству своему, думаютъ, что ангелъ или духъ есть одинъ умъ (mens, духъ) безъ образа, или одна только мысль, или наконецъ нѣчто эфирное одаренное началомъ жизни; такимъ образомъ, не оставляя духу ничего человѣческаго, кромѣ способности мышленья, люди думаютъ, что духъ не видитъ за неимѣніемъ глазъ, не слышитъ за неимѣніемъ ушей, и не говоритъ за неимѣніемъ языка и рта. На это ангелы отвѣчали мнѣ, что они знаютъ о существованіи такого понятія у многихъ въ мірѣ, о преобладаніи его въ особенности въ ученомъ сословіи, и также, къ удивленію ихъ, въ духовенствѣ; они даже поясняли это тѣмъ, что ученые, находящіеся во главѣ прочихъ и

первые подающіе такое понятіе объ ангелахъ и духахъ, судятъ объ нихъ по чувственному началу внѣшняго человѣка; а кто мыслитъ на основаніи этого начала, а не по внутренному свѣту и общему понятію, врожденному каждому человѣку, тотъ не можетъ мыслить иначе, потому что чувственное начало внѣшняго человѣка понимаетъ одно только природное, а не то, что выше его, и слѣд. не можетъ имѣть никакого понятія о духовномъ мірѣ. Отъ этихъ вождей и наставниковъ ложное понятіе объ ангелахъ перешло и къ тѣмъ, которые мыслили не своимъ разумомъ, но чужимъ; а кто беретъ свои мысли у другаго, сперва убѣждается въ нихъ, и, уже послѣ того, разбираетъ ихъ своимъ разумомь, тотъ трудно отстаетъ отъ своихъ понятій и, утвердившись въ нихъ, большею частью успокоивается. Далѣе, ангелы сказали мнѣ, что у людей простыхъ сердцемъ и вѣрою, нѣтъ такого понятія объ ангелахъ, но что они думаютъ объ нихъ, какъ о небесныхъ людяхъ, потому что они ученостію своею не потушили врожденнаго имъ свыше понятія, и не могутъ себѣ представить чего нибудь безъ образа; по этому самому ангелы во храмахъ, на картинахъ или въ статуяхъ никогда не изображаются иначе, какъ людьми. Объ этой способности постиженія, врожденной свыше, ангелы сказали мнѣ, что это есть то самое Божественное начало, которое наитствуетъ на тѣхъ, коихъ вѣра и жизнь во благѣ.

75. По всему, что мнѣ дано было извѣдать на опытѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, я могу утвердительно сказать, что ангелы, по внѣшнему образу своему, такіе же люди, какъ мы; что у нихъ

есть лице, глаза, уши, грудь, руки, пальцы, ноги; что они другъ друга видятъ, слышатъ, и говорятъ между собою; словомъ, у нихъ есть все, что принадлежитъ человѣку, кромѣ вещественнаго тѣла. Я видѣлъ ихъ въ свѣтѣ, который много превосходитъ полуденный свѣтъ здѣшняго міра, и въ этомъ свѣтѣ, я различалъ всѣ черты лица ихъ гораздо отчетливѣе и яснѣе, чѣмъ лица людей на землѣ. Мнѣ также дано было видѣть ангела самыхъ внутреннихъ небесъ: лице его блистѣло и сіяло болѣе, чѣмъ у ангеловъ низшихъ небесъ; я разсмотрѣлъ его, и могу сказать, что онъ былъ въ совершеннѣйшемъ человѣческомъ образѣ.

76. Однакожъ должно знать, что человѣкъ не можетъ видѣть ангеловъ глазами плоти, но глазами духа, который внутри человѣка, потому что духъ его принадлежитъ духовному міру, а все тѣлесное природному; подобное видитъ только подобное, потому что оно состоитъ изъ подобнаго ему начала. Ктому же орудіе тѣлеснаго зрѣнія, т. е. глазъ, такъ грубъ, что, какъ извѣстно каждому, онъ не можетъ разсмотрѣть малѣйшихъ произведеній природы безъ пособія оптическихъ снарядовъ; еще менѣе можетъ онъ видѣть то, что выходитъ изъ области внѣшней природы, т. е. все принадлежащее духовному міру. Тѣмъ не менѣе человѣкъ можетъ прозрѣть въ духовный міръ, когда онъ отрѣшается отъ зрѣнія тѣлеснаго, и ему открывается зрѣніе духовное; если угодно Господу, это совершается въ одно мгновеніе, и тогда человѣкъ вполнѣ увѣренъ, что онъ видитъ глазами тѣла. Такимъ образомъ ангелы были узрѣны Авраамомъ, Лотомъ, Маноахомъ и пророками; подобнымъ образомъ Господь, по воскре-

сенiи своемъ, былъ узнанъ учениками своими; и наконецъ, такимъ же образомъ я самъ видѣлъ ангеловъ. Пророки, обладая такого рода зрѣнiемъ, были названы: *прозорливцами, и людьми, коихъ очеса отверзты.* 1. Цар. IX. 9.; XXIII. 3. Дать узрѣть такимъ образомъ, выражалось словами: *отверзать очи*, что и было сдѣлано съ отрокомъ Елиссея, какъ видно изъ слѣдующаго: *И помолися Елиссей и рече: Господи отверзи нынѣ очи отрока, да узритъ; и отверзе Господь очи его и виде: и се гора исполнь коней и колесница огненна окрестъ Елиссеа.* 4. Цар. VI. 17.

77 Добрые духи, съ которыми я говорилъ объ этомъ предметѣ, соболѣзновали сердцемъ о такомъ невѣжествѣ церкви относительно небеснаго быта духовъ и ангеловъ; они съ негодованiемъ просили меня сказать, что они вовсе не умы (духи), безъ образа (формы), и не эфирныя дыханiя, но что они люди въ человѣческомъ образѣ, и что они видятъ, слышатъ и чувствуютъ точно такъ, какъ и люди на землѣ.

Небеса, вообще и въ частности, изображаютъ человѣка, вслѣдствiе Божественной человѣчности Господа.

78. Это слѣдуетъ какъ заключенiе изъ всего сказаннаго и доказаннаго въ предшествующихъ главахъ, а именно: 1. Что Господь естъ Богъ небесъ. 2. Что Божественное начало Господа образуетъ небеса. 3. Что небеса состоятъ изъ безчисленныхъ обществъ, изъ коихъ каждое образуетъ небеса въ маломъ видѣ, а каждый ангелъ въ меньшемъ. 4. Что всѣ небеса

въ совокупности изображаютъ одного человѣка. 5. Что каждое общество на небесахъ также изображаетъ одного человѣка. 6. Что по сему и каждый ангелъ, по образу своему, естъ совершенный человѣкъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что если Божественное (начало) образуетъ небеса, то и самый образъ его есть человѣческій.

79. Эта истина была мнѣ доказана многократнымъ опытомъ, о которомъ я частію скажу теперь слѣдующее. Ни одинъ ангелъ на небесахъ не постигаетъ Божественнаго начала (Divinum) въ иномъ образѣ, какъ человѣческомъ; и, что удивительно, даже ангелы высшихъ небесъ не могутъ думать о Божественномъ началѣ иначе; они въ необходимости мыслить такимъ образомъ, вслѣдствіе наитія на нихъ самого Божественнаго начала, и вслѣдствіе самого образа небесъ, согласно которому мысли ихъ распространяются вокругъ нихъ, ибо каждая ангельская мысль распространяется на небесахъ, и разумѣніе и мудрость ангельскія соразмѣрны этому распространенію. Вотъ почему всѣ, кто на небесахъ, признаютъ Господа, ибо нѣтъ Божественнаго человѣческаго начала ни въ комъ, кромѣ самого Господа. Все это не только было сказано мнѣ ангелами, но и дано было постичь самому, когда я возносился во внутреннюю сферу небесъ; изъ чего видно, что ясность постиженія этой истины зависитъ отъ степени мудрости ангеловъ. Вотъ почему и самъ Господь является имъ видимо; ибо онъ является въ Божественномъ ангельскомъ образѣ, т. е. въ человѣческомъ, только тѣмъ, которые признаютъ и вѣрятъ, что Божественное начало видимо, а не тѣмъ,

по мнѣнію которыхъ оно не видимо; первые могутъ видѣть его, а вторые не могутъ.

80. Такъ какъ ангелы постигаютъ не Божественное невидимое начало, называя его Божествомъ безъ образа, но Божественное начало видимое въ человѣческомъ образѣ, то они обыкновенно и говорятъ, что одинъ Господь человѣкъ, что они люди только по немъ, и что каждый становится человѣкомъ по мѣрѣ принятія имъ Господа. Подъ принятіемъ Господа они разумѣютъ принятіе блага и истины, исходящихъ отъ него, ибо онъ самъ пребываетъ въ своемъ благѣ и въ своей истинѣ; они называютъ это мудростію и разумѣніемъ, говоря: всякій знаетъ, что разумѣніе и мудрость составляютъ человѣка, а не личность его безъ этихъ началъ. Что это такъ, то это видно по ангеламъ внутреннихъ небесъ: будучи по Господу во благѣ и истинѣ, а затѣмъ въ мудрости и разумѣніи, они являются въ прекраснѣйшемъ и совершеннѣйшемъ человѣческомъ образѣ, а ангелы низшихъ небесъ въ менѣе совершенномъ и менѣе прекрасномъ. Въ аду же на оборотъ: жители его кажутся, при небесномъ свѣтѣ, не людьми, а чудовищами, потому что они живутъ не во благѣ и истинѣ а во злѣ и лжи, т. е. въ противуположныхъ, мудрости и разумѣнію, началахъ; по этому и жизнь ихъ не называется жизнію, а духовною смертію.

81. Такъ какъ небеса, въ цѣломъ и въ частности, изображаютъ человѣка, вслѣдствіе Божественнаго человѣческаго начала Господа, то ангелы и говорятъ, что они пребываютъ въ Господѣ, и даже въ тѣлѣ его, какъ говорятъ нѣкоторые изъ нихъ; подъ этимъ они

разумѣютъ пребывать во благѣ и любви Господней, какъ учитъ тому и самъ Господь, говоря: *Будите въ мнѣ и азъ въ васъ; якоже розгà не можетъ плода сотворити о себѣ, аще не будетъ въ лозѣ, тако и вы, аще во мнѣ не пребудете; яко безъ мене не можете творити ничесоже; будите въ любви моей; аще заповѣди моя соблюдете, пребудете въ любви моей.* Іоан. XV. 4—10.

82. Вслѣдствіе того, что небеса не иначе постигаютъ Божественное начало, каждому человѣку, хотя нѣсколько пріемлещему небесное наитіе, врождено понятіе о Божествѣ въ человѣческомъ образѣ; такъ было въ древности, такъ и въ настоящее время, какъ внутри церкви, такъ и внѣ ея; простые люди мысленно представляютъ себѣ Божество, во образѣ старца окруженнаго сіяніемъ. Но это врожденное понятіе погасло во всѣхъ тѣхъ, кои своимъ разумѣніемъ и жизнію во злѣ, удалились отъ небеснаго наитія; кто погасилъ въ себѣ это понятіе собственнымъ разумомъ, тотъ признаетъ невидимаго Бога, а кто погасилъ это понятіе жизнію во злѣ, тотъ не признаетъ никакого Бога. Ни тѣ, ни другіе не знаютъ о существованіи этого врожденнаго понятія, потому что его нѣтъ въ нихъ; межъ тѣмъ какъ это понятіе есть то самое Божественное небесное начало, которое первое входитъ въ человѣка наитіемъ съ небесъ, потому что человѣкъ рожденъ для небесъ, и никто не входитъ въ небеса безъ понятія о Божественномъ началѣ.

83. Изъ этого слѣдуетъ, что у кого нѣтъ должнаго понятія о небесахъ, т. е. о Божественномъ началѣ, коимъ существуютъ небеса, тотъ не можетъ и подняться

къ первому порогу ихъ; какъ только онъ приближается къ нимъ, онъ чувствуетъ въ себѣ сопротивленіе и оттолкновеніе. Это происходитъ отъ того, что его внутреннее начало не открыто къ принятію небесъ, а замкнуто, какъ неподходящее къ небесному образу; и даже, чѣмъ болѣе такой человѣкъ приближается къ небесамъ, тѣмъ крѣпче замыкается его внутреннее начало. Такова участь тѣхъ, которые, принадлежа къ церкви, отрицаютъ Господа и, подобно социніанцамъ, отрицаютъ Божественность его; какова же участь рожденныхъ внѣ церкви, которымъ, за неимѣніемъ Слова, Господь невѣдомъ, объ этомъ будетъ сказано въ послѣдствіи.

84. Что у древнихъ было понятіе о человѣчности Божества, это ясно изъ явленій Божества Аврааму, Лоту, Іисусу Навину, Гедеону, Маноаху, супругѣ его и другимъ, которые, хотя видѣли Бога, какъ человѣка, тѣмъ не менѣе поклонялись ему, какъ Богу вселенной, называя его самимъ Богомъ небесъ и земли, и Іеговою; что Аврааму являлся Господь, это онъ самъ говоритъ у Іоан. въ главѣ VIII. 56; а что онъ же являлся и прочимъ, это ясно изъ словъ его: *Ни гласа его* (*отца*) *нигдѣ же слышасте, ни видѣнія его видѣсте.* Іоан. V. 37. 1. 18.

85. Но судящіе обо всемъ по чувственному внѣшняго человѣка, съ трудомъ могутъ понять, что Богъ есть человѣкъ. Чувственный человѣкъ можетъ думать не иначе о Божествѣ, какъ по мірскому и по предметамъ здѣшняго міра, а потому, о Божественномъ и духовномъ человѣкѣ, не иначе, какъ о человѣкѣ плотскомъ и природномъ; на этомъ основаніи онъ

заключаетъ, что если Богъ человѣкъ, то онъ долженъ быть огроменъ какъ вселенная, и, если онъ управляетъ небесами и землею, то вѣроятно черезъ многихъ помошниковъ, подобно царямъ здѣшняго міра. Если сказать такому человѣку, что на небесахъ нѣтъ пространства, какъ здѣсь, то онъ вовсе не пойметъ этого; ибо кто привыкъ думать по природѣ и при одномъ свѣтѣ ея, тотъ не можетъ думать, отрѣшаясь отъ понятій о пространствѣ, въ которомъ онъ живетъ; но весьма ошибается, кто такимъ же образомъ думаетъ и о небесахъ. Пространство на землѣ не подобно пространству на небесахъ: здѣсь оно опредѣляемо, и потому измѣримо, а на небесахъ оно неопредѣляемо и потому неизмѣримо*). Всякій знаетъ, какъ далеко простирается зрѣніе глаза, даже до солнца и звѣздъ, столь далеко отстоящихъ отъ насъ; кто мыслитъ глубже, тотъ знаетъ, что внутреннее, мысли принадлежащее, зрѣніе, простирается дальше, и что по сему, зрѣніе еще болѣе внутреннее, можетъ простираться еще дальше; каково же должно быть зрѣніе самое внутреннее и высшее, т. е. Божественное? Вслѣдствіе такой всеобъемлющей способности мысли, все, что есть на небесахъ, равно и все, относящееся до Божественнаго начала, коимъ образуются и исполняются небеса**), сообщается каждому живущему въ нихъ.

86. Небесные жители удивляются, что люди считаютъ себя разумными, когда думаютъ о Богѣ, какъ

*) О протяженіи пространства на небесахъ будетъ говорено ниже, въ главѣ о пространствѣ и времени въ духовномъ мірѣ.

**) Какъ показано въ предъидущихъ главахъ.

о существѣ невидимомъ, т. е. ни въ какомъ образѣ не постигаемомъ, и что мыслящихъ иначе они называютъ не разумными и даже простыми, межъ тѣмъ какъ выходитъ на оборотъ. Ангелы говорятъ, пусть эти разумники испытаютъ себя, не видятъ ли они вмѣсто Бога природу, иные ту, которая передъ ихъ глазами, другіе ту, которая не подлежитъ ихъ зрѣнію? Не слѣпы ли они до того, что незнаютъ, что такое Богъ, что такое ангелъ, что такое духъ, что такое душа ихъ, которая будетъ жить послѣ смерти, что такое жизнь небесная въ человѣкѣ, и многое другое, принадлежащее разумѣнію? Межъ тѣмъ какъ все это знаютъ, понимая по своему, тѣ, которыхъ они называютъ простыми. О Богѣ у нихъ понятіе, какъ о Божествѣ въ человѣческомъ образѣ; объ ангелѣ, какъ о небесномъ человѣкѣ; о душѣ, которая будетъ жить послѣ смерти, что она подобна ангелу; о небесной жизни человѣка, что она есть жизнь по заповѣдямъ Божественнымъ. По всему этому ангелы называютъ этихъ простыхъ разумными и готовыми для небесъ, а другихъ, напротивъ, неразумными.

Все что есть на небесахъ соотвѣтствуетъ всему, что есть въ человѣкѣ.

87. Нынѣ по многимъ причинамъ незнаютъ, что̀ такое соотвѣтствіе. Одна изъ главныхъ причинъ та, что человѣкъ удалился отъ небесъ любовію къ себѣ и къ міру; а кто болѣе всего любитъ себя и міръ, тотъ взираетъ на одно только мірское, потому что

оно ласкаетъ его внѣшнія чувства, и пріятно его природнымъ наклонностямъ; на духовное же онъ не взираетъ, ибо оно ласкаетъ внутреннія чувства, и пріятное для духа; по этому люди и отбрасываютъ духовное, говоря, что оно выше ихъ пониманія. Древніе поступали иначе: для нихъ наука соотвѣтствій была главною изъ всѣхъ наукъ; въ ней они почерпали разумѣніе и мудрость, и чрезъ нее, люди принадлежавшіе къ церкви, сообщались съ небесами, ибо наука соотвѣтствій, есть наука ангеловъ. Самые древніе люди, будучи людьми небесными, мыслили вполнѣ по соотвѣтствіямъ, подобно ангеламъ; по этому они бесѣдовали съ ними, и самъ Господь часто являлся имъ и поучалъ ихъ. Но нынѣ наука эта до того утрачена, что даже неизвѣстно, что̀ такое соотвѣтствіе.

38. И такъ, не постигнувъ, что̀ такое соотвѣтвѣтствіе, нельзя имѣть никакого яснаго понятія о духовномъ мірѣ, о вліяніи его на природный, о томъ, что такое духовное сравнительно съ природнымъ, ни яснаго понятія о духѣ человѣческомъ, называемомъ душею, ни о ея дѣятельности въ тѣлѣ, ни о состояніи человѣка послѣ смерти; по этому слѣдуетъ объяснить, что такое соотвѣтствіе и въ чемъ оно состоитъ. Такимъ образомъ проложится путь и къ послѣдующему.

89. Скажемъ напередъ, что такое соотвѣтствіе: весь природный міръ соотвѣтствуетъ духовному, не только въ общности, но даже и въ каждой своей частности; по этому все, что въ мірѣ природномъ существуетъ вслѣдствіе духовнаго міра, называется

соотвѣтствіемъ. Должно знать, что природный міръ есть и существуетъ вслѣдствіе духовнаго міра, совершенно также, какъ послѣдствіе отъ своей причины. Природнымъ міромъ называется все пространство, находящееся подъ солнцемъ, и получающее отъ него свѣтъ и тепло; все отъ него существующее принадлежитъ этому міру. Духовнымъ же міромъ называются небеса, и все существующее въ небесахъ, принадлежитъ тому міру.

90. Такъ какъ человѣкъ являетъ въ себѣ небеса и міръ въ маломъ видѣ, согласно большому образу ихъ (см. н. 57), то въ немъ есть и то и другое: міръ природный и міръ духовный. Внутреннія начала, принадлежащія духу его, и относящіяся до разума и воли, составляютъ его духовный міръ; а внѣшнія, принадлежащія его тѣлу, и относящіяся до его чувствъ и дѣйствій, составляютъ его природный міръ. И такъ, все, что находится въ природномъ мірѣ человѣка, т. е. въ чувствахъ и дѣйствіяхъ его тѣла, и происходитъ отъ его духовнаго міра, т. е. отъ разума и воли его духа, называется соотвѣтствіемъ.

91. По свойству человѣческаго лица, можно имѣть понятіе о соотвѣтствіи: на лицѣ, которое не привыкло къ притворству, всѣ чувства духа представляются въ ихъ естественномъ видѣ, какъ въ первообразѣ; посему лице и называется изобличителемъ духа. Такимъ образомъ духовный міръ человѣка проявляется въ его природномъ мірѣ: т. е. мысли его разума въ рѣчи, а желанія его воли въ движеніяхъ тѣла; словомъ все, что проявляется въ тѣлѣ, будетъ ли оно на лицѣ, въ рѣчи, или тѣлодвиженіяхъ, называется соотвѣтствіемъ.

92. Изъ этого также видно, что такое внутренній человѣкъ и что такое внѣшній: что внутренній человѣкъ тотъ, который называется духовнымъ, а внѣшній тотъ, который называется природнымъ; что одинъ отличается отъ другаго, какъ небеса отъ земли, и что все, проявляющееся и существующее во внѣшнемъ или природномъ человѣкѣ, проявляется и существуетъ вслѣдствіе внутренняго или духовнаго.

93. Доселѣ говорилось о соотвѣтствіи внутренняго или духовнаго человѣка съ его внѣшнимъ или природнымъ человѣкомъ; а теперь будетъ говорено о соотвѣтствіи всѣхъ небесъ со всѣми частями человѣческаго тѣла.

94. Выше показано, что небеса въ совокупности изображаютъ одного человѣка, который потому и названъ большимъ человѣкомъ; было также сказано, что вслѣдствіе этого и ангельскія общества, изъ которыхъ состоятъ небеса, расположены въ томъ же порядкѣ, какъ члены, органы и черева̀ (viscera) въ человѣкѣ; т. е. что нѣкоторыя общества находятся въ головѣ, другія въ рукахъ, третьи въ груди, а иныя въ отдѣльныхъ частяхъ этихъ членовъ, см. выше нн. 59—72. По этому, общества, находящіяся въ какомъ либо членѣ небесъ, соотвѣтствуютъ такому же члену въ человѣкѣ; напр. находящіяся тамъ въ головѣ, соотвѣтствуютъ головѣ человѣка; находящіяся тамъ въ груди, соотвѣтствуютъ груди человѣка, а находящіяся въ рукахъ, соотвѣтствуютъ рукамъ человѣка, и такъ далѣе въ остальномъ. Въ силу этого соотвѣтствія человѣкъ существуетъ (subsistit), ибо его существованіе зависитъ непосредственно отъ небесъ.

95. Передъ этимъ было также сказано, на своемъ мѣстѣ, что небеса дѣлятся на два царства, изъ которыхъ одно называется царствомъ небеснымъ, а другое духовнымъ. Небесное царство вообще соотвѣтствуетъ сердцу, и всему, что относится до него въ цѣломъ тѣлѣ; духовное же царство соотвѣтствуетъ легкому, и всему, что относится до него въ цѣломъ тѣлѣ. Сердце и легкое образуютъ два царства въ человѣкѣ: сердце царствуетъ въ немъ боевыми и чернокровными жилами, а легкое нервными и мышечными волокнами; то и другое участвуетъ въ каждомъ его усиліи и дѣйствіи. Въ каждомъ человѣкѣ, въ духовномъ мірѣ его, который называется его духовнымъ человѣкомъ, есть также два царства: одно принадлежитъ воли, другое разуму; воля царствуетъ любовью (per affectiones) ко благу, а разумъ царствуетъ любовью къ истинѣ; эти царства соотвѣтствуютъ царствамъ сердца и легкаго въ тѣлѣ. Тоже самое и на небесахъ: небесное царство есть начало воли въ небесахъ, и тамъ царствуетъ благо любви; а духовное царство есть начало разума въ небесахъ, и тамъ царствуетъ истина. Вотъ что соотвѣтствуетъ отправленіямъ сердца и легкаго въ человѣкѣ. Вслѣдствіе этого соотвѣтствія, сердце, въ Словѣ Божіемъ, означаетъ волю, и также благо любви, а дыханіе легкихъ означаетъ разумъ, и истину вѣры; по этому же самому, чувства приписываются сердцу, хотя они не находятся въ немъ, и не происходятъ отъ него.

96. Соотвѣтствіе обоихъ небесныхъ царствъ съ сердцемъ и легкими, есть общее соотвѣтствіе небесъ съ человѣкомъ; но кромѣ того есть и частное, съ

каждымъ его членомъ, органомъ и черевомъ; а именно: духи, находящіеся въ головѣ большаго человѣка, т. е. небесъ, болѣе другихъ пребываютъ во всякомъ благѣ, ибо живутъ въ любви, мирѣ, невинности, мудрости, разумѣніи, а затѣмъ въ радости и блаженствѣ; эти духи вліяютъ на голову человѣка и на всѣ ея части, соотвѣтствуя имъ. Находящіеся въ груди большаго человѣка или небесъ, пребываютъ во благѣ милосердія и вѣры, и вліяніе ихъ обращено на грудную полость человѣка, которой они соотвѣтствуютъ. Находящіеся въ чреслахъ большаго человѣка, т. е. небесъ, или въ дѣтородныхъ тутъ частяхъ, живутъ въ супружеской любви. Находящіеся въ ногахъ, пребываютъ въ низшемъ небесномъ благѣ, называемомъ благомъ природно-духовнымъ. Находящіеся въ рукахъ, пребываютъ въ силѣ истины по благу. Находящіеся въ глазахъ — въ разумѣ. Находящіеся въ ноздряхъ — въ послушаніи. Находящіеся въ устахъ и языкѣ — въ витійствѣ по разуму и постиженію. Находящіеся въ почкахъ — въ истинѣ испытующей, разлагающей, и исправляющей. Находящіеся въ печени, въ поджелудочной железѣ и въ селезёнкѣ — въ различномъ очищеніи блага и истины. Такъ и относительно всѣхъ прочихъ частей небесъ: онѣ всѣ вліяютъ на подобныя же части въ человѣкѣ, и соотвѣтствуютъ имъ. Небеса вліяютъ на отправленія и службы членовъ; а службы, имѣя свое начало въ духовномъ мірѣ, облекаются въ видимый образъ посредствомъ веществъ, находящихся въ природномъ мірѣ, и такимъ образомъ проявляются въ дѣйствіи; отъ этого и соотвѣтствіе между ними.

97. По сей же причинѣ члены, органы и черева, упоминаемые въ Словѣ Божіемъ, имѣютъ тоже самое значеніе, ибо въ Словѣ Божіемъ все имѣетъ значеніе по соотвѣтствію: такъ, голова означаетъ разумѣніе и мудрость; грудь благостыню; чреслы, супружескую любовь; руки, силу истины; ноги, природное; глаза, разумъ; ноздри, постиженіе; уши, послушаніе; почки, изслѣдованіе истины, и т. д. По этой же самой причинѣ мы обыкновенно говоримъ о разумномъ и мудромъ человѣкѣ, что онъ съ головой; о томъ, кто полонъ благостыни, что онъ человѣкъ сердца; о томъ, кто скоро понимаетъ, что онъ тонкаго чутья (тонкій носъ); о человѣкѣ умномъ, про остроту его зрѣнія; о томъ, кто силенъ, что у него широкія плечи; о томъ, кто говоритъ или желаетъ по любви, что онъ дѣлаетъ это отъ сердца; такого рода поговорки и многія другія сложились по соотвѣтствію, ибо начало ихъ въ духовномъ мірѣ, хотя человѣкъ этого вовсе незнаетъ.

98. Что все, что есть на небесахъ, соотвѣтствуетъ такимъ образомъ тому, что есть въ человѣкѣ, мнѣ было доказано многократнымъ опытомъ, и даже такъ часто, что я убѣдился въ этомъ, какъ въ истинѣ очевидной и неподлежащей никакому сомнѣнію; но нѣтъ надобности приводить здѣсь всѣ эти опыты, тѣмъ болѣе, что по большому количеству ихъ, имъ бы здѣсь не было и мѣста*).

99. Хотя все, что есть тѣлеснаго въ человѣкѣ

*) Смотри объ этомъ въ сочиненіи: Небесныя тайны (Arcana Celestia), въ главахъ: О соотвѣтствіяхъ, о прообразованіяхъ, о вліяніи духовнаго міра на природный, и о сношеніи души съ тѣломъ.

соотвѣтствуетъ всему, что есть на небесахъ, тѣмъ не менѣе человѣкъ не есть образъ небесъ по внѣшности своей, а по внутренности: внутреннее начало его есть пріемникъ небесъ, а внѣшнее пріемникъ міра; и потому, на сколько внутреннее принимаетъ небеса, на столько человѣкъ во, внутреннемъ началѣ своемъ, становится образомъ небесъ въ маломъ видѣ, по образу большаго человѣка; на сколько же его внутреннее удаляется отъ небесъ, на столько онъ не становится образомъ небесъ и большаго человѣка. При всемъ этомъ, внѣшнее начало человѣка, какъ пріемникъ міра, можетъ быть, во образѣ своемъ, согласно съ порядкомъ міра, и потому, въ различной степени красоты. Внѣшняя красота, т. е. тѣлесная, зависитъ отъ родителей, и отъ сложенія ребенка въ утробѣ, а послѣ того, поддерживается общимъ вліяніемъ міра на тѣло; вслѣдствіе этого, внѣшній или природный человѣкъ, въ образѣ своемъ, весьма различенъ отъ духовнаго человѣка. Мнѣ было показано нѣсколько разъ, каковъ во образѣ своемъ духъ человѣка, и я видѣлъ, какъ въ нѣкоторыхъ людяхъ, съ красивой и пріятной наружностью, духъ былъ безобразенъ, черенъ и чудовищенъ, такъ что этотъ образъ былъ скорѣе адскій, чѣмъ небесный; напротивъ же, въ другихъ людяхъ, съ некрасивой наружностью, духъ былъ прекрасенъ, свѣтелъ и подобенъ ангелу. Духъ человѣка, послѣ смерти, является въ томъ видѣ, какимъ онъ былъ въ тѣлѣ, когда обиталъ его на землѣ.

100. Но соотвѣтствіе не ограничивается однимъ человѣкомъ, а идетъ еще далѣе и простирается на всѣ небеса: третьимъ или самымъ внутреннимъ не-

бесамъ соотвѣтствуютъ вторыя или среднія; вторымъ или среднимъ соотвѣтствуютъ первыя или послѣднія; послѣднимъ же соотвѣтствуютъ, въ человѣкѣ, всѣ части его тѣлеснаго образа, т. е. члены, органы и черева. Такимъ образомъ, крайній предѣлъ небесъ оканчивается въ плотскомъ началѣ человѣка, которое и служитъ имъ какъ бы основаніемъ. Тайна эта будетъ изложена полнѣе въ другомъ мѣстѣ.

101. Необходимо знать, что все соотвѣтствующее небесамъ, соотвѣтствуетъ и Божественному человѣческому (началу) Господа, ибо имъ стались небеса, и онъ самъ есть небеса, какъ было показано въ предъидущихъ главахъ; еслибъ Божественное человѣческое начало Господа не сходило наитіемъ на все существующее на небесахъ, и за тѣмъ, по соотвѣтствію, на все существующее въ мірѣ, то не было бы ангела, и небыло бы человѣка. Изъ этого опять видно, почему Господь сталъ человѣкомъ, и облекъ Божественное свое начало въ человѣческое, отъ первыхъ началъ и до послѣднихъ; а именно потому, что когда человѣкъ, служащій основаніемъ небесъ, извратилъ и разрушилъ порядокъ, то, къ сохраненію всего существующаго, уже стало недостаточно того Божественнаго человѣческаго начала, коимъ существовали небеса до пришествія Господа.

102. Ангелы изумляются, когда узнаютъ, что есть люди, которые все приписываютъ природѣ, и ничего не относятъ къ Божественному началу; которые думаютъ, что тѣло ихъ, въ коемъ собрано столько чудно-небеснаго, есть также произведеніе природы; даже думаютъ, что разсудочное начало человѣка про-

исходитъ отъ того же источника. Межъ тѣмъ, имъ стоило бы только вознестись умомъ, чтобъ увидать, что эти чудеса происходятъ отъ Божественнаго начала, а не отъ природы; что природа создана только для того, чтобъ облекать духовное, и соотвѣтственно изображать его въ послѣдней степени порядка. Такихъ людей духи сравниваютъ съ совами, которыя видятъ во мракѣ, но ничего не видятъ при свѣтѣ.

Все что есть на землѣ соотвѣтствуетъ небесамъ.

103. Въ предшествующей главѣ было сказано, что такое соотвѣтствіе, и также, что всѣ части животнаго тѣла, какъ вообще, такъ и въ особенности, суть соотвѣтствія; теперь, по порядку, слѣдуетъ показать, что все существующее на землѣ, и вообще все существующее въ мірѣ, есть соотвѣтствіе.

104. Все что есть на землѣ относится вообще къ одному изъ трехъ видовъ природы, называемыхъ царствами, т. е. къ животному, растительному, или ископаемому. Предметы царства животнаго составляютъ соотвѣтствія первой степени, потому что они живутъ; предметы растительнаго царства, суть соотвѣтствія второй степени, потому что они только растутъ; предметы царства ископаемаго, суть соотвѣтствія третей степени, потому что они и не живутъ, и не растутъ. Соотвѣтствія въ животномъ царствѣ суть разнаго рода живыя существа, какъ ходящія и ползающія по землѣ, такъ и летающія по воздуху; исчислять ихъ виды нѣтъ надобности, потому что

они извѣстны. Къ соотвѣтствіямъ царства растительнаго принадлежитъ все, что растетъ и цвѣтетъ въ садахъ, лѣсахъ, поляхъ и равнинахъ; это также не требуетъ отдѣльнаго поименованія. Къ соотвѣтствіямъ царства ископаемаго принадлежатъ всѣ благородные и неблагородные металлы, простые и драгоцѣнные камни, разнаго рода земли, и также воды. Кромѣ этихъ произведеній природы, все что изъ нихъ, промысломъ человѣка, изготовлено для службы, какъ то: разнаго рода пища, одѣянія, жилища, постройки, и тому подобное — также принадлежитъ къ соотвѣтствіямъ.

105. Всѣ небесныя тѣла: солнце, луна, звѣзды; также облака, тучи, дождь, громъ, молнія — суть соотвѣтствія. Явленія, зависящія отъ солнца, отъ его присутствія или отсутствія, какъ-то: свѣтъ и тьма, тепло и холодъ, равно и зависящія отъ этихъ явленій, времена года, называемыя: весною, лѣтомъ, осенью и зимою, и времена дня, т. е. утро, полдень, вечеръ и ночь, суть также соотвѣтствія.

106. Словомъ все, что есть въ природѣ, отъ самого малаго предмета и до самого большаго, есть соотвѣтствіе; потому что міръ природный, со всѣми своими принадлежностями, заимствуетъ свое бытіе и существованіе (existit et subsistit) отъ міра духовнаго, а тотъ и другой отъ Божественнаго. Здѣсь сказано бытіе и существованіе, потому что существованіе исходитъ отъ тогоже источника, отъ котораго и первоначальное бытіе: существованіе (subsistentia) есть непрестанное бытіе (existentia); ничто не можетъ существовать по себѣ, но только отъ чего либо

предшествующаго, слѣдовательно отъ перваго начала, отъ котораго, если оно отдѣляется, то совершенно гибнетъ и уничтожается.

107. Все что въ природѣ имѣетъ бытіе, и существуетъ согласно Божественному порядку, есть соотвѣтствіе. Божественный порядокъ строится Божественнымъ благомъ, исходящимъ отъ Господа; онъ зачинается въ самомъ Господѣ, постепенно исходитъ отъ него чрезъ небеса на землю, и тутъ оканчивается въ своихъ послѣднихъ степеняхъ. Все что въ мірѣ согласно съ порядкомъ, есть соотвѣтствіе; съ порядкомъ же согласно всякое добро, и все, что вполнѣ годно къ службѣ, ибо всякое добро становится добромъ по мѣрѣ его службы: образъ же его относится къ истинѣ, потому что истина есть образъ добра. Вотъ почему все, что въ цѣломъ мірѣ и природѣ его находится въ Божественномъ порядкѣ, относится къ добру и къ истинѣ.

108. Все, что мы встрѣчаемъ въ царствахъ животномъ и растительномъ, служитъ очевиднымъ доказательствомъ, что все въ мірѣ заимствуетъ свое бытіе отъ Божественнаго начала, и облекается въ такіе элементы, чрезъ посредство коихъ можетъ находиться въ природѣ, отправлять службу, и такимъ образомъ быть соотвѣтствіемъ. Въ томъ и другомъ царствѣ есть такіе предметы, что всякій, размысливъ внутренно, легко убѣдится въ ихъ происхожденіи отъ небеснаго начала; изъ безчисленнаго количества данныхъ возьмемъ немногое для поясненія. Начнемъ съ *животнаго царства:* всѣмъ извѣстно какое удивительное знаніе дано каждому животному отъ рожденія:

Пчелы знаютъ какъ собирать медъ на цвѣтахъ, и какъ строить изъ воску тѣ ячейки, въ которыхъ они хранятъ свой мёдъ, чтобъ такимъ способомъ себя и своихъ снабдить пищей на предстоящую зиму. Ихъ самка кладетъ яица, а другія, при этомъ, прислуживаютъ ей, и замазываютъ ихъ, чтобъ родилось новое поколеніе. Онѣ живутъ подъ какимъ то управленіемъ, образъ котораго имъ всѣмъ извѣстенъ отъ рожденія; полезныхъ членовъ общины сохраняютъ, а безполезныхъ исключаютъ, лишая ихъ крыльевъ; кромѣ того, въ ихъ управленіи, есть еще много чуднаго, даннаго имъ свыше, ради службы: такъ, воскъ ихъ служитъ для освѣщенья цѣлому роду человѣческому, а мёдъ ихъ, для подслащенія пищи. Какихъ чудесъ не видимъ мы въ жизни гусеницъ, которыя стоятъ на низшей ступени животнаго царства. Онѣ умѣютъ питаться сокомъ листьевъ извѣстныхъ имъ растеній, затѣмъ, въ опредѣленный срокъ, запрядаться въ оболочку (куколку), въ которой сидятъ, какъ бы въ утробѣ, возрождая такимъ образомъ породу свою; нѣкоторыя изъ нихъ превращаются сперва въ личинки и златницы, и прядутъ ткань; по окончаніи работы облекаются въ другое тѣло, и украшаются крыльями; летаютъ по воздуху, какъ бы въ своихъ небесахъ, совершаютъ браки, кладутъ яички и заботятся о своемъ потомствѣ. Кромѣ этихъ особенностей, всѣ вообще животныя, летающія по воздуху, не только знаютъ пищу, которой имъ слѣдуетъ питаться, но даже и гдѣ ее найти; умѣютъ, каждая порода по своему, вить себѣ гнѣзда, класть въ нихъ яица, высиживать ихъ, выводить своихъ птенцовъ, кормить ихъ, и, на-

конецъ, когда они окрылятся, выгонять ихъ изъ гнѣзда. Они также знаютъ какихъ враговъ имъ избѣгать, и съ какими товарищами имъ водиться; все это знаютъ они отъ самаго дѣтства; не говорю уже про ихъ яица, въ которыхъ все готово, въ должномъ порядкѣ, для образованія и питанія зачинающагося птенца; умолчу также и о многихъ другихъ чудесахъ природы, потому что ихъ не исчислить. Кто послѣ этого, мысля хоть нѣсколько по здравому разсудку, скажетъ, что всѣ эти чудеса не отъ духовнаго міра, которому природный служитъ тѣлесной оболочкой, или для того, чтобъ духовную причину представить въ ея вещественномъ проявленіи? Человѣкъ, несмотря на то, что онъ много выше всѣхъ животныхъ, обитающихъ землю и воздухъ, не родится подобно имъ съ полнымъ знаніемъ необходимой для него науки, потому что животныя живутъ въ законахъ порядка своей жизни, и, за неимѣніемъ разсудка, не могутъ разрушить въ себѣ того, что имъ дано изъ духовнаго міра; человѣку же дана отъ духовнаго міра способность мышленія; извративъ въ себѣ эту способность, жизнію противною порядку, чему потворствовалъ разсудокъ его, онъ не можетъ родиться иначе, какъ въ полномъ невѣденіи, и уже потомъ, Божественными путями, возвращаться къ небесному порядку.

109. Что касается до предметовъ *растительнаго царства*, то, по многимъ его особенностямъ, можно видѣть въ чемъ состоятъ его соотвѣтствія. На примѣръ изъ семянъ выростаютъ деревья, которыя сперва покрываются листьями, а потомъ даютъ цвѣтъ и

плодъ, и въ плодахъ этихъ образуютъ новыя семена; все это дѣлается такъ послѣдовательно, и въ такомъ удивительномъ порядкѣ, что нельзя этого передать въ нѣсколькихъ словахъ; можно исписать цѣлыя книги, и все таки внутреннія тайны, относящіяся до ближайшихъ службъ растительнаго царства, не будутъ исчерпаны наукой. Такъ какъ эти произведенія происходятъ отъ духовнаго міря, или отъ небесъ, которыя въ образѣ своемъ подобны человѣку (что было показано выше на своемъ мѣстѣ), то и все принадлежащее этому царству нѣсколько относится и къ тому, что принадлежитъ человѣку, какъ это уже извѣстно нѣкоторымъ ученымъ. Соотвѣтственность всего, что есть въ растительномъ царствѣ, стала для меня очевидною изъ многихъ опытовъ; разсматривая въ садахъ деревья, плоды, цвѣты и овощи, я часто замѣчалъ ихъ соотвѣтствія на небесахъ, бесѣдовалъ съ духами находившимися въ этихъ соотвѣтствіяхъ, и научался ихъ источнику и свойствамъ.

110. Никто, въ настоящее время, не можетъ инымъ путемъ, кромѣ небеснаго, извѣдать всѣ духовныя, небесамъ принадлежащія начала, которымъ соотвѣтствуютъ всѣ природныя, міру принадлежащія начала, потому что нынѣ наука соотвѣтствій вовсе утрачена; въ чемъ однакожъ состоитъ соотвѣтствіе духовнаго съ природнымъ, это я намѣренъ пояснить нѣсколькими примѣрами. Животныя нашей земли вообще соотвѣтствуютъ чувствамъ (affectio); животныя кроткія и полезныя — чувствамъ добрымъ; дикія и безполезныя — чувствамъ злымъ; въ частности же: быки и тельцы соотвѣтствуютъ чувствамъ свой-

ственнымъ уму (mens) природному; овцы и ягнята, чувствамъ свойственнымъ уму духовному; птицы, смотря по породѣ своей, соотвѣтствуютъ разумнымъ началамъ того и другого ума. По этой причинѣ, различныя животныя, какъ то быки, тельцы, овны, овцы, козы, козлы, агнцы и ягнята, равно голуби и горлицы, употреблялись въ церкви прообразовательной (repraesentativa) для священныхъ службъ, жертвоприношенiй и всесожженiй; при такомъ ихъ употребленiи, они соотвѣтствовали духовнымъ началамъ, которыя по соотвѣтствiю понимались на небесахъ. Животныя, смотря по родамъ и видамъ своимъ, суть дѣйствительно чувства (affectiones), по той причинѣ, что они живутъ, а всякая жизнь отъ чувства и согласна съ нимъ; на этомъ основанiи, каждому животному прирождено знанiе, согласное съ чувствомъ его жизни; а какъ самъ человѣкъ, относительно природнаго своего человѣка, походитъ на животное, то въ обыкновенномъ разговорѣ онъ и уподобляется ему: если человѣкъ кротокъ, его называютъ овцой или агнцемъ; если онъ свирѣпъ, его называютъ медвѣдемъ или волкомъ; если хитеръ, лисой или змѣей; и т. д.

111. Такая же соотвѣтственность находится и въ предметахъ растительнаго царства: садъ, вообще, соотвѣтствуетъ небесамъ относительно разумѣнiя и мудрости; по этому, въ Словѣ, небеса именуются вертоградомъ Божiемъ и раемъ, и самъ человѣкъ называетъ ихъ раемъ небеснымъ. Деревья, смотря по породамъ своимъ, соотвѣтствуютъ постиженiю и познанiю блага и истины, чрезъ что дается разумѣнiе и мудрость; вотъ почему древнiе, обладавшiе наукою

соотвѣтствій, совершали свои священнослуженія въ рощахъ; по этой же причинѣ мы такъ часто встрѣчаемъ въ Словѣ названія деревьевъ, какъ то: виноградной лозы, маслины, кедра и другихъ, коимъ уподобляются небеса, церковь и человѣкъ; плодамъ же древеснымъ уподобляются добрыя дѣла человѣческія. Пища, получаемая изъ растеній, въ особенности зерно, снятое съ поля, соотвѣтствуетъ чувствамъ любви ко благу и къ истинѣ, потому что чувства эти (affectiones) питаютъ жизнь духовную, подобно тому какъ пища земная питаетъ жизнь природную. Хлѣбъ, вообще, соотвѣтствуетъ любви ко всякому благу, потому что онъ лучше всякой другой пищи поддерживаетъ жизнь, и что подъ его названіемъ разумѣется пища вообще. На основаніи этого соотвѣтствія самъ Господь называетъ себя хлѣбомъ жизни; по этой же причинѣ хлѣбы употреблялись въ священномъ служеніи Церкви Израильской: они возлагались въ скиніи на престолъ и назывались хлѣбами предложенія; по этому и всякое Божественное служеніе, которое совершалось жертвоприношеніями и всесожженіями, называлось хлѣбомъ. Ради этого самаго соотвѣтствія, священнѣйшее служеніе, въ Церкви Христіанской, есть святая вечеря, въ которой предлагаются хлѣбъ и вино. Изъ этихъ немногихъ примѣровъ можно видѣть въ чемъ состоитъ соотвѣтствіе.

112. Скажу теперь въ немногихъ словахъ какимъ образомъ совершается соединеніе небесъ съ міромъ, посредствомъ соотвѣтствій. Царство Господне есть царство цѣлей (finis — конецъ, цѣль), т. е. службъ (usus), или, что тоже, царство службъ, т. е. цѣлей.

Поэтому вселенная была создана и устроена Божественнымъ началомъ такимъ образомъ, чтобы службы (usus) облекались вездѣ въ такіе предметы, чрезъ посредство коихъ онѣ могли бы представиться въ дѣйствіи или проявленіи, сначала на небесахъ, а потомъ на землѣ, т. е. постеннено и послѣдовательно, до самыхъ послѣднихъ ступеней природы. Изъ этого ясно, что соотвѣтствіе природныхъ началъ съ духовными, или земнаго съ небеснымъ, совершается посредствомъ службъ; что службы соединяютъ то и другое, и что внѣшніе образы (или формы), въ которые облекаются службы, на столько служатъ соотвѣтствіями и средствами соединенія, на сколько они суть образы, т. е. формы службъ. Всѣ предметы, существующіе въ природномъ мірѣ и его троякомъ царствѣ, согласно съ Божественнымъ порядкомъ, суть образы службъ, или проявленія образовавшіяся вслѣдствіе службы и ради службы; поэтому всѣ эти предметы и суть соотвѣтствія. Что же касается до человѣка, то, на сколько онъ живетъ согласно Божественному порядку, то есть, на сколько онъ живетъ въ любви къ Господу и въ милосердіи къ ближнему, на столько дѣйствія его суть службы во образѣ, и соотвѣтствія, коими онъ соединяется съ небесами; любить Господа и ближняго, значитъ вообще отправлятъ службу (usus praestare). Ктому должно знать, что міръ природный соединяется съ духовнымъ чрезъ человѣка, или другими словами, что человѣкъ есть посредникъ (medium) этого соединенія, потому что онъ причастенъ не только міру природному, но и духовному (см. выше н. 57.): вслѣдствіе

чего на сколько онъ становится человѣкомъ духовнымъ, на столько онъ становится и посредникомъ этого соединенія, и, на оборотъ, на сколько онъ становится недуховнымъ, а природнымъ человѣкомъ, на столько онъ перестаетъ быть такимъ посредникомъ. Тѣмъ не менѣе, независимо отъ его посредства, Божественное наитіе непрестанно сходитъ въ міръ, и во все мірское въ человѣкѣ, но только не въ разсудочное начало его.

113. Какъ все согласное съ Божественнымъ порядкомъ, соотвѣтствуетъ небесамъ, такъ все противное Божественному порядку, соотвѣтствуетъ аду. Все соотвѣтствующее небесамъ, относится ко благу и истинѣ, а соотвѣтствующее аду — ко злу и лжи.

114. Скажу теперь нѣсколько словъ о наукѣ соотвѣтствій и о службѣ ея. Передъ этимъ было говорено, что духовный міръ, т. е. небеса, соединяются съ міромъ природнымъ посредствомъ соотвѣтствій, и что слѣдовательно чрезъ нихъ человѣкъ сообщается съ небесами. Небесные ангелы не мыслятъ, какъ человѣкъ, по природному, а по духовному, и потому человѣкъ, знакомый съ наукою соотвѣтствій, можетъ мысленно быть вмѣстѣ съ ангелами, и путемъ этимъ соединяться съ ними относительно своего духовнаго или внутренняго человѣка. Съ тою цѣлью, чтобъ человѣкъ могъ соединяться съ небесами, Слово Божіе написано одними соотвѣтствіями: все, что содержится въ немъ до послѣдней частицы, есть соотвѣтствіе; поэтому, еслибъ человѣкъ былъ знакомъ съ наукою соотвѣтствій, то онъ могъ бы разумѣть Слово въ его духовномъ смыслѣ, и познать такія тай-

ны, которыхъ по смыслу буквы вовсе не видно. Въ Словѣ есть два смысла: одинъ буквальный, а другой духовный; смыслъ буквальный говоритъ о земномъ, а духовный о небесномъ; а такъ какъ соединенiе небесъ съ мiромъ совершается чрезъ соотвѣтствiя, то и Слово дано было въ такомъ видѣ, чтобъ въ немъ все, до послѣдней iоты, имѣло свое соотвѣтствiе.

115. Мнѣ было сказано на небесахъ, что древнѣйшiе жители нашей земли, какъ люди небесные, мыслили по самымъ соотвѣтствiямъ, и что земная природа, бывшая предъ ихъ глазами, служила имъ средствомъ для такого мышленiя; люди эти сообщались съ ангелами и бесѣдовали съ ними, такъ что чрезъ нихъ небеса соединялись съ землю. На этомъ основанiи то время и было названо золотымъ вѣкомъ; древнiе писатели говорятъ даже, что въ тотъ вѣкъ небесные жители обитали съ людьми, и находились въ сообществѣ ихъ, какъ друзья съ друзьями. Затѣмъ, какъ мнѣ было сказано, возникло другое поколѣнiе людей, которые не мыслили по самымъ соотвѣтствiямъ, но по наукѣ соотвѣтствiй; соединенiе небесъ съ человѣкомъ все еще продолжалось, но уже не было столь внутреннимъ; это время названо серебряннымъ вѣкомъ. Послѣ того настало поколѣнiе, которое хотя и знало соотвѣтствiя, но не мыслило по наукѣ ихъ, потому что жило въ природномъ благѣ, а не въ духовномъ, какъ предшественники его; это время названо мѣднымъ вѣкомъ. Послѣ сего человѣкъ сталъ постепенно внѣшнимъ, и накопецъ плотскимъ; тогда наука соотвѣтствiй совершенно утратилась, а съ нею познанiе небесъ, и многаго до нихъ относящагося. Вѣка

эти было названы: золотымъ, серебрянымъ, и мѣднымъ, по соотвѣтствіямъ; ибо золото означаетъ небесное благо, въ коемъ жило древнѣйшее поколѣніе людей; серебро, духовное благо, въ коемъ жило, наставшее за тѣмъ, древнее поколѣніе; а мѣдь, благо природное, въ которомъ находилось слѣдующее потомство; что же касается до желѣза, по имени котораго былъ названъ послѣдній вѣкъ, то оно означаетъ истину жесткую безъ блага.

О небесномъ солнцѣ.

116. На небесахъ не видать солнца здѣшняго міра, ни всего что происходитъ отъ этого солнца, потому что все это природное. Природа зачинается отъ видимаго нами солнца и все, что имъ производится, называется природнымъ; духовное же солнце, въ области котораго находятся небеса, выше природнаго, совершенно отъ него раздѣльно, и сообщается съ нимъ не иначе, какъ чрезъ соотвѣтствія. Въ чемъ состоитъ это различіе, можно видѣть изъ сказаннаго выше о степеняхъ въ н. 38, а въ чемъ состоитъ это сообщеніе, видно изъ сказаннаго въ двухъ предшествующихъ главахъ о соотвѣтствіяхъ.

117. Но хотя на небесахъ не видать здѣшняго солнца, и ничего происходящаго отъ него, тѣмъ не менѣе тамъ есть и солнце, и свѣтъ, и тепло, словомъ все то, что мы видимъ въ здѣшнемъ мірѣ, и даже несравненно болѣе того; но только оно не одинаковаго происхожденія, потому что все, что есть на небесахъ, принадлежитъ духовному началу, а все что

на землѣ, природному. Солнце на небесахъ есть Господь, свѣтъ небесный есть Божественная истина, а тепло небесное, Божественное благо, исходящее отъ Господа какъ солнца: отъ этого источника исходитъ все, что ни есть на небесахъ; но о свѣтѣ и теплѣ, и о томъ, что̀ отъ нихъ тамъ происходитъ, будетъ говорено въ слѣдующихъ за симъ главахъ, здѣсь же только о небесномъ солнцѣ. Господь на небесахъ является солнцемъ потому, что онъ есть Божественная любовь, которая даетъ бытіе всему духовному, также какъ здѣшнее солнце, всему природному; эта любовь и свѣтится какъ солнце.

118. Я узналъ это не только отъ ангеловъ, но и мнѣ самому дано было нѣсколько разъ видѣть, что Господь на небесахъ дѣйствительно является солнцемъ; а потому я и скажу здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ все, что я видѣлъ и слышалъ о Господѣ, какъ солнцѣ. Господь является солнцемъ не въ небесахъ, но высоко надъ небесами, и не надъ головой или отвѣсно, но передъ лицемъ ангеловъ, на средней высотѣ. Онъ является въ большомъ разстояніи, передъ правымъ глазомъ, или передъ лѣвымъ: передъ правымъ глазомъ онъ является совершенно подобнымъ солнцу, какъ бы такого же огня, и такой же величины какъ здѣшнее солнце; передъ лѣвымъ же глазомъ онъ является подобнымъ не солнцу, а лунѣ, такой же бѣлизны и величины, какъ наша луна, но съ бо̀льшимъ блескомъ, и посреди нѣсколькихъ маленькихъ лунъ, такой же бѣлизны, и такого же блеску. Господь является въ двухъ мѣстахъ такъ различно, по той причинѣ, что онъ является каждому смотря потому, какъ

онъ принятъ имъ; т. е. онъ является иначе, пріемлющимъ его какъ благо любви, и иначе, пріемлющимъ его какъ благо вѣры. Пріемлющимъ его какъ благо любви, онъ является согласно сему принятію, подобно огненному и пламенному солнцу; такіе духи находятся въ его небесномъ царствѣ. Пріемлющимъ его какъ благо вѣры, онъ является подобно лунѣ, коей бѣлизна и блескъ также согласны съ качествомъ принятія его*); духи этого разряда находятся въ царствѣ духовномъ. Такое различіе происходитъ оттого, что благо любви соотвѣтствуетъ огню, почему и огонь въ духовномъ смыслѣ есть любовь, а благо вѣры соотвѣтствуетъ свѣту, почему и свѣтъ въ духовномъ смыслѣ есть вѣра. Господь потому является передъ глазами, что внутреннія, духу человѣческому принадлежащія, начала, видятъ черезъ орудіе глаза: черезъ правый глазъ, когда они основаны во благѣ любви, а черезъ лѣвый, когда они основаны во благѣ вѣры. Все что у ангеловъ или у человѣка находится съ правой стороны, соотвѣтствуетъ благу, отъ котораго исходитъ истина; а все, что съ лѣвой стороны — истинѣ, отъ коей исходитъ благо. Благо вѣры есть въ сущности истина, исходящая отъ блага.

119. На этомъ основаніи въ Словѣ Божіемъ, Господь, относительно любви, уподобляется солнцу, а относительно вѣры, лунѣ; на томъ же основаніи любовь, исходящая отъ Господа и къ нему же обращенная, названа солнцемъ, а вѣра, исходящая отъ

*) Тѣ и другіе видятъ его какъ солнце, но сравнительно съ солнцемъ небеснаго царства, онъ кажется, для ангеловъ духовнаго царства, луной. *Пр. Пер.*

Господа и къ нему же обращенная, названа луною; такъ въ слѣдующихъ изрѣченіяхъ: *И будетъ свѣтъ луны, аки свѣтъ солнца, и свѣтъ солнечный будетъ седмерицею въ той день.* Ис. XXX. 26. *И покрыю небо егда угаснеши, и помрачу звѣзды его; солнце во облацѣ сокрыю, и луна не явитъ свѣта своего; вся свѣтила небесная помрачу на тя, и дамъ тму на землю твою.* Іезек. XXXII. 7. 8. *Помрачу солнце возсіявающее, и луна не дастъ свѣта своего.* Ис. XIII. 10. *Солнце и луна померкнутъ, и звѣзды угасятъ свѣтъ свой, солнце обратится въ тму и луна въ кровь.* Іоиль. II. 2. 10. 31. IV. 15. *И солнце мрачно бысть яко вретище власяно, и луна бысть яко кровь; и звѣзды небесныя падоша на землю.* Апок. VI. 12. 13. *Абіе по скорби дней тѣхъ, солнце померкнетъ и луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды спадутъ съ небесе.* Матѳ. XXIV. 29. Въ этихъ изрѣченіяхъ солнце означаетъ любовь, луна — вѣру, а звѣзды — познанія блага и истины; когда ихъ болѣе нѣтъ, то сказано, что они помрачаются, не даютъ свѣта своего, и падаютъ съ небесъ. Что Господь является на небесахъ подобно солнцу, видно также изъ того, что когда онъ преобразился передъ Петромъ, Іоанномъ и Іаковымъ, *лице его просвѣтися яко солнце.* Матѳ. XVII. 2. Такимъ видѣли его ученики, когда были отрѣшены отъ тѣла, и находились въ небесномъ свѣтѣ. Вотъ почему древніе, принадлежавшіе къ церкви прообразовательной, обращались, въ богослуженіи своемъ, лицемъ къ солнцу, на восходъ; отъ нихъ же произошло и обыкновеніе, при постройкѣ церкви, обращать ее алтаремъ къ востоку.

120. Какъ велика божественная любовь и какова она, можно заключить изъ сравненія ея съ солнцемъ нашей земли: любовь эта такъ пламенна, что она, какъ ни трудно этому повѣрить, гораздо пламеннѣе нашего солнца. По этому самому, Господь какъ солнце, не вліяетъ непосредственно на небеса, но пламенность любви его постепенно въ пути своемъ умѣряется; эта постепенно-умѣряемая пламенность является лучезарными поясами вокругъ солнца; а чтобы ангелы могли вполнѣ свободно выносить это Божественное вліяніе, они кромѣ того прикрыты сверху легкимъ облачкомъ. Такимъ образомъ небеса находятся въ разстояніи отъ солнца соразмѣрномъ принятію ангелами Божественнаго наитія: высшія небеса, какъ пребывающія во благѣ любви, всего ближе къ Господу-солнцу; низшія небеса, какъ пребывающія во благѣ вѣры, болѣе удалены отъ него; а тѣ, кои вовсе не живутъ во благѣ, какъ жители ада, находятся въ самомъ дальнемъ отъ него разстояніи, и тѣмъ далѣе, чѣмъ болѣе они противуположны благу.

121. Когда Господь является на небесахъ, что случается часто, онъ не является среди солнца, но въ образѣ ангельскомъ, отличаясь отъ ангеловъ сіяніемъ Божественнымъ. Въ этомъ образѣ, личнаго присутствія Господа нѣтъ, ибо самая личность его окружена солнцемъ; присутствіе же его есть одна видимость. На небесахъ весьма часто случается, что человѣкъ кажется присутствующимъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ останавливается или оканчивается взглядъ его, хотя бы онъ самъ находился весьма далеко отъ этого мѣста; это присутствіе называется присутствіемъ внутренняго

зрѣнія, о которомъ будетъ говорено въ послѣдствіи. Я также видѣлъ Господа внѣ солнца, въ образѣ ангельскомъ, на большой высотѣ, немного ниже солнца; я видѣлъ его и ближе, въ такомъ же образѣ, съ лицемъ исполненнымъ сіянія; и однажды, среди ангеловъ, какъ лучь пламеннаго свѣта.

122. Земное солнце всегда кажется ангеламъ чѣмъ-то темнымъ, въ противуположность небесному солнцу, а луна чѣмъ то мрачнымъ, въ противуположность небесной лунѣ. Это происходитъ отъ того, что земной огонь соотвѣтствуетъ любви къ себѣ, а свѣтъ этого огня — лжи этой любви; любовь же къ себѣ совершенно противуположна Божественной любви, а ложь этой любви совершенно противуположна Божественной истинѣ: а что̀ противуположно Божественной любви и Божественной истинѣ, то для ангеловъ тма и мракъ. Вотъ почему обожать земное солнце и луну, и покло-няться имъ, означаетъ въ Словѣ любить себя и ложь, которая отъ этой любви; посему и о живущихъ такимъ образомъ сказано, что они будутъ истреблены. Втор. IV. 19. XVII. 3. 4. 5. Іер. VIII. 1. 2. Іезек. VIII. 15. 16. 18. Апок. XVI. 8. Матѳ. XIII. 6.

123. Такъ какъ Господь на небесахъ является солнцемъ, по Божественной любви, которая пребываетъ въ немъ и исходитъ отъ него, то всѣ живущіе на небесахъ и обращаются постоянно къ нему: живущіе въ небесномъ царствѣ, обращаются къ нему, какъ солнцу, а живущіе въ духовномъ царствѣ, обращаются къ нему, какъ лунѣ; живущіе же въ аду обращаются ко тмѣ и мраку, т. е. въ противуположную сторону, и такимъ образомъ, тыломъ къ Господу; это

дѣлается по той причинѣ, что всѣ находящіеся въ аду, живутъ въ любви къ себѣ и къ міру, и слѣдовательно противуположны Господу. Обращающіеся ко тмѣ которая имъ служитъ вмѣсто здѣшняго солнца, находятся въ аду, назади, и называются Геніями; а обращающіеся ко мраку, который имъ служитъ вмѣсто луны, находятся въ аду, впереди, и называются духами; на этомъ основаніи говорятъ о находящихся въ аду, что они во міракѣ, а о находящихся на небесахъ, что они въ свѣтѣ: мракъ означаетъ ложь происходящую отъ зла, а свѣтъ истину отъ блага. Всѣ обращаются такимъ образомъ потому, что въ той жизни всякій взираетъ на то, что царствуетъ внутри его, т. е. на любовь свою, и что лицо ангела, или духа, слагается по его внутреннимъ началамъ; также и потому, что въ той жизни страны свѣта не опредѣлены разъ на всегда, какъ въ природномъ мірѣ, но опредѣляются по обращенію лица жителей того міра. Такимъ же образомъ обращается и человѣкъ относительно духа своего: живущій въ любви къ себѣ и къ міру, обращается къ Господу тыломъ, а живущій въ любви къ Господу и ближнему, обращается къ Господу лицемъ; но человѣкъ этого незнаетъ, потому что онъ живетъ въ мірѣ природномъ, въ которомъ страны свѣта опредѣляются по восходу и заходу солнца. Такъ какъ человѣку трудно это понять, то это будетъ пояснено въ слѣдующихъ за симъ главахъ: о странахъ свѣта, о пространствѣ, и о времени на небесахъ.

124. Вслѣдствіе того, что Господь есть солнце небесъ, и что все происходящее отъ него обращается къ нему, онъ и есть общій центръ, который даетъ

всему свое направленіе и опредѣленіе; а потому его же присутствію и усмотрѣнію подлежитъ и все остальное, какъ на небесахъ, такъ и на землѣ.

125. Изо всего этого можно яснѣе понять все сказанное о Господѣ, въ предшествующихъ главахъ, а именно: что Господь есть Богъ небесъ, нн. 2—6; что Божественное начало его образуетъ небеса, нн. 7—12; что Божественное начало Господа, на небесахъ, есть любовь къ нему и любовь къ ближнему, нн. 13—19; что все находящееся на землѣ соотвѣтствуетъ небесамъ, и чрезъ небеса Господу, нн. 89—115; и, наконецъ, что здѣшнее солнце и луна суть также соотвѣтствія, н. 105. —

О небесномъ свѣтѣ и теплѣ.

126. Привыкшіе мыслить и судить по внѣшней природѣ не понимаютъ, чтобы могъ быть свѣтъ на небесахъ, между тѣмъ какъ свѣтъ на небесахъ такъ великъ, что онъ много разъ превосходитъ здѣшній полуденный свѣтъ; я часто видѣлъ его, даже въ вечернюю пору, и ночью. Вначалѣ я удивлялся, когда слышалъ отъ ангеловъ, что свѣтъ нашего міра едва только тѣнь въ сравненіи съ небеснымъ свѣтомъ; но когда я увидалъ его, могу засвидѣтельствовать, что бѣлизна и блескъ его превосходятъ всякое описаніе. Все, что я видѣлъ на небесахъ, я видѣлъ въ этомъ свѣтѣ, и потому яснѣе и отчетливѣе того, что на землѣ.

127. Свѣтъ небесъ не природный, какъ свѣтъ

нашего міра, но духовный, потому что онъ исходитъ отъ Господа, какъ солнца, и солнце это есть Божественная любовь (какъ было сказано въ предшествующей главѣ). То, что исходитъ отъ Господа, какъ солнца, называется на небесахъ Божественною истиною; въ сущности же своей, это Божественное благо въ соединеніи съ Божественною истиною: отселѣ для ангеловъ источникъ свѣта и тепла, потому что свѣтъ ихъ истекаетъ отъ Божественной истины, а тепло отъ Божественнаго блага. Изъ этого ясно, что свѣтъ небесный, равно какъ и тепло, по такому происхожденію своему, не природны, а духовны.

128. Свѣтъ для ангеловъ есть Божественная истина, потому что ангелы существа духовныя, а не природныя; духовныя существа видятъ при своемъ солнцѣ, а природныя при своемъ. Ангелы заимствуютъ свой разумъ отъ Божественной истины, и разумъ ихъ есть внутреннее зрѣніе, которое вліяетъ на ихъ внѣшнее зрѣніе и производитъ его; поэтому все, что является на небесахъ отъ Господа-солнца, является въ свѣтѣ. Вслѣдствіе такого происхожденія небеснаго свѣта, онъ разнообразенъ по мѣрѣ принятія ангелами Божественной истины, исходящей отъ Господа, или, что тоже, по мѣрѣ разумѣнія и мудрости ангеловъ. По сему свѣтъ этотъ, въ небесномъ царствѣ, различенъ отъ свѣта въ духовномъ царствѣ, и также различенъ въ каждомъ обществѣ: въ небесномъ царствѣ, свѣтъ кажется огненнымъ, потому что ангелы этого царства получаютъ свѣтъ свой отъ Господа-солнца; свѣтъ, въ духовномъ царствѣ, кажется блестящей бѣлизны, потому что ангелы этого царства

получаютъ его отъ Господа, какъ отъ луны см. выше н. 118. Не одинаковъ свѣтъ и въ каждомъ обществѣ, и даже различенъ въ одномъ и томъ же обществѣ: обитающіе въ серединѣ его, живутъ въ бо̀льшемъ свѣтѣ, а обитающіе въ окружныхъ предѣлахъ общества, живутъ въ меньшемъ свѣтѣ, см. н. 43. Словомъ, свѣтъ дается ангеламъ по мѣрѣ принятія ими Божественной истины, т. е. по степени ихъ разумѣнія и мудрости отъ Господа. Вотъ почему небесные ангелы называются ангелами свѣта.

129. Такъ какъ Господь на небесахъ есть Божественная истина, а Божественная истина — свѣтъ, то Господь въ Словѣ и названъ свѣтомъ, равно какъ и всякая истина, исходящая отъ него; такъ на примѣръ въ слѣдующихъ изреченіяхъ: *Іисусъ рече: азъ есть свѣтъ міру, ходяй по мнѣ не имать ходити во тмѣ, но имать свѣтъ животный.* Іоан. XIII. 12. — *Егда въ мірѣ есмь, свѣтъ есмь міру.* IX. 5. *Іисусъ рече: Еще мало время свѣтъ въ васъ есть; ходите дондеже свѣтъ имате, да тма васъ не иметъ; дондеже свѣтъ имате, вѣруйте въ свѣтъ, да сынове свѣта будете; азъ свѣтъ въ міръ пріидохъ, да всякъ вѣруяй въ мя, во тмѣ не пребудетъ.* Іоан. XII. 35. 36. 46. *Свѣтъ пріиде въ міръ, и возлюбиша человѣцы паче тму неже свѣтъ.* III. 19. Іоаннъ говоритъ о Господѣ: *Сей бѣ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка.* Іоан. 1. 4. 9. *Люди сидящіе во тмѣ, видѣша свѣтъ велій, и сидящымъ въ странѣ и сѣни смертной свѣтъ возсія имъ.* Матѳ. IV. 16. *И дахъ тя во завѣтъ рода Израилева въ свѣтъ языкомъ.* Ісаія XLII. 6. — *Се дахъ тя въ свѣтъ языкомъ, еже быти*

тебѣ въ спасеніе, даже до послѣднихъ земли. Ісаія XLIX. 6. *И языцы спасеные во свѣтъ его пойдутъ.* Апо. XXI. 24. *Пошли свѣтъ твой и истину твою, та мя настависта.* Пс. XLIII. 3. Во всѣхъ этихъ изреченіяхъ и въ другихъ, Господь называется свѣтомъ по божественной истинѣ исходящей отъ него, равно и самая истина называется свѣтомъ. Такъ какъ свѣтъ на небесахъ исходитъ отъ Господа, какъ отъ солнца, то когда Господь преобразился передъ Петромъ, Іаковомъ и Іоанномъ: *просвѣтися лице его яко солнце, ризы же его быша бѣлы, яко свѣтъ;* или: *быша блещащяся, бѣлы зѣло яко свѣтъ, яцѣхъ же не можетъ бѣлильникъ убѣлити на земли.* Матѳ. XVII. 2. Марк. IX. 3. Одѣянія Господни показались такими вслѣдствіе того, что они изображали божественную истину, исходящую отъ него на небесахъ; также и въ Словѣ одѣянія означаютъ истины, почему и сказано у Давида: *Господи, одѣяйся свѣтомъ яко ризою.* Пс. CIII. 2.

130. Что свѣтъ на небесахъ духовный, и что свѣтъ этотъ есть божественная истина, можно заключить также изъ того, что и для человѣка есть духовный свѣтъ, который просвѣщаетъ его, по мѣрѣ того, на сколько самъ человѣкъ, заимствуясь отъ Божественной истины, находится въ разумѣніи и мудрости: духовный свѣтъ въ человѣкѣ, есть свѣтъ его разума, предметы котораго суть истины располагаемыя имъ въ аналитическомъ порядкѣ, на основаніи коихъ онъ разсуждаетъ, и выводитъ послѣдовательныя заключенія. Человѣкъ незнаетъ того, что свѣтъ, въ которомъ разумъ его видитъ эти предметы, есть дѣйствительный свѣтъ; незнаетъ, потому что не

видитъ его своими глазами, и мысля не замѣчаетъ его. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, многіе знаютъ объ этомъ свѣтѣ, и различаютъ его отъ природнаго свѣта въ коемъ живутъ люди, мыслящіе природно, а не духовно: природно мыслить значитъ взирать только на мірское (земное), и относить все къ природѣ; взирать же на небесное, и все относить къ божественному началу, значитъ мыслить духовно. Мнѣ нѣсколько разъ дано было постичь и видѣть, что свѣтъ, просвѣщающій разумъ, есть истинный свѣтъ, совершенно различный отъ свѣта, который называется природнымъ: внутренно и постепенно, я возносился къ этому свѣту; по мѣрѣ возвышенія моего, разумъ мой просвѣтлялся до того, что я постигалъ, чего прежде не могъ постичь, и даже такія вещи, которыя для мысли, въ природномъ свѣтѣ, были вовсе недоступны; и иногда, я негодовалъ на себя за то, что въ обыкновенномъ состояніи своемъ не понималъ того же самаго, что при небесномъ свѣтѣ постигалъ ясно и отчетливо. Такъ какъ для разума есть свой особенный свѣтъ, то говоря о немъ и употребляются тѣже выраженія какъ и о глазѣ, наприм. когда разумъ понимаетъ, говорятъ: онъ видитъ, ему ясно; а когда онъ не понимаетъ, тогда говорятъ, что ему не ясно и темно, и т. д.

131. Такъ какъ небесный свѣтъ есть божественная истина, то свѣтъ этотъ есть также божественная мудрость и божественное разумѣніе; по этому тоже самое значитъ: вознестись до небеснаго свѣта, или возвыситься въ разумѣніи и мудрости, или просвѣтиться; вотъ почему и свѣтъ у ангеловъ со-

совершенно соотвѣтствуетъ степени ихъ разумѣнія и мудрости. Вслѣдствіе того, что свѣтъ на небесахъ есть божественная мудрость, каждый въ этомъ свѣтѣ немедленно познается такимъ, каковъ онъ есть: внутренность каждаго видна на лицѣ его во всей своей полнотѣ, безъ утайки малѣйшей бездѣлицы. Ангелы внутреннихъ небесъ любятъ, чтобъ у нихъ все было открыто, потому что они ничего не хотятъ, кромѣ блага; напротивъ же тѣ, кои живутъ подъ небесами и не хотятъ блага, боятся, по этому самому, чтобъ на нихъ не посмотрѣли при небесномъ свѣтѣ: и, что удивительно, находящіеся въ аду, между собою кажутся людьми, а при небесномъ свѣтѣ, чудовищами со страшнымъ лицемъ и страшнымъ тѣломъ, т. е. въ полномъ образѣ своего собственнаго зла. Тоже самое бываетъ и съ человѣкомъ относительно духа его, когда ангелы смотрятъ на него: если онъ благъ, то онъ кажется имъ человѣкомъ, соотвѣтственной съ его благомъ красоты; если же онъ золъ, то чудовищемъ, безобразіе котораго соотвѣтствуетъ его злу. Изъ этого ясно, что при небесномъ свѣтѣ, все становится явнымъ, потому что небесный свѣтъ есть божественная истина.

132. Вслѣдствіе того, что божественная истина на небесахъ есть свѣтъ, всѣ истины, гдѣ бы онѣ ни были, въ самомъ ли ангелѣ или внѣ его, внутри (intra) небесъ или внѣ (extra) ихъ, свѣтятся. Впрочемъ истины внѣ небесъ не свѣтятся такъ, какъ истины внутри небесъ: онѣ даютъ холодный свѣтъ, подобно снѣгу, въ которомъ нѣтъ тепла, потому что эти истины не заимствуютъ своей жизни отъ блага, подобно исти-

намъ внутри небесъ; по сему холодный свѣтъ этотъ, при первомъ прикосновеніи небеснаго свѣта, пропадаетъ, а если подъ нимъ скрывается зло, то обращается во мракъ. Я часто видѣлъ это, и равно много другаго достопримѣчательно относительно свѣта истины, но говорить здѣсь объ этомъ не стану.

133. Скажу теперь нѣсколько словъ о небесномъ теплѣ: небесное тепло въ сущности своей есть любовь; оно исходитъ отъ Господа какъ солнца, которое, какъ было показано въ предшествующей главѣ, есть Божественная любовь, въ Господѣ пребывающая, и отъ Господа исходящая; изъ этого ясно, что тепло и свѣтъ небесные, происходя отъ одного источника, одинаково духовны. Двѣ вещи исходятъ отъ Господа, какъ солнца: Божественная истина и Божественное благо. Божественная истина на небесахъ проявляется въ свѣтѣ, а Божественное благо въ теплѣ; но Божественная истина и Божественное тепло, до того между собою неразлучны, что они не составляютъ двухъ вещей, но одно цѣлое. Въ ангелахъ однакожъ они раздѣльны, потому что нѣкоторые изъ нихъ болѣе пріемлютъ Божественное благо, чѣмъ Божественную истину, а другіе болѣе Божественную истину, чѣмъ Божественное благо: пріемлющіе болѣе Божественное благо, живутъ въ небесномъ царствѣ Господа, а пріемлющіе болѣе Божественную истину, живутъ въ духовномъ его царствѣ; но совершеннѣйшіе изъ ангеловъ принимаютъ то и другое въ одинаковой степени.

134. Небесное тепло, какъ и свѣтъ небесный, вездѣ различно: въ небесномъ царствѣ оно не такое,

какъ въ духовномъ, и равно различно въ каждомъ обществѣ этихъ царствъ; различно не только по количеству своему, но даже и по качеству. Оно сильнѣе и чище въ небесномъ царствѣ Господнемъ, потому что ангелы этого царства болѣе пріемлютъ Божественное благо; менѣе сильно и чисто въ духовномъ царствѣ Господнемъ, потому что ангелы этого царства болѣе пріемлютъ Божественную истину; точно такъ оно различно и въ каждомъ обществѣ, смотря по тому какъ его принимаютъ. Есть тепло и въ аду, но нечистое. Тепло небесное есть то, которое разумѣется подъ словами: священный и небесный огонь; а подъ словами: нечестивый и адскій огонь, разумѣется адское тепло. Тотъ и другой относится къ любви; но небесный огонь означаетъ любовь къ Господу и любовь къ ближнему, какъ и всякое чувство этихъ любовей; адскій же огонь означаетъ любовь къ себѣ и любовь къ міру, какъ и всякое чувство этихъ любовей. Что любовь есть тепло духовнаго происхожденія, это очевидно изъ того, что она воспламеняетъ: и дѣйствительно, человѣкъ воспламеняется и горячится смотря по степени и качеству любви своей; въ особенности же весь пылъ ея обнаруживается, когда нападаютъ на нее. Вотъ откуда произошли выраженія: горячиться, воспламеняться, горѣть, кипѣть, пылать, когда рѣчь идетъ о чувствахъ, принадлежащихъ любви къ добру, или о чувствахъ любви ко злу.

135. Любовь, исходящая отъ Господа-солнца, потому чувствуется тепломъ на небесахъ, что внутреннія начала ангельскія полны любви отъ Божественнаго блага, исходящаго отъ Господа; вслѣдствіе

чего и внѣшнія начала ихъ, согрѣваясь отъ этого источника, чувствуютъ теплоту. Вотъ почему тепло и любовь на небесахъ взаимно себѣ соотвѣтствуютъ; такъ, что каждому ангелу тамъ тепло, по мѣрѣ того, на сколько онъ самъ живетъ въ любви; но объ этомъ было ужъ сказано выше. Земная теплота вовсе не проникаетъ въ небеса, потому что она слишкомъ груба, природна, и не духовна; но не такъ бываетъ съ человѣкомъ на землѣ, потому что онъ въ одно и тоже время живетъ въ мірѣ духовномъ и въ мірѣ природномъ: вслѣдствіе чего, духъ его воспламеняется только по мѣрѣ и качеству любви своей, а тѣло его отъ того и другаго источника, т. е. не только отъ теплоты духовной, но и отъ природной; первая вліяетъ на вторую, потому что онѣ одна другой соотвѣтствуетъ. Въ чемъ состоитъ соотвѣтствіе той и другой теплоты, можно видѣть это изъ наблюденій надъ животными; а именно, изъ того явленія, что любовь ихъ, для коей главное есть воспроизведеніе породы своей, проявляется и дѣйствуетъ по мѣрѣ присутствія и прилива земнаго солнечнаго жара, который великъ только въ весеннюю и лѣтнюю пору. Весьма ошибочно думаютъ иные, что любовь возбуждается вліяніемъ природнаго тепла; природное не вліяетъ на духовное, но духовное на природное; это вліяніе согласно съ Божественнымъ порядкомъ, а первое противно ему.

136. У ангеловъ, равно какъ и у людей, есть воля и разумъ. Разумъ ихъ получаетъ жизнь свою отъ небеснаго свѣта, потому что свѣтъ небесный есть Божественная истина, и затѣмъ Божественная мудрость; воля же ихъ получаетъ жизнь свою отъ небесной

теплоты, потому что теплота небесная есть Божественное благо, и затѣмъ Божественная любовь. Самая сущность жизни ангеловъ получается отъ этого тепла, а не отъ свѣта, развѣ только когда въ немъ есть и тепло; что жизнь исходитъ отъ тепла, это очевидно изъ того, что за отсутствіемъ его, жизнь пропадаетъ. Тоже самое бываетъ и съ вѣрою безъ любви, или съ истиною безъ блага, потому что истина, называемая истиною вѣры, есть свѣтъ, а благо, называемое благомъ любви, есть тепло. Это видно еще яснѣе изъ сравненія съ нашимъ свѣтомъ и тепломъ, коимъ соотвѣтствуютъ свѣтъ и тепло небесныя. Отъ здѣшняго тепла въ соединеніи его со свѣтомъ, все, что есть на землѣ оживаетъ и цвѣтетъ, соединеніе же это бываетъ вешнею и лѣтнею порою; но отъ свѣта безъ тепла ничто не оживаетъ и не цвѣтетъ, напротивъ все цѣпенѣетъ и умираетъ; отсутствіе этого соединенія бываетъ зимою: въ эту пору теплоты нѣтъ, а свѣтъ остается. Вслѣдствіе такого соотвѣтствія небеса и названы были раемъ, ибо тамъ истина въ союзѣ съ благомъ, или вѣра съ любовью, какъ и здѣсь вешнею порой, свѣтъ съ тепломъ. Изъ этого еще яснѣе становится вышесказанная истина (см. нн. 13 — 19), что на небесахъ божественное начало Господа, есть любовь къ нему и любовь къ ближнему (charitas).

137. У Іоанна сказано: *Въ началѣ бѣ слово и слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ слово. Вся тѣмъ быша и безъ него нечтоже бысть еже бысть. Въ немъ животъ бѣ и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ. Въ мірѣ бѣ и міръ тѣмъ бысть. И слово плоть бысть и вселися въ ны, и видѣхомъ славу его.* I. 1, 3, 4, 10, 14.

Ясно что подъ именемъ слова разумѣется Господь, ибо сказано, что слово стало плотью, но неизвѣстно что̀ особенно разумѣется подъ словомъ, и потому слѣдуетъ это сказать: слово въ этомъ изреченіи означаетъ Божественную истину, въ Господѣ пребывающую и отъ Господа исходящую; поэтому она и названа здѣсь также свѣтомъ, который, какъ было уже сказано, есть Божественная истина. А какимъ образомъ все было создано и сотворено посредствомъ Божественной истины, это будетъ теперь объяснено.

На небесахъ вся сила принадлежитъ Божественной истинѣ; безъ этой послѣдней вовсе нѣтъ и первой. Всѣ ангелы называются силами вслѣдствіе принятія ими Божественной истины; ею они властны надъ адомъ и надъ тѣми, кои противятся имъ; ибо тамъ тысячи враговъ невыдерживаютъ и одного луча небеснаго свѣта, т. е. Божественной истины: а какъ ангелы становятся ангелами вслѣдствіе принятія ими Божественной истины, то всѣ небеса, состоя изъ ангеловъ, происходятъ отъ того же источника. Что такъ велика сила Божественной истины, этому не вѣрятъ тѣ, которые не имѣютъ объ истинѣ другаго понятія, какъ о мысли или словѣ, которыя сильны по себѣ на сколько другіе, повинуясь имъ, исполняютъ ихъ; межъ тѣмъ какъ Божественной истинѣ присуща сила по себѣ, и даже столь великая, что ею были созданы небеса и міръ, и все что въ нихъ есть.

Что такая сила присуща Божественной истинѣ, можно пояснить это двумя сравненіями, а именно: силою истины и блага въ человѣкѣ, и силою свѣта и тепла, исходящихъ отъ здѣшняго солнца. *Силою ис-*

тины и блага въ человѣкѣ, можно пояснить это такъ: все что человѣкъ дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ это по разуму и волѣ; дѣйствіе воли его проявляется во благѣ, а дѣйствіе разума его въ истинѣ, ибо все, принадлежащее волѣ, относится къ благу, а все принадлежащее разуму, относится къ истинѣ. Такимъ образомъ чрезъ посредство того и другаго, человѣкъ приводитъ въ движеніе все свое тѣло, въ которомъ тысячи вещей приходятъ въ дѣйствіе, по приказанію и желанію вышесказанныхъ началъ; изъ этого ясно, что все тѣло было сотворено такъ, чтобы быть въ распоряженіи блага и истины, и слѣд., чтобъ дѣйствовать по благу и истинѣ.

Было сказано, что сила истины объясняется еще *сравненіемъ ея съ силою тепла и свѣта здѣшняго солнца.* Все что растетъ на землѣ: деревья, растенья, цвѣты, травы, плоды и семена, существуетъ только посредствомъ солнечнаго тепла и свѣта; если же этимъ началамъ присуща столь великая производительная сила, то какова же должна быть эта сила *въ свѣтѣ* божественномъ, т. е. въ божественной истинѣ, *и въ теплѣ* божественномъ, т. е. въ божественномъ благѣ, коими сотворены не только небеса, но и міръ, ибо, какъ было сказано выше, міръ существуетъ вслѣдствіе небесъ. Изъ этого видно какъ понимать, что все было создано словомъ, что безъ него ничего не было сотворено, и что міръ стался имъ же, т. е. это значитъ, что все было создано Божественною истиною, исходящею отъ Господа. На этомъ основаніи, въ книгѣ Бытія сперва говорится о свѣтѣ, а за тѣмъ о томъ, что̀ происходитъ отъ него. Быт. I. 3. 4. По этому также все, что ни есть въ мірѣ, какъ на небе-

сахъ такъ и на землѣ, относится къ благу и къ истинѣ, и къ соединенію ихъ, безъ чего не можетъ быть и бытія.

139.*) Замѣтимъ, что Божественное благо и Божественная истина, исходящія на небесахъ отъ Господа, какъ солнца, не находятся въ самомъ Господѣ, но исходятъ отъ него: въ самомъ Господѣ одна только Божественная любовь, которая есть самая суть (esse), дающая бытіе этому благу и истинѣ; получать бытіе отъ сути (existere ab esse), это то, что разумѣется подъ словомъ происходить (procedere). Это можно пояснить и сравненіемъ съ нашимъ солнцемъ: тепло и свѣтъ земныя не находятся въ солнцѣ, но исходятъ отъ него; въ солнцѣ есть только огонь, а отъ этого огня происходятъ и существуютъ начала свѣта и тепла.

140. Такъ какъ Господь-солнце есть Божественная любовь, и она есть самое Божественное благо, то Божественное начало, исходящее отъ Господа, и составляющее на небесахъ его Божественность (divinum in coelo), называется для отличія Божественною истиною, хотя (въ сущности) оно есть Божественное благо въ соединеніи съ Божественной истиной. Эта Божественная истина есть то, что называется Духъ Святой, исходящій отъ Господа (sanctum procedens, т. е. святое, исходящее отъ Господа, начало).

*) Въ подлинникѣ нѣтъ н. 138.

О четырехъ странахъ свѣта на небесахъ.

141. На небесахъ, какъ и на землѣ, четыре страны свѣта: востокъ, полдень, западъ и сѣверъ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ онѣ опредѣляются по солнцу: на небесахъ, по небесному солнцу, то есть по Господу, а на землѣ, по земному; но тѣмъ не менѣе, разница, между тѣми и другими странами свѣта, большая. Первая та, что здѣсь называютъ полднемъ точку наибольшей высоты солнца надъ землею; сѣверомъ, когда солнце находится въ противуположной сторонѣ, подъ землею; востокомъ, мѣсто восхода его въ равноденствіе, и западомъ, мѣсто, гдѣ оно тогда садится: такимъ образомъ, въ мірѣ, всѣ страны свѣта опредѣляются полднемъ. На небесахъ же, востокомъ называется то мѣсто, гдѣ Господь является въ видѣ солнца; въ противуположной мѣстности находится западъ; на правой сторонѣ полдень, а на лѣвой сѣверъ; и это постоянно, какимъ бы образомъ ангелы не обращались лицемъ и тѣломъ: такимъ образомъ, на небесахъ, всѣ страны свѣта опредѣляются востокомъ. То мѣсто, гдѣ Господь является въ видѣ солнца, потому называется восходомъ, что всякое *начало* жизни восходитъ или исходитъ отъ него, какъ отъ солнца; и еще потому, что, на сколько ангелы принимаютъ тепло и свѣтъ, или любовь и разумъ отъ самого Господа, на столько, говорятъ они, Господь *восходитъ* въ нихъ; по этому Господь и въ Словѣ названъ восходомъ или востокомъ.

142. Другая разница въ томъ, что у ангеловъ

всегда востокъ впереди, передъ лицемъ (a facie), западъ позади, полдень на правой сторонѣ, и сѣверъ на лѣвой; но такъ какъ это трудно понять здѣсь на землѣ, гдѣ человѣкъ обращается лицомъ во всѣ стороны, то это будетъ пояснено. Всѣ небеса обращаются къ Господу, какъ къ своему общему средоточію, посему и всѣ ангели обращаются въ туже сторону; извѣстно, что и на землѣ всякая вещь стремится къ общему центру; но направленіе этого стремленія на небесахъ, различается отъ направленія его на землѣ: это различіе состоитъ въ томъ, что на небесахъ обращаются къ своему общему центру переднія части, а на землѣ нижнія; это направленіе называется здѣсь центростремительной силою и тяготѣніемъ. У ангеловъ всѣ внутреннія начала ихъ дѣйствительно обращены напередъ (стремятся впередъ); а такъ какъ внутреннія начала ихъ выражаются на лицѣ, то и страны свѣта опредѣляются въ томъ мірѣ по лицу.

143. Но что у ангеловъ востокъ всегда впереди, *какъ бы они ни обращались лицемъ и тѣломъ*, это еще труднѣе понять здѣсь, гдѣ человѣкъ, обращаясь куда хочетъ, можетъ видѣть и всякую страну свѣта передъ собою; посему и это также должно быть пояснено. Ангелы, подобно человѣку, обращаются и наклоняются лицемъ и тѣломъ во всѣ стороны; но тѣмъ не менѣе востокъ у нихъ всегда передъ глазами; это происходитъ оттого, что у ангеловъ обращеніе лица и тѣла зависитъ отъ другаго начала, чѣмъ у человѣка. Это обращеніе, хотя и кажется на видъ одинаковымъ, но въ сущности не одинаково.

Staats-
Bibliothek
Bamberg

Начало отъ котораго оно зависитъ есть господствующая любовь, управляющая всякимъ движеніемъ лица и тѣла у ангеловъ и у духовъ; ибо, какъ было сказано выше, внутреннее начало ихъ дѣйствительно обращено къ общему своему центру, т. е. къ Господу, какъ солнцу: а какъ любовь ихъ постоянно передъ ихъ внутреннимъ началомъ, и начало это выражается на лицѣ ихъ, которое есть только внѣшній его образъ, — то и господствующая любовь ихъ всегда передъ ними, передъ лицемъ ихъ. Слѣдовательно и самъ Господь, какъ солнце, постоянно находится передъ ними, потому что источникъ ихъ любви въ немъ самомъ; а какъ онъ самъ присущъ въ нихъ въ своей же любви, то онъ же дѣлаетъ, что они видятъ его передъ собой, куда бы ни обращались лицемъ и тѣломъ. Это обстоятельство не можетъ быть покуда представлено яснѣе; но въ слѣдующихъ главахъ, и въ особенности, когда будетъ рѣчь объ изображеніяхъ и видимостяхъ (de repraesentativis et apparentiis), и также о времени и пространствѣ на небесахъ, оно представится въ большей ясности. Изъ многихъ опытовъ мнѣ дано было узнать и самому постичь, что ангелы видятъ Господа постоянно передъ собою; сколько я нибылъ въ обществѣ ангеловъ, я всегда замѣчалъ передъ собою присутствіе Господа, который хотя и небылъ видимъ, но постигался въ свѣтѣ, и ангелы не разъ подтверждали мнѣ, что это такъ. На томъ основаніи, что Господь постоянно передъ лицемъ ангеловъ, у насъ обыкновенно говорятъ, что вѣрующіе въ Бога и любящіе его, видятъ Господа передъ собою, взираютъ на него, и обращаются къ нему; человѣкъ

выражается такимъ образомъ по вліянію на него духовнаго міра, и много другихъ выраженій, въ рѣчи человѣческой, происходятъ отъ того же источника, хотя самъ человѣкъ и не знаетъ этого.

144. Это обращеніе лица и тѣла къ Господу, есть одно изъ небесныхъ чудесъ; многіе могутъ быть тамъ въ одномъ мѣстѣ, и обращаться лицемъ и тѣломъ въ разныя стороны, и тѣмъ не менѣе видѣть Господа передъ собой, имѣя на право отъ себя полдень, на лѣво сѣверъ, а позади западъ. Къ числу чудесъ относится также и слѣдующее: взоръ ангельскій всегда обращенъ къ востоку, но тѣмъ не менѣе ангелы могутъ видѣть и всѣ прочія страны свѣта, съ тою разницею только, что они видятъ ихъ внутреннимъ зрѣніемъ своимъ, принадлежащимъ мысли ихъ. Къ числу чудесъ принадлежитъ и то, что никогда не дозволено на небесахъ стоять позади другаго, ни смотрѣть ему въ затылокъ, потому что при этомъ нарушается нисходящее отъ Господа наитіе блага и истины.

145. Ангелы иначе взираютъ на Господа, чѣмъ Господь на ангеловъ: ангелы, взирая на Господа, смотрятъ ему въ глаза, Господь же взирая на ангеловъ смотритъ имъ въ чело, по той причинѣ, что чело соотвѣтствуетъ любви, и что Господь, посредствомъ любви, вліяетъ на волю ихъ; а видѣть себя даетъ онъ имъ чрезъ посредство разума, которому соотвѣтствуютъ глаза.

146. Страны свѣта въ небесномъ царствѣ Господнемъ различаются отъ странъ свѣта въ его духовномъ царствѣ, по той причинѣ, что Господь являет-

ся ангеламъ небеснаго царства въ видѣ солнца, а ангеламъ духовнаго царства въ видѣ луны; мѣсто его явленія востокъ, разстояніе тамъ между солнцемъ и луною 30 градусовъ, слѣдовательно такая же разница и въ положеніи странъ свѣта обоихъ царствъ. Что небеса различаются на два царства, небесное и духовное, см. главу, гдѣ объ этомъ говорится, нн. 20—28; что Господь въ небесномъ царствѣ является въ видѣ солнца, а въ духовномъ въ видѣ луны, см. н. 118. Тѣмъ не менѣе однакожъ страны свѣта на небесахъ не безразличны, потому что духовные ангелы не могутъ вознестись къ небеснымъ, ни эти послѣдніе спуститься къ духовнымъ; см. выше н. 35.

147. Изъ этого видно, что значитъ присутствіе Господа на небесахъ, т. е. что онъ всюду и въ каждомъ, во благѣ и истинѣ, исходящихъ отъ него, и что слѣдовательно онъ присущъ въ ангелахъ въ тѣхъ началахъ, которыя принадлежатъ собственно ему, какъ уже сказано выше, въ н. 12. Ангелы постигаютъ присутствіе Господа по своему внутреннему началу: оно даетъ зрѣніе глазамъ ихъ; такимъ образомъ, они видятъ Господа внѣ себя, потому что связь между Господомъ внѣ ихъ, и Господомъ внутри ихъ — непрерывна; изъ этого ясно, какъ слѣдуетъ понимать, что Господь въ нихъ, и они въ Господѣ: *Будите въ мнѣ и азъ въ васъ.* Іоан. XV. 4. *Ядый мою плоть и піяй мою кровь, во мнѣ пребываетъ и азъ въ немъ.* Іоан. XVI. 56. Плоть Господа означаетъ Божественное благо, а кровь — Божественную истину.

148. Всѣ на небесахъ размѣщены различно, смотря по странамъ свѣта. На востокѣ и западѣ обита-

ютъ живущіе во благѣ любви: на востокѣ, живущіе въ свѣтломъ постиженіи этого блага, а на западѣ — въ сравнительно темномъ; на югѣ и сѣверѣ обитаютъ живущіе въ мудрости этого блага: на югѣ, живущіе въ ясномъ свѣтѣ этой мудрости, а на сѣверѣ, въ сравнительно темномъ свѣтѣ ея. Ангелы духовнаго царства Господня размѣщены такимъ же образомъ, какъ и ангелы небеснаго царства, съ разницею, однакожъ, относительно блага любви своей и свѣта истины по благу; потому что любовь въ царствѣ небесномъ, есть любовь къ Господу, а свѣтъ истины оттолѣ, есть мудрость; любовь же въ царствѣ духовномъ, есть любовь къ ближнему, называемая благостынею, а свѣтъ истины оттолѣ, есть разумъ, который также называется вѣрою, см. выше н. 23. Ангелы обоихъ царствъ различаются еще тѣмъ, что страны свѣта, въ томъ и другомъ царствѣ, отстоятъ другъ отъ друга на 30 градусовъ, какъ было сказано выше н. 146.

149. Такимъ же образомъ живутъ ангелы и между собой, въ каждомъ небесномъ обществѣ: на востокѣ тѣ, кои находятся въ бо̀льшей степени любви и благостыни; на западѣ тѣ, кои въ меньшей; на полднѣ тѣ, кои въ большемъ свѣтѣ мудрости и разумѣнія; на сѣверѣ тѣ, кои въ меньшемъ. Они живутъ такимъ образомъ раздѣльно, потому что каждое общество изображаетъ собою небеса, и, само по себѣ, есть небеса въ маломъ видѣ, см. выше нн. 51—58; тотъ же порядокъ соблюдается и въ ангельскихъ сборищахъ. Они размѣщаются въ этомъ порядкѣ, по образу небесъ, по которому каждый знаетъ свое мѣ-

сто. Господь даже предусматриваетъ, чтобы въ каждомъ обществѣ были ангелы всякаго рода, съ тою цѣлію, чтобы небеса, относительно образа своего, были всюду себѣ подобны; тѣмъ не менѣе устройство всѣхъ небесъ отличается отъ устройства одного общества, какъ цѣлое отъ части, потому что общества на востокѣ выше тѣхъ, которыя на западѣ, а общества на югѣ выше тѣхъ, которыя на сѣверѣ.

150. Вотъ почему страны свѣта на небесахъ означаютъ и качества ихъ жителей, т. е. востокъ — любовь и благо ея, въ ясномъ постиженіи; западъ — тоже самое, въ темномъ постиженіи; полдень или югъ — мудрость и разумѣніе въ ясномъ свѣтѣ; сѣверъ тоже самое, въ темномъ свѣтѣ; а какъ страны свѣта на небесахъ имѣютъ это значеніе, то они сохраняютъ его и во внутреннемъ или духовномъ смыслѣ Слова: ибо внутренній или духовный смыслъ Слова, совершенно согласенъ съ тѣмъ, что существуетъ на небесахъ.

151. Что касается до живущихъ въ аду, то положеніе ихъ обратное. Они не обращаютъ взоровъ своихъ къ Господу, какъ къ солнцу или лунѣ, но въ противуположную отъ него сторону, къ чему-то темному, замѣняющему имъ земное солнце наше, и къ чему-то мрачному, замѣняющему имъ земную луну нашу; называющіеся геніями, обращаются къ первому, а называющіеся духами, къ послѣднему. Что земное солнце и луна не видимы въ духовномъ мірѣ, но что вмѣсто этого солнца, видно что-то темное, противуположное небесному солнцу, и что вмѣсто нашей луны, что-то мрачное, противуположное небесной

лунѣ, это было сказано выше н. 122. Такимъ образомъ, страны свѣта для живущихъ въ аду, противуположны странамъ свѣта на небесахъ: востокъ для нихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится это нѣчто темное и мрачное, а западъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ небесное солнце; полдень для нихъ на правой сторонѣ, а сѣверъ на лѣвой; и это постоянно, какимъ бы образомъ они ни обращались тѣломъ своимъ. И не можетъ быть это иначе, потому что всякое направленіе ихъ внутреннихъ (началъ), а вслѣдствіе того и всякое движеніе тѣла ихъ, клонится и стремится въ ту сторону; что направленіе внутреннихъ началъ, и затѣмъ самого тѣла, у всѣхъ жителей того міра, зависитъ отъ любви, см. н. 143; а что любовь у живущихъ въ аду, есть любовь къ себѣ и любовь къ міру, и что эти оба вида любви соотвѣтствуютъ поклоненію земному солнцу и лунѣ, см. н. 122. Сверхъ того эти любови противуположны любви къ Господу и любви къ ближнему, а потому жители ада и обращаются къ этимъ темнымъ предметамъ, въ противную отъ Господа сторону. Они даже и обитаютъ по своимъ странамъ свѣта: отъ востока своего, и до запада, живутъ преданные злу, по любви къ себѣ; а отъ полдня своего, и до сѣвера, обитаютъ живущіе во лжи по злу; но объ этомъ будетъ сказано пространнѣе въ отдѣлѣ объ адѣ.

152. Когда какой нибудь злой духъ приходитъ къ добрымъ, то страны свѣта такъ перемѣшиваются, что добрые духи едва знаютъ, гдѣ ихъ востокъ; нѣсколько разъ я замѣчалъ это самъ, и также слышалъ отъ духовъ, которые жаолвались на это.

153. Злые духи кажутся иногда будто обра-

щаются къ небеснымъ странамъ свѣта, и тогда они одарены разумомъ и постиженіемъ истины; но въ нихъ нѣтъ никакого расположенія (affectio) къ добру, вслѣдствіе чего, какъ только они обращаются опять къ своимъ странамъ, въ нихъ нѣтъ болѣе ни сколько разумѣнія и постиженія истины, и они тогда говорятъ, что истины, ими недавно слышанныя и понятыя, не истины, а ложь; они даже хотятъ, чтобы ихъ ложь признали за истину. Относительно этой способности оборачиваться, я узналъ, что у злыхъ духовъ разумъ ихъ можетъ такимъ образомъ обращаться, но не воля; и что это устроено Господомъ съ тою цѣлью, чтобъ каждый могъ видѣть и познавать истину; но что никто не принимаетъ ее, не живя самъ во благѣ, ибо истину принимаетъ благо, а никоимъ образомъ зло. Затѣмъ я узналъ, что тоже самое бываетъ и съ человѣкомъ, съ тою цѣлью, чтобы онъ могъ исправляться посредствомъ истины; но что тѣмъ не менѣе человѣкъ исправляется ею только въ той мѣрѣ, на сколько онъ самъ живетъ во благѣ. Вслѣдствіе этого человѣкъ можетъ такимъ же образомъ обращаться къ Господу; но если онъ живетъ во злѣ, то немедленно обращается вспять, и утверждается во лжи своего зла, въ противность истинамъ, которыя недавно понималъ и видѣлъ; это дѣлается когда онъ думаетъ въ себѣ, по своему внутреннему состоянію.

Объ измѣненіяхъ внутренняго состоянія ангеловъ на небесахъ.

154. Подъ измѣненіями состоянія ангеловъ, разумѣются измѣненія въ нихъ, относительно любви и вѣры, а затѣмъ мудрости и разумѣнія, слѣдовательно относительно состояній ихъ жизни, и того, что относится до нея; а какъ жизнь ангельская есть жизнь любви и вѣры, а затѣмъ мудрости и разумѣнія, то и состоянія ихъ относятся къ тому же, и называются состояніями любви и вѣры, и состояніями мудрости и разумѣнія. Теперь будетъ сказано какимъ образомъ эти состоянія (status) мѣняются у ангеловъ.

155. Ангелы не находятся постоянно въ одномъ и томъ же состояніи относительно любви, и слѣд. въ одномъ и томъ же состояніи относительно мудрости, ибо всякая мудрость ихъ происходитъ отъ любви и согласна съ нею: иногда они находятся въ состояніи горячей любви, а иногда въ состояніи любви не столь сильной; оно убываетъ постепенно, отъ высшей степени и до нисшей. Когда ангелы въ самомъ высшемъ настроеніи любви, тогда они находятся во свѣтѣ и теплѣ своей жизни, или въ состояніи ясности и удовольствія; когда же они находятся въ наименьшей степени любви, тогда они въ тѣни и въ холоду, или въ состояніи тмы и неудовольствія; отъ послѣдняго состоянія они опять возвращаются къ первому и т. д. Эти измѣненія, хотя и слѣдуютъ одно за другимъ, но съ разнообразіемъ; они чередуются, какъ перемены свѣта и тмы, тепла и холода, или, какъ ежедневно въ мірѣ, утро, полдень, вечеръ и ночь,

съ постояннымъ разнообразіемъ въ продолженіи года. Эти времена соотвѣтствуютъ: утро, ясному состоянію любви ангельской; полдень, ясному состоянію мудрости ихъ; вечеръ, темному состоянію ихъ мудрости; а ночь, состоянію безъ любви и мудрости; однакожъ должно замѣтить, что у небесныхъ жителей нѣтъ такихъ состояній, которыя бы соотвѣтствовали ночи, но только нѣкоторыя состоянія соотвѣтствующія зарѣ, предшествующей утру; соотвѣтствіе ночи принадлежитъ живущимъ въ аду. Вслѣдствіе этого соотвѣтствія, день и годъ, въ Словѣ Божіемъ, означаютъ вообще состоянія жизни: тепло и свѣтъ — любовь и мудрость; утро — первую и высшую степень любви; полдень — мудрость въ своемъ свѣтѣ; вечеръ — мудрость въ тѣни; заря — сумерки, предшествующіе утру; а ночь — совершенное отсутствіе любви и мудрости.

156. Вмѣстѣ съ состояніемъ внутреннихъ началъ, принадлежащихъ любви и мудрости ангельской, мѣняются и состоянія различныхъ предметовъ, находящихся внѣ ихъ и представляющихся ихъ зрѣнію, потому что предметы находящіеся внѣ ихъ, принимаютъ видимость, смотря по внутреннему состоянію самихъ ангеловъ; но въ чемъ состоятъ эти внѣшніе предметы, будетъ сказано въ послѣдующихъ главахъ объ изображеніяхъ и видимостяхъ на небесахъ.

157. Каждый ангелъ подвергается тѣмъ же перемѣнамъ состояній, какъ и каждое общество вообще; но въ каждомъ обществѣ каждый ангелъ — другимъ, потому что всѣ ангелы различны между собою по любви и мудрости: такъ, живущіе въ сере-

динѣ, находятся въ болѣе совершенномъ состояніи, чѣмъ тѣ, которые занимаютъ окружность до самыхъ предѣловъ ея, см. выше нн. 23 и 128. Опредѣлять эти различія въ переходѣ состояній было бы слишкомъ пространно; достаточно сказать, что состоянія каждаго мѣняются, по качеству его любви и вѣры; вслѣдствіе чего, иной находится въ своемъ свѣтломъ состояніи, когда другой въ темномъ и нерадостномъ; и это въ томъ же обществѣ, и въ тоже самое время; такія различія состояній встрѣчаются и между однимъ обществомъ и другимъ, и между обществами небеснаго царства и обществами духовнаго царства. Вообще, измѣненія во внутреннемъ состояніи ангеловъ, подобны разности временъ дня въ различныхъ климатахъ земли, гдѣ въ одномъ мѣстѣ утро, когда въ другомъ вечеръ, или у однихъ тепло, когда у другихъ холодъ, и на оборотъ.

158. Мнѣ дано было на небесахъ узнать откуда происходятъ эти измѣненія состояній; ангелы сказали мнѣ, что этому нѣсколько причинъ: первая та, что радости жизни и небесныя удовольствія, которыми они наслаждаются по любви и мудрости, исходящимъ отъ Господа, стали бы постепенно ослабѣвать, еслибъ они постоянно находились въ нихъ; что́ и случается съ тѣми, которые постоянно предаются однообразнымъ удовольствіямъ и наслажденіямъ. Вторая причина та, что ангелъ, точно также какъ и человѣкъ, неразлученъ отъ соби (proprium), и что, въ этой соби, коренится любовь къ самому себѣ; всѣ живущіе на небесахъ воздерживаются отъ этой соби, и на сколько они Господомъ воздерживаются отъ нея, на столько

они предаются любви и мудрости; а на сколько не удерживаются, на столько предаются любви къ самому себѣ: а такъ какъ всякій любитъ свою собь и влечется къ ней, то состоянія ихъ и подвергаются такимъ измѣненіямъ. Третія причина та, что ангелы такимъ образомъ усовершенствуются, потому что это пріучаетъ ихъ жить въ любви къ Господу, и воздерживаться отъ любви къ себѣ; и потому также, что чередованіе удовольствія съ неудовольствіемъ изощряетъ въ нихъ постиженіе и сознаніе блага. Къ этому ангелы прибавили, что не Господь производитъ въ нихъ эти перемѣны состоянія, потому что Господь, какъ солнце всегда наитствуетъ тепломъ и свѣтомъ, т. е. любовію и мудростію, но что сами ангелы тому причиной, потому что они любятъ свою собь и постоянно ею увлекаются; они поясняли это сравненіемъ съ нашимъ солнцемъ: не оно причиной каждогодныхъ и каждодневныхъ перемѣнъ въ состояніи тепла и холода, свѣта и тмы, ибо солнце стоитъ неподвижно, но причиною тому движеніе самой земли.

159. Мнѣ было показано, какимъ образомъ Господь, какъ солнце, является ангеламъ небеснаго царства, въ ихъ первомъ состояніи, во второмъ и третьемъ. Сперва я увидалъ Господа, какъ солнце, исполненное столь великолѣпнаго блеску и сіянія, что этого невозможно описатъ; мнѣ было сказано, что въ этомъ видѣ Господь-солнце является ангеламъ въ ихъ первомъ состояніи. Потомъ я увидалъ около солнца большой темный поясъ, отъ котораго первоначальный блескъ и сіяніе, придававшіе ему столько великолѣпія, стали ослабѣвать; мнѣ было сказано, что въ такомъ видѣ

солнце является ангеламъ въ ихъ второмъ состояніи. Затѣмъ поясъ этотъ сталъ еще темнѣе, вслѣдствіе чего и самый блескъ солнечный еще уменьшился; это измѣненіе совершалось постепенно, покуда солнце не сдѣлалось совершенно бѣлымъ, и мнѣ было сказано, что въ такомъ видѣ солнце является ангеламъ въ ихъ третьемъ состояніи. Потомъ я увидалъ, какъ это бѣлое солнце подвинулось влѣво къ небесной лунѣ и слилось съ ея свѣтомъ, вслѣдствіе чего она необычайно засіяла: мнѣ было сказано, что это четвертое состояніе для находящихся въ небесномъ царствѣ, и первое для находящихся въ духовномъ, и что такимъ то образомъ чередуются измѣненія состояній въ обоихъ царствахъ; не въ цѣломъ царствѣ однакожъ, а постепенно, въ каждомъ его обществѣ; и что эти смѣны не опредѣлены, а приходятъ ранѣе или позже, безъ вѣдома ангеловъ. Кромѣ того, они мнѣ сказали, что само солнце такъ не меняется, и не двигается съ мѣста на мѣсто, но что это такъ кажется вслѣдствіе послѣдовательныхъ перемѣнъ въ состояніи самихъ ангеловъ, ибо Господь является каждому изъ нихъ, смотря по его состоянію: огненнаго блеска, когда они въ наибольшей любви, менѣе огненнымъ, и наконецъ бѣлымъ, когда любовь ихъ убываетъ; а что качество ихъ состоянія изображается тѣмъ темнымъ поясомъ, отъ котораго происходили въ солнцѣ кажущіяся измѣненія пламени и свѣта.

160. Когда Ангелы въ нисшемъ состояніи своемъ, т. е. когда они въ соби своей, то имъ становится грустно; я говоривалъ съ ними, когда они были въ этомъ состояніи, и видѣлъ ихъ печаль; но они мнѣ

отвѣчали, что надѣятся въ скоромъ времени возвратиться въ прежнее состоянiе, и такимъ образомъ, какъ бы снова, быть на небесахъ, ибо небеса для нихъ есть воздержанiе отъ соби.

161. Въ аду также бываютъ перемѣны въ состоянiяхъ, но объ этомъ будетъ говорено ниже, въ отдѣлѣ объ адѣ.

О времени на небесахъ.

162. Хотя на небесахъ все идетъ и движется точно также послѣдовательно, какъ и на землѣ, тѣмъ не менѣе у ангеловъ нѣтъ ни понятiя, ни мысли о времени и пространствѣ; и до того они лишены этихъ понятiй, что они вовсе не знаютъ, что такое время и пространство. О времени на небесахъ будетъ говорено теперь, а ниже, въ другой главѣ, о пространствѣ.

163. Если ангелы не знаютъ, что такое время, хотя у нихъ все идетъ послѣдовательно одно за другимъ, точно также какъ и на землѣ, и даже безъ всякой разницы, то это происходитъ отъ того, что на небесахъ нѣтъ годовъ и дней, а вмѣсто нихъ измѣненiя состоянiй; гдѣ годы и дни, тамъ и времена, а гдѣ, вмѣсто нихъ, измѣненiя состоянiй, тамъ одни состоянiя.

164. Время для насъ существуетъ потому, что солнце, двигаясь повидимому отъ одного градуса зодiака къ другому, образуетъ, такъ называемыя, времена года; а обходя по видимому землю, образуетъ, такъ называемыя, времена дня; и тѣ и другiя въ

опредѣленные сроки. Небесное же солнце, поступательнымъ движеніемъ своимъ и кругообращеніемъ, не образуетъ годовъ и дней, а, въ неопредѣленные сроки, кажущіяся измѣненія въ состояніяхъ, о чемъ см. выше. Вотъ почему у ангеловъ нѣтъ никакого понятія о времени, а только о состояніи; что такое состояніе смотри выше, н. 154.

165. Такъ какъ ангелы не имѣютъ того понятія о времени, какъ люди на землѣ, то у нихъ нѣтъ вовсе и мысли о времени, и о томъ, что относится до него; они не знаютъ свойственныхъ ему раздѣленій на годы, мѣсяцы, недѣли, часы, ни даже, что такое завтра, сегодня, вчера. Когда ангелы слышатъ объ этомъ отъ человѣка (къ которому, на землѣ, всегда присоединяются отъ Господа нѣсколько ангеловъ), тогда, вмѣсто этихъ названій, они понимаютъ состояніе, и все относящееся до него: такимъ образомъ, природная мысль человѣка обращается, у ангела, въ духовную. На этомъ основаніи время и все, что до него относится, означаетъ въ Словѣ Божіемъ состоянія, и различныя, по соотвѣтствію, духовныя понятія.

166. Точно такъ и все то, что происходитъ отъ времени, какъ то: времена года, называемыя весною, лѣтомъ, осенью и зимою; времена дня, называемыя утромъ, полднемъ, вечеромъ и ночью; возрасты человѣка, называемые дѣтствомъ, юношествомъ, мужествомъ и старостью; и вообще все то, что, или зависитъ отъ времени, или, по порядку его, слѣдуетъ одно за другимъ. Когда человѣкъ думаетъ о такихъ предметахъ, онъ думаетъ по времени, ангелъ же по состоянію; по этому все, что въ подобныхъ мысляхъ че-

ловѣка относится до времени, обращается у ангела въ понятіе о состояніи: весна и утро обращаются въ понятія о состояніи любви и мудрости, свойственныхъ ангеламъ въ первомъ ихъ состояніи; лѣто и полдень обращаются въ понятія о любви и мудрости ангеловъ, во второмъ ихъ состояніи; осень и вечеръ, въ понятія о томъ же, въ третьемъ состояніи ангельскомъ; зима же и ночь, въ понятія о состояніи существующемъ въ аду; вотъ почему времена въ Словѣ имѣютъ подобныя значенія, см. выше н. 155. Изъ этого ясно, какимъ образомъ природныя понятія человѣка становятся духовными у ангеловъ, находящихся при немъ.

167. Такъ какъ ангелы не имѣютъ никакого понятія о времени, то они и объ вѣчности инаго понятія, чѣмъ люди на землѣ; ангелы постигаютъ вѣчность, какъ безконечное состояніе, а не какъ безконечное время. Я однажды думалъ о вѣчности, и мыслію о времени могъ постичь, что значитъ: *во вѣки, въ вѣчность*, т. е. что это значитъ не имѣть конца; но не могъ постичь, что значитъ: *отъ вѣки, отъ вѣчности*, ни слѣдовательно того, что̀ дѣлалъ Богъ отъ вѣчности, до созданія; находясь по сему въ тоскѣ, я былъ вознесенъ въ небесную сферу, и въ то состояніе постиженія вѣчности, въ которомъ находятся ангелы. Тогда мнѣ стало ясно, что о вѣчности не слѣдуетъ думать по времени, а по состоянію, и что тогда только можно постичь, что значитъ *отъ вѣчности;* какъ это и было со мной.

168. Ангелы, бесѣдуя съ человѣкомъ, никогда не говорятъ съ нимъ посредствомъ свойственныхъ ему

природныхъ понятій, которыя всѣ заимствованы отъ времени, пространства, вещественности и тому подобнаго, а посредствомъ понятій духовныхъ, которыя всѣ основаны на состояніяхъ, и на ихъ различныхъ измѣненіяхъ внутри и внѣ ангеловъ; тѣмъ не менѣе, когда духовная мысль, ангельскимъ наитіемъ, сходитъ на человѣка, она мгновенно, и сама собой, обращается въ свойственную человѣку природную мысль, вполнѣ соотвѣтствующую духовной; что это такимъ образомъ дѣлается, того не знаетъ ни ангелъ, ни человѣкъ; но таково вообще всякое небесное наитіе на человѣка. Нѣкоторые ангелы были допущены до моихъ мыслей ближе обыкновеннаго, и даже до природныхъ мыслей моихъ, въ которыхъ многое было основано на времени и пространствѣ; но такъ какъ они тутъ ничего не поняли, они тотчасъ отошли; и послѣ того, я слышалъ, какъ они, бесѣдуя, говорили, что были въ потемкахъ. Мнѣ дано было узнать по опыту до чего доходитъ незнаніе ангельское относительно времени: одинъ изъ небесныхъ ангеловъ былъ таковъ, что могъ входить не только въ духовныя, но и въ природныя, человѣку свойственныя, мысли; вслѣдствіе чего я и могъ говорить съ нимъ, какъ человѣкъ съ человѣкомъ. Сперва онъ не понималъ, что такое я называлъ временемъ, такъ что я долженъ былъ объяснить ему, какимъ образомъ солнце, по видимому, обходитъ нашу землю, и образуетъ годы и дни, и что, вслѣдствіе того, годы раздѣляются на четыре времени, на мѣсяцы и недѣли, а день, на 24 часа; что эти времена возвращаются въ установленные сроки, и что таково происхожденіе времени. Выслушавъ это, онъ весьма уди-

вился, говоря что онъ этого не зналъ, а зналъ только состоянiе. Разговаривая съ нимъ, я, между прочимъ, сказалъ ему, что на землѣ извѣстно, что на небесахъ нѣтъ времени, или, по крайней мѣрѣ, что люди говорятъ объ этомъ, какъ бы зная это; ибо они про умирающаго говорятъ, что онъ покидаетъ все временное, или отрѣшается отъ времени, и чрезъ это разумѣютъ отшествiе его отъ мiра. Я сказалъ также, что нѣкоторые люди знаютъ, что время, по началу своему, есть состоянiе, потому что оно вполнѣ зависитъ отъ состоянiя любви, въ которомъ находишся: оно коротко для тѣхъ, которые въ состоянiи удовольствiя и радости, продолжительно для тѣхъ, которые въ неудовольствiи и печали, и перемѣнчиво для человѣка, въ состоянiи надежды и ожиданiя; что вслѣдствiе того, ученые разсуждаютъ о томъ, что̀ такое время и пространство, и даже нѣкоторые изъ нихъ знаютъ, что время существуетъ только для природнаго человѣка.

169. Природный человѣкъ думаетъ, что онъ лишится всякой мысли, если у него отнять понятiе о времени, пространствѣ и о всемъ вещественномъ, потому что на этомъ основаны всѣ мысли его; но, да будетъ ему извѣстно, что мысли его на столько же конечны и узки, на сколько онѣ зависятъ отъ времени, пространства и всего вещественнаго, и, напротивъ, тѣмъ болѣе безконечны и широки, чѣмъ менѣе онѣ зависятъ отъ этихъ условiй, ибо, въ той же мѣрѣ, умъ возвышается надъ плотскимъ и мiрскимъ: вотъ откуда происходитъ и ангельская мудрость, которая такова, что ее называютъ непостижимою, ибо она недоступна мысли, основанной на подобныхъ понятiяхъ.

О предметахъ изображаемыхъ и видимыхъ на небесахъ (de representativis et apparentiis).

170. Человѣкъ, мыслящій по одному природному свѣту, не можетъ понять, чтобы на небесахъ было что нибудь подобное земному; потому что, по природному свѣту, онъ думалъ и утвердился въ томъ понятіи, что ангелы одни только умы (mentes), подобные легкому дуновенію, и что слѣдовательно, у нихъ нѣтъ тѣхъ (внѣшнихъ) чувствъ, коими одаренъ человѣкъ, ни слѣдовательно, глазъ, а если нѣтъ глазъ, то нѣтъ и видимыхъ для нихъ предметовъ: между тѣмъ какъ, на дѣлѣ, у ангеловъ всѣ тѣже чувства, какъ и у человѣка, и даже несравненно болѣе совершенныя, такъ что и свѣтъ, при которомъ они видятъ, гораздо ярче свѣта, при которомъ видитъ человѣкъ. Что ангелъ есть человѣкъ въ совершеннѣйшемъ образѣ, и обладаетъ всѣми чувствами, см. выше нн. 73—77; а что свѣтъ небесный много ярче земнаго, см. нн. 126—132.

171. Нельзя описать въ нѣсколькихъ словахъ, въ чемъ состоятъ предметы, видимые ангелами на небесахъ; они большею частью подобны тѣмъ же, которые и на землѣ, но только совершеннѣе по образу, и многочисленнѣе по количеству. О существованіи такихъ предметовъ на небесахъ можно заключить изъ того, что видѣли пророки, наприм. изъ показаннаго Іезекіилю о новомъ храмѣ и новой землѣ, гл. XL—XLVIII; также Даніилу, отъ гл. VII до XII; Іоанну, отъ первой и до послѣдней главы Апокалипсиса; и другимъ, о коихъ говорится въ историческихъ

и пророческихъ книгахъ Слова. Они видѣли эти вещи, когда имъ были отверзты небеса, а небеса, такъ сказать, отверзаются, когда отверзто внутреннее зрѣніе человѣка, т. е. его духовное зрѣніе; ибо то, что на небесахъ, не можетъ быть узрѣно тѣлесными глазами человѣка, но глазами его духа; по соизволенію Господню, они открываются, когда человѣкъ отрѣшается отъ природнаго свѣта, въ которомъ онъ находится по тѣлеснымъ чувствамъ своимъ, и когда возносится въ свѣтъ духовный, въ которомъ онъ находится по своему духу. Въ этомъ самомъ свѣтѣ я и видѣлъ все, что есть на небесахъ.

172. Но хотя всѣ предметы видимые на небесахъ, большею частью подобны земнымъ, тѣмъ не менѣе, однакожъ, они неподобны имъ въ сущности своей, потому что небесные предметы получаютъ бытіе свое отъ небеснаго солнца, а земные отъ земнаго; первые называются духовными, а вторые природными.

173. Все, что есть на небесахъ, получаетъ бытіе свое не такимъ образомъ какъ то, что на землѣ. На небесахъ все существуетъ отъ Господа по соотвѣтствію съ внутренними началами ангеловъ, ибо у ангеловъ есть и внутреннія и внѣшнія начала: все, принадлежащее ихъ внутреннимъ началамъ, относится до любви и вѣры, слѣдовательно до воли и разума, ибо воля и разумъ, пріемники любви и вѣры; внѣшнія же начала ихъ соотвѣтствуютъ внутреннимъ, см. нн. 87—115. Это можно пояснить тѣмъ, что было сказано выше о теплѣ и свѣтѣ на небесахъ, т. е. что ангелы наслаждаются тепломъ по качеству любви своей, а свѣтомъ

по качеству мудрости, см. нн. 128—134. Точно такъ и относительно всего прочаго, подлежащаго внѣшнимъ чувствамъ ангельскимъ.

174. Когда мнѣ случалось быть въ обществѣ ангеловъ, я видѣлъ все, что есть на небесахъ, совершенно также какъ и то, что на землѣ; и до того осязательно, что я былъ вполнѣ убѣжденъ, что нахожусь на землѣ, и притомъ, въ какомъ нибудь царскомъ дворцѣ; и я говорилъ съ ангелами обо всемъ, видѣнномъ мною, совершенно такъ, какъ человѣкъ съ человѣкомъ.

175. Всѣ предметы на небесахъ, соотвѣтствующіе чему либо внутреннему, вмѣстѣ съ тѣмъ изображаютъ это понятіе, вслѣдствіе чего они и называются *изображеніями* (или *прообразами*, representativa); а такъ какъ они измѣняются, смотря по измѣненію внутренняго состоянія въ ангелахъ, то *изображенія* эти также называются *видимостями* (apparentiae), хотя въ сущности все, видимое ангелами на небесахъ, и постигаемое внѣшними чувствами ихъ, видится и постигается ими точно также живо, какъ и все видимое человѣкомъ на землѣ, и даже гораздо яснѣе, отчетливѣе и осязательнѣе. Такого рода видимость на небесахъ называется *дѣйствительною, настоящею* (realis), потому что она дѣйствительно существуетъ; есть также видимость *ненастоящая, недѣйствительная:* къ ней относятся предметы, которые, хотя и видимы для глазъ, но не соотвѣтствуютъ чему либо внутреннему; впрочемъ, объ этомъ будетъ говорено ниже.

176. Чтобъ яснѣе показать, какого рода предметы являются ангеламъ по соотвѣтствію, я скажу

только слѣдующее: передъ ангелами разума являются сады и вертограды, полные всякаго рода деревьевъ и цвѣтовъ; деревья расположены въ прекрасномъ порядкѣ, образуя крытыя аллеи и бесѣдки съ украшенными входами и гульбищами вокругъ; все такой красоты, что этого невозможно описать. Ангелы разума гуляютъ тутъ, собираютъ цвѣты и плетутъ вѣнки, которыми украшаютъ дѣтей; въ этихъ садахъ есть даже породы такихъ цвѣтовъ и деревьевъ, которыхъ никто не видалъ, и не могъ видѣть, на землѣ нашей. Деревья тамъ приносятъ плоды, смотря по благу любви, въ которой пребываютъ ангелы разума, и всѣ эти предметы представляются имъ потому, что сады, вертограды, плодовыя деревья и цвѣты соотвѣтствуютъ разумѣнію и мудрости. Что все это есть на небесахъ, это извѣстно и на землѣ, но только тѣмъ, кои живутъ во благѣ, и не потушили въ себѣ небеснаго свѣта свѣтомъ природнымъ и его обманчивостью; эти люди, когда рѣчь идетъ про небеса, думаютъ и говорятъ, что тамъ такія вещи, которыхъ никогда *глазъ не видалъ, и ухо не слыхало.*

Объ одѣяніяхъ ангельскихъ.

177. Такъ какъ ангелы люди, и они живутъ между собою точно также, какъ и люди на землѣ, то у нихъ есть и одѣянія, и жилища, и тому подобное, съ тою разницею однакожъ, что все это у нихъ совершеннѣе, потому что и сами они въ болѣе со-

вершенномъ состоянiи: какъ мудрость ангельская превосходитъ человѣческую въ той степени, что называется неизрѣченною, такъ точно и все остальное, что ими постигается и видится, ибо все это соотвѣтствуетъ ихъ мудрости; смотри выше н. 173.

178. Одѣянiя, въ коихъ являются ангелы, чему нибудь соотвѣтствуютъ, какъ и все относящееся до нихъ; а если соотвѣтствуютъ, то и дѣйствительно существуютъ; смотри выше н. 175. Ихъ одѣянiя соотвѣтствуютъ ихъ разуму; вслѣдствiе чего, всѣ небесные жители одѣты, смотря по разуму своему; а такъ какъ одинъ превосходитъ по разуму другаго, смотри н. 43—128, то и одѣянiя у инаго красивѣе чѣмъ у другаго: у самыхъ разумныхъ, одѣянiя ярки, какъ пламя, или блестящи, какъ свѣтъ; у менѣе разумныхъ, одѣянiя свѣтлы и бѣлы, но безъ блеску; а у тѣхъ, которые еще менѣе разумны, одѣянiя разноцвѣтны; ангелы же самыхъ внутреннихъ небесъ, нагiе.

179. Такъ какъ одѣянiя ангеловъ соотвѣтствуютъ ихъ разуму, то они также соотвѣтствуютъ истинѣ, ибо всякое разумѣнiе отъ Божественной истины; поэтому все равно сказать, что ангелы одѣты смотря по степени ихъ разумѣнiя, или смотря по принятiю ими Божественной истины. Одѣянiя нѣкоторыхъ ярки какъ пламя, а у другихъ блестящи какъ свѣтъ, по той причинѣ, что пламя соотвѣтствуетъ благу, а свѣтъ — истинѣ отъ блага; у другихъ же одѣянiя свѣтлы, бѣлы, безъ блеску, или разноцвѣтны, потому что Божественное благо и Божественная истина менѣе блестятъ и, кромѣ того, различно прiемлются

у тѣхъ, кои менѣе разумны: свѣтъ и бѣлизна соотвѣтствуютъ истинѣ, а цвѣта, различнымъ видамъ ея. Въ самыхъ же внутреннихъ небесахъ ангелы наги, потому что они живутъ въ невинности; а невинность соотвѣтствуетъ наготѣ.

180. Такъ какъ ангелы на небесахъ облечены въ одѣянія, то, когда ихъ видѣли на землѣ, они и тогда являлись въ нихъ; наприм. тѣ ангелы, которые являлись пророкамъ, или которыхъ видѣли при гробѣ Господнемъ: *Бѣ зракъ ихъ яко молнія и одѣянія ихъ бѣлы яко снѣгъ.* Матѳ. XXVIII. 3; Марк. XVI 5; Лука XXVI. 4; Іоан. XX. 12; тѣ, которыхъ Іоаннъ видѣлъ на небесахъ *были облечены въ бѣлыя ризы.* Апок. IV. 4; XIX. 14. Такъ какъ разумѣніе исходитъ отъ Божественной истины, то когда Господь преобразился, *ризы его быша бѣлы яко свѣтъ.* Матѳ. XVII. 2; Марк. IX. 3; Лук. IX. 29; что свѣтъ есть Божественная истина, исходящая отъ Господа, смотри выше н. 129. Вслѣдствіе этого одѣянія въ Словѣ Божіемъ означаютъ истины и, смотря по истинѣ, разумѣніе; такъ у Іоанна: *Иже не оскверниша ризъ своихъ, ходити имутъ со мною въ бѣлыхъ, яко достойны суть. Побѣждаяй тотъ облечется въ ризы бѣлыя.* Апок. III. 4. 5. *Блаженъ бдяй, и блюдый ризы своя.* Апок. XVI. 15. Объ Іерусалимѣ, подъ которымъ разумѣется церковь, находящаяся въ истинѣ, у Іезекіила сказано такъ: *Іерусалиме облекохъ тя въ пестроты, и обухъ тя въ червлены, и трепоясахъ тя виссономъ, и возложилъ на тя прикантонъ* XVI. 10. 13; и тому подобныя выраженія во многихъ другихъ мѣстахъ. О томъ же, кто не въ истинѣ, говорится,

что онъ не облеченъ въ брачную одежду, такъ у Матѳ: *Вшедъ же царь видѣти возлежащихъ, видѣ ту человѣка не оболчена въ одѣяніе брачное. И глагола ему: друже, какъ вшелъ еси сѣмо не имый одѣянія брачна. Тогда рече царь: ввергите его во тму кромѣшную.* XXII. 12. 13. Подъ брачнымъ домомъ разумѣются небеса и церковь, вслѣдствіе соединенія съ ними Господа чрезъ посредство его Божественной истины; вотъ почему Господь въ Словѣ названъ женихомъ и мужемъ, а небеса и церковь, невѣстой и женой.

181. Одѣянія ангельскія не только кажутся одѣяніями, но дѣйствительно суть одѣянія: это доказывается тѣмъ, что ангелы не только ихъ видятъ, но и осязаютъ ихъ; что одѣяній этихъ у нихъ нѣсколько; что они ихъ снимаютъ и надѣваютъ; что они прибираютъ ихъ, когда не употребляютъ, и снова достаютъ, когда употребляютъ; а что они одѣваются въ разное платье, это я видѣлъ тысячи разъ. Я спрашивалъ откуда у нихъ эти одѣянія; они отвѣчали мнѣ, что отъ Господа, что они имъ даруются, и что иногда они облекаются въ нихъ безъ вѣдома своего. Они также сказали мнѣ, что одѣянія ихъ мѣняются по измѣненіямъ ихъ внутренняго состоянія: въ первомъ и второмъ состояніи, одѣянія ихъ блестящи и свѣтлы; въ третьемъ и четвертомъ, немного темнѣе; и что это также дѣлается по соотвѣтствію, потому что измѣненіе ихъ состоянія относится къ измѣненію въ нихъ разумѣнія и мудрости; о чемъ смотри выше, н. 154—161.

182. Такъ какъ у каждаго въ мірѣ духовномъ,

одѣянія его согласны съ его разумѣніемъ, слѣдовательно и съ истиной, отъ коей исходитъ разумѣніе, то тѣ, кои въ аду, хотя и являются въ одѣяніяхъ, но, за неимѣніемъ истины, въ изодранныхъ, грязныхъ и черныхъ, каждый по своему безумію; и не могутъ они облекаться въ другія: а въ эти, Господь дозволяетъ имъ ради того только, чтобъ они не показывались нагими.

О жилищахъ и обителяхъ ангельскихъ.

183. Такъ какъ на небесахъ есть общества, и ангелы живутъ тамъ какъ люди, то у нихъ есть и жилища, которыя также различны по состоянію жизни каждаго: великолѣпны у тѣхъ, которые въ высшемъ состояніи, и менѣе великолѣпны у тѣхъ, которые въ низшемъ. Я иногда говорилъ съ ангелами о жилищахъ небесныхъ, и при этомъ высказывалъ имъ, что нынѣ едва ли кто повѣритъ, что у нихъ есть жилища и обители: иные, потому что не видятъ ихъ; другіе, потому что незнаютъ, что ангелы люди; а нѣкоторые, потому что принимаютъ ангельскія небеса за то самое небо, которое мы здѣсь видимъ своими глазами; а такъ какъ оно кажется пустымъ, и они воображаютъ, что ангелы эѳирные образы, то и заключаютъ про нихъ, что они живутъ въ эѳирѣ; ктому же люди эти не понимаютъ, чтобъ въ духовномъ мірѣ могло быть тоже самое, что въ природномъ, потому что они вовсе не знаютъ, что такое вещь ду-

ховная. Ангелы отвѣчали мнѣ, что имъ извѣстно о господствѣ нынѣ такого невѣжества въ мірѣ, и что это невѣжество, къ удивленію ихъ, въ особенности господствуетъ внутри церкви, и тутъ болѣе между учеными и умными, чѣмъ между простыми; тогда какъ люди, находящіеся въ такомъ невѣденіи, могли бы узнать изъ Слова, что ангелы такіе же люди, какъ и они; ибо никто не видалъ въ иномъ образѣ ни ихъ, ни Господа, который пріялъ съ собою всю свою человѣчность; а если они люди, то имѣютъ и жилища и обители, и хотя называются духами (дыханіями, spiritus), но непохожи на дуновенія, и не порхаютъ по воздуху, какъ думаютъ это нѣкоторые въ невѣжествѣ своемъ: ангелы называютъ такое невѣжество безуміемъ. Люди, продолжали ангелы, могли бы это понять, еслибъ они думали отрѣшаясь отъ тѣхъ понятій, которыя себѣ составили объ ангелахъ и духахъ, и еслибъ тотчасъ не спрашивали себя, и не думали напередъ всего: *такъ ли это?* Каждому человѣку свойственно то понятіе, что ангелы въ такомъ же образѣ, какъ и человѣкъ, и что у нихъ есть жилища, называемыя небесными обителями (райскими кущами), которыя великолѣпны въ сравненіи съ земными; но это общее понятіе, образовавшееся по наитію свыше, тотчасъ пропадаетъ въ человѣкѣ, когда онъ внутреннему воззрѣнію и мысли предпосылаетъ вопросъ: такъ ли это? Это въ особенности случается съ учеными, которые, надѣясь на собственный разумъ, заградили доступъ къ себѣ небесъ и свѣта, оттолѣ исходящаго. Такой же участи подвергнулось и вѣрованіе въ посмертную жизнь человѣка: кто говоритъ объ этомъ,

и въ тоже время думаетъ о душѣ, не мудрствуя, и не на основаніи ученія о возстаніи мертвыхъ и соединеніи тогда тѣла съ душею, тотъ вѣритъ, что послѣ смерти онъ будетъ жить человѣкомъ, и вмѣстѣ съ ангелами, если жилъ здѣсь хорошо; что тогда онъ увидитъ чудныя вещи, и насладится несказаннымъ блаженствомъ; но, какъ только онъ обращается къ ученію о возсоединеніи тѣла съ душею, или къ обыкновеннымъ предположеніямъ о душѣ, и онъ задаетъ себѣ вопросъ: такова ли душа и *такъ ли это?* его первоначальное понятіе объ ней исчезаетъ.

184. Лучше всего однакожъ представить данныя опыта: сколько я ни говорилъ съ ангелами устно, я всегда былъ съ ними въ жилищахъ ихъ; это совершенно такіе же дома, какъ и у насъ на землѣ, но гораздо красивѣе; въ нихъ много различныхъ комнатъ, отдѣльныхъ покоевъ и почиваленъ; а вокругъ, дворы съ цвѣтниками, садами и полями. Тамъ гдѣ ангелы живутъ вмѣстѣ, цѣлымъ обществомъ, жилища ихъ смежны, одно возлѣ другаго, и расположены въ видѣ города, съ площадями, улицами и рынками, совершенно такъ, какъ и въ нашихъ городахъ; мнѣ дано было посѣщать ихъ, осматривать ихъ со всѣхъ сторонъ, и даже входить въ самые дома: это было со мной въ полномъ яву, когда внутреннее зрѣніе мое было открыто.

185. Я видѣлъ на небесахъ дворцы, которые такъ великолѣпны, что превосходятъ всякое описаніе; вверху они блестѣли какъ бы чистымъ золотомъ, а внизу какъ бы драгоцѣнными каменьями. Эти дворцы были одинъ другаго великолѣпнѣе, и внутреннее вѣ-

ликолѣпіе ихъ не уступало наружному: комнаты были убраны такъ изящно, что не станетъ ни словъ, ни искусства описать ихъ; съ той стороны, которая была на полдень, были райскіе сады, гдѣ такимъ же образомъ все блестѣло и сіяло; на нѣкоторыхъ деревьяхъ листья были какъ бы изъ серебра, а плоды какъ бы изъ золота; цвѣты на грядкахъ казались радугой; въ концѣ садовъ виднѣлись новые дворцы и ими заканчивался этотъ видъ. Таковы зданія строительнаго искусства на небесахъ; можно сказать, что тамъ видишь искусство въ первообразѣ своемъ, и неудивительно, потому что оно снизошло къ людямъ съ небесъ. Ангелы говорили, что хотя всѣ эти предметы, и безчисленное множество другихъ, еще болѣе совершенныхъ, являются имъ отъ Господа такъ, что они видятъ ихъ глазами, но что они наслаждаются ими болѣе духомъ, чѣмъ глазами, потому что въ каждомъ изъ этихъ предметовъ, они видятъ соотвѣтствіе, а чрезъ соотвѣтствіе, что нибудь Божественное.

186. Относительно соотвѣтствій я узналъ, что не только дворцы и дома, но даже все что, вообще и въ частности, находится внутри ихъ и снаружи, соотвѣтствуетъ всему внутреннему, что есть въ ангелахъ отъ Господа: домъ вообще соотвѣтствуетъ ихъ благу; то, что внутри дома, различнымъ частностямъ, изъ которыхъ состоитъ это благо; то, что внѣ дома, истинамъ исходящимъ отъ блага, постиженію и познаніямъ; а какъ дома и ихъ принадлежности соотвѣтствуютъ благамъ и истинамъ, которыя въ ангелахъ отъ Господа, то они соотвѣтствуютъ и любви ихъ, а слѣдовательно мудрости ихъ и разумѣнію, потому

что любовь относится ко благу, мудрость ко благу и къ истинѣ, а разумѣніе къ истинѣ исходящей отъ блага. Вотъ что постигаютъ ангелы, когда они смотрятъ на эти предметы, и отчего предметы эти болѣе поражаютъ и радуютъ духъ ихъ, чѣмъ зрѣніе.

187. Изъ этого мнѣ стало ясно, почему Господь назвалъ себя храмомъ, бывшимъ въ Іерусалимѣ. Іоан. II. 19. 21, и почему Новый Іерусалимъ былъ узрѣнъ изъ чистаго золота, съ жемчужными вратами, и съ основаніемъ изъ драгоцѣнныхъ камней: потому именно, что храмъ изображалъ Божественную человѣчность Господа; Новый Іерусалимъ — церковь, которая должна была въ послѣдствіи возникнуть; врата — истины, ведущія ко благу; а основанія — истины, на которыхъ будетъ основана эта церковь.

188. Ангелы, образующіе небесное царство Господне, большею частью обитаютъ высокія мѣстности, которыя кажутся горами; ангелы, образующіе духовное царство Господне, обитаютъ въ менѣе высокихъ мѣстахъ, которыя кажутся холмами; ангелы же нисшихъ небесъ обитаютъ мѣстности, которыя кажутся какъ бы каменными скалами. Все это основано также на соотвѣтствіи; ибо все внутреннее соотвѣтствуетъ высокому, а все внѣшнее низкому: вотъ почему горы, въ Словѣ Божіемъ, означаютъ небесную любовь, холмы — духовную любовь, а камни — вѣру.

189. Есть также ангелы, которые не живутъ въ обществѣ, но отдѣльно, по домамъ; они обитаютъ въ самой серединѣ небесъ, какъ лучшіе изъ ангеловъ.

190. Дома, въ которыхъ живутъ ангелы, не строятся, какъ дома на землѣ, но даются имъ въ даръ

отъ Господа, по мѣрѣ принятія ими блага и истины; въ домахъ этихъ также бываютъ небольшія перемѣны, смотря по измѣненіямъ внутренняго состоянія ангеловъ, см. выше нн. 154—160. Все, что есть у ангеловъ, считается ими за даръ Господень, и все въ чемъ они нуждаются, даруется имъ.

О пространствѣ на небесахъ.

191. Хотя всѣ предметы на небесахъ являются въ извѣстномъ мѣстѣ и пространствѣ, совершенно такъ, какъ и на землѣ, тѣмъ не менѣе у ангеловъ вовсе нѣтъ ни мысли, ни понятія о мѣстѣ и пространствѣ; а какъ это не можетъ не показаться весьма страннымъ, то, по важности этого предмета, я постараюсь, сколь возможно, уяснить его.

192. Всякое перемѣщеніе или передвиженіе (progressiones) въ мірѣ духовномъ совершается вслѣдствіе измѣненія внутренняго состоянія самихъ ангеловъ, такъ что передвиженія тамъ суть ничто иное, какъ измѣненія въ состояніи. Точно также, когда и меня Господь переносилъ на небеса, и на земли, вращающіяся во вселенной, это совершалось со мною только относительно духа, а тѣло мое оставалось на томъ же мѣстѣ; такимъ образомъ переносятся съ мѣста на мѣсто и всѣ ангелы. Вотъ почему разстоянія для нихъ не существуютъ; если же нѣтъ разстояній, то нѣтъ и пространства, а вмѣсто тѣхъ и другихъ — состоянія и измѣненія въ нихъ.

193. Если всякое передвиженіе совершается та-

кимъ образомъ, то очевидно, что приближеніе происходитъ отъ сходства въ состояніи внутреннихъ началъ, а удаленіе отъ несходства: вотъ почему вблизи другъ отъ друга живутъ тѣ, кои въ сходномъ состояніи, а въ далекѣ тѣ, кои не въ сходномъ; и пространства на небесахъ суть ничто иное какъ внѣшнія состоянія, соотвѣтствующія внутреннимъ. По этой единственной причинѣ, различны между собой, не только небеса, но и каждое общество небесное, и затѣмъ каждый ангелъ въ обществѣ; по этой же причинѣ и адъ совершенно отдѣленъ отъ небесъ: по состоянію своему, онъ совершенно имъ противуположенъ.

194. На этомъ же основаніи всякій духъ, въ томъ мірѣ, немедленно является передъ другимъ, если только пожелаетъ этого, ибо тогда желающій мысленно видитъ другаго и переносится въ его состояніе; и на оборотъ, одинъ удаляется отъ другаго, по мѣрѣ своего отвращенія отъ него: а какъ всякое отвращеніе происходитъ отъ противуположности чувствъ и несогласія мыслей, то случается, что, когда многіе тамъ соберутся въ одно мѣсто, и согласны между собою, то видятъ другъ друга, а когда не согласны, то исчезаютъ.

195. Точно также, когда тамъ идетъ кто изъ одного мѣста въ другое, по своему городу, по площади, или саду, или къ живущимъ въ другомъ обществѣ — то онъ приходитъ ранѣе, когда желаетъ этого и позже, когда не желаетъ; самъ путь, хотя все тотъ же, удлинняется или укорачивается, смотря по желанію идущаго; я часто и съ удивленіемъ видалъ это. Изъ сказаннаго снова ясно, что разстояніе, и

слѣдовательно пространство, совершенно зависятъ отъ внутренняго состоянія ангеловъ; а если это такъ, то и мысль о пространствѣ вовсе не доступна ихъ понятіямъ, хотя (въ сущности) у нихъ такія же пространства какъ и въ мірѣ.

196. Это можно пояснить свойствомъ мысли человѣческой: для нея нѣтъ пространства; то, о чемъ человѣкъ непрестанно и много думаетъ, какъ бы само является передъ нимъ. Всякому, кто захочетъ вникнуть, извѣстно, что онъ не иначе судитъ о пространствѣ, какъ по промежуточнымъ предметамъ, которые онъ въ тоже время видитъ на землѣ, или по тому разстоянію, которое находится между этими предметами; это происходитъ оттого, что пространство безпрерывно, а на безпрерывномъ протяженіи, пространство обнаруживается не иначе, какъ по тѣмъ предметамъ, которые не безпрерывны. Тѣмъ болѣе это такъ у ангеловъ, потому что у нихъ зрѣніе нераздѣльно отъ мысли, а мысль отъ любви; и что близкіе и дальніе предметы являются и мѣняются, смотря по состоянію ихъ внутреннихъ началъ, какъ было сказано выше.

197. На этомъ основаніи мѣста и пространства въ Словѣ Божіемъ, и все, что нѣкоторымъ образомъ касается, по значенію своему, до пространства, относится къ состояніямъ; напримѣръ: разстояніе, близость, дальность, путь, дорога, странствіе; мили, стадіи, локти, и вообще всякія мѣры; селы, поля, сады, города, площади; всякое движеніе; длина, ширина, вышина, глубина, и многое другое; потому что большая часть того, что находится въ мысляхъ человѣка, воз-

никла въ немъ отъ міра сего, и, болѣе или менѣе, относится къ пространству и времени. Объясню напримѣръ, что означаетъ въ Словѣ Божіемъ длина, ширина и вышина: здѣсь, на землѣ, говорится о длинѣ, широтѣ и высотѣ, относительно пространства; но на небесахъ, гдѣ нѣтъ мысли о пространствѣ, длина означаетъ состояніе блага, ширина — состояніе истины, а вышина, разность этихъ состояній по степенямъ, см. н. 38. Такое значеніе этихъ трехъ видовъ величины, основано на томъ, что небеса простираются въ длину отъ востока къ западу, и что на этомъ протяженіи обитаютъ живущіе въ благѣ любви; въ ширину небеса простираются отъ полудни къ сѣверу, и тутъ обитаютъ живущіе въ истинѣ по благу, см. выше н. 148; а вышина на небесахъ означаетъ и то и другое, и благо и истину, относительно степеней. Вотъ почему и въ Словѣ Божіемъ, длина, ширина и вышина имѣютъ этоже самое значеніе; такъ у Іезекіила, отъ гл. XL. до XLVIII, описаніе новаго храма и новой земли, съ дворами, горницами, дверьми, вратами, окнами и принадлежностями, и съ размѣрами всего этого, въ длину, ширину и вышину, означаетъ новую церковь и принадлежащія ей истины и блага: если же не такъ, то къ чему исчисленіе всѣхъ этихъ размѣровъ? Подобнымъ образомъ и Новый Іерусалимъ описанъ въ Апокалипсисѣ, въ слѣдующихъ словахъ: *И градъ на четыре углы стоитъ и долгота его толика есть, елика же и широта; и измѣри градъ тростію на стадій дванадесять тысящь: долгота и широта и высота его равны суть.* Гл. XXI. 16. Здѣсь Новый Іерусалимъ означаетъ новую церковь, а

размѣры эти, все относящееся до этой церкви: длина — благо ея любви; ширина — истину по этому благу; вышина — благо и истину, относительно ихъ степеней; дванадесять тысящь стадій — всякое благо и всякую истину въ совокупности; иначе какой смыслъ въ томъ, что высота города въ двѣнадцать тысячь стадій, равна его долготѣ и широтѣ? Что въ Словѣ ширина означаетъ истину, это видно у Давида: *И еси мене затворилъ въ рукахъ вражіихъ, поставилъ еси на пространнѣ (широтѣ) нози мои.* Пс. XXX. 9. *Отъ скорби призвахъ Господа и услыша въ пространство (широту).* Пс. CXVII. 5. Кромѣ того и въ другихъ мѣстахъ; наприм. у Исаіи VIII. 8, у Аввакума I. 6, и такъ далѣе, въ всѣхъ прочихъ книгахъ Слова.

198. Изъ всего этого видно, что, хотя на небесахъ и есть такія же пространства какъ здѣсь, но что тамъ ни о чемъ не судятъ по пространству, а по состояніямъ; слѣдовательно, и пространство тамъ не можетъ быть вымѣрено, какъ это дѣлается здѣсь, но что оно только видимо, согласно внутреннему состоянію жителей.

199. Первая и главная причина всего этого та, что Господь присущъ въ каждомъ по мѣрѣ его любви и вѣры, и что всѣ предметы на небесахъ, являются вблизи или вдали отъ ангеловъ, смотря по присутствію въ нихъ Господа: оно опредѣляетъ положеніе каждаго предмета на небесахъ, и даруетъ ангеламъ мудрость, потому что оно же даетъ мыслямъ ихъ силу всюду простираться, а всему прочему, на небесахъ, силу взаимнаго общенія; словомъ, вслѣдствіе присутствія въ нихъ Господа, они одарены способностію мыслить, не природно, какъ люди, а духовно.

О небесномъ образѣ, согласно которому устроены сообщества и сообщенія на небесахъ.

200. Изъ сказаннаго въ предшествующихъ главахъ, можно въ нѣкоторой степени представить себѣ, каковъ образъ или видъ небесъ; то есть, что небеса подобны себѣ, какъ въ наибольшихъ, такъ и въ малѣйшихъ частяхъ, н. 72; что вслѣдствіе того, каждое общество образуетъ по себѣ небеса въ маломъ видѣ, а каждый ангелъ въ наименьшемъ, нн. 51—58; что подобно тому, какъ небеса въ совокупности изображаютъ одного человѣка, такъ и отдѣльно, всякое общество небесное изображаетъ человѣка въ меньшемъ видѣ, а каждый ангелъ въ наименьшемъ, нн. 59—77; что въ серединѣ (небесъ) обитаютъ самые мудрые изъ ангеловъ, а вокругъ, до самыхъ предѣловъ, менѣе мудрые, и такимъ же образомъ въ каждомъ обществѣ, н. 43; что отъ востока къ западу небесъ обитаютъ, живущіе во благѣ любви, а отъ полудни къ сѣверу, живущіе въ истинѣ по благу, и такимъ же образомъ въ каждомъ обществѣ, нн. 148—149. Все это устроено по небесному образу, и уже изъ этого можно судить о томъ, каковъ долженъ быть небесный образъ вообще.

201. Знать это необходимо, потому что не только всякое общество ангельское устроивается по небесному образу, но и всякое сообщеніе между ними; а если сообщеніе то, и распространеніе ихъ мыслей и чувствъ, и слѣдовательно все разумѣніе и вся мудрость ихъ. По этому на сколько кто живетъ въ обра-

зѣ небесномъ, т. е. на сколько кто самъ есть образъ небесный, на столько онъ мудръ: все равно сказать, жить во образѣ небесномъ или согласно небесному порядку, потому что образъ каждой вещи исходитъ отъ порядка, и согласенъ съ нимъ.

202. Скажу здѣсь напередъ нѣсколько словъ о томъ, что значитъ жить во образѣ небесномъ (esse in forma coeli). Человѣкъ созданъ по подобію (ad imaginem) небесъ и по подобію міра: внутреннее существо его по подобію небесъ, а внѣшнее по подобію міра, см. выше н. 57; сказать, по подобію, или по образу, это все равно. Но такъ какъ человѣкъ зломъ своей воли, и затѣмъ ложью своей мысли, уничтожилъ въ себѣ подобіе небесное, а слѣдовательно и образъ небесный, и замѣнилъ ихъ подобіемъ и образомъ ада, то внутреннее (начало) его, съ самого рожденія, закрыто; вотъ почему человѣкъ, не какъ всѣ прочія животныя, рождается въ совершенномъ невѣденіи. Чтобъ возстановить ему въ себѣ подобіе или образъ небесный, онъ долженъ познать все, относящееся къ порядку, ибо, какъ сказано выше, каковъ порядокъ, таковъ и образъ: Слово Божіе заключаетъ въ себѣ всѣ законы Божественнаго порядка, ибо заповѣди Слова суть законы этого порядка; посему, на сколько человѣкъ познаетъ сіи заповѣди, и живетъ по нимъ, на столько его внутреннее (начало) открыто, и въ немъ снова образуется порядокъ, или подобіе небесное. Изъ этого видно, что значитъ быть въ образѣ небесномъ, т. е. значитъ жить по истинамъ (или заповѣдямъ) Слова.

203. На сколько кто живетъ въ образѣ

небесномъ, на столько онъ въ небесахъ, и даже на столько онъ самъ образуетъ небеса въ наименьшемъ видѣ, н. 57; слѣдовательно, онъ на столько же въ разумѣніи и мудрости: ибо, какъ было сказано выше, всякая мысль, принадлежащая разуму, и всякое чувство, принадлежащее воли, распространяется во всѣ стороны небесъ, согласно ихъ образу, и чуднымъ путемъ сообщается съ тамошними обществами, равно какъ и они, въ свою очередь, сообщаются съ человѣкомъ. Иные полагаютъ, что ихъ мысли и чувства не распространяются вокругъ нихъ на самомъ дѣлѣ, ибо они только внутри себя, а не въ разстояніи, видятъ то, о чемъ думаютъ. Но такое мнѣніе весьма ошибочно: ибо, какъ внѣшнее зрѣніе глаза простирается на предметы отдаленные, и поражается по мѣрѣ того, какъ встрѣчается съ ними, такъ и внутреннее зрѣніе человѣка, т. е. зрѣніе его разума, простирается въ міръ духовный, хотя человѣкъ, по выше изложеннымъ причинамъ, и не замѣчаетъ этого, н. 196; разница только въ томъ, что зрѣніе глаза поражается природно, т. е. предметами міра природнаго, а зрѣніе разума поражается духовно, т. е. предметами міра духовнаго, кои всѣ относятся къ благу и истинѣ. Это неизвѣтно человѣку, потому что онъ незнаетъ, что есть особый свѣтъ, который озаряетъ разумъ, и что даже безъ этого свѣта, человѣкъ не могъ бы вовсе думать (объ этомъ свѣтѣ см. выше нн. 126—132). Былъ какой то духъ, который именно думалъ, что онъ мыслитъ только въ себѣ самомъ, т. е. безъ всякаго распространенія своихъ мыслей вокругъ, и слѣдовательно,

безъ сообщенія съ обществами, находящимися около него. Чтобъ убѣдить его въ противномъ, у него было отнято сообщеніе съ ближайшими обществами: тогда онъ не только лишился мысли, но упалъ, какъ бы мертвый, и только шевелилъ руками, какъ новорожденный; послѣ нѣкотораго времени, сообщеніе его съ другими было возстановлено, и когда оно окончательно возстановилось, тогда онъ возвратился къ состоянію мышленія. Другіе духи, видѣвшіе этотъ опытъ, сознались потомъ, что всякая мысль и чувство приходятъ (influunt) вслѣдствіе сообщенія, а если мысль и чувство, то и все относящееся до жизни человѣка; ибо вся жизнь человѣка состоитъ въ томъ, что онъ можетъ мыслить и любить, или, другими словами, разумѣть и хотѣть.

204. Должно однакожъ знать, что разумѣніе и мудрость каждаго (духа) различны, смотря по качеству его сообщенія съ другими. У тѣхъ, коихъ разумѣніе и мудрость образовались изъ подлинныхъ (genuinis) благъ и истинъ, сообщеніе съ обществами совершается согласно небесному образу; у тѣхъ, коихъ разумѣніе и мудрость образовались не изъ подлинныхъ благъ и истинъ, но однакожъ изъ благъ и истинъ, согласныхъ съ подлинными, сообщеніе съ обществами прерывисто, и неправильно, потому что оно не поддерживается въ порядкѣ небеснаго образа; но тѣ, въ коихъ нѣтъ ни разумѣнія, ни мудрости, отъ жизни во лжи по злу, находятся въ сообщеніи съ обществами ада: обширность этого сообщенія зависитъ отъ степени утвержденія въ истинѣ. При этомъ должно знать, что это сообщеніе съ обществами

не постигается явно лицами другаго общества, но есть только сообщеніе съ качествами, имъ свойственными.

205. На небесахъ всѣ соединены въ общества по духовному родству, основанному на благѣ и истинѣ; такъ дѣлается во всѣхъ небесахъ вообще, такъ и въ каждомъ обществѣ, и въ каждомъ домѣ; поэтому ангелы, которые сходны межъ собой во благѣ и въ истинѣ, узнаютъ другъ друга, какъ узнаются родственники на землѣ, или какъ знакомые съ дѣтства. Подобно сему соединяются въ каждомъ ангелѣ и начала мудрости и разума, т. е. блага и истины; они точно также познаютъ другъ друга, и по мѣрѣ знакомства, такимъ же образомъ соединяются. По этой же причинѣ тѣ, въ коихъ истины и блага соединены по образу небесному, видятъ всѣ степени ихъ послѣдствій и, далеко вокругъ, весь порядокъ ихъ сцѣпленій; но этого вовсе нѣтъ у тѣхъ, въ коихъ блага и истины не соединены по небесному образу.

206. Таковъ, въ каждыхъ небесахъ, образъ, по которому совершается сообщеніе и распространеніе мыслей и чувствъ ангельскихъ, и отъ котораго слѣдовательно зависитъ степень ихъ разумѣнія и мудрости. Но сообщеніе однихъ небесъ съ другими, т. е. третьихъ или самыхъ внутреннихъ со вторыми или средними, а тѣхъ и другихъ съ третьими или послѣдними, совершается инымъ образомъ; впрочемъ сообщеніе между небесами не должно быть называемо сообщеніемъ, а наитіемъ (influxus), и объ этомъ будетъ сказано теперь нѣсколько словъ. Что есть трое небесъ, и что они между собою различны, смотри нн. 29—40.

207. Что между различными небесами нѣтъ сообщенія, а есть наитіе, это видно по взаимному ихъ положенію: третьи небеса или самые внутреннія на верху; вторыя или среднія, ниже; а первыя или послѣднія, еще ниже. Въ такомъ порядкѣ устроены и всѣ общества каждыхъ небесъ; такъ, на примѣръ, въ тѣхъ обществахъ, которыя расположены на высокой, гористой мѣстности (н. 188): на вершинахъ ея обитаютъ тѣ ангелы, которые принадлежатъ къ самымъ внутреннимъ небесамъ; ниже ихъ тѣ, кои ко вторымъ, а еще ниже, принадлежащіе къ послѣднимъ небесамъ. Такой же порядокъ и вездѣ: какъ на высокой мѣстности, такъ и на ровной. Общество высшихъ небесъ не сообщается съ обществомъ низшихъ небесъ иначе, какъ черезъ соотвѣтствія, смотри выше н. 100; а сообщеніе чрезъ соотвѣтствія есть то, что называется наитіемъ.

208. Одни небеса соединяются съ другими небесами, или одно небесное общество соединяется съ обществомъ другихъ небесъ, наитіемъ отъ одного Господа, непосредственнымъ и посредственнымъ: непосредственнымъ отъ самого Господа, и посредственнымъ отъ высшихъ небесъ, наитствующихъ по порядку на низшія. Такъ какъ соединеніе небесъ наитіемъ совершается однимъ Господомъ, то всего болѣе наблюдается, чтобъ никто изъ ангеловъ высшихъ небесъ не смотрѣлъ внизъ, на общество низшихъ небесъ, и не говорилъ съ кѣмъ изъ жителей этихъ небесъ; какъ только это случается, ангелъ лишается разумѣнія и мудрости. И вотъ почему: въ каждомъ ангелѣ есть три степени жизни, какъ есть

и три степени небесъ: у живущихъ въ самыхъ внутреннихъ небесахъ открыта третья или самая внутренняя степень, а вторая и первая закрыты; у живущихъ въ среднихъ небесахъ, открыта вторая степень, а первая и третья закрыты; у живущихъ же въ послѣднихъ небесахъ открыта первая степень, а вторая и третья закрыты. Вслѣдствіе этого, какъ только ангелъ третьихъ небесъ смотритъ внизъ на одно изъ обществъ вторыхъ небесъ, и говоритъ съ кѣмъ изъ ихъ жителей, такъ третья степень его закрывается и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ лишается своей мудрости; ибо мудрость его пребываетъ въ третьей степени его, а во второй и первой ея вовсе нѣтъ. Вотъ что должно разумѣть подъ словами Господа у Матѳея: *И еже на кровѣ, да не сходитъ взяти, яже въ дому его; и еже на селѣ, да не возвратится вспять взяти ризъ своихъ.* XXIV. 17. 18. И у Луки: *Въ той день иже будетъ на кровѣ и сосуда его въ дому, да не слазитъ взяти ихъ; и иже на селѣ, такожде да не возвратится вспять: поминайте жену Лотову.* XVII. 31. 32.

209. Нѣтъ наитія съ низшихъ небесъ на высшія, потому что это противно порядку: наитіе идетъ съ высшихъ небесъ на низшія. Мудрость ангеловъ высшихъ небесъ на столько же превосходитъ мудрость ангеловъ низшихъ, на сколько миріада единицу; вотъ почему ангелы низшихъ небесъ не могутъ говорить съ ангелами высшихъ небесъ, и даже, когда смотрятъ въ ту сторону, не видятъ ихъ, и небеса ихъ кажутся имъ чѣмъ-то облачнымъ надъ головой. Но ангелы высшихъ небесъ могутъ видѣть находящихся въ

низшихъ небесахъ, только они не могутъ говорить съ ними, не лишаясь мудрости своей, какъ уже сказано выше.

210. Мысли, чувства и разговоры ангеловъ самыхъ внутреннихъ небесъ, никогда не постигаются ангелами среднихъ небесъ, потому что они для нихъ слишкомъ высоки. Но когда угодно Господу, они виднѣются среднимъ небесамъ, какъ что то пламенное, а мысли, чувства и бесѣды ангеловъ среднихъ небесъ, какъ что то свѣтлое надъ низшими небесами; иногда же какъ блестящее, разноцвѣтное облако, по возвышенію, опущенію и виду котораго, даже узнается, въ нѣкоторой степени, предметъ разговора.

211. Изъ этого можно видѣть каковъ небесный образъ, т. е. что въ самыхъ внутреннихъ небесахъ онъ наиболѣе совершенъ; въ среднихъ небесахъ тоже совершенъ, но въ меньшей степени; а въ низшихъ небесахъ, въ еще меньшей степени; и что образъ однихъ небесъ слагается по образу другихъ, наитіемъ, исходящимъ отъ Господа. Но въ чемъ состоитъ сообщеніе посредствомъ наитія этого, нельзя понять, если незнать, что̀ такое степени высоты, и какая разница между ними и степенями широты и долготы; о тѣхъ и другихъ смотри н. 38.

212. Чтоже касается до небеснаго образа въ частности, и какъ онъ направляется и простирается, то это непостижимо даже и для ангеловъ. Нѣкоторое понятіе о томъ можно себѣ составить изъ образа всѣхъ частей и частицъ человѣческаго тѣла, при разсмотрѣніи и изслѣдованіи ихъ человѣкомъ умнымъ и мудрымъ; ибо выше было сказано, что всѣ небеса

изображаютъ одного человѣка, смотри нн. 59—72, и что все, находящееся въ человѣкѣ соотвѣтствуетъ небесамъ, смотри нн. 87—102. Сколь непостижимъ и неизслѣдимъ сей образъ, можно только вообще заключить изъ того, какъ нервныя волокна соединяютъ всѣ части и частицы тѣла въ одно: глазъ даже не видитъ этихъ волоконъ, ни какимъ образомъ они направляются и простираются въ мозгу, ибо они тутъ безчисленны и до того сложны, что взятыя вмѣстѣ представляютъ сплошное мягкое тѣло; между тѣмъ какъ по этимъ волокнамъ все, относящееся, вообще и въ частности, до воли и разума, переходитъ совершенно отчетливо въ дѣйствія. Какимъ образомъ эти волокна сплетаются во всемъ тѣлѣ, видно изъ различныхъ мѣстныхъ сплетеній (plexus) ихъ, какъ то: солнечнаго, брыжеечнаго, и другихъ; и также изъ узловъ ихъ, называемыхъ гангліями, въ которые отовсюду входятъ множества волоконъ, сливающихся тутъ, какъ бы въ одно, и опять оттуда выходящихъ въ иномъ соединеніи, для отправленія дальнѣйшихъ службъ своихъ; и это повторяется снова и снова. Я уже не говорю о такихъ же чудесахъ въ каждомъ черёвѣ, членѣ, орудіи и мышцѣ тѣла. Кто мудрымъ окомъ будетъ разсматривать эти предметы, и всѣ прочія чудеса, заключающіяся въ нихъ, тотъ крайне изумится; при всемъ этомъ глазъ увидитъ только малую часть чудесъ этихъ, а то, чего онъ не можетъ видѣть, еще чуднѣе, потому что оно относится къ внутренней природѣ. Что такое устройство соотвѣтствуетъ небесному образу, это вполнѣ ясно изъ того, что все относящееся до разума и воли, совер-

шается согласно этому образу: ибо все, что человѣкъ хочетъ, то произвольно переходитъ, по образу этому, въ дѣйствіе, а все, что онъ мыслитъ, пробѣгаетъ по волокнамъ этимъ, отъ самаго ихъ начала и до самаго ихъ конца, и рождаетъ въ немъ ощущеніе; а какъ этотъ образъ есть образъ мысли и воли, то онъ есть и образъ разумѣнія и мудрости.

Этотъ самый образъ соотвѣтствуетъ небесному; вслѣдствіе чего мы можемъ узнать, что таковъ же тотъ образъ, согласно которому простираются всѣ чувства и мысли ангельскія, и что на столько же они въ разумѣніи и мудрости (что сей образъ небесный происходитъ отъ Божественной человѣчности Господа, смотри выше, нн. 78—86). Все предшествующее было сказано и для того, чтобъ было извѣстно, что небесный образъ никогда не можетъ, даже относительно общихъ началъ своихъ, истощиться, и что такимъ образомъ, онъ непостижимъ, даже и для самихъ ангеловъ.

О небесномъ управленіи.

213. Такъ какъ небеса раздѣлены на общества, изъ коихъ самыя большія состоятъ даже изъ нѣсколькихъ сотенъ тысячъ ангеловъ, (н. 50), и такъ какъ всѣ члены одного общества живутъ въ однородномъ благѣ, но не въ одинаковой мудрости (н. 43), то изъ этого непремѣнно слѣдуетъ, что на небесахъ есть и управленіе: порядокъ долженъ быть наблюденъ, и все, относящееся до порядка, должно быть

непреложно. Управленіе на небесахъ различно: одно, въ обществахъ образующихъ небесное царство Господне, и другое, въ обществахъ образующихъ духовное царство Господне; различно также и по должностямъ, которыя исполняются каждымъ обществомъ. На небесахъ, однакожъ, нѣтъ другаго управленія, кромѣ управленія взаимной любви, а управленіе взаимной любви и есть небесное.

214. Управленіе въ небесномъ царствѣ Господнемъ называется Правдою (Justicia), потому что всѣ подданные этого царства живутъ во благѣ любви, къ Господу направленной и отъ него же получаемой, и все что по этому благу дѣлается, называется правдою. Управленіе въ этомъ царствѣ принадлежитъ одному Господу; онъ самъ ведетъ ангеловъ и научаетъ ихъ дѣламъ жизни. Истины, называемыя истинами суда, начертаны въ ихъ сердцахъ; каждый знаетъ, постигаетъ и видитъ ихъ; вотъ почему тамъ никогда не разсуждаютъ о томъ, что относится къ суду, а только о томъ, что относится къ правдѣ и принадлежитъ къ жизни: объ этомъ менѣе мудрые спрашиваютъ болѣе мудрыхъ, эти же вопрошаютъ Господа, и даютъ отвѣтъ. Ихъ небесное блаженство, или самая внутренняя радость, состоитъ въ томъ, чтобы жить правдою отъ Господа.

215. Управленіе въ духовномъ царствѣ Господнемъ называется Судомъ (Judicium), потому что подданные этого царства живутъ въ духовномъ благѣ, которое есть благо любви къ ближнему (charitas), а это благо въ сущности есть истина; истина же относится къ суду, а благо къ правдѣ. Ангелы этого

царства, хотя также ведомы Господомъ, но не прямо, а посредственно, н. 208; вотъ почему у нихъ есть наставники въ большемъ или меньшемъ числѣ, смотря по потребностямъ общества; и также законы, по которымъ они должны жить между собой. Наставники управляютъ всѣмъ согласно этимъ законамъ; они понимаютъ ихъ вѣрно, потому что они мудры, а въ случаяхъ сомнѣнія имъ дается поясненіе отъ Господа.

216. Такъ какъ управленіе по благу, въ небесномъ царствѣ Господнемъ, называется правдой, а управленіе по истинѣ, въ духовномъ царствѣ Господнемъ, называется судомъ, то и въ Словѣ говорится о правдѣ и судѣ, когда рѣчь идетъ о небесахъ и о церкви; въ этомъ случаѣ правда означаетъ небесное благо, а судъ духовное благо, которое въ сущности, какъ было сказано выше, есть истина; напримѣръ въ слѣдующихъ изреченіяхъ: *И мира нѣсть предѣла на престолѣ Давидовѣ и на царствѣ его, исправите его и заступите его въ судѣ и правдѣ, отъ нынѣ и до вѣка.* Ісаіи IX. 7. Тутъ Давидъ означаетъ Господа, а царство его — небеса; это ясно также изъ слѣдующаго: *И возставлю Давиду восходъ правильный, и царствовати будетъ царь, и премудръ будетъ, и сотворитъ судъ и правду на землѣ.* Іерем. XXIII. 5. *Святъ Богъ живый въ вышнихъ, наполнися Сіонъ суда и правды.* Ис. XXXIII. 5; Сіонъ здѣсь означаетъ также небеса и церковь. *Азъ есмь Господь творяй милость, и судъ, и правду на землѣ, яко въ сихъ воля моя.* Іерем. IX. 23. *И обручу тя себѣ во вѣкъ, и обручу тя себѣ въ правдѣ.* Осія II. 19. *Господи,*

правды твоя яко горы Божія, судьбы твоя бездна многа. Пс. XXXV. 7. — и т. д. въ другихъ мѣстахъ.

217. Въ духовномъ царствѣ Господнемъ образы правленій различны; въ одномъ обществѣ оно не таково какъ въ другомъ. Это разнообразіе зависитъ отъ различнаго рода службъ (ministeria), исполняемыхъ обществами; а ихъ службы согласны съ службами всѣхъ частей человѣческаго тѣла, которымъ они соотвѣтствуютъ, и которыя, какъ извѣстно, разнообразны: иная служба (ministerium) сердца, иная легкаго, иная печени, иная селезенки, иная также каждаго орудія чувствъ; какъ различно управленіе этихъ частей въ тѣлѣ, такъ различно и управленіе обществъ въ большомъ человѣкѣ, т. е. въ небесахъ, ибо въ нихъ есть общества, которыя соотвѣтствуютъ всѣмъ этимъ частямъ (что все находящееся на небесахъ соотвѣтствуетъ всему находящемуся въ тѣлѣ, это было показано выше на своемъ мѣстѣ нн. 87—102). Но всѣ образы небеснаго управленія согласуются въ томъ, что цѣлью для нихъ есть общественное благо, и въ этомъ благѣ, благо каждаго. Это происходитъ отъ того, что всѣ ангелы, во всѣхъ небесахъ, находятся подъ усмотрѣніемъ (auspicio) Господа, который любитъ ихъ всѣхъ, и по Божественной любви своей, устрояетъ такой порядокъ, чтобы каждый получалъ свое личное или частное благо отъ общаго; даже каждый получаетъ это благо по мѣрѣ любви своей къ общему: ибо на сколько кто любитъ свою общину, на столько онъ любитъ всѣхъ и каждаго въ ней, а какъ эта любовь отъ Господа, то на столько же Господь любитъ каждаго и даруетъ ему благо.

218. Изъ этого понятно каковы наставники духовныхъ небесъ, т. е. что они болѣе другихъ находятся въ любви и мудрости: по любви, они всѣмъ хотятъ благо, а по мудрости, умѣютъ осуществлять его на дѣлѣ. При такихъ свойствахъ, они не начальствуютъ и не приказываютъ, но управляютъ (ministrant) и служатъ, ибо творить благо другимъ по любви къ благу, это служить, а заботиться о томъ, чтобъ это благо осуществлялось на дѣлѣ, это управлять; и они не считаютъ себя выше другихъ, а ниже, ибо на первомъ мѣстѣ они ставятъ благо общества и ближняго, а свое собственное на послѣднемъ: что̀ на первомъ мѣстѣ, то выше, а что на послѣднемъ, то ниже. Тѣмъ не менѣе имъ воздается честь и слава: они живутъ въ серединѣ общества, на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, чѣмъ другіе, и въ прекрасныхъ дворцахъ; они даже принимаютъ эту честь и славу, но не для себя, а ради послушанія; ибо всѣ на небесахъ знаютъ, что эта честь и слава даны имъ отъ Господа, и что, по сему, ихъ должно слушаться. Это самое разумѣется въ слѣдующихъ словахъ Господа къ ученикамъ своимъ: *Иже аще хощетъ въ васъ вящшій быти, да будетъ вамъ слуга. И иже аще хощетъ въ васъ быти первый, буди вамъ рабъ. Якоже сынъ человѣческій не пріиде да послужатъ ему; но послужити.* Матѳ. XX. 26. 27. 28. — И у Луки XXII. 26. *Болій въ васъ да будетъ яко мній, и старый яко служай.*

219. Подобный образъ управленія въ наименьшемъ видѣ существуетъ и въ каждомъ домѣ. Въ каждомъ домѣ есть хозяинъ и слуги: хозяинъ любитъ слугъ своихъ, а слуги любятъ хозяина; вслѣдствіе

этого они служатъ другъ другу по любви. Хозяинъ учитъ ихъ какъ должно жить и что слѣдуетъ дѣлать, слуги же слушаются и исполняютъ свою обязанность; исполнять службу, есть для каждаго наслажденіе жизни. Изъ этого ясно, что царство Господне, есть царство службъ.

220. Въ аду есть также разнаго рода управленіе, потому что безъ него ничто бы не сдерживало жителей ада. Но, въ противуположность небесному, оно все основано на любви къ себѣ; тутъ каждый хочетъ повелѣвать другимъ и начальствовать; ненавидитъ того, кто ему не благопріятствуетъ, мститъ ему и поступаетъ съ нимъ жестоко: такова любовь къ себѣ; вслѣдствіе этого, самые злые духи тамъ ставятся въ начальники, и имъ повинуются изъ страха. Но объ этомъ будетъ говорено послѣ, въ отдѣлѣ объ адѣ.

О небесномъ Богослуженіи.

221. Небесное Богослуженіе сходно съ земнымъ относительно внѣшняго, но не относительно внутренняго; у ангеловъ, также какъ и у людей, есть ученія, проповѣди и храмы. Всѣ *ученія* въ главныхъ предметахъ согласны между собою, но ученіе въ высшихъ небесахъ полно болѣе внутренней мудрости, чѣмъ въ низшихъ; съ ученіемъ согласны и *проповѣди;* а какъ у ангеловъ есть дома и дворцы, см. нн. 183—190, то у нихъ есть и *храмы* или церкви, въ которыхъ говорятся эти проповѣди. Все это есть

на небесахъ для того, чтобъ ангелы постоянно усовершенствовались въ мудрости и любви, ибо у нихъ, какъ и у людей, есть разумъ и воля, которыя таковы, что могутъ постоянно усовершенствоваться; разумъ — истинами разумѣнія, а воля — благами любви.

222. Но небесное Богослуженіе не состоитъ собственно въ томъ, чтобъ посѣщать храмъ Божій и слушать проповѣди, а главное въ жизни любви, благостыни и вѣры, согласно ученію; проповѣди въ храмахъ служатъ только средствами къ поученію въ дѣлахъ жизни. Говоря объ этомъ предметѣ съ ангелами, я сказалъ имъ: на землѣ думаютъ, что Богослуженіе состоитъ только въ томъ, чтобъ посѣщать храмъ Божій, слушать проповѣди, причащаться святыхъ тайнъ по три или четыре раза въ годъ, и соблюдать другіе служебные обряды по уставамъ церкви, предаваясь при этомъ молитвѣ и благочестію. Ангелы отвѣчали тѣмъ, что все это относится къ внѣшнему, которое должно быть соблюдено, но которое ни къ чему не служитъ, если не истекаетъ отъ внутренняго начала; а это внутреннее начало заключается въ жизни по заповѣдямъ ученія.

223. Чтобы я могъ узнать, въ чемъ состоятъ ихъ собранія въ храмѣ, мнѣ иногда было дозволено входить туда и слушать проповѣди. Проповѣдникъ стоитъ на каѳедрѣ, которая съ восточной стороны; передъ нимъ сидятъ озаренные болѣе другихъ свѣтомъ мудрости, а подлѣ нихъ, справа и слѣва, тѣ, кои въ меньшемъ свѣтѣ; они размѣщены полукругомъ, такъ, что всѣ сидятъ въ виду проповѣдника; а на тѣхъ мѣстахъ, по обѣимъ сторонамъ, куда взглядъ его

не направленъ, нѣтъ никого. У двери, которая на восточной сторонѣ храма, влѣво отъ каѳедры, стоятъ новички; никому не позволяется стоять за каѳедрой: это смущаетъ проповѣдника, и тоже самое бываетъ съ нимъ, если кто въ собраніи не согласенъ съ тѣмъ, что слышитъ; въ такомъ случаѣ несогласный долженъ отвернуться лицемъ. Проповѣди говорятся съ такою мудростію, что ихъ никакъ нельзя сравнить съ тѣми, которыя говорятся на землѣ, ибо небесные проповѣдники озарены внутреннимъ свѣтомъ. Храмы въ духовномъ царствѣ кажутся каменными, а въ небесномъ царствѣ деревянными, потому что камень соотвѣтствуетъ истинѣ, въ которой живутъ ангелы духовнаго царства, а дерево соотвѣтствуетъ благу, въ которомъ живутъ ангелы небеснаго царства; въ этомъ же царствѣ церковныя строенія не называются храмами, но домами Божіими. Въ небесномъ царствѣ церковныя строенія безъ великолѣпія, въ духовномъ же царствѣ они болѣе или менѣе великолѣпны.

224. Я говорилъ съ однимъ проповѣдникомъ о святости слушающихъ проповѣди въ храмахъ: на это онъ мнѣ сказалъ, что благочестіе, набожность и святость принадлежатъ каждому, смотря по внутреннимъ началамъ его, относящимся до любви и вѣры; ибо святость, собственно, пребываетъ только въ этихъ началахъ, какъ въ пріемникахъ начала Божественнаго, исходящаго отъ Господа; и что онъ незнаетъ, что̀ такое внѣшняя святость безъ этихъ внутреннихъ началъ. Подумавъ нѣсколько о томъ, что могло бы это быть, онъ прибавилъ, что это, можетъ статься, какое нибудь внѣшнее подражаніе святости, или что нибудь искусст-

венное и лицемѣрное; и что возбуждать такое подражаніе, и принимать видъ святости, можетъ только нечистый огонь, исходящій отъ любви къ себѣ и къ міру.

225. Всѣ проповѣдники принадлежатъ духовному царству Господню, въ небесномъ же царствѣ ихъ вовсе нѣтъ: это происходитъ отъ того, что всѣ ангелы духовнаго царства живутъ въ истинѣ по благу, и что всякая проповѣдь говорится по истинѣ; въ небесномъ же царствѣ проповѣдниковъ нѣтъ потому, что всѣ ангелы этого царства живутъ во благѣ любви и что, по этому благу, они видятъ и постигаютъ истину, не толкуя объ ней. Однакожъ, хотя ангелы небеснаго царства постигаютъ и видятъ истину, всеже у нихъ бываютъ проповѣди, потому что посредствомъ ихъ они просвѣщаются въ знакомыхъ имъ истинахъ, и совершаются многими другими, которыхъ дотолѣ незнали; какъ только они слышатъ ихъ, они тотчасъ признаютъ ихъ за истины, и слѣдовательно, постигаютъ ихъ. Истины, которыя они постигаютъ, они ихъ любятъ и, живя по нимъ, они вносятъ и воплощаютъ ихъ въ свою жизнь: жить по истинѣ, говорятъ они, значитъ любить Господа.

226. Всѣ проповѣдники назначаются Господомъ и, вслѣдствіе того, обладаютъ даромъ проповѣди; учить въ храмахъ никому не дозволено, кромѣ ихъ. Они называются проповѣдниками, а не священниками, потому что священство (sacerdotium) принадлежитъ небесному царству; ибо священство означаетъ благо любви къ Господу, благо, въ коемъ пребываютъ ангелы небеснаго царства. Духовному же царству, при-

надлежитъ не священство, а царствіе (regium); ибо царствіе означаетъ истину по благу, истину, въ которой пребываютъ ангелы духовнаго царства; см. выше н. 24.

227. Всѣ ученія, согласно которымъ говорятся проповѣди, принимаютъ жизнь за цѣль, и ни одно изъ нихъ не принимаетъ вѣру безъ жизни. Ученіе самыхъ внутреннихъ небесъ болѣе полно мудрости, чѣмъ ученіе среднихъ небесъ, а это послѣднее въ свою очередь полно бо̀льшаго разумѣнія, чѣмъ ученіе низшихъ небесъ; ибо въ каждыхъ небесахъ, ученіе приноровлено къ постиженію слушателей: сущность же всѣхъ ученій есть признаніе Божественной человѣчности Господа.

О могуществѣ ангеловъ небесныхъ.

228. Что ангелы обладаютъ силой, того не могутъ понять тѣ, кои ничего незнаютъ о духовномъ мірѣ и его вліяніи на міръ природный. Они думаютъ, что ангелы не могутъ быть одарены силой, потому что они существа духовныя, и столь чистыя и тонкія, что даже невидимы для глазъ; но, проникающіе глубже во внутреннія причины вещей, думаютъ иначе: они знаютъ, что вся сила, принадлежащая человѣку, исходитъ отъ его разума и воли, потому что, безъ того и другаго, онъ не можетъ пошевелить ни малѣйшею частицею своего тѣла. Разумъ и воля составляютъ въ немъ того духовнаго человѣка, который по своему произволу движетъ тѣломъ и его

членами; ибо что̀ онъ мыслитъ, то языкъ и уста его произносятъ, что̀ онъ хочетъ, то тѣло его исполняетъ, и даже, по желанію своему онъ, придаетъ ему и силу. Воля и разумъ человѣка управляются Господомъ черезъ ангеловъ и духовъ; а если разумъ и воля, то и всѣ части его тѣла, ибо онѣ зависятъ отъ разума и воли; и даже, если хотите этому вѣрить, человѣкъ не можетъ сдѣлать ни одного шагу безъ небеснаго наитія. Многократнымъ образомъ мнѣ было доказано это на дѣлѣ. Ангеламъ дано было направлять мои шаги, дѣйствія, языкъ и рѣчь, какъ имъ захочется; они это дѣлали посредствомъ наитія или вліянія на мою волю и мысль, и я испыталъ, что самъ по себѣ я былъ безсиленъ. Послѣ того они мнѣ сказали, что каждый человѣкъ управляется, или ведомъ свыше, такимъ же образомъ, и что онъ самъ можетъ знать это изъ ученія церкви и Слова, ибо онъ молитъ Господа, чтобъ онъ ниспослалъ ангеловъ своихъ руководить его, направлять стопы его, поучать его, и внушать ему мысли и слова; межъ тѣмъ этотъ же человѣкъ говоритъ и вѣритъ иначе, когда онъ, не придерживаясь ученія, думаетъ про себя. Все предъидущее сказано, чтобы показать какова сила ангеловъ надъ человѣкомъ.

229. Сила ангеловъ, въ духовномъ мірѣ, такъ велика, что еслибъ я сталъ передавать все, что я видѣлъ объ ней, то это превзошло бы всякую вѣру; если тамъ противится что нибудь такое, что несогласно съ Божественнымъ порядкомъ, и должно быть устранено, то они это осиливаютъ и сокрушаютъ однимъ движеніемъ воли и взглядомъ. Я видѣлъ

какъ горы, занятыя злыми духами, были низвергнуты и раскинуты, а иногда потрясены изъ конца въ конецъ, какъ бы землетрясенiемъ; я также видѣлъ, какъ скалы разсѣдались до самой бездны, и поглащали злыхъ духовъ, находившихся на верху; видѣлъ и то, какъ сотни тысячь ихъ были ангелами разсѣяны, и брошены въ адъ. Многочисленность враговъ безсильна противъ нихъ, равно какъ и всякiя уловки, хитрости и козни; они все видятъ и мгновенно разрушаютъ. Такова сила ангеловъ въ духовномъ мiрѣ; а что они, при дозволѣнiи, могутъ проявить такую же силу и въ природномъ мiрѣ — это видно изъ Слова: мы читаемъ въ немъ, что они предавали смерти цѣлыя войска, и что даже одного ангела было достаточно, чтобъ навести чуму, отъ которой погибло семьдесятъ тысячъ народа; объ этомъ ангелѣ сказано такъ: *И простре ангелъ Божiй руку свою на Iерусалимъ погубити его, и раскаяся Господь о злѣ, и рече ангелу погубляющему люди: довольно нынѣ, отыми руку твою.* Царст. II. глава XXIV. 16. и. т. п. въ другихъ мѣстахъ. Вслѣдствiе такого могущества своего ангелы называются силами, и у Давида сказано: *Бласловите Господа вси ангелы его, сильные крѣпостiю.* Пс. CII. 20.

230. Должно однакожъ знать, что у ангеловъ, по себѣ, нѣтъ нисколько силы, но что вся сила ихъ отъ Господа, и что только по мѣрѣ этого сознанiя, они могутъ называться силами. Тотъ изъ нихъ, который думаетъ, что онъ одаренъ силою, самъ по себѣ, немедленно становится столь слабымъ, что онъ не можетъ устоять даже противъ одного злаго духа; поэтому ангелы никакой заслуги не приписываютъ себѣ и

не терпятъ похвалы, или прославленія, за какой нибудь свой поступокъ, а все это относятъ къ Господу.

231. Вся сила на небесахъ принадлежитъ Божественной истинѣ, исходящей отъ Господа; ибо Господь на небесахъ есть Божественная истина въ соединеніи съ Божественнымъ благомъ, см. нн. 126—140: на сколько ангелы принимаютъ ее, на столько они становятся силами. Даже каждый изъ нихъ есть представитель своей истины и своего блага, ибо каждый таковъ, каковы его разумъ и воля, разумъ принадлежитъ истинѣ, ибо все, что составляетъ его, относится къ истинѣ; воля же принадлежитъ благу, ибо все, что составляетъ ее, относится къ благу: все, что человѣкъ разумѣетъ, называется имъ истиной, а все, что ему хочется, называется имъ благомъ; вслѣдствіе чего каждый и есть представитель своей истины и своего блага. Такимъ образомъ, на сколько ангелъ есть представитель истины, исходящей отъ Божественнаго начала, и представитель блага, исходящаго отъ того же начала, на столько онъ есть сила, ибо на столько же Господь пребываетъ въ немъ; а такъ какъ ни одинъ ангелъ не находится въ совершенно подобномъ или одинаковомъ благѣ, ибо на небесахъ, какъ и на землѣ, разнообразіе безконечно (н. 20), то и ни одинъ ангелъ не подобенъ, въ силѣ своей, другому ангелу. Образующіе область рукъ большаго человѣка или небесъ, обладаютъ наибольшей силой, потому что жители этой области, преимущественно передъ другими, находятся въ истинахъ, и что въ ихъ истины, благо вліяетъ со всѣхъ небесъ. Такъ и въ человѣкѣ: вся сила его переносится въ руки, и черезъ

нихъ тѣло проявляетъ всю силу свою; вотъ почему въ Словѣ руки и длани означаютъ силу. На небесахъ появляется иногда голая рука, сила которой столь громадна, что она могла бы сокрушить до тла все встрѣчное на пути, хотя бы даже скалу на землѣ; однажды эта рука приблизилась ко мнѣ, и я почувствовалъ, что она могла бы сокрушить кости мои въ прахъ.

132. Выше было сказано, н. 137, что вся сила принадлежитъ Божественной истинѣ, исходящей отъ Господа, и что на сколько ангелы пріемлютъ Божественную истину, отъ Господа исходящую, на столько они обладаютъ и силой. Но ангелы становятся пріемниками Божественной истины, только по мѣрѣ принятія ими Божественнаго блага, ибо вся сила истины исходитъ отъ блага, и истина безъ блага безсильна; а съ другой стороны вся сила блага проявляется чрезъ истину, и безъ нее благо безсильно: сила возникаетъ только вслѣдствіе соединенія блага и истины. Это же самое относится къ вѣрѣ и любви, потому что все равно сказать, вѣра или истина: ибо все принадлежащее къ вѣрѣ, есть истина; и также все равно сказать, любовь или благо: ибо все принадлежащее къ любви, есть благо. Какъ велика сила, которою обладаютъ ангелы посредствомъ истины, исходящей отъ блага, стало мнѣ ясно также изъ того, что всякій злой духъ, отъ одного только взгляда ангельскаго, обмираетъ и уже почти не кажется человѣкомъ, оставаясь въ этомъ положеніи, поколѣ ангелъ не спуститъ съ него глазъ; взоръ ангельскій производитъ такое дѣйствіе потому, что источникъ зрѣнія

ангельскаго есть небесный свѣтъ, а небесный свѣтъ есть небесная истина, см. выше нн. 126—132. Глаза же по себѣ соотвѣтствуютъ истинамъ, исходящимъ отъ блага.

233. Если вся сила дана истинѣ отъ блага, то слѣдуетъ, что нисколько нѣтъ силы во лжи отъ зла. Въ аду всѣ живутъ во лжи по злу, почему они и безсильны передъ истиной и благомъ; но какова ихъ сила между собой, и какова сила злыхъ духовъ до низверженія ихъ въ адъ, объ этомъ будетъ говорено послѣ.

О рѣчи ангельской.

234. Ангелы разговариваютъ между собой совершенно такъ, какъ и люди на землѣ, и подобно имъ бесѣдуютъ о различныхъ предметахъ, какъ то: о дѣлахъ домашнихъ и гражданскихъ, о томъ, что относится до ихъ жизни нравственной и духовной, и т. п.; съ тѣмъ только различіемъ, что они говорятъ умнѣе, чѣмъ люди, потому что мысль ихъ течетъ отъ болѣе внутренняго источника. Мнѣ было часто дозволено находиться въ ихъ обществѣ, и говорить съ ними, иногда какъ другу съ другомъ, а иногда какъ незнакомому съ незнакомымъ; и такъ какъ я тогда находился въ одинаковомъ съ ними состояніи, то я былъ вполнѣ увѣренъ, что разговаривалъ съ людьми на землѣ.

235. Рѣчь ангельская, равно какъ и человѣческая состоитъ изъ словъ, и также звучно произносится и

слышится; ибо у ангеловъ, какъ и у людей, есть уста, языкъ и уши, есть и воздухъ, въ которомъ звукъ ихъ рѣчи внятно раздается; но этотъ воздухъ духовный, приспособленный къ ангеламъ, какъ существамъ духовнымъ: въ этомъ воздухѣ своемъ ангелы дышатъ, и посредствомъ дыханія произносятъ слова, точно такъ, какъ и люди въ земномъ воздухѣ своемъ.

236. На всѣхъ небесахъ, и для всѣхъ ангеловъ, языкъ одинъ; изъ какого бы общества они ни были, изъ близкаго или изъ дальняго, они другъ друга понимаютъ; этому языку они не учатся, но онъ врожденъ каждому изъ нихъ, ибо истекаетъ прямо изъ ихъ любви и мысли. Общій звукъ ихъ рѣчи соотвѣтствуетъ ихъ любви, а отдѣльныя сочетанія звуковъ, т. е. слова, соотвѣтствуютъ понятіямъ ихъ мышленія, основаннымъ на ихъ любви; а такъ какъ рѣчь ихъ соотвѣтствуетъ чувству и мысли, то она духовна, ибо, въ сущности, она ничто иное какъ чувство и мысль, облеченныя въ звукъ и слово. Кто внимательно размышляетъ, тотъ знаетъ, что всякое мышленіе исходитъ отъ чувства любви, и что отдѣльныя мысли, или понятія мышленія, суть разные образы, въ коихъ проявляется общее чувство; ибо не можетъ существовать ни мыслей, ни понятій безъ чувства: оно для нихъ жизнь и душа. Вслѣдствіе этого ангелы, по одной рѣчи другаго, знаютъ каковъ онъ: по общему звуку узнаютъ его чувства, а по отдѣльнымъ звукамъ или словамъ, узнаютъ его умъ; а болѣе мудрые ангелы могутъ, даже изъ нѣсколькихъ словъ, узнать господствующее въ комъ нибудь чувство, ибо они на него въ особенности обращаютъ вниманіе свое. Из-

вѣстное дѣло, что въ каждомъ человѣкѣ любовь его или чувства различны: иное чувство овладѣваетъ имъ, когда онъ въ радости, иное когда онъ въ горѣ, иное когда онъ кротокъ и милостивъ, иное когда онъ чистосердеченъ и правдивъ, иное когда онъ въ состояніи любви и благостыни, иное когда онъ въ состояніи ревности или гнѣва, иное когда онъ притворчивъ и лукавъ, иное когда онъ ищетъ чести и славы, и такъ далѣе; но господствующее чувство, или господствующая любовь, остается во всѣхъ этихъ состояніяхъ одна и та же; вслѣдствіе чего болѣе мудрые ангелы, постигающіе качество любви этой по одной рѣчи человѣка, узнаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и все относящееся до его состоянія. По многимъ опытамъ мнѣ дано было узнать, что это такъ: я слышалъ какъ ангелы изобличали всю жизнь человѣка, только прислушиваясь къ его рѣчи; они даже увѣряли меня, что могутъ, изъ нѣсколькихъ мыслей человѣка, узнать все, относящееся до жизни его, ибо они чрезъ это узнаютъ господствующую въ немъ любовь, въ которой заключается по порядку и все прочее; при этомъ они сказали мнѣ, что книга жизни человѣка есть ничто другое.

237. Языкъ ангельскій не имѣетъ ничего общаго съ человѣческимъ земнымъ, развѣ только въ нѣкоторыхъ словахъ, въ звукѣ которыхъ слышится чувство; но и тутъ сходство, не съ самыми словами, а только съ ихъ звукомъ, о чемъ въ послѣдствіи будетъ говорено подробнѣе. Что языкъ ангельскій не имѣетъ ничего общаго съ человѣческимъ земнымъ, это ясно изъ того, что ангеламъ невозможно произнести

ни одного слова человѣческой рѣчи; они пытались это сдѣлать, но не смогли, ибо они могутъ произносить только то, что вполнѣ согласно съ ихъ чувствами, а что несогласно, то противно самой жизни ихъ: жизнь ихъ есть жизнь ихъ внутреннихъ чувствъ (affectionum), и отъ нихъ истекаетъ и рѣчь ихъ. Мнѣ было сказано, что первая человѣческая рѣчь на нашей землѣ, походила на ангельскую, потому что люди заимствовали ее съ небесъ, и что въ еврейскомъ языкѣ сохранилось нѣсколько такого сходства.

238. Если рѣчь ангельская соотвѣтствуетъ чувствамъ любви ихъ, и любовь небесная есть любовь къ Господу и любовь къ ближнему, см. н. 13—19, то понятно сколь рѣчь ихъ изящна и пріятна, ибо она поражаетъ не только слухъ, но и всю внутренность духа (mentis) слушателей. Случилось ангелу говорить съ какимъ то жестокосердымъ духомъ; духъ этотъ до того былъ тронутъ рѣчью ангела, что сталъ плакать, говоря, что не можетъ удержаться, ибо слышитъ рѣчь самой любви, а что дотолѣ онъ никогда не плакалъ.

239. Рѣчь ангельская полна также мудрости, потому что она истекаетъ отъ внутренняго мышленія ангеловъ, а ихъ внутреннее мышленіе есть мудрость, какъ и внутреннее чувство ихъ есть любовь; въ рѣчи ихъ любовь и мудрость соединяются: вслѣдствіе чего, рѣчь ихъ дотого исполнена мудрости, что они могутъ въ одномъ словѣ выразить то, чего человѣкъ не можетъ въ тысячѣ; не говоря уже о томъ, что мысль ихъ обнимаетъ такіе предметы, которыхъ человѣкъ не можетъ ни понять, ни тѣмъ менѣе выра-

зить въ словахъ; вотъ почему все видѣнное и слышанное на небесахъ называется неизреченнымъ, чего никогда ухо не слыхало и глазъ не видалъ. Павл. Посл. 2. Кор. XII. 4; 1. Кор. II. 9. Мнѣ даже дано было, по опыту, узнать, что это такъ. Я былъ иногда приводимъ въ состояніе свойственное ангеламъ, и, въ этомъ состояніи, разговаривая съ ними, я все понималъ; но когда я возвращался къ прежнему своему состоянію, т. е. къ природному, обычному для человѣка, мышленію, и хотѣлъ собрать въ умѣ все слышанное мною, то не могъ этого сдѣлать; ибо тутъ были тысячи вещей не подходящихъ къ понятіямъ природнаго мышленія и, слѣдовательно, не выразимыхъ: ихъ бы можно было передать только посредствомъ разноцвѣтныхъ переливовъ небеснаго свѣта, но нисколько не словами человѣческой рѣчи. Понятія ангельскаго мышленія (ideae cogitationis), изъ коихъ рождаются слова ихъ, дѣйствительно являются видоизмѣненіями небеснаго свѣта, а чувства ихъ, отъ коихъ происходятъ звуки словъ, видоизмѣненіями небеснаго тепла; ибо небесный свѣтъ есть небесная истина или мудрость, а небесное тепло есть небесное благо или любовь, см. нн. 126—140. Ангелы получаютъ чувства свои отъ Божественной любви, а мышленіе свое, отъ Божественной мудрости.

240. Если рѣчь ангельская истекаетъ непосредственно изъ ихъ чувствъ, — какъ такъ понятія мышленія суть разные образы, въ коихъ проявляется общее чувство, см. н. 236, — то ангелы могутъ въ одно мгновеніе выразить то, чего человѣкъ не можетъ передать въ полчаса; и въ нѣсколькихъ словахъ мо-

гутъ изложить то, что едва упишется на многихъ страницахъ; все это также было доказано мнѣ многочисленнымъ опытомъ. Понятія ангельскаго мышленія, и слова рѣчи ихъ, составляютъ одно цѣлое, какъ дѣйствующая причина и послѣдствіе; что̀ въ понятіяхъ мышленія (in ideis cogitationis) составляетъ причину, то въ словахъ является какъ послѣдствіе: вотъ почему въ каждомъ словѣ ихъ заключается такъ много смысла. Всѣ частности ангельскаго мышленія, а затѣмъ и всѣ частности ангельской рѣчи, когда представляются зрѣнію, кажутся иногда какъ бы тонкими, вокругъ растекающимися струйками или волнами воздуха, заключающими въ себѣ, по порядку, безчисленное множество предметовъ, которые исходя отъ мудрости ангеловъ, поражаютъ мысли другаго и проникаютъ ихъ. Понятія мышленія каждаго, будь онъ ангелъ или человѣкъ, становятся видимы въ свѣтѣ небесномъ, когда это угодно Господу.

241. Ангелы небеснаго царства Господня говорятъ такимъ же образомъ, какъ и ангелы духовнаго царства, но ангелы небеснаго царства говорятъ отъ болѣе внутренняго мышленія, чѣмъ ангелы духовнаго царства; а какъ небесные ангелы пребываютъ во благѣ любви къ Господу, то они и выражаются по мудрости, ангелы же духовные, какъ живущіе въ добрѣ къ ближнему (добро, которое въ сущности есть истина, см. н. 215), выражаются по разумѣнію: ибо отъ блага происходитъ мудрость, а отъ истины разумѣніе. Вслѣдствіе этого, рѣчь ангеловъ небесныхъ подобна тихому теченію, мягка, и какъ бы непрерывна, а рѣчь духовныхъ ангеловъ нѣсколько дрожаща

и отрывиста; по этому также въ рѣчи небесныхъ ангеловъ часто звучатъ гласныя У и О, а въ рѣчи духовныхъ ангеловъ гласныя Е и И: гласныя замѣняютъ звукъ, а въ звукѣ выражается чувство, ибо, какъ было сказано выше, н. 236, общій звукъ ангельской рѣчи соотвѣтствуетъ чувству, а членораздѣльные звуки, т. е. слова, соотвѣтствуютъ понятіямъ мышленія, отъ чувства происходящимъ. Гласныя не принадлежатъ языку, но ими, какъ звуками, слова возвышаются для выраженія различныхъ чувствъ, смотря по состоянію каждаго; вотъ почему на Еврейскомъ языкѣ гласныя не пишутся и произносятся различно: чрезъ это самое ангелы узнаютъ каковъ человѣкъ относительно чувствъ своихъ и любви. Въ рѣчи небесныхъ ангеловъ нѣтъ жесткихъ согласныхъ, и она рѣдко переходитъ отъ одной согласной къ другой безъ вставки слога, начинающагося гласной; вотъ почему въ Словѣ такъ часто встрѣчается частица *и*, какъ это извѣстно читающимъ его на Еврейскомъ языкѣ, на которомъ частица эта произносится мягко, и звучитъ въ началѣ и въ концѣ слова. Въ Словѣ Божіемъ, писанномъ по еврейски, можно даже узнать какія слова въ немъ принадлежатъ къ разряду небесныхъ, и какія къ духовнымъ, т. е. заключаютъ ли они въ себѣ понятіе о добрѣ, или понятіе объ истинѣ; слова относящіяся къ понятіямъ о добрѣ, заключаютъ въ себѣ много звуковъ на У и О, и нѣсколько на А, а относящіяся къ понятіямъ объ истинѣ, полны звуковъ на Е и И. Такъ какъ чувства всего болѣе проявляются въ звукахъ, то и въ человѣческой рѣчи, когда говорится о предметахъ высокихъ, какъ то о небесахъ и о Бо-

гѣ, предпочитаютъ слова, въ которыхъ преобладаютъ звуки О и У; такъ точно и въ музыкѣ: предметъ высокій выражается звуками торжественными, а когда предметъ обыкновенный, то и звуки другіе; вотъ почему разнаго рода чувства могутъ быть выражены посредствомъ музыки.

242. Въ ангельской рѣчи есть какая то согласность (гармонія, concentus), которую не возможно передать словами: эта согласность происходитъ отъ того, что мысли и чувства, изъ которыхъ слагается эта рѣчь, растекаются и распространяются, согласно небесному образу; а согласно съ образомъ этимъ устроены всѣ ангельскія общества, и всѣ между ними сообщенія. Что ангелы живутъ въ сообществѣ, согласно небесному образу, и что ихъ мысли и чувства распространяются согласно этому образу, смотри выше нн. 200—212.

243. Рѣчь, свойственная жителямъ духовнаго міра, врождена каждому человѣку, но только она находится во внутренней части его разума; а какъ рѣчь эта не проявляется у него въ словахъ, согласно съ чувствами его, какъ у ангеловъ, то человѣкъ и незнаетъ, что она ему свойственна: тѣмъ не менѣе, вотъ почему человѣкъ, приходя въ ту жизнь, говоритъ на одномъ языкѣ съ духами и ангелами, и понимаетъ его, не учась ему. Впослѣдствіи объ этомъ будетъ говорено подробнѣе.

244. Какъ сказано выше, рѣчь на небесахъ одна для всѣхъ; но она разнится въ томъ, что рѣчь мудрыхъ ангеловъ внутренняя, и полная разнообразныхъ чувствъ и понятій мышленія, межъ тѣмъ какъ

рѣчь менѣе мудрыхъ болѣе внѣшняя и не столь полная; а рѣчь простыхъ, еще болѣе внѣшняя, и потому состоитъ изъ словъ, изъ которыхъ нужно слагать смыслъ такимъ же образомъ, какъ и въ разговорѣ людей между собою. Тамъ есть и такого рода рѣчь, которая передается посредствомъ лица (facies), и оканчивается чѣмъ то звучнымъ, съ разными измѣненіями, смотря по мыслямъ; есть и такая рѣчь, въ которой небесныя изображенія представляются вмѣстѣ съ мыслями, или, другими словами, рѣчь, въ которой мысли видимо представляются; есть даже рѣчь передаваемая посредствомъ тѣлодвиженій, соотвѣтствующихъ душевнымъ чувствамъ, и изображающихъ такія же вещи, какъ и слова; есть еще родъ рѣчи, посредствомъ общихъ началъ любви (affectionum) и общихъ началъ мысли; есть рѣчь какъ бы гремящая, и много другихъ.

245. Рѣчь злыхъ и адскихъ духовъ точно также духовна, ибо она исходитъ отъ чувствъ любви ихъ, но только отъ чувствъ злыхъ и, происходящихъ оттолѣ, понятій нечистыхъ, которыя для ангеловъ крайне противны. Такимъ образомъ, разнаго рода рѣчь адская противуположна разнаго рода рѣчи небесной; вслѣдствіе этого злые духи не могутъ выносить ангельской рѣчи, а ангелы адской: для нихъ адская рѣчь подобна зловонію, поражающему обоняніе. Рѣчь лицемѣровъ, т. е. такихъ людей, которые могутъ притворяться ангелами свѣта, подобна, относительно словъ, ангельской рѣчи, но относительно чувствъ любви и, происходящихъ оттолѣ, понятій мышленія, совершенно ей противуположна; вотъ почему и рѣчь

ихъ, когда внутреннее качество ея узнается мудрыми ангелами, слышится какъ скрежетъ зубовъ, и наводитъ ужасъ.

О разговорѣ ангеловъ съ человѣкомъ.

246. Ангелы, бесѣдуя съ человѣкомъ, не говорятъ съ нимъ по своему, а на его природномъ или извѣстныхъ ему языкахъ, и никогда не говорятъ съ нимъ на языкѣ ему неизвѣстномъ. Это происходитъ отъ того, что ангелы, въ разговорѣ съ человѣкомъ, обращаются къ нему и соединяются съ нимъ; отъ такого соединенія обѣ стороны мыслятъ одинаково: а какъ мысль человѣка нераздѣльна отъ его памяти, и рѣчь его истекаетъ отъ нея, то обѣ стороны и говорятъ на одномъ и томъ же языкѣ. Кромѣ того, когда ангелъ или духъ сходитъ къ человѣку, и, обращаясь къ нему, соединяется съ нимъ, онъ вселяется въ память его, и при этомъ почти вполнѣ убѣжденъ, что самъ знаетъ все, что знаетъ тотъ человѣкъ, не исключая и языковъ. Бесѣдуя объ этомъ предметѣ съ ангелами, я спросилъ ихъ, не кажется ли имъ будто *они сами* говорятъ со мною на моемъ родномъ языкѣ, тогда какъ на дѣлѣ не они со мной, а я съ ними говорилъ, ибо сами ангелы не могутъ произнести ни одного слова человѣческой рѣчи, н. 237: человѣческая рѣчь природна, а они существа духовныя, духовное же существо не можетъ произнести ничего природнаго. На это они мнѣ отвѣчали, что имъ извѣстно, что такое соединеніе ихъ съ человѣкомъ при разговорѣ

съ нимъ, совершается съ его духовною мыслію; но какъ эта мысль вліяетъ на его природную мысль, которая нераздѣльна отъ его памяти, то человѣческая рѣчь имъ и кажется своею собственною, вмѣстѣ со всей его наукой; и что это дѣлается по соизволенію Господню, съ той цѣлію, чтобы небеса присоединялись, и какъ бы прививались къ человѣку; но что въ настоящее время состояніе человѣка уже измѣнилось, и такого соединенія съ ангелами болѣе не существуетъ, а продолжается оно только съ другими духами, не находящимися на небесахъ. Я говорилъ объ этомъ и съ духами; но они не хотѣли вѣрить, чтобъ въ этомъ случаѣ говорилъ самъ человѣкъ, и были увѣрены, что они сами говорятъ въ немъ; что не человѣкъ знаетъ то, что онъ думаетъ знать, а они, и что такимъ образомъ все, что знаетъ человѣкъ, приходитъ отъ нихъ; я нѣсколько разъ пытался разубѣдить ихъ, но тщетно. Кто здѣсь разумѣется подъ именемъ духовъ, и кто подъ именемъ ангеловъ, будетъ сказано впослѣдствіи, въ отдѣлѣ о мірѣ духовъ.

247. Если ангелы и духи соединяются съ человѣкомъ такъ тѣсно, что принадлежащее ему считаютъ за свое собственное, то это происходитъ еще отъ того, что міръ духовный и міръ природный до того соединены въ человѣкѣ, что они сливаются въ немъ какъ бы въ одно; но такъ какъ человѣкъ отпалъ отъ небесъ, то Господомъ было предусмотрѣно, чтобъ ангелы и духи находились при каждомъ человѣкѣ, и чтобъ чрезъ ихъ посредство человѣкъ управлялся Господомъ: вотъ почему эта связь между

ними такъ тѣсна. Было бы иначе, еслибъ человѣкъ не отпалъ отъ небесъ; онъ управлялся бы тогда Господомъ посредствомъ общаго небеснаго наитія, безъ особеннаго присоединенія къ нему ангеловъ и духовъ. Но объ этомъ будетъ сказано подробнѣе въ послѣдствіи, когда будетъ говориться о соединеніи небесъ съ человѣкомъ.

248. Рѣчь ангела или духа, обращенная къ человѣку, слышится имъ столь же звучно, какъ и рѣчь людская, съ тою разницею, что никто изъ постороннихъ не слышитъ ее, а только онъ одинъ: это происходитъ отъ того, что рѣчь ангела или духа, отражается сперва въ мысли человѣка, а затѣмъ уже, внутреннимъ путемъ, въ его орудіи слуха, на которое она такимъ образомъ дѣйствуетъ изнутри; межъ тѣмъ, какъ рѣчь человѣка съ человѣкомъ отражается сперва въ воздухѣ, а затѣмъ, внѣшнимъ путемъ, въ его орудіи слуха, и такимъ образомъ дѣйствуетъ на него извнѣ. Что рѣчь ангела или духа доходитъ до уха внутреннимъ путемъ, стало для меня яснымъ также изъ того, что вліяніе ея отражалось даже на моемъ языкѣ, и приводило его въ такое содраганіе, которое однакоже не переходило въ то движеніе, которымъ человѣкъ обращаетъ звукъ рѣчи въ слово.

249. Нынѣ рѣдко дозволяется говорить съ духами, потому что это опасно; ибо тогда духи знаютъ, что они находятся въ человѣкѣ, а когда они не говорятъ съ нимъ, то они этого не знаютъ; злые же духи таковы, что питаютъ къ человѣку смертельную ненависть, и ничего большаго не желаютъ, какъ погубить его съ тѣломъ и душею, что и удается имъ

надъ тѣми, которые до того увлекаются фантазіями, что лишаютъ себя удовольствій, свойственныхъ природному человѣку. Люди, ведущіе уединенную жизнь, слышатъ иногда, и безъ опасности, духовъ разговаривающихъ съ ними; но эти духи, отъ времени до времени, удаляются Господомъ отъ человѣка, чтобы они незнали, что находятся у него; ибо духи большею частію не знаютъ, что кромѣ того міра, въ которомъ они живутъ, есть еще другой, а слѣдовательно, что есть еще и люди гдѣ нибудь: вотъ почему человѣку запрещено разговаривать съ ними; въ противномъ случаѣ они бы это узнали. Люди, которые много думаютъ о предметахъ вѣры, и до того ими постоянно заняты, что какъ будто видятъ ихъ внутри самихъ себя, также начинаютъ слышать духовъ, разговаривающихъ съ ними: ибо мысли о вѣрѣ (religiosa) таковы, что, когда человѣкъ постоянно предается имъ, не разнообразя ихъ другими земными занятіями, то мысли эти, проникаютъ въ его внутренность, поселяются тамъ и овладѣваютъ всѣмъ духомъ человѣка; затѣмъ проникаютъ въ духовный міръ, и дѣйствуютъ на духовъ. Такіе люди, духовидцы и иступленники (visionarii et enthusiastici), принимающіе всякаго духа, который говоритъ съ ними, за Святаго Духа, межъ тѣмъ, какъ это только какой нибудь восторженный духъ: такого рода духи, принимая ложь вмѣсто истины, убѣждаютъ себя въ томъ, что эта ложь есть истина, и такое убѣжденіе передаютъ тѣмъ, которые, сообщаясь съ ними, подпадаютъ подъ ихъ вліяніе; а какъ эти духи стали тѣмъ же путемъ внушать зло, и люди стали ихъ слушать-

ся, то они были постепенно удалены. Восторженные духи отличаются отъ другихъ тѣмъ убѣжденіемъ, что они сами Святой Духъ, и что всѣ ихъ изреченія Божественны; эти духи не вредятъ человѣку, потому что онъ оказываетъ имъ Божественное почитаніе. Я даже иногда говорилъ съ этого рода духами, и тогда открылась мнѣ вся мѣра нечестія, внушаемаго ими своимъ почитателямъ; они живутъ вмѣстѣ, съ лѣвой стороны, въ пустынѣ.

250. Говорить съ небесными ангелами дозволяется только тѣмъ, которые пребываютъ въ истинѣ по благу, преимущественно же тѣмъ, которые признаютъ Господа и Божественное начало его человѣчности, потому что на этой истинѣ зиждутся небеса: ибо, какъ было сказано выше, Господь есть Богъ небесъ, нн. 2—6; Божественное начало Господа на небесахъ, есть любовь къ нему и, отъ него исходящее, начало любви къ ближнему (charitatis), нн. 13—19; всѣ небеса въ совокупности изображаютъ одного человѣка; также и каждое небесное общество и каждый ангелъ, вслѣдствіе Божественной человѣчности Господа, представляются въ совершенномъ человѣческомъ образѣ, нн. 59—86. Изъ этого ясно, что разговаривать съ небесными ангелами дано только тѣмъ, у которыхъ внутреннія начала, чрезъ истины Божественныя, отверзты къ самому Господу; ибо Господь наитствуетъ на внутреннія въ человѣкѣ начала, а вмѣстѣ съ Господомъ наитствуютъ и всѣ небеса. Божественныя истины по тому раскрываютъ внутреннія начала человѣка, что человѣкъ, относительно своего внутренняго человѣка, есть образъ небесный, а относительно

своего внѣшняго человѣка образъ міра, н. 57; внутренній же человѣкъ не раскрывается иначе, какъ Божественною истиною, исходящею отъ Господа, ибо эта самая истина есть свѣтъ и жизнь небесъ, нн. 126—140.

251. Человѣкъ принимаетъ наитіе самого Господа челомъ, и затѣмъ уже всѣмъ лицемъ, потому что чело человѣка соотвѣтствуетъ любви, а лице всѣмъ внутреннимъ началамъ его. Наитіе духовныхъ ангеловъ, человѣкъ принимаетъ головой со всѣхъ сторонъ, начиная ото лба и висковъ, на всѣ тѣ части, подъ которыми находится *мозгъ*, потому что эта часть головы соотвѣтствуетъ разумѣнію. Наитіе небесныхъ ангеловъ человѣкъ принимаетъ той частію головы, подъ которой находится *мозжечекъ*, и которую называютъ затылкомъ, т. е. позади ушей, отовсюду, до начала щеи, потому что эта часть соотвѣтствуетъ мудрости. Всякій разговоръ ангеловъ съ человѣкомъ проникаетъ въ мысли его этими путями; замѣчая это, я узнавалъ какого рода ангелы разговаривали со мной.

252. Люди, разговаривающіе съ небесными ангелами, видятъ и все, что̀ есть на небесахъ, чрезъ посредство небеснаго свѣта, въ которомъ находятся ихъ внутреннія начала. Такимъ же образомъ и ангелы видятъ чрезъ этихъ людей то, что есть на землѣ, потому что въ этихъ людяхъ небеса соединены съ міромъ, и міръ соединенъ съ небесами, н. 246: ибо, какъ было сказано выше, когда ангелы обращаются къ человѣку, они соединяются съ нимъ до полнаго убѣжденія, что все принадлежащее человѣку принадлежитъ имъ, и не только все относящееся до его рѣчи, но и все относящееся до его слуха и зрѣ-

нія; а съ другой стороны и самъ человѣкъ убѣжденъ, что все полученное имъ по наитію отъ ангеловъ, есть его собственное. Таково было соединеніе небесныхъ ангеловъ съ древнѣйшими жителями нашей земли; посему и времена тѣ названы были золотымъ вѣкомъ. Такъ какъ эти люди признавали Божественное начало въ человѣческомъ образѣ, и слѣдовательно признавали Господа, то они разговаривали съ небесными ангелами, какъ съ подобными себѣ, и, въ свою очередь, небесные ангелы разговаривали съ ними, какъ со своими; такимъ образомъ, въ тѣхъ и другихъ, небеса и міръ составляли одно. Но послѣ этого времени человѣкъ постепенно удалялся отъ небесъ, начавъ любить себя болѣе Господа, и міръ болѣе небесъ; вслѣдствіе этого онъ началъ познавать удовольствія любви къ себѣ и къ міру, раздѣльно отъ небесныхъ, и наконецъ раздѣлъ этотъ дошелъ до того, что человѣкъ пересталъ знать объ иномъ удовольствіи: тогда внутреннія начала его, которыя были открыты къ небесамъ, закрылись, а открылись къ міру его внѣшнія начала. Въ этомъ состояніи человѣкъ находится во свѣтѣ, относительно всего мірскаго, и во тмѣ, относительно всего небеснаго.

253. Послѣ того рѣдко случалось кому разговаривать съ небесными ангелами; но было нѣсколько людей, которые говорили съ духами, не находящимися на небесахъ: ибо внутреннія и внѣшнія начала въ человѣкѣ таковы, что они обращены или къ Господу, какъ ихъ общему средоточію, н. 124, или къ самому человѣку, т. е. въ противуположную отъ Господа сторону. Внутреннія, къ Господу обращенныя на-

чала, обращены и къ небесамъ, а обращенныя къ самому человѣку, обращены и къ міру: въ послѣднемъ случаѣ имъ трудно возвыситься; однакожъ Господь, по возможности, возвышаетъ ихъ, обращая къ тому любовь человѣка, что́ совершается чрезъ истины Слова.

254. Мнѣ дано было узнать, какимъ образомъ Господь говорилъ съ пророками, чрезъ посредство коихъ было написано Слово. Онъ не говорилъ съ ними какъ съ древними жителями нашей земли, т. е. наитіемъ въ ихъ внутреннія начала, но посредствомъ посланныхъ къ нимъ духовъ, которыхъ онъ исполнялъ своего присутствія, и которымъ онъ такимъ образомъ внушалъ слова, переданныя ими пророкамъ; слѣдовательно это было внушеніе (dictamen), а не наитіе; а какъ слова исходили непосредственно отъ Господа, то они всѣ исполнились Божественнаго начала, и заключаютъ въ себѣ внутренній смыслъ, который таковъ, что небесные ангелы постигаютъ эти слова въ небесномъ и духовномъ ихъ смыслѣ, а люди въ природномъ: такимъ образомъ Господь, посредствомъ Слова, соединилъ небеса и міръ. Мнѣ было также показано, какимъ образомъ духи, отъ присутствія Господня, исполняются Божественнаго начала: духъ, котораго Господь исполнилъ имъ, убѣжденъ, что онъ самъ Господь, и что всѣ слова его Божественны, и это продолжается покуда онъ не выскажетъ всего, что ему слѣдуетъ сказать; послѣ же того, онъ замѣчаетъ и сознаетъ, что онъ духъ, и что онъ говорилъ не отъ себя, а отъ Господа. Вслѣдствіе такого состоянія духовъ, говорившихъ съ пророками, мы встрѣчаемъ у нихъ выраженіе: Іегова

сказалъ; и даже духи самихъ себя называли Іеговою, какъ это видно не только въ пророческихъ, но и въ историческихъ книгахъ Слова.

255. Для полнѣйшаго разумѣнія, какимъ образомъ совершается соединеніе ангеловъ и духовъ съ человѣкомъ, мнѣ дозволено передать о томъ нѣсколько замѣчательныхъ подробностей, коими предметъ этотъ можетъ еще болѣе поясниться. Когда ангелы обращаются къ человѣку, они убѣждены, что рѣчь этого человѣка есть ихъ собственная, и что другой у нихъ нѣтъ: это происходитъ оттого, что они тогда знаютъ и употребляютъ рѣчь человѣка, а не свою, о которой и не помнятъ; но какъ только они отходятъ отъ человѣка, они возвращаются къ своей духовной рѣчи и ничего не знаютъ о человѣческой. Тоже самое было и со мною, когда я находился въ обществѣ ангеловъ, и въ одинаковомъ съ ними состояніи: я также говорилъ съ ними ихъ рѣчью, и ничего незналъ о своей, о которой даже и не помнилъ; но какъ только я переставалъ быть въ ихъ обществѣ, я возвращался къ своей рѣчи. Должно еще замѣтить, что когда духи или ангелы обращаются къ человѣку, то они могутъ говорить съ нимъ издалека, также звучно, какъ и вблизи; но когда они отвращаются отъ человѣка и говорятъ между собой, тогда онъ ничего не слышитъ изъ ихъ рѣчи, хотя бы разговоръ ихъ происходилъ подлѣ самаго его уха: изъ этого мнѣ стало ясно, что всякое соединеніе, въ духовномъ мірѣ, зависитъ отъ взаимнаго обращенія сторонъ. Также достойно замѣчанія, что нѣсколько духовъ вмѣстѣ, могутъ говорить съ человѣкомъ и че-

ловѣкъ съ ними; для этого они посылаютъ отъ себя какого нибудь духа къ тому человѣку, съ которымъ они хотятъ говорить; посланный духъ обращается къ этому человѣку, а остальные духи къ посланному, сосредоточивая въ немъ всѣ тѣ мысли, которыя онъ долженъ передать; въ это время духъ этотъ убѣжденъ, что онъ самъ говоритъ, а съ другой стороны и остальные духи убѣждены въ томъ же самомъ: такимъ образомъ, соединеніе одного духа съ нѣсколькими, совершается также посредствомъ взаимнаго обращенія сторонъ. Но въ послѣдствіи будетъ говорено съ большею подробностію объ этихъ духахъ, и о тѣхъ сообщеніяхъ, которыя посредствомъ ихъ совершаются.

256. Ни одному ангелу, и ни одному духу не позволяется говорить съ человѣкомъ по своей памяти, но только по памяти самого человѣка. Ангелы и духи, подобно человѣку, одарены памятью; но еслибъ духъ сталъ говорить съ человѣкомъ по своей памяти, то человѣкъ, всѣ мысли свои въ этомъ состояніи, непремѣнно отнесъ бы къ себѣ, межъ тѣмъ какъ онѣ принадлежатъ духу: это какъ бы воспоминаніе о вещи, которой однакожъ человѣкъ никогда не слыхалъ и не видалъ; мнѣ дано было узнать по опыту, что это такъ. Вслѣдствіе этого составилось у нѣкоторыхъ людей въ древности то понятіе, что послѣ нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, они возвратятся къ своей прежней жизни, и ко всѣмъ ея дѣяніямъ, а у иныхъ, что они уже дѣйствительно возвратились; они вывели это заключеніе изъ того, что имъ иногда случалось какъ бы вспомнить о вещахъ, которыхъ они однакожъ никогда не слыхали и не видали: это про-

исходило именно вслѣдствіе вліянія духовъ, изъ собственной ихъ памяти, на мысли этихъ людей.

257. Есть также духи, которые называются природными и плотскими: когда эти духи приходятъ къ человѣку, они не соединяются съ его мыслею, какъ другіе духи, но они входятъ въ его тѣло; овладѣваютъ всѣми его чувствами, говорятъ его устами и дѣйствуютъ его членами, въ полномъ убѣжденіи, что все принадлежащее человѣку, есть ихъ собственное. Это тѣ духи, которыми человѣкъ бываетъ одержимъ; но Господь, повергнувъ ихъ въ адъ, совершенно ихъ отдалилъ, вслѣдствіе чего и одержимыхъ въ настоящее время не бываетъ.

О небесномъ письмѣ.

258. Такъ, какъ у ангеловъ есть рѣчь, и рѣчь ихъ есть рѣчь словесная, то у нихъ есть и письмо, посредствомъ котораго они точно также, какъ и рѣчью, выражаютъ свои душевныя чувства. Мнѣ случалось получать бумаги кругомъ исписанныя, изъ коихъ иныя совершенно походили на писанныя рукой, а другія на печатныя, какъ на землѣ; и я точно также могъ читать ихъ, но только не могъ извлечь изъ нихъ болѣе одной мысли или двухъ, по той причинѣ, что противно Божественному порядку, поучаться о небесахъ изъ другихъ писаній кромѣ Слова: ибо только посредствомъ его одного совершается общеніе и соединеніе небесъ съ міромъ, и слѣдовательно Господа

съ человѣкомъ. Что бумаги, писанныя на небесахъ являлись и пророкамъ, это видно у Езекіила: *И видѣхъ, и се рука простерта ко мнѣ, и въ ней свитокъ книжный; и разви его предо мною, и въ томъ писана быша предняя и задняя сторона.* Гл. II. 9. 10. И у Іоанна: *И видѣхъ въ десницѣ сидящаго на престолѣ книгу написану внутрьуду и внѣуду, запечатану седмію печатію.* Апок. Гл. V. 1.

259. Небесное письмо было предусмотрено Господомъ ради Слова. Слово въ сущности своей есть Божественная истина, отъ которой истекаетъ вся небесная мудрость, какъ для ангеловъ, такъ и для людей, ибо оно было писано по внушенію Господа (dictatum a Domino); а внушаемое Господомъ, проходитъ по порядку всѣ небеса, и оканчивается въ человѣкѣ. Вслѣдствіе этого Слово приспособлено, какъ къ мудрости ангельской, такъ и къ разумѣнію человѣческому; по этому, оно есть и у ангеловъ, и они читаютъ его какъ люди на землѣ; изъ него они почерпаютъ свои правила ученія, и оно же служитъ имъ основаніемъ для проповѣдей. Слово у нихъ тоже самое что и у насъ, но только природный смыслъ его, т. е. здѣшній буквальный, не существуетъ на небесахъ, а замѣненъ духовнымъ, т. е. внутреннимъ его смысломъ (см. сочиненіе: *О бѣломъ конѣ Апокалипсиса*“).

260. Однажды я получилъ съ небесъ бумажку, на которой было написано только нѣсколько словъ Еврейскими буквами; при этомъ мнѣ было сказано, что каждая буква полна тайнъ премудрости, и что тайны эти заключаются въ изгибахъ и наклоненіяхъ буквъ, и также въ звукахъ ихъ; изъ этого мнѣ ста-

ло ясно, что значатъ слова Господа: *Аминь бо глаголю вамъ дондеже прейдетъ небо и земля, іота едина или едина черта не прейдетъ отъ закона.* Мат. V. 18. Что Слово Божественно до малѣйщей черточки, это извѣстно и церкви; но въ чемъ именно заключается эта Божественность, оно доселѣ было неизвѣстно и потому теперь будетъ объяснено. Въ самыхъ внутреннихъ небесахъ письмо состоитъ изъ различнаго рода изогнутыхъ и кругловатыхъ черточекъ; тѣ и другія расположены по образу небесъ; посредствомъ ихъ ангелы выражаютъ тайны своей мудрости, и многое другое, что словами передать невозможно. Удивительно при этомъ, что ангелы знаютъ это письмо безъ ученія и преподаванія; оно имъ врождено какъ и самая рѣчь, см. н. 236; вотъ почему письмо это и называется небеснымъ: врождено же оно имъ потому, что всякое распространеніе мыслей и чувствъ, а за тѣмъ и всякое общеніе разумѣнія и мудрости ангельской, совершается по небесному образу, н. 201, вслѣдствіе чего и письмо ихъ согласно съ этимъ образомъ. Мнѣ было сказано, что у древнѣйшихъ жителей нашей земли, такого рода письмо существовало до изобрѣтенія буквъ, и было перенесено въ буквы Еврейскаго языка, которыя въ древнее время были всѣ округлыя (inflexae), и ни одна изъ нихъ не писалась угломъ, какъ теперь. Вотъ почему въ Словѣ, даже въ самихъ іотахъ, черточкахъ и ковычкахъ его, заключаются Божественныя вещи и небесныя тайны.

261. Такого рода письмо, изъ небеснообразныхъ начертаній, употребляется въ самыхъ внутреннихъ небесахъ, жители коихъ болѣе другихъ пребываютъ

въ мудрости; этими начертаніями они выражаютъ чувства, изъ которыхъ мысли ихъ истекаютъ и слѣдуютъ, по порядку, одна за другой, смотря по предмету, о которомъ идетъ рѣчь: вотъ почему это письмо заключаетъ въ себѣ тайны для мысли неисчерпаемыя; мнѣ и его дано было видѣть. Въ низшихъ небесахъ такого рода письма не существуетъ; письмо этихъ небесъ походитъ на буквы нашего письма, но все таки оно непонятно человѣку, потому что оно писано на ангельскомъ языкѣ, который не имѣетъ ничего общаго съ человѣческимъ, см. н. 237; и подлинно: гласными буквами небесные ангелы выражаютъ чувства свои; согласными — понятія мышленія отъ чувствъ происходящія; а словами, изъ тѣхъ и другихъ буквъ составленными — самый смыслъ вещи, см. нн. 236, 241; это письмо содержитъ въ нѣсколькихъ словахъ болѣе, чѣмъ возможно человѣку написать на нѣсколькихъ страницахъ, и я видѣлъ его. Такого рода письмомъ написано Слово у ангеловъ низшихъ небесъ; въ самыхъ же внутреннихъ небесахъ оно написано небесно-образными начертаніями.

262. Достойно замѣчанія, что письмо на небесахъ вытекаетъ изъ самыхъ мыслей ангеловъ, естественно и съ такою легкостью, какъ еслибъ мысль сама ложилась на бумагу; рука ихъ не останавливается за выборомъ какого нибудь слова, потому что слова ихъ, когда говорятъ они или пишутъ, одинаково соотвѣтствуютъ понятіямъ мысли ихъ, а всякое соотвѣтствіе по себѣ естественно и произвольно. На небесахъ есть также письмо, которое пишется безъ

пособія руки, по одному соотвѣтствію мыслей, но это письмо не остается на всегда.

263. Я видѣлъ еще такого рода небесное письмо, которое состоитъ изъ однѣхъ цифръ, расположенныхъ по порядку, совершенно какъ въ письмѣ, состоящемъ изъ буквъ и словъ; мнѣ было сказано, что это письмо исходитъ отъ самыхъ внутреннихъ небесъ, и что вышепомянутое небесное письмо (нн. 236. 241), принимаетъ видъ цифръ у ангеловъ низшихъ небесъ, когда какая нибудь мысль, истекающая изъ того письма, доходитъ до нихъ. Мнѣ было сказано, что и это цифирное письмо заключаетъ въ себѣ тайны, изъ коихъ нѣкоторыя не могутъ быть ни схвачены мыслію, ни выражены словами, ибо всѣ цифры чему либо соотвѣтствуютъ и, подобно словамъ, имѣютъ значеніе, съ тою разницею однакожъ, что цифры заключаютъ въ себѣ общія понятія, а слова частныя; а какъ одно общее понятіе заключаетъ въ себѣ безчисленное множество частныхъ, то цифирное письмо заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе тайнъ, чѣмъ буквенное. Изъ этого мнѣ стало ясно, что числа, въ Словѣ, имѣютъ свое значеніе, точно также какъ и слова (значеніе простыхъ, какъ то: 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 12; сложныхъ, какъ то: 20. 30. 50. 70. 100. 144. 1000. 10000. 12000, и многихъ другихъ, можно видѣть въ сочиненіи: *Небесныя Тайны*, въ которомъ было объ этомъ говорено). Въ этого рода письмѣ на небесахъ, всегда ставятъ на передъ число, отъ котораго всѣ, слѣдующія за нимъ по порядку, зависятъ, какъ отъ своего подлежащаго; потому что это число, какъ бы заглавіе того предмета, о которомъ идетъ рѣчь,

и уже по этому числу распредѣляются всѣ слѣдующія за нимъ, смотря по частному значенію каждаго.

264. Люди, которые ничего незнають про небеса, и которые не хотятъ составить себѣ объ нихъ другаго понятія, какъ о чистомъ воздухѣ, въ которомъ носятся ангелы, какъ отвлеченные умы (mentes intellectuales) безъ слуха и зрѣнія, не могутъ себѣ представить, чтобъ у нихъ могли быть рѣчь и письмо; эти люди допускаютъ дѣйствительное бытіе въ одномъ только вещественномъ мірѣ, межъ тѣмъ какъ все, что есть на небесахъ, существуетъ въ дѣйствительности, точно такъ, какъ и на землѣ, и у ангеловъ этихъ небесъ, есть все потребное для ихъ жизни и мудрости.

О мудрости небесныхъ ангеловъ.

265. Трудно понять какова мудрость небесныхъ ангеловъ; она до того превосходитъ человѣческую, что между ними не можетъ быть и сравненія, а мудрость, превосходящая нашу мудрость, кажется намъ вовсе невозможною. Чтобъ описать ее, необходимо привести нѣкоторыя истины, доселѣ неизвѣстныя, а все неизвѣстное является въ разумѣ какъ бы тѣнію, которая не дозволяетъ видѣть предметъ, какимъ онъ есть по себѣ. Но эти истины, однакожъ, могутъ быть узнаны, и при познаніи ихъ — поняты, лишь бы умъ наслаждался ими, ибо наслажденіе, исходя отъ любви, вноситъ съ собою и свѣтъ; а свѣтъ

этотъ, озаряя людей, которые любятъ предметы, относящіеся до Божественной и небесной мудрости, свѣтитъ имъ съ небесъ.

266. Какова мудрость ангеловъ, можно заключить изъ того, что они живутъ въ небесномъ свѣтѣ, а небесный свѣтъ, въ сущности своей, есть Божественная истина или Божественная мудрость, и свѣтъ этотъ, въ одно время, освѣщаетъ и внутреннее зрѣніе ума (mentis), и внѣшнее зрѣніе глаза (что небесный свѣтъ есть Божественная мудрость или Божественная истина, см. выше нн. 126—133.); ктому же ангелы пребываютъ и въ небесномъ теплѣ, которое, въ сущности своей, есть Божественное благо или Божественная любовь, отъ коей рождается въ ангелахъ желаніе быть мудрыми (что небесное тепло есть Божественное благо или Божественная любовь, см. выше нн. 133—140). Что ангелы одарены мудростію въ такой степени, что могутъ быть названы олицетвореніями мудрости, можно заключить это изъ того, что всѣ ихъ мысли и всѣ ихъ чувства текутъ согласно небесному образу, который есть образъ небесной мудрости; и еще изъ того, что ихъ внутреннія, мудрость пріемлющія, начала составлены по этому же образу (что мысли и чувства ангеловъ, а затѣмъ разумъ и мудрость ихъ, текутъ согласно небесному образу, см. выше нн. 201—212). Что ангелы одарены превосходящею насъ мудростію, можно это видѣть также изъ того, что ихъ рѣчь есть рѣчь мудрости, ибо она непосредственно, и сама собою, вытекаетъ изъ мысли ихъ, а мысль ихъ изъ чувства любви, такъ что рѣчь ихъ есть внѣшній образъ мысли и любви; вотъ

почему отсутствіе всего внѣшняго, отражающагося въ рѣчи человѣческой отъ вліянія посторонних мыслей, даетъ ангеламъ возможность нисколько не отвлекаться отъ Божественнаго наитія (что рѣчь ангеловъ есть рѣчь ихъ мыслей и чувствъ, см. выше нн. 234—245). Превосходству мудрости ангеловъ содѣйствуетъ и то, что всѣ предметы, которые они видятъ глазами и постигаютъ внѣшними чувствами, согласуются съ ихъ мудростію; ибо предметы эти суть соотвѣтствія, и слѣдовательно, внѣшнія изображенія всего относящагося до ихъ мудрости; (что всѣ предметы, являющіеся на небесахъ, суть соотвѣтствія внутреннихъ началъ ангеловъ, и внѣшнія изображенія ихъ мудрости, см. выше нн. 170—182). Кромѣ того мысли ангельскія не ограничены и не стѣснены, подобно мысли человѣка, понятіями о времени и пространствѣ; пространство и время принадлежатъ природѣ, а природное отвлекаетъ умъ отъ предметовъ духовныхъ, и лишаетъ зрѣніе разума своей обширности (что понятія ангеловъ отрѣшены отъ времени и пространства, и слѣдовательно, въ сравненіи съ человѣческими, безконечны, см. выше нн. 162—169, и 191—199). Прибавимъ къ этому, что мысли ангеловъ не обращаются болѣе къ земному и вещественному, и не прерываются никакими заботами о житейскихъ нуждахъ; слѣдовательно, эти предметы не отвлекаютъ ихъ отъ удовольствій мудрости, какъ это бываетъ съ мыслями людей на землѣ: ангелы все получаютъ отъ Господа даромъ, одѣянія — даромъ, помѣщеніе — даромъ, нн. 181, 190; и сверхъ того, имъ даруются удовольствія и радости, по мѣрѣ принятія ими мудрости

Господа. Все это было сказано, чтобъ было извѣстно, откуда у ангеловъ столь высокая мудрость.

267. Ангелы потому могутъ вмѣщать столь великую мудрость, что внутреннія начала ихъ раскрыты, и что мудрость, какъ и всякое совершенство, растетъ направляясь внутрь, и слѣдовательно, по мѣрѣ раскрытія внутреннихъ началъ. У каждаго ангела есть три степени жизни, которыя соотвѣтствуютъ тремъ небесамъ, смотри нн. 29—40: тѣ, у которыхъ открыта первая степень, находятся въ первыхъ или послѣднихъ небесахъ; тѣ, у которыхъ открыта третья степень, находятся въ третьихъ или самыхъ внутреннихъ небесахъ. Мудрость ангеловъ небесныхъ соотвѣтствуетъ этимъ степенямъ; по этому, мудрость ангеловъ самыхъ внутреннихъ небесъ, непомѣрно превосходитъ мудрость ангеловъ послѣднихъ небесъ, смотри выше нн. 209, 210; какія это степени, смотри н. 38. Эта разница происходитъ оттого, что мудрость высшихъ степеней заключаетъ въ себѣ частности понятій, а мудрость низшихъ степеней, общія начала, въ которыхъ частности содержатся; частности относятся къ общимъ началамъ, какъ тысячи или миріады къ единицѣ: вотъ въ какомъ отношеніи находится мудрость ангеловъ высшихъ небесъ къ мудрости ангеловъ низшихъ небесъ. Но тѣмъ не менѣе, мудрость ангеловъ низшихъ небесъ, превосходитъ въ такой же степени мудрость человѣка, ибо человѣкъ находится въ плоти и ея чувственныхъ началахъ, а плотское чувственное начало человѣка, принадлежитъ самой низшей степени. Изъ этого видно какова мудрость тѣхъ, которые мыслятъ по чувственнымъ началамъ, или людей, называемыхъ

чувственными: въ нихъ нѣтъ нисколько мудрости, а одна только наука; но этого нельзя сказать о тѣхъ людяхъ, коихъ мысли поднялись выше чувственнаго, или коихъ внутреннія начала открыты небесному свѣту.

268. Какъ велика мудрость ангеловъ, можно судить также изъ того, что на небесахъ все взаимно сообщается; разумѣніе и мудрость одного сообщаются другому. Небеса полны общенія всѣхъ благъ, ибо небесная любовь такова, что всякій хочетъ, чтобы принадлежащее ему, принадлежало и другому; вслѣдствіе этого, никто на небесахъ не считаетъ свое благо за подлинное, или настоящее, если оно въ тоже время не находится и въ другомъ: вотъ отъ чего происходитъ и небесное блаженство. Это свойство взаимнаго общенія принадлежитъ ангеламъ отъ Господа, по свойству его Божественной любви. Мнѣ дано было узнать, по опыту, о существованіи такого общенія на небесахъ: нѣсколько простыхъ духовъ были однажды взяты на небеса; вошедши туда, они усвоили себѣ и мудрость ангельскую, стали понимать то, чего прежде не понимали, и говорить то, чего въ прежнемъ своемъ состояніи, не могли бы высказать.

269. Невозможно передать на словахъ какова мудрость ангеловъ, но можно только пояснить этотъ предметъ посредствомъ нѣсколькихъ общихъ положеній: ангелы могутъ выразить однимъ словомъ то, чего человѣкъ не можетъ выразить тысячью; сверхъ того, въ каждомъ ангельскомъ словѣ, есть безчисленное множество вещей, которыя не могутъ быть выражены словами человѣческаго языка; ибо въ каждомъ ангельскомъ словѣ содержатся, въ непрерывной

связи, тайны мудрости, до которыхъ человѣческая наука никогда не достигаетъ. То чего ангелы не высказываютъ вполнѣ словами своей рѣчи, они дополняютъ звукомъ, которому присущи чувства, относящіяся до предметовъ рѣчи; какъ было сказано выше, нн. 236, 241, ангелы выражаютъ чувства любви своей посредствомъ звуковъ, а понятія мысли отъ любви происходящей, посредствомъ словъ; посему и слышанное на небесахъ называется несказаннымъ. Такимъ же образомъ ангелы могутъ въ немногихъ словахъ передать все, что написано въ цѣлой книгѣ, и придать каждому слову смыслъ, возвышающій его до внутренней мудрости; ибо рѣчь ихъ такова, что каждый звукъ ея согласуется съ чувствами, а каждое слово съ мыслію; и самыя слова ихъ безконечно разнообразятся, смотря по порядку предметовъ совокупно содержащихся въ мысли. Ангелы внутреннихъ небесъ могутъ также, по звуку и нѣсколькимъ словамъ говорящаго, узнать всю его жизнь; потому что, въ разнообразныхъ, съ мыслями согласныхъ, звукахъ словъ, они постигаютъ господствующую въ человѣкѣ любовь, въ которой какъ бы начертаны всѣ частности его жизни. Изъ этого видно какова мудрость ангеловъ: она въ сравненіи съ человѣческой, какъ миріада съ единицей; или, какъ двигательныя, безчисленныя силы всего тѣла, въ сравненіи съ происшедшимъ отъ нихъ движеніемъ, которое на видъ представляется единичнымъ; или, какъ тысячи подробностей предмета подъ отличнымъ микроскопомъ, въ сравненіи съ цѣлымъ предметомъ, едва видимымъ для простаго глаза. Мнѣ бы хотѣлось

пояснить это еще однимъ примѣромъ: ангелъ сталъ, по степени мудрости своей, описывать возрожденіе; онъ представилъ, по порядку, до сотни тайнъ, относящихся до этого предмета, и каждую тайну онъ исполнилъ понятій, въ которыхъ были еще болѣе внутреннія тайны; и онъ сдѣлалъ это отъ начала и до конца, изложивъ какимъ образомъ духовный человѣкъ снова зачинается, какъ бы носится въ утробѣ, родится, растетъ и постепенно совершается; ангелъ говорилъ, что онъ могъ бы увеличить еще многими тысячами число этихъ тайнъ; что сказанное имъ относилось только до внѣшняго человѣка, а что тайны, относящіяся до возрожденія внутренняго человѣка, гораздо многочисленнѣе. Изъ этого и другаго, тому подобнаго, что̀ я слышалъ отъ ангеловъ, мнѣ стало ясно, какъ велика ихъ мудрость, и какъ велико, въ сравненіи съ нею, невѣжество человѣка, который едва знаетъ, что́ такое возрожденіе, и не замѣчаетъ ни одной ступени его, покуда оно совершается въ немъ.

270. Теперь скажу нѣсколько словъ о мудрости ангеловъ третьихъ или самыхъ внутреннихъ небесъ, и покажу на сколько она превосходитъ мудрость ангеловъ первыхъ или послѣднихъ небесъ. Мудрость ангеловъ третьихъ или самыхъ внутреннихъ небесъ непостижима, даже для жителей послѣднихъ небесъ, потому что внутреннія начала ангеловъ третьихъ небесъ раскрыты въ третьей степени, а внутреннія начала ангеловъ первыхъ небесъ только въ первой: всякая же мудрость растетъ, восходя къ внутреннимъ началамъ, и совершенствуется, смотря по степени, въ которой они открыты; смотри

нн. 208, 267. Вслѣдствіе того, что внутреннія начала ангеловъ третьихъ или самыхъ внутреннихъ небесъ, раскрыты въ третьей степени, Божественныя истины какъ бы начертаны въ нихъ: ибо внутреннія начала третьей степени, болѣе, чѣмъ тѣже начала второй или первой степени, устроены согласно небесному образу; образъ же этотъ устроенъ по Божественной истинѣ, а слѣдовательно Божественной премудростью. Вслѣдствіе этого и Божественныя истины кажутся этимъ ангеламъ, какъ бы начертанными въ нихъ, или, какъ бы имъ врожденными и присущими; а посему, какъ только эти ангелы слышатъ подлинныя Божественныя истины, они тотчасъ признаютъ и постигаютъ ихъ, и затѣмъ, какъ бы видятъ ихъ внутри самихъ себя. Будучи такими, ангелы этихъ небесъ никогда не разсуждаютъ о Божественныхъ истинахъ и еще менѣе спорятъ о какой либо истинѣ, чтобъ дознаться истина ли это или нѣтъ? равно имъ неизвѣстно, что̀ такое значитъ вѣрить чему, или имѣть вѣру во что. Что такое вѣра говорятъ они, когда я постигаю и вижу, что это такъ? Они для поясненія уподобляютъ это тому, какъ еслибы кто, видя домъ, и всѣ принадлежности его внутри и снаружи, сталъ говорить своему товарищу, чтобъ онъ вѣрилъ въ существованіе этихъ предметовъ, и что они именно таковы, какими онъ ихъ видитъ; или еслибъ кто, видя садъ, его деревья и плоды, сталъ говорить своему товарищу, чтобъ онъ вѣрилъ, что это садъ, деревья и плоды, когда онъ и самъ ясно видитъ это своими глазами. Вотъ почему ангелы эти никогда не упоминаютъ о вѣрѣ, и не имѣютъ о

ней никакого понятія; по этой же причинѣ, они никогда не разсуждаютъ о Божественныхъ истинахъ, и еще менѣе спорятъ о какой нибудь истинѣ, чтобъ узнать такъ это или нѣтъ. Но у ангеловъ низшихъ, или первыхъ небесъ, Божественныя истины не начертаны въ ихъ внутреннихъ началахъ такимъ же образомъ, потому что у нихъ раскрыта только первая степень жизни; вслѣдствіе чего они разсуждаютъ объ этихъ истинахъ, а тѣ, кои разсуждаютъ, едва видятъ что нибудь далѣе того предмета, о которомъ судятъ, или переходятъ за предѣлы предмета только для того, чтобъ подтвердить его чѣмъ нибудь, и, подтвердивъ, говорить, что онъ дѣйствительно относится къ вѣрѣ, или что этому слѣдуетъ вѣрить. Обо всемъ этомъ я говорилъ съ ангелами, и они сказали мнѣ, что между мудростію ангеловъ третьихъ небесъ, и мудростію ангеловъ первыхъ небесъ, такая же разница, такъ между свѣтомъ и тмою; они даже сравниваютъ мудрость ангеловъ третьихъ небесъ съ великолѣпнымъ дворцемъ, который, стоя среди обширнаго сада, снабженъ всѣмъ необходимымъ для жизни, и окруженъ всякимъ великолѣпіемъ: ангелы, пребывающіе въ истинахъ мудрости, могутъ входить въ дворецъ этотъ, видѣть все находящееся въ немъ, гулять въ саду его по всѣмъ направленіямъ, и наслаждаться всѣми его красотами. Но совсѣмъ не такъ бываетъ съ тѣми, которые разсуждаютъ объ истинахъ, и еще болѣе съ тѣми, которые, не видя ихъ во свѣтѣ истины, а почерпая ихъ отъ другихъ людей, или изъ буквальнаго смысла Слова, котораго они внутренно не понимаютъ, не ме-

нѣе того спорятъ объ нихъ, требуютъ, чтобъ этимъ истинамъ ихъ вѣрили, и не допускаютъ, чтобъ ихъ послѣ того внутренно разсматривали: такіе ангелы, по словамъ первыхъ, не могутъ приблизиться даже къ первому порогу дворца мудрости, ни тѣмъ паче войти въ него, и гулять по его садамъ, ибо они, при первомъ шагѣ туда, останавливаются; межъ тѣмъ какъ ангеламъ, пребывающимъ въ настоящей истинѣ, ничего не препятствуетъ идти впередъ, не останавливаясь, потому что истины ими зримыя, ведутъ ихъ куда они хотятъ и открываютъ предъ ними пространое поле (ибо каждая истина, по пространству своему, безконечна, и въ связи со многими другими). Кромѣ того они мнѣ сказали, что мудрость ангеловъ самыхъ внутреннихъ небесъ состоитъ преимущественно въ томъ, что они усматриваютъ Божественное и небесное въ каждой вещи, и много чуднаго въ цѣломъ рядѣ предметовъ; ибо все, представляющееся глазамъ ихъ, чему нибудь соотвѣтствуетъ: напримѣръ, когда они видятъ дворцы и сады, ихъ созерцаніе (intuitio) не останавливается надъ тѣмъ, что передъ ихъ глазами, но они видятъ внутреннія начала отъ коихъ происходятъ эти предметы, и коимъ, слѣдовательно, они соотвѣтствуютъ; они представляются имъ съ полнымъ разнообразіемъ, смотря по наружному виду предметовъ; такимъ образомъ они видятъ, въ порядкѣ и связи, несчетное множество вещей, которыя доставляютъ духу ихъ столько наслажденія, что они отъ него, какъ бы внѣ себя. Что все, являющееся на небесахъ, соотвѣтствуетъ Божественнымъ началамъ, находящимся отъ Господа въ ангелахъ, см. выше нн. 170—176.

271. Ангелы третьихъ небесъ таковы, потому что они живутъ въ любви къ Господу, и что эта любовь, раскрывая внутреннія начала духа въ третьей степени, служитъ пріемникомъ всего, относящагося до мудрости. Должно однакожъ знать, что, не смотря на это, ангелы самыхъ внутреннихъ небесъ постоянно совершаются въ мудрости, но иначе, чѣмъ ангелы послѣднихъ небесъ. Ангелы самыхъ внутреннихъ небесъ не слагаютъ Божественныя истины въ память, т. е. не дѣлаютъ изъ нихъ какой нибудь науки, но, какъ скоро слышатъ ихъ, тотчасъ постигаютъ и прилагаютъ къ жизни; по этому, Божественныя истины остаются въ нихъ, какъ бы начертанными, ибо то, что такимъ образомъ передано въ жизнь, остается въ ней. Иначе это бываетъ съ ангелами послѣднихъ небесъ: они сперва слагаютъ Божественныя истины въ память, и заключаютъ ихъ въ науку; уже оттолѣ они черпаютъ ихъ, совершенствуютъ посредствомъ ихъ разумъ свой, и, безъ внутренняго постиженія подлинности этихъ истинъ, обращаютъ ихъ въ волю и жизнь; отъ этого происходитъ и относительная темнота ихъ состоянія. Достойно замѣчанія, что ангелы третьихъ небесъ, совершенствуются въ мудрости слухомъ, а не зрѣніемъ; слышанное ими въ проповѣди не входитъ въ ихъ память, но, переходя немедленно въ ихъ постиженіе и волю, становится дѣломъ ихъ жизни; межъ тѣмъ, какъ предметы, видимые глазами ангеловъ низшихъ небесъ, входятъ въ ихъ память, они объ этомъ разсуждаютъ и говорятъ: изъ этого мнѣ стало ясно, что, для первыхъ, путь слуха есть путь мудрости. Это происхо-

дитъ и отъ соотвѣтствія, ибо ухо соотвѣтствуетъ послушанію, а послушаніе принадлежитъ жизни; тогда какъ глазъ соотвѣтствуетъ разумѣнію, а разумѣніе относится къ ученію. Состояніе этихъ ангеловъ описано въ нѣсколькихъ мѣстахъ Слова; на примѣръ у Іереміи: *По днехъ онѣхъ глаголетъ Господь, дамъ законы моя въ мысли ихъ и на сердцахъ ихъ напишу я. И не научитъ кійждо ближняго своего и кійждо брата своего, глаголя: познай Господа; яко вси познаютъ мя отъ мала, даже и до великаго ихъ.* XXXI. 33. 34. И у Матѳ. *Буди же слово ваше: ей, ей; ни, ни; лишше же сею, отъ непріязни есть.* V. 37. *Лишше*, сказано *отъ непріязни,* потому что оно не отъ Господа: истины, кои присущи ангеламъ третьихъ небесъ, исходятъ отъ Господа, потому что эти ангелы живутъ въ любви къ нему; въ этихъ небесахъ, любовь къ Господу состоитъ въ томъ, чтобъ хотѣть и творить Божественную истину, ибо Божественная истина на небесахъ, есть Господь.

272. Къ выше изложеннымъ причинамъ, по которымъ ангелы способны принимать столь высокую мудрость, присоединяется и та, самая главная на небесахъ, что эти ангелы свободны отъ любви къ себѣ самимъ; ибо, на сколько кто свободенъ отъ любви къ себѣ, на столько онъ можетъ быть мудрымъ во предметахъ Божественныхъ. Эта любовь закрываетъ внутреннія начала, отверзтыя къ Господу и небесамъ, и раскрываетъ внѣшнія начала, обращая ихъ къ самому себѣ; вотъ почему всѣ тѣ, у коихъ любовь эта господствуетъ, обращаются въ потемкахъ, относительно небесъ, хотя бы и были въ свѣтѣ, относительно

всего мірскаго. Ангелы же на оборотъ: будучи свободны отъ этой любви, они обрѣтаются въ свѣтѣ мудрости; ибо небесная любовь ихъ, состоящая въ любви къ Господу и въ любви къ ближнему, раскрываетъ имъ внутреннія начала, потому собственно, что любовь эта исходитъ отъ Господа, и самъ Господь пребываетъ въ ней. О томъ, что эта любовь образуетъ небеса вообще, и въ каждомъ человѣкѣ въ особенности, см. выше нн. 13—19. Вслѣдствіе того, что небесная любовь раскрываетъ внутреннія начала, обращая ихъ къ Господу, всѣ ангелы обращаются къ нему лицемъ своимъ, н. 142, ибо въ духовномъ мірѣ, любовь обращаетъ къ себѣ внутреннія начала каждаго; а куда обращаются внутреннія начала, туда же обращается и лице, ибо лице, въ мірѣ духовномъ, составляетъ одно съ внутренними началами, коихъ оно есть внѣшній образъ: любовь, обращая къ себѣ и лице и внутреннія начала, соединяется съ ними, ибо любовь есть духовное соединеніе; поэтому же она сообщаетъ этимъ началамъ все, ей принадлежащее. Вслѣдствіе этого обращенія, а за тѣмъ соединенія и сообщенія, ангелы одарены мудростію. О томъ, что всякое соединеніе, въ мірѣ духовномъ, согласуется съ обращеніемъ лица самихъ жителей, см. выше н. 255.

273. Ангелы постоянно совершенствуются въ мудрости, но, тѣмъ не менѣе, они никогда не могутъ усовершенствоваться на столько, чтобы могло быть какое либо отношеніе между ихъ мудростью и Божественною мудростію Господа; эта мудрость безконечна, межъ тѣмъ какъ мудрость ангельская ко-

нечна, а между конечнымъ и безконечнымъ нѣтъ никакого отношенія.

274. Такъ какъ мудрость совершенствуетъ ангеловъ и составляетъ ихъ жизнь, и такъ какъ небеса съ ихъ благами наитствуютъ на каждаго, смотря по степени мудрости его, то всѣ, на небесахъ, желаютъ и ищутъ ее, подобно тому, какъ алчущій человѣкъ желаетъ и ищетъ пищи: наука, разумѣніе и мудрость составляютъ такую же духовную пищу, какъ яства — природную; и они взаимно себѣ соотвѣтствуютъ.

275. Въ однихъ и тѣхъ же небесахъ, и даже въ одномъ и томъ же небесномъ обществѣ, ангелы находятся въ различной, а не въ одинаковой степени мудрости: одаренные наибольшей мудростію, занимаютъ середину, а одаренные меньшею, расположены по степенямъ вокругъ, до самыхъ послѣднихъ предѣловъ; соразмѣрное съ разстояніемъ, начиная отъ середины, умаленіе мудрости, подобно умаленію свѣта, доходящаго до тмы, см. выше нн. 43 и 128. Въ такой же степени ангелы одарены и свѣтомъ, ибо свѣтъ небесный есть Божественная мудрость, и каждый пребываетъ въ свѣтѣ, по мѣрѣ воспринятія имъ мудрости. О небесномъ свѣтѣ и различномъ воспринятіи его, см. выше нн. 126—132.

О состояніи невинности ангеловъ на небесахъ.

276. Не многимъ въ мірѣ вѣдомо, что такое невинность и въ чемъ она состоитъ; а живущимъ во злѣ она и вовсе неизвѣстна. Хотя человѣкъ и ви-

дитъ ее иногда въ лицѣ, рѣчи и движеніяхъ, особенно у дѣтей, но все таки онъ не знаетъ, что такое невинность, ни тѣмъ болѣе, что она есть то начало въ человѣкѣ, въ которомъ сокрыты небеса; и такъ, чтобъ это стало извѣстнымъ, я скажу, по порядку, сперва о невинности дѣтства, потомъ о невинности мудрости, и наконецъ о небесномъ бытѣ (status), относительно невинности.

277. Невинность дѣтства или дѣтей, не есть настоящая невинность, потому что она у нихъ только во внѣшнемъ образѣ, а не во внутреннемъ; тѣмъ не менѣе, даже изъ этого, мы можемъ узнать какова она, потому что она просвѣчиваетъ въ ихъ лицѣ, въ ихъ движеніяхъ, въ ихъ первоначальной рѣчи, и не остается безъ вліянія на душевныя чувства окружающихъ. Но эта невинность въ дѣтяхъ внѣшняя, потому что у нихъ нѣтъ внутренняго мышленія и они еще не знаютъ, что̀ такое благо и что̀ такое зло, что такое истина, и что такое ложь — начала, изъ коихъ образуется мышленіе; по той же причинѣ у нихъ нѣтъ мудрости (prudentia), основанной на соби (proprium), нѣтъ умысла и цѣли, и слѣдовательно никакого злаго намѣренія; у нихъ нѣтъ соби отъ любви къ себѣ и къ міру; они ничего не присвоиваютъ себѣ, а все, что у нихъ есть, считаютъ за родительское; удовлетворяясь всякою малостію и бездѣлицею, которую имъ дарятъ, они полагаютъ въ этомъ все свое удовольствіе; у нихъ нѣтъ никакой заботы о пищѣ и объ одеждѣ, никакой тревоги о будущемъ; они не знаютъ міра и ничего въ немъ не ищутъ; они любятъ своихъ кормилицъ и своихъ сверстниковъ, съ

которыми невинно играютъ; они даютъ вести себя другимъ, слушаютъ ихъ и повинуются имъ; вслѣдствіе такого быта ихъ, все, чему ихъ учатъ, принимается ими въ жизнь, и вотъ откуда, безъ ихъ вѣдома, образуется у нихъ приличное обращеніе, первыя начала памяти и мышленія, и самая рѣчь ихъ; а для принятія началъ этихъ служитъ имъ средствомъ ихъ состояніе невинности; но эта невинность, какъ было сказано, внѣшняя, потому что она принадлежитъ только тѣлу, а не духу, который у нихъ еще не образовался, ибо онъ долженъ состоять изъ воли и разума, и происходящихъ оттолѣ началъ любви и мышленія. Мнѣ было сказано съ небесъ, что дѣти находятся подъ особеннымъ усмотрѣніемъ Господа; что наитіе сходитъ на нихъ съ самыхъ внутреннихъ небесъ, которымъ принадлежитъ бытъ невинности; что это наитіе проникаетъ до внутреннихъ началъ ихъ, и, проникая, исполняетъ ихъ одною невинностію; что посему невинность эта, проявляясь въ ихъ лицѣ и нѣкоторыхъ движеніяхъ, становится видимою, и что эта самая невинность, проникая родителей до глубины души, образуетъ то особенное чувство, которое называется родительскою любовію (въ латинскомъ подлинникѣ она названа: сторге, storge).

278. Невинность мудрости есть настоящая невинность, потому что она внутренняя, ибо принадлежитъ самому духу, слѣдовательно и самой волѣ, а затѣмъ и разуму; а когда воля и разумъ полны невинности, то въ нихъ есть и мудрость, ибо она пребываетъ въ нихъ; по этому и говорится на небесахъ, что невинность обитаетъ въ мудрости, и что у ангела

столько же мудрости, сколько и невинности. Ангелы подтверждаютъ это тѣмъ, что находящіеся въ состояніи невинности, нисколько не относятъ блага къ себѣ, а все ими получаемое приписываютъ Господу; что такіе ангелы хотятъ быть ведомы Господомъ, а не сами собою; что они любятъ всякое благо и наслаждаются всякою истиною, ибо знаютъ и постигаютъ, что любить благо, слѣдовательно хотѣть и творить его, значитъ любить Господа, а любить истину, значитъ любить ближняго; что они живутъ довольствуясь тѣмъ, что у нихъ есть, многимъ или малымъ, ибо знаютъ, что получаютъ все потребное, по мѣрѣ надобности: мало, кому нужно мало, много, кому нужно много; что сами они незнаютъ, что имъ полезно, а знаетъ это одинъ Господь, для провидѣнія котораго все вѣчно. По этому самому, ангелы невинности не пекутся о будущемъ; это попеченіе они называютъ заботою о завтрашнемъ днѣ, называя ее, иначе, печалью о потерѣ или неполученіи того, что безполезно для жизни и службы ея; между собой они никогда не поступаютъ изъ худыхъ цѣлей, но всегда по стремленіямъ къ благу, правдѣ и искренности; дѣйствовать изъ худыхъ цѣлей, они называютъ это коварствомъ, отъ котораго они бѣгутъ, какъ отъ змѣинаго яду, ибо коварство совершенно противуположно невинности. Такъ какъ они всего болѣе любятъ, чтобы ихъ велъ самъ Господь, и все ими полученное относятъ къ нему, то они далеки отъ своей соби и, помѣрѣ отдаленія отъ нея, пріемлютъ наитіе Господне; по сему, все слышанное ими отъ Господа, посредствомъ Слова или посредствомъ проповѣди, они не слагаютъ въ память, но

тотчасъ этого слушаются, т. е. тотчасъ же хотятъ это и дѣлаютъ; для нихъ память есть воля; по внѣшнему обращенію своему, они большею частію кажутся простыми, но внутри полны мудрости и осторожности; ихъ разумѣлъ Господь, говоря: *Будите мудры, яко зміи и цѣлы (незлобивы) яко голубіе.* Матѳ. X. 16; — такая невинность называется невинностію мудрости. Такъ какъ невинность нисколько блага не приписываетъ себѣ, а все относитъ къ Господу, любитъ быть ведомой Господомъ, и посему пріемлетъ всякое благо и всякую истину изъ коихъ образуется мудрость, то человѣкъ и созданъ такимъ образомъ, чтобы ребенкомъ онъ находился въ невинности внѣшней, а, становясь старцемъ, въ невинности внутренней, такъ, чтобъ онъ отъ первой могъ перейти ко второй, а отъ второй могъ возвратиться къ первой; по этому самому, у человѣка, въ старости, тѣло убываетъ, и онъ снова становится какъ бы ребенкомъ, но ребенкомъ мудрымъ, т. е. ангеломъ, ибо ангелъ, въ высшемъ смыслѣ, есть мудрое дитя. Вотъ почему дитя въ Словѣ означаетъ невинность, а старецъ, мудреца полнаго невинности.

279. Тоже самое случается и съ каждымъ человѣкомъ, который возраждается. Возрожденіе есть вторичное рожденье, относительно духовнаго человѣка. Человѣкъ этотъ сначала приходитъ въ состояніе дѣтской невинности, заключающееся въ томъ признаніи, что онъ нисколько не можетъ познать истины, ни творитъ блага отъ себя, но однимъ только Господомъ, и въ томъ, что онъ ищетъ и желаетъ истины и блага, изъ той единственно цѣли, что это истина

и благо. И то и другое дается ему Господомъ вмѣстѣ съ годами; сперва онъ приводится къ познанію (scientia) началъ истины и блага, затѣмъ отъ знанія къ разумѣнію, и наконецъ отъ разумѣнія къ мудрости, сопровождаясь во все это время невинностью, которая, какъ выше было сказано, состоитъ въ томъ признаніи, что человѣкъ нисколько не можетъ познать истины, ни творить блага отъ себя, но только Господомъ; безъ этой вѣры и ея постиженія, никто не можетъ принять что либо съ небесъ; въ этомъ именно заключается невинность мудрости.

280. Такъ какъ невинность состоитъ въ томъ, чтобы предавается руководству Господа, а не своему собственному, то изъ этого слѣдуетъ, что всѣ, живущіе на небесахъ, находятся въ невинности; ибо всѣ, живущіе тамъ, любятъ, чтобъ ихъ велъ Господь, зная, что вести себя самому, значитъ быть ведому собьою; что собь состоитъ въ томъ, чтобъ любить самого себя, а кто себя самого любитъ, тотъ не терпитъ, чтобъ его велъ другой; что, посему, на сколько ангелъ обрѣтается въ невинности, на столько онъ и въ небесахъ, т. е. на столько же онъ обрѣтается въ Божественномъ благѣ и въ Божественной истинѣ, потому что обрѣтаться въ этомъ благѣ и въ этой истинѣ, значитъ быть на небесахъ. Вслѣдствіе этого и небеса различаются по невинности: ангелы первыхъ или послѣднихъ небесъ обрѣтаются въ невинности первой или послѣдней степени; ангелы вторыхъ или среднихъ небесъ обрѣтаются въ невинности второй или средней степени; ангелы же самыхъ внутреннихъ или третьихъ небесъ обрѣтаются въ невинности третьей

или самой внутренней степени. Объ этихъ послѣднихъ можно сказать, что они суть воплощеніе самой невинности на небесахъ, ибо, преимущественно предъ другими, они любятъ, чтобъ ихъ велъ Господь, какъ отецъ дѣтей своихъ; вотъ почему также, они тотчасъ принимаютъ волей, исполняютъ, и такимъ образомъ переносятъ въ жизнь, тѣ Божественныя истины, которыя они слышатъ или непосредственно отъ Господа, или посредствомъ Слова и проповѣдей; вотъ почему и мудрость ихъ такъ высока въ сравненіи съ ангелами низшихъ небесъ, см. нн. 270 и 271. Вслѣдствіе такихъ свойствъ своихъ, ангелы эти всѣхъ ближе къ Господу, отъ коего они получаютъ невинность свою; при этомъ они до того далеки отъ соби своей, что, почти можно сказать, живутъ въ Господѣ; по внѣшнему виду своему, они кажутся простыми и на глаза ангеловъ нижнихъ небесъ — дѣтьми, слѣдовательно какъ бы маленькими: по видимому, они кажутся не очень мудрыми, межъ тѣмъ, какъ они самые мудрые изъ ангеловъ небесныхъ, ибо они знаютъ, что по себѣ они нисколько не мудры, и что мудрость состоитъ въ томъ, чтобъ сознавать это; они вѣдаютъ, что все ихъ знаніе есть какъ бы ничто, въ сравненіи съ тѣмъ, чего незнаютъ; они говорятъ, что знать, сознавать и постигать это, есть первый шагъ къ мудрости. Ангелы эти нагіе, потому что нагота соотвѣтствуетъ невинности.

281. Я много разъ говорилъ съ ангелами о невинности, и узналъ отъ нихъ, что невинность есть самая суть всякаго блага; что, затѣмъ, благо есть благо, на сколько въ немъ есть невинности, и что слѣ-

довательно, мудрость есть мудрость, на сколько она заимствуетъ начало свое отъ невинности; что тоже самое слѣдуетъ сказать о любви, благостынѣ и вѣрѣ; что посему, никто не можетъ войти въ небеса, если въ немъ нѣтъ невинности, какъ это и разумѣется въ словахъ Господа: *Оставите дѣтей приходити ко мнѣ и не браните имъ, тацѣхъ бо есть царствіе Божіе. Аминь, глаголю вамъ, иже аще не пріиметъ царствія Божія отъ отроча, не иматъ внити въ не.* Марк. X. 14. 15. Лук. XVIII. 16. 17; — тутъ подъ дѣтьми, и отроками, какъ и въ другихъ мѣстахъ Слова, рамѣются невинные; состояніе невинности еще описано Господомъ у Матѳ. VI. 25. 28, посредствомъ однихъ соотвѣтствій: если, такимъ образомъ, благо есть благо, только по мѣрѣ заключающейся въ немъ невинности, то это вслѣдствіе того, что всякое благо исходитъ отъ Господа, и что невинность состоитъ въ томъ, чтобъ хотѣть быть ведому Господомъ. Я также узналъ отъ ангеловъ, что истина не можетъ соединяться съ благомъ, ни благо съ истиной, иначе какъ посредствомъ невинности; поэтому и ангелъ не есть ангелъ небесный, если въ немъ нѣтъ невинности, ибо небеса не могутъ быть въ комъ нибудь, до соединенія въ немъ истины съ благомъ; вслѣдствіе того и сочетаніе истины съ благомъ называется небеснымъ бракомъ, а небесный бракъ есть то, что называется небесами. Я узналъ таже, что истинно супружеская любовь получаетъ бытіе свое отъ невинности, т. е. сочетанія истины и блага: когда это сочетаніе, въ коемъ участвуютъ двѣ души (mentes), т. е. душа жены и душа мужа, переходитъ въ низшую сферу

(въ подлинникѣ одно слово, descendit), тогда оно принимаетъ видъ супружеской любви; ибо супруги, какъ и души (mentes) ихъ, взаимно любятъ себя. Вотъ почему въ супружеской любви есть игры, подобныя играмъ дѣтства и невинности.

282. Такъ какъ невинность есть самая суть блага небесныхъ ангеловъ, то очевидно, что Божественное благо, исходящее отъ Господа есть самая невинность; ибо это самое благо, наитствуя на ангеловъ, и проникая до самыхъ внутреннихъ началъ ихъ, располагаетъ и приспособляетъ ихъ къ принятію всякаго небеснаго блага. Тоже самое бываетъ и съ дѣтьми: ихъ внутреннія начала, не только образуются наитіемъ невинности, исходящей отъ Господа, но и непрестанно располагаются и приспособляются къ принятію блага небесной любви; потому что благо невинности, какъ самая сутъ всякаго блага, дѣйствуетъ чрезъ самое внутреннее въ человѣкѣ начало. Изъ этого можно видѣть, что всякая невинность исходитъ отъ Господа; поэтому и Господь въ Словѣ названъ агнцемъ, ибо агнецъ означаетъ невинность. Такъ какъ невинность есть самое внутреннее начало всякаго блага на небесахъ, то она съ такою силою дѣйствуетъ на душу, что тому, кто чувствуетъ ее въ себѣ — что случается при приближеніи ангела самыхъ внутреннихъ небесъ, — кажется что онъ не можетъ болѣе владѣть собою, и что радость, которою онъ тогда проникнутъ и восторгается, такъ велика, что, въ сравненіи съ нею, всякая радость земная кажется ничтожною. Я говорю такъ по опыту.

283. Всѣ живущіе во благѣ невинности, прони-

кнуты ею, и на сколько кто пребываетъ въ этомъ благѣ, на столько онъ и проникнутъ ею; тѣ же, напротивъ, которые не живутъ во благѣ невинности нисколько не проникнуты ею. Вотъ почему всѣ жители ада совершенно противуположны невинности; они и не знаютъ, что такое невинность, и даже таковы, что, чѣмъ болѣе кто невиненъ, тѣмъ болѣе они горятъ страстію сдѣлать ему зло; поэтому самому, они не могутъ выносить присутствіе дѣтей, и какъ только видятъ ихъ, въ нихъ раждается звѣрское желаніе вредить имъ. Изъ этого ясно, что собь человѣка, а затѣмъ любовь его къ себѣ, противны невинности, ибо всѣ жители ада погружены въ свою собь, и затѣмъ въ любовь къ себѣ.

О состояніи мира на небесахъ.

284. Кому не вѣдомо состояніе небеснаго мира, тотъ не можетъ постичь, что такое тотъ миръ, въ которомъ пребываютъ ангелы. Покуда человѣкъ живетъ въ тѣлѣ, онъ не можетъ стать пріемникомъ небеснаго мира, ни слѣдовательно постичь его, потому что постиженіе его остается въ области природнаго человѣка; чтобъ постичь ему небесный миръ, онъ долженъ, мысленно, вознестись и отрѣшиться отъ тѣла, быть въ духѣ и находиться тогда съ ангелами. Такъ какъ я такимъ путемъ могъ постичь, что̀ такое небесный миръ, то я могу описать его, но однакожъ, не относительно самой сущности его, потому что нѣтъ словъ человѣческихъ для передачи такихъ понятій,

а только сравнительно съ тѣмъ спокойствіемъ духа, которое свойственно людямъ живущимъ въ Богѣ (qui contenti sunt in Deo).

285. Есть два самыхъ внутреннихъ небесныхъ начала: невинность и миръ; они названы самыми внутренними, потому что они непосредственно исходятъ отъ Господа. Отъ невинности исходитъ всякое небесное благо; отъ мира же всякое удовольствіе блага. Во всякомъ благѣ есть свое удовольствіе; и то и другое, т. е. какъ благо, такъ и удовольствіе, принадлежитъ любви, ибо то, что любишь, называешь благомъ, и чувствуешь, какъ удовольствіе: изъ этого слѣдуетъ, что эти самыя внутреннія начала, т. е. невинность и миръ, исходятъ отъ Божественной любви Господней, и проникаютъ чувства ангеловъ въ самомъ внутреннемъ его началѣ. Что невинность есть самое внутреннее начало блага, это видно изъ предшествующей главы, гдѣ была рѣчь о состояніи невинности небесныхъ ангеловъ; но, что миръ, есть самое внутреннее начало удовольствія, происходящаго отъ блага невинности, это будетъ пояснено теперь.

286. Прежде всего будетъ сказано, откуда происходитъ миръ. Божественный миръ пребываетъ въ Господѣ, получая бытіе свое отъ единенія (unio) въ Господѣ Божественнаго естества съ Божественной человѣчностію; Божественное же начало мира, на небесахъ, исходитъ отъ Господа, и получаетъ бытіе свое отъ соединенія Господа съ небесными ангелами, а въ частности, отъ соединенія блага и истины въ каждомъ изъ нихъ: вотъ начальное происхожденіе мира. Изъ этого видно, что миръ, на небесахъ, есть Боже-

ственное начало, которое внутреннимъ путемъ, исполняетъ всякое небесное благо блаженствомъ; что слѣдовательно, блаженство есть источникъ всякой небесной радости; и что оно, въ сущности своей, есть Божественная радость Божественной любви Господней, происходящей отъ его соединенія съ небесами и съ каждымъ ихъ жителемъ. Эта радость, постигаемая Господомъ въ ангелахъ, и ангелами отъ Господа — есть миръ; оттолѣ проистекаетъ для ангеловъ всякое блаженство, удовольствіе и счастіе, или то, что называется небесною радостію.

287. Будучи, такимъ образомъ, первымъ источникомъ мира, Господь названъ княземъ мира, и самъ онъ говоритъ, что миръ исходитъ отъ него и въ немъ пребываетъ; посему также и ангелы называются ангелами мира, а небеса обителью мира, какъ напримѣръ въ слѣдующихъ изреченіяхъ: *Отроча родися намъ, сынъ дадеся намъ, его же начальство бысть на рамѣ его и нарицается имя его, велика совѣта ангелъ, чуденъ совѣтникъ, Богъ крѣпкій, властелинъ, князь мира, отецъ будущаго вѣка. И веліе начальство его, и мира его нѣсть предѣла.* Ис. IX. 5. 6. *Миръ оставляю вамъ, миръ свой даю вамъ; не якоже міръ даетъ, азъ даю вамъ.* Іоан. XIV. 27. *Сія глаголахъ вамъ, да во мнѣ миръ имате.* XVI. 33. *Да воздвигнетъ Господь лице свое на тя, и дастъ ти миръ.* Числ. VI. 26. *И будутъ дѣла правды миръ и вселятся люди его въ градѣ мира.* Ис. XXXII. 17. 18. Что въ Священномъ Писаніи подъ словомъ миръ, разумѣется миръ Божественный и небесный, можно это видѣть также изъ другихъ изреченій, въ коихъ находится это слово;

такъ, у Исаіи: LII. 7; LIV. 10; LIX. 8; Іерем. XVI. 5; XXV. 37; XXIX. 11; Агея. II. 9; Захар. VIII. 12; Псал. XXXVII. 37; и въ другихъ мѣстахъ. Такъ какъ миръ означаетъ Господа и небеса, также небесную радость, и удовольствіе, происходящее отъ блага, то вотъ откуда образовался въ древности, сохранившійся и понынѣ обычай, говорить, привѣтствуя: *миръ вамъ;* этотъ обычай еще болѣе упрочился вслѣдствіе словъ Господнихъ ученикамъ: *Въ онъ же аще домъ внидете первѣе глаголите: миръ дому сему! И аще убо будетъ ту сынъ мира, почіетъ на немъ миръ вашъ.* Лук. X. 5. 6. Подобнымъ образомъ и самъ Господь, явясь апостоламъ, сказалъ имъ: *миръ вамъ!* Іоан. XX. 19. 21. 26. Это же состояніе мира разумѣется, когда говорится въ Словѣ, что Господь *обонялъ воню благоуханія (мира)*, см. Исх. гл. XXIX. 18. 25. 41. Левит. I. 9. 13. 17; II. 2. 9; VI. 8 14; XXIII. 12. 13. 18. Числ. XV. 3. 7. 13; XXVIII. 6. 8. 13; XXIX. 2. 6. 8. 13. 36; воня благоуханія (мира) означаетъ, въ небесномъ смыслѣ, постиженіе мира. Такъ какъ миръ означаетъ единеніе въ Господѣ самого Божественнаго начала съ его Божественной человѣчностію, и соединеніе Господа съ небесами и церковью, а равно съ тѣми, кои на небесахъ и въ церкви пріемлютъ его, то въ воспоминаніе сего была учреждена суббота, названная такъ отъ слова миръ или покой, и служившая самымъ святымъ прообразованіемъ церкви; вотъ почему и Господь назвалъ себя Господиномъ субботы. Матѳ. XII. 8; Марк. II. 27. 28; Лук. VI. 5.

288. Такъ какъ небесный миръ есть Божественное начало, внутренно исполняющее блажен-

ствомъ благо, находящееся въ ангелахъ, то миръ этотъ не иначе ими явственно постигается, какъ въ сердечномъ удовольствіи отъ жизни во благѣ, и въ томъ наслажденіи, когда они слышатъ истину согласную съ ихъ благомъ; также и въ той душевной веселости, которую они чувствуютъ, когда постигаютъ такое соединеніе истины съ благомъ: вмѣстѣ съ тѣмъ миръ этотъ наполняетъ всѣ дѣйствія и всѣ помыслы ихъ жизни, и проявляется въ ихъ радости, даже наружнымъ образомъ. Но, относительно качества и количества, миръ на небесахъ различается, смотря по невинности ихъ жителей, потому что миръ и невинность идутъ рядомъ; ибо, какъ было сказано выше, отъ невинности исходитъ всякое небесное благо, а отъ мира, всякое удовольствіе этого блага. Изъ этого видно, что сказанное выше о состояніи невинности на небесахъ, можетъ быть также сказано и здѣсь о состояніи мира, потому что невинность и миръ соединены между собою, какъ благо и его удовольствіе, ибо благо чувствуется по его удовольствію, а удовольствіе познается по его благу; вслѣдствіе чего ясно, что ангелы самыхъ внутреннихъ или третьихъ небесъ, пребываютъ въ третьей или самой внутренней степени мира, ибо они находятся въ третьей или самой внутренней степени невинности; а что ангелы низшихъ небесъ, пребываютъ въ меньшей степени мира, ибо они находятся и въ меньшей степени невинности, см. выше н. 280. Что невинность и миръ нераздѣльны, какъ благо и его удовольствіе, это видно въ дѣтяхъ, которые, пребывая въ невинности, пребываютъ и въ мирѣ, отчего всѣ ихъ мысли и дѣйствія

полны игривости; но этотъ миръ въ дѣтяхъ, есть миръ внѣшній: миръ внутренній, какъ и внутренняя невинность, принадлежитъ одной мудрости, а если мудрости, то и соединенію блага съ истиной, ибо мудрость происходитъ отъ этого соединенія. Небесный или ангельскій миръ свойственъ также и людямъ, которые находятся въ мудрости отъ соединенія въ нихъ истины съ благомъ, и которые, вслѣдствіе того, чувствуютъ себя довольными въ Богѣ (contenti in Deo); но покуда они живутъ на землѣ, миръ ихъ сокрытъ во внутреннихъ началахъ ихъ, и обнаруживается уже только тогда, когда они покидаютъ тѣло и восходятъ на небеса, ибо тогда внутреннія начала ихъ раскрываются.

289. Такъ какъ Божественный миръ происходитъ отъ соединенія Господа съ небесами, а въ частности, въ каждомъ ангелѣ, отъ соединенія въ немъ блага съ истиной, то ангелы находятся въ состояніи мира, когда находятся въ состояніи любви, ибо тогда въ нихъ благо соединено съ истиной; о томъ, что состоянія ангеловъ смѣняются одно другимъ, см. нн. 154—160. Тоже самое случается и съ человѣкомъ, когда онъ возрождается; когда въ немъ совершается соединеніе блага съ истиной, что особенно бываетъ послѣ искушеній, тогда онъ приходитъ въ состояніе удовольствія, происходящее отъ небеснаго мира. Миръ этотъ можно сравнить съ утромъ или зарею, во время весны, когда по прошествіи ночи и съ восходомъ солнца, всѣ земныя произведенія снова оживаютъ, и запахъ растительности освѣжается росою, падшею съ небесъ; когда вешній воздухъ растворяетъ землю

плодородіемъ, а душу человѣческую отрадою; это дѣлается потому, что вешнее утро или заря, соотвѣтствуетъ состоянію мира небесныхъ ангеловъ, см. н. 155.

290. Говоря съ ангелами о мирѣ, я при этомъ сказалъ имъ, что на землѣ называютъ миромъ, когда между государствами прекращаются войны и враждебныя дѣйствія, или ссоры и распри между людьми; что внутренній миръ полагаютъ въ спокойствіи духа по удаленіи заботъ, а главное, въ отдыхѣ и удовольствіи послѣ удачи въ дѣлахъ. На это ангелы отвѣчали мнѣ, что отдыхъ, спокойствіе и удовольствіе, по удаленіи заботъ, и удача въ дѣлахъ, хотя и кажутся принадлежностями мира, но въ дѣйствительности могутъ быть такими, только въ тѣхъ людяхъ, которые живутъ въ небесномъ благѣ: миръ пребываетъ только въ этомъ благѣ; ибо онъ сходитъ наитіемъ отъ Господа въ самыя внутреннія начала ангеловъ, и уже оттолѣ спускается и переходитъ въ ихъ низшія начала, проявляясь тутъ въ умственномъ отдыхѣ, въ спокойствіи духа, и происходящей оттого радости. Но у тѣхъ, которые живутъ во злѣ, мира нѣтъ; правда, бываетъ у нихъ, послѣ удачи въ дѣлахъ, нѣчто походящее на отдыхъ, спокойствіе и удовольствіе, но это одно внѣшнее, въ которомъ нѣтъ нисколько внутренняго мира; потому что внутренность ихъ горитъ враждою, ненавистію, местію, жестокостію и многими другими злыми страстями, которымъ предается духъ ихъ, доходя даже до неистовства, если кто имъ не потакаетъ, или не обуздываетъ ихъ страхомъ. Такимъ образомъ, удовольствіе этихъ людей состоитъ въ безу-

міи, тогда какъ, у живущихъ въ благѣ, оно состоитъ въ мудрости; между тѣми и другими та же разница, что между адомъ и небесами.

О соединеніи небесъ съ родомъ человѣческимъ.

291. Людямъ церкви извѣстно, что всякое благо исходитъ отъ Господа, а нисколько не отъ человѣка, и что, слѣдовательно, никто не долженъ приписывать себѣ, хотя сколько нибудь блага; извѣстно также, что зло отъ діавола; посему люди, согласно ученію церкви, отзываются о тѣхъ, которые живутъ хорошо, которые говорятъ и проповѣдуютъ съ благочестіемъ, что ихъ наставляетъ Богъ, отзываясь въ противномъ смыслѣ о тѣхъ, которые живутъ худо и говорятъ нечестиво: этого бы не могло быть, еслибъ человѣкъ не соединялся съ адомъ и не соединялся съ небесами, и еслибъ это соединеніе было отдѣльно отъ его воли и его разума, съ полнымъ участіемъ которыхъ, тѣло его движется и уста его говорятъ. Теперь будетъ сказано, въ чемъ состоитъ это соединеніе.

292. При каждомъ человѣкѣ есть добрые духи и злые; посредствомъ добрыхъ духовъ человѣкъ соединяется съ небесами, а посредствомъ злыхъ съ адомъ: эти духи находятся въ мірѣ духовъ, коего мѣсто между небесами и адомъ; объ этомъ мірѣ будетъ говорено съ бо̀льшею подробностію впослѣдствіи. Когда эти духи приходятъ къ человѣку, они входятъ во всю его память и, за тѣмъ, во все его мышленіе; злые духи входятъ въ тѣ принадлежности его памяти и

мышленія, которыя относятся ко злу, а добрые духи въ тѣ принадлежности, которыя относятся къ добру. Духи нисколько не знаютъ, что они находятся при человѣкѣ, но когда они у него, они думаютъ, что все, находящееся въ его памяти и мысли, принадлежитъ имъ; самого же человѣка они не видятъ, потому что предметы, видимые въ свѣтѣ нашего солнца, сокрыты отъ ихъ зрѣнія. Величайшая забота прилагается Господомъ о томъ, чтобъ духи незнали, что они находятся при человѣкѣ: еслибъ они это знали, то стали бы говорить съ нимъ, и тогда злые духи погубили бы его; потому что злые духи, по соединенію съ адомъ, ничего большаго не желаютъ, какъ погубить человѣка, не только относительно души, т. е. вѣры и любви, но и относительно тѣла. Иное дѣло, когда они не говорятъ съ человѣкомъ: тогда они не знаютъ, что они отъ него заимствуютъ и мысли свои и предметъ своихъ разговоровъ, находясь въ томъ убѣжденіи, что это ихъ собственное, а каждый уважаетъ и любитъ то, что̀ называетъ своимъ. Такимъ образомъ, духамъ приходится уважатъ и любить человѣка, даже не вѣдая того. Что такое соединеніе духовъ съ человѣкомъ дѣйствительно существуетъ, это мнѣ до того извѣстно изъ непрерывнаго опыта многихъ лѣтъ, что болѣе достовѣрнаго я ничего не знаю.

293. Духи сообщающіеся съ адомъ, присоединяются къ человѣку, по той причинѣ, что человѣкъ раждается во злѣ всякаго рода, и что первоначальная жизнь его преисполнена зла; еслибъ духи, подобные ему самому, не присоединялись къ нему, то онъ

не могъ бы жить, и не могъ бы даже удерживаться отъ своего зла и возраждаться; по этому, собственная жизнь его поддерживается въ немъ злыми духами, а добрыми духами онъ удерживается отъ нея. Вслѣдствіе дѣйствія тѣхъ и другихъ, онъ находится въ равновѣсіи, и это равновѣсіе даетъ ему свободу, т. е. онъ можетъ отклоняться отъ зла и склоняться къ благу, и благо можетъ водвориться въ немъ, что никакъ не могло бы статься, еслибъ онъ небылъ свободенъ; свободнымъ же онъ не можетъ быть, если духи не дѣйствуютъ на него съ одной стороны изъ аду, а съ другой съ небесъ, и если самъ онъ не находится посрединѣ. Мнѣ было также показано, что жизнь человѣка, на сколько она въ немъ по наслѣдству и отъ себя самого, была бы ничто (nulla), еслибъ ему не дозволено было быть во злѣ, и еслибъ онъ не былъ свободенъ; что нельзя принудить человѣка къ добру, и что сдѣланное по принужденію, не остается; но что добро, которое человѣкъ дѣлаетъ въ свободномъ состояніи, водворяется въ его волѣ и становится какъ бы его собственнымъ, и что по этимъ то причинамъ, человѣкъ сообщается и съ адомъ и съ небесами.

294. Я скажу также въ чемъ состоитъ сообщеніе небесъ съ добрыми духами, и сообщеніе ада со злыми, и затѣмъ, въ чемъ состоитъ соединеніе небесъ и ада съ человѣкомъ. Всѣ духи, находящіеся въ мірѣ духовъ, сообщаются, или съ небесами, или съ адомъ; злые духи съ адомъ, а добрые съ небесами. Всѣ небеса состоятъ изъ обществъ, адъ также; каждый духъ принадлежитъ къ какому либо обществу и жи-

ветъ его наитіемъ, дѣйствуя, такимъ образомъ, за одно съ этимъ обществомъ: вотъ почему человѣкъ, соединяясь съ духами, соединяется также съ небесами или адомъ, и даже съ тѣмъ обществомъ небесъ или ада, въ которомъ онъ находится, по своему чувству или по своей любви; ибо, какъ извѣстно, всѣ небесныя общества раздѣляются, смотря по любви ко благу и истинѣ, а всѣ общества въ аду, смотря по любви ко злу и лжи; о небесныхъ обществахъ, см. выше нн. 41—45, и нн. 148—151.

295. Человѣку присоединяются такіе духи, каковъ онъ самъ относительно чувствъ своихъ или любви; но добрые духи присоединяются къ нему Господомъ, межъ тѣмъ какъ злые духи привлекаются самимъ человѣкомъ. Духи, находящіеся при человѣкѣ, мѣняются, смотря по измѣненію его чувствъ, вслѣдствіе чего въ дѣтствѣ, не тѣ духи при немъ, что въ отрочествѣ, и въ юности, не тѣ духи, что въ мужествѣ или въ старости: въ первомъ возрастѣ дѣтства, при немъ находятся духи полные невинности, которые, слѣдовательно, сообщаются съ небесами невинности, т. е. съ третьими или самыми внутренними небесами; во второмъ возрастѣ дѣтства или отрочествѣ, при немъ духи, коимъ свойственна любовь къ познанію, и которые, слѣдовательно, сообщаются съ послѣдними или первыми небесами; въ юношествѣ и мужествѣ, при немъ духи, которые, по любви своей къ истинѣ и благу, живутъ въ разумѣніи, и затѣмъ сообщаются съ средними или вторыми небесами; наконецъ въ старости, при немъ находятся духи, полные мудрости и невинности, которые, слѣдовательно,

сообщаются съ самыми внутренними или третьими небесами. Такое присоединеніе, однакожъ, совершается Господомъ только относительно тѣхъ, которые могутъ преобразоваться или возродиться; съ тѣми же, которые не могутъ ни преобразоваться, ни возродиться, бываетъ иначе: къ нимъ также присоединяются добрые духи, чтобъ они, сколь возможно, удерживались ими отъ зла, но непосредственное ихъ соединеніе со злыми духами, сообщающимися съ адомъ, и эти духи такіе, какъ самъ человѣкъ. Если, напримѣръ, люди преданы любви къ себѣ, корысти, мстительности, или прелюбодѣянію, то при нихъ и духи съ подобными свойствами, и духи эти, такъ сказать, обитаютъ въ недобрыхъ чувствахъ человѣка; чѣмъ менѣе добрые духи могутъ удержать его отъ зла, тѣмъ болѣе злые духи разжигаютъ его, и чѣмъ болѣе ихъ страсти царствуютъ въ немъ, тѣмъ болѣе они привязываются къ нему и не отступаютъ отъ него. Такимъ то образомъ, злой человѣкъ соединяется съ адомъ, а добрый съ небесами.

296. Человѣкъ потому управляется Господомъ посредствомъ духовъ, что онъ вышелъ изъ небеснаго порядка, ибо раждается въ адскомъ злѣ, слѣдовательно совершенно противно Божественному порядку, и возвратиться къ нему онъ можетъ не иначе, какъ черезъ постороннее посредіе, для котораго именно и служатъ духи; этого бы не было, еслибъ человѣкъ раждался въ благѣ, и согласно Божественному порядку: тогда человѣкъ не управлялся бы Господомъ чрезъ посредство духовъ, но посредствомъ самого порядка, т. е. общимъ наитіемъ. Этимъ наитіемъ человѣкъ управ-

ляется относительно того, что переходитъ изъ мысли и воли его въ дѣло, т. е. относительно словъ и дѣйствій; ибо тѣ и другія слѣдуютъ законамъ естественнаго или природнаго (naturalis) порядка, въ отличіе отъ духовнаго, вслѣдствіе чего духи, присоединенные къ человѣку не имѣютъ съ ними ничего общаго. Тѣмъ же общимъ наитіемъ (вліяніемъ) изъ духовнаго міра, управляются и животныя, потому что они не вышли изъ порядка своей жизни, и не могли ни извратить, ни разушить его, за неимѣніемъ разсудка. Относительно разницы, существующей между человѣкомъ и животными, см. выше н. 39.

297. Что же касается до соединенія небесъ съ родомъ человѣческимъ, то самъ Господь, согласно небесному порядку, наитствуетъ на каждаго человѣка, какъ на самыя внутреннія, такъ и на послѣднія, внѣшнія въ немъ начала, располагая его такимъ образомъ къ принятію небесъ, и управляя послѣдними въ немъ началами посредствомъ самыхъ внутреннихъ; и въ тоже время самыми внутренними, посредствомъ послѣднихъ, содержа черезъ это въ связи все принадлежащее человѣку, до самыхъ малѣйшихъ частностей. Это наитіе Господне называется наитіемъ непосредственнымъ, а то, которое совершается черезъ духовъ — наитіемъ посредственнымъ, и получаетъ начало свое (subsistit) отъ перваго. Непосредственное наитіе, т. е. принадлежащее самому Господу, исходитъ отъ его Божественной человѣчности, проникаетъ волю человѣка, а чрезъ волю и разумъ его, нисходя такимъ образомъ въ благо его, а чрезъ благо въ истину; или, что тоже, въ любовь его, а чрезъ любовь въ его

вѣру, но не обратно; ни, тѣмъ болѣе, въ вѣру безъ любви, или въ истину безъ блага, или въ разумъ, который не исходитъ отъ воли. Это Божественное наитіе непрестанно, и только добрыми людьми пріемлется въ благо; дурными же оно или отвергнуто, или подавлено, или искажено, вслѣдствіе чего и жизнь ихъ во злѣ, что въ духовномъ смыслѣ равняется смерти.

298. Духи находящіеся при человѣкѣ, какъ соединяющіеся съ небесами, такъ и соединяющіеся съ адомъ, никогда не вліяютъ на человѣка своею памятью и мыслями, потому что при вліяніи ихъ собственной мысли, человѣкъ былъ бы убѣжденъ, что принадлежащее имъ, есть его собственное, см. выше н. 256; тѣмъ не менѣе, однакожъ, черезъ духовъ этихъ, зарождается въ человѣкѣ, по наитію съ небесъ, всякое чувство, относящееся до любви къ благу и истинѣ, и по наитію изъ аду, всякое чувство, относящееся до любви ко злу и лжи: такимъ образомъ, на сколько чувство человѣка согласуется съ наитіемъ, на столько оно принимается имъ въ мысль, ибо внутренняя мысль человѣка совершенно согласна съ его чувствомъ или любовью; на сколько же чувство его не согласуется, на столько и наитіе не пріемлется. И такъ, если не мысль внушается человѣку духами, а только любовь или расположеніе ко благу или злу, то очевидно, что человѣку предоставленъ выборъ; что онъ свободенъ и можетъ, размышляя, принять добро и отвергнуть зло, зная изъ Слова, что̀ такое добро и что̀ такое зло: то, что человѣкъ принимаетъ мыслію по любви, усвояется имъ, но то, что онъ не принимаетъ, не усвояется имъ. Изъ этого видно каково

въ человѣкѣ наитіе блага съ небесъ, и наитіе зла изъ ада.

299. Мнѣ дано было узнать откуда бываютъ въ человѣкѣ тревога, тоска и внутренняя грусть, называемая меланхоліей. Есть духи, которые еще не присоединились къ аду, потому что они еще въ первомъ своемъ состояніи, — объ нихъ будетъ говорено впослѣдствіи, въ отдѣлѣ о мірѣ духовъ; эти духи любятъ не сваримыя и вредныя вещества, какъ напримѣръ остатки пищи гніющей въ желудкѣ; вслѣдствіе чего, они находятся тамъ, гдѣ вещества эти лежатъ въ человѣкѣ: они имъ пріятны и тутъ, предаваясь злымъ чувствамъ своимъ, они разговариваютъ между собою. Чувства, коими проникнута рѣчь ихъ, вліяютъ оттуда на человѣка; если они противны чувствамъ человѣка, онъ становится грустенъ, безпокоенъ и тосклив; если же они согласуются съ нимъ, онъ дѣлается веселъ и шутливъ: эти духи являются возлѣ желудка, иные вправо отъ него, другіе влѣво, иные сверху, другіе снизу, и также ближе или дальше, смотря по свойственнымъ имъ чувствамъ. Что такова причина душевной тоски (anxietas animi) въ человѣкѣ, мнѣ дано было узнать это и убѣдиться въ этомъ многократнымъ опытомъ; я самъ видѣлъ этихъ духовъ, слышалъ ихъ, испыталъ тоску, которую они наводили и говорилъ съ ними: когда они удалялись, тоска прекращалась; съ ихъ возвращеніемъ, тоска снова начиналась, и я видѣлъ, что она уменьшалась или увеличивалась, смотря по ихъ приближенію или удаленію. Изъ этого мнѣ стало ясно, почему нѣкоторые люди, незнающіе что такое совѣсть, вслѣдствіе

того, что ея у нихъ нѣтъ, относятъ ея мученія къ страданіямъ желудка.

300. Соединеніе небесъ съ человѣкомъ не подобно соединенію человѣка съ человѣкомъ: это соединеніе совершается съ внутренними началами духа его, слѣдовательно, съ его внутреннимъ или духовнымъ человѣкомъ; съ его же человѣкомъ природнымъ или внѣшнимъ совершается другое соединеніе, посредствомъ соотвѣтствій; объ этомъ соединеніи будетъ говорено въ слѣдующей главѣ о соединеніи небесъ съ человѣкомъ посредствомъ Слова.

301. Въ этой же главѣ будетъ показано, что соединеніе небесъ съ родомъ человѣческимъ, и рода человѣческаго съ небесами, такого свойства, что одно существуетъ другимъ.

302. Бесѣдуя съ ангелами о соединеніи небесъ съ родомъ человѣческимъ, я говорилъ имъ: хотя человѣкъ церкви признаетъ, что всякое благо отъ Господа и что при человѣкѣ есть ангелы, но, тѣмъ не менѣе, весьма немногіе вѣрятъ, чтобы ангелы были присоединяемы къ человѣку и еще менѣе, чтобы эти ангелы находились въ его мысли и чувствахъ. На это ангелы отвѣчали мнѣ, что такое противорѣчіе вѣрованій и убѣжденій въ людяхъ, на землѣ, имъ извѣстно; но удивлялись, что оно могло имѣть мѣсто внутри церкви, у которой есть Слово, учащее о небесахъ и ихъ соединеніи съ человѣкомъ; когда соединеніе это такого рода, что человѣкъ нисколько не можетъ мыслить безъ присоединенія къ нему духовъ, и что отъ этого соединенія зависитъ вся духовная жизнь его. Они мнѣ сказали, что причина этого незнанія

заключается въ томъ предположеніи человѣка, что онъ живетъ самъ по себѣ, безъ всякой связи съ первымъ началомъ (esse) жизни; равно въ томъ невѣденіи его, что связь эта поддерживается небесами, и что, еслибъ она рушилась, то онъ тотчасъ бы палъ мертвымъ. Еслибъ человѣкъ вѣрилъ (какъ оно по истинѣ и есть), что всякое благо отъ Господа, а всякое зло изъ ада, тогда бы онъ не полагалъ себѣ заслуги въ благѣ, и зло не вмѣнялось бы ему; ибо такимъ образомъ, во всякомъ благѣ, о которомъ бы онъ думалъ, или которое бы онъ творилъ, онъ взиралъ бы на Господа, а всякое вліяніе зла, откидывалъ бы въ адъ, откуда оно и приходитъ: но, такъ какъ человѣкъ не вѣритъ никакому наитію съ небесъ, и никакому вліянію ада, и затѣмъ полагаетъ, что все, что онъ мыслитъ и хочетъ, находится въ немъ самомъ и слѣдовательно исходитъ отъ него, то онъ и усвоиваетъ себѣ зло, и, наитствующее на него благо, оскверняетъ понятіемъ о заслугѣ.

О соединеніи небесъ съ человѣкомъ посредствомъ Слова.

303. Кто размышляетъ по внутреннему разсудку, тотъ можетъ видѣть, что все существующее связуется промежуточными звѣньями съ первымъ началомъ, и что все, что внѣ этой связи, распадается: ибо, кто такъ думаетъ, тотъ знаетъ, что ничего не можетъ существовать отъ себя (a se), но непремѣнно отъ чего либо предшествующаго, и что, слѣдовательно,

все существуетъ отъ чего либо перваго; что связь съ предшествующимъ, подобна связи между послѣдствіемъ и причиной, ибо если эту причину отнять отъ послѣдствія, то и само послѣдствіе рушится и пропадаетъ. Думая такимъ образомъ, ученые понимали и говорили, что существованіе есть непрестанное бытіе (quod subsistentia sit perpetua existentia), и что, слѣдовательно, всякая вещь, получивъ бытіе свое отъ перваго начала, затѣмъ и существуетъ непрестанно отъ этого же начала. Но въ чемъ состоитъ связь всякой вещи съ предшествовавшемъ ей началомъ (cum priori se), и такимъ образомъ, съ началомъ первобытнымъ (cum primo), отъ котораго все получаетъ свое бытіе, это не возможно сказать въ нѣсколькихъ словахъ, потому что эта связь различна и разнообразна; скажу только вообще, что есть связь міра природнаго съ міромъ духовнымъ, и что вслѣдствіе того, есть соотвѣтствіе между всѣмъ существующимъ въ мірѣ природномъ, и всѣмъ существующимъ въ мірѣ духовнымъ. Объ этихъ соотвѣтствіяхъ было говорено въ н. 103—115, а что есть связь, и затѣмъ соотвѣтствіе, всего находящагося въ человѣкѣ со всѣмъ существующимъ на небесахъ, объ этомъ смотри выше нн. 87—102.

304. Человѣкъ созданъ такимъ образомъ, чтобы между нимъ и Господомъ была связь и соединеніе, а съ небесными ангелами одно только сообщеніе (consociatio); причина сего заключается въ томъ, что человѣкъ по созданію своему, и относительно внутреннихъ, духу его принадлежащихъ началъ, подобенъ ангелу, ибо у человѣка, какъ и у ангела, есть воля

и есть разумъ: вотъ почему, послѣ смерти своей, если только онъ жилъ согласно Божественному порядку, онъ становится ангеломъ, и тогда мудрость его уподобляется ангельской. Когда же говорится о соединеніи человѣка съ небесами, то подъ этимъ разумѣется его соединеніе съ Господомъ, и сообщеніе съ ангелами; ибо небеса образуются не вслѣдствіе чего либо принадлежащаго (ex proprio) ангеламъ, но вслѣдствіе Божественности Господней; что Божественное начало Господа образуетъ собою небеса, объ этомъ см. выше нн. 7—22. Кромѣ того, человѣкъ отличается отъ ангеловъ тѣмъ, что онъ не только живетъ въ духовномъ мірѣ, по внутреннимъ началамъ своимъ, но и въ природномъ мірѣ, по своимъ внѣшнимъ началамъ; его внѣшнія, природному міру принадлежащія начала, составляетъ все относящееся до его природной или внѣшней памяти, до его мышленія и воображенія; вообще познанія и науки съ ихъ мірскими удовольствіями и наслажденіями; затѣмъ, такія наслажденія, которыя принадлежатъ чувственнымъ въ тѣлѣ началамъ, и наконецъ сами внѣшнія чувства, дѣйствія и рѣчь: все это относится къ послѣднимъ началамъ; въ нихъ оканчивается Божественное наитіе Господа, ибо оно никогда не останавливается на серединѣ, но идетъ до своихъ послѣднихъ степеней. Изъ этого можно видѣть, что человѣкъ есть послѣдняя степень Божественнаго порядка, которому онъ, вслѣдствіе того, служитъ основаніемъ. Такъ какъ Божественное наитіе не останавливается на серединѣ, а идетъ до своихъ послѣднихъ степеней, и какъ среднюю степень, чрезъ которую оно проходитъ, составля-

ютъ ангельскія небеса, а послѣднюю человѣкъ, и вообще ничего не существуетъ безсвязнаго, то связь и соединеніе небесъ съ родомъ человѣческимъ таковы, что одно существуетъ другимъ, и что родъ человѣческій безъ небесъ, былъ бы тоже, что цѣпь безъ прицѣпу, а небеса безъ рода человѣческаго, тоже, что домъ безъ основанія.

305. Но, такъ какъ человѣкъ, внутренними началами своими, отвратился отъ небесъ, и обратился ими къ міру и къ самому себѣ, по любви своей къ себѣ и къ міру, и до того удалился отъ небесъ, что не можетъ болѣе служить имъ основаніемъ, и этимъ самымъ разорвалъ связь свою съ ними, то Господомъ предусмотрено было посредіе (medium), которое могло бы служить для небесъ основаніемъ и соединить ихъ съ человѣкомъ; это посредіе есть Слово. Но какимъ образомъ Слово служитъ посредіемъ, это было много разъ показано въ сочиненіи *о Тайнахъ Небесныхъ;* также въ статьѣ *о Бѣломъ Конѣ Апокалипсиса* и въ *Прибавленіи къ сочиненію о Небесномъ Ученіи.*

306. Я узналъ съ небесъ, что у древнѣйшихъ жителей земли было непосредственное откровеніе, ибо тогда внутреннія ихъ начала были обращены къ небесамъ, и вслѣдствіе того, Господь могъ соединяться съ родомъ человѣческимъ; но, что въ послѣдствіи, такое непосредственное откровеніе прекратилось, а настало другое, посредственное откровеніе, черезъ соотвѣтствія; что изъ нихъ состояло все Богослуженіе тогдашнихъ жителей, и что, по сему, и церкви того времени были названы церквями прообразователь-

ными; ибо тогда было извѣстно, что̀ такое соотвѣтствіе и прообразованіе (representativum), и что все, существующее на землѣ, соотвѣтствуетъ чему либо духовному на небесахъ и въ церкви, или, что тоже, прообразуетъ это: такимъ образомъ, внѣшніе обряды, принадлежавшіе природному Богослуженію тѣхъ людей, служили имъ средствами для мышленія духовнаго, т. е. согласнаго съ ангелами. Съ утратой науки соотвѣтствій и прообразованій, было написано Слово, въ которомъ всѣ слова и обороты рѣчи суть соотвѣтствія, и слѣдовательно, заключаютъ въ себѣ духовный или внутренній смыслъ, постигаемый ангелами; посему, когда человѣкъ читаетъ Слово, и понимаетъ только буквальный или внѣшный смыслъ его, ангелы постигаютъ его духовный или внутренній смыслъ; ибо всякая мысль ангельская духовна, а человѣческая природна: эти мысли, хотя и кажутся разными, но въ сущности составляютъ одно цѣлое, потому что онѣ одна другой соотвѣтствуютъ. Вотъ почему, когда человѣкъ отдалился отъ небесъ, и разорвалъ соединявшую его съ ними связь, Господомъ усмотрено было другое посредіе (medium) для соединенія небесъ съ человѣкомъ, т. е. Слово. Какимъ образомъ Слово служитъ этимъ посредіемъ, показано пространно въ сочиненіи *Тайны Небесныя* (Arcana Celestia), и другихъ.

307. Для объясненія, какимъ образомъ совершается соединеніе небесъ съ человѣкомъ посредствомъ Слова, я приведу изъ него нѣсколько изреченій. Новый Іерусалимъ описанъ въ Апокалипсисѣ въ слѣдующихъ словахъ: *Видѣхъ небо ново и землю нову, пер-*

вое бо небо и земля первая преидоша, и видѣхъ градъ святый, Іерусалимъ новъ, сходящъ отъ Бога съ небесе. И градъ на четыре углы стоитъ, и долгота его толика есть, елика же и широта; и измѣри градъ тростію на стадій двинадесять тысящь; долгота и широта и высота его равна суть. И размѣри стѣну его въ сто и четыредесять и четыре локти, въ мѣру человѣческу, яже есть ангела; и бѣ созданіе стѣны яко ясписъ, и градъ злато чисто, подобенъ стеклу чисту; и основанія стѣны града всякимъ другимъ каменіемъ украшены бяху. И двинадесять вратъ, двинадесять бисеровъ: едина каяждо врата бѣша отъ единаго бисера, и стогны града злато чисто, яко стекло пресвѣтло. Гл. XXI. 1. 2. 16. 17. 18. 19. 21.— Человѣкъ, читающій эти слова не понимаетъ ихъ иначе, какъ въ буквальномъ смыслѣ, по которому видимое небо и земля должны погибнуть, новыя образоваться и святой градъ, Новый Іерусалимъ, сойти на новую землю, въ размѣрахъ согласныхъ съ описаніемъ; но ангелы, находящіеся при человѣкѣ, разумѣютъ все это совершенно иначе, ибо они понимаютъ въ духовномъ смыслѣ все, что человѣкъ понимаетъ въ природномъ: подъ новымъ небомъ и новою землею, они разумѣютъ новую церковь; подъ градомъ Іерусалимомъ, сходящемъ отъ Бога съ небесъ, они разумѣютъ ея небесное ученіе, данное откровеніемъ отъ Господа; подъ его длинною, шириною и вышиною, которыя одинаковы и по 12,000 стадій, они разумѣютъ всѣ блага и всѣ истины этого ученія въ совокупности; подъ его стѣною, они разумѣютъ истины, ограждающія это ученіе; подъ размѣромъ стѣны въ 144

локтя, что̀ есть мѣра человѣческая, т. е. ангельская, они разумѣютъ совокупность и качество всѣхъ истинъ этого ученія; подъ 12 вратами, кои 12 жемчуговъ, они разумѣютъ истины, знакомящія съ ученіемъ, жемчугъ также означаетъ эти истины; подъ основаніями стѣны, которыя изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, они разумѣютъ познанія, на которыхъ это ученіе основано; подъ золотомъ, подобнымъ чистому стеклу, изъ коего построенъ городъ и стѣны его, они разумѣютъ благо любви, коимъ сіяетъ ученіе съ его истинами. Вотъ какъ ангелы понимаютъ всѣ эти слова, т. е. совсѣмъ иначе, чѣмъ человѣкъ, — природныя мысли котораго переходятъ въ духовныя мысли ангеловъ, — такъ, что они ничего незнаютъ о буквальномъ смыслѣ Слова, напримѣръ о новыхъ небесахъ и новой землѣ, о новомъ градѣ Іерусалимѣ, о его стѣнѣ, о его основаніяхъ и его размѣрахъ; тѣмъ не менѣе однакожъ, мысли человѣка составляютъ съ мыслями ангела одно цѣлое, ибо онѣ взаимно себѣ соотвѣтствуютъ: они составляютъ одно цѣлое почти также, какъ слова говорящаго и смыслъ этихъ словъ для того, кто слушаетъ и не обращаетъ вниманія на слова, а только на самый смыслъ ихъ. Изъ этого примѣра видно, какимъ образомъ небеса соединяются съ человѣкомъ посредствомъ Слова.

Возьмемъ, для примѣра, еще другое изреченіе изъ Слова: *Въ той день будетъ путь отъ Египта ко Ассиріанамъ, и внидутъ Ассиріане во Египетъ, и Египтяне пойдутъ ко Ассиріанамъ и поработаютъ Египтяне Ассиріанамъ. Въ той день будетъ Исраиль третій во Египтянѣхъ и во Ассиріанѣхъ; благословеніе*

на земли, юже благослови Господь Саваоѳъ глаголя: благословени людіе мои, иже во Египтѣ и иже въ Ассиріахъ, и наслѣдіе мое Исраиль. Исаія XIX. 23—25. Что думаетъ человѣкъ, и что думаютъ ангелы, когда читаютъ эти слова, можно это видѣть изъ сличенія буквальнаго смысла Слова со внутреннимъ: по буквальному смыслу человѣкъ думаетъ, что Египтяне и Ассиріане обратятся къ Богу, будутъ приняты и составятъ одно съ Исраильскимъ народомъ; но ангелы, по внутреннему смыслу этихъ словъ, думаютъ о человѣкѣ духовной церкви, который тутъ въ этомъ смыслѣ описанъ, и коего духовное начало означаетъ Исраиль, природное — Египетъ, а разсудочное, занимающее середину, — Ассуръ; и тотъ и другой смыслъ образуетъ однакожъ одно цѣлое, ибо они одинъ другому соотвѣтствуютъ. Вотъ почему, когда ангелы думаютъ о чемъ нибудь духовно, а человѣкъ о томъ же самомъ природно, они соединяются — почти также, какъ тѣло съ душей; подобнымъ образомъ и въ Словѣ: его внутренній смыслъ есть душа, а буквальный — тѣло. Таково Слово вездѣ, изъ чего и ясно, что оно есть *посредіе* для соединенія небесъ съ человѣкомъ, и что его буквальный смыслъ служитъ тому основаніемъ.

308. Посредствомъ Слова соединяются небеса и съ тѣми людьми, которые находятся внѣ церкви, и у которыхъ нѣтъ Слова; ибо церковь Господня вселенская, и находится въ всѣхъ тѣхъ, кои признаютъ Божественное начало и живутъ въ благостынѣ; эти люди также, послѣ смерти своей, поучаются ангелами и пріемлютъ Божественныя истины, см. объ

этомъ далѣе главу, въ которой говорится о языческихъ народахъ. Вселенская церковь на землѣ, передъ лицемъ Господа, какъ одинъ человѣкъ, точно также, какъ и всѣ небеса (о чемъ было говорено выше, нн. 59—72); но церковь, въ которой находится Слово и въ которой, слѣдовательно, признанъ Господь, подобна въ томъ человѣкѣ сердцу и легкимъ: извѣстно, что всѣ черева и члены тѣла заимствуютъ, различными путями, жизнь свою отъ сердца и легкихъ; такимъ же образомъ живетъ и та часть рода человѣческаго, которая внѣ церкви, обладающей Словомъ, и которая образуетъ члены того человѣка. Соединеніе небесъ посредствомъ Слова съ этой отдаленной частію рода человѣческаго, можно также уподобить свѣту, который изъ середины разпространяется во всѣ стороны: свѣтъ Божественный присущъ въ Словѣ вмѣстѣ съ Господомъ и небесами, и силою этого присутствія даже отдаленные народы пользуются свѣтомъ; но этого бы не могло быть, еслибъ Слово не существовало. Истины сіи поймутся яснѣе при помощи всего сказаннаго выше о небесномъ образѣ, согласно которому совершаются сообщенія и соединенія на небесахъ, см. нн. 200—212. Ттайна эта понятна только тѣмъ, которые живутъ въ духовномъ свѣтѣ, а не тѣмъ, которые обрѣтаются въ одномъ только природномъ свѣтѣ; ибо люди, живущіе въ свѣтѣ духовномъ, ясно видятъ несчетное множество такихъ вещей, которыя невидимы для живущихъ въ природномъ свѣтѣ, или представляются имъ чѣмъ-то безразличнымъ и темнымъ.

309. Еслибъ такое Слово не было дано на этой

землѣ, то жители ея были бы отлучены отъ небесъ, и при этомъ отлученіи, они не могли бы долѣе быть разсудочными (существами), ибо человѣческій разсудокъ образуется вслѣдствіе наитія небеснаго свѣта. Человѣкъ этой земли даже таковъ, что онъ не можетъ принять непосредственнаго откровенія, и поучаться въ немъ Божественнымъ истинамъ, подобно жителямъ другихъ земель, о чемъ было говорено въ особомъ сочиненіи; не можетъ, потому что онъ болѣе другихъ погруженъ въ мірское, и слѣдовательно во внѣшнее, а для принятія откровенія необходимы внутреннія начала; еслибъ оно принималось внѣшними, то истина осталась бы не понятою. Что таковъ человѣкъ этой земли, ясно видно даже по тѣмъ людямъ, кои принадлежатъ къ церкви, и хотя знаютъ изъ Слова о небесахъ, объ адѣ и о посмертной жизни, но тѣмъ не менѣе, въ сердцѣ своемъ, все это отвергаютъ; а между ними есть даже и такіе, которые искали славы высшей учености, въ которыхъ, слѣдовательно, можно было бы предположить и высшую мудрость.

310. Мнѣ случалось, бесѣдуя съ ангелами о Словѣ, говорить имъ, что нѣкоторые люди презираютъ его за простой слогъ, и что никто ничего незнаетъ о внутреннемъ смыслѣ его; вслѣдствіе чего, никто и не вѣритъ, чтобы столь высокая мудрость могла скрываться въ немъ. На это ангелы отвѣчали, что слогъ Слова, хотя и представляется простымъ въ буквальномъ смыслѣ, но тѣмъ не менѣе таковъ, что ничего не можетъ сравниться съ нимъ въ превосходствѣ, потому что Божественная мудрость сокрыта въ немъ, не только въ каждомъ изреченіи, но даже въ

каждомъ словѣ, и что эта мудрость сіяетъ свѣтомъ на небесахъ; они хотѣли сказать этимъ, что Слово есть свѣтъ небесный, потому что оно есть Божественная истина, а Божественная истина на небесахъ сіяетъ свѣтомъ, см. выше н. 132. Они сказали также, что безъ такого Слова, люди нашей земли были бы лишены всякаго небеснаго свѣта и, слѣдовательно, всякаго соединенія съ небесами; ибо, на сколько свѣтъ небесный присущъ въ человѣкѣ, на столько онъ соединяется съ небесами, и на столько, посредствомъ Слова, открываются для него Божественныя истины: если человѣкъ не знаетъ, что это соединеніе совершается чрезъ соотвѣтствіе духовнаго смысла Слова съ его природнымъ, то это происходитъ отъ того, что человѣкъ этой земли ничего незнаетъ о духовномъ мышленіи ангеловъ и объ ихъ рѣчи, и что ихъ рѣчь и мысль различны отъ природной человѣческой; не зная этого, человѣкъ никакъ не можетъ знать, что такое внутренній смыслъ Слова, ни, слѣдовательно, что посредствомъ этого смысла можетъ совершаться такое соединеніе. Они сказали еще, что еслибъ человѣкъ вѣдалъ про этотъ смыслъ, и, при чтеніи Слова, хотя нѣсколько имъ руководствовался, то онъ достигъ бы внутренней мудрости, и кромѣ того, соединился бы съ небесами, ибо чрезъ этотъ смыслъ онъ сталъ бы причастенъ мыслямъ ангельскимъ.

Небеса и адъ образуются изъ рода человѣческаго.

311. Христіанскому міру совершенно неизвѣстно, что небеса и адъ образуются изъ рода человѣческаго: обыкновенно думаютъ, что сначала были сотворены ангелы, и что изъ нихъ образовались небеса; что діаволъ или сатана былъ прежде ангеломъ свѣта, который за возмущеніе былъ, вмѣстѣ съ полчищемъ своимъ, низвергнутъ, и что, такимъ образомъ, образовался адъ. Ангелы крайне дивились такимъ вѣрованьямъ въ христіанскомъ мірѣ, и еще болѣе тому, что здѣсь ничего не знаютъ о небесахъ, между тѣмъ, какъ это есть главное въ ученіи церкви; видя что такое невѣжество царствуетъ на землѣ, они возрадовались сердцемъ, что благоугодно было Господу открыть нынѣ христіанамъ многія истины о небесахъ и объ адѣ, и тѣмъ, по возможности, разсѣять мракъ, который съ каждымъ днемъ возрастаетъ, ибо церковь пришла къ концу. По этому они хотятъ, чтобы я подтвердилъ, какъ слышанное изъ устъ ихъ, что нѣтъ во всѣхъ небесахъ ни одного ангела, который бы созданъ былъ такимъ съ самаго начала, ни въ аду діавола, который бы сперва былъ созданъ ангеломъ свѣта, а потомъ былъ низвергнутъ, но что всѣ жители, какъ небесъ, такъ и ада, произошли отъ рода человѣческаго; что въ небеса идутъ люди, жившіе на землѣ въ небесной любви и вѣрѣ, а въ адъ, жившіе въ адской любви и въ адской вѣрѣ, и что адъ, въ совокупности, есть то, что называется діаволомъ и сатаною: діаволомъ тотъ адъ, который позади

и въ коемъ находятся, такъ называемые, злые геніи, а сатаною тотъ адъ, который впереди*), и въ коемъ находятся, такъ называемые, злые духи; въ послѣдствіи будетъ сказано въ чемъ состоитъ тотъ и другой адъ. Далѣе ангелы говорили, что христіанскій міръ составилъ себѣ такое понятіе о жителяхъ небесъ и ада, вслѣдствіе нѣкоторыхъ изреченій Слова, принятыхъ въ одномъ только буквальномъ смыслѣ, безъ объясненія и толкованія подлиннаго ученія, основаннаго на Словѣ; буквальный же смыслъ Слова, безъ поясненій подлиннаго ученія, приводитъ умы въ разногласіе, за которымъ слѣдуютъ невѣжество, ереси и ошибочныя понятія.

312. Такое понятіе въ людяхъ церкви подкрѣпляется еще тѣмъ вѣрованіемъ, что ни одинъ человѣкъ не приходитъ въ небеса или въ адъ до послѣдняго суда, о которомъ церковь учитъ, что все видимое должно погибнуть, и замѣниться новымъ; что тогда душа возвратится въ тѣло свое, и что, въ силу этого возсоединенія, человѣкъ будетъ жить человѣкомъ вторично. Въ этомъ вѣрованіи неизбѣжно заключается и другое, объ ангелахъ, сотворенныхъ съ самаго начала, ибо нельзя вѣрить, чтобы небеса и адъ могли образоваться изъ рода человѣческаго, если вѣрить, что ни одинъ человѣкъ не можетъ придти туда до скончанія міра. Но чтобы человѣкъ могъ убѣдиться, что этого нѣтъ, мнѣ дано было быть въ сообществѣ ангеловъ, и также говорить съ тѣми духами, кои на-

*) Объ означеніи мѣстности словами позади и впереди, см. что было отъ этомъ сказано выше, нн. 123, 124.

ходятся въ аду. Сообщаясь съ ними уже въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, и иногда безпрерывно съ утра до вечера, я могъ поучиться всему, относящемуся до небесъ и ада; это было мнѣ дозволено съ тою цѣлію, чтобъ человѣкъ церкви не оставался долѣе въ своемъ ошибочномъ вѣрованіи о воскресеніи въ день послѣдняго суда, о состояніи души до того времени, объ ангелахъ и о діаволѣ. Это вѣрованіе, какъ ложное, полно тьмы, и размышляющихъ объ этихъ предметахъ по собственному разуму, приводитъ сперва къ сомнѣнію, а потомъ и къ отрицанію; эти люди думаютъ про себя: какимъ образомъ небо столь пространное, со столькими свѣтилами, съ солнцемъ и луною, можетъ разрушиться и уничтожиться? Какимъ образомъ могутъ звѣзды пасть на землю, когда они больше земли? Какимъ образомъ тѣла, съѣденныя червями, изтлѣвшія и разсѣянныя всѣми вѣтрами, могутъ собраться снова для возсоединенія съ душою? Гдѣ до того времени находится душа? Чѣмъ она можетъ быть, когда лишена чувствъ, коими обладала въ тѣлѣ? И многое, тому подобное, о такихъ предметахъ, которые, по непостижимости своей, не только не могутъ подлежать вѣрѣ, но даже, во многихъ уничтожаютъ всякую вѣру въ посмертную жизнь души, въ существованіе небесъ и ада, и вмѣстѣ съ тѣмъ, во все остальное, относящееся до вѣры, исповѣдуемой церковью. Что такіе вопросы уничтожаютъ эти вѣрованія, это ясно видно изъ словъ тѣхъ, которые говорятъ: развѣ кто приходилъ къ намъ съ небесъ и расказывалъ про нихъ? Что такое адъ и есть ли онъ? Что значитъ, что человѣкъ будетъ мучимъ огнемъ во всю вѣчность?

Что такое день послѣдняго суда? Развѣ его не ждали напрасно въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій? и изъ многихъ другихъ подобныхъ возраженій, въ которыхъ слышно отрицаніе всего. И такъ, чтобъ мысли эти, столь обычныя людямъ, которые за мірскую науку свою называются учеными, не смущали болѣе и не соблазняли простыхъ сердцемъ и вѣрой, и не покрывали болѣе адскимъ мракомъ понятія о Богѣ, о небесахъ, о вѣчной жизни, и другія, на этомъ основанныя, вѣрованія, — Господомъ раскрыты были внутреннія начала моего духа, и мнѣ дано было, съ людьми, которыхъ я зналъ здѣсь, говорить послѣ ихъ смерти. Съ нѣкоторыми изъ нихъ я бесѣдовалъ нѣсколько дней. Съ другими нѣсколько мѣсяцевъ, а съ иными цѣлый годъ, и наконецъ, съ такимъ множествомъ другихъ, что число ихъ безспорно превышаетъ сотню тысячъ; изъ нихъ многіе были на небесахъ, другіе въ аду. Съ иными мнѣ случалось говорить спустя два дня по ихъ кончинѣ; я разсказывалъ имъ, что въ это самое время готовятся ихъ похороны и останки тѣла ихъ къ погребенію: хорошо дѣлаютъ, отвѣчали они, что кидаютъ то, что было плотію, и служило ея мірскимъ отправленіямъ. При этомъ они выражали желаніе свое, чтобъ я сказалъ объ нихъ, что они не умерли, но что они живутъ теперь такими же людьми, какъ и прежде, и только перешли изъ одного міра въ другой; что они ничего прежняго не утратили, ибо находятся въ тѣлѣ, и пользуются всѣми чувствами его, какъ и прежде; обладаютъ тѣмъ же разумомъ и волею, и сохранили такія же помышленія, наклонности, ощущенія (sensationes) и желянія,

какъ бывало на землѣ. Весьма многіе изъ недавно умершихъ, видя, что они живутъ людьми, какъ и прежде и въ такомъ же состояніи, — каждый человѣкъ, послѣ смерти, находится первоначально въ томъ состояніи, въ которомъ онъ былъ здѣсь, а потомъ, постепенно, переходитъ изъ него въ небеса или въ адъ, — чрезвычайно радовались тому, что они живы и даже съ трудомъ этому вѣрили; при чемъ крайне удивлялись своему невѣжеству и ослѣпленію, относительно состоянія жизни своей послѣ смерти; и въ особенности тому, что въ такомъ невѣденіи и ослѣпленіи находится человѣкъ церкви, который однакожъ, болѣе всѣхъ другихъ, могъ бы знать истину объ этомъ предметѣ. Они тогда впервые увидѣли причину такого ослѣпленія и невѣжества: увидѣли, что внѣшнее, т. е. мірское и плотское, до того овладѣло умами людей и преисполнило ихъ, что они не могутъ возноситься къ небесному свѣту, и разсматривать предметы, относящіеся до церкви, иначе, какъ въ духѣ своего вѣроученія (догматовъ, doctrinalia); ибо, при такой любви къ мірскому и плотскому, какъ нынѣ, умъ исполняется мракомъ, какъ только онъ пытается проникнуть далѣе буквы вѣроученія.

313. Весьма многіе изъ ученыхъ христіанскаго міра, приходятъ въ изумленіе, когда послѣ смерти видятъ себя въ тѣлѣ, въ одѣяніяхъ и домахъ, точно также какъ и на землѣ; а когда вспоминаютъ, какъ думали они о жизни послѣ смерти, о душѣ, о духахъ, о небесахъ и объ адѣ, то имъ дѣлается совѣстно; они тогда сознаются, что понятія ихъ были безразсудны, и что гораздо болѣе мудрости было въ понятіяхъ

людей, коихъ вѣра была проще. Ученые, утвердившіеся въ такихъ ложныхъ понятіяхъ, и относившіе все къ природѣ, были внимательно разсмотрены, и оказалось, что ихъ внутреннія начала были совершенно закрыты, а внѣшнія раскрыты, и что такимъ образомъ, они обращали взоры свои не къ небесамъ, а къ міру, и, слѣдовательно, къ аду: на сколько внутреннія начала раскрыты, на столько человѣкъ обращается взорами къ небесамъ, а на сколько его внутреннія начала закрыты и раскрыты внѣшнія, на столько онъ смотритъ въ адъ; ибо внутреннія начала человѣка созданы для принятія всего, относящагося до небесъ, а внѣшнія для принятія всего, относящагося къ міру; посему люди, пріемлющіе міръ, не пріемля въ тоже время небесъ, принимаютъ адъ.

314. Что небеса образуются изъ рода человѣческаго, это видно также изъ того, что духъ (mens) ангельскій и духъ человѣческій подобны другъ другу: и тотъ и другой одаренъ способностію разумѣнія, постиженія и хотѣнія; и тотъ и другой созданъ для принятія небесъ. Ибо духъ человѣческій одинаково способенъ къ мудрости, какъ и духъ ангельскій, но здѣшняя мудрость его, потому не равняется ангельской, что человѣкъ облеченъ здѣсь въ земное тѣло, въ которомъ духъ его мыслитъ природнымъ образомъ; когда же онъ отрѣшается отъ узъ державшихъ его въ тѣлѣ, тогда онъ не мыслитъ болѣе по внѣшней природѣ своей, а по духовной; а когда онъ мыслитъ духовно, тогда онъ обнимаетъ мыслію своею непостижимое и невыразимое для человѣка при-

роднаго, и такимъ образомъ, становится мудрымъ, какъ ангелъ. Изъ этого ясно, что внутреннее начало въ человѣкѣ, называемое духомъ его, по существу своему есть ангелъ (см. выше н. 57.), и, по отрѣшеніи своемъ отъ земнаго тѣла, подобно же ангелу, принимаетъ человѣческій образъ (что образъ ангела есть совершенно человѣческій, см. выше нн. 73—77.); но когда внутреннее начало человѣка не было раскрыто сверху, а только съ низу, тогда, по отрѣшеніи своемъ отъ тѣла, оно, хотя и остается въ человѣческомъ образѣ, но въ ужасномъ и діавольскомъ, ибо оно не можетъ смотрѣть вверхъ на небеса, но только внизъ въ адъ.

315. Кому извѣстно въ чемъ состоитъ Божественный порядокъ, тотъ можетъ понять, что человѣкъ былъ созданъ, чтобы стать ангеломъ; ибо въ немъ, т. е. въ человѣкѣ, находится та послѣдняя степень порядка (н. 304), въ которой могутъ образоваться всѣ начала, относящіяся до небесной и ангельской мудрости, и которыя могутъ быть возстановлены (redintegrata), и развиты (multiplicata). Божественный порядокъ никогда не останавливается на серединѣ, т. е. на полпути, и не образуетъ тутъ ничего безъ послѣдней степени, ибо онъ тутъ не въ полнотѣ и совершенствѣ, но идетъ далѣе до послѣдней степени (ad ultimum), см. н. 304; дошедши до нея, онъ начинаетъ дѣло образованія: силою собранныхъ тутъ средствъ, онъ возстановляется, и переходитъ къ дальнѣйшимъ произведеніямъ, путемъ порожденія (per procreationes). Вотъ почему послѣдняя степень есть разсадникъ небесъ.

316. Господь же воскресъ не только духомъ, но и тѣломъ, потому что, будучи въ мірѣ, онъ прославилъ всю свою человѣчность, т. е. содѣлалъ ее Божественною; ибо душа, которая была въ немъ отъ отца, была, по себѣ, само Божественное начало, и тѣло, ставши подобіемъ души, т. е. отца, стало также Божественнымъ: вотъ почему Господь, какъ ни одинъ человѣкъ, воскресъ духомъ и тѣломъ. Онъ самъ это объявилъ ученикамъ своимъ, когда они, увидавъ его, приняли его за духа: *Видите руцѣ мои и нозѣ мои, яко самъ азъ есмь, осяжите мя и видите: яко духъ плоти и кости не имать, яко же меня видите имуща.* Лук. XXIV. 36—39; этими словами онъ показалъ, что онъ былъ человѣкъ, не только духомъ, но и тѣломъ.

317. Чтобъ стало извѣстнымъ, что человѣкъ послѣ смерти живетъ, и, смотря по жизни своей на землѣ, приходитъ на небеса или въ адъ, мнѣ было весьма многое открыто о состояніи человѣка послѣ его смерти. Но объ этомъ будетъ говорено впослѣдствіи, въ отдѣлѣ о мірѣ духовъ.

О состояніи на небесахъ язычниковъ, или народовъ, находящихся внѣ церкви (extra ecclesiam).

318. Обыкновенно думаютъ, что люди, рожденные внѣ церкви и называемые язычниками, не могутъ быть спасены, затѣмъ что у нихъ нѣтъ Слова, и что слѣдовательно они незнаютъ Господа, безъ ко-

тораго нѣтъ спасенія. Но тѣмъ не менѣе они могутъ спастись, и эту истину можно познать уже изъ того, что милосердіе Господне объемлетъ всѣхъ, т. е. простирается на каждаго человѣка; что язычники раждаются такими же людьми, какъ и раждающіеся внутри церкви, число которыхъ, въ сравненіи съ первыми, весьма незначительно; и наконецъ изъ того, что не ихъ вина, если они не знаютъ Господа. Всякій, кто мыслитъ по разсудку нѣсколько здравому, можетъ ясно понять, что ни одинъ человѣкъ не рожденъ для ада, ибо Господь есть самая любовь, и любовь его состоитъ въ томъ, чтобы хотѣть спасенія каждаго человѣка; вслѣдствіе этого имъ и было предусмотрено, чтобъ у каждаго человѣка была хоть какая нибудь вѣра (religio), которая приводила бы его къ признанію Божественнаго начала и внутренней жизни, ибо жить по вѣрѣ значитъ жить внутренно: тогда человѣкъ обращаетъ взоры свои къ Божественному началу, а не къ міру; онъ даже тогда удаляется отъ міра, и, слѣдовательно, отъ жизни мірской, которая есть жизнь внѣшняя.

319. Кто знаетъ, что̀ именно въ человѣкѣ образуетъ небеса, тотъ можетъ знать, что язычники точно также спасаются, какъ и Христіане, ибо небеса внутри человѣка; и тѣ, кои носятъ ихъ въ себѣ, идутъ послѣ смерти своей на небеса. Имѣть въ себѣ небеса, значитъ признавать Божественное начало, и быть водиму имъ; первое и главное во всякой вѣрѣ есть признаніе Божественнаго начала: вѣра (religio), которая не признаетъ Божественнаго начала, не есть вѣра. Поэтому и заповѣди всякой вѣры говорятъ о

Богослуженіи, т. е. учатъ какимъ образомъ слѣдуетъ поклоняться Божеству, чтобъ быть ему угоднымъ; на сколько эти заповѣди начертаны въ сердцѣ человѣка, т. е. на сколько онъ хочетъ и любитъ ихъ, на столько и самъ Господь ведетъ его. Извѣстно, что язычники, равно какъ и христіане, живутъ нравственно, и даже многіе изъ нихъ лучше Христіанъ; ведутъ же люди нравственную жизнь, или ради Божественнаго начала, или ради мнѣнія людскаго; первая изъ нихъ, т. е. жизнь нравственная ради Божественнаго начала, есть жизнь духовная. Та и другая, по внѣшнему виду, кажутся одинаковыми, но внутри онѣ совершенно различны: одна спасаетъ человѣка, другая нѣтъ; кто ведетъ жизнь нравственную ради Божественнаго начала, тотъ ведомъ этимъ началомъ, а кто ведетъ нравственную жизнь ради людскаго мнѣнія, тотъ ведомъ самимъ собою. Это будетъ яснѣе изъ слѣдующаго примѣра: кто не дѣлаетъ зла ближнему изъ того, что это противно вѣрѣ (религіи), и, слѣдовательно, противно Божественному началу, тотъ воздерживается отъ зла изъ духовнаго побужденія; но, кто не дѣлаетъ зла другому единственно изъ страху закона, изъ страха потерять доброе имя, честь или выгоду, и, слѣдовательно, воздерживается отъ зла, только ради себя и міра, тотъ воздерживается отъ зла изъ природнаго побужденія, и ведомъ самимъ собою; жизнь этого человѣка природная, а того — духовная. Человѣкъ, коего нравственная жизнь духовна, носитъ небеса въ себѣ самомъ, но тотъ, коего нравственная жизнь только природна, не слышитъ въ себѣ небесъ. Это происходитъ

отъ того, что небеса наитствуютъ свыше, и раскрываютъ внутреннія начала, а чрезъ внутреннія начала наитствуютъ на внѣшнія; межъ тѣмъ, какъ міръ вліяетъ снизу, и раскрываетъ внѣшнія начала, а не внутреннія: ибо нѣтъ никакого вліянія изъ міра природнаго на духовный, но есть вліяніе или наитіе изъ міра духовнаго на природный; вслѣдствіе этого, при одномъ вліяніи изъ міра природнаго, безъ принятія въ тоже время и небесъ, внутреннія начала закрываются. Изъ этого можно видѣть кто тѣ, кои пріемлютъ въ себя небеса, и тѣ, кои не пріемлютъ ихъ. Однакожъ небеса, въ одномъ человѣкѣ, не подобны небесамъ, въ другомъ человѣкѣ: они различаются въ каждомъ по любви ко благу и къ истинѣ, отъ сего блага происходящей; любящіе благо ради Божественнаго начала, любятъ и Божественную истину, ибо благо и истина любятъ себя взаимно, и ищутъ соединенія. Вотъ почему язычники, хотя они и не обрѣтаются здѣсь въ подлинныхъ истинахъ, но въ той жизни, по любви своей къ нимъ, пріемлютъ ихъ.

320. Какой-то духъ изъ язычниковъ, жившій на землѣ въ добрѣ благостыни, согласно понятіямъ своей вѣры, услыхалъ, какъ духи изъ христіанъ, разсуждали о томъ, чему слѣдуетъ вѣрить (разсужденія духовъ между собою, особенно о благахъ и истинахъ, несравненно полнѣе и умнѣе чѣмъ людскія), и удивился, что они такъ спорятъ, сказавъ, что онъ не хочетъ и слушать ихъ, ибо они разсуждаютъ основываясь на одномъ видимомъ и обманчивомъ; онъ поучилъ ихъ слѣдующимъ образомъ: если во мнѣ есть благо, то чрезъ это самое благо, я могу подлинност

истины признать, а истину мнѣ невѣдомую могу узнать.

321. Изъ многихъ случаевъ я узналъ, что язычники, жившіе нравственно, въ повиновеніи и послушаніи, во взаимной благостынѣ, согласно понятіямъ своей вѣры, и вслѣдствіе того, стяжавшіе нѣкоторую степень совѣсти, пріемлются въ той жизни, и съ особеннымъ тщаніемъ поучаются тамъ ангелами во благахъ и истинахъ вѣры, и что покуда они поучаются, они ведутъ себя скромно, разумно и мудро, легко принимаютъ истину и проникаются ею: ибо они не составили себѣ, противъ истинъ вѣры, ложныхъ понятій, которыя бы нужно было опровергать, ни тѣмъ менѣе, какихъ либо нечестивыхъ понятій о Господѣ, подобно многимъ изъ Христіанъ, которые не имѣютъ о Господѣ другаго понятія, какъ о простомъ человѣкѣ. Когда языкники узнаютъ, что Богъ сталъ человѣкомъ и, такимъ образомъ, явилъ себя міру, они тотчасъ признаютъ это, и поклоняются Господу, говоря, что всеконечно Богъ могъ явить себя міру, ибо онъ есть Богъ небесъ и земли, и родъ человѣческій принадлежитъ ему. — Безспорна та божественная истина, что безъ Господа нѣтъ никакого спасенія; но подъ этимъ должно понимать, что нѣтъ другаго спасенія, какъ черезъ Господа. Вселенная полна земель и всѣ онѣ полны жителей: едва нѣкоторые изъ нихъ знаютъ, что Господь принялъ человѣчность на нашей землѣ; но, такъ какъ они поклоняются Божественному началу въ человѣческомъ образѣ, то они принимаются и ведутся Господомъ; см. объ этомъ небольшое сочиненіе *О земляхъ Вселенной.*

322. Между язычниками, какъ и между Христіанами, есть мудрые люди и простые; чтобъ я могъ узнать каковы тѣ и другіе, мнѣ дано было говорить съ ними, иногда въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, а иногда въ продолженіи цѣлыхъ дней. Но нынѣ не бываетъ тѣхъ мудрыхъ людей, какъ бывало въ древности, и особенно въ Древней Церкви, которая распространилась почти по всей Азіи, и вѣрованія которой перешли ко многимъ языческимъ народамъ; чтобъ я могъ узнать каковы были мудрецы того времени, мнѣ дано было дружески бесѣдовать съ нѣкоторыми изъ нихъ. Ко мнѣ пришелъ духъ, который былъ нѣкогда одинъ изъ самыхъ мудрыхъ людей и потому извѣстенъ нынѣ въ ученомъ мірѣ; я говорилъ съ нимъ о разныхъ предметахъ, и мнѣ дано было пологать, что это былъ Цицеронъ; знавши его за мудреца, я повелъ разговоръ о мудрости, о разумѣ, о порядкѣ, о Словѣ и наконецъ о Господѣ: относительно мудрости онъ мнѣ сказалъ, что нѣтъ другой мудрости, кромѣ относящейся къ жизни, и что ничто другое не заслуживаетъ этого названія; объ разумѣніи онъ сказалъ мнѣ, что оно исходитъ отъ мудрости; о порядкѣ, что онъ исходитъ отъ всевышняго Бога, и что жить въ порядкѣ значитъ быть мудрымъ и разумнымъ; что касается до Слова, то когда я прочиталъ ему нѣсколько строкъ изъ пророковъ, онъ нашелъ въ этомъ величайшее удовольствіе и особенно въ томъ, что каждое имя и каждое слово имѣютъ внутреннее значеніе, и весьма дивился, что ученые нынѣшняго времени не находятъ удовольствія въ такомъ изученіи Слова; я

видѣлъ ясно, что внутреннія начала мысли или духа (mentis) его были раскрыты, но онъ сказалъ мнѣ что болѣе слушать не можетъ, потому что постигаемое было для него слишкомъ свято, чтобъ онъ могъ его долѣе выносить, — до такой степени онъ былъ этимъ чтеніемъ внутренно проникнутъ. Наконецъ я заговорилъ съ нимъ о Господѣ и сказалъ, что онъ родился человѣкомъ, но былъ зачатъ отъ Бога, совлекся человѣчности полученной имъ отъ матери и облекся въ человѣчность Божественную, и что онъ, а не другой кто, управляетъ вселенной. На это собесѣдникъ мой отвѣчалъ мнѣ, что онъ знаетъ о Господѣ многое, и постигаетъ по своему, что спасеніе рода человѣческаго не могло совершиться иначе. Въ продолженіи нашего разговора, нѣсколько злыхъ духовъ изъ Христіанъ, внушали разные соблазны; но онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія, говоря, что это не удивительно, ибо въ продолженіи земной жизни свой, они набрались объ этомъ предметѣ ложныхъ понятій, и что покуда эти понятія не будутъ устранены, они не могутъ утвердиться въ понятіяхъ противоположныхъ, какъ тѣ люди, которые оставались въ полномъ невѣденіи.

323. Мнѣ также дано было говорить съ другими духами, жившими въ древности, и принадлежавшими тогда къ числу самыхъ мудрыхъ. Я сперва увидалъ ихъ спереди, въ нѣкоторомъ разстояніи; съ этого мѣста они могли постичь мои внутреннія мысли, и, слѣдовательно, многое въ нихъ весьма отчетливо: изъ одной мысли моей они могли узнавать весь тотъ рядъ понятій, къ которымъ она относилась, и испол-

нять ее наслажденіями мудрости и прекрасными образами. Изъ этого я понялъ, что эти духи были изъ числа самыхъ мудрыхъ, и мнѣ было сказано, что они были изъ древнихъ. Тогда они приблизились ко мнѣ, и когда я прочиталъ имъ кое что изъ Слова, они нашли въ этомъ величайшее наслажденіе; я постигалъ въ чемъ именно состояло ихъ удовольствіе и наслажденіе: оно наиболѣе происходило отъ того, что все слышанное ими изъ Слова, какъ вообще, такъ и въ частности, прообразовало и означало предметы небесные и духовные. Они сказали при этомъ, что въ то время, когда они жили на землѣ, образъ ихъ мышленія, рѣчь и даже самое письмо, были именно таковы, и что вся мудрость ихъ состояла въ изученіи науки соотвѣтствій.

324. Что же касается до нынѣшнихъ язычниковъ, то они не одарены такой мудростію, но большею частью простодушны; тѣ изъ нихъ однакожъ, которые жили во взаимной благостынѣ, становятся мудрыми въ той жизни, и вотъ тому примѣры: однажды, когда я читалъ XVII и XVIII главу книги Судей, о томъ, какъ сыновья Дановы *внидоша въ домъ Михинъ, и взяша Ефудъ, и Ѳерафінъ, и сліяно и изваяно*, — при этомъ былъ одинъ духъ изъ язычниковъ, который, живши на землѣ, поклонялся изваянному образу. Слушая внимательно случившееся съ Михой, и какъ онъ горевалъ о похищенномъ у него изваянномъ образѣ, самъ духъ этотъ исполнился печали и до того предался ей, что отъ внутренней боли растерялся въ мысляхъ; я постигалъ его боль и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невинность въ каждомъ его чувствѣ:

духи изъ Христіанъ также были при этомъ и наблюдали, и весьма удивлялись, что поклонникъ изваяннаго куміра былъ полонъ столь глубокаго чувства сострааданія и невинности. Послѣ того добрые духи стали бесѣдовать съ нимъ и сказали ему, что не должно поклоняться изваянному куміру, и что онъ, какъ человѣкъ, можетъ понять эту истину; что онъ, отъ этого куміра, долженъ возноситься мыслями къ тому Богу, который сотворилъ небеса и землю, и который управляетъ ими, и что этотъ Богъ есть Господь. Покуда они такимъ образомъ говорили, мнѣ дано было постичь внутреннее чувство его поклоненія; оно сообщалось мнѣ, и было гораздо святѣе, чѣмъ у Христіанъ. Изъ этого можно ясно видѣть, что язычники легче восходятъ на небеса, чѣмъ Христіане нынѣшняго времени, какъ и говоритъ Господь у Луки: *И пріидутъ отъ востока и запада, и сѣвера и юга, и возлягутъ въ царствіи Божіи. И се суть послѣдніи, иже будутъ первіи, и суть первіи иже будутъ послѣдніи.* XIII. 29. 30; ибо духъ этотъ, по состоянію своему, могъ научиться всему относящемуся до вѣры, и принять это съ внутреннимъ чувствомъ: въ немъ было милосердіе, принадлежащее любви, и въ его невѣденіи была невинность, а въ комъ есть милосердіе и невинность, тотъ добровольно и съ радостью принимаетъ все, относящееся до вѣры. Этотъ духъ былъ впослѣдствіи принятъ въ число ангеловъ.

325. Однажды утромъ я услышалъ въ нѣкоторомъ разстояніи хоръ, и по изображеніямъ этого хора, мнѣ дано было узнать, что это были Китайцы: они изображали козла, покрытаго шерстью, потомъ пирогъ

изъ пшена и ложку изъ чернаго дерева, соединяя все это съ понятіемъ о плывущемъ городѣ. Они выразили желаніе подойти ко мнѣ ближе и, приближаясь, говорили, что хотѣли быть со мной на единѣ, чтобъ открыться въ своихъ мысляхъ; но имъ было сказано, что они не могутъ остаться одни, и что другіе негодуютъ на нихъ за такое ихъ желаніе, неумѣстное для гостей. Замѣтивъ негодованіе другихъ, они стали думать не поступили ли они дурно противъ ближняго, и не присвоили ли они себѣ чего либо принадлежащаго другимъ: извѣстно, что всѣ помышленія въ той жизни сообщаются: посему мнѣ дано было замѣтить внутреннее волненіе этихъ духовъ, происходившее отъ смущенія и опасенія не обидѣли ли они кого, и отъ подобныхъ сему добрыхъ чувствъ; изъ этого я могъ узнать, что въ нихъ была благостыня. Вскорѣ послѣ того я сталъ съ ними бесѣдовать и наконецъ говорить имъ о Господѣ: назвавъ его Христомъ, я замѣтилъ въ нихъ какое то отвращеніе; но оказалось, что оно происходило отъ того понятія, которое они вынесли изъ міра, ибо имъ извѣстно было, что Христіане живутъ хуже ихъ и безъ всякой благостыни. Когда же я называлъ его просто Господомъ, они были внутренно тронуты. Послѣ того, они узнали отъ ангеловъ, что Христіанское ученіе болѣе всѣхъ прочихъ настаиваетъ о любви и благостынѣ, но что не многіе живутъ по этому ученію. Нѣкоторые язычники, живши на землѣ, знали по разговорамъ и молвѣ, что Христіане ведутъ дурную жизнь, предаваясь любодѣянію, ненависти, ссорамъ, пьянству, и другимъ подобнымъ порокамъ, которыхъ они гнуша-

ются, какъ противныхъ правиламъ ихъ вѣры; эти язычники, въ той жизни, съ бо́льшею робостію, чѣмъ другіе, принимаютъ истины вѣры; но впослѣдствіи они узнаютъ отъ ангеловъ, что Христіанское ученіе и самая вѣра учатъ совершенно другому, а только сами Христіане, гораздо менѣе, чѣмъ язычники, живутъ по заповѣдямъ своего ученія: убѣдившись въ этомъ они принимаютъ истины вѣры и поклоняются Господу, но не такъ скоро, какъ другіе.

326. Большею частію случается, что язычники поклонявшіеся какому либо Богу подъ видомъ иконы, статуи, или какого нибудь куміра, приводятся въ той жизни къ нѣкоторымъ духамъ, которыхъ они принимаютъ за своихъ боговъ или куміровъ, — съ тою цѣлію чтобы они покинули свои мечтательныя понятія (фантазіи); послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія съ этимъ духами, они отъ нихъ удаляются. Также и люди поклонявшіеся другимъ людямъ, иногда приводятся къ нимъ, или къ другимъ ихъ олицетвореніямъ; напримѣръ, многіе изъ Іудеевъ приводятся къ Аврааму, Іакову, Моисею, Давиду; но когда они замѣчаютъ, что въ нихъ столько же человѣчности, какъ и въ другихъ людяхъ, и что они не могутъ получить отъ нихъ никакой помощи, тогда они приходятъ въ смущеніе, и отводятся къ своимъ мѣстамъ, смотря по жизни, которую они вели. Изъ всѣхъ язычниковъ, всего болѣе любятъ на небесахъ Африканцевъ, затѣмъ что они скорѣе всѣхъ другихъ принимаютъ благо и истину небесныя; они въ особенности хотятъ, чтобы ихъ называли послушными, а не вѣрными: они говорятъ, что Христіане, имѣя у себя ученіе о вѣрѣ,

могутъ называтся вѣрными; они же не могутъ, развѣ въ томъ случаѣ только, когда они примутъ это ученіе, или, какъ они говорятъ, станутъ способными принять его.

327. Я говорилъ съ нѣкоторыми духами, принадлежавшими къ Древней Церкви, т. е. къ той церкви, которая существовала послѣ потопа, и распространилась тогда во многихъ царствахъ, какъ то: въ Ассиріи, Месопотаміи, Сиріи, Эѳіопіи, Аравіи, Ливіи, Египтѣ, Филистеѣ до Тира и Сидона, и въ землѣ Ханаанской по ту и сю сторону Іордана. Эти духи знали въ то время о Господѣ, что ему надлежало придти, и были поучаемы благамъ вѣры; но тѣмъ не менѣе отклонились отъ нихъ и стали идолопоклонниками. Они находились впереди, влѣво, въ мрачномъ мѣстѣ и въ жалкомъ состояніи; ихъ рѣчь походила на звукъ ѳлейты, съ одной только нотой, и въ ней казалось небыло ни одной мысли разсудочной: они сказали мнѣ, что находятся въ этомъ мѣстѣ уже нѣсколько столѣтій, и что ихъ иногда берутъ оттуда, чтобъ отправлять при другихъ духахъ, какія нибудь низшія службы. Видя все это, я подумалъ о томъ какая участь ожидаетъ въ той жизни многихъ Христіанъ, которые, хотя по внѣшнему не идолопоклонники, но суть такими внутри, ибо они поклоняются себѣ самимъ и міру, и въ сердцѣ своемъ отрицаютъ Господа.

328. О томъ, что церковь Господня распространена по всему земному шару, и, слѣдовательно, можетъ именоваться вселенскою; что она заключаетъ въ себѣ всѣхъ жившихъ по вѣрѣ своей (secundum religiosum)

въ добрѣ благостыни; и что та церковь, въ коей находится Слово, и которая чрезъ него знаетъ о Господѣ, относится къ живущимъ внѣ ея предѣловъ, какъ относятся къ тѣлу человѣческому сердце и легкія, отъ которыхъ всѣ черева и члены тѣла различно заимствуютъ жизнь свою, согласно своимъ формамъ, положеніямъ и сочетаніямъ, — см. выше н. 308.

О дѣтяхъ на небесахъ.

329. Нѣкоторые люди думаютъ, что только тѣ дѣти идутъ въ небеса, которые рождены внутри церкви, а не тѣ кои рождены внѣ церкви; на томъ основаніи, какъ они говорятъ, что дѣти рожденные внутри церкви крещеные, и что крещеніемъ они приняли вѣру церкви. Но эти люди не знаютъ, что никто чрезъ крещеніе не становится причастникомъ небесъ и вѣры: ибо крещеніе установлено только въ знакъ и память того, что человѣкъ долженъ возродиться, и что человѣкъ, рожденный внутри церкви, можетъ возродиться, потому что въ этой церкви есть Слово, въ которомъ содержатся Божественныя истины, посредствомъ коихъ достигается возрожденіе, и потому также, что въ этой церкви вѣдомъ Господь, черезъ котораго возрожденіе совершается. Да будетъ же вѣдомо, что каждый ребенокъ, гдѣ бы онъ ни родился, внутри или внѣ церкви, отъ родителей благочестивыхъ или нечестивыхъ, по смерти своей, принимается Господомъ и воспитывается на небесахъ; тамъ

онъ поучается согласно Божественному порядку, и исполняется любовію къ благу, а чрезъ нее и познаній истины; послѣ же того, по мѣрѣ совершенствованія своего въ разумѣ и мудрости, онъ вводится въ небеса и становится ангеломъ. Всякій, мыслящій по разсудку, можетъ понять, что никто не рожденъ для ада, а что всякій рожденъ для небесъ, и что, если человѣкъ идетъ въ адъ, то это по собственной его винѣ, а что за дѣтьми никакой вины быть еще не можетъ.

330. Умершіе дѣти являются такими же дѣтьми и въ той жизни; у нихъ тотъ же дѣтскій нравъ, таже невинность въ невѣденіи, таже нѣжность во всемъ; но только они находятся еще въ приготовительномъ состояніи, чтобъ они могли впослѣдствіи стать ангелами, ибо дѣти не ангелы, а становятся ими. Всякій, отходящій отъ здѣшняго міра, воскресаетъ тамъ въ точно такомъ же состояніи жизни, въ какомъ онъ былъ здѣсь: ребенокъ, въ состояніи ребенка; дитя, въ состояніи дитяти; юноша, въ состояніи юноши, равно какъ мужъ и старецъ, въ состояніяхъ мужества и старости; но состояніе каждаго мѣняется въ послѣдствіи. Однакожъ, состояніе дѣтей превосходитъ состояніе прочихъ возрастовъ, въ томъ отношеніи, что они находятся въ невинности, и что зло, происходящее отъ дѣйствительной жизни, еще не вкоренилось въ нихъ; невинность же такова, что въ ней можетъ приняться все небесное, ибо невинность есть пріемникъ истины вѣры и блага любви.

331. Состояніе дѣтей въ той жизни много превосходнѣе состоянія дѣтей на землѣ, ибо они тамъ не

облечены въ земное тѣло, но въ подобное ангельскому: тѣло земное по себѣ тяжело и грубо, оно не извнутри или не изъ духовнаго міра, принимаетъ первыя свои ощущенія и движенія, но извнѣ или изъ природнаго міра; поэтому дѣти здѣсь должны учиться ходьбѣ, тѣлодвиженіямъ и рѣчи; даже болѣе того, ихъ внѣшнія чувства, какъ то, слухъ и осязаніе, должны развиваться въ нихъ отъ упражненія. Иначе бываетъ съ дѣтьми въ той жизни: такъ какъ они духи, то они тотчасъ начинаютъ дѣйствовать по своимъ внутреннимъ началамъ, начинаютъ ходить и говорить безъ предварительныхъ упражненій, но только рѣчь ихъ вначалѣ выходитъ изъ общаго чувства, еще не вполнѣ выражающагося въ понятіяхъ мышленія; въ скоромъ же времени они и съ ними знакомятся; все это совершается такъ скоро, потому что внѣшнее въ дѣтяхъ согласно съ ихъ внутреннимъ. О томъ, что рѣчь ангельская вытекаетъ изъ различныхъ чувствъ, смотря по понятіямъ мышленія, такъ что рѣчь ихъ совершенно сообразна съ мыслями, исходящими отъ чувства, см. нн. 234—245.

332. Какъ только дѣти воскресаютъ, что случается немедленно послѣ ихъ смерти, они возносятся на небеса, и передаются тѣмъ ангеламъ женскаго пола, которые въ земной жизни своей нѣжно любили дѣтей, любя притомъ и Бога; такъ какъ на землѣ они любили всѣхъ дѣтей съ почти материнской нѣжностью, то они принимаютъ ихъ какъ своихъ, и равно дѣти по врожденной имъ наклонности, любятъ ихъ какъ матерей: каждая имѣетъ при себѣ столько дѣтей, сколько она ихъ желаетъ по своей материнской ду-

ховной любви (чувство материнской любви названо въ подлинникѣ особымъ словомъ *сторге*, storge). Эти небеса являются впереди, противъ самаго чела, прямо въ томъ направленіи или радіусѣ, въ которомъ ангелы взираютъ на Господа: эти небеса расположены такимъ образомъ, потому что всѣ дѣти находятся подъ непосредственномъ усмотрѣніемъ Господа; небеса невинности, т. е. третьи небеса, также вліяютъ на нихъ.

333. Дѣти по наклонностямъ своимъ различны; иные приближаются ими къ ангеламъ духовнымъ, а другіе къ ангеламъ небеснымъ: дѣти съ небесными наклонностями являются въ этихъ небесахъ съ правой стороны, а дѣти съ духовными наклонностями, съ лѣвой. Всѣ дѣти въ великомъ человѣкѣ, т. е. въ небесахъ, занимаютъ область глазъ: въ области лѣваго глаза находятся тѣ, кои съ духовными наклонностями, а въ области праваго глаза тѣ, кои съ небесными наклонностями; потому что Господь является ангеламъ духовнаго царства передъ лѣвымъ глазомъ, а ангеламъ небеснаго царства передъ правымъ, см. выше н. 112. Изъ того, что дѣти въ великомъ человѣкѣ, или небесахъ, находятся въ области глазъ, очевидно, что они находятся и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и усмотрѣніемъ Господа.

334. Скажу также въ нѣсколькихъ словахъ, какимъ образомъ воспитываются дѣти на небесахъ. У своихъ воспитательницъ они учатся говорить; первая рѣчь ихъ есть только звукъ выражающій чувство, и становящійся отчетливѣе по мѣрѣ того, какъ понятія мышленія слагаются въ нихъ; ибо вся рѣчь ан-

гельская состоитъ изъ понятій мышленія, происходящихъ отъ чувствъ ихъ, см. главу объ этомъ предметѣ, нн. 234—245. Сначала внушаютъ чувствамъ ихъ, которыя всѣ исходятъ отъ невинности, такія вещи, которыя являются передъ ихъ глазами и пріятны имъ; а такъ какъ эти вещи духовнаго происхожденія, то вмѣстѣ съ ними вліяютъ и предметы, относящіеся до небесъ, чрезъ что внутреннія начала въ дѣтяхъ раскрываются, и они съ каждымъ днемъ совершенствуются: по минованіи этого перваго возраста, они переводятся въ другія небеса, гдѣ обучаются учителями, и такъ далѣе.

335, Дѣти, въ особенности обучаются посредствомъ изображеній (representativum), или представленій принаровленныхъ къ ихъ способностямъ, и никто не повѣритъ до какой степени эти изображенія прекрасны и полны мудрости отъ внутренняго источника; такимъ образомъ, дѣтямъ постепенно внушается разумѣніе, которое получаетъ жизнь свою отъ блага. Довольно упомянуть здѣсь о двухъ изображеніяхъ, которыя мнѣ дано было видѣть; по нимъ можно судить и объ остальныхъ. Первое изображало Господа, возносящагося изъ гроба и, вмѣстѣ съ тѣмъ, соединеніе его человѣческаго начала съ Божественнымъ, что дѣлалось столь мудрымъ образомъ, что оно превосходило всякую человѣческую мудрость, хотя, въ тоже время, дѣлалось дѣтски и невинно. При этомъ дѣти изображали и понятіе о гробѣ, не соединяя однакожъ его съ понятіемъ о Господѣ, котораго присутствіе постигалось только какъ бы издалека; такъ дѣлалось потому, что понятіе о гробѣ заключаетъ въ себѣ

что то похоронное, что такимъ путемъ устранялось. Затѣмъ они наполняли гробъ чѣмъ то воздушнымъ, казавшимся однакожъ, какъ бы слегка водянистымъ; этимъ они означали, также съ приличными устраненіями, духовную жизнь въ крещеніи. Послѣ того я видѣлъ, какъ они изображали Господа, сходящаго къ бывшимъ въ узахъ смерти (ad vinctos), и возшествіе его съ ними на небеса; все это дѣлалось съ несравненнымъ благочестіемъ и осторожностью. Вполнѣ дѣтскимъ было то, что они опускали почти незамѣтныя, легинькія и мягкія ниточки, которыми поддерживали Господа въ его вознесеніи; во все время они были въ святомъ страхѣ, чтобъ какая нибудь часть ихъ представленія не коснулась чего либо не заключающаго въ себѣ духовно-небесныхъ понятій. Кромѣ того у нихъ есть другія представленія, коими они приводятся къ познаніямъ истины и къ возлюбленіямъ блага, какъ бы играми сообразными съ ихъ нравами.

336. Мнѣ было показано сколь нѣженъ ихъ разумъ. Въ то время, какъ я читалъ молитву Господню, они разумнымъ началомъ своимъ вліяли на понятія моей мысли, и я замѣчалъ, что ихъ вліяніе было такъ нѣжно и такъ мягко, что оно принадлежало какъ бы одной только любви (affectioni); въ тоже время я замѣчалъ, что разумное начало ихъ было раскрыто, какъ бы начиная отъ Господа, ибо то, что вліяло отъ нихъ, вліяло какъ бы и черезъ нихъ (sicut transfluens). Господь въ особенности вліяетъ на понятія дѣтей чрезъ внутреннія ихъ начала, потому что, не какъ у взрослыхъ, ничто еще не замкнуло ихъ

понятій; ни одно ложное начало не препятствуетъ имъ принять истину, и жизнь во злѣ не препятствуетъ имъ принять благо, слѣдовательно, достичь мудрости. Изъ этого можно видѣть, что дѣти, послѣ смерти, не приходятъ тотчасъ въ состояніе ангельское, но что они постепенно приводятся къ нему познаніями блага и истины; и что это дѣлается согласно всему небесному порядку, ибо всѣ малѣйшіе оттѣнки ихъ нрава вѣдомы Господу; вслѣдствіе чего они и приводятся къ принятію блага и истинъ блага, согласно всѣмъ общимъ и частнымъ побужденіямъ своихъ наклонностей.

337. Мнѣ было также показано какимъ образомъ имъ все внушается съ удовольствіемъ и пріятностью, приличными ихъ нраву: мнѣ дано было видѣть дѣтей одѣтыхъ съ величайшимъ изяществомъ; вокругъ груди ихъ были вѣнки изъ цвѣтовъ, блестѣвшихъ самыми пріятными и небесными красками; такимъ же образомъ были украшены и ихъ нѣжныя руки. Въ другой разъ мнѣ дано было видѣть дѣтей съ ихъ наставницами и съ дѣвицами, въ райскомъ саду, украшеномъ не столько деревьями, какъ лавровыми бесѣдками, образующими портики и аллеи ведущія внутрь сада; дѣти были одѣты, какъ было сказано выше, и когда они входили, цвѣты, осѣнявшіе входъ, исполнялись восхитительнымъ блескомъ. Изъ этого можно видѣть въ чемъ состоятъ ихъ наслажденія, и какимъ образомъ они, разными удовольствіями и радостями, приводятся къ благамъ невинности и благостыни, благамъ, кои постоянно внушаются Господомъ посредствомъ этихъ удовольствій и радостей.

338. Мнѣ было показано, посредствомъ общенія, весьма обыкновеннаго въ той жизни, въ чемъ состоятъ понятія дѣтей, когда они видятъ какой нибудь предметъ: всѣ предметы, какъ вообще, такъ и въ частности, представляются имъ, какъ бы живые; поэтому, въ каждомъ понятіи ихъ мысли есть жизнь. И я постигъ, что почти подобныя же понятія бываютъ у дѣтей на землѣ, когда они забавляются своими играми; ибо у нихъ еще нѣтъ того разсужденія, какъ у взрослыхъ, чтобъ различить неодушевленный предметъ отъ одушевленнаго.

339. Выше было сказано, что дѣти бываютъ или съ духовными или съ небесными наклонностями; тѣ, кои съ небесными, легко различаются отъ тѣхъ, которые съ духовными наклонностями: первые, думаютъ, говорятъ и дѣйствуютъ гораздо мягче, такъ что при этомъ едва ли что видно, кромѣ чего то текучаго, исходящаго отъ любви къ благу, направленной къ Господу и къ другимъ дѣтямъ; у вторыхъ, нѣтъ такой мягкости въ ихъ мысляхъ, словахъ и дѣйствіяхъ, но во всемъ, что они дѣлаютъ, замѣчается какъ бы что то трепещущее или дрожащее (alatum vibratile); они узнаются также по негодованію, которое иногда выказываютъ, и по многому другому.

340. Многіе могутъ думать, что дѣти остаются дѣтьми на небесахъ, и что они живутъ какъ дѣти между ангелами; тѣ кои незнаютъ, что такое ангелы, могли утвердиться въ этомъ понятіи, видя иногда въ церквяхъ иконы, на которыхъ ангелы изображены дѣтьми. Но на дѣлѣ совсѣмъ иное: разумѣніе и мудрость образуютъ ангела, и покуда того и другаго

нѣтъ въ дѣтяхъ, они, хотя и живутъ между ангелами, но сами не ангелы; когда они становятся разумными и мудрыми, тогда только они становятся ангелами, и, что удивляло меня, они тогда не кажутся болѣе дѣтьми, но взрослыми, ибо тогда нравъ ихъ уже не дѣтскій, но созрѣвшій, ангельскій; эта зрѣлость принадлежитъ разумѣнію и мудрости. Если дѣти, по мѣрѣ усовершенія въ разумѣніи и мудрости, кажутся ростомъ выше, подобно отрокамъ или юношамъ, то это вслѣдствіе того, что разумѣніе и мудрость составляютъ настоящую духовную пищу: то что питаетъ ихъ духъ, питаетъ въ тоже время ихъ тѣло, по соотвѣтствію; ибо образъ тѣлесный, есть ничто другое, какъ внѣшній образъ внутреннихъ началъ. Должно знать, что дѣти на небесахъ не вырастаютъ далѣе первой молодости, при которой они и остаются во всю вѣчность. Чтобъ я могъ вполнѣ убѣдиться въ этомъ, мнѣ дано было говорить съ такими изъ нихъ, которые были воспитаны на небесахъ и выросли тамъ; съ другими, которые были еще дѣтьми, и съ ними же впослѣдствіи, когда они уже стали юношами: отъ нихъ я узналъ образъ ихъ жизни, отъ одного возраста до другаго.

341. Что невинность есть пріемникъ всего, относящагося до небесъ, и что такимъ образомъ, невинность дѣтей есть основа для всѣхъ чувствъ любви къ благу и истинѣ, можно видѣть это изъ того, что было сказано выше, нн. 276—283, о невинности ангеловъ на небесахъ, а именно,—что невинность состоитъ въ томъ, чтобы хотѣть быть ведому Господомъ, а не самимъ собою; что слѣдовательно человѣкъ на столь-

ко въ невинности, на сколько онъ далекъ отъ соби, а на сколько кто далекъ отъ соби, на столько онъ въ соби Господней: собь Господня есть то, что называется правдой (justicia) и заслугой Господней. При всемъ этомъ, невинность дѣтская не есть настоящая (genuina) невинность, потому что она еще безъ мудрости; настоящая невинность есть мудрость, ибо на сколько кто мудръ, на столько онъ любитъ, чтобы велъ его Господь, или, что тоже, на сколько кто ведомъ Господомъ, на столько онъ мудръ. Поэтому, дѣти, отъ внѣшней невинности, въ которой они сперва находятся, и которая называется невинностью дѣтства, переходятъ къ невинности внутренней, которая есть невинность мудрости; эта мудрость, есть цѣль (finis) всего ихъ образованія и преуспѣянія; поэтому, когда они достигаютъ невинности мудрости, тогда къ нимъ присоединяется и невинность дѣтства, которая въ тоже время служила имъ основою (planum). Невинность дѣтей была мнѣ изображена въ видѣ чего то древеснаго, почти безжизненнаго, но постепенно оживлявшагося, по мѣрѣ того какъ дѣти усовершались познаніями истины и чувствами любви къ благу; послѣ того, настоящая невинность была мнѣ представлена въ видѣ прекраснаго ребенка, полнаго жизни и нагаго. Самые невинные ангелы, обитающіе въ самыхъ внутреннихъ небесахъ и, слѣдовательно, самые близкіе къ Господу, не представляются другимъ ангеламъ иначе, какъ дѣтьми и даже нагими, потому что невинность изображается наготою, которая не внушаетъ стыда, какъ мы читаемъ это о первомъ человѣкѣ и женѣ его въ раю, — Бытія II. 25; а

какъ только они утратили свое состоянiе невинности, они устыдились своей наготы и скрылись, гл. III. 7. 10. 11. Словомъ, чѣмъ болѣе въ ангелахъ мудрости, тѣмъ болѣе въ нихъ невинности, и чѣмъ болѣе они невинны, тѣмъ болѣе они сами себѣ кажутся дѣтьми, поэтому и дѣтство въ Словѣ означаетъ невинность, см. н. 278.

342. Говоря съ ангелами объ дѣтяхъ, я спрашивалъ чисты ли они отъ зла, ибо въ нихъ нѣтъ дѣйствительнаго зла, какъ въ взрослыхъ. На это мнѣ было сказано, что они одинаково подвержены злу, и даже сами суть ничто иное какъ зло; но что они, какъ и всѣ ангелы, воздерживаются Господомъ отъ зла и содержатся во благѣ, такимъ однако образомъ, что имъ кажется будто они въ благѣ сами отъ себя. Чтобъ дѣти, взросшiе на небесахъ, не остались о себѣ въ томъ ложномъ понятiи будто благо, которое въ нихъ, исходитъ отъ нихъ же самихъ, а не отъ Господа, ихъ иногда возвращаютъ въ то зло, которое они получили по наслѣдству, и оставляютъ въ немъ, покуда они не узнаютъ, не признаютъ и не повѣрятъ, что это не такъ. Какой то духъ изъ царскихъ дѣтей, умершiй ребенкомъ, но взросшiй на небесахъ, былъ вышесказаннаго мнѣнiя; поэтому, онъ былъ возвращенъ къ врожденной ему жизни во злѣ, и тогда, по сферѣ этой жизни, я постигъ, что въ немъ былъ духъ властолюбiя, и что онъ ни во что не ставилъ прелюбодѣянiе: это зло онъ получилъ отъ родителей своихъ по наслѣдству, но когда онъ сознался въ немъ, онъ былъ снова принятъ въ общество тѣхъ ангеловъ, съ которыми онъ жилъ и прежде. Никогда человѣкъ,

въ той жизни, не наказывается за наслѣдственное зло, потому что это зло ему не принадлежитъ, и онъ сталъ такимъ не по своей волѣ; но онъ наказывается за дѣйствительное зло, которое принадлежитъ ему, и слѣдовательно за все то, что онъ, дѣйствительною жизнію, усвоилъ себѣ изъ наслѣдственнаго зла. Если дѣтей, взросшихъ на небесахъ, возвращаютъ въ состояніе ихъ наслѣдственнаго зла, то это дѣлается не съ тою цѣлію, чтобъ они за него были наказаны, но для того, чтобъ они знали, что, сами по себѣ, они одно зло; что изъ аду, который въ нихъ, они подъемлются въ небеса милосердіемъ Божіемъ, и находятся на небесахъ, не по своимъ заслугамъ, но по милости Господней; вслѣдствіе чего, они не должны передъ другими гордиться благомъ, которое въ нихъ есть, ибо это столько же противно благу взаимной любви, сколько истинѣ вѣры.

343. Неоднократно, когда бывало толпа дѣтей самаго ранняго возраста собирались вокругъ меня, я слышалъ ихъ, какъ что то нѣжное, нестройное, т. е. они еще не дѣйствовали согласно и единодушно, какъ бываетъ это въ послѣдствіи, когда они становятся взрослыми. Меня удивляло при этомъ, что духи, бывшіе со мной, не могли удержаться, чтобъ не подстрекать ихъ къ разговору; такое желаніе врождено духамъ; но я замѣчалъ, что дѣти каждый разъ противились, и не хотѣли говорить изъ принужденія; я довольно часто замѣчалъ, что ихъ сопротивленіе и отвращеніе сопровождались какимъ то негодованіемъ, и когда имъ давалась нѣкоторая свобода говорить, они только повторяли: это не такъ. Мнѣ дано было узнать,

что въ этомъ состоитъ ихъ искушеніе, и что оно допускается съ тою цѣлію, чтобъ они привыкали и научались, не только противиться злу и лжи, но и не думать, не говорить и не дѣйствовать по вліянію другихъ, и, слѣдовательно, не допускать, чтобъ ихъ велъ кто другой, кромѣ одного Господа.

344. Изъ вышесказаннаго можно видѣть каково воспитаніе дѣтей на небесахъ, т. е. что посредствомъ разумѣнія истины и мудрости блага, они приводятся къ жизни ангельской, состоящей въ любви къ Господу и въ любви взаимной, въ которыхъ обѣихъ пребываетъ невинность. Но сколь противуположно сему, воспитаніе дѣтей у многихъ живущихъ на землѣ, видно изъ слѣдующаго примѣра: шедши по улицѣ большаго города, я увидалъ нѣсколько мальчиковъ, которые дрались между собою; стекавшаяся толпа смотрѣла на это зрѣлище съ удовольствіемъ; и я узналъ, что даже сами родители возбуждали дѣтей своихъ къ сраженію. Все это было до того противно добрымъ духамъ и ангеламъ, которые видѣли это черезъ мои глаза, что я чувствовалъ ихъ отвращеніе, которое въ особенности увеличивалось тѣмъ, что сами родители поощряли дѣтей своихъ къ такимъ упражненіямъ: духи замѣчали при этомъ, что такимъ образомъ, родители, съ ранняго возраста, потушаютъ въ дѣтяхъ всякую взаимную любовь, и всякую невинность, внушаемую имъ Господомъ; что этимъ же способомъ, родители научаютъ дѣтей своихъ ненависти и мщенію и, слѣдовательно, стараніемъ своимъ исключаютъ дѣтей своихъ изъ небесъ, гдѣ нѣтъ ничего другаго, кромѣ взаимной любви. И такъ, родители,

желающіе благо дѣтямъ своимъ, да воздержатся отъ такихъ поощреній!

345. Скажу также, какая разница между умирающими въ дѣтствѣ и умирающими на возрастѣ. Умирающіе взрослыми приносятъ съ собою въ ту жизнь основу (planum), пріобрѣтенную ими въ мірѣ земномъ и вещественномъ; эта основа есть память и ея природно-плотскія наклонности (affectiones); эта основа, послѣ смерти, остается неизмѣнною (fixum) и покоится; но все же она служитъ тогда крайней основой (ultimum planum) для мысли, ибо мысль воспринимается ею: изъ этого слѣдуетъ, что какова эта основа, и на сколько разсудокъ соотвѣтствуетъ ея содержанію, таковъ послѣ смерти и самъ человѣкъ. У дѣтей же, умершихъ дѣтьми и взросшихъ на небесахъ, нѣтъ такой основы; ихъ основа природно-духовная, ибо они ничего не заимствуютъ отъ вещественнаго міра и отъ земнаго тѣла своего, а потому имъ и не могутъ принадлежать, ни столь грубыя вождѣленія, ни столь грубыя мысли: они все заимствуютъ отъ небесъ. Кромѣ того, дѣти не знаютъ, что они родились на землѣ, а убѣждены, что родились на небесахъ; поэтому, они не знаютъ другаго рожденья, кромѣ духовнаго, совершающагося чрезъ познанія блага и истины, чрезъ разумѣніе и мудрость, силою которыхъ человѣкъ становится человѣкомъ; а какъ все сіе исходитъ отъ Господа, то они думаютъ и любятъ думать, что они принадлежатъ самому Господу. Не смотря на это однакожъ, состояніе людей, выросшихъ на землѣ, можетъ сдѣлаться столь же совершеннымъ, какъ состояніе дѣтей взросшихъ на небесахъ, если

только эти люди удалятся отъ любви плотской и земной, т. е. отъ любви къ себѣ и къ міру, и замѣнятъ ее любовію духовной.

О мудрыхъ и простыхъ на небесахъ.

346. Обыкновенно думаютъ, что господство и слава на небесахъ болѣе принадлежатъ мудрымъ, чѣмъ простымъ людямъ, на томъ основаніи, что у Даніила сказано: *И смыслящіи просвѣтятся, аки свѣтлость тверди, и отъ праведныхъ многихъ* (точнѣе: *и оправдывающіе) аки звѣзды во вѣки.* Гл. XII. 3. Но не многіе знаютъ, кого слѣдуетъ понимать здѣсь подъ именемъ смыслящихъ, т. е. разумѣющихъ и оправдывающихъ: обыкновенно думаютъ, что это тѣ, кои называются учеными, въ особенности тѣ, кои были учителями церкви, и превзошли другихъ ученіемъ и проповѣдью; и, между ними, тѣ въ особенности, которые многихъ обратили къ вѣрѣ. Всѣ таковые считаются здѣсь, по слову Даніила „смыслящими или разумѣющими“; но на небесахъ, они не считаются за разумѣющихъ, если ихъ разумѣніе не было небеснымъ разумѣніемъ: въ чемъ оно состоитъ будетъ сказано ниже.

347. Небесное разумѣніе есть внутреннее разумѣніе, получающее начало свое отъ любви къ истинѣ, не ради какой либо славы мірской, или какой либо славы на небесахъ, но ради самой истины, которою человѣкъ проникается и наслаждается внутренно: тѣ, кои проникаются и наслаждаются самою истиною, проникаются и наслаждаются небеснымъ свѣтомъ,

а если небеснымъ свѣтомъ, то и небесной истиной, даже, болѣе того, самимъ Господомъ; ибо небесный свѣтъ есть Божественная истина, а Божественная истина на небесахъ есть Господь, см. о томъ выше нн. 126—140. Этотъ свѣтъ проникаетъ только внутреннія начала духа (mentis), ибо эти начала такъ устроены, что могутъ воспринимать этотъ свѣтъ; по мѣрѣ того, какъ онъ проникаетъ въ нихъ, они исполняются наслажденія, ибо все, что съ небесъ наитствуетъ и пріемлется, вноситъ съ собою удовольствіе и пріятность. Отъ этого источника происходитъ настоящая любовь къ истинѣ, т. е. любовь къ истинѣ, ради истины; тѣ, коимъ свойственна эта любовь, находятся въ небесномъ разумѣніи, и сіяютъ на небесахъ сіяніемъ тверди небесной: они полны сіянія, потому что истина, гдѣ бы она ни была на небесахъ, даетъ свѣтъ, см. н. 132; а твердь небесная означаетъ, по соотвѣтствію, то внутреннее разумное начало, которое присуще небесному свѣту. Тѣ же, напротивъ, которые любятъ истину, или ради мірской славы, или ради небесной, не могутъ сіять на небесахъ, потому что они проникаются и наслаждаются не небеснымъ свѣтомъ, а мірскимъ, и что этотъ свѣтъ на небесахъ, безъ перваго, есть сущій мракъ: тогда преобладаетъ въ умѣ (menti) человѣческомъ, мысль о своей собственной славѣ, ибо она есть цѣль, ради которой онъ дѣйствуетъ; если же эта слава служитъ цѣлью, то человѣкъ прежде всего смотритъ на себя самого, а истины, которыя служатъ ему для его славы, считаетъ только средствами къ достиженію цѣли и пригодными для него орудіями. Кто любитъ

Божественныя истины ради своей собственной славы, тотъ видитъ въ Божественныхъ истинахъ себя, а не Господа, вслѣдствіе чего, духовное зрѣніе свое, принадлежащее разуму, и вѣрѣ, онъ обращаетъ отъ небесъ къ міру, и отъ Господа къ самому себѣ; вотъ почему такіе люди находятся въ свѣтѣ мірскомъ, а не въ небесномъ. По внѣшнему виду своему, т. е. передъ людьми, они кажутся разумныни и учеными, наравнѣ съ тѣми, кои обрѣтаются въ небесномъ свѣтѣ, потому что они такимъ же образомъ выражаются и даже иногда, судя по внѣшнему, съ большею мудростію, ибо они подстрекаются любовію къ себѣ, и умѣютъ показывать будто они полны небесныхъ чувствъ; но внутренній образъ ихъ, въ которомъ они представляются ангеламъ, совершенно иной. Изъ всего этого нѣсколько видно, кого должно понимать подъ именемъ тѣхъ разумѣющихъ, которые „просвѣтятся на небесахъ, аки свѣтлость тверди": а кого слѣдуетъ разумѣть подъ тѣми, кои „многихъ оправдываютъ и кои просвѣтятся, аки звѣзды на небесахъ", объ этомъ будетъ говорено теперь.

348. Подъ оправдывающими многихъ, т. е. подъ ведущими другихъ къ правдѣ, разумѣются мудрые, а мудрыми на небесахъ называются тѣ, кои живутъ въ благѣ; во благѣ же обрѣтаются тамъ тѣ, кои немедленно прилагаютъ Божественныя истины къ жизни: когда Божественная истина переходитъ въ жизнь, она становится благомъ, ибо она тогда переходитъ въ волю и любовь, а все, принадлежащее воли и любви, называется благомъ. Такіе люди называются мудрыми, ибо мудрость принадлежитъ жизни; но разумѣющими,

или смыслящими, называются тѣ, кои не прилагаютъ Божественныя истины немедленно къ жизни, но слагаютъ ихъ прежде въ память, откуда они впослѣдствіи берутъ ихъ, и вносятъ въ жизнь. Какимъ образомъ, тѣ и другіе различаются на небесахъ, можно это видѣть въ главѣ, гдѣ говорится объ обоихъ царствахъ небесныхъ, духовномъ и небесномъ, нн. 20—28, и въ главѣ, гдѣ говорится о всѣхъ трехъ небесахъ, нн. 29—40. Обитающіе въ небесномъ царствѣ Господнемъ, слѣдовательно, въ третьихъ или самыхъ внутреннихъ небесахъ, называются праведными, потому что они нисколько не приписываютъ правды (justicia) себѣ, но всю правду относятъ къ Господу, а правда Господня, на небесахъ, есть благо отъ Господа исходящее: вотъ кто разумѣется подъ тѣми, кои названы оправдывающими, т. е. ведущими къ правдѣ; говоря объ нихъ же, Господь сказалъ: *Праведницы просвѣтятся яко солнце, въ царствіи отца ихъ.* Матѳ. XIII. 43. Сказано, что они просвѣтятся какъ солнце, потому что они живутъ въ любви къ Господу отъ него же исходящей, и что подъ солнцемъ разумѣется эта любовь, см. нн. 116—125; даже и свѣтъ, въ которомъ они живутъ, и самыя мысли ихъ, кажутся будто пламенными, по той причинѣ, что они пріемлютъ благо любви непосредственно отъ Господа, какъ небеснаго солнца.

349. Всѣ тѣ, кои стяжали себѣ въ мірѣ разумѣніе, и мудрость, пріемлются на небесахъ, и становятся ангелами, каждый по качеству и количеству своего разумѣнія и мудрости; ибо все, что человѣкъ пріобрѣтаетъ на землѣ, онъ сохраняетъ это и уноситъ съ

собою послѣ смерти: оно продолжаетъ тамъ рости и пополняться, но только согласно степени его любви къ истинѣ и благу, а не свыше этой степени. Тѣ, въ коихъ было мало любви и желанія, получаютъ мало, но тѣмъ не менѣе столько, сколько могутъ принять по степени любви своей; тѣ же напротивъ, въ которыхъ было много любви и желанія, пріемлютъ много. Самая степень любви и желанія служитъ какъ бы мѣрой, которая исполняется до верху; поэтому болѣе дается тому, у кого мѣра велика, и менѣе тому, у кого мѣра меньше: такъ дѣлается потому, что любовь, отъ которой исходятъ наклонности и желанія, принимаетъ все то, что отвѣчаетъ ей, — вслѣдствіе чего, любовь и принятіе соразмѣрны. Это самое разумѣется въ словахъ Господа: *Иже бо иматъ дастся ему и преизбудетъ ему.* Матѳ. XIII. 12. XXV. 29. *Мѣру добру, наткану и потрясну, и преливающуся дадятъ на лоно ваше.* Лук. VI. 38.

350. Всѣ, любившіе истину и благо, ради истины и блага, принимаются на небеса. Любившіе ихъ много, суть тѣ, кои называются мудрыми, а любившіе мало, суть тѣ, кои называются простыми: мудрые окружены на небесахъ бо̀льшимъ свѣтомъ, а простые меньшимъ; каждый по степени любви своей къ благу и истинѣ. Любить истину и благо, ради истины и блага, значитъ хотѣть и исполнять ихъ на дѣлѣ; ибо тѣ, кои хотятъ и дѣлаютъ, тѣ любятъ, а не тѣ, которые не хотятъ и не дѣлаютъ: первые суть и тѣ, которые любятъ Господа и любимы имъ, потому что благо и истина исходятъ отъ Господа, и самъ Онъ пребываетъ во благѣ и въ истинѣ, а затѣмъ и въ тѣхъ, кои

волею и дѣломъ пріемлютъ благо и истину въ жизнь. Человѣкъ, разсматриваемый въ самомъ себѣ, есть также ничто иное, какъ благо и истина, находящіяся въ немъ; потому что благо принадлежитъ любви, а истина разуму, и человѣкъ таковъ, каковы его воля и разумъ: изъ этого ясно, что человѣкъ на столько любимъ Господомъ, на сколько воля его образовалась благомъ, а разумъ — истиной. Быть любиму Господомъ, значитъ также любить самого Господа, ибо любовь взаимна, и тому, кто любимъ, Господь даетъ и любить.

351. Въ мірѣ думаютъ, что тѣ, кои весьма свѣдущи въ ученіи церковномъ и Словѣ, или въ наукахъ, глубже и острѣе видятъ истину чѣмъ другіе, что слѣдовательно, въ нихъ болѣе разума и мудрости; эти люди такого же мнѣнія о себѣ самихъ: но теперь будетъ показано, что такое истинное разумѣніе и мудрость, и что такое мнимое (spuria), и ложное.

Истинная мудрость и истинное разумѣніе состоятъ въ томъ, чтобъ видѣть и постигать, что такое истина и благо, и затѣмъ, что̀ ложь и что̀ зло, и дѣлать между тѣмъ и другимъ должное различіе силою внутренняго воззрѣнія и постиженія. Въ каждомъ человѣкѣ есть внутреннее и внѣшнее*); внутреннее есть все, что принадлежитъ внутреннему или духовному человѣку, а внѣшнее все, что принадлежитъ внѣшнему или природному человѣку: по мѣрѣ того какъ внутреннее образуется и составляетъ съ

*) Или, ближе къ подлиннику: внутреннія и внѣшнія начала. Interiora et exteriora.

внѣшнимъ одно, человѣкъ видитъ умомъ и постигаетъ. Внутреннее въ человѣкѣ можетъ образоваться только на небесахъ; внѣшнее же образуется въ мірѣ; когда внутреннее на небесахъ образовалось, тогда оно вліяетъ на внѣшнее, приходящее отъ міра и приводитъ это внѣшнее къ соотвѣтствію, чтобы внутреннее съ внѣшнимъ составляло одно: когда это сдѣлано, тогда человѣкъ видитъ и постигаетъ отъ внутренняго начала. Для образованія внутренняго начала, есть только одно средство, а именно, чтобы человѣкъ обращался взорами своими къ Божественному началу и къ небесамъ, ибо, какъ было сказано, внутреннее образуется на небесахъ; человѣкъ же обращается къ Божественному началу, когда онъ вѣритъ въ него, и вѣритъ, что отъ него же исходитъ всякое благо и истина, слѣдовательно, всякая мудрость и всякое разумѣніе; вѣритъ же онъ въ Божественное начало тогда, когда онъ хочетъ, чтобъ оно управляло имъ, такимъ образомъ, а не другимъ раскрывается внутреннее въ человѣкѣ (начало). Человѣкъ, который исповѣдуетъ такую вѣру, и коего жизнь согласна съ ней, имѣетъ силу и возможность стать разумнымъ и мудрымъ; но для того, чтобы ему дѣйствительно сдѣлаться разумнымъ и мудрымъ, онъ долженъ узнать многое, относящееся не только до небесъ, но и до міра: первое онъ долженъ узнать изъ Слова и отъ церкви, а второе изъ наукъ. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ пріобрѣтаетъ эти знанія и прилагаетъ ихъ къ жизни, онъ становится разумнымъ и мудрымъ; ибо по мѣрѣ того, внутреннее зрѣніе, принадлежащее его разуму, и внутреннее чувство, принадлежа.

щее его воли, совершенствуются. Простые люди (simplices) этого разряда, суть тѣ, коихъ внутреннее начало раскрыто, но не развито (exculta) истинами духовными, нравственными, гражданскими и природными; они постигаютъ истину, когда слышатъ ее, но не видятъ ее въ самой себѣ: мудрые же люди этого разряда, суть тѣ, коихъ внутреннее начало, не только раскрыто, но и развито; они видятъ истину въ самой себѣ и постигаютъ ее. Изъ всего сказаннаго можно ясно понять, что такое истинное разумѣніе и истинная мудрость.

352. Мнимое (spuria) разумѣніе и мнимая мудрость состоятъ въ томъ, чтобы не видѣть и не постигать отъ внутренняго начала, что такое истина и благо, ни затѣмъ, что такое ложь и зло, но только вѣрить, что благо и истина, зло и ложь, есть то, что называется такъ другими, и затѣмъ подтверждать это. Тѣ, кои не видятъ истину въ самой истинѣ, а въ словахъ другихъ, могутъ тогда вмѣсто истины принять ложь и вѣрить въ нее, и даже подтверждать ее въ такой степени, что она покажется истиной; ибо все утверждаемое принимаетъ видъ истины, и нѣтъ того понятія, котораго бы нельзя было утверждать. Внутреннее начало такихъ людей раскрыто только снизу, а внѣшнее начало раскрыто у нихъ только въ той мѣрѣ, на сколько они утвердились въ своихъ понятіяхъ. И такъ, свѣтъ, посредствомъ котораго они видятъ, не есть небесный свѣтъ, а мірской, который называется природнымъ свѣтомъ; при этомъ свѣтѣ, ложь можетъ свѣтиться какъ истина, и даже, когда она подтверждается, можетъ исполниться бле-

ску, но этого не случится при небесномъ свѣтѣ. Менѣе разумные и менѣе мудрые, въ этомъ разрядѣ, суть тѣ, которые сильно утвердились въ этихъ понятіяхъ; тѣже, кои менѣе утвердились, болѣе разумны и болѣе мудры. Изъ этого видно, что такое не подлинное разумѣніе и не подлинная мудрость. Къ этому разряду, однакожъ, не причисляются тѣ, кои въ дѣтствѣ принимали за истину то, что слышали отъ своихъ наставниковъ, и которые взросши, и начавши думать по собственному разуму, не прилѣпляются къ этимъ понятіямъ, но желаютъ знать истину, и вслѣдствіе этого желанія ищутъ ее, и когда находятъ, внутренно проникаются ею; такъ какъ эти люди любятъ истину ради истины, то они видятъ истину прежде, чѣмъ утверждаютъ ее. Это будетъ пояснено примѣромъ; духи разсуждали между собой о слѣдующемъ вопросѣ: зачѣмъ животное, а не человѣкъ, раждается во всякомъ, съ его природой сообразномъ, знаніи? На это имъ было сказано, что животное живетъ въ порядкѣ своей жизни, а что человѣкъ этого не дѣлаетъ, вслѣдствіе чего онъ и долженъ быть приведенъ къ порядку посредствомъ познаній и наукъ; но что, еслибъ человѣкъ раждался въ порядкѣ своей жизни, состоящемъ въ томъ, чтобъ любить Господа выше всего, а ближняго, какъ самого себя, то онъ раждался бы въ разумѣніи и въ мудрости, а затѣмъ и съ вѣрой въ каждую истину, по мѣрѣ своего знакомства съ нею. Добрые духи тотчасъ увидѣли и постигли, что это такъ, единственно по свѣту самой истины; но духи, утвердившіеся въ одной вѣрѣ, и вслѣдствіе того, отбросившіе любовь и благостыню, не могли этого понять,

потому что свѣтъ утверждаемой ими лжи, замѣнялъ свѣтъ истины.

353. Ложное разумѣніе и ложная мудрость есть та, которая не признаетъ Божественнаго начала; ибо тѣ, кои не признаютъ этого начала, а вмѣсто него принимаютъ природу, мыслятъ по чувственно-природнымъ началамъ, и суть люди чисто чувственные, хотя бы и почитались въ мірѣ за ученыхъ. Ихъ ученость не идетъ далѣе того, что въ мірѣ представляется глазамъ ихъ; они держатъ это въ памяти и разсматриваютъ почти вещественно, межъ тѣмъ какъ эти же науки служатъ истинно разумнымъ людямъ для образованія ихъ разума: подъ науками здѣсь разумѣются разныя опытныя науки, какъ то Физика, Астрономія, Химія, Механика, Геомотрія, Анатомія, Психологія, Философія, Исторія народовъ и Литературы, Критика, и языки. Пастыри церкви (antistites), отрицающіе Божественное начало, равномѣрно не возвышаются мыслею выше чувственныхъ началъ, принадлежащихъ человѣку внѣшнему. Они смотрятъ на Слово Божіе и на относящееся до него, какъ другіе смотрятъ на науки, не обращая Слово въ предметъ мысли, или какого либо внутренняго воззрѣнія (intuitio), исходящаго отъ озареннаго разсудка (a mente rationali illustrata). Это дѣлается вслѣдствіе того, что внутреннія начала ихъ закрыты, а съ ними и ближайшія внѣшнія начала; закрыты же они потому, что люди эти отвернулись отъ небесъ, и, въ ту же сторону, обратили внутреннія начала человѣческаго духа, которыя, какъ было сказано выше, могли бы быть обращены къ небесамъ: отъ этого они не мо-

гутъ видѣть, что такое истина и благо, ибо для нихъ истина и благо во мракѣ, межъ тѣмъ какъ зло и ложь въ свѣтѣ. Не менѣе того, люди чувтвенные могутъ разсуждать, и иные съ бо̀льшимъ искусствомъ и проницательностію, чѣмъ другіе, но только на основаніи обманчивыхъ представленій чувствъ, подтверждаемыхъ научными свѣденіями; и вслѣдствіе того, что они могутъ такимъ образомъ разсуждать, они считаютъ себя мудрѣе другихъ. Огонь, коимъ возгарается любовь ихъ при разсужденіяхъ, есть огонь любви къ себѣ и къ міру. Вотъ тѣ, кои обрѣтаются въ ложномъ разумѣніи и въ ложной мудрости, и которые подразумѣваются Господомъ, у Матѳея: *Видяще не видятъ и слышаще не слышатъ, ни разумѣютъ.* Матѳ. XIII. 13. 14. 15. И въ другомъ мѣстѣ: *Утаилъ еси ся отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцамъ.* XI. 25.

354. Мнѣ дано было говорить съ многими изъ ученыхъ послѣ отшествія ихъ отъ міра; нѣкоторые изъ нихъ были весьма знамениты, и извѣстны въ ученомъ мірѣ по сочиненіямъ своимъ, другіе были менѣе извѣстны, но въ нихъ скрывалась однакожъ нѣкоторая мудрость. Тѣ, кои въ сердцѣ отрицали Божественное начало, стали до того тупыми, что они едва могли понимать какую либо гражданскую истину, и еще менѣе духовную. Я постигалъ и даже видѣлъ, что ихъ внутреннія, духу принадлежащія начала, были до того замкнуты, что казались черными (такія вещи въ мірѣ духовномъ видимы для зрѣнія), и потому, нисколько не могли сносить небеснаго свѣта, ни, слѣдовательно, хоть сколько нибудь воспринимать небесное наитіе: чернота, которою казалось облека-

лись ихъ внутреннія начала, была темнѣе и больше въ тѣхъ, которые, въ отрицаніи Божественнаго начала, утвердили себя научными доводами своей учености. Такіе люди, въ той жизни, принимаютъ съ удовольствіемъ всякую ложь, которой они напитываются, какъ губка водою, и откидываютъ всякую истину, какъ откидываетъ упругая кость то, что падаетъ на нее. Мнѣ было сказано также, что внутреннія начала тѣхъ, которые утвердились противъ Божественнаго начала, признавая одну природу, дѣйствительно обращаются въ что то костяное; голова же ихъ принимаетъ видъ чего то твердаго, какъ бы изъ чернаго дерева, и простирающагося до самаго носу, — что показываетъ, что они уже лишились всякаго постиженія. Такіе духи погружаются въ пучины, кажущіяся болотами, въ которыхъ они мучатся морокою (phantasiis), въ которую обращается ихъ ложь: для нихъ, адскій огонь есть страсть къ славѣ и извѣстности, вслѣдствіе чего, они возстаютъ одинъ на другаго, и съ адскимъ жаромъ мучатъ тѣхъ, которые не поклоняются имъ какъ божествамъ; такимъ образомъ, они, поочередно, мучатъ другъ друга. Вотъ во что переходитъ всякая мірская ученость, когда она, чрезъ признаніе Божественнаго начала, не приспособила себя къ принятію небеснаго свѣта.

355. Что такова, въ мірѣ духовномъ, участь этихъ ученыхъ, когда они послѣ смерти приходятъ туда, можно заключить изъ того одного, что тогда, все находящееся въ природной памяти и непосредственно соединенное съ тѣлесными чувствами, какъ, напримѣръ, все вышепомянутое научное, — покоится,

и, только научнымъ путемъ выработанное разсудочное начало, служитъ тамъ для мысли и рѣчи. Человѣкъ, правда, уноситъ съ собою всю свою природную память, но находящееся въ ней, не подлежитъ болѣе его воззрѣнію, и непереходитъ въ его мышленіе, какъ это было покуда онъ жилъ на землѣ; онъ уже ничего не можетъ почерпнуть оттуда, и вынести въ духовный свѣтъ, потому что оно не принадлежитъ этому, свѣту: но все разсудочное или разумное, что человѣкъ снискалъ себѣ изъ наукъ, покуда онъ жилъ въ тѣлѣ, согласуется со свѣтомъ духовнаго міра. Поэтому, на сколько духъ человѣка сталъ, въ мірѣ, разсудочнымъ, чрезъ познанія и науки, на столько онъ разсудоченъ и по отрѣшеніи своемъ отъ тѣла; ибо тогда человѣкъ становится духомъ, тѣмъ самымъ, который мыслилъ въ немъ, покуда онъ еще жилъ въ его тѣлѣ.

356. Для тѣхъ же, напротивъ, которые познаніями и науками снискали себѣ разумѣніе и мудрость, — которые все знаніе свое прилагали къ службамъ жизни, и въ тоже время признавали Божественное начало, любили Слово и жили жизнію духовно-нравственною (см. н. 319), — для нихъ науки послужили средствомъ, чтобы стать мудрыми и утвердиться въ томъ, что̀ относится до вѣры. Ихъ внутреннія, духу принадлежащія начала, постигались и видѣлись мною, какъ бы прозрачныя отъ свѣту, и бѣлаго блестящаго, огненнаго, или голубаго цвѣта, подобнаго алмазамъ, яхонтамъ и сафирамъ; внутреннія начала принимали такой видъ, смотря по тому, на сколько они, чрезъ научное, утвердили себя въ пользу

Божественнаго начала и Божественныхъ истинъ. Истинное разумѣніе и истинная мудрость представляются такими, когда ихъ видятъ въ мірѣ духовномъ; Такой видъ ихъ происходитъ отъ небеснаго свѣта, который есть Божественная истина, исходящая отъ Господа, какъ источника всякаго разумѣнія и всякой мудрости, см. выше нн. 126—133. Основою для этого свѣта, въ которомъ происходятъ какъ бы разноцвѣтныя измѣненія, служатъ внутреннія начала духа, а подтвержденія Божественныхъ истинъ предметами, взятыми изъ природы, и слѣдовательно изъ наукъ, производятъ эти измѣненія; ибо внутренній духъ человѣка обозрѣваетъ предметы природной памяти своей, и все, что тутъ служитъ къ подтвержденію, онъ какъ бы переплавляетъ огнемъ небесной любви, отдѣляетъ и очищаетъ до степени духовныхъ понятій. Покуда человѣкъ живетъ въ тѣлѣ, онъ незнаетъ этого порядка, потому что здѣсь онъ мыслитъ и духовно и природно: то, что онъ мыслитъ духовно, онъ не сознаетъ, а лишь то, что онъ мыслитъ природно; но когда онъ приходитъ въ духовный міръ, тогда онъ не замѣчаетъ то, что мыслитъ природнымъ образомъ, а лишь то, что духовнымъ; такова перемѣна въ его состояніи. Изъ этого ясно, что человѣкъ становится духовнымъ посредствомъ познаній и наукъ, и что они служатъ орудіями къ пріобрѣтенію мудрости, — но только для тѣхъ, которые вѣрою и жизнію признали Божественное начало; даже эти люди, преимущественно предъ другими, принимаются въ небеса, и находятся тамъ между тѣми, которые обитаютъ въ серединѣ, н. 43, потому что они ближе къ свѣту, чѣмъ другіе. Они

суть тѣ разумные и мудрые на небесахъ, которые свѣтятся какъ свѣтлость тверди и сіяютъ, какъ звѣзды; простые же тамъ люди суть тѣ, которые признавали Божественное начало, любили Слово и жили жизнію духовно-нравственною, но коихъ внутреннія, духу принадлежащія начала, небыли въ такой же степени развиты познаніями и науками: духъ человѣческій, подобенъ почвѣ, которой достоинство зависитъ отъ степени ея воздѣлыванья.

О богатыхъ и бѣдныхъ на небесахъ.

357. О принятіи душъ человѣческихъ на небеса, существуютъ различныя мнѣнія: иные полагаютъ, что туда пріемлются одни только бѣдные; другіе, что туда одинаково пріемлются бѣдные и богатые; а нѣкоторые, что богатые не могутъ быть туда приняты, если они напередъ не откажутся отъ своихъ имуществъ, и не станутъ на равнѣ съ бѣдными; и каждое такое мнѣніе свое подтверждаютъ Словомъ. Но люди, полагающіе, что на небесахъ есть разница между бѣднымъ и богатымъ, не понимаютъ Слова. Слово внутри духовно, въ буквѣ же оно природно; и потому, пріемлющіе Слово въ одномъ его буквальномъ смыслѣ, ни сколько не пріемля въ духовномъ, ошибаются во многомъ и, въ особенности, относительно бѣдныхъ и богатыхъ, — когда, напримѣръ, думаютъ, что также трудно богатымъ войти въ царствіе небесное, какъ верблюду пройти сквозь ухо игольное, а что бѣднымъ взойти на небеса легко, потому только,

что они бѣдны, ибо сказано: *Блажены неимущіе, ибо ихъ есть царствіе небесное.* Лук. VI. 20. 21. Но имѣющіе нѣкоторое понятіе о духовномъ смыслѣ Слова, мыслятъ иначе: они знаютъ, что небеса открыты для всѣхъ, живущихъ жизнію вѣры и любви, равно для бѣдныхъ и для богатыхъ; а кто именно разумѣется въ Словѣ подъ именемъ богатыхъ и бѣдныхъ, это будетъ показано въ послѣдствіи. Изъ многихъ разговоровъ моихъ съ ангелами, и не малаго времени, проведеннаго мною въ ихъ обществѣ, мнѣ дано знать за вѣрное, что богатые, столь же легко приходятъ на небеса, какъ и бѣдные; и что человѣкъ не исключается изъ небесъ за то, что онъ жилъ въ достаткѣ, какъ и не пріемлется за одно то, что жилъ въ нуждѣ. На небесахъ есть богатые и бѣдные, и многіе изъ богатыхъ тамъ въ большей славѣ и большемъ блаженствѣ, чѣмъ бѣдные.

358. Я долженъ напередъ сказать, что человѣкъ можетъ пріобрѣтать богатство, и увеличивать по возможности свое благосостояніе, лишь бы это не было обманомъ или предосудительными средствами. Онъ можетъ роскошно пить и ѣсть, лишь бы не полагалъ въ этомъ цѣли своей жизни; онъ можетъ, смотря по состоянію и положенію своему, помѣщаться съ великолѣпіемъ, и, подобно другимъ, заниматься бесѣдой, посѣщать увеселенія и говорить о мірскихъ дѣлахъ. Нѣтъ надобности, чтобы онъ, изъ особаго благочестія, ходилъ съ грустнымъ и печальнымъ выраженіемъ лица, и съ поникшей головой, но можетъ быть веселымъ и радостнымъ; нѣтъ надобности и въ томъ, чтобы онъ имущество свое отдавалъ бѣднымъ, если

онъ не дѣлаетъ, это по любви: словомъ, онъ можетъ во внѣшнемъ обращеніи своемъ жить точно также, какъ человѣкъ свѣтскій, и это нисколько не помѣшаетъ ему войти въ небеса, лишь бы внутренно онъ мыслилъ о Богѣ, какъ должно, и поступалъ съ ближнимъ искренно и правдиво. Человѣкъ таковъ, каковы его чувства и мысли, или каковы его любовь и вѣра; все, что онъ дѣлаетъ во внѣшнемъ, заумствуетъ оттуда жизнь свою, ибо дѣлать значитъ хотѣть, и говорить значитъ думать: онъ дѣлаетъ по волѣ, и говорить по мысли. Поэтому, когда сказано въ Словѣ, что человѣкъ будетъ судимъ по дѣламъ своимъ, и награжденъ по поступкамъ, это значитъ, что онъ будетъ судимъ и награжденъ по мыслямъ и чувствамъ, отъ коихъ исходятъ дѣла, или кои скрываются въ нихъ; ибо дѣла безъ мысли и безъ чувства ничего не значатъ, а совершенно зависятъ отъ мысли и чувствъ. Изъ этого ясно, что внѣшнее въ человѣкѣ ничего не значитъ, но что все зависитъ отъ внутренняго, отъ котораго внѣшнее происходитъ. Для поясненія вотъ примѣръ: кто поступаетъ искренно и никого не обманываетъ изъ одного страха законовъ, или утраты добраго имени, а затѣмъ чести или выгодъ, тотъ сталъ бы всячески обманывать другихъ, еслибъ только страхъ этотъ не сдерживалъ его; его мысль и воля — одинъ обманъ, межъ тѣмъ какъ дѣла его, судя по внѣшнему, кажутся правдивыми; этотъ человѣкъ, будучи внутренно неискреннимъ и обманщикомъ, носитъ въ себѣ адъ. Кто же, напротивъ, поступаетъ правдиво и никого не обманываетъ, на томъ основаніи, что обманывать, значитъ идти противъ Бога и

ближняго, тотъ, еслибъ даже и могъ кого обмануть, не захотѣлъ бы этого; его мысль и воля служатъ ему совѣстію: такой человѣкъ носитъ въ себѣ небеса. Дѣла того и другаго, судя по внѣшнему, кажутся одинаковыми, но внутри они совершенно различны.

359. И такъ, если человѣкъ можетъ во внѣшнемъ жить также какъ и другой; можетъ пріобрѣтать богатства, давать пиры, помѣщаться и одѣваться великолѣпно, смотря по состоянію и должности, пользоваться веселіями и удовольствіями, и предаваться мірскимъ дѣламъ ради службы и занятій, и ради поддержанія жизни умственной и тѣлесной, лишь бы внутренно онъ признавалъ Господа и благоволилъ ближнему, — то ясно, что не такъ трудно, какъ думаютъ многіе, найти путъ въ царствіе небесное. Вся трудность въ томъ, чтобы удержаться отъ любви къ себѣ и къ міру, и воспрепятствовать ихъ господству, ибо отъ этого источника исходитъ всякое зло; что это не такъ трудно, какъ думаютъ, можно понять изъ словъ Господа: *Научитесь отъ мене яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ; игобо мое благо и бремя мое легко есть.* Матѳ. XI. 29. 30. Иго Господне благо, и бремя его легко, потому что, на сколько человѣкъ противится злу, истекающему отъ любви къ себѣ и отъ любви къ міру, на столько онъ ведомъ Господомъ, а не самимъ собою, и что за тѣмъ, самъ Господь въ человѣкѣ противится злу и отдаляетъ его.

360. Я говорилъ, послѣ смерти ихъ, съ нѣкоторыми духами, которые, живши на землѣ, отказались отъ міру, и предались почти уединенной жизни, чтобъ,

отдѣляясь мыслію отъ всего мірскаго, погрузиться въ благочестивыя размышленія, полагая такимъ путемъ, войти въ царствіе небесное. Но эти люди въ томъ мірѣ, въ грустномъ состояніи духа: они презираютъ тѣхъ, которые не походятъ на нихъ; негодуютъ за то, что имъ не дано наслаждаться бо́льшимъ счастіемъ, чѣмъ другимъ, полагая, что они заслужили его; вовсе не заботятся о другихъ, и уклоняются отъ всякой службы благостыни, хотя только посредствомъ ея человѣкъ соединяется съ небесами; они болѣе другихъ желаютъ быть на небесахъ, но когда они возносятся до мѣстопребыванія ангеловъ, они наводятъ на нихъ тоску, которая нарушаетъ ихъ счастіе; поэтому, они разобщаются, и послѣ того, переносятся въ пустынныя мѣста, гдѣ ведутъ жизнь подобную той, которую вели въ мірѣ. Человѣкъ не иначе можетъ приготовиться (formari) для небесъ, какъ въ здѣшнемъ мірѣ конечныхъ проявленій (ubi sunt ultimi effectus), ибо въ конечномъ (или внѣшнемъ) проявленіи должно заканчиваться каждое чувство; если это чувство не выходитъ наружу и не проявляется въ дѣйствіяхъ, что совершается не иначе, какъ въ обществѣ людей, то оно глохнетъ, и оканчивается тѣмъ, что человѣкъ не видитъ болѣе ближняго, а только самого себя. Изъ этого ясно, что приводитъ къ небесамъ жизнь благостыни къ ближнему, жизнь, состоящая въ томъ, чтобъ поступать справедливо и прямо во всякомъ дѣлѣ, и во всякой службѣ, а не жизнь благочестія безъ этой жизни благостыни; что слѣдовательно, упражненія въ благостынѣ, и затѣмъ расширеніе дѣятельности благостынной жизни, могутъ

увеличиваться по мѣрѣ того, на сколько человѣкъ преданъ дѣловымъ занятіямъ, и уменьшаться по мѣрѣ того, на сколько онъ отъ нихъ удаляется. Я теперь скажу объ этомъ нѣсколько словъ изъ опыту. Многіе изъ тѣхъ, которые въ мірѣ были преданы дѣлу торговли и промысла, и отъ него разбогатѣли, находятся на небесахъ; но не много тамъ изъ тѣхъ, которые достигли почестей и богатствъ въ служебныхъ должностяхъ; потому что, вслѣдствіе предоставленныхъ имъ выгодъ и почестей для учиненія суда и правды, для раздачи почетныхъ и выгодныхъ мѣстъ, — они наконецъ, стали любить самихъ себя и міръ, и слѣдовательно, отвратили отъ небесъ мысли свои и чувства, обративъ ихъ къ себѣ самимъ: ибо, на сколько человѣкъ любитъ себя и міръ, и во всемъ видитъ себя и міръ, на столько онъ отдѣляется отъ Божественнаго начала, и удаляется отъ небесъ.

361. Участь богатыхъ на небесахъ такова, что они живутъ въ бо̀льшемъ великолѣпіи, чѣмъ другіе; иные изъ нихъ помѣщаются въ дворцахъ, гдѣ все сіяетъ какъ бы золотомъ и серебромъ; у нихъ въ изобиліи все, что относится до службъ и потребностей жизни; впрочемъ, они не полагаютъ сердца своего въ этихъ вещахъ, но въ самой службѣ ихъ: ее они видятъ ясно и какъ бы въ свѣтѣ, а золото и серебро какъ бы въ тѣни, или не ясно. Это происходитъ отъ того, что будучи въ мірѣ, они любили самую службу, а золото и серебро только какъ средство и орудія дѣла; самая же служба (какой бы то ни было вещи) сіяетъ на небесахъ: благо службы, какъ золото, а истина службы, какъ серебро. И такъ,

какова была служба, которую эти люди несли въ мірѣ, таково ихъ богатство на небесахъ, и таковы ихъ удовольствіе и блаженство. Благія службы состоятъ въ томъ, чтобы снабжать себя и своихъ потребными для жизни предметами, чтобъ дѣлать изобилія ради отечества и ближняго, которому богатый, болѣе чѣмъ бѣдный, можетъ разными путями дѣлать добро; тѣмъ болѣе, что въ такихъ занятіяхъ, человѣкъ удаляется духомъ своимъ отъ праздной жизни, которая вредна, ибо въ такой жизни, человѣкъ, по врожденному злу, предается худымъ помысламъ. Эти службы хороши, на сколько въ нихъ есть Божественнаго начала, т. е. на сколько человѣкъ взираетъ на него и на небеса, и въ нихъ полагаетъ благо свое, а въ богатствахъ видитъ только благо, которое служитъ ему для высшаго.

362. Но участь богатыхъ, которые не вѣрили Божественному началу, и откинули все относящееся до небесъ и церкви, совершенно иная; они находятся въ аду, среди нечистоты, бѣдности и нужды: вотъ во что обращаются богатства, когда человѣкъ любитъ ихъ ради ихъ самихъ; и не только богатства, но и сама служба или употребленіе ихъ, состоявшее въ томъ, чтобы потакать всякимъ наклонностямъ своимъ, предаваться наслажденіямъ, чаще и свободнѣе распутствовать, или возноситься надъ тѣми, которыхъ презираешь. Такъ какъ въ подобныхъ богатствахъ нѣтъ ничего духовнаго, но все въ нихъ земное, то они обращаются въ нечистоты: духовное начало въ богатствахъ и службѣ ихъ, подобно душѣ въ тѣлѣ, и небесному свѣту во влажной почвѣ; безъ этого ду-

ховнаго начала они гніютъ, какъ тѣло безъ души, какъ влажная почва, лишенная небеснаго свѣта. Такова участь тѣхъ, которыхъ богатства соблазнили и отвратили отъ небесъ.

363. Въ каждомъ человѣкѣ послѣ смерти, сохраняется господствующая въ немъ любовь; эта любовь не искореняется во всю вѣчность, ибо духъ человѣка совершенно таковъ, какова его любовь; и (что есть тайна) тѣло каждаго духа и ангела есть внѣшній образъ его любви, вполнѣ соотвѣтствующій внутреннему его образу т. е. образу его души и духа (mentis et animi). Вотъ почему свойства и качества каждаго духа узнаются по его лицу, движеніямъ и рѣчи; такимъ бы точно образомъ могъ быть узнанъ и человѣкъ на землѣ, еслибъ онъ не научился лицемъ, движеніями и рѣчью выражать чувствъ, которыхъ въ немъ нѣтъ. Изъ этого видно, что человѣкъ остается на вѣчность такимъ, какова его господствующая любовь. Мнѣ дано было говорить съ нѣкоторыми духами, которые жили тому назадъ семнадцать вѣковъ, и которыхъ жизнь извѣстна по сочиненіямъ того времени, и я узналъ, что любовь, бывшая въ нихъ тогда, управляетъ ими и до сего времени. Изъ этого также видно, что любовь къ богатству и къ службѣ богатства, остается въ каждомъ на вѣчность, и совершенно такою, какою была на землѣ, съ тою однакожъ разницею, что богатства, въ тѣхъ, которые обращали ихъ на благую службу, превращаются, смотря по службѣ, въ пріятныя вещи; а въ тѣхъ, которые употребляли богатства на худыя службы, обращаются въ нечистоты, которыми они тогда столько

же наслаждаются, какъ бывало на землѣ богатствами, на худыя службы употребленными. Они потому наслаждаются этими нечистотами, что нечистыя наслажденія и распутство, на которыя послужили имъ богатства ихъ, а равно и скупость, т. е. любовь къ богатствамъ безъ должнаго ихъ употревленія, — соотвѣтствуютъ нечистотамъ; духовная нечистота есть не иное что.

364. Бѣдные идутъ на небеса не ради ихъ бѣдности, но ради ихъ жизни; жизнь каждаго остается при немъ, богатъ онъ или бѣденъ. Нѣтъ особеннаго милосердія для одного, болѣе, чѣмъ для другаго: кто жилъ хорошо, тотъ пріемлется, а кто жилъ худо тотъ отвергается. Кромѣ того, бѣдность, столько же какъ и богатство, отклоняетъ и удаляетъ человѣка отъ небесъ: между бѣдныхъ весьма многіе не довольны своей участью, очень честолюбивы, и считаютъ богатство за настоящее благословеніе; вслѣдствіе чего, оставаясь безъ него, они предаются гнѣву, и худымъ помысламъ о Божественномъ провидѣніи, они даже завидуютъ имѣнію другихъ, при первомъ случаѣ готовы ихъ обмануть, и, точно также, предаются грязнымъ наслажденіямъ. Совершенно иная участь тѣхъ бѣдныхъ, которые довольны своей судьбой, которые въ занятіяхъ своихъ прилѣжны и усидчивы, любятъ трудъ, а не бездѣйствіе, поступаютъ справедливо и честно, живя, въ тоже время, жизнію христіанскою. Мнѣ случалось нѣсколько разъ говорить съ духами, принадлежавшими къ сословію крестьянъ и простаго народа, которые, въ земной жизни своей, вѣрили въ Бога, и поступали въ дѣлахъ своихъ прав-

диво и честно; находясь въ любви къ познанію истины, они спрашивали, что такое благостыня и вѣра, ибо на землѣ они много слышали о вѣрѣ, а въ томъ мірѣ много о благостынѣ. Вслѣдствіе чего имъ было сказано, что благостыня есть все относящееся къ жизни, а вѣра все относящееся къ ученію; что поэтому, благостыня состоитъ въ томъ, чтобъ во всякомъ дѣлѣ хотѣть и дѣлать то, что справедливо и должно (recte); что благостыня и вѣра нераздѣльны, какъ ученіе и жизнь согласная съ ученіемъ, или какъ воля и мысль; что вѣра становится благостыней, когда человѣкъ хочетъ и дѣлаетъ то, что считаетъ справедливымъ и должнымъ; послѣ чего, благостыня и вѣра составляютъ уже не двѣ отдѣльныя вещи, а одно цѣлое. Они поняли это очень хорошо, и весьма тому радовались, говоря, что живши въ мірѣ, они и не понимали, чтобъ вѣра могла быть чѣмъ нибудь отдѣльнымъ отъ жизни.

365. Изъ предъидущаго видно, что небеса равно доступны богатымъ и бѣднымъ, и столь же легко однимъ, какъ и другимъ. Если думаютъ, что бѣднымъ придти туда легко, а богатымъ трудно, то это потому, что Слово, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится о богатыхъ и бѣдныхъ, не было понято: тутъ, подъ богатыми, разумѣются въ духовномъ смыслѣ тѣ, которые изобилуютъ познаніями блага и истины, т. е. тѣ, кои принадлежатъ къ церкви, имѣющей у себя Слово; а подъ бѣдными разумѣются, неимѣющіе этихъ познаній, но которые однакожъ желаютъ ихъ, т. е. тѣ, кои находятся внѣ церкви, гдѣ нѣтъ Слова. Подъ богатымъ одѣвавшимся въ порфиру и виссонъ, и ко-

торый былъ ввержен въ адъ, разумѣется Іудейскій народъ, названный богатымъ, потому что у него было Слово, и слѣдовательно, познанія блага и истины въ изобиліи; подъ одѣяніями изъ порфиры означаются познанія блага, а подъ одѣяніями изъ виссона, познанія истины; подъ бѣднымъ же, который лежалъ у воротъ богатаго, и желалъ насытиться отъ крупицъ падающихъ со стола его, и который былъ отнесенъ ангелами на лоно Авраама, т. е. на небеса, разумѣются народы, которые не имѣли познаній блага и истины, но однакожъ желали ихъ, Лук. гл. XVI. 19—31. Подъ богатыми, которые, будучи приглашены на большой пиръ, извинились, и не пришли, также разумѣется Іудейскій народъ, а подъ бѣдными, занявшими мѣста ихъ, разумѣются народы, бывшіе внѣ церкви. Лук. XII. 16—24. Теперь будетъ сказано, кого слѣдуетъ разумѣть подъ богатымъ, о которомъ Господь сказалъ: *Удобѣе есть велбуду сквозѣ иглины уши пройти, неже богату въ царствіе Божіе внити.* Матѳ. XIX. 24. Въ этомъ мѣстѣ богатый означаетъ богатыхъ въ томъ и другомъ смыслѣ, какъ природномъ, такъ и духовномъ; въ природномъ, богатыхъ, изобилующихъ богатствами и полагающихъ въ нихъ сердце свое; въ духовномъ же, богатыхъ, изобилующихъ познаніями и наукой (изъ коихъ состоятъ духовныя богатства), и желающихъ посредствомъ ихъ и собственнаго разумѣнія, проникнуть въ предметы, относящіеся до небесъ и церкви. Но какъ это противно Божественному порядку, то и сказано, что легче верблюду пройти сквозь иглиныя уши; ибо въ этомъ смыслѣ, верблюдъ означаетъ познаніе и научное

вообще, а ухо игольное, — духовную истину. Нынѣ не знаютъ, что верблюдъ и ухо игольное имѣютъ это значеніе, потому что доселѣ не была открыта та наука, которая учитъ духовному значенію всѣхъ выраженій, находящихся въ буквальномъ смыслѣ Слова: въ каждой частицѣ Слова есть смыслъ буквальный и духовный, ибо Слово, — ради того, чтобъ могло совершаться соединеніе небесъ съ міромъ, и ангеловъ съ людьми, послѣ прекращенія непосредственнаго ихъ соединенія, — было писано изъ однихъ соотвѣтствій вещей природныхъ съ духовными. Изъ этого ясно кого именно слѣдуетъ разумѣть, въ этомъ изреченіи, подъ именемъ богатаго. Что богатые означаютъ въ Словѣ, въ духовномъ его смыслѣ, тѣхъ, кои находятся въ познаніяхъ истины и блага, а богатства — самыя познанія, которыя суть настоящія духовныя богатства, это можно видѣть изъ различныхъ мѣстъ Священнаго Писанія: Ис. X. 12. 13. 14; XXX. 6. 7; XLV. 3; Іерем. XVII. 3; XLVIII. 7; L. 36. 37. LI. 13; Дан. V. 2. 3. 4; Іезек. XXVI. 7. 12, XXVII. 1—36; Захар. IX. 3. 4; Пс. XLIV. 13; Осіи. XII. 9; Апок. III. 17. 18; Лук. XIV. 33, и въ другихъ мѣстахъ; а что бѣдные означаютъ въ духовномъ смыслѣ тѣхъ, кои лишены познаній истины и блага, но однакожъ желаютъ ихъ, это видно у Матѳ. XI. 5; Лук. VI. 20. 21; XIV. 21; Ис. XIV. 30; XXIX. 19; XLI. 17. 18; Соф. III. 12. 13. Всѣ эти мѣста были объяснены въ духовномъ ихъ значеніи, въ сочиненіи *Небесныя Тайны*, см. нн. 10. 227

О бракахъ на небесахъ.

366. Такъ какъ всѣ жители небесъ происходятъ отъ человѣческаго рода, вслѣдствіе чего и ангелы тамъ обоего пола, и такъ какъ отъ созданія міра женщина назначена для мужчины, а мужчина для женщины, т. е. чтобъ одинъ принадлежалъ другому, и наконецъ, такъ какъ эта любовь врождена обѣимъ сторонамъ, — то, слѣдовательно, есть браки на небесахъ, точно также какъ и на землѣ; но браки небесные весьма различны отъ земныхъ; и потому будетъ сказано въ чемъ состоятъ небесные браки, чѣмъ они отличаются отъ земныхъ, и въ чемъ сходствуютъ.

367. Бракъ (conjugium) на небесахъ есть духовное соединеніе двухъ личностей въ одну; напередъ будетъ объяснено въ чемъ состоитъ это соединеніе. Духъ состоитъ изъ двухъ частей, изъ коихъ одна называется разумомъ, а другая волею; когда эти обѣ части дѣйствуютъ нераздѣльно, онѣ тогда образуютъ одинъ духъ: мужъ на небесахъ дѣйствуетъ какъ та часть, которая называется разумомъ, а жена какъ та, которая называется волею. Когда это соединеніе, принадлежащее внутреннимъ началамъ человѣка, сходитъ въ низшія, принадлежащія тѣлу, тогда оно постигается и чувствуется какъ любовь; эта любовь есть супружеская (amor conjugialis). Изъ этого ясно, что супружеская любовь беретъ начало свое въ соединеніе двухъ личностей въ одинъ духъ; это называется на небесахъ сожительствомъ, и, въ такомъ случаѣ, говорится объ этихъ личностяхъ не какъ о двухъ, но какъ объ одной: вотъ почему двое супру-

говъ на небесахъ не называются двумя ангелами, а однимъ.

368. Такое соединеніе мужа и жены въ самыхъ внутреннихъ, духу ихъ принадлежащихъ началахъ, происходитъ вслѣдствіе самой цѣли созданія ихъ: мужчина родится для того, чтобы быть разумнымъ, слѣдовательно, чтобы мыслить по разуму, а женщина родится, чтобы быть подъ началомъ воли, слѣдовательно, чтобы мыслить по волѣ. Это даже видно изъ наклонностей и природнаго нрава того и другаго, равно какъ и изъ внѣшняго ихъ образа; *изъ нрава:* потому что мужчина дѣйствуетъ по разуму, а женщина по чувству; *изъ внѣшняго образа:* потому что у мужчины лице грубѣе и не такъ красиво, рѣчь сильнѣе, тѣло крѣпче; а у женщины лице нѣжнѣе и красивѣе, рѣчь мягче, тѣло слабѣе. Такое же различіе между разумомъ и волею, или между мышленьемъ и чувствомъ; такое же между истиной и благомъ, и такое же между вѣрой и любовью; ибо истина и вѣра относятся къ разуму, а благо и любовь къ волѣ. Вотъ почему въ Словѣ, юноша и мужъ, означаютъ, въ духовномъ смыслѣ, разумѣніе истины, а дѣва и женщина, чувство любви къ благу; поэтому и церковь, по любви ея къ истинѣ и благу, называется женою, и также дѣвою, и равно всѣ обрѣтающіеся въ любви къ благу, названы дѣвами, смотри Апок. XIV. 4.

369. Каждый человѣкъ, будь онъ женщина или мужчина, одаренъ разумомъ и волею; но все таки въ мужчинѣ преобладаетъ разумъ, а въ женщинѣ воля, а человѣкъ таковъ, каково преобладающее въ немъ

начало. Но въ супружествахъ, на небесахъ, нѣтъ никакого преобладанія, потому что воля жены есть воля и мужа, а разумъ мужа есть разумъ и жены, ибо одинъ любитъ желать и мыслить какъ другой, т. е. взаимно и обратно; вслѣдствіе этого происходитъ и соединеніе ихъ въ одно цѣлое. Это соединеніе есть дѣйствительное соединеніе, потому что воля жены входитъ въ разумъ мужа, а разумъ мужа въ волю жены, въ особенности когда они смотрятъ другъ другу въ лице; ибо, какъ уже не разъ было сказано выше, на небесахъ есть взаимное общеніе мыслей и чувствъ, въ особенности же между супругами, ибо они любятъ другъ друга. Изъ этого можно видѣть въ чемъ состоитъ это духовное соединеніе, которое образуетъ супружество, и производитъ на небесахъ супружескую любовь, а именно въ томъ, что одна сторона хочетъ, чтобы все ей принадлежащее, принадлежало и другой, и обратно.

370. Мнѣ было сказано ангелами, что насколько двое супруговъ находятся во такомъ соединеніи, на столько они и въ супружеской любви, а слѣдовательно и на столько же въ разумѣніи, мудрости и блаженствѣ; потому что Божественная истина и Божественное благо, отъ коихъ исходитъ всякое разумѣніе, всякая мудрость и всякое блаженство, вліяютъ въ особенности на супружескую любовь, и что слѣдовательно, супружеская любовь есть самая основа Божественнаго наитія, ибо она въ тоже время есть супружество истины и блага. Какъ разумъ соединяется съ волею, такъ и истина соединяется съ благомъ, на томъ основаніи, что разумъ принимаетъ Бо-

жественную истину, и даже образуется истинами, а воля принимаетъ Божественное благо, и также образуется благами; что человѣкъ хочетъ, то для него и благо, а что онъ понимаетъ, то для него и истина: вслѣдствіе этого все равно сказать, соединеніе разума и воли, или соединеніе истины съ благомъ. Соединеніе истины и блага образуетъ ангела, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его разумѣніе, его мудрость и блаженство; ибо ангелъ становится ангеломъ по мѣрѣ соединенія во немъ блага съ истиной, и истины съ благомъ, или что тоже, по мѣрѣ соединенія въ немъ любви съ вѣрой, и вѣры съ любовью.

371. Божественное начало отъ Господа исходящее, потому въ особенности наитствуетъ на супружескую любовь, что эта любовь происходитъ отъ соединенія блага и истины; ибо, какъ только что было сказано, соединеніе разума и воли есть тоже, что соединеніе блага и истины. Это соединеніе беретъ свое начало въ Божественной любви Господа ко всѣмъ находящимся на небесахъ и на землѣ; отъ Божественной любви исходитъ Божественное благо, и это благо воспринимается ангелами и людьми въ Божественныхъ истинахъ. Единственный пріемникъ блага есть истина; поэтому, кто не обрѣтается въ истинѣ, тотъ ничего не можетъ воспринять отъ Господа, ни отъ небесъ; и такъ, на сколько истины въ человѣкѣ соединены съ благомъ, на столько самъ человѣкъ находится въ соединеніи съ Господомъ и небесами: вотъ гдѣ самое начало супружеской любви, и вотъ почему эта любовь есть самая основа Божественнаго наитія. По этой же причинѣ соединеніе блага и истины на

небесахъ называется небеснымъ супружествомъ, и небеса въ Словѣ Божіемъ, уподобляются супружеству, и даже называются супружествомъ; самъ же Господь называется женихомъ и мужемъ, а небеса съ церковью, невѣстой и женой.

372. Благо и истина, соединенныя въ ангелѣ или въ человѣкѣ, составляютъ не двѣ вещи, а одну, потому что тогда благо принадлежитъ истинѣ, а истина благу. Такое же соединеніе бываетъ, когда человѣкъ мыслитъ о томъ, чего онъ хочетъ, и хочетъ то, о чемъ онъ мыслитъ; тогда мысль и воля составляютъ одно цѣлое, т. е. одинъ духъ (mens), потому что мысль образуетъ или представляетъ во образѣ то, чего хочетъ воля, а воля придаетъ этому наслажденіе. Вотъ почему двое супруговъ, на небесахъ, не называются двумя ангелами, а однимъ; это же самое должно разумѣть подъ словами Господа: *Нѣсте ли чли, яко сотворивый я искони, мужескій полъ и женскій сотворилъ я есть; и рече: сего ради, оставитъ человѣкъ отца своего и матерь, и прилѣпится къ женѣ своей, и будета оба въ плоть едину. Якоже ктому нѣста два, но плоть едина; еже убо Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ. Не вси вмѣщаютъ словесе сего, но имъ же дано есть.* Матѳ. XIX. 4. 5. 6. 11; Марк. X. 6—9; Быт. II. 24. Здѣсь описано небесное супружество, въ которомъ живутъ ангелы, и также супружество блага и истины; а подъ словами, да не разлучаетъ человѣкъ, еже Богъ сочета, разумѣется, что благо не должно быть разлучаемо отъ истины.

373. Изъ предшествующаго можно теперь видѣть, откуда происходитъ истинно супружеская лю-

бовь, а именно, что она сначала образуется въ духѣ (mente) тѣхъ, кои находятся въ супружествѣ, а затѣмъ спускается и переходитъ въ тѣло, которымъ она постигается и чувствуется какъ любовь. Все что постигается и чувствуется тѣломъ, беретъ свое начало въ духовномъ человѣкѣ, т. е. въ разумѣ и волѣ; изъ нихъ слагается духовный человѣкъ, и все, что изъ духовнаго человѣка нисходитъ въ тѣло, проявляется тутъ въ другомъ видѣ, сохраняя однакожъ нѣкоторое подобіе и духовное сходство (simile et unanimum): это тоже, что душа и тѣло, причина и слѣдствіе, какъ было объ этомъ сказано выше въ обѣихъ главахъ о соотвѣтствіяхъ.

374. Я слышалъ однажды ангела, описывавшаго истинную супружескую любовь, съ ея небесными наслажденіями, и говорившаго, что это есть Божественное начало Господне на небесахъ, т. е. Божественное благо и Божественная истина, до того въ двухъ особахъ соединенныя, что образуютъ не два, но одно цѣлое. Онъ говорилъ, что двое супруговъ, на небесахъ, потому изобразуютъ эту любовь, что каждый изъ нихъ есть представитель своего блага и своей истины, не только относительно духа, но и относительно тѣла, ибо тѣло будучи устроено по подобію духа, есть оразъ его. Изъ этого онъ выводилъ, что Божественное начало изображается (effigiatum) въ двухъ супругахъ, живущихъ въ истинно супружеской любви, и что, вслѣдствіе того, въ нихъ изображаются и небеса, ибо всѣ небеса суть Божественное благо и Божественная истина отъ Господа исходящія; и что вслѣдствіе того же, все, что есть небеснаго, съ бла-

женствомъ и наслажденіемъ превосходящими всякую мѣру, принадлежитъ этой любви: мѣру эту онъ выражалъ словомъ, въ которомъ заключались миріады миріадъ. Онъ дивился, что человѣкъ церкви ничего объ этомъ не знаетъ, межъ тѣмъ какъ церковь есть небо Господне на землѣ, а небо есть супружество блага и истины. Онъ говорилъ также о своемъ изумленіи при той мысли, что внутри церкви, болѣе чѣмъ внѣ ея, совершаются и допускаются прелюбодѣянія, коихъ удовольствіе, въ духовномъ смыслѣ, и затѣмъ, въ духовномъ мірѣ, есть, по себѣ, ничто иное, какъ удовольствіе любви ко злу въ соединеніи со зломъ; удовольствіе адское, потому что оно совершенно противуположно небесному, которое состоитъ въ удовольствіи любви къ истинѣ въ соединеніи съ благомъ.

375. Всякій знаетъ, что двое любящихся супруговъ, внутренно соединены, и что существенное въ супружествѣ есть соединеніе духа одного супруга съ другимъ; изъ этого можно знать, что каковъ по себѣ духъ ихъ, таково и ихъ соединеніе, и такова между ними любовь. Духъ человѣка исключительно образуется истинами и благами, ибо все, что есть въ мірѣ, относится къ благу и къ истинѣ, и къ ихъ соединенію; вотъ почему и соединеніе одного духа съ другимъ совершенно зависитъ отъ истинъ и благъ, коими они образовались; слѣдовательно, соединеніе духовъ образовавшихся подлинными истинами и благами, есть самое совершенное. Должно знать, что ничто другъ друга такъ не любитъ, какъ благо и истина, и потому, отъ этой любви исходитъ истинно супружеская любовь; зло и ложь также любятъ

другъ друга, но эта любовь обращается потомъ въ адъ.

376. Изъ всего, теперь сказаннаго о происхожденіи супружеской любви, можно видѣть, кто живетъ въ супружеской любви и кто не живетъ въ ней; что тѣ живутъ въ ней, кои по Божественнымъ истинамъ находятся въ Божественномъ благѣ; что, чѣмъ подлиннѣе истины, съ благомъ соединенныя, тѣмъ подлиннѣе супружеская любовь; а какъ всякое благо, съ истиной соединенное, исходитъ отъ Господа, то слѣдуетъ, что никто не можетъ обрѣтаться въ истинно супружеской любви, иначе, какъ признавая Господа и Божественное его начало, потому что безъ этого признанія Господь не можетъ наитствовать, и присоединяться къ истинамъ въ человѣкѣ.

377. Изъ этого ясно, что находящіеся во лжи, не живутъ въ супружеской любви, ни, тѣмъ болѣе, находящіеся во лжи по злу: у тѣхъ, кои живутъ во злѣ и затѣмъ во лжи, внутреннія, духу принадлежащія начала, закрыты, и поэтому, тутъ не можетъ быть никакого начала супружеской любви; но ниже этихъ началъ, въ человѣкѣ внѣшнемъ или природномъ, отъ внутренняго отдѣльномъ, есть соединеніе зла и лжи, которое называется адскимъ супружествомъ. Мнѣ дано было видѣть каково супружество тѣхъ, кои живутъ во лжи по злу, и которое называется адскимъ; они разговариваютъ между собой, и также въ похоти соединяются, но внутренно они горятъ другъ къ другу смертельной ненавистью, которая такъ велика, что превосходитъ всякое описаніе.

378. Равно не можетъ быть супружеской любви

между двумя особами различныхъ вѣроисповѣданій, потому что истина одной не согласуется съ благомъ другой, а два несходныхъ и несогласныхъ начала не могутъ, изъ двухъ духовъ, образовать одинъ; поэтому и въ началѣ любви ихъ нѣтъ ничего духовнаго: если они живутъ вмѣстѣ и согласно, то это только по причинамъ природнымъ (внѣшнимъ). На этомъ основаніи супружества на небесахъ заключаются между лицами одного и того же общества, какъ обрѣтающимися въ одинаковомъ благѣ и въ одинаковой истинѣ, а не между лицами различныхъ обществъ. Что, на небесахъ, всѣ принадлежащіе къ одному обществу, находятся въ сходственномъ благѣ и въ сходственной истинѣ, и отличаются отъ тѣхъ, которые внѣ этого общества, см. выше нн. 41 и слѣдующіе. Это же самое знаменовалось у Израильтянъ тѣмъ, что браки ихъ заключались внутри колѣнъ Израильскихъ, и въ особенности внутри семействъ, а не внѣ семействъ и колѣнъ.

379. Также нѣтъ истинной супружеской любви между однимъ мужемъ и нѣсколькими женами; ибо это уничтожаетъ духовное супружеское начало, состоящее въ томъ, что изъ двухъ духовъ образуется одинъ, и, слѣдовательно, уничтожаетъ внутреннее соединеніе блага и истины, отъ котораго исходитъ самая сущность этой любви. Бракъ съ нѣсколькими женами подобенъ разуму, раздѣленному на нѣсколько волей, и человѣку, принадлежащему не къ одной, а къ многимъ церквамъ, ибо въ этомъ случаѣ, вѣра его раздроблена до того, что ея вовсе нѣтъ. Ангелы говорятъ, что брать нѣсколько женъ совершенно про-

тивно Божественному порядку; что они знаютъ это по многимъ причинамъ и между прочимъ изъ того, что, при первой мысли о многоженствѣ, они лишаются внутренняго блаженства и небеснаго счастія, и находятся тогда, какъ бы въ какомъ то опьяненіи, потому что благо ихъ разлучено съ истиной своей. Вслѣдствіе того, что внутреннія, духу ихъ принадлежащія начала, приходятъ въ такое состояніе, при одной мысли о томъ и намѣреніи, — они ясно постигаютъ, что супружество съ нѣсколькими женами замыкаетъ ихъ внутреннія начала, и приводитъ къ тому, что, вмѣсто супружеской любви, вкрадывается похотливая любовь, которая удаляетъ человѣка отъ небесъ. Далѣе, они говорятъ, что человѣкъ съ трудомъ это понимаетъ, потому что мало людей, живущихъ въ настоящей супружеской любви, а не живущіе въ ней, ничего совершенно незнаютъ о внутреннемъ наслажденіи, которое присуще этой любви: они знаютъ только о похотливомъ удовольствіи, которое, послѣ кратковременнаго сожительства, обращается въ неудовольствіе; тогда какъ наслажденіе истинно супружской любви, не только здѣсь, на землѣ, продолжается до старости, но даже и послѣ смерти переходитъ въ наслажденіе небесное, и тогда исполняется внутреннимъ наслажденіемъ, которое во вѣки совершенствуется. Они также сказали, что блаженства истинно супружеской любви могутъ быть насчитаны тысячами, и нѣтъ ни одного, которое было бы вѣдомо человѣку, и могло бы быть понято разумомъ того, кто не обрѣтается отъ Господа въ супружествѣ блага и истины.

380. Любовь къ господству одного супруга надъ другимъ совершенно уничтожаетъ супружескую любовь и ея небесное наслажденіе; ибо, какъ было уже сказано, супружеская любовь и ея наслажденіе состоятъ въ томъ, чтобъ воля одного была волею и другаго, и обратно. Любовь къ господству уничтожаетъ такое состояніе супружеской любви, ибо, кто господствуетъ, тотъ хочетъ, чтобы одна только его воля была волею другаго, а чтобъ воля другаго для него не существовала: вслѣдствіе чего, между такими супругами нѣтъ ничего взаимнаго, и никакого общенія любви съ ея удовольствіями; тогда какъ это общеніе и происходящее отъ него соединеніе, есть то самое внутреннее наслажденіе, которое называется блаженствомъ. Любовь къ господству совершенно тушитъ это блаженство, а съ нимъ и все, что есть небеснаго и духовнаго въ супружеской любви, до того, что такіе люди вовсе не знаютъ о существованіи этого небеснаго и духовнаго въ супружествѣ начала; если имъ сказать про него, они примутъ это съ презрѣніемъ, и при первомъ словѣ о такомъ блаженствѣ, будутъ смѣяться или сердиться. Когда человѣкъ хочетъ и любитъ то, чего хочетъ и любитъ другой, тогда обѣ стороны свободны, ибо всякая свобода принадлежитъ любви; но гдѣ есть господство, тамъ нѣтъ свободы ни для одной, ни для другой стороны; одна рабствуетъ, другая также, потому что рабски покорна страсти къ господству: но это вовсе не понятно тому, кто не знаетъ, что такое свобода небесной любви. Изъ того однакожъ, что было сказано о происхожденіи и сущности супружеской любви, можно знать,

что, на сколько входитъ въ нее господство, на столько духъ обѣихъ сторонъ не соединенъ, а разъединенъ; господство подчиняетъ, а подчиненный духъ или не имѣетъ воли, или воля его противуположна другой: если у него нѣтъ воли, значитъ у него нѣтъ и любви; если же воля его противуположна другой, то ненависть занимаетъ мѣсто любви. Внутреннія начала людей, живущихъ въ такомъ супружествѣ, находятся постоянно въ столкновеніи и борьбѣ, какъ это и бываетъ всегда между двумя противными сторонами, хотя во внѣшнемъ ихъ обращеніи, они, ради своего спокойствія, сохраняютъ миръ и тишину. Столкновеніе и борьба ихъ внутреннихъ началъ обнаруживается послѣ смерти; большею частію супруги тамъ встрѣчаются, и тогда они возстаютъ другъ противъ друга съ такимъ ожесточеніемъ, что готовы растерзать себя, ибо они тогда поступаютъ согласно состоянію своихъ внутреннихъ началъ. Мнѣ дано было нѣсколько разъ видѣть ихъ столкновенія и взаимную ярость, и у нѣкоторыхъ они были полны мести и жестокости. Въ той жизни, внутреннія начала каждаго свободны, и не связаны болѣе внѣшними условіями, какъ это бываетъ по разнымъ причинамъ на землѣ, ибо тогда каждый таковъ, какимъ онъ внутренно есть.

381. У иныхъ людей бываетъ какое то подобіе супружеской любви, которое впрочемъ не есть супружеская любовь, если обѣ стороны не находятся въ любви къ благу и къ истинѣ: эта любовь только принимаетъ видъ супружеской, по разнымъ причинамъ, такъ напримѣръ, когда супруги желаютъ пользоваться взаимной услугой, спокойствіемъ, отдохновеніемъ или

бездѣйствіемъ, уходомъ въ болѣзни и старости, или попеченіемъ о любимыхъ дѣтяхъ; у иныхъ это принужденіе отъ страха другой половины, или ради доброй славы, или изъ опасенія болѣзней; другихъ приводитъ къ тому похотливость. Супружеская любовь различается также между супругами; у одного, ея можетъ быть болѣе или менѣе, у другаго мало, или вовсе не быть; и вслѣдствіе этого различія, одного могутъ ожидать небеса, а другаго адъ.

382. Подлинная супружеская любовь (amor conj. genuinus) пребываетъ въ самыхъ внутреннихъ небесахъ, потому что ангелы этихъ небесъ пребываютъ въ супружествѣ блага и истины, и въ невинности; ангелы низшихъ небесъ также пребываютъ въ супружеской любви, но только по мѣрѣ ихъ невинности, ибо супружеская любовь, есть, по себѣ, состояніе невинности. Вотъ почему супруги, живущіе въ супружеской любви, наслаждаются небесными удовольствіями, которыя для нихъ подобны невиннымъ играмъ маленькихъ дѣтей; они находятъ удовольствіе во всемъ, ибо небеса наитствуютъ радостію на всякую мелочь ихъ жизни. Поэтому также, супружеская любовь на небесахъ представляется въ прекраснѣйшихъ образахъ; я видѣлъ ее изображенную дѣвой несказанной красоты, и окруженной облакомъ блестящей бѣлизны. Мнѣ было сказано, что вся красота ангеловъ на небесахъ, зависитъ отъ ихъ супружеской любви: чувства и мысли, происходящія отъ этой любви, изображаются алмазными атмосферами (per auras) съ блескомъ карбункуловъ и яхонтовъ, и притомъ съ чувствомъ наслажденія, которое проникаетъ

внутреннія начала духа (mentis) ангеловъ. Словомъ небеса изображаются въ супружеской любви, ибо небеса для ангеловъ, состоятъ въ соединеніи блага и истины, и это соединеніе производитъ супружескую любовь.

382bis. Небесныя супружества отличаются отъ земныхъ тѣмъ, что цѣлью послѣднихъ есть между прочимъ рожденіе дѣтей; на небесахъ же этого нѣтъ, а вмѣсто рожденія дѣтей, есть порожденіе истины и блага. Это рожденіе потому замѣняетъ первое, что супружество, на небесахъ, есть супружество блага и истины, какъ уже было объяснено выше, и что въ этомъ супружествѣ болѣе всего любится благо и истина и ихъ соединеніе; поэтому и супружество на небесахъ воспроизводитъ благо и истину. Вотъ почему въ Словѣ, рожденія и поколѣнія означаютъ рожденія духовныя, т. е. блага и истины; мать и отецъ означаютъ истину въ соединеніи съ благомъ порождающимъ; сыновья и дочери — порожденія истины и блага; зятья и невѣстки — соединенія этихъ истинъ и благъ, и т. д. Изъ этого ясно, что супружества на небесахъ не подобны супружествамъ на землѣ: бракъ (nuptiae) на небесахъ духовный, и не долженъ называться бракомъ, но соединеніемъ одного духа съ другимъ, по супружеству блага и истины; на землѣ же бракъ есть, потому что онъ относится не только къ духу, но и къ плоти. Такъ какъ на небесахъ браковъ нѣтъ, то двое супруговъ тамъ не называются мужемъ и женой, но каждый изъ нихъ, согласно ангельскому понятію о соединеніи двухъ духовъ въ одинъ, называется словомъ, которое означаетъ принадлежащее

другъ другу взаимно и обратно. Изъ этого можно видѣть какъ должно понимать слова Господа о бракѣ. Лук. XX. 35. 36.

383. Мнѣ также дано было видѣть, какимъ образомъ заключаются супружества на небесахъ. Всюду на небесахъ всѣ сходные по нраву живутъ въ сообществѣ, а не сходные разобщаются: поэтому каждое общество на небесахъ состоитъ изъ ангеловъ съ одинаковыми наклонностями; подобное влечется къ подобному, не отъ себя, но отъ Господа, см. выше нн. 41. 43. 44. и далѣе. Точно также и относительно супруга и супруги, коихъ духъ можетъ быть соединенъ въ одинъ: при первомъ взглядѣ они любятъ другъ друга отъ самой глубины души (intime), видятъ въ себѣ супруговъ, и вступаютъ въ супружество; посему всѣ супружества на небесахъ исходятъ отъ одного Господа. При этомъ совершается праздникъ, который празднуется среди многочисленнаго собранія; празднества различны, смотря по обществамъ.

384. Такъ какъ супружество на землѣ служитъ разсадникомъ рода человѣческаго, а равно и разсадникомъ ангеловъ небесныхъ (ибо, какъ было сказано выше, въ особой главѣ, небеса происходятъ отъ рода человѣческаго), и такъ какъ, сверхъ того, супружество происходитъ отъ духовнаго начала, т. е. отъ супружества блага и истины, и Божественное начало Господа непосредственно вліяетъ на супружескую любовь, — то самыя супружества весьма святы въ глазахъ небесныхъ ангеловъ; и на оборотъ, такъ какъ прелюбодѣянія противны супружеской любви, то ангелы считаютъ ихъ скверными (profana): ибо, какъ

въ супружествѣ ангелы видятъ сочетаніе истины и блага, т. е. небеса, такъ точно въ прелюбодѣяніи они видятъ супружество зла и лжи, т. е. адъ. Вотъ почему, какъ только они слышатъ слово прелюбодѣяніе, они отворачиваются: вотъ почему также, когда человѣкъ совершаетъ прелюбодѣяніе изъ удовольствія, небеса закрываются для него; а когда небеса для него закрыты, человѣкъ не признаетъ уже болѣе Божественнаго начала, ни всего относящагося до вѣры, исповѣдуемой церковью. Что всѣ живущіе въ аду расположены противъ супружеской любви, мнѣ дано было постичь это по сферѣ, которая отъ нихъ распространялась, и которая какъ бы состояла въ постоянномъ усиліи расторгнуть и нарушить супружества; по этой сферѣ я могъ убѣдиться, что удовольствіе, царствующее въ аду, есть удовольствіе прелюбодѣянія, и что удовольствіе въ прелюбодѣяніи состоитъ также въ удовольствіи разрушатъ соединеніе истины и блага, соединеніе, образующее небеса: изъ этого слѣдуетъ, что удовольствіе прелюбодѣянія есть адское, совершенно противуположное удовольствію супружескому, которое есть небесное.

385. Нѣсколько духовъ, по привычкѣ пріобрѣтенной ими еще въ жизни тѣлесной, наваждали меня (infestabant) съ особеннымъ искусствомъ, т. е. посредствомъ очень мягкаго, почти волнообразнаго вліянія, какимъ обыкновенно бываетъ вліяніе добрыхъ духовъ; но я замѣтилъ, что оно было не безъ хитрости и тому подобныхъ качествъ, и съ тою цѣлью, чтобъ прельстить и обмануть. Наконецъ я сталъ говорить съ однимъ изъ нихъ, который, какъ я узналъ, былъ на землѣ войско-

вымъ начальникомъ; замѣтивъ, что въ понятіяхъ мысли его было что то похотливое, я сталъ разговаривать съ нимъ о супружествѣ языкомъ духовнымъ и полнымъ изображеній, который вполнѣ выражаетъ желаемый смыслъ, и даже не одинъ этотъ смыслъ въ одно и тоже время. Онъ сказалъ мнѣ, что въ земной жизни своей онъ ни во что не ставилъ прелюбодѣянія: но мнѣ дано было отвѣчать ему, что прелюбодѣянія скверны, хотя въ глазахъ совершающихъ ихъ, вслѣдствіе удовольствія, которое они находятъ въ этомъ, и затѣмъ убѣжденія въ ихъ пользу, они не кажутся имъ скверными, но даже позволительными. Я замѣтилъ ему, что онъ можетъ убѣдиться въ ихъ скверности изъ того соображенія, что супружества служатъ разсадниками человѣческаго рода, а затѣмъ и разсадниками небеснаго царства, что слѣдовательно они никогда не должны быть нарушаемы, но должны почитаться святыми; а такъ какъ онъ самъ находится въ той жизни и въ состояніи постиженія, то долженъ знать, что супружеская любовь нисходитъ чрезъ небеса отъ Господа, и что отъ этой любви, какъ отъ начала своего, истекаетъ взаимная любовь, которая служитъ основаніемъ небесъ; что онъ могъ бы знать это уже изъ того, что лишь только прилюбодѣйцы приближаются къ небеснымъ обществамъ, они слышатъ смрадъ свой и бросаются оттуда въ адъ; что по крайней мѣрѣ онъ могъ бы знать, что нарушать супружества, значитъ идти противъ Божественныхъ и гражданскихъ законовъ всѣхъ государствъ, и наконецъ, противъ здраваго смысла разсудка, ибо это значитъ поступать не только противъ Божественнаго порядка, но и про-

тивъ человѣческаго. На многое другое, что я ему еще говорилъ, онъ отвѣчалъ, что въ земной жизни своей онъ не думалъ объ этомъ, и хотѣлъ разсудить такъ ли это: но я ему сказалъ, что истина не допускаетъ разсужденій, потому что они потворствуютъ удовольствіямъ разсуждающаго, слѣдовательно, злу и лжи, а что онъ долженъ напередъ подумать о томъ, что ему было сказано, ибо это истина; или о томъ, всѣмъ извѣстномъ правилѣ, что никто не долженъ дѣлать ближнему того, чего бы не хотѣлъ самому себѣ, и что еслибъ кто обольстилъ такимъ образомъ его жену, которую бы онъ любилъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ началѣ всякаго супружества, то, во гнѣвѣ своемъ, развѣ онъ не сталъ бы говорить, что прелюбодѣянія скверны и, будучи человѣкомъ высокаго ума, развѣ бы онъ тогда не убѣдился, болѣе всякаго другаго, въ преступности такихъ дѣйствій, и не нашелъ бы ихъ вполнѣ адскими?

386. Мнѣ было показано, какимъ образомъ удовольствія супружеской любви восходятъ поступательно къ небесамъ, а удовольствія прелюбодѣянія нисходятъ къ аду. Поступаніе (progressio) къ небесамъ удовольствій супружеской любви состояло въ прибыли чувствъ блаженства и счастія, безпрестанно умножавшихся и достигавшихъ до того, что становились неисчислимыми и неизрѣченными, и тѣмъ болѣе несчетными и несказанными, чѣмъ внутреннѣе было поступаніе; до того наконецъ, что чувства эти достигали до блаженства и счастія самыхъ внутреннихъ небесъ или небесъ невинности; и это съ полнѣйшею свободою, ибо всякая свобода исходитъ отъ любви:

вслѣдствіе чего наибольшая свобода происходитъ отъ супружеской любви, которая есть сама небесная любовь. Но поступаніе прелюбодѣянія шло къ аду, и постепенно, до самаго преисподняго, въ которомъ нѣтъ ничего кромѣ жестокостей и ужасовъ. Такова участь, ожидающая прилюбодѣйцевъ по отшествіи ихъ отъ здѣшней жизни. Подъ прелюбодѣйцами разумѣются тѣ, которые находятъ удовольствіе въ прилюбодѣяніяхъ, но нисколько не въ супружествахъ.

Объ ангельскихъ занятіяхъ на небесахъ.

387. Нѣтъ возможности исчислить, и въ подробности описать всѣхъ занятій на небесахъ, но можно сказать объ этомъ только нѣсколько словъ вообще, потому что занятія безчисленны и разнообразны, смотря по должностямъ каждаго общества. Каждое общество отправляетъ свою особенную должность, ибо общества, различаясь между собой по свойственнымъ имъ благамъ, см. выше н. 41, различаются также и по службамъ; на небесахъ благо каждаго, есть благо на дѣлѣ, т. е. служба: тамъ каждый несетъ свою службу, ибо царство Господне есть царство службъ.

388. На небесахъ, какъ и на землѣ, управленія многочисленны, ибо тамъ есть дѣла церковныя, дѣла гражданскія и дѣла домашнія. Что есть дѣла церковныя, это видно изъ того, что было сказано и объяснено выше о Божественномъ богослуженіи, нн. 221—227; что есть дѣла гражданскія, видно изъ ска-

заннаго объ управленіи на небесахъ, нн. 213—220; а дѣла домашнія, изъ сказаннаго объ ангельскихъ жилищахъ и обителяхъ, нн. 183—190, и о супружествахъ на небесахъ, см. нн. 366—386. Изъ всего этого ясно, что въ каждомъ небесномъ обществѣ занятія и управленія многочисленны.

389. Все, что есть на небесахъ, устроено согласно Божественному порядку, который вездѣ соблюдается ангелами посредствомъ управленія: самые мудрые управляютъ дѣлами, относящимися до общественнаго блага или общей службы; менѣе мудрые управляютъ дѣлами, относящимися до частнаго блага или до частной службы, и т. д. Завѣдывающіе дѣлами подчинены другъ другу точно такъ, какъ въ Божественномъ порядкѣ распредѣлены службы; поэтому каждое занятіе соединено съ извѣстнымъ почетомъ согласно достоинству службы. Впрочемъ, ангелъ никогда не присвоиваетъ себѣ никакой почести, но вполнѣ относитъ ее къ службѣ; а какъ служба есть то благо, которое онъ творитъ, и всякое благо исходитъ отъ Господа, то онъ и относитъ ее вполнѣ къ Господу. Поэтому, кто думаетъ сперва о чести ему воздаваемой, и потомъ уже, о своей службѣ, а не сперва о чести воздаваемой его службѣ, и затѣмъ уже ему самому, тотъ не можетъ отправлять никакой должности на небесахъ; ибо, видя себя на первомъ мѣстѣ, а службу на второмъ, онъ обращается къ Господу тыломъ. Когда говорится о службѣ, разумѣется и самъ Господь, ибо, какъ было сказано, служба есть благо, а благо исходитъ отъ Господа.

390. Изъ этого можно заключить, въ чемъ со-

стоитъ подчиненность на небесахъ, а именно въ томъ, что на сколько кто любитъ, уважаетъ и почитаетъ службу, на столько онъ любитъ, уважаетъ и почитаетъ человѣка, на которомъ лежитъ эта служба: человѣкъ этотъ любимъ, уважаемъ и почитаемъ, на сколько онъ относитъ службу къ Господу, а не къ себѣ самому; ибо на столько же онъ мудръ, и службы свои отправляетъ ради самого блага. Любовь, уваженіе и почесть духовныя суть ничто иное, какъ любовь, уваженіе и почесть воздаваемыя службѣ, исполняемой человѣкомъ; служба приноситъ честь человѣку, а не человѣкъ приноситъ ее службѣ. Кто смотритъ на людей подъ вліяніемъ истины духовной, тотъ смотритъ на нихъ не иначе: онъ видитъ, что каждый человѣкъ подобенъ другому, занимаетъ ли онъ большую или малую должность, — и что разница между ними только въ мудрости; а мудрость состоитъ въ томъ, чтобъ любить службу, т. е. благо согражданъ, общества, отечества и церкви. Въ этомъ же заключается и любовь къ Господу, потому что отъ Господа исходитъ все то благо, изъ котораго состоитъ благо службы; равно въ этомъ заключается и любовь къ ближнему, потому что ближній есть то благо, которое мы должны любить въ согражданинѣ, въ обществѣ, въ отечествѣ и въ церкви, и которое мы должны имъ дѣлать.

391. Всѣ общества на небесахъ распредѣлены по службамъ своимъ, вслѣдствіе того, что они, какъ было сказано выше въ н. 41., распредѣлены по различнымъ благамъ своимъ, и что эти блага суть блага на дѣлѣ, или блага любви (charitatis), т. е. службы.

Есть общества, коихъ занятія состоятъ въ томъ чтобъ заботиться о дѣтяхъ; другія общества занимаются воспитаніемъ и образованіемъ этихъ дѣтей, покуда они растутъ; другія, точно также, воспитываютъ и обучаютъ молодыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которые уже получили добрыя наклонности вслѣдствіе воспитанія даннаго имъ на землѣ, и которые, потому, восходятъ на небеса; другія поучаютъ простыхъ и добрыхъ людей изъ Христіанскаго міра и ведутъ ихъ къ пути въ царствіе небесное; другія дѣлаютъ тоже самое относительно различныхъ языческихъ народовъ; другія защищаютъ новоприбывшихъ изъ міра духовъ отъ навażденій злыхъ духовъ. Есть ангелы, которые заботятся о духахъ, находящихся на низшей землѣ*); есть также ангелы, которые не оставляютъ находящихся въ аду, чтобъ удерживать ихъ отъ крайней жестокости, и чтобъ они не мучили другъ друга внѣ должныхъ предѣловъ; другіе ангелы находятся при тѣхъ, которые только что воскресли изъ мертвыхъ. Вообще ангелы всякихъ обществъ посылаются къ людямъ, чтобъ ихъ охранять и отклонять отъ худыхъ чувствъ и помысловъ, и чтобъ внушать имъ, по мѣрѣ свободнаго принятія, добрыя чувства; посредствомъ этихъ внушеній, и отстраняя по возможности дурныя намѣренія, ангелы управляютъ, въ нѣкоторой степени, дѣлами и дѣйствіями людскими. Находясь при человѣкѣ, ангелы, такъ сказать обитаютъ въ его чувствахъ, ближе къ нему на сколь-

*) Смотри объ этой землѣ въ слѣдующемъ отдѣлѣ этаго сочиненія: О мірѣ духовъ.

ко онъ живетъ во благѣ по истинѣ, и дальше отъ него, если онъ жизнію своею удаляется отъ блага. Но всѣ эти обязанности ангеловъ исполняются самимъ Господомъ чрезъ ангеловъ, ибо ангелы исполняютъ ихъ не отъ себя, но отъ Господа: поэтому, въ Словѣ, подъ ангелами разумѣются во внутреннемъ смыслѣ, не ангелы, но что либо относящееся до Господа; поэтому также, ангелы въ Словѣ названы богами.

392. Эти обязанности ангельскія суть общія, но каждый ангелъ имѣетъ свою особенную, потому что каждая общая служба состоитъ изъ безчисленныхъ частныхъ службъ, которыя названы средними, второстепенными, зависящими; всѣ онѣ и каждая изъ нихъ распредѣлены и подчинены согласно Божественному порядку, и, взятыя вмѣстѣ, онѣ составляютъ, и усовершаютъ общую службу, т. е. общее благо.

393. Дѣлами церкви на небесахъ завѣдываютъ тѣ, кои живши на землѣ, любили Слово и, по желанію своему, искали въ немъ истину, не ради почестей или выгодъ, но ради службы жизни, какъ себѣ, такъ и другимъ; эти люди, смотря по любви своей и желанію службы, находятся тамъ въ озареніи и свѣтѣ мудрости, — ее они снискиваютъ также черезъ Слово, которое на небесахъ не буквально, какъ на землѣ, но духовно, см. выше н. 259: они исполняютъ тамъ должность проповѣдниковъ, и, согласно Божественному порядку, тѣ изъ нихъ стоятъ выше, которые превосходятъ другихъ въ мудрости, получаемой чрезъ озарѣніе. Въ гражданскихъ должностяхъ находятся тѣ, кои, будучи на землѣ, любили отечество и его

общее благо, болѣе своего собственнаго, и дѣлали должное и справедливое изъ любви къ долгу и правдѣ; на сколько они, по желанію любви своей, искали законъ правды, и стали вслѣдствіе того разумными, на столько они стали способными занимать должности на небесахъ: они исполняютъ ту службу, которая, по разряду своему, соотвѣтствуетъ ихъ разумѣнію, которое тогда на одинаковой степени съ ихъ любовью къ службѣ ради общаго блага. Кромѣ того, на небесахъ столько обязанностей, столько управленій и столько дѣлъ, что по множеству своему они несчетны; земныя, въ сравненіи съ ними, малочисленны. Всѣ ангелы, не исключая ни одного, находятъ удовольствіе въ своемъ дѣлѣ и трудѣ по любви къ службѣ, и никто изъ нихъ не находится въ этомъ удовольствіи по любви къ себѣ или къ выгодѣ; и также ни одинъ изъ нихъ не любитъ службу ради выгоды житейской, ибо всѣ потребности жизни даются имъ даромъ: они помѣщаются, одѣваются и питаются даромъ. Изъ этого ясно, что любившіе себя и міръ болѣе службы, нисколько не причастны небесамъ; ибо всякій, послѣ земной жизни своей, сохраняетъ свою любовь или свои наклонности (affectiones), которыя не искореняются во вѣки, см. выше н. 363.

394. Каждый на небесахъ находится при своемъ дѣлѣ по соотвѣтствію, которое относится не къ дѣлу, но къ службѣ каждаго дѣла, см. выше н. 112; а безъ соотвѣтствія ничего не существуетъ, см. н. 106. Кто на небесахъ находится при должности или при дѣлѣ, соотвѣтствующемъ службѣ, тотъ находится въ состояніи жизни совершенно подобномъ тому, въ которомъ

онъ былъ на землѣ, ибо духовное и природное, по соотвѣтствію, составляютъ одно цѣлое, съ тою однакожъ разницею, что удовольствіе этого человѣка болѣе внутреннее, потому что онъ находится въ жизни духовной, которая есть жизнь внутренняя и, слѣдовательно, болѣе способная къ воспринятію небеснаго блаженства.

О небесной радости и небесномъ блаженствѣ.

395. Едва ли нынѣ кто знаетъ, что такое небеса и въ чемъ состоитъ небесная радость; размышлявшіе о томъ и другомъ, составили себѣ понятія столь общія и грубыя, что едва ли это можно назвать понятіемъ. Я могъ весьма хорошо узнать отъ духовъ, приходящихъ отселѣ въ тотъ міръ, какое они составили себѣ понятіе о небесахъ и небесной радости, потому что, когда они были предоставлены самимъ себѣ, какъ бы живя на землѣ, они продолжали думать по прежнему. Люди не знаютъ въ чемъ состоитъ небесная радость, потому что размышлявщіе объ этомъ предметѣ, судили по внѣшней радости, принадлежащей человѣку природному, и не знали что такое внутренній или духовный человѣкъ, ни слѣдовательно, въ чемъ состоитъ его удовольствіе и его блаженство; поэтому, еслибъ кто изъ находящихся въ духовномъ или внутреннемъ удовольствіи сказалъ имъ, что такое небесная радость, и въ чемъ она состоитъ, то они бы этого не поняли: такое объясненіе, по неизвѣстности понятія, къ которому оно от-

носится, не вошло бы въ постиженіе, а осталось бы въ числѣ тѣхъ предметовъ, которые природнымъ человѣкомъ отбрасываются. Всякому человѣку однакожъ извѣстно, что когда онъ покидаетъ своего внѣшняго или природнаго человѣка, онъ становится человѣкомъ внутреннимъ или духовнымъ; изъ чего можно бы заключить, что небесное удовольствіе есть внутреннее и духовное, а не внѣшнее и природное; и что если оно внутреннее и духовное, то оно чище и утонченнѣе, и проникаетъ внутреннія въ человѣкѣ, душѣ или духу его принадлежащія, начала. Изъ однихъ этихъ соображеній всякій можетъ заключить, что онъ будетъ въ той жизни наслаждаться тѣмъ удовольствіемъ, въ которомъ находится духъ его здѣсь, и что удовольствіе тѣлесное, называемое плотскимъ, относительно того, не есть небесное; ибо все находящееся въ духѣ человѣка, по отрѣшеніи его отъ тѣла, остается съ нимъ и послѣ смерти, потому что онъ живетъ тогда, какъ духъ.

396. Всѣ удовольствія истекаютъ отъ любви: что человѣкъ любитъ, онъ то и чувствуетъ какъ удовольствіе, и нисколько не находитъ его въ другомъ источникѣ; изъ этого слѣдуетъ, что какова любовь, таково удовольствіе. Всѣ удовольствія тѣлесныя или плотскія истекаютъ отъ любви къ себѣ и любви къ міру, равно какъ и всякая похоть и ея наслажденія; напротивъ того, всѣ удовольствія душевныя или духовныя истекаютъ отъ любви къ Господу, и отъ любви къ ближнему, и оттолѣ же исходитъ любовь къ благу и къ истинѣ, и внутреннее довольство. Эти роды любви съ ихъ удовольствіями, вліяютъ свыше отъ

Господа и небесъ, путемъ внутреннимъ, и исполняютъ внутреннія въ человѣкѣ начала; но другіе роды любви съ ихъ удовольствіями вліяютъ отъ плоти и міра, путемъ внѣшнимъ, идущимъ снизу, и проникаютъ внѣшнія начала. Поэтому, насколько оба рода небесной любви принимаются человѣкомъ и проникаютъ его, на столько внутреннія, душѣ или духу принадлежащія начала, раскрыты и взираютъ отъ міра къ небесамъ; и напротивъ, на сколько оба рода мірской любви пріемлются человѣкомъ и проникаютъ волю его, на столько внѣшнія, тѣлу или плоти принадлежащія начала, раскрыты и взираютъ отъ небесъ къ міру. По мѣрѣ вліянія и принятія этихъ любовей, сходятъ съ ними наитіемъ и удовольствія ихъ; на внутреннія начала — удовольствія небесныя, а на внѣшнія — удовольствія мірскія, ибо, какъ было сказано, всякое удовольствіе принадлежитъ любви.

397. Небеса по себѣ таковы, что полны удовольствій (jucundis), такъ, что разсматриваемыя въ себѣ самихъ, они суть ничто иное, какъ блаженство и удовольствіе; потому что Божественное благо, исходя отъ Божественной любви Господней, образуетъ небеса вообще, и въ частности въ каждомъ жителѣ ихъ, а Божественная любовь состоитъ въ томъ, чтобы вполнѣ, и отъ самаго внутренняго начала, хотѣть всѣмъ блага и счастія; посему сказать, небеса или небесная радость, это одно и тоже.

398. Небесныя удовольствія невыразимы и неисчислимы; но, не смотря на ихъ безчисленность, нѣтъ въ нихъ ни одного, которое бы человѣкъ, живущій въ тѣлесномъ или плотскомъ удовольствіи, могъ по-

знать, или которому онъ могъ бы повѣрить, потому что внутреннія его начала, какъ было сказано, смотрятъ отъ небесъ къ міру, т. е. вспять. Кто вполнѣ преданъ удовольствію телесному или плотскому, или, что тоже, любви къ себѣ и къ міру, тотъ находитъ удовольствіе только въ почестяхъ, въ выгодахъ и наслажденіяхъ тѣла и чувствъ, которыя потушаютъ и заглушаютъ внутреннія, небесамъ принадлежащія удовольствія, до того, что люди не вѣрятъ ихъ существованію. Такіе люди весьма бы удивились, если бы кто имъ сказалъ, что помимо удовольствій тѣла и плоти, есть другія; и еще болѣе, если сказать имъ, что замѣняющія ихъ небесныя удовольствія безчисленны и таковы, что удовольствія тѣлесныя и плотскія, относящіяся преимущественно къ почестямъ и выгодамъ, не могутъ быть даже сравнены съ ними: изъ этого видно, почему неизвѣстно, что такое небесная радость.

399. Какъ велико небесное удовольствіе можно понять изъ того одного, что тамъ, для всѣхъ, удовольствіе состоитъ въ томъ, чтобы сообщать свои удовольствія и свое блаженство другому; а такъ какъ это свойственно всѣмъ небеснымъ жителямъ, то ясно изъ этого, какъ необъятно небесное удовольствіе, — ибо на небесахъ, какъ было уже сказано, н. 288, всѣ сообщаются съ каждымъ и каждый со всѣми. Такое сообщеніе истекаетъ изъ обоихъ родовъ небесной любви, т. е. изъ любви къ Господу и любви къ ближнему; и той и другой любви свойственно сообщать удовольствія свои другимъ. Любовь къ Господу такова, потому что любовь Господня любитъ сообщать другимъ все

что ему принадлежитъ, ибо онъ всѣмъ желаетъ блаженства; подобная любовь свойственна и всѣмъ любящимъ его, ибо Господь пребываетъ въ нихъ: отселѣ происходитъ и взаимное сообщеніе ангельскихъ удовольствій; изъ послѣдующаго будетъ видно, что такова и любовь къ ближнему. Изъ всего сказаннаго ясно, что этимъ любовямъ свойственно общеніе своихъ удовольствій: но не таковы любовь къ себѣ и любовь къ міру. Любовь къ себѣ отымаетъ у другихъ всякое удоволствіе и присвоиваетъ его себѣ, ибо желаетъ блага только себѣ самой; а любовь къ міру ищетъ отнять у ближняго всякое имущество его и присвоить его себѣ. Этимъ любовямъ свойственно только разрушать удовольствія другихъ; если такая любовь сообщаетъ что другимъ, то ради себя самой, а не ради другихъ: такимъ образомъ эти оба рода любви не общительны для ближняго, а разрушительны, если только удовольствіе другаго не составляетъ удовольствія этой самой любви. Мнѣ нѣсколько разъ дано было постичь на самомъ опытѣ, что таковы любовь къ себѣ и любовь къ міру, когда онѣ господствуютъ въ человѣкѣ. Каждый разъ какъ духи, обрѣтавшіеся въ такихъ любовяхъ во время жизни своей на землѣ, приближались ко мнѣ, удовольствіе мое удалялось отъ меня и пропадало; мнѣ было сказано, что если такіе духи приблизятся только къ какому либо небесному обществу, то удовольствіе, находящихся въ этомъ обществѣ, уменьшается по мѣрѣ присутствія этихъ духовъ, — и тогда, что удивительно, злые духи эти находятся въ своемъ удовольствіи. Изъ этого я увидѣлъ ясно, каково было состояніе духа такого че-

ловѣка, покуда онъ былъ еще въ тѣлѣ; ибо тогда онъ былъ совершенно таковъ, какимъ онъ сталъ и по отрѣшеніи отъ тѣла, т. е. онъ желалъ или домогался чужаго добра и удовольствія, и насколько успѣвалъ въ этомъ, на столько находился въ удовольствіи. Изъ этого видно, что любовь къ себѣ и любовь къ міру разрушаютъ небесную радость, и слѣдовательно, совершенно противуположны небеснымъ любовямъ, которыя общаютъ ее.

400. Однакожъ должно знать, что удовольствіе испытываемое тѣми, кои пребываютъ въ любви къ себѣ и къ міру, по приближеніи ихъ къ какому либо небесному обществу, есть удовольствіе ихъ собственной похоти, и слѣдовательно, совершенно противоположеное небесному удовольствію. Духи эти испытываютъ удовольствіе похоти своей, когда они лишаютъ небеснаго удовольствія или удаляютъ отъ него тѣхъ, которые находятся въ немъ. Но то бываетъ когда нѣтъ этого лишенія или удаленія: они тогда не могутъ приблизиться, потому что, по мѣрѣ приближенія своего, они сами впадаютъ въ тоску и мученія; вотъ почему они и не рѣшаются часто приближаться къ небеснымъ обществамъ. Мнѣ дано было узнать это, по многимъ опытамъ, о которыхъ я скажу теперь нѣсколько словъ. Духи, приходящіе отселѣ въ ту жизнь, ничего большаго не желаютъ, какъ взойти въ небеса; всѣ ищутъ ихъ, полагая, что значитъ быть на небесахъ, если только кого туда введутъ и примутъ. Такъ какъ они горячо желаютъ этого, то они и возносятся къ какому либо обществу послѣднихъ небесъ: едва только, тѣ,

кои жили въ любви къ себѣ и къ міру, приближаются къ первому небесному порогу, какъ они начинаютъ тосковать и до того внутренно мучиться, что скорѣе чувствуютъ въ себѣ адъ, чѣмъ небеса; по сему они бросаются оттуда стремглавъ, и только въ аду, между своими, находятъ успокоеніе. Случалось также весьма часто, что такого рода духи желали узнать, что такое небесная радость, и услыхавъ, что она пребываетъ во внутреннихъ началахъ ангеловъ, они пожелали, чтобы она была имъ сообщена; это и было сдѣлано, ибо все, что желаетъ духъ, не находящійся еще ни въ аду, ни въ небесахъ, если только это полезно, дается ему. Когда сообщеніе было совершено, они до того стали мучиться, что отъ боли незнали, что дѣлать имъ съ тѣломъ своимъ: они закидывали голову до самыхъ ногъ своихъ, бросались на землю и, сгибаясь въ кольце, корчились на ней, какъ змѣи; все это было слѣдствіемъ ихъ внутренняго мученія. Вотъ каково дѣйствіе небеснаго удовольствія на тѣхъ, кои, живши въ мірѣ, предавались удовольствіямъ любви къ себѣ и къ міру: это происходитъ отъ того, что эти оба вида любви совершенно противоположны, и что, когда противоположное дѣйствуетъ на противоположное, то это не бываетъ безъ боли; а какъ небесное удовольствіе входитъ путемъ внутреннимъ, и вліяетъ на противоположное удовольствіе, то оно выворачиваетъ, или обращаетъ въ противоположную сторону, внутреннія, жившія въ этомъ удовольствіи начала,—вслѣдствіе чего и происходятъ такія мученія. Эти любови потому противоположны другъ другу, что (какъ сказано выше) любовь къ Господи и лю-

бовь къ ближнему, хотятъ сообщить все свое другимъ, и въ этомъ находятъ все свое удовольствіе; межъ тѣмъ какъ любовь къ себѣ и любовь къ міру, хотятъ все, принадлежащее другимъ, отнять и присвоить себѣ, и на сколько это имъ удается, на столько они находятся въ полномъ удовольствіи. Изъ этого также можно узнать, почему адъ отдѣленъ отъ небесъ: всѣ находящіеся въ аду, когда были еще на землѣ, жили въ однихъ удовольствіяхъ тѣла и плоти, по любви къ себѣ и къ міру; а всѣ находящіеся на небесахъ, будучи еще на землѣ, жили въ душевныхъ или духовныхъ удовольствіяхъ, по любви къ Господу и къ ближнему. Вслѣдствіе противоположностей этихъ любовей, небеса и адъ совершенно отдѣлены другъ отъ друга, и даже до такой степени, что духъ, находящійся въ аду, не смѣетъ выступить оттуда на одинъ палецъ или хоть чуть выказать голову, ибо, какъ только онъ это сдѣлаетъ, то мучится и страдаетъ; и я видѣлъ это весьма часто.

401. Человѣкъ, живущій въ любви къ себѣ и въ любви къ міру, покуда онъ живетъ на землѣ, находитъ удовольствіе въ этихъ любовяхъ, и равно во всѣхъ отъ нихъ происходящихъ наслажденіяхъ; напротивъ того, человѣкъ, живущій въ любви къ Богу и въ любви къ ближнему, покуда онъ живетъ на землѣ, не находитъ явственнаго удовольствія, ни въ этихъ любовяхъ, ни въ добрыхъ порождаемыхъ ими чувствахъ, но только едва замѣтное наслажденіе,— потому что сокрытое въ его внутреннихъ началахъ, оно заграждено началами внѣшними, принадлежащими его тѣлу, и притуплено мірскими заботами. Но послѣ

смерти оба состоянія совершенно мѣняются. Удовольствія любви къ себѣ и къ міру обращаются тогда въ страшныя муки и страданія, называемыя адскимъ огнемъ, а иногда въ грязь и нечистоту, соотвѣтствующія ихъ нечистымъ наслажденіямъ и доставляющія имъ тогда удовольствіе: напротивъ же того, смутное удовольствіе и почти неуловимое блаженство, которое чувствовали, на землѣ, люди жившіе въ любви къ Богу и въ любви къ ближнему, обращаются тогда въ небесное удовольствіе, которое всячески постигается и чувствуется; ибо это блаженство, покуда человѣкъ жилъ на землѣ, скрывалось въ его внутреннихъ началахъ, а теперь оно раскрывается и чувствуется явственно, потому что человѣкъ сталъ духомъ и это удовольствіе было удовольствіемъ его духа.

402. Всѣ небесныя удовольствія нераздѣльны отъ службъ и присущи имъ, ибо службы суть блага любви и благостыни, въ которыхъ пребываютъ ангелы; какова служба, таково для каждаго и удовольствіе, и степень этого удовольствія соразмѣрна любви къ службѣ. Что всѣ небесныя удовольствія суть удовольствія службы, можно видѣть это изъ сравненія съ пятью чувствами человѣческаго тѣла: каждому чувству придано удовольствіе, смотря по службѣ этого чувства; особое удовольствіе принадлежитъ зрѣнію, особое слуху, обонянію, вкусу и осязанію. Удовольствіе зрѣнія, въ красотѣ цвѣтовъ и образовъ; удовольствіе слуха, въ созвучіи; обонянія въ благоуханіи; вкуса, въ сладкомъ яствѣ. Служба каждаго чувства извѣстна тому, кто объ этомъ размышляетъ, и еще болѣе тому, кто знакомъ съ соотвѣтствіями; такъ

удовольствіе зрѣнія принадлежитъ ему вслѣдствіе службы его относительно разума, который есть внутреннее зрѣніе; удовольствіе слуха принадлежитъ ему вслѣдствіе службы, оказываемой разуму и воли, возможностію слушать; удовольствіе вкуса принадлежитъ ему вслѣдствіе службы его, оказываемой желудку, и затѣмъ всему тѣлу, питаніемъ; удовольствіе обонянія принадлежитъ ему вслѣдствіе службы его, оказываемой мозгу и легкимъ. Супружеское удовольствіе, какъ самое чистое и утонченное удовольствіе осязанія, превосходитъ всѣ прочія, вслѣдствіе службы его, состоящей въ произведеніи рода человѣческаго, а затѣмъ и ангеловъ небесныхъ. Эти удовольствія присущи орудіямъ внѣшнихъ чувствъ, по наитію съ небесъ, гдѣ всякое удовольствіе принадлежитъ службѣ и согласно съ ней.

403. Нѣкоторые духи, вслѣдствіе понятій полученныхъ ими въ мірѣ, думали, что небесное счастіе состоитъ въ праздной жизни, и въ уходѣ за ними другихъ. Но имъ было сказано, что никогда никакое счастіе не состоитъ въ праздномъ отдохновеніи; что еслибъ это такъ было, то каждый отымалъ бы для себя счастіе другаго, и что такимъ образомъ, никто бы имъ не наслаждался; что такая жизнь, вмѣсто дѣятельной, была бы праздной, и вела бы къ оцѣпенѣнію; межъ тѣмъ какъ они сами могли бы знать, что безъ дѣятельности не можетъ быть счастія въ жизни, и что отдыхъ служитъ человѣку только для возобновленія силъ, чтобы онъ могъ съ новою бодростію возвращаться къ занятіямъ своей жизни: затѣмъ, многимъ изъ нихъ было показано, что жизнь ангельская

состоитъ въ дѣлахъ благостыни, т. е. въ службахъ, и что все счастіе ангельское въ службѣ, отъ службы, и согласно съ службой. Чтобъ пристыдить составившихъ себѣ то понятіе, что небесная радость состоитъ въ праздной жизни и отдохновеніи, исполненномъ вѣчной радости, имъ дано было постичь, какова была бы такая жизнь; и они постигли, что она была бы весьма печальною, и что, затѣмъ, съ потерею всякой радости, жизнь эта, въ скоромъ времени, стала бы для нихъ противною и ненавистною.

404. Духи, почитавшіе себя, противъ другихъ, болѣе свѣдущими, говорили, что, по ихъ земной вѣрѣ, небесная радость состоитъ только въ возхваленіи и прославленіи Бога, и что въ этомъ и состоитъ небесная дѣятельная жизнь. Но имъ было сказано, что хвалить и славить Бога, не есть та дѣятельная жизнь, о которой идетъ рѣчь, и что Богъ не нуждается въ хвалахъ и славословіяхъ, а хочетъ, чтобы всякій исполнялъ службу свою, т. е. чтобы дѣлали добрыя дѣла, называемыя добромъ благостыни: но эти духи не могли найти, въ добрыхъ дѣлахъ благостыни, никакого понятія о небесной радости, а только о какомъ то рабствѣ; ангелы же свидѣтельствовали, что въ этихъ дѣлахъ, напротивъ, величайшая свобода, потому что эта свобода исходитъ отъ внутренняго чувства и соединена съ несказаннымъ счастіемъ.

405. Почти всѣ, приходящіе въ тотъ міръ, воображаютъ, что, какъ адъ одинаковъ для всѣхъ, такъ и небеса для всѣхъ одинаковы; межъ тѣмъ какъ, тутъ и тамъ, различіе и разнообразіе безконечны, и нѣтъ двухъ людей для коихъ адъ или небеса были бы со-

вершенно подобны; точно такъ, какъ нѣтъ и человѣка, духа или ангела, который былъ бы совершенно подобенъ другому, хотя даже лицемъ. Когда я только думалъ, что два существа могутъ быть совершенно другъ другу подобны или равны, ангелы приходили въ ужасъ, говоря, что всякое единство образуется изъ согласнаго сочетанія нѣсколькихъ единицъ, что качество единства зависитъ отъ этого согласія, и что такимъ то образомъ каждое небесное общество, а затѣмъ и всѣ небесныя общества вмѣстѣ, образуютъ одно цѣлое; и что все это совершается однимъ Господомъ и его любовію. Такъ точно и службы на небесахъ различны и разнообразны, и служба одного ангела никогда не одинакова или не подобна вполнѣ службѣ другаго, равно, слѣдовательно, и удовольствіе одного ангела никогда не подобно вполнѣ удовольствію другаго, и не одинаково съ нимъ; болѣе того, удовольствія каждой службы безчисленны и эти безчисленныя удовольствія точно также разнообразны, хотя впрочемъ соединены въ такомъ порядкѣ, что находятся другъ у друга въ виду, подобно службамъ каждаго члена, орудія и черёва въ тѣлѣ, и даже подобно службамъ каждаго сосуда и волокна въ каждомъ членѣ, орудіи и черёвѣ (viscus), — которыя всѣ, вообще и въ частности, находятся въ такой связи, что каждый изъ нихъ видитъ свое благо въ другомъ и, такимъ образомъ, во всѣхъ, а всѣ въ каждомъ: вслѣдствіе этого общаго и частнаго взаимнаго отношенія, всѣ части дѣйствуютъ какъ одно цѣлое.

406. Я часто бесѣдовалъ съ духами вновь пришедшими въ тотъ міръ, о бытѣ будущей жизни: я

говорилъ, что имъ необходимо знать, кто Господь того царства, въ которое они пришли, и какое тамъ управленіе; если въ мірѣ, первое дѣло для пришедшихъ въ другое царство, узнать кто тамъ царь, каковъ онъ, каковъ образъ его правленія, и другія подробности объ этомъ царствѣ, то тѣмъ болѣе необходимо для нихъ имѣть подобныя свѣденія о томъ царствѣ, въ которомъ имъ суждено жить вѣчно. Поэтому они должны знать, что Господь есть тотъ царь, который управляетъ небесами и вселенной, ибо кто управляетъ первыми, тотъ управляетъ и всѣмъ остальнымъ; что такимъ образомъ царство, въ которомъ они теперь находятся, есть царство Господне; что законы этого царства суть вѣчныя истины, и что они основаны на томъ единомъ законѣ, что должно любить Господа выше всего, а ближняго какъ самого себя; и что если теперь они хотятъ быть подобными ангеламъ, то они должны идти еще далѣе, и любить ближняго болѣе чѣмъ самихъ себя. Услыхавши эти слова, они ничего не могли отвѣчать, потому что живши на землѣ, они что то подобное слышали, но не вѣрили этому; они дивились, что на небесахъ существуетъ такая любовь, и что даже можно дойти до того, чтобъ любить ближняго болѣе самого себя. Но имъ было сказано, что всѣ блага въ той жизни безконечно возрастаютъ, а что покуда человѣкъ въ земномъ тѣлѣ своемъ, онъ не можетъ преуспѣть во благѣ далѣе того, чтобъ любить ближняго, какъ самого себя, ибо онъ связанъ тѣломъ; по отрѣшеніи же отъ тѣла, любовь его очищается, и наконецъ, становится ангельскою, состоящею въ томъ, чтобъ лю-

бить ближняго болѣе самого себя, ибо небесное удовольствіе въ томъ, чтобъ дѣлать добро другому, а не себѣ, — если только и въ этомъ случаѣ оно не дѣлается для другаго. Имъ было сказано еще, что о возможности существованія такой любви даже на землѣ, они могутъ заключить изъ того, что бывали люди, которые по супружеской любви своей, для спасенія другъ друга, предпочитали смерть; изъ того также, что иная мать, по любви своей къ дѣтямъ, терпитъ голодъ, лишь бы не видать ребенка своего алчущимъ; или также изъ того, что, увлекаясь чувствомъ искренней дружбы, люди подвергаются опасности ради друзей своихъ; или наконецъ изъ того, что даже по дружбѣ свѣтской и притворной, подражающей истинной дружбѣ, люди предлагаютъ лучшее, что у нихъ есть, тому человѣку, которому они, по словамъ своимъ, желаютъ добра, и, на словахъ, увѣряютъ его въ томъ, чего нѣтъ на сердцѣ. Наконецъ, имъ было сказано, что въ возможности вышепомянутой любви, они могутъ убѣдиться изъ самой природы любви, которая такова, что радость ея состоитъ въ томъ, чтобы служить другому, не ради своей выгоды, а ради его собственной. Но этого не могли понять люди, любившіе себя болѣе другихъ, и тѣ, кои въ земной жизни своей, были корыстолюбивы; а скупые, менѣе всѣхъ прочихъ.

407. Нѣкоторый духъ, имѣвшій на землѣ большую власть, хотѣлъ, по сохранившейся привычкѣ, повелѣвать и въ той жизни. Но ему было сказано, что онъ находится теперь въ другомъ царствѣ, которое вѣчно, что власть его земная кончилась, и что въ

настоящемъ мѣстопребываніи своемъ, всякій почитается за свое благо и истину, и по Господнему къ нему милосердію, смотря по жизни, которую онъ велъ на землѣ; что въ этомъ царствѣ, какъ и на землѣ, люди уважаются по своему богатству, и по милости въ которой они находятся у царя; но что богатства здѣсь суть блага и истины, а милость царская, милосердіе Господне къ человѣку, смотря по жизни его на землѣ; если же онъ хочетъ повелѣвать на иныхъ основаніяхъ, то онъ мятежникъ, ибо находится теперь въ другомъ царствѣ. Услыхавъ это онъ устыдился.

408. Я говорилъ съ духами, которые воображали себѣ, что небеса и радость небесная, состоятъ въ томъ, чтобъ быть большими. Но имъ на это было сказано, что на небесахъ самый большой тотъ, кто самый малый, ибо самымъ малымъ называется тотъ, кто, по себѣ, нисколько не имѣетъ ни силы, ни мудрости, и ни той, ни другой не хочетъ имѣть отъ себя, а только отъ одного Господа; кто такимъ образомъ самый малый, тотъ наслаждается величайшимъ счастіемъ, а изъ этого слѣдуетъ, что онъ есть и самый большой, ибо Господь даетъ ему силу и мудрость бо̀льшую противъ другихъ. И что̀ значитъ быть самымъ большимъ, если это не значитъ быть самымъ счастливымъ? ибо богатые не ждутъ чего другаго отъ богатствъ, и сильные отъ власти, какъ высшаго счастія. Послѣ того, духамъ этимъ было сказано, что небеса не состоятъ въ томъ, чтобы желать быть самымъ малымъ съ цѣлію быть самымъ большимъ, ибо такъ дѣйствовать, значитъ домогаться и желать быть самымъ большимъ, — но въ томъ, чтобъ отъ всего

сердца хотѣть блага другимъ болѣе, чѣмъ самому себѣ, и быть имъ полезнымъ для ихъ собственнаго счастія, не изъ виду какой либо для себя награды, но изъ любви.

409. Истинная небесная радость, т. е. самая сущность ея, не можетъ быть описана, потому что она пребываетъ въ самыхъ внутреннихъ началахъ жизни ангельской, и уже оттолѣ исполняетъ всѣ частности ихъ мысли и чувства (affectio), а затѣмъ и всѣ частности ихъ рѣчи и дѣйствій. Это дѣлается такимъ образомъ, какъ еслибъ внутреннія начала ихъ были совершенно раскрыты къ воспринятію наслажденія и блаженства, растекающагося по каждому волоконцу тѣла и, слѣдовательно, по всему его существу; поэтому, постиженіе и ощущеніе этого блаженства выше всякаго описанія: ибо то, что начинается въ самыхъ внутреннихъ началахъ, растекается во всѣ малѣйшія частицы, зачинающіяся отъ этихъ внутреннихъ началъ и, постоянно прибывая, распространяется далѣе до внѣшнихъ проявленій. Когда добрые духи, которые сами еще не находятся въ этомъ наслажденіи, затѣмъ что они еще не вознесены на небеса, постигаютъ его въ исходящей отъ ангела сферѣ любви, то они исполняются такимъ удовольствіемъ, что приходятъ какъ бы въ сладкое забвеніе; это случалось иногда и съ тѣми, которые желали узнать, что такое небесная радость.

410. Нѣкоторые духи пожелали узнать въ чемъ состоитъ небесная радость; вслѣдствіе этого имъ и было дозволено постичь ее до той степени, выше которой они не могли бы выносить ее. Но это еще не

была ангельская радость и она едва равнялась самой малой степени ея, какъ мнѣ дано было постичь это по собственному опыту: эта радость была столь слаба, что почти казалось холодноватою; но духи тѣмъ не менѣе называли ее высшею небесною, ибо она была для нихъ въ то время самою внутреннею. Изъ этого видно, что не только есть степени въ небесной радости, но что даже самая внутренняя радость одной степени едва приближается къ послѣдней или средней, другой степени; и что когда какой нибудь духъ пріемлетъ самую внутреннюю для него радость, то она для него небесная, и онъ не могъ бы вынести другой, болѣе внутренней, безъ боли.

411. Нѣкоторые духи, не изъ злыхъ, впали въ состояніе подобное сну, и были въ этомъ состояніи, относительно внутреннихъ, духу ихъ принадлежащихъ началъ, перенесены на небеса; ибо духи до раскрытія своихъ внутреннихъ началъ, могутъ быть переносимы на небеса и узнавать тамъ о счастіи ихъ жителей. Я видѣлъ, какъ они оставались въ этомъ состояніи отдыха въ продолженіи получаса, и потомъ возвращались къ внѣшнимъ началамъ своимъ, въ которыхъ они находились и прежде: тогда, вспоминая видѣнное ими, они говорили, что были среди ангеловъ на небесахъ, и узнали тамъ (perceperint) много чуднаго; видѣли вещи блестящія золотомъ, серебромъ, и драгоцѣнными каменьями, въ самыхъ великолѣпныхъ, многоразличныхъ образахъ; что ангелы находили свое удовольствіе не въ этихъ внѣшнихъ предметахъ, а въ томъ, что они изображали, и что относилось до Божественныхъ, неизрѣченныхъ, полныхъ безконечной

мурдрости начал, и что въ этомъ состояла ихъ радость; не говоря о другихъ безчисленныхъ предметахъ, которые не могли бы, даже въ тысячной доли, быть переданы человѣческимъ языкомъ, ни войти въ понятія, на сколько нибудь вещественныя.

412. Почти всѣ приходящіе въ тотъ міръ, находятся въ самомъ глубокомъ невѣжествѣ, относительно небеснаго блаженства и счастія, потому что они не знаютъ что такое внутренняя радость, и въ чемъ она состоитъ, составляя себѣ понятіе объ ней по веселіямъ и удовольствіямъ мірскимъ и чувственнымъ; то, что имъ невѣдомо, они считаютъ за ничто, межъ тѣмъ какъ именно удовольствія плотскія и мірскія суть ничто, относительно небесныхъ. Посему, чтобы добрые духи, которые незнаютъ, что такое небесная радость, могли ее узнать и понять, они переносятся въ райскія мѣста, красота которыхъ превосходитъ всякое воображеніе: они думаютъ тогда, что пришли въ рай небесный; но имъ говорятъ, что это еще не есть истинное небесное блаженство, и потому даютъ имъ познать внутреннія состоянія радости, до ея самой внутренней, имъ доступной, степени постиженія. Послѣ того они приводятся въ состояніе мира, до самой внутренней степени, какая только можетъ быть въ нихъ раскрыта; они сознаютъ тогда, что ничто не въ силахъ выразить это состояніе, ни дать объ немъ хотя малое понятіе. Наконецъ они приводятся къ состоянію невинности, также до ея самой внутренней, чувству ихъ доступной степени, и такимъ образомъ имъ дается узнать, что такое по истинѣ духовное и небесное благо.

413. Но чтобъ я могъ знать, что такое небеса и въ чемъ состоитъ небесная радость, мнѣ дано было Господомъ часто и долго постигать удовольствія небесныхъ радостей; такимъ образомъ, онѣ мнѣ извѣстны, потому что я испыталъ ихъ на опытѣ, но описать ихъ я никогда не смогу. Чтобы дать объ нихъ, однакожъ, хотя нѣкоторое понятіе, я скажу слѣдующее: небесная радость есть чувство удовольствій и радостей неисчислимыхъ, представляющихъ въ совокупности, что то общее цѣлое, или какое то общее чувство, полное согласныхъ сочетаній безчисленныхъ чувствъ, не отчетливо, а только темно постигаемыхъ, потому что самое постиженіе ихъ какое то общее, неопредѣленное. Тѣмъ не менѣе, мнѣ дано было постичь, что въ этомъ чувствѣ заключались несчетныя вещи, въ такомъ порядкѣ расположенныя, что описать ихъ нѣтъ никакой возможности; безчисленность этихъ предметовъ вытекала изъ небеснаго порядка. Таковъ порядокъ существующій въ каждой части чувства и въ малѣйшихъ его частицахъ, которыя однакожъ представляются каждому и постигаются имъ, смотря по его способности, какъ что то самое общее. Словомъ, въ каждомъ общемъ чувствѣ есть безчисленные оттѣнки, расположенные въ совершенномъ порядкѣ, и нѣтъ между ними ни одного, который бы не былъ живымъ и не проникалъ чувство; ибо всѣ они истекаютъ отъ самыхъ внутреннихъ началъ, отъ которыхъ происходитъ и всякая небесная радость. Я постигъ также, что радость и наслажденіе исходили какъ бы отъ сердца, растекаясь оттолѣ, съ величайшею пріятностію, по всѣмъ внутреннимъ волокнамъ,

и затѣмъ по всѣмъ пучкамъ ихъ, съ такимъ внутреннимъ чувствомъ удовольствія, что каждое волоконце, казалось, само превращалось въ радость и наслажденіе: все, что въ тѣлѣ было только одарено постиженіемъ и чувствомъ, казалось жило счастіемъ. Радость принадлежащая тѣлеснымъ удовольствіямъ, въ сравненіи съ тою радостію, тоже что тяжелый и грубый туманъ (grumus), въ сравненіи съ чистымъ и легкимъ воздухомъ (aura). Я замѣтилъ, что когда я хотѣлъ перенести все свое удовольствіе на другаго человѣка, оно постоянно замѣнялось во мнѣ новымъ удовольствіемъ, въ сравненіи съ первымъ, болѣе внутреннимъ и полнымъ; оно овладѣвало мною въ той мѣрѣ, на сколько я желалъ передать свое: и я постигъ, что это было отъ Господа.

414. Живущіе на небесахъ постоянно приближаются къ весенней порѣ жизни, и чѣмъ болѣе тысячелѣтій они живутъ, тѣмъ болѣе пріятности и счастія въ томъ вешнемъ состояніи, до котораго они достигаютъ; и это продолжается въ цѣлую вѣчность, съ постояннымъ возрастаніемъ, смотря по преуспѣянію и степенямъ любви, благостыни и вѣры. Особы женскаго пола, скончавшіяся старыми и дряхлыми, но жившія въ вѣрѣ въ Господа, въ благостынѣ къ ближнему, и въ счастливой супружеской любви съ мужьями своими, возвращаются, въ теченіи многихъ лѣтъ, все болѣе и болѣе къ цвѣту юности и молодости, и достигаютъ красоты, которая превосходитъ всякое понятіе о красотѣ, постижимой для (нашего) глаза; доброта и благостыня даютъ имъ этотъ образъ красоты, изображаясь въ немъ, какъ бы въ своемъ подобіи,

вслѣдствіе чего, удовольствіе и красота благостыни свѣтятся во всѣхъ чертахъ лица ихъ, такъ, что они сами становятся какъ бы образами самой благостыни: нѣкоторые духи видѣли такихъ ангеловъ женскаго пола, и были поражены отъ изумленія. Образъ благостыни вживѣ видимый на небесахъ, таковъ, что сама благостыня даетъ ему жизнь, и сама же въ немъ изображается, — и даже до того, что весь ангелъ и въ особенности лице его, становится какъ бы самой благостыней, которая тогда ясно видится и ясно постигается; этотъ образъ, когда смотрятъ на него, является образомъ несказанной красоты, и проникаетъ благостынею самое внутреннее начало жизни духа: словомъ, старѣть, на небесахъ, значитъ молодѣть. Жившіе въ любви къ Господу и въ благостынѣ къ ближнему, становятся въ той жизни такими образами красоты; всѣ ангелы въ безконечномъ разнообразіи, являются такими образами, и изъ нихъ то состоятъ небеса.

О необъятности небесъ.

415. Что небеса Господни необъятны, можно заключить это изъ многаго изложеннаго и показаннаго въ предшествующихъ главахъ, въ особенности изъ того, что небеса состоятъ изъ рода человѣческаго, см. выше нн. 311—317, и не только изъ людей рожденныхъ внутри церкви, но также изъ тѣхъ, кои рождены внѣ ея, см. нн. 318—328; слѣдовательно, изъ всѣхъ тѣхъ, кои отъ самаго начала нашей земли,

жили во благѣ. Всякій, кто знаетъ что нибудь о частяхъ, странахъ и царствахъ этой земли, можетъ заключить какъ велико должно быть народонаселеніе всего нашего земнаго шара: по исчисленію окажется, что ежедневно умираетъ по нѣсколько тысячъ людей, слѣдовательно въ годъ по нѣскольку милліоновъ; и это совершается непрерывно отъ самаго сотворенія нашей земли, послѣ котораго прошло уже нѣсколько тысячелѣтій, — и всѣ эти люди, послѣ смерти своей, перешли и постоянно переходятъ въ такъ называемый міръ духовный. Сколько же изъ нихъ стали и становятся ангелами небесными, этого и счесть невозможно: мнѣ было сказано, что въ древнее время ихъ было великое множество, потому что тогда люди мыслили внутреннѣе и духовнѣе, и слѣдовательно, жили небесною любовью; но, что въ слѣдующее затѣмъ время, ихъ уже небыло такъ много, потому что человѣкъ съ теченіемъ времени сталъ болѣе внѣшнимъ и началъ мыслить природнѣе, а вслѣдствіе того и предаваться земнымъ страстямъ. Изъ этого можно уже видѣть, что по однимъ жителямъ нашей земли, небеса должны быть велики.

416. Что небеса Господни необъятны, можно заключить изъ одного того, что всѣ дѣти, рождены ли они внутри или внѣ церкви, пріемлются Господомъ и становятся ангелами; число же ихъ на землѣ простирается до четвертой или пятой части всего рода человѣческаго. Изъ предъидущаго извѣстно, что каждое дитя, гдѣ бы оно ни родилось, внутри или внѣ церкви, отъ какихъ бы ни было родителей, пріемлется по смерти своей Господомъ, и воспитывается на

небесахъ, поучаясь тамъ, согласно Божественному порядку, и исполняясь любовью къ благу, а черезъ это и познаній истины; послѣ чего, по мѣрѣ усовершенія въ разумѣніи и мудрости, онъ вводится въ небеса и становится ангеломъ, см. нн. 329—345. Изъ этого легко можно заключить, какое великое множество ангеловъ небесныхъ произошло отъ однихъ дѣтей, съ самаго сотворенія земли нашей до настоящаго времени.

417. Какъ необъятны небеса Господни, можно увидать также изъ того, что всѣ планеты видимыя для глазу въ нашей солнечной системѣ, суть такія же земли, и что кромѣ ихъ вселенная полна безчисленнымъ множествомъ другихъ, которыя точно также исполнены жителей. Объ этомъ было говорено мною въ особомъ сочиненіи, *о Земляхъ Вселенной*, изъ котораго я приведу слѣдующія слова: „Въ той жизни каждому извѣстно, что число земель велико, и что на нихъ живутъ люди, которые послѣ смерти становятся духами и ангелами; ибо въ той жизни дозволяется каждому, изъ любви къ истинѣ и къ службѣ ея, говорить съ духами другихъ земель, и этимъ способомъ убѣдиться въ существованіи множества міровъ, и такимъ образомъ узнать, что родъ человѣческій есть произведеніе не одной только нашей земли, но и безчисленнаго множества другихъ. Я иногда говорилъ съ духами нашей земли о томъ, что человѣкъ по разуму и наукѣ своей могъ бы знать, что земель много, и что онѣ обитаемы людьми; ибо онъ могъ бы по разуму заключить, что громады, подобныя планетамъ, изъ коихъ нѣкоторыя величиною

превосходятъ нашу землю, не суть тѣла необитаемыя, и не созданы для того только, чтобъ носиться въ пространствѣ вокругъ солнца, и проливать небольшой свѣтъ свой на одну единую землю, но что они должны быть назначены для гораздо высшей службы. Кто вѣритъ, какъ долженъ этому вѣрить каждый, что Божественное начало создало вселенную не для иной цѣли, какъ для существованія рода человѣческаго и небесъ, ибо родъ человѣческій есть разсадникъ небесъ, — тотъ не можетъ не вѣрить, что всюду, гдѣ есть земля, тамъ есть и люди. Что планеты, принадлежащія нашей солнечной системѣ и, вслѣдствіе того, видимыя для нашихъ глазъ, суть земли, можно прямо заключить изъ того, что онѣ тѣла состоящія изъ земнаго вещества, ибо отражаютъ солнечный свѣтъ, и усматриваемыя въ телескопъ, кажутся не огненными звѣздами, но землями покрытыми свѣтомъ и тѣнью; можно заключить это еще изъ того, что онѣ, подобно нашей землѣ, носятся вокругъ солнца и, направляясь по зодіаку, образуютъ у себя годы и времена ихъ, какъ то, весну, лѣто, осень и зиму; и что онѣ, кромѣ того, вращаются, какъ и наша земля, вокругъ своей оси, образуя чрезъ это дни и времена ихъ, т. е. утро, полдень, вечеръ и ночь; сверхъ того, при нѣкоторыхъ планетахъ есть луны, называемыя спутниками, которыя, въ опредѣленные сроки, обращаются вокругъ планетъ своихъ, какъ луна вокругъ нашей земли; а у планеты Сатурнъ, за дальнимъ разстояніемъ ея отъ солнца, есть большое свѣтлое кольцо, которое даетъ этой землѣ много свѣту, хотя и отраженнаго. Какой человѣкъ, знающій все это и

мыслящій по разсудку, можетъ сказать, что это одни необитаемыя тѣла? Кромѣ того, я говорилъ съ духами о томъ, что человѣкъ могъ бы увѣриться во множествѣ земель вселенной изъ того соображенія, что звѣздное небо необъятно и полно несчетныхъ звѣздъ, изъ которыхъ каждая, на своемъ мѣстѣ и въ своей системѣ, есть солнце, подобное нашему, только иной величины. Кто правильно разсуждаетъ, тотъ долженъ заключить, что вся эта необъятность не можетъ быть чѣмъ инымъ, какъ средствомъ къ достиженію извѣстной цѣли, которая должна быть конечною цѣлью міроздания, и что эта цѣль есть существованіе небеснаго царства, въ которомъ Божественное начало могло бы сопребывать съ ангелами и людьми; ибо видимая вселенная, или твердь, освѣщенная столь несчетными звѣздами, которыя суть такія же солнца, есть только орудіе, чрезъ которое могли бы создаться земли, а на нихъ и тѣ люди, изъ коихъ могло бы образоваться небесное царство. При такихъ соображеніяхъ, человѣкъ разсудка не можетъ думать, чтобъ столь необъятное средство къ достиженію столь великой цѣли, могло быть назначено для произведенія рода человѣческаго на одной только нашей земли: много ли этого для Божественнаго начала, которое безконечно, и для котораго тысячи, даже милліоны земель, преисполненныя жителей, были бы едва замѣтны или почти что ничтожны? Есть духи, которыхъ единственное занятіе состоитъ въ пріобрѣтеніи знаній, ибо они въ нихъ только находятъ наслажденіе; посему, духамъ этимъ дозволено всюду странствовать, и переходить за предѣлы нашей

солнечной системы въ другіе міры, чтобъ этимъ способомъ пріобрѣтать всякаго рода познанія: духи эти съ планеты Меркурія; они сказали мнѣ, что есть земли обитаемыя людьми, не только въ нашемъ подсолнечномъ мірѣ, но и внѣ его, въ звѣздномъ небѣ, и что количество этихъ земель несчетное. Было расчитано, что еслибъ во вселенной былъ милліонъ земель, и на каждой землѣ по триста милліоновъ жителей, и по двѣсти поколѣній въ шесть тысячъ лѣтъ, и каждому человѣку или духу было дано пространство въ три кубическихъ локтя, — то и столь значительное количество людей или духовъ, взятыхъ въ совокупности, не исполнило бы пространство, занимаемое нашей землею; и едва бы превзошло пространство занимаемое однимъ изъ спутниковъ нашихъ планетъ, пространство, которое во вселенной было бы почти не замѣтно, ибо такой спутникъ едва видимъ для простаго глаза: что же бы это значило для Творца вселенной, для котораго, еслибъ и вся вселенная была такимъ образомъ полна, то и этого было бы недостаточно, ибо онъ самъ безконеченъ? Я говорилъ объ этомъ предметѣ съ ангелами, и они сказали мнѣ, что имѣютъ точно такое же понятіе о малочисленности людей, въ сравненіи съ безконечностью Творца; но что однакожъ они мыслятъ не по пространствамъ, а по состояніямъ, и что, по ихъ понятію, миріады земель, числомъ выше всякаго понятія, были бы все таки совершенно ничто, въ сравненіи съ Господомъ." — О земляхъ вселенной, о жителяхъ ихъ, и о происшедшихъ отъ нихъ духахъ и ангелахъ, см. вышепомянутое сочиненіе; изложенное тамъ, было мнѣ

открыто и показано съ тою цѣлью, чтобъ было вѣдомо, что небеса Господни необъятны, что они всѣ населены родомъ человѣческимъ, и что нашъ Господь всюду признается Богомъ небесъ и земли.

418. Что небеса Господни необъятны, можетъ быть видно также изъ того, что небеса въ совокупности изображаютъ одного человѣка, и, при томъ, соотвѣтствуютъ всему, что, вообще и въ частности, есть въ человѣкѣ; что это соотвѣтствіе никогда не можетъ преисполниться, потому что оно есть соотвѣтствіе, не только съ каждымъ членомъ, орудіемъ и черевомъ тѣла вообще, но даже, въ частности и въ отдѣльности, со всѣми и каждымъ малѣйшимъ черевомъ и орудіемъ внутри первыхъ, — даже болѣе того, съ каждымъ сосудикомъ и волоконцемъ; и не только съ ними, но даже съ тѣми органическими субстанціями, которыя внутренно принимаютъ небесное наитіе, въ которомъ человѣкъ почерпаетъ внутреннюю дѣятельность свою, служащую ему для дѣятельности духа (animi operationibus): ибо все, что существуетъ внутри человѣка, существуетъ въ образахъ, которыя суть субстанціи, а то, что не существуетъ въ субстанціи какъ въ субъектѣ своемъ, есть ничто. Всѣ эти части и частицы тѣла соотвѣтствуютъ небесамъ, какъ видно въ главѣ, въ которой говорилось о соотвѣтствіи всего, что есть на небесахъ, со всѣмъ тѣмъ, что есть въ человѣкѣ, нн. 87—102. Это соотвѣтствіе никогда не можетъ преисполниться, потому что, чѣмъ болѣе ангельскихъ обществъ, соотвѣтствующихъ одному члену, тѣмъ совершеннѣе становятся небеса; ибо всякое совершенство на небесахъ растетъ вмѣстѣ

съ численностью (secundum pluralitatem). Это происходитъ оттого, что цѣль на небесахъ для всѣхъ одна, и что всѣ единодушно стремятся къ этой цѣли; эта цѣль есть общее благо; когда это благо царствуетъ, то въ немъ есть доля и для каждаго, а отъ блага каждаго происходитъ и общее благо: такъ дѣлается это потому, что Господь обращаетъ къ себѣ всѣхъ живущихъ на небесахъ (см. выше н. 123), и тѣмъ самымъ образуетъ съ ними одно цѣлое. Что единодушіе и согласіе нѣсколькихъ личностей, въ особенности отъ такого источника и въ такой связи, производятъ совершенство, это можетъ быть усмотрѣно всякимъ, хотя нѣсколько свѣтлымъ разсудкомъ.

419. Мнѣ дано было видѣть пространство небесъ обитаемыхъ и необитаемыхъ, и я увидалъ, что пространство небесъ необитаемыхъ такъ велико, что оно не могло бы наполниться въ цѣлую вѣчность, еслибъ даже было нѣсколько миріадъ земель, и на каждой землѣ такое же великое множество людей, какъ на нашей. См. объ этомъ тоже сочиненіе *О земляхъ вселенной*, н. 168.

420. Нѣкоторые люди думаютъ, что небеса не велики, вслѣдствіе нѣкоторыхъ изрѣченій Слова, принимаемыхъ ими въ буквальномъ смыслѣ; напримѣръ, на основаніи тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ сказано, что въ небеса пріемлются одни только бѣдные, что небеса открыты для однихъ только избранныхъ, и допускаются туда только принадлежащіе къ церкви, а не другіе; что на небесахъ находятся только тѣ, за которыхъ ходатайствуетъ Господь, и что, какъ только небеса исполнятся, они будутъ закрыты, и что это

время уже предопредѣлено. Но эти люди не знаютъ, что небеса никогда не закроются, что нѣтъ для этого никакаго предопредѣленнаго времени, и что число небесныхъ жителей не ограничено; эти люди не знаютъ, что избранными названы, живущіе въ благѣ и истинѣ, а бѣдными тѣ, кои лишены познаній блага и истины, но ищутъ ихъ, и въ силу этого желанія названы также алчущими. Тѣ, кои, по неразумѣнію Слова, составили себѣ понятіе о маломъ пространствѣ небесъ, воображаютъ себѣ, что они находятся въ одномъ только мѣстѣ, гдѣ всѣ ихъ жители въ сборѣ, межъ тѣмъ какъ небеса состоятъ изъ безчисленныхъ обществъ, см. выше нн. 41—50; или думаютъ, что небеса даруются каждому по непосредственному милосердію Господа, и что, такимъ образомъ, туда допускаются и принимаются по благоусмотрѣнію (ex beneplacito) Господа. Они не понимаютъ, что Господь, по милосердію своему, ведетъ туда каждаго, кто только пріемлетъ его, а пріемлютъ его тѣ, кои живутъ по законамъ Божественнаго порядка, т. е. по заповѣдямъ любви и вѣры; и что быть такимъ образомъ ведому Господомъ, отъ самаго дѣтства до послѣдней минуты жизни здѣсь и затѣмъ въ вѣчности, есть то самое милосердіе, о которомъ обыкновенно говорится. Посему, да будетъ имъ вѣдомо, что каждый человѣкъ родится для небесъ, и что тотъ принимается на небеса, кто самъ пріемлетъ ихъ въ себя, покуда живетъ на землѣ, а исключается только тотъ, кто самъ не пріемлетъ ихъ.

О МІРѢ ДУХОВЪ

и

СОСТОЯНІИ ЧЕЛОВѢКА ПО СМЕРТИ ЕГО.

Что такое міръ духовъ.

421. Міръ духовъ отличается, какъ отъ небесъ, такъ и отъ ада; это мѣсто или состояніе среднее между тѣмъ и другимъ: туда человѣкъ приходитъ по смерти своей, и пробывъ тамъ извѣстный срокъ, смотря по жизни своей на землѣ, или возносится на небеса, или низвергается въ адъ.

422. Міръ духовъ мѣсто среднее между небесами и адомъ, и среднее состояніе человѣка по смерти его. Что это среднее мѣсто, очевидно стало для меня по положенію его: надъ нимъ небеса, а подъ нимъ адъ; что это среднее состояніе, въ томъ я убѣдился, узнавъ, что поколѣ человѣкъ тамъ пребываетъ, онъ еще ни въ небесахъ, ни въ аду. Небесный бытъ (или состояніе) человѣка есть союзъ (или соединеніе) въ немъ истины и блага, а состояніе адское, союзъ зла и лжи: если въ человѣкѣ-духѣ, благо соединилось съ истиною, то онъ приходитъ въ небеса, потому что союзъ этотъ (какъ это было объяснено) образуетъ въ немъ небесное состояніе; если же въ человѣкѣ-духѣ зло соединилось съ ложью, то онъ идетъ въ адъ, по-

тому что такой союзъ образуетъ въ немъ адское состояніе; союзъ этотъ, въ обоихъ случаяхъ, совершается въ мірѣ духовъ, гдѣ человѣкъ находится еще въ среднемъ состояніи. Союзъ разума и воли, или, какъ здѣсь сказано, истины и блага, одно и тоже.

423. Скажемъ напередъ нѣсколько словъ о союзѣ разума съ волей, и о тождествѣ его съ союзомъ истины и блага, такъ какъ союзъ этотъ совершается въ мірѣ духовъ, о которомъ идетъ рѣчь. Въ человѣкѣ есть разумъ и есть воля; разумъ принимаетъ въ себя истины и самъ по нимъ образуется; воля же служитъ пріемникомъ благъ и сама по нимъ образуется. Посему все, что человѣкъ понимаетъ разумомъ и вслѣдствіе того мыслитъ, онъ считаетъ истиною; а все, что онъ сперва хочетъ волею и уже послѣ того мыслитъ, зоветъ благомъ. Человѣкъ можетъ мыслить и однимъ разумомъ, уясняя себѣ чтȏ такое истина и чтȏ такое благо; но такія мысли не входятъ въ волю его, доколѣ онъ не хочетъ и не дѣлаетъ того, что думаетъ: если же онъ захотѣлъ чтȏ задумалъ и по своей волѣ это дѣлаетъ, то это входитъ одинаково въ разумъ и въ волю его, а слѣдовательно и въ него самого, потому что ни разумъ, ни воля, по себѣ, не составляютъ человѣка, а то и другое вмѣстѣ. Что вошло въ разумъ и волю, то вошло и въ человѣка и имъ усвоено; напротивъ, что вошло только въ разумъ его, то можно сказать при немъ, но не въ немъ: это дѣло памяти и знанія лежащаго въ памяти; это предметъ, о которомъ онъ можетъ думать не углубляясь въ самого себя, а отрѣшаясь отъ себя и бесѣдуя съ другими; о такихъ предметахъ онъ можетъ

толковать и разсуждать, и даже притомъ выказывать притворныя чувства, наклонности и тѣлодвиженія.

424. Человѣку дано мыслить разумомъ, безъ участія воли, для того, чтобы онъ могъ переобразоваться; человѣкъ же переобразуется посредствомъ истинъ, а истина, какъ показано выше, относится къ разуму. Человѣкъ относительно воли, родится во всякомъ злѣ, и самъ собою онъ никому другому не желаетъ добра, какъ самому себѣ; а кто желаетъ добра только себѣ, тотъ радуется злу, которое причиняется другимъ, тѣмъ болѣе когда это дѣлается съ выгодою для него; онъ жаждетъ присвоить себѣ всякое чужое добро, какъ почести и знатность, такъ и богатства, и тѣмъ довольнѣе, чѣмъ болѣе это ему удается: поэтому, для очищенія и переобразованія началъ воли, человѣку дано понимать разумомъ истины, и вслѣдствіе этого, обуздывать наклонности къ злу, изъ этой воли истекающія. Человѣкъ можетъ разумомъ мыслить объ истинахъ, изрѣкать ихъ и примѣнять къ дѣлу; но онъ не можетъ мыслить ихъ волею своею, доколѣ не усвоитъ себѣ истинъ этихъ вполнѣ всѣмъ сердцемъ, и не захочетъ исполнять ихъ на дѣлѣ. У такого человѣка все, что онъ мыслитъ разумомъ, обращается въ вѣру его, а что мыслитъ волею, въ любовь; тогда вѣра и любовь сочетаются въ немъ, какъ разумъ съ волею.

425. И такъ, на сколько истины, относящіяся къ разуму, въ союзѣ съ благомъ, относящимся къ волѣ, т. е. на сколько человѣкъ хочетъ истины и примѣняетъ ее къ дѣлу, на столько онъ въ небесахъ или небеса въ немъ, потому что союзъ блага и исти-

ны образуетъ небеса; напротивъ, на сколько ложь разума сочетается со зломъ воли, на столько человѣкъ носитъ въ себѣ адъ, потому что союзъ лжи и зла образуетъ адъ; за симъ, на сколько истина разума и благо воли разъединены, на столько человѣкъ находится въ состояніи среднемъ. Въ такомъ состояніи нынѣ почти всѣ люди: они знаютъ истины, размышляютъ о нихъ по разуму и по наукѣ, но на дѣлѣ исполняютъ ихъ кто больше, кто меньше, а иногда и вовсе не исполняютъ, и даже, напротивъ, дѣйствуютъ вопреки истинъ этихъ, по любви къ злу и по довѣрію къ лжи. Во всякомъ случаѣ, носитъ ли въ себѣ человѣкъ небеса или адъ, онъ по смерти является въ міръ духовъ, гдѣ окончательно сочетаются благо и истина въ тѣхъ, кои должны подняться на небо, а зло и ложь въ тѣхъ, кои должны быть низвергнуты въ адъ. Ни на небѣ, ни въ аду не дозволяется раздвоять духъ свой, т. е. знать и понимать одно, а хотѣть и дѣлать другое; тамъ, кто чего хочетъ, то и понимаетъ, а что понимаетъ разумомъ, того хочетъ и волею. На небѣ, желающій благо пойметъ и истину, а въ аду, хотящій зла пойметъ и ложь; по сему, тамъ, отъ добрыхъ ложь удаляется, а предоставляются имъ истины, отвѣчающія ихъ благу и съ нимъ согласныя; отъ злыхъ же отбираются истины, а оставляется имъ ложь, отвѣчающая злу ихъ и съ нимъ согласная. Изъ этого понятно, что такое міръ духовъ.

426. Въ міръ духовъ пребываетъ несмѣтное число народа, потому что это первое сборное мѣсто для всѣхъ. Тамъ всякій разсматривается и приго-

товляется. Срокъ пребыванія тамъ неопредѣленъ; иные, только что явившись, тотчасъ же возносятся на небеса или низвергаются въ адъ; иные остаются по нѣскольку недѣль, другіе цѣлые годы, но не долѣе тридцати лѣтъ. Различіе сроковъ этихъ зависитъ оттого, на сколько въ комъ внѣшнее соотвѣтствуетъ, или не соотвѣтствуетъ, внутреннему: а какимъ порядкомъ человѣкъ въ мірѣ духовъ переходитъ изъ одного состоянія въ другое, и приготовляется къ своему окончательному мѣстопребыванію, это вслѣдъ за симъ объяснится.

427. Какъ только люди по смерти являются въ міръ духовъ, такъ Господь съ точностью распредѣляетъ ихъ: злые тотчасъ присоединяются къ тому адскому обществу, въ которомъ, по господствующей любви своей, находились живя еще въ міру; а добрые тотчасъ присоединяются къ тому небесному обществу, къ которому принадлежали мірскою жизнію своею, по любви, благостынѣ и вѣрѣ. Не смотря однакожъ на такой разборъ, всѣ сошедшіеся въ мірѣ духовъ, друзья, пріятели и знакомые по жизни своей во плоти, — видаются, сходятся и бесѣдуютъ, когда сами пожелаютъ, особенно супруги, братья и сестры. Я видѣлъ тамъ отца, бесѣдовавшаго съ шестью сынами своими, которыхъ онъ узналъ; видѣлъ также много другихъ въ бесѣдѣ съ родными и друзьями; но какъ всѣ они, по духу своему въ мірской жизни, были различны, то вскорѣ разошлись и разстались. Перешедшіе же изъ міра духовъ въ небеса или въ адъ, не видаются болѣе и не знаются, если только они не одного духа и не одинаковой любви: вида-

ются они въ мірѣ духовъ, а не въ небесахъ и не въ аду, потому что, покуда они находятся въ мірѣ духовъ, они переносятся въ состоянія подобныя тѣмъ, которыя испытывали въ земной жизни своей, и переходятъ изъ одного въ другое; тогда какъ, въ послѣдствіи, всѣ приводятся къ постоянному состоянію, согласному съ господствующею въ каждомъ любовью, и тогда каждый знается съ другимъ, только по сходству любви своей; ибо, какъ сказано выше, нн. 41—50, сходство сближаетъ, а несходство разлучаетъ.

428. Міръ духовъ, будучи для человѣка состояніемъ или бытомъ среднимъ между раемъ и адомъ, въ тоже время занимаетъ и среднее между ними мѣсто: подъ нимъ адъ или преисподняя, а надъ нимъ небеса. Адъ замкнутъ къ міру духовъ; есть только скважины, какъ бы трещины въ скалахъ и обширные провалы, оберегаемые стражею, чтобы никто безъ особаго дозволенія, не выходилъ оттуда; а разрѣшеніе это дается только при настоятельной нуждѣ, о чемъ поговоримъ ниже. Небеса также кругомъ замкнуты, и ни къ одному обществу небесному нѣтъ доступа, кромѣ тѣснаго пути, коего входъ также оберегается. Эти то выходы и входы, въ Св. Писаніи, именуются дверьми и вратами рая и ада.

429. Мѣстность міра духовъ является какъ бы долиною между горъ и утесовъ, съ волнистою поверхностью. Двери или входы въ небесныя общества видимы только для приготовленныхъ къ небесамъ; прочіе жъ отыскать ихъ не могутъ: къ обществамъ этимъ одинъ только общій входъ, отъ котораго идетъ одна дорога, которая, подымаясь, раздѣляется на мно-

жество другихъ. Двери и входы въ адъ также видимы тѣмъ только, коимъ суждено войти въ нихъ; тогда входы эти растворяются, являя мрачныя, какъ бы сажею покрытыя пещеры, направленныя косвенно внизъ въ глубину, гдѣ опять много особыхъ проходовъ. Изъ пещеръ или проваловъ этихъ подымаются мрачныя и вонючія испаренія, отъ коихъ бѣгутъ всѣ добрые духи, какъ отъ невыносимо противныхъ, тогда какъ злые духи ихъ ищутъ и ими наслаждаются: кто въ здѣшнемъ мірѣ наслаждался своимъ зломъ, тотъ по смерти наслаждается зловоніемъ, соотвѣтствующимъ этому злу. Въ этомъ отношеніи, злыхъ духовъ сравнить можно съ плотоядными птицами и звѣрьми: съ вòрономъ, волками, свиньями, кои, почуявъ запахъ падали и помета, слетаются и сбѣгаются отовсюду; я самъ слышалъ, какъ одинъ духъ гласно вопилъ отъ внутреннихъ мукъ, когда коснулась его струя небеснаго дыханія, а между тѣмъ спокойно, и съ отрадою, дышалъ испареніями преисподней.

430. Въ каждомъ человѣкѣ есть также двое дверей, изъ коихъ одна обращена къ аду, отвѣрзтая злу и происходящей отъ него лжи, а другая къ небесамъ, готовая принять благо и истины его. Врата адовы растворены у всѣхъ живущихъ во злѣ и во лжи его, и только малость небеснаго свѣта, посредствомъ коего человѣкъ можетъ мыслить, судить и говорить, проникаетъ въ него сверху, какъ бы черезъ скважины; небесные же врата растворены у тѣхъ, кои живутъ во благѣ и истинѣ его. Два пути ведутъ къ разсудочному началу человѣческаго духа (ad mentem hominis rationalem): чрезъ внутренній или высшій путь вхо-

дитъ благо и истина отъ Господа, а чрезъ внѣшній или низшій врывается зло и ложь изъ ада; разсудочное же начало человѣка (mens rationalis) находится по срединѣ и къ нему ведутъ оба пути; на сколько оно допускаетъ въ себя небеснаго свѣта, на столько человѣкъ разсудоченъ, а на сколько не допускаетъ, на столько онъ не разсудоченъ, какимъ бы онъ самъ себѣ не казался. Все это сказано, чтобы было извѣстно какимъ образомъ человѣкъ соотвѣтствуетъ небесамъ и аду: разсудочное начало его, доколѣ оно еще образуется, соотвѣтствуетъ міру духовъ; что̀ надъ нимъ, то соотвѣтствуетъ небесамъ, а что̀ подъ нимъ, то аду. У тѣхъ, кои готовятся въ небеса, верхній путь отверзается, а нижній замыкается, не допуская вліянія зла и лжи; у тѣхъ же кои готовятся въ адъ, нижній путь открывается, а верхній замыкается, устраняя вліяніе блага и истины. Посему, послѣдніе могутъ смотрѣть только внизъ въ преисподнюю, а первые только вверхъ, т. е. въ небеса. Смотрѣть вверхъ — значитъ на Господа, какъ на общее средоточіе, къ коему обращены всѣ небеса; смотрѣть внизъ — значитъ смотрѣть, отвернувшись отъ Господа къ противуположному средоточію, къ коему обращена и стремится вся преисподняя (см. нн. 123. 124).

431. Обитатели міра духовъ разумѣются подъ названіемъ духовъ вообще, ангелами же именуются жители небесные.

Всякій человѣкъ по внутреннимъ началамъ своимъ (quoad interiora), духъ.

432. Человѣкъ со здравымъ разсудкомъ понимаетъ, что не тѣло наше мыслитъ, не плоть и не вещество, а душа, какъ существо духовное. Душа человѣка, о безсмертіи которой столько писано, есть самый духъ его, онъ безсмертенъ во всей цѣлости своей; онъ мыслитъ въ тѣлѣ нашемъ, какъ начало духовное, пріемлющее въ себя одно духовное, и живущее духовно, мыслію и волею. Вся умственная разсудочная (rationalis) жизнь, проявляющаяся въ тѣлѣ, относится къ духу, а не къ тѣлу; тѣло, какъ упомянуто выше, вещественно, и вещество это, какъ принадлежность тѣлесная, только придано, или, такъ сказать, едва присоединено духу, для того, чтобы духъ человѣка могъ жить и исполнять службу въ природномъ мірѣ, на землѣ, гдѣ все вещественное мертво и лишено жизни: а какъ вещественное не живетъ, и живетъ одно только духовное, то ясно, что все живое въ человѣкѣ относится къ духу его, и что тѣло только служитъ ему, такимъ же образомъ, какъ снарядъ или орудіе служитъ живой движущей силѣ. И объ орудіи говорится, что оно дѣйствуетъ, движетъ, поднимаетъ, но очевидно, было бы ошибочно приписывать дѣйствія эти орудію, а не тому, кто ими управляетъ.

433. Если все живое въ тѣлѣ нашемъ, и все что вслѣдствіе жизни дѣйствуетъ въ немъ, есть духъ, а не плоть, то духъ этотъ и есть самый человѣкъ, или, что одно и тоже, человѣкъ по себѣ есть духъ,

въ такомъ же образѣ какъ и самое тѣло. Такъ какъ все, что живетъ и чувствуетъ въ человѣкѣ, есть духъ, и отъ головы до ногъ нѣтъ въ тѣлѣ ни точки, которая бы не жила и не чувствовала, то, по отрѣшеніи тѣла отъ духа, что называется смертью, человѣкъ остается тѣмъ же человѣкомъ и живетъ. Я слышалъ на небесахъ, что иные, умерши и лежа въ гробу, покуда еще не воскресли, продолжаютъ мыслить въ охладѣвшемъ тѣлѣ своемъ, въ полномъ убѣжденіи, что они еще живы; но только они не могутъ уже двинуть ни одной вещественной частицы, какъ принадлежности чисто тѣлесной.

434. Человѣкъ не можетъ мыслить и хотѣть безъ вещественнаго орудія или образа (subjectum quod substantia), въ которомъ или чрезъ который, способности эти могли бы проявляться; существо, безъ всякаго вещественнаго образа, есть ничто. Человѣкъ не видитъ безъ глаза, которое служитъ ему орудіемъ для зрѣнія; не слышитъ безъ уха, которое служитъ ему орудіемъ слуха: ни зрѣнія, ни слуха, по себѣ, и безъ орýдій этихъ, нѣтъ. Точно также не можетъ быть мышленья, т. е. внутренняго зрѣнія, ни постиженія, т. е. внутренняго слуха, безъ вещественныхъ орудныхъ снарядовъ, для проявленія этихъ способностей духа (nisi forent in substantiis et ex illis, quae sunt formae organicae, quae subjecta). Изъ этого слѣдуетъ, что и у духа человѣческаго есть образъ человѣческій, и что онъ, отдѣляясь отъ тѣла, пользуется такими же чувствами и общимъ чувствилищемъ, какъ и въ тѣлѣ; что вся жизнь глаза, уха, — словомъ, вся жизнь чувствъ, во всѣхъ частностяхъ ея, принадлежитъ не

плоти человѣка, а духу его. Посему духи видятъ, слышатъ, чувствуютъ точно какъ и мы, только не въ природномъ, а въ духовномъ мірѣ, уже послѣ отрѣшенія своего отъ тѣла. Во плоти, духъ этотъ чувствовалъ по земной природѣ своей, чрезъ посредство приданнаго ему вещественнаго тѣла, не менѣе того, онъ въ тоже время чувствовалъ и духовно, разумомъ и волею.

435. Все это говорится здѣсь ради убѣжденія, что человѣкъ по себѣ есть духъ, а тѣло приданное ему для отправленій и службы въ природномъ и вещественномъ мірѣ, не человѣкъ, а только орудіе этого духа. Но, какъ доводы разсудка для многихъ непонятны, и убѣдившимися въ противномъ извращаются неправильными сужденіями, по обману чувствъ, наводя такимъ образомъ сомнѣнія, то и необходимо здѣсь представить подтвержденія опыта. Кто не вѣритъ безсмертію души, тотъ говоритъ: и животное живетъ и чувствуетъ какъ человѣкъ, въ немъ стало быть и такое же духовное начало, а между тѣмъ оно умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Но духъ животнаго совсѣмъ инаго качества, чѣмъ духъ человѣка; у человѣка есть (чего нѣтъ у животнаго), духовный тайникъ (intimum), или самое внутреннее духовное начало, доступное наитію Божества, которое возноситъ это начало до себя и къ себѣ его присоединяетъ: посему и дано человѣку, а не скоту, мыслить о Богѣ, о божественномъ въ небесахъ и церкви, и любить Бога, присоединяясь къ нему этимъ постиженіемъ; а что можетъ соединяться съ Божествомъ, то не разрушимо; разрушается только то, что не можетъ со-

единяться съ Божествомъ. О духовномъ тайникѣ человѣка, какъ о преимуществѣ его предъ скотомъ, говорено было выше въ н. 39; повторимъ однакоже здѣсь тоже, чтобъ разсѣять ложныя понятія, основанныя на недостаткѣ свѣденій и разума, а слѣдовательно и здраваго сужденія; вотъ слова того мѣста: „Упомяну здѣсь объ одной ангельской тайнѣ, которая доселѣ никому не приходила на мысль, потому что никто не зналъ степеней, о коихъ говорено было въ н. 38. Въ каждомъ ангелѣ, какъ и въ человѣкѣ, есть самая внутренняя, высшая духовная степень, или самое высшее, духовное начало (которое можно назвать тайникомъ его); на него то простирается прямое и ближайшее вліяніе Божественнаго начала, которое затѣмъ уже, какъ бы изъ тайника этого, располагаетъ и всѣ прочія внутреннія начала, слѣдующія по степенямъ порядка, какъ въ ангелѣ, такъ и въ человѣкѣ. Это высшее, внутреннее начало, или тайникъ этотъ, можно назвать входомъ Господнимъ къ ангелу и человѣку, и Господнимъ въ нихъ жилищемъ; этотъ тайникъ содѣлываетъ человѣка человѣкомъ, и отличаетъ его отъ скотовъ и животныхъ, у коихъ тайника этого нѣтъ: вотъ причина почему человѣкъ, въ противоположность животному, можетъ, внутренними началами души и духа своего (quoad interiora quae animi et mentis), возвышаться Господомъ до него самаго; можетъ вѣровать въ него, любить его и такимъ образомъ видѣть его; можетъ принимать отъ него разумѣніе и мудрость, говорить по разсудку, и, наконецъ, вслѣдствіе того, жить во вѣки. Но ни одинъ ангелъ не можетъ ясно постичь, что именно

творится въ тайникѣ его, когда провидѣніе Господне имъ располагаетъ, потому что это выше всѣхъ понятій его и премудрости."

436. Что человѣкъ, по внутреннему началу своему, есть духъ, это дано мнѣ было познать такимъ множествомъ опытовъ, что описаніе ихъ наполнило бы цѣлыя книги. Я бесѣдовалъ съ духами какъ духъ; бесѣдовалъ съ ними и какъ человѣкъ въ тѣлѣ своемъ; въ первомъ случаѣ, они считали меня такимъ же духомъ и видѣли въ человѣческомъ образѣ, въ какомъ были и сами: въ такомъ образѣ являлись имъ внутреннія начала мои, потому что вещественное тѣло мое, когда я говорилъ съ ними какъ духъ, было для нихъ незримо.

437. Что человѣкъ, по внутреннимъ началамъ своимъ, духъ, ясно доказывается тѣмъ, что по отрѣшеніи своемъ отъ тѣла, или послѣ смерти, онъ продолжаетъ жить какъ человѣкъ. Мнѣ дано было убѣдиться въ этомъ бесѣдою почти со всѣми, кого я только знавалъ въ земной жизни; бесѣдою съ иными въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, съ другими въ теченіи недѣль и мѣсяцевъ, и даже многихъ лѣтъ. Это дѣлалось для того, чтобъ я самъ убѣдился и свидѣтельствовалъ предъ другими.

438. Къ сему должно добавить, что всякій человѣкъ, по духу своему, уже въ тѣлесной жизни своей, находится въ сообществѣ духовъ, хотя и не вѣдаетъ этого: черезъ такое посредство добрый человѣкъ находится въ обществѣ ангельскомъ, а злой въ обществѣ адскомъ. Въ это же общество человѣкъ вступаетъ по смерти, что и было много разъ объяс-

нено и доказано вновь туда пришедшимъ. Человѣкъ, покуда живетъ здѣсь, не появляется въ духовномъ обществѣ своемъ, потому что мыслитъ по природному; но тѣ, кои могутъ отрѣшаться мысленно отъ всего вещественнаго и быть въ духѣ, изрѣдка появляются въ своемъ духовномъ обществѣ и тотчасъ узнаются тамошними духами, потому что они ходятъ тамъ молча, и въ глубокомъ раздумьи, будто никого не видя и не замѣчая, а какъ только одинъ изъ духовъ заговоритъ съ ними, изчезаютъ.

439. Для лучшаго объясненія, что человѣкъ по внутреннимъ началамъ своимъ есть духъ, я передамъ по личному опыту своему, какимъ образомъ человѣкъ временно отрѣшается отъ тѣла и уносится въ иные предѣлы.

440. Что до перваго, т. е. до отрѣшенія отъ тѣла, то человѣкъ приходитъ тогда въ состояніе среднее между сномъ и явью, считая однако самого себя въ полной памяти и сознаніи; всѣ чувства его въ полной силѣ своей, не только зрѣніе и слухъ, но и самое осязаніе, которое бываетъ даже тоньше и нѣжнѣе, чѣмъ когда либо на яву, во плоти. Въ этомъ то состояніи я видѣлъ духовъ и ангеловъ, совершенно въ живѣ (ad vivum); я бесѣдовалъ съ ними, слышалъ рѣчи ихъ и, на диво самому себѣ, могъ даже осязать ихъ; въ этомъ состояніи ничего плотскаго между мною и ими не было: это и есть то самое состояніе, о которомъ говорится, что человѣкъ *отрѣшенъ тогда отъ тѣла*, и *самъ не знаетъ пребываетъ ли онъ еще въ тѣлѣ своемъ*, *или уже покинулъ его*. Посл. Павл. 2. Кор. XII. 2. 3. Въ это состояніе былъ я приводимъ толь-

ко раза три или четыре, для познанія его и убѣжденія, что духи и ангелы не лишены чувствъ, какъ равно и человѣкъ, когда онъ духомъ отрѣшенъ отъ тѣла.

441. Что до втораго, т. е. уноситься духомъ въ иные предѣлы, то и это, два или три раза, было показано мнѣ живымъ опытомъ; приведу одинъ примѣръ: прохаживаясь въ бесѣдѣ съ духами, по городскимъ улицамъ и по полямъ, нисколько не блуждая, и считая себя въ полной памяти и въ обычномъ состояніи, я между тѣмъ былъ въ видѣніи, и видѣлъ лѣса, рѣки, зданія, палаты, людей и прочее. Послѣ нѣсколькихъ часовъ такой прогулки, я внѣзапно впадалъ въ свое тѣлесное зрѣніе, сознавая, что я уже не тамъ, гдѣ былъ; такимъ образомъ я, въ крайнемъ удивленіи, сознавалъ, что я былъ въ томъ состояніи про которое, испытавшіе его, говорили, что *были въ духѣ, или уносились духомъ въ иные предѣлы*. См. Дѣян. Ап. VIII. 39; 1. Цар. XVIII. 12; 2. Цар. II. 16. Въ этомъ состояніи нисколько не думаешь о пути, по коему идешь, хотя бы прошелъ много миль, не думаешь о времени, хотя бы прошли цѣлые часы и даже дни, и не знаешь усталости: человѣкъ проводится невѣдомыми ему дорогами, и безошибочно, до опредѣленнаго мѣста.

442. Но оба состоянія эти, относящіяся къ внутреннему быту человѣка, къ бытію его въ духѣ, довольно необычайны, и были мнѣ показаны для того только, чтобы я зналъ ихъ, такъ какъ они извѣстны въ церкви; бесѣдовать же съ духами, какъ съ равными мнѣ, и при томъ на яву, при полной бодрости

тѣла, дано мнѣ постоянно въ теченіи многихъ лѣтъ, и нынѣ.

443. Что человѣкъ по внутреннимъ началамъ своимъ есть духъ, это явствуетъ еще изъ нн. 311—317, гдѣ говорится о населеніи небесъ и преисподней человѣческимъ родомъ.

444. Подъ выраженіемъ, человѣкъ по внутреннимъ началамъ своимъ (или *по нутру* своему) есть духъ, понимается разумъ и воля его, образующія вмѣстѣ внутренняго человѣка; по нимъ только человѣкъ есть человѣкъ, и притомъ именно такой, каковы разумъ его и воля, т. е. мышленіе и чувства.

О возстаніи человѣка изъ мертвыхъ и о вступленіи его въ жизнь вѣчную.

445. Когда тѣло не можетъ болѣе отправлять службы своей въ природномъ мірѣ, согласно мыслямъ и чуствамъ духа своего, истекающимъ изъ духовнаго міра, то человѣкъ, какъ говорится, умираетъ. Это сбывается, когда дыхательное движеніе легкихъ и систолическое движеніе сердца прекращаются; но человѣкъ, на самомъ дѣлѣ, не умираетъ, а только отрѣшается отъ тѣла, служившаго ему здѣсь на землѣ; самъ же онъ живъ: онъ живъ, потому что не по тѣлу зовется человѣкомъ, а по духу, ибо духъ въ человѣкѣ мыслитъ, и мысль вмѣстѣ съ чувствомъ (affectio) образуютъ человѣка. Изъ этого слѣдуетъ, что человѣкъ, умирая, переходитъ только изъ одного міра въ другой. Вотъ почему смерть въ Словѣ Божіемъ,

по внутреннему смыслу, означаетъ воскресеніе и жизнь.

446. Духъ человѣка находится въ самой внутренней связи съ дыханіемъ легкихъ и біеніемъ сердца: мышленіе разума съ дыханіемъ, а чувство любви съ сердцемъ; посему отрѣшеніе духа и совпадаетъ съ прекращеніемъ этихъ обоихъ движеній. Дыханіе легкихъ и біеніе сердца, составляютъ ту самую связь тѣла съ духомъ, съ разрушеніемъ которой, духъ остается по себѣ, а тѣло, покинутое жизнію духа своего, стынетъ и гніетъ. Духъ человѣческій потому находится во внутренней связи съ дыханіемъ и сердцемъ, что всѣ жизненныя отправленія, не только въ общности, но и во всѣхъ частностяхъ своихъ, зависятъ отъ дыханія легкихъ и біенія сердца.

447. Отдѣлясь отъ тѣла, духъ человѣка еще нѣсколько времени пребываетъ въ немъ, но не долѣе какъ до послѣдняго удара сердца; время это различно, смотря по роду болѣзни, коею человѣкъ умираетъ; у иныхъ біеніе сердца длится долѣе, у другихъ менѣе. Какъ только біеніе сердца останавливается, такъ человѣкъ возстаетъ: это совершается самимъ Господомъ. Возстаніемъ, или обычнѣе воскресеніемъ, называется выводъ духа изъ тѣла и введеніе его въ міръ духовный. Духъ человѣка отдѣляется отъ тѣла не прежде, какъ по прекращенію біенія сердца, по той причинѣ, что сердце отвѣчаетъ чувствамъ любви, т. е. самой жизни человѣка, ибо изъ любви каждаго истекаетъ и жизненная теплота его. Поэтому, доколѣ біеніе это продолжается, дотолѣ есть и соотвѣтствіе, а съ нимъ и духовная жизнь въ тѣлѣ.

448. Какимъ образомъ происходитъ возстаніе, не только было мнѣ объяснено словами, но и показано на дѣлѣ живымъ опытомъ; опытъ же этотъ состоялся надо мною самимъ для того, чтобы я вполнѣ и точно понималъ, какъ это дѣлается.

449. Я былъ приведенъ въ безчувственное состояніе относительно тѣлесныхъ чувствъ, т. е. почти въ состояніе умирающихъ; но внутренняя жизнь и размышленіе оставались при мнѣ, такъ что я могъ постигать и помнить все, что надо мною сбывалось, и что сбывается надъ всякимъ, возстающимъ изъ мертвыхъ. Я чувствовалъ, что тѣлесное дыханіе было почти вовсе удалено, а оставалось одно только внутреннее, духовное дыханіе, въ соединеніи съ самымъ слабымъ и беззвучнымъ (tacita) дыханіемъ тѣлеснымъ; затѣмъ, напередъ всего, біеніе сердца было приведено въ сообщеніе съ небеснымъ царствомъ Господнимъ, потому что царство это соотвѣтствуетъ сердцу человѣка. Я увидѣлъ въ отдаленіи тамошнихъ ангеловъ, и двое изъ нихъ сидѣли при моемъ изголовьи. Всякое чувство (affectio) воли было у меня отнято, но мышленіе и постиженіе оставались; въ этомъ состояніи пробылъ я нѣсколько часовъ. Тогда, окружавшіе меня духи удалились, полагая, что я уже умеръ. Послышался благовонный запахъ, какъ бы отъ бальзамированнаго трупа, потому что при ангелахъ небесныхъ, запахъ отъ трупа слышится благовоніемъ*); послышавъ его, низшіе духи не могутъ приблизиться; этимъ же средствомъ злые духи от-

*) Этимъ объясняется нѣсколько выраженіе: умирать въ духѣ святости; mourir en odeur de sainteté.

гоняются отъ духа человѣка, при первомъ вступленіи его въ вѣчность. Ангелы, у изголовья моего, сидѣли молча, сообщаясь со мною мысленно; когда мысли ихъ, такимъ образомъ сообщенныя, приняты, — ангелы знаютъ, что духъ человѣка находится въ такомъ состояніи, что можетъ быть изведенъ изъ тѣла. Они сообщали мысли свои, глядя мнѣ прямо въ лице, ибо такимъ образомъ совершается на небесахъ всякое общеніе мыслей. Такъ какъ во мнѣ сохранялось мышленіе и постиженіе, чтобы я зналъ и помнилъ, какимъ образомъ происходитъ возстаніе, то я и чувствовалъ, что ангелы напередъ всего дознавались моихъ помысловъ, думаю ли я, какъ обыкновенно и другіе умирающіе, о будущей жизни? Въ этихъ то думахъ ангелы старались удержать меня, потому что, какъ мнѣ было сказано послѣ, духъ человѣка, при издыханіи тѣла, удерживается въ послѣднихъ помышленіяхъ своихъ, доколѣ не впадетъ снова въ помыслы свойственные его общимъ, или господствовавшимъ въ мірѣ, чуствамъ и наклонностямъ (affectio). Мнѣ въ особенности дано было постичь, и даже чувствовать какъ бы притяженіе, или усиліе къ отрыву, внутреннихъ началъ моихъ, т. е. духа моего, отъ тѣла, и было объяснено, что это дѣлается отъ Господа, и что такимъ образомъ совершается воскресеніе.

350. Небесные ангелы (ангелы любви), находящіеся при возставшемъ, не покидаютъ его сами, любя одинаково всякаго человѣка; но если духъ таковъ, что не можетъ долѣе пребывать въ обществѣ ангеловъ небесныхъ, то онъ самъ хочетъ отъ нихъ отдѣлиться; тогда являются ангелы духовные (разума),

приносящіе ему свѣтъ; до этого онъ могъ только мыслить, но ничего не видѣлъ. И это было мнѣ показано: казалось будто ангелы эти, разоблачая лѣвый глазъ усопшаго, чтобы дать ему прозрѣть, сдвигали съ него пелену къ переносью; по крайней мѣрѣ такъ казалось возставшему, но это была одна видимость. Когда ему кажется, что пелена эта снята, то ему видится тусклый свѣтъ, какъ бы спросонья, сквозь вѣки; этотъ полусвѣтъ мнѣ видѣлся небеснаго цвѣта, но мнѣ послѣ было объяснено, что это не всегда бываетъ одинаково. Затѣмъ, какъ бы нѣчто мягкое нѣжно снимается съ лица, и вслѣдъ за тѣмъ вносится духовное мышленье. И эта снятіе съ лица есть одна только видимость; это означаетъ, что человѣкъ вступаетъ изъ состоянія природнаго мышленія въ духовное. Ангелы крайне внимательно блюдутъ, чтобы въ возставшемъ не возникало никакой мысли, кромѣ истекающей отъ любви; тогда они объявляютъ ему, что онъ духъ. Коль скоро вновь прибывшему духу данъ свѣтъ, то духовные ангелы оказываютъ ему всякія услуги, какія онъ только можетъ въ этомъ состояніи пожелать, и поучаютъ его во всемъ, относящемся до будущей жизни, на сколько онъ способенъ понять это. Если же возставшій не таковъ, чтобы желать поученій, то онъ порывается изъ сообщества ангеловъ; но не они сами покидаютъ его, а онъ отъ нихъ отдѣляется: ангелы любятъ всякаго и жаждутъ служить всѣмъ, поучать и возносить каждаго къ небесамъ; это ихъ первая услада. Разобщась такимъ образомъ съ ангелами, возставшій принимается добрыми духами, которые также оказы-

ваютъ ему всякія услуги; но если жизнь его на землѣ была такова, что онъ не можетъ пребывать въ обществѣ добрыхъ духовъ, то онъ стремится и отъ нихъ, и это повторяется, доколѣ онъ не найдетъ товарищества, которое бы вполнѣ отвѣчало мірской жизни его: тутъ онъ обрѣтаетъ жизнь по себѣ и, какъ ни дивно это, продолжаетъ жить подобно тому, какъ жилъ на землѣ.

451. Это начальное состояніе жизни человѣка, по смерти, длится только нѣсколько дней; а какимъ образомъ человѣкъ затѣмъ переводится изъ одного состоянія въ другое и, наконецъ, либо въ небеса, либо въ преисподнюю, это будетъ вслѣдъ за симъ объяснено: мнѣ и это дано было познать многими опытами.

452. Я говорилъ съ иными на третій день по кончинѣ ихъ, и все объясненное въ нн. 449. 450 было уже кончено; съ тремя, между прочихъ, которыхъ я зналъ въ міру, и коимъ я сказалъ, что въ это самое время готовятся похороны для погребенія ихъ тѣла; слово: *для погребенія*, привело ихъ какъ бы въ ужасъ, и они отвѣчали, что они живы, а въ могилу пусть зароютъ только то, что служило ихъ земному тѣлу. Они крайне дивились тому, что жившіи во плоти, не вѣрили въ такую посмертную жизнь, и еще болѣе тому, что внутри церкви, почти всѣ живутъ въ такомъ невѣріи. Когда невѣровавшіе въ ту жизнь, наконецъ, по смерти, убѣждаются, что живутъ, то бываютъ крайне изумлены и пристыжены; но тѣ изъ числа ихъ, которые утвердились въ этомъ безвѣріи, пріобщаются къ подобнымъ себѣ, и

отдѣляются отъ вѣрующихъ: они обыкновенно присоединяются къ какому нибудь адскому обществу, потому что такіе люди также отрицали Божественное (начало) и презирали истины церкви. Въ какой мѣрѣ кто закоснѣетъ въ безвѣріи, относительно вѣчной жизни, въ такой же мѣрѣ онъ дѣлается и противникомъ всего, что относится до небесъ и церкви.

Человѣкъ по смерти является въ совершенномъ человѣческомъ образѣ.

453. Образъ духа есть образъ человѣческій, или духъ есть человѣкъ, даже и по внѣшнему образу своему; это слѣдуетъ изъ всего, что сказано выше, особенно же изъ тѣхъ главъ, гдѣ говорилось, что каждый ангелъ сохраняетъ образъ человѣческій (73—77); что человѣкъ по нутру своему есть духъ (432—444.); что ангелы небесные происходятъ отъ рода человѣческаго (311—317). Не менѣе ясно это изъ того, что человѣкъ есть человѣкъ по духу своему, а не по тѣлу; и что образъ тѣлесный приданъ духу по его образу, а не на оборотъ, ибо духъ облекается въ тѣло по образу своему; посему духъ человѣка и орудуетъ всѣми частями и частицами тѣла, и частица его, не управляемая духомъ или въ коей нѣтъ духовнаго дѣятеля, не жива. Въ этомъ всякому легко убѣдиться хотя бы изъ того только, что мышленіе и воля, по мановенію своему, и вполнѣ, управляютъ каждою частицею тѣла и всѣми вмѣстѣ, при полномъ

ихъ содѣйствіи; а что не содѣйствуетъ, то не есть часть тѣла и выбрасывается изъ него какъ не живое: мышленіе же и воля (коими все это творится), свойственны духу, а не тѣлу. Отдѣлясь отъ тѣла, духъ не является человѣку въ человѣческомъ образѣ, и равно не видимъ для него духъ другаго человѣка (до отрѣшенія его отъ тѣла), по той причинѣ, что орудіе зрѣнія или глазà, коими человѣкъ видитъ въ мірѣ — вещественны, а вещественное видитъ одно только вещественное; но духовное видитъ духовное: посему, когда вещественное око закрыто и устранено отъ содѣйствія духовному оку, которое становится свободнымъ, тогда духи являются человѣку въ полномъ образѣ своемъ, т. е. въ человѣческомъ; и не только духи изъ духовнаго міра, но даже и духъ другаго человѣка, покуда онъ еще въ тѣлѣ.

454. Образъ духа по той причинѣ есть образъ человѣческій, что человѣкъ относительно духа своего созданъ по образу небесъ, ибо все небесное и къ порядку ихъ относящееся вошло въ составъ (colatta) духа человѣческаго; поэтому онъ и способенъ къ пріему разума и мудрости. Способность принимать разумъ и мудрость, или способность принимать въ себя небеса, — одно и тоже. Это объяснено тамъ, гдѣ говорится о свѣтѣ и теплѣ небесномъ (126—140); объ образѣ небесъ (200—212); о мудрости ангельской (265—275); также въ главахъ, гдѣ говорилось, что небеса по образу своему, какъ въ общности, такъ и во всѣхъ частностяхъ, изображаютъ человѣка (59—77); и что такой образъ небесъ, есть слѣдствіе божественной человѣчности Господа (78—86).

455. Все доселѣ сказанное доступно понятію всякаго разсудочнаго человѣка, потому что онъ убѣдится послѣдовательною связью причинъ и порядкомъ изложенныхъ истинъ; но человѣкъ не разсудочный всего этого не пойметъ, по многимъ причинамъ, а главнѣйше потому, что понять не хочетъ: истины эти противны ложнымъ убѣжденьямъ, которыя онъ усвоилъ себѣ за истины; а кто понимать не хочетъ, тотъ замыкаетъ небесный доступъ къ своему разсудку, хотя путь этотъ всегда можетъ быть открытъ, лишь бы воля этому не противилась (см. 424). Что всякій человѣкъ можетъ понимать истины и быть разсудочнымъ (rationalis), если самъ захочетъ, это было мнѣ доказано многими опытами: злые духи, ставъ безразсудочными (или безумными) вслѣдствіе отрицанія, въ мірской жизни, Божества и всѣхъ истинъ церкви, и утвердившись въ такомъ безвѣріи, не рѣдко Божественною силою были обращаемы къ пребывающимъ въ свѣтѣ истины; тогда они понимали все, наравнѣ съ ангелами, признавали всякую истину и сознавались сами, что все это понимали; но какъ только впадали опять въ себя, обращаясь къ наклонностямъ (affectiones) воли своей, то ничего не понимали и говорили противное. Я даже слышалъ нѣкоторыхъ адскихъ духовъ, говорившихъ, что они, дѣлая зло, знаютъ и постигаютъ это, равно знаютъ, что мыслятъ ложь; но что они не въ силахъ противостоять удовольствію любви своей, т. е. волѣ своей, которая направляетъ мысли ихъ такимъ образомъ, что зло имъ кажется благомъ, а ложь истиною. Изъ этого слѣдуетъ, что всѣ живущіе во лжи по злу

своему, могли бы понимать истины и быть разсудочными, но не хотятъ; а не хотятъ, потому что они любятъ ложь болѣе чѣмъ истину, такъ какъ ложь эта отвѣчаетъ злу, въ коемъ они живутъ. Любить и хотѣть — это одно и тоже: что человѣкъ хочетъ, то онъ любитъ, а что любитъ, то и хочетъ. По этой причинѣ, то есть, что человѣкъ можетъ понимать истины и убѣждаться въ нихъ, если только захочетъ, дано мнѣ подтвердить путемъ разсудка духовныя истины церкви и небесъ, чтобы ложь, которая у многихъ затемняетъ разсудокъ, разсѣяна была его сужденіями, и такимъ образомъ зрѣніе, хотя нѣсколько, прояснилось; а подтверждать духовныя истины разсудкомъ, дозволено всѣмъ, обрѣтающимся въ истинѣ. Кто бы напримѣръ могъ когда либо понять Слово Божіе, по одному только буквальному смыслу его, еслибъ не старался объяснить себѣ разсудкомъ содержащіяся въ немъ истины? Не исполненіе этого было поводомъ къ искаженію истинъ Слова и къ расколамъ.

456. Что духъ человѣка, отдѣлясь отъ тѣла, тотъ же человѣкъ и въ такомъ же образѣ, въ этомъ я убѣдился ежедневнымъ опытомъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ: тысячи разъ я видѣлъ духовъ такихъ, слушалъ ихъ, бесѣдовалъ съ ними и между прочимъ о томъ, что люди не вѣрятъ этому состоянію, а вѣрующихъ, ученые называютъ простаками. Духи всѣмъ сердцемъ скорбѣли, что такое невѣжество еще господствуетъ въ свѣтѣ, особенно же въ церкви: они говорили, что оно произошло болѣе отъ самихъ же ученыхъ, которые размышляли о душѣ по чувственному и тѣлесному; поэтому они и составили

себѣ объ ней понятіе, какъ о чемъ то мысленномъ, что, лишено будучи предмета въ коемъ бы оно пребывало и изъ коего бы оно дѣйствовало, представляетъ нѣчто летучее, эфирное, разрушаемое по смерти тѣла. Но какъ церковь, на основаніи Слова, вѣруетъ въ безсмертіе души, то и нельзя было не придать душѣ какую либо жизненность, именно въ родѣ живой мысли, которая однако, до вторичнаго ея соединенія съ тѣломъ, лишена свойственной человѣку способности ощущенія. На этомъ понятіи основано ученіе о воскресеніи, и вѣрованіе, что соединеніе это послѣдуетъ на страшномъ судѣ. Вотъ почему, думая о душѣ, согласно этому ученію и предположенію, нѣтъ никакой возможности составить себѣ о ней понятіе, какъ о духѣ и при томъ въ образѣ человѣка. Къ сему должно еще прибавить, что нынѣ едва ли кто знаетъ что̀ понимать подъ словомъ *духовное*, а тѣмъ менѣе, что всякое духовное существо, какъ всѣ духи и ангелы, одарено человѣческимъ образомъ. Поэтому, почти всѣ вновь прибывающіе изъ нашего міра, крайне изумляются, что они живы и остались такими же людьми, какими были и прежде; что они видятъ, слышатъ, говорятъ, и что даже тѣло ихъ одарено тѣмъ же чувствомъ осязанія; словомъ, что не находятъ въ себѣ никакой разницы (н. 74). Надивившись себѣ, они изумляются тому, что церковь ничего не знаетъ о такомъ посмертномъ состояніи человѣка, ни слѣдовательно о небесахъ и адѣ, не смотря на то, что всѣ жившіе на землѣ перешли въ тотъ міръ и живутъ тамъ людьми; они дивились также, почему все это не открывается человѣку, посредствомъ видѣ-

ній, такъ какъ это существенно относится до вѣрованій церкви. Но имъ на это сказано было съ небесъ, что это легко могло бы сдѣлаться по Господнему соизволенію, но нисколько не убѣдило бы невѣрующихъ, и упорствующихъ въ ложныхъ понятіяхъ своихъ; еслибъ даже они и сами увидали, они бы и тогда не повѣрили: къ этому было прибавлено, что опасно убѣждать видѣніями людей, находящихся во лжи, потому что они бы, можетъ быть, и повѣрили въ началѣ такому доказательству, но затѣмъ опять стали бы отрицать, кощунствуя надъ истиною. Кощунствомъ, или поруганіемъ истины, называется, коли кто сперва вѣритъ ей, а потомъ снова отрицаетъ; такіе поругатели низвергаются въ самую глубокую и страшную преисподню. Эта то опасность и разумѣется въ словахъ Господа: *Ослѣпи очи ихъ и окаменилъ есть сердца ихъ, да не видятъ очима, ни разумѣютъ сердцемъ, и обратятся да исцѣлю ихъ;* а что находящіеся во лжи не стали бы вѣрить, это разумѣется въ слѣдующихъ словахъ: *Глагола ему Авраамъ: имутъ Моисея и пророки, да послушаютъ ихъ; онъ же рече: ни отче Аврааме, но аще кто отъ мертвыхъ идетъ къ нимъ, покаются. Рече же ему: аще Моисея и пророковъ не послушаютъ, и аще кто отъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры.* (Іоан. XII. 40. Лук. XVI. 29.)

457. Вступая въ міръ духовъ, вскорѣ по возстаніи своемъ, человѣкъ сохраняетъ мірской обликъ свой и рѣчь, потому что еще пребываетъ во внѣшности своей, и внутреннія начала его еще не отверсты: это есть первое состояніе человѣка по кончинѣ

его. Но затѣмъ лице его измѣняется и принимаетъ совсѣмъ иной видъ, вполнѣ согласный съ чувствами (affectiones) его или той господствующей любовью, въ которой пребывали внутреннія начала духа его, когда онъ былъ еще на землѣ, во плоти: ибо лице духа въ человѣкѣ весьма различно отъ лица тѣлеснаго; послѣднее дается отъ родителей, первое же есть изображеніе чувствъ его. Въ этотъ образъ духъ облекается въ посмертной жизни, когда онъ лишается внѣшности своей, и внутреннее его разоблачается. Это третье состояніе человѣка. Мнѣ случалось видѣтъ недавнихъ пришельцевъ въ тотъ міръ, и я узнавалъ ихъ по лицу и по рѣчи; но впослѣдствіи я уже не узнавалъ ихъ: жившіе въ чувствахъ добрыхъ принимали обликъ прекрасный, а жившіе въ дурныхъ, обликъ безобразный, ибо духъ человѣка, по себѣ, есть не иное что, какъ чувства любви его (affectiones), а лице или видъ его есть внѣшній ихъ образъ. Лице мѣняется потому, что въ той жизни нельзя, притворяясь, выказывать тѣ чувства, коихъ нѣтъ; нельзя принимать лице или образъ противный господствующей любви своей. Тамъ всѣ приводятся въ такое состояніе, что вынуждены говорить какъ мыслятъ, а лицемъ и тѣлодвиженіями выражать то, чего хотятъ, посему лице каждаго и дѣлается образомъ или выраженіемъ его внутреннихъ чувствъ; поэтому также, всѣ знавшіе другъ друга въ міру, знаются и въ мірѣ духовъ, но не знаются болѣе въ раю и въ аду, какъ было сказано выше н. 427.

458. Внѣшній образъ лицемѣровъ измѣняется позже и медленнѣе, потому что они долговременною

привычкою, усвоили себѣ способность слагать свои внутреннія начала (или нутро свое) въ подражаніе добрыхъ свойствъ; посему они долго не являются въ безобразіи своемъ. Но какъ притворство ихъ постепенно разоблачается, и внутреннія начала духа ихъ располагаются по образу ихъ чувствъ, то сами они и становятся безобразнѣе всѣхъ прочихъ. Лицемѣрами называются люди, ведущіе ангельскія рѣчи, но внутри себя признающіе одну только природу, отрекаясь отъ всего Божественнаго, отъ церкви и небесъ.

459. Образъ человѣка по смерти, тѣмъ прекраснѣе, чѣмъ онъ глубже любилъ Божественныя истины и болѣе жилъ по нимъ, потому что по любви этой, и по жизни его, отверзаются и образуются внутреннія начала всякаго человѣка; чѣмъ господствующая любовь глубже и внутреннѣе, тѣмъ она сообразнѣе съ небесами, и тѣмъ изящнѣе самая внѣшность ея или образъ. Посему ангелы самыхъ внутреннихъ небесъ прекраснѣе всѣхъ прочихъ: они обличаютъ образъ небесной любви. Любившіе Божественныя истины только наружно, и жившіе согласно сему, менѣе прекрасны собою, потому что внѣшнее добро ихъ едва только мелькаетъ свѣтомъ на лицѣ ихъ; внутренняя, небесная любовь не просвѣчиваетъ изъ внутреннихъ началъ ихъ, а слѣдовательно и нѣтъ на нихъ небеснаго образа; въ лицахъ ихъ, не оживотворенныхъ внутреннею жизнію, есть какъ бы что-то темное, мрачное. Словомъ, всякое совершенство растетъ восходя внутрь, и уменьшается нисходя ко внѣшнему; въ той же мѣрѣ растетъ и убываетъ

внѣшній образъ красоты. Я видѣлъ лики ангеловъ третьихъ небесъ: никогда и никакое искусство живописца не въ силахъ придать краскамъ своимъ что либо похожее на этотъ свѣтъ и блескъ, ни достигнуть тысячной доли этого жизненнаго свѣта. Только лица ангеловъ нисшихъ небесъ, могутъ быть изображены съ нѣкоторымъ сходствомъ.

460. Объявлю на послѣдокъ еще одну тайну, доселѣ никому неизвѣстную: всякое благо и истина, исходя отъ Господа и образуя небеса, является въ образѣ человѣческомъ; и притомъ, не только въ цѣлости и высшей степени своей, но и во всѣхъ частяхъ и въ малѣйшей степени. Образъ этотъ проникаетъ всякаго, кто пріемлетъ отъ Господа благо и истину, почему всякій на небесахъ и самъ принимаетъ образъ этотъ, по мѣрѣ пріема благъ и истинъ. Вотъ почему небеса себѣ подобны, какъ въ цѣлости, такъ и въ частностяхъ, и образъ человѣческій свойственъ всему цѣльному, какъ каждому обществу, такъ и каждому ангелу (см. нн. 59—86). Къ сему должно еще прибавить, что тотъ же образъ свойственъ и каждой отдѣльной мысли ангельской, исходящей отъ небесной любви; но тайна эта едва ли постижима для человѣка, хотя ясно постигается ангелами, пребывающими въ небесномъ свѣтѣ.

Человѣкъ по смерти вполнѣ сохраняетъ чувства, память, мысли и любовь (affectiones), принадлежавшія ему въ міру, покидая одно только земное тѣло свое.

461. Множество опытовъ убѣдили меня въ томъ, что человѣкъ перейдя изъ природнаго міра въ духовный, т. е. умирая, уноситъ съ собою все свое, т. е. все, что принадлежитъ ему какъ человѣку, кромѣ одного только земнаго тѣла своего. Вступая въ духовный міръ, или въ посмертную жизнь, человѣкъ обрѣтается въ такомъ же тѣлѣ или образѣ, безъ всякаго видимаго различія, по крайности самъ онъ не видитъ и не чувствуетъ никакой разницы: но тѣло его уже духовное, отрѣшенное и очищенное отъ всего земнаго; а если духовное осязаетъ и видитъ что либо однородное, духовное же, то это точно тоже, какъ бы природное осязало и видѣло предметъ природный. Посему человѣкъ, обратясь въ духа, не замѣчаетъ никакой перемѣны, не знаетъ что скончался, и считаетъ себя все въ томъ же тѣлѣ, въ какомъ былъ на землѣ. У человѣка-духа тѣ же внѣшнія и внутреннія чувства, какія были даны ему на землѣ: онъ видитъ какъ прежде, слышитъ и говоритъ какъ прежде, познаетъ обоняніемъ, вкусомъ и осязаніемъ, какъ прежде; у него такія же наклонности (affectiones), желанія, страсти; онъ думаетъ, размышляетъ, бываетъ чѣмъ либо затронутъ или пораженъ, онъ любитъ и хочетъ какъ прежде; кто любилъ заниматься ученостью, читаетъ и пишетъ по прежнему. Словомъ, перейдя отъ

одной жизни къ другой, изъ одного міра въ иной, человѣкъ, какъ будто перешелъ только изъ одного мѣста въ другое, унося съ собою все, что въ немъ было своего, человѣческаго, въ такой мѣрѣ, что никакъ нельзя сказать, чтобы человѣкъ послѣ смерти своей, касающейся только земнаго тѣла его, что либо утрачивалъ. При немъ остается даже природная память его; онъ помнитъ все, что, живучи на земли, слышалъ, видѣлъ, читалъ, чему учился, что думалъ съ перваго дѣтства своего, до конца земной жизни: природные же предметы, которые вообще не могутъ быть возстановляемы въ духовномъ мірѣ, покоятся въ памяти его, какъ они покоятся и въ человѣкѣ, когда онъ не думаетъ объ нихъ; но даже и эти предметы, соизволеніемъ Господнимъ, возстановляются (въ памяти), о чемъ, какъ и вообще о состояніи памяти нашей по смерти, будетъ говориться ниже. Человѣкъ чувственный не можетъ понять, ни повѣрить, чтобы таково было состояніе его по смерти, потому что чувственный человѣкъ не можетъ мыслить иначе, какъ по природному, даже о предметахъ духовныхъ; а потому, чего онъ не чувствуетъ, т. е. не видитъ тѣлесными глазами и не ощущаетъ руками, то отрицаетъ, и тому не вѣритъ, какъ говоритъ Іоаннъ о Ѳомѣ. XX. 25. 27. 29. О чувственномъ человѣкѣ см. н. 267.

462. За всѣмъ тѣмъ однакожъ, велика разница между жизнію человѣка въ мірѣ духовномъ и жизнію его въ мірѣ земномъ или природномъ, какъ въ отношеніи внѣшнихъ чувствъ (sensus) и ихъ наклонностей (affectiones), такъ и въ отношеніи чувствъ (sensus) и наклонностей (affectiones) внутреннихъ.

У жителей небеснаго царства, внѣшнія чувства (sentiunt) несравненно тоньше, слухъ и зрѣніе ихъ стоятъ на высшей степени, и размышленія ихъ болѣе мудры, ибо они видятъ при свѣтѣ небесномъ, который многими степенями превосходитъ свѣтъ земной (н. 126), а слышатъ чрезъ посредство духовной атмосферы, которая также многими степенями превосходитъ земную; разницу между внѣшними чувствами того и другаго состоянія сравнить можно съ различіемъ между яснымъ небомъ и темнымъ туманомъ, или между полуденнымъ свѣтомъ и сумерками. Свѣтъ небесный, какъ Божеская истина, до того изощряетъ зрѣніе ангеловъ, что они видятъ и ясно различаютъ мельчайшіе предметы; къ тому же внѣшнее зрѣніе ихъ отвѣчаетъ внутреннему или разуму, ибо то и другое зрѣніе сливается у ангеловъ въ одно, отчего и дана ему такая степень остроты: подобнымъ образомъ слухъ у нихъ отвѣчаетъ постиженію разума и воли, вслѣдствіе чего они, въ звукахъ и голосѣ бесѣдующаго, познаютъ всѣ тонкости и мелочи чувствъ любви его и мыслей, а именно, въ звукахъ слышатъ всѣ чувства его, а въ голосѣ, мысли, нн. 234, 245. Но прочія внѣшнія чувства, кромѣ зрѣнія и слуха, не столь тонки у ангеловъ, потому что зрѣніе и слухъ служатъ разуму и мудрости; прочія же внѣшнія чувства, при одинаковомъ развитіи ихъ, оттѣснили бы свѣтъ и наслажденіе мудрости, замѣнивъ ихъ наслажденіями удовольствій, относящихся до тѣла и его различныхъ наклонностей, а эти наслажденія, чѣмъ болѣе преобладаютъ, тѣмъ болѣе затемняютъ и ослабляютъ разумъ, — какъ это и дѣлается нерѣдко на зем-

лѣ, гдѣ люди бываютъ тѣмъ тяжеле и тупѣе, относительно истинъ духовныхъ, чѣмъ болѣе предаются чувственнымъ наслажденіямъ. О томъ, что и внутреннія чувства ангеловъ, относящіяся къ мышленію и наклонностямъ ихъ, несравненно тоньше и совершеннѣе, чѣмъ были у нихъ въ мірѣ, говорится въ главѣ о мудрости небесныхъ ангеловъ, нн. 265—275. Между состояніемъ жителей преисподней и ихъ состояніемъ на землѣ, разница также велика: въ какой мѣрѣ внѣшнія и внутреннія чувства небесныхъ ангеловъ совершенны и превосходны, въ такой же мѣрѣ чувства эти тупы и грубы въ аду; но объ этомъ будетъ говориться ниже.

462bis Я также на дѣлѣ убѣдился, что человѣкъ уноситъ съ собою въ ту жизнь всю память свою; много замѣчательнаго въ этомъ родѣ видѣлъ я и слышалъ, и передамъ кое что, по порядку. Были духи, которые отпирались отъ мірскихъ преступленій своихъ и непотребствъ: чтобы не сочли ихъ невинными, все было открыто, и всѣ дѣла и поступки эти выбраны были изъ памяти ихъ, и оцѣнены по порядку, отъ младенчества и до конца земной жизни ихъ; они относились, большею частью, къ прелюбодѣяніямъ и блуду. Были и лукавые обманщики и воры: лукавство и воровство ихъ прочтено было по дѣламъ, частью никому, въ мірѣ, кромѣ ихъ самихъ неизвѣстнымъ; этимъ вынуждено было полное сознаніе, потому что дѣла ихъ являлись, какъ бы въ полномъ свѣтѣ, со всѣми помыслами, цѣлями, удовольствіями и опасеніями, какія были въ то время на душѣ преступниковъ. Были и продажные судьи, торговавшіе правдою: дознаніе

сдѣлано было и надъ ними, по розыску въ ихъ же памяти, съ оцѣнкою всѣхъ дѣяній ихъ, съ перваго дня поступленія ихъ въ должность и до послѣдняго; всѣ мелочныя обстоятельства каждаго случая, по количеству и по качеству, время, помыслы и замыслы, все это вмѣстѣ вызывалось изъ памяти, и сотни событій какъ бы снова на яву совершались. Изумительно, что нѣкоторымъ даже читались въ слухъ, и отъ строки до строки, записки ихъ, въ коихъ они сами нѣкогда записывали свои дѣянія. Тутъ были и рушители женской чистоты и непорочности: призванные къ такому суду, они уличены были изъ разоблаченной памяти своей, съ проявленіемъ всѣхъ обстоятельствъ каждаго случая; даже самыя лица дѣвицъ и женщинъ, о коихъ шла рѣчь, какъ бы присутствовали видимо; равно мѣстность, рѣчи, и помыслы; все это внезапно представлялось глазамъ. Нѣкоторыя явленія нерѣдко длились по цѣлымъ часамъ. Тутъ былъ одинъ клеветникъ, который считалъ ни почемъ злословить о другихъ; я слышалъ какъ насчитывались, по порядку, всѣ осужденія и богохульства его, точными словами его, съ поименованіемъ лицъ о коихъ, и даже при коихъ, они были сказаны. Все это проявлялось, какъ бы въ тоже время совершаясь въ лицахъ, хотя всѣ клеветы и наговоры эти заботливо скрываемы были виновнымъ. Былъ другой, завладѣвшій, чрезъ лукавые происки, наслѣдствомъ роднаго; его уличили и осудили, при чемъ, на диво мнѣ, письма и записки ихъ были прочитаны вслухъ, безъ пропуска единаго слова. Онъ же, не за долго до смерти своей, тайно отравилъ сосѣда; это обнару-

жено было такимъ образомъ: судимый сталъ копать подъ собою яму, изъ коей, какъ изъ могилы возсталъ человѣкъ, взывая къ нему: „что ты сдѣлалъ со мною?“ Тогда все объяснилось: какъ убійца, дружески бесѣдуя съ нимъ, поднесъ ему отраву, что и какъ замышлялъ напередъ, что случилось послѣ, и пр. За симъ онъ осужденъ былъ въ адъ. Однимъ словомъ, всѣ злодѣянія, преступленія, кражи, лукавства, мошенничества, обнаруживаются и оглашаются изъ самой памяти злаго человѣка; нѣтъ никакой возможности отпираться, потому что всѣ улики на лице, всѣ обстоятельства каждаго случая. По случаю разбора и пересмотра ангелами памяти одного духа, я услышалъ или узналъ все, что только бывало у него на мысляхъ, въ теченіи цѣлаго мѣсяца, день за день, безошибочно, и въ томъ же порядкѣ, какъ это происходило въ прошлые дни. Изъ примѣровъ этихъ должно убѣдиться, что человѣкъ уноситъ съ собою полную память свою, и что нѣтъ такой тайны въ мірѣ, которая бы не огласилась по смерти, и притомъ всенародно, по словамъ Господа: *Ничто же бо сокровенно есть, еже не откроется, и тайно, еже не уразумѣется. Зане елико въ тмѣ рѣсте, въ свѣтѣ услышатся; и еже къ уху глаголасте въ храмѣхъ, проповѣстся на кровѣхъ.* Лук. XII. 2. 3.

463. Разоблачая дѣянія человѣка по смерти, ангелы, коимъ поручено дознаніе это, разсматриваютъ лице его и все тѣло, начиная съ пальцевъ обѣихъ рукъ, и далѣе всѣ части тѣла. Когда же я дивился этому, то мнѣ было объяснено, что все, относящееся до мысли и воли человѣка, отпечатано въ мозгу, какъ въ

источникѣ этихъ началъ; вслѣдствіе чего, это отпечатывается и во всемъ тѣлѣ, потому что мышленіе и хотѣніе переносятся отъ источника своего ко всѣмъ частямъ тѣла, пребывая тамъ въ послѣднихъ, т. е. въ крайнихъ, плотскихъ предѣлахъ. Посему, что отпечатано въ памяти, вслѣдствіе воли и помысловъ ея, отпечатано не только въ мозгу, но и во всемъ человѣкѣ, пребывая въ немъ всюду въ порядкѣ, согласномъ порядку частей тѣла. Изъ этого слѣдуетъ, что человѣкъ, въ общности своей, таковъ, каковъ онъ по волѣ и исходящимъ изъ нея помысламъ своимъ; злой человѣкъ есть свое же олицетворенное зло, а добрый человѣкъ, свое добро. Изъ этого можно понять, что разумѣется подъ книгою жизни человѣка, о коей говорится въ Словѣ, а именно, — что всѣ дѣла и мысли человѣка отпечатаны во всемъ составѣ тѣла его, и что они, будучи вызваны изъ памяти его, являются, какъ бы прочитанныя по книгѣ, а при разсмотрѣніи духа, при небесномъ свѣтѣ, какъ бы изображаемыя въ лицахъ. Прибавлю къ этому еще нѣчто замѣчательное о загробной памяти, убѣдившее меня, что не столько общіе предметы, но и самые частные, однажды вошедшіе въ память, остаются тамъ во вѣки: я видѣлъ исписанныя книги, какъ здѣсь, и мнѣ дано было знать, что они взяты изъ памяти, писателей, и что въ книгахъ этихъ, противу сочиненій писанныхъ на землѣ, не пропущено ни одного слова. Такимъ образомъ, изъ памяти каждаго могутъ извлекаться всѣ дѣла и мысли, до послѣднихъ мелочей, давно забытыхъ имъ на землѣ. И причину этого мнѣ объяснили: у человѣка память двоякая; внѣшняя

и внутренняя; первая свойственна ему, какъ человѣку природному, вторая, какъ духовному: все что человѣкъ мыслилъ, хотѣлъ, говорилъ, дѣлалъ, даже что слышалъ и видѣлъ, неизгладимо отпечатывается во внутренней памяти его; неизгладимо же оно оттого, что въ тоже время усвоивается духомъ и тѣломъ его, какъ объяснено было выше. Такимъ образомъ, духъ образуется по мыслямъ и дѣламъ воли своей. Знаю, что все это покажется крайне страннымъ (парадоксомъ), и едва ли найдетъ въ людяхъ вѣру; не менѣе того, это истина. И такъ, не думайте, чтобъ какія либо мысли и тайныя дѣла человѣка, могли оставаться скрытными по смерти его; все тогда, до самыхъ мелочей, видно, какъ при ясномъ свѣтѣ.

464. Хотя внѣшняя или природная память и остается въ человѣкѣ по смерти, но чувственное и природное въ ней не воспроизводится въ томъ мірѣ, а замѣняется духовнымъ, по закону соотвѣтствія; духовное же это, представъ зрѣнію, является однако точно въ такомъ же образѣ, какъ въ мірѣ природномъ, потому что всякое явленіе, на небесахъ, во всемъ подобно явленію земному, хотя, въ сущности своей, есть явленіе не природное, а духовное (см. о изображеніяхъ и видимостяхъ на небесахъ, нн. 170—176). Но внѣшняя или природная память, относительно предметовъ вещественныхъ, времени и пространства, или вообще, относительно всего природнаго, земнаго, не служитъ духу на ту же потребу, какъ нѣкогда въ міру; потому что человѣкъ въ міру, мысля по одному внѣшнему чувственному началу своему, безъ внутренняго чувственнаго, или разумнаго начала, судитъ

по природному, а не по духовному. Напротивъ, въ будущей жизни, когда духъ живетъ уже въ мірѣ духовномъ, онъ и мыслитъ не по природному быту, а по духовному. Мыслить духовно, значитъ мыслить по разуму или разсудку; вотъ почему, внѣшняя или природная память, относительно понятій вещественныхъ, тогда покоится, а въ дѣло идетъ только то, что человѣкъ, посредствомъ ихъ, пріобрѣлъ на землѣ, и пріобщилъ разсудку. Память вещественная потому покоится, что тамъ вещественныя понятія не могутъ быть возстановлены: духи и ангелы бесѣдуютъ по мыслямъ и чувствамъ, духу ихъ свойственнымъ; обо всемъ же, что не совпадаетъ съ этимъ, не можетъ быть у нихъ и рѣчи (см. о рѣчи ангельской, нн. 234—257). По сему и человѣкъ становится, по смерти, на столько разумнымъ, на сколько онъ, науками и знаніемъ языковъ, сталъ разуменъ здѣсь, а вовсе не по количеству изученныхъ имъ языковъ и наукъ. Я говорилъ со многими, коихъ, въ свѣтѣ, считали весьма учеными, потому что они знали древніе языки, еврейскій, греческій, латинскій; но они не образовали разума своего тѣмъ, что писано на сихъ языкахъ, и нѣкоторые изъ нихъ являлись столь же простыми, какъ не ученые, никогда не знавшіе языковъ этихъ; иные казались даже вовсе невѣжами, оставаясь, тѣмъ не менѣе, въ самодовольной увѣренности, что они ученѣе и мудрѣе прочихъ. Я бесѣдовалъ съ духами, кои, при жизни своей въ міру, полагали, что человѣкъ умнѣетъ и мудрѣетъ, въ той мѣрѣ, какъ богата память его знаніемъ; исполняясь такимъ запасомъ, они всегда почти говорили только по памяти, стало быть не отъ

себя, а отъ другихъ, нисколько не образовавъ разума своего сокровищами памяти: такіе духи являлись тупоумными, а иные полуумными, не постигали вовсе никакой истины, не умѣя различить истины отъ лжи, а схватывая всякую ложь, которую, такъ называемые ученые, выдавали за истину; они сами собой ничего не умѣли обсудить, что такъ, что не такъ, что право, что криво, а слушая другихъ, ничего разсудкомъ не постигали. Говорилъ я и съ такими, которые въ міру много писали по всѣмъ отраслямъ учености, чѣмъ и славились по всему свѣту: иные могли разсуждать объ истинахъ здраво, а другіе, хотя и понимали истины, когда обращаемы были къ живущимъ въ свѣтѣ истины, но не хотѣли понимать ихъ, и потому отрицали ихъ, коль скоро находились опять во лжи своей или сами въ себѣ; нѣкоторые понимали не болѣе того, какъ неученый простолюдинъ; словомъ, каждый различно и по своему, смотря по тому, какъ кто образовалъ разумъ свой научно, тѣмъ, что самъ писалъ или выписывалъ у другихъ. Но тѣ, кои возставали противъ истинъ церкви, и размышляли только научно, утверждаясь этимъ во лжи, нисколько не образовали разума своего, а изощрили только способность къ разсужденіямъ и заключеніямъ: эта способность, вопреки мірскимъ понятіямъ, весьма различна отъ разума; она утверждаетъ и доказываетъ все, что любо; она ведетъ, отъ произвольныхъ началъ и чрезъ обманчивыя заключенія, къ ложнымъ убѣжденіямъ, а не къ истинѣ. Такіе люди никогда не могутъ быть доведены до познанія истины, потому что истина не познается черезъ ложь, а напро-

тивъ, ложь познается чрезъ истину. Разумное начало въ человѣкѣ подобно саду или цвѣтнику, или вспаханной почвѣ: память — почва, научныя истины и познанія — сѣмена; свѣтомъ и теплотою небесною сѣмя прозябаетъ, а безъ нихъ ростка не даетъ; тоже станется и съ разумомъ, если свѣтъ небесный, т. е. Божеская истина, и теплота небесная, т. е. Божеская любовь, не будутъ допущены; ими только стоитъ разумъ. Ангелы крайне скорбятъ о томъ, что большею частью ученые приписываютъ все природѣ и замыкаютъ этимъ внутреннія начала духа своего, почему и не могутъ видѣть никакой истины при свѣтѣ самой истины, т. е. при свѣтѣ небесномъ. По сей причинѣ они на томъ свѣтѣ и лишаются способности разсужденія, чтобы умствованіями своими не соблазняли добрыхъ, простыхъ людей, и не посѣвали въ нихъ ложь Умствователи эти тамъ ссылаются въ пустыни.

465. Одинъ изъ духовъ пришелъ въ негодованіе за то, что не могъ припомнить многаго такого, что зналъ въ плотской жизни, жалѣя объ утратѣ удовольствія, коимъ нѣкогда столько наслаждался. Ему отвѣчали, что онъ ровно ничего не утратилъ, и что при немъ осталось все, что онъ зналъ въ общности и въ частности; что въ мірѣ томъ, гдѣ онъ теперь пребываетъ, не дозволено только выкладывать все это изъ памяти, а съ него будетъ и того, что онъ теперь можетъ мыслить и говорить гораздо лучше и совершеннѣе, не погружая разума своего, какъ прежде, въ густой мракъ, въ грубые, вещественные и плотскіе предметы, вовсе безполезные въ томъ мірѣ; что теперь ему дано все нужное для вѣчной

жизни, и что нѣтъ инаго пути къ счастію и блаженству; что одно только невѣжество можетъ полагать, будто бы въ царствѣ этомъ, съ удаленіемъ всего вещественнаго въ памяти, погибаетъ и самый разумъ, межъ тѣмъ какъ, напротивъ, на сколько духъ отвлекается отъ чувственнаго, какъ принадлежности человѣка или тѣла, на столько онъ возвышается къ духовному и небесному.

466. Различные виды памяти, иногда, въ той жизни, представляются глазамъ, въ образѣ, который тамъ только можетъ появиться (тамъ многое видится глазами, въ образѣ, что здѣсь представляется только въ мысляхъ): внѣшняя память является въ видѣ хрящеватаго, мозолистаго вещества (corpus callosum), а внутренняя, въ видѣ мозговатаго вещества человѣческаго мозга; изъ чего и видно качество памяти того и другаго вида. У людей, которые старались только развить и расширить память свою, не заботясь объ образованіи разума, память эта является въ видѣ твердаго нароста, протканнаго изнутри какъ бы сухожильемъ. Кто переполняетъ память свою ложными понятіями, у того она является косматою, съ всклоченными волосами, потому что наполнена безпорядочнымъ сбродомъ понятій. У изощрявшихъ память свою изъ любви къ себѣ и къ міру (самотности и суетности), она является вязкою, клейкою, частію окостенѣлою. Кто хотѣлъ проникнуть въ Божественныя тайны наукою, особенно посредствомъ философіи, и вѣрилъ тому только, до чего достигалъ этимъ путемъ, у того память является мрачною, и притомъ такого свойства, что поглощая лучи свѣта, обращаетъ

ихъ въ тму. У лукавыхъ и лицемѣровъ она принимаетъ видъ твердой кости или чернаго дерева, и отражаетъ лучи свѣта. У тѣхъ напротивъ, кои жили въ благѣ любви и въ истинахъ вѣры, память вовсе не появляется въ видѣ твердаго, хрящеватаго вещества, потому что у нихъ внутренняя память посылаетъ лучи свѣта въ память внѣшнюю, въ предметахъ или въ мысляхъ коей, лучи эти оканчиваются, какъ въ основаніи или почвѣ своей, находя тутъ себѣ усладительные воспріемники; внѣшняя память, въ порядкѣ степеней, есть послѣдняя, въ которой духовное и небесное оканчивается и пребываетъ, если находитъ тамъ блага и истины.

467. Если человѣкъ въ міру живетъ въ любви къ Господу и въ милосердіи къ ближнему, то при немъ и въ немъ есть разумъ и мудрость ангельскія, скрытыя однако въ самыхъ внутреннихъ началахъ (или тайникѣ) его (in intimis) внутренней памяти: посему, разумъ и мудрость эта никогда не могутъ обнаружиться (apparere) въ человѣкѣ, до освобожденія его отъ плоти; тогда, природная память усыпляется, и качества эти пробуждаются въ памяти внутренней, а на послѣдокъ и въ ангельской, небесной.

468. Скажемъ въ не многихъ словахъ, какимъ образомъ разсудочное (rationale) начало или разсудокъ въ человѣкѣ выработывается и совершенствуется: подлинное, разсудочное начало основано на истинахъ, а не на лжи; ложныя данныя никакъ не могутъ образовать разсудка. Истины бываютъ троякія: гражданскія, нравственныя и духовныя. Первыя относятся до правды, до управленія въ государствѣ, и

вообще, до справедливости и безпристрастія; вторыя относятся до житейскихъ сношеній человѣка съ обществомъ и членами его, вообще же до искренности и прямоты, а въ частности, до всѣхъ житейскихъ добродѣтелей; третьи, истины духовныя, относятся до небеснаго быта и до церкви, вообще, до блага любви и до истинъ вѣры. Три степени жизни человѣка объяснены выше (н. 267): разсудокъ отверзается въ первой степени черезъ истины гражданскія; въ второй, чрезъ истины нравственныя, въ третьей, чрезъ духовныя. Но должно объяснить, что разсудокъ образуется и отверзается въ человѣкѣ, не однимъ только знаніемъ сихъ истинъ, но приложеніемъ ихъ къ дѣлу, жизнію своею по нимъ; а жить по нимъ называется любить ихъ по духовной любви (affectio), т. е. любить правду ради правды, любить искренность и прямоту ради прямоты, а благо и истину ради блага и истины: напротивъ, жить по нимъ и любить ихъ по любви тѣлесной значитъ любить ихъ ради себя самого, ради славы своей, почести или корысти. Посему, на сколько человѣкъ любитъ истины эти по любви или страстямъ мірскимъ, тѣлеснымъ, на столько онъ уклоняется отъ разсудка; онъ любитъ не истины эти, а себя самого, обращая истины въ слугъ своихъ, какъ господинъ служителей. Если же истины порабощаются, то онѣ не входятъ внутрь человѣка, и не отверзаютъ ни одной степени жизни его, ни даже самую послѣднюю степень, а поселяются только въ памяти его, какъ нѣчто научное въ вещественномъ образѣ, и тутъ соединяются съ любовью къ себѣ, т. е. съ любовью плотскою. Изъ

этого видно какимъ порядкомъ человѣкъ становится существомъ разсудка, а именно: онъ достигаетъ этого въ третьей степени, духовною любовью благъ и истинъ, относящихся до небесъ и до церкви; во второй степени, любовью къ искренности и прямотѣ; а въ первой степени, любовью къ справедливости и правдѣ. Любовь двухъ послѣднихъ степеней также становится духовною, по духовной любви къ благу и къ истинѣ, потому что сія послѣдняя вліяетъ на первую, соединяется съ нею и, такъ сказать, образуетъ въ ней свое подобіе.

469. Духи и ангелы надѣлены такою же памятью, какъ и люди; въ нихъ остается все, что они слышатъ, видятъ, мыслятъ, чего желаютъ и что дѣлаютъ, чѣмъ и образуется постоянно и во вѣки ихъ разсудокъ. Посему духи и ангелы совершенствуются въ разумѣ и мудрости, познавая истины и блага, наравнѣ съ человѣкомъ. Все это позналъ я многократнымъ опытомъ: я видѣлъ, какъ изъ памяти духовъ вызываемо было все, что они думали и дѣлали явнаго и скрытнаго, въ обществѣ другихъ духовъ; я также видѣлъ какимъ образомъ, бывшіе въ какой либо истинѣ, вслѣдствіе жизни ихъ въ простомъ добрѣ, исполнялись научными познаніями, а черезъ нихъ и разумомъ, и затѣмъ возносились въ небеса. Но должно объяснить, что познаніями этими и разумомъ человѣкъ можетъ исполниться на томъ свѣтѣ, въ той только мѣрѣ, въ какой онъ здѣсь любилъ благо и истину, и отнюдь не болѣе этого: каждый духъ и ангелъ сохраняетъ ту любовь (наклонность, вожделеніе), какою жилъ въ міру, и при томъ, въ такомъ

же количествѣ и качествѣ; эта любовь совершенствуется пополненіемъ въ теченіи вѣчности. Ничто не можетъ быть наполнено во вѣки вѣковъ, потому что все можетъ безконечно измѣняться, обогащаться и пополняться, а стало быть и множиться и плодиться; благу нѣтъ конца, потому что самый источникъ его безконеченъ. О томъ, что духи и ангелы нескончаемо совершенствуются въ разумѣ и мудрости, познаніемъ истинъ и благъ, говорено было въ нн. 265—275; 318—328; 329—345; а что это дѣлается только соразмѣрно той степени любви къ благу и истинѣ, какой достигали они на землѣ, а не свыше того, объ этомъ помянуто уже въ н. 349.

Человѣкъ по смерти таковъ, какова была жизнь его на землѣ.

470. Всякому Христіанину вѣдомо изъ Слова Божьяго, что собственная жизнь человѣка остается по смерти его при немъ, ибо во многихъ мѣстахъ въ Словѣ говорится, что человѣкъ судится и награждается по дѣламъ своимъ и поступкамъ. Кто размышляетъ по благу и по самой истинѣ, тотъ также не иначе думаетъ, какъ, что человѣкъ доброй жизни идетъ въ небеса, а худой въ адъ: одни только, живущіе сами во злѣ, не хотятъ вѣрить, чтобы состояніе ихъ по смерти было согласно съ жизнію ихъ въ мірѣ; но думаютъ, въ особенности когда болѣютъ, что царство небесное можетъ достаться каждому, по одному милосердію Божію, какъ бы кто ни жилъ, и что

оно дается каждому по вѣрѣ его, которую они отъ жизни отдѣляютъ.

471. Что человѣку вмѣняются дѣла его и онъ по нимъ судится, говорится въ Словѣ во многихъ мѣстахъ, на примѣръ: *Пріити бо имать сынъ человѣческій въ славѣ отца своего и ангелы своими: и тогда воздастъ комуждо по дѣяніямъ его.* Мат. XVI. 27. — *Блажени мертвіи, умирающіе о Господѣ отнынѣ: ей глаголетъ духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ; дѣла бо ихъ ходятъ вслѣдъ съ ними.* Апок. XIV. 13. *И дамъ вамъ комуждо по дѣломъ вашимъ.* Апок. II. 23. *И видѣхъ мертвецы малые и великіе, стояща предъ Богомъ, и книги разгнушася: и ина книга отверзеся, яже есть животная: и судъ пріяша мертвецы отъ написанныхъ въ книгахъ по дѣломъ ихъ. И даше море мертвецы своя, и смерть и адъ даша своя мертвецы, и судъ пріяша по дѣломъ своимъ.* Апок. XX. 12. 13. *И се азъ гряду скоро, и мзда моя съ мною, выдати комуждо по дѣломъ его.* XXII. 12. — *Всякъ убо иже слышитъ словеса моя, и сія творитъ, я уподоблю его мужу мудру, иже созда храмину свою на камени; и всякъ слыша словеса сія моя и не творя ихъ, уподобится мужу уродиву, иже созда храмину свою на пескѣ.* Матѳ. VII. 24. 26. — *Не всякъ глаголяй ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное, но творяй волю отца моего, иже есть на небесахъ. Мнози рекутъ мнѣ во онъ день: Господи, Господи, не въ твое ли имя пророчествовахомъ, и твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ, и твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ? и тогда исповѣмъ имъ: яко николиже знахъ вы; отыдите отъ мене дѣлающіе беззаконіе.* Матѳ. VII. 22. 23.

Тогда начнете глаголати: ядохомъ предъ тобою и пихомъ, и на распутіяхъ нашихъ училъ еси. И речетъ: глаголю вамъ, не вѣмъ васъ, откуда есте, отступите отъ мене, вси дѣлатели неправды. Лук. XIII. 26. 27. *И воздамъ имъ по дѣломъ ихъ и по творенію рукъ ихъ.* Іер. XXV. 14. *Богъ великій вседержитель и великоименимъ Господь: очи твои отверзты на вся пути сыновъ человѣческихъ, дати комуждо по пути его и по плоду начинаній его.* Іерем. XXXII. 19. — *И отмщу на нихъ пути ихъ, и умышленіе ихъ воздамъ имъ.* Ос. IV. 9. — *Устави Господь вседержитель сотворити намъ по путемъ нашимъ и по начинаніямъ нашимъ.* Зах. I. 6. Гдѣ Господь говоритъ о послѣднемъ судѣ, онъ взвѣшиваетъ только дѣла, возвѣщая, что внидутъ въ царствіе небесное, жившіе въ добрѣ по дѣламъ своимъ, а за дурныя дѣла люди будутъ осуждены. Матѳ. XXV. 32—46; также во многихъ мѣстахъ, гдѣ идетъ рѣчь о спасеніи и осужденіи человѣка. Очевидно, что дѣла и поступки человѣка составляютъ внѣшнюю жизнь его, и что они показываютъ, какова его внутренняя жизнь.

472. Но здѣсь разумѣются дѣла и поступки не въ томъ только видѣ, въ какомъ они являются во внѣшности, но и въ томъ, каковы они внутри человѣка, ибо всякому извѣстно, что дѣла и поступки вытекаютъ изъ воли и мыслей человѣка; еслибы не такъ, то это были бы только безотчетныя движенія автомата или машины: посему, всякое дѣло или дѣйствіе по себѣ, есть не иное что, какъ проявленіе, одушевляемое и оживотворяемое волею и мыслію, до того, что можетъ быть названо волею и мыслію въ

проявленіи своемъ или же волею и мыслію во внѣшнемъ образѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что всякое дѣйствіе или дѣло таково, каковы воля и мысль отъ коихъ дѣйствіе произошло. Если воля и помышленіе благи, то и дѣла благи; если же дурны, то и дѣла дурны, хотя бы во внѣшнемъ образѣ и не отличались отъ первыхъ дѣлъ. Тысяча человѣкъ могутъ сдѣлать одинаковое дѣло, т. е. дѣйствоватъ или поступать одинаково, и притомъ до того сходно, что относительно проявленія или внѣшности, почти нельзя найти въ дѣлахъ этихъ никакой разницы; а между тѣмъ, каждое изъ дѣлъ этихъ, разсмотренное по себѣ, будетъ различно, потому что каждое произошло отъ иной причины или воли. Возьмемъ, для примѣра, прямое и правдивое обращеніе съ товарищами. Одинъ можетъ показать себя на дѣлѣ прямымъ и правдивымъ, именно, чтобы выказать эти качества въ себѣ, ради доброй славы и уваженія людей; другой, по свѣтскимъ отношеніямъ своимъ и изъ видовъ корысти; третій, ради ожидаемыхъ наградъ по заслугамъ; четвертый, по дружбѣ; пятый, изъ опасенія подпасть законному взысканію, утратить добрую славу и даже мѣсто или должность; шестой, чтобы вкрасться въ чью либо довѣренность и увлечь кого либо въ свою пользу, по неправому дѣлу; седьмой, чтобы завлечь и обмануть товарища и пр. Хотя, за симъ, дѣла и поступки всѣхъ людей этихъ по видимому добры и похвальны, по ому что нельзя не одобрить прямыхъ и правдивыхъ поступковъ относительно товарища, не менѣе того, дѣла эти дурны: потому что они дѣлались не ради любви къ прямотѣ и правдѣ, но изъ любви

къ себѣ и къ міру (изъ самотности и суетности): этой любви, прямота и правота служатъ здѣсь, какъ слуги господину своему, коихъ онъ не ставитъ ни во что, когда они ему болѣе не нужны, и увольняетъ ихъ. Но точно также, по видимому, поступаютъ прямо и право съ ближнимъ, по любви къ правдѣ и прямотѣ, — иные, ради истинъ вѣры или послушанія, потому что такъ повелѣваетъ Слово Божіе; другіе, по благу вѣры или по совѣсти, потому что этого требуетъ исповѣданіе ихъ; другіе, по благостынѣ или благу любви къ ближнему, почитая за долгъ объ немъ заботиться; еще иные, по благу любви къ Господу, т. е. дѣлая добро, ради самого добра, поступая правдиво и право ради самой правды: такіе люди любятъ добро и правду, потому что то и другое содержитъ въ себѣ, исходящее отъ Господа Божественное начало, вслѣдствіе чего, добро и правда эти, въ сущности своей, Божественны. Дѣла и поступки такихъ людей, будучи добры по внутреннему значенію своему, добры и по внѣшнему, ибо дѣла и поступки людей, какъ выше сказано, безусловно таковы, каковы помыслы и воля ихъ пораждающіе; если же нѣтъ мысли и воли, то это не дѣла и поступки, а безотчетныя, бездушныя движенія. Изъ этого видно, что именно въ Словѣ разумѣется подъ дѣлами и поступками.

473. Если же дѣла и поступки принадлежатъ волѣ и мыслямъ, то равно принадлежатъ и любви и вѣрѣ, а потому всегда таковы, какова любовь и вѣра: любовь и воля одно и тоже, а вѣра и мысли, какъ убѣжденія, также одно и тоже; чтò человѣкъ любитъ,

того и хочетъ, а чему вѣритъ, то и думаетъ. Если человѣкъ любитъ то̀, чему вѣритъ, то и хочетъ того же, и сколько можетъ тоже и дѣлаетъ. Всякому понятно, что любовь и вѣра человѣка находятся въ волѣ и въ мысляхъ его, а не внѣ того и другаго, потому что воля воспламеняется любовью, а мысль просвѣщается предметами вѣры; посему и могутъ просвѣщаться только люди способные мыслить разумно: согласно этому просвѣщенію они мыслятъ объ истинѣ и хотятъ ее, или, что одно и тоже, вѣруютъ въ истину и любятъ ее.

474. Но должно знать, что собственно воля составляетъ человѣка, а мысль только въ той мѣрѣ, на сколько она происходитъ отъ воли; дѣла же или поступки происходятъ отъ того и другаго, отъ воли и отъ мыслей: другими словами, любовь составляетъ человѣка, а вѣра только въ той мѣрѣ, на сколько она истекаетъ изъ любви; дѣла же и поступки зависятъ отъ того и другаго. Изъ этого слѣдуетъ, что воля или любовь и есть собственно человѣкъ, потому что все происходящее отъ чего либо, принадлежитъ тому отъ чего происходитъ; происходить, значитъ стать и явиться въ образѣ, доступномъ нашему постиженію. Изъ сего видно что такое вѣра, сама по себѣ, отрѣшенная отъ любви, т. е. что это вовсе не вѣра, а одно только знаніе, въ которомъ нѣтъ никакой духовной жизни. Не менѣе ясно, что такое поступокъ или дѣло, отдѣльно отъ любви, т. е. что это не есть живое, одушевленное дѣло, а мертвое, въ которомъ заключается одно только мнимое подобіе жизни, происходящее изъ любви ко злу и изъ ложныхъ

убѣжденій. Эта мнимая жизнь и зовется духовною смертію.

475. Далѣе должно замѣтить, что весь человѣкъ заключается въ дѣлахъ и поступкахъ своихъ, и что воля и мысли его или любовь и вѣра, принадлежащія внутреннему его человѣку, не полны, доколѣ не явятся въ дѣлахъ и поступкахъ, принадлежащихъ внутреннему человѣку. Въ этой внѣшности, въ дѣлахъ, оканчиваются воля и мысли, какъ въ крайнихъ предѣлахъ своихъ, а безъ этого они будто не кончены, не свершены, представляя нѣчто несуществующее, чего, стало быть, нѣтъ и въ самомъ человѣкѣ. Мыслить и хотѣть, но не исполнять, не дѣлать, когда есть на то возможность, значило бы заключить пламя въ сосудъ и покрыть его, чтобы оно угасло, или посѣять сѣмя въ сухой песокъ, гдѣ оно не дастъ ростка, и погибнетъ со всѣмъ плодородіемъ своимъ. Напротивъ, мыслить, хотѣть, и за тѣмъ, дѣлать, подобно огню пламенному, который разливаетъ вокругъ теплоту и свѣтъ, или сѣмени въ тучной почвѣ, вырастающему въ дерево, либо въ цвѣтокъ, и которое живетъ. Всякому понятно, что хотѣть, и не дѣлать при возможности, значитъ не хотѣть; и что любить добро, но не дѣлать его, значитъ не любить добра: это значило бы только думать, будто бы хочешь и любишь что либо, а такая отвлеченная мысль, не приложенная къ дѣлу, угасаетъ и обращается въ ничто. Любовь или воля есть душа всякаго дѣла и поступка; она, такъ сказать, сама образуетъ тѣло, или образъ свой, изъ прямодушныхъ и правдивыхъ дѣлъ человѣка: духовное тѣло, или тѣло духа человѣка, образуется

не изъ чего другаго, какъ изъ дѣлъ человѣка, совершенныхъ по любви или волѣ его (н. 463). Однимъ словомъ, все стяжаніе человѣка и духа заключается въ дѣлахъ, дѣйствіяхъ или поступкахъ его.

476. Изъ всего этого ясно, что именно называется жизнію, остающеюся въ человѣкѣ по смерти его; это любовь его и вѣра по любви, не въ возможности своей только, но и на дѣлѣ, т. е. дѣла и поступки, потому что они заключаютъ въ себѣ все, относящееся до любви и вѣры человѣка.

477. Господствующая любовь остается въ человѣкѣ по смерти и не измѣняется во вѣки вѣковъ. Во всякомъ человѣкѣ не одна любовь, а ихъ нѣсколько, но всѣ соединяются въ одной властвующей, преобладающей или господствующей любви, и, такъ сказать, ее составляютъ. Всякое чувство (affectio), желаніе, хотѣніе человѣка, согласное съ господствующею любовью его, также называется любовью, потому что онъ любитъ то, чего хочетъ. Эти роды любви (amores) или чувства (affectiones) бываютъ внутреннія и внѣшнія, непосредственно или посредственно связанныя съ властвующею любовью, которой они всѣ служатъ различнымъ образомъ. Вмѣстѣ взятыя, они составляютъ какъ бы царство, ибо таковъ порядокъ ихъ устройства въ человѣкѣ, хотя онъ ничего объ этомъ не знаетъ; но устройство это сознается имъ отчасти въ будущей жизни, потому что тамъ протяженіе мыслей и чувствъ согласуется съ порядкомъ этого устройства: протяженіе въ небесныя общества, если властвующая любовь состоитъ изъ разнаго рода любви небесной, и напротивъ, протяженіе въ адскія

общества, если любовь эта состоитъ изъ разнаго рода адской любви. О томъ, что всякое помышленіе и чувство (affectio) духовъ и ангеловъ простирается въ окрестныя общества, говорено было въ главахъ объ ангельской мудрости и образѣ небесъ, согласно коему распредѣлены тамъ сообщества и сообщенія.

478. Но все, доселѣ сказанное, касается только мыслей разсудочнаго человѣка; чтобъ сдѣлать это доступнымъ и для внѣшнихъ чувствъ его, приведу объяснительные и доказательные примѣры опыта, которые покажутъ: 1. Что всякъ человѣкъ по смерти, есть своя любовь или своя воли. 2. Что человѣкъ пребываетъ на вѣки такимъ, каковъ онъ есть, относительно воли своей или властвующей любви. 3. Что человѣкъ пріемлется въ небеса, если въ немъ небесная и духовная любовь, а въ адъ, если въ немъ любовь плотская и мірская, при отсутствіи небесной и духовной. 4. Что одна вѣра, по себѣ, не остается въ человѣкѣ, если она не основана на небесной любви. 5. Остается же при немъ одна любовь на дѣлѣ, благостыня, которая и есть жизнь человѣка.

479. I. *Человѣкъ, по смерти, есть олицетворенная воля или любовь своя.* Въ этомъ убѣдился я изъ множества опытовъ. Всѣ небеса, вообще, раздѣлены на общества, по различію блага любви обитателей ихъ: каждый духъ вознесенный въ небеса и ставшій ангеломъ, уносится въ то общество или братство, гдѣ господствуетъ любовь его; тамъ онъ, какъ у себя дома и на родинѣ свой, чувствуетъ это, и присоединяется къ подобнымъ себѣ. Если же онъ удаляется оттуда въ какое либо иное мѣсто, то чувствуетъ ка-

кое то сопротивленіе и сильное влеченіе снова соединиться со своими, т. е. возвратиться къ господствующей любви своей. Такимъ то образомъ устроиваются сообщества въ небесахъ, а подобно сему и въ преисподней. Что небеса и адъ состоятъ изъ обществъ, и что каждое изъ обществъ этихъ различается по различію любви, см. нн. 41—50; 200—212. Что человѣкъ, по смерти, есть олицетворенная любовь своя, доказывается и тѣмъ также, что въ это время устраняется или удаляется отъ него все, что не согласно съ властвующей любовью его: отъ добраго духа отбирается все разнородное и не подходящее, почему онъ и остается при одной любви своей; подобнымъ образомъ и отъ злаго, съ тою только разницею, что отъ послѣдняго отбираются истины, а отъ добраго ложь (заблужденіе), доколѣ каждый изъ нихъ не останется при своемъ, т. е. при господствующей любви своей. Это совершается, когда человѣкъ приходитъ въ третье состояніе или бытъ, о чемъ говориться будетъ ниже; тогда онъ уже постоянно обращается лицемъ къ предметамъ любви своей, которая непрестанно передъ глазами его, въ какую бы сторону онъ ни обращался, см. нн. 123. 124. Всѣ духи могутъ быть водимы куда угодно, лишь бы держать ихъ при этомъ въ ихъ господствующей любви; они при семъ условіи, не могутъ даже противиться, хотя и сами знаютъ, какъ и что дѣлается съ ними, и думаютъ, что могутъ не повиноваться: многіе пытались дѣлать что нибудь вопреки этой господствующей любви и всегда безуспѣшно. Любовью этой каждый связанъ, какъ цѣпью, за которую взявшись, можно

каждаго вести куда угодно, и никто освободиться отъ нея не можетъ. Въ мiру съ людьми бываетъ тоже: любовь неволитъ и водитъ ихъ, и этимъ же средствомъ одинъ человѣкъ можетъ управлять по произволу другимъ: но это еще усиливается въ той жизни, потому что тамъ нельзя скрывать притворно любви своей, принимать для вида чужую и облыжно ее выказывать. Во всякомъ сообществѣ, въ будущей жизни, ясно познается, что духъ человѣка есть олицетворенная любовь его: доколѣ одинъ духъ говоритъ и дѣйствуетъ согласно съ любовью другаго, дотолѣ первый предстоитъ весь, съ лицемъ полнымъ, здоровымъ, веселымъ, живымъ; но, какъ только кто станетъ говорить и дѣйствовать противъ любви другаго, такъ лице его начинаетъ измѣняться, темнѣть и пропадать, а наконецъ и весь человѣкъ изчезаетъ, будто его тутъ и не бывало. Видя это, я часто дивился, потому что въ мiру ничего подобнаго не бываетъ; но мнѣ сказано было, что подобное совершается и здѣсь надъ духомъ человѣка, т. е. что духъ этотъ, при отвращенiи отъ собесѣдника, также изчезаетъ или не остается болѣе въ виду его. Что духъ человѣка есть господствующая любовь его, видно также изъ свойства каждаго духа принимать и усвоивать себѣ все, что согласуется съ любовью его, и напротивъ, откидывать и удалять отъ себя все неподходящее, противное. Любовь или чувства каждаго, подобны скважистому, губчатому дереву, которое жадно пьетъ жидкость ему свойственную, полезную для жизни и росту его, а все непригодное удаляетъ; или подобны любому животному, знающему сродную

ему пищу, отыскивающему все, что отвѣчаетъ природѣ его, и покидающему все противное, ибо всякая любовь питается только тѣмъ, что ей сродно: любовь ко злу ищетъ лжи, а любовь къ благу истины. Мнѣ случалось видѣть, что добрые, простые духи, хотѣли наставить дурныхъ, въ истинахъ и въ благѣ; но послѣдніе бѣжали вдаль и прибывъ къ своимъ, бросались съ наслажденіемъ на всякую ложь, сродную съ ихъ любовью: я видѣлъ также, что добрые духи бесѣдовали между собой объ истинахъ, а другіе добрые слушали ихъ съ удовольствіемъ, дурные же, бывшіе тутъ, ничего не слушали, и даже будто не слышали. Въ мірѣ духовъ являются пути или дороги, ведущіе въ небеса, въ адъ, въ разныя общества: добрые духи ходятъ только небесными путями и притомъ, ведущими именно въ общество, состоящее во благѣ ихъ любви; иныхъ путей они даже не видятъ. Напротивъ, злые духи, идутъ только путями преисподней, направляясь къ обществамъ, состоящимъ во злѣ любви ихъ; а прочихъ путей не видятъ, а еслибъ и видѣли, то никогда не захотѣли бы по нимъ идти. Такіе пути въ мірѣ духовъ суть дѣйствительныя (reales) видимости, соотвѣтствующія истинамъ или лжи; вотъ почему въ Словѣ Божіемъ пути и дороги имѣютъ это значеніе. Сими данными опыта доказывается, что напередъ было сказано по заключенію разсудка, т. е. что каждый человѣкъ, по смерти, есть своя любовь и своя воля; воля въ этомъ смыслѣ, не иное что, какъ любовь.

480. II. *Человѣкъ, по смерти, на вѣки пребываетъ такимъ, каковъ онъ есть по волѣ своей и по*

господствующей въ немъ любви. Въ этомъ я убѣдился также по множеству опытовъ: мнѣ дано было бесѣдовать съ людьми, жившими за двѣ тысячи лѣтъ, коихъ жизнь описывается въ исторіи, и потому извѣстна; оказалось, что они еще и до нынѣ сами на себя похожи, и точно таковы, какими описаны, т. е. что они все тѣже по любви своей, изъ коей и по коей образовалась вся жизнь ихъ. Были тутъ и другіе, жившіе вѣковъ за семнадцать, также извѣстные по исторіи; были и жившіе за четыре вѣка и за три, словомъ въ разныя времена, съ которыми также дано мнѣ было говорить; и оказалось, что и понынѣ въ нихъ властвуетъ таже любовь или чувство (affectio), съ одною только разницею, что удовольствія любви ихъ превращены были по закону соотвѣтствій. Мнѣ сказано было ангелами, что жизнь по властвующей любви, во вѣки вѣковъ, ни въ комъ не измѣняется, потому что всякій человѣкъ, есть своя олицетворенная любовь, а слѣдовательно, измѣнить ее въ духѣ, значило бы лишить его своей жизни или погасить ее въ немъ. Мнѣ сказана была и причина этому, а именно: по смерти своей, человѣкъ не можетъ болѣе преобразовываться, какъ въ міру, наукою, потому что послѣдняя внѣшняя основа (planum) въ человѣкѣ, состоящая изъ познаній или наклонностей природныхъ, уже покоится и болѣе не отверзается, какъ принадлежность плотская, а не духовная, см. н. 464. Между тѣмъ, на этой внѣшней основѣ, какъ домъ на основаніи своемъ, держится все внутреннее, свойственное разуму или духу; вотъ почему человѣкъ пребываетъ на вѣки неизмѣнно такимъ, какова была

отверзти
отверзать } = Ouvrir

въ міру жизнь его любви. Ангелы весьма дивятся невѣжеству людей, которые не знаютъ, что каждый человѣкъ, именно таковъ, какова господствуящая любовь его, и что многіе вѣрятъ, будто могутъ спастись непосредственнымъ милосердіемъ Господнемъ, и одною вѣрою, каковъ бы кто ни былъ по жизни своей; дивятся тому, какъ они не знаютъ, что милосердіе Господне можетъ быть только посредственное; что оно состоитъ въ томъ, чтобы быть руководиму Господомъ, какъ въ мірѣ, такъ и послѣ того, въ вѣчности; что живущіе не во злѣ, руководятся этимъ милосердіемъ; наконецъ не знаютъ, что вѣра есть стремленіе къ истинѣ, истекающее отъ небесной любви, источникъ которой Господь.

481. III. *Если человѣкъ живетъ въ любви небесной и духовной, то онъ будетъ въ небесахъ; если же въ любви плотской и мірской, безъ любви небесной и духовной, то онъ будетъ въ аду.* Въ этомъ убѣдился я, видѣвъ и знавъ многихъ, вознесенныхъ на небеса и кинутыхъ въ преисподнюю; первые жили по небесной и духовной любви, вторые въ любви плотской и мірской: небесною любовью называется, если кто любитъ благо, прямоту и правду, не изъ какихъ либо видовъ, а ради самого блага и правды, и затѣмъ, по любви, исполняетъ это на дѣлѣ; отсюда и происходитъ жизнь по благу, прямотѣ и правдѣ, т. е. жизнь небесная. Кто любитъ качества эти, ради ихъ самихъ, и прилагаетъ ихъ къ дѣлу или живетъ по нимъ, тотъ любитъ Господа паче всего, потому что всякое благо отъ него, и любитъ ближняго, ибо это благо и есть тотъ ближній, котораго должно любить. На-

противъ, плотскою любовью называется та, которая любитъ благо, прямоту и правду не ради ихъ самихъ, а ради себя (по самотности), потому что качества эти могутъ служить для достиженія славы, почестей и богатствъ. Такая любовь не видитъ Господа и ближняго во благѣ, прямотѣ и правдѣ, а видитъ въ нихъ только себя самоё и мірское, наслаждаясь обманомъ; а благо, прямота и правда, ради обмана, есть зло, лукавство и неправда, что и любятъ такіе люди. Такъ какъ любовь каждаго опредѣляетъ жизнь его, то всѣ люди, при самомъ явленіи ихъ по смерти, въ міръ духовъ, подвергаются дознанію, каковы они, и соединяются съ обществами духовъ, состоящими въ такой же любви: живущіе въ небесной любви, пріобщаются къ братствамъ небеснымъ, а живущіе въ любви тѣлесной, къ адскимъ. По прошествіи перваго и втораго состоянія, тѣ и другіе разобщаются, такъ, что болѣе не видятся и не знаются; это дѣлается потому, что каждый превращается въ любовь свою, не только по внутреннимъ началамъ своимъ, относительно духа, но и по внѣшнимъ, относительно лица, тѣла, рѣчи, — такъ что всякій становится образомъ любви своей, даже и по наружности: предавшіеся любви плотской, являются тамъ неуклюжими, мрачными, темными, безобразными; напротивъ, живущіе въ любви небесной, принимаютъ образъ живой, свѣтлый и вообще прекрасный. Тѣ и другіе весьма различны по духу и по мыслямъ: живущіе въ небесной любви, разумны и мудры; живущіе въ любви плотской, тупы и даже почти малоумны. Кому дано бываетъ видѣть внутреннія и

внѣшнія начала помышленій и чувствъ у людей живущихъ въ небесной любви, тотъ видитъ внутреннія начала эти, какъ бы въ яркомъ свѣтѣ или пламени, а внѣшнія, какъ бы въ разноцвѣтныхъ, радужныхъ оттѣнкахъ; внутреннія же начала тѣхъ, кои живутъ въ плотской любви, кажутся черными, какъ бы замкнутыми отъ свѣта, иногда какъ бы темноогненными, если такой человѣкъ былъ внутренно лукавъ и злобенъ; внѣшность же ихъ мрачнаго свѣта и печальнаго вида: скажемъ при семъ, что внутреннія и внѣшнія начала души и духа (mentis et animi), въ духовномъ мірѣ, соизволеніемъ Господнимъ, являются видимо зрѣнію. Живущіе въ плотской любви ничего не видятъ въ небесномъ свѣтѣ; небесный свѣтъ для нихъ непроницаемая тьма, напротивъ адскій свѣтъ, подобный огню отъ горящаго угля, для нихъ яркій свѣтъ: кромѣ того, внутреннее зрѣніе ихъ отъ небеснаго свѣта до того помрачается, что наводитъ на нихъ безуміе, вслѣдствіе чего они и бѣгаютъ отъ этого свѣта, забиваясь въ провалы и пещеры, коихъ глубина отвѣчаетъ степени лжи ихъ, по злу. Напротивъ, живущіе въ небесной любви, видятъ все, тѣмъ яснѣе и въ болѣе прекрасномъ видѣ, и тѣмъ разумнѣе и съ большею мудростью постигаютъ истины, чѣмъ глубже и выше возносятся въ небесный свѣтъ. Пребывающіе въ плотской любви, ни какъ не могутъ жить въ небесномъ теплѣ, который есть небесная любовь; а живутъ только въ жару адскомъ, который есть любовь къ жестокости противу непотворствующихъ, презрѣніе къ другимъ, вражда, ненависть, месть; вотъ услада и утѣха такой любви, и, находясь въ ней, духи эти живутъ жизнію

своей, вовсе не вѣдая, что такое значитъ дѣлать кому добро по добру, и ради самого добра, умѣя только дѣлать добро по злу и ради зла. Живущіе во плотской любви не могутъ дышать на небесахъ; если туда попадаетъ злой духъ, онъ начинаетъ задыхаться, какъ человѣкъ лежащій при смерти: напротивъ, живущіе въ небесной любви, тѣмъ свободнѣе дышатъ, и тѣмъ полнѣе чувствуютъ жизнь, чѣмъ далѣе углубляются въ небеса. Изъ этого ясно, что небесная и духовная любовь, образуютъ въ человѣкѣ небеса, потому что все, что есть небеснаго, заключается въ этой любви; а что напротивъ, плотская и мірская, безъ небесной и духовной, образуютъ въ человѣкѣ адъ, потому что все, что есть адскаго, вмѣщается въ такой любви. Явствуетъ за симъ, что въ небеса возносится тотъ, въ комъ есть любовь небесная и духовная, а въ преисподнюю идетъ тотъ, въ комъ одна любовь плотская и мірская безъ небесной и духовной.

482. IV. *Одна вѣра, по себѣ, не остается въ человѣкѣ-духѣ, если она не основана на небесной любви.* Это было доказано мнѣ такимъ множествомъ опытовъ, что еслибъ я описалъ все, что посему поводу видѣлъ и слышалъ, то наполнилъ бы цѣлую книгу. Могу свидѣтельствовать, что въ живущихъ одной плотской и мірской любовью, безъ небесной и духовной, нѣтъ никакой вѣры и быть ее не можетъ; въ нихъ можетъ быть только знаніе или убѣжденіе въ какой нибудь истинѣ, вслѣдствіе того, что она служитъ любви ихъ. Нѣсколько такихъ духовъ, считавшихъ самихъ себя крѣпкими въ вѣрѣ, призваны были къ

истинно вѣрующимъ, и по открытію между ними сообщенія, оказалось, что въ первыхъ нѣтъ никакой вѣры, да и сами они впослѣдствіи сознались, что вѣрить только въ истину и въ Слово, не можетъ назваться вѣрою; а въ истинной вѣрѣ тотъ, кто любитъ истину по любви небесной, и притомъ хочетъ и исполняетъ ее на дѣлѣ, по внутреннему влеченію. При семъ было показано, что убѣжденія мнимо вѣрующихъ, подобны зимнему свѣту, въ которомъ нѣтъ тепла, вслѣдствіе чего земля, объятая стужею, коснѣетъ подъ снѣгомъ. Какъ только лучь небеснаго свѣта коснется мнимаго свѣта такой вѣры по убѣжденію, то послѣдній не только гаснетъ внезапно, но и настаютъ такіе потемки, въ коихъ не видать другъ друга; въ тоже время и внутреннее начало такихъ духовъ омрачается такъ, что они вовсе лишаются разума и безумствуютъ во лжи. Посему, отъ нихъ отбираются всѣ истины, извѣстныя имъ изъ Слова и ученія церкви и называемыя ими своею вѣрою, а замѣсто этого придается имъ ложь, отвѣчающая злу ихъ жизни, ибо всякій неволею долженъ пребывать въ любви своей или чувствахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, и къ соотвѣтствующей тому лжи; истины же противныя лжи ихъ, по злу, становятся тогда для нихъ ненавистными и презренными, почему и откидываются. Могу свидѣтельстовать по всѣмъ опытамъ своимъ о бытѣ небесномъ и адскомъ, что исповѣдовавшіе по ученію своему одну голую вѣру, а сами жившіе во злѣ, всѣ, безъ исключенія, попадаютъ въ адъ; я видѣлъ, какъ многія тысячи такихъ духовъ были туда низвергнуты, о чемъ говорено было въ

книжечкѣ моей, *о Послѣднемъ Судѣ и разоренномъ Вавилонѣ.*

483. V. *Остается по смерти любовь на дѣлѣ, т. е. собственно жизнь человѣка.* Это слѣдуетъ, какъ разумное заключеніе изъ всего объясненнаго мною на основаніи опыта, и изъ сказаннаго выше о дѣлахъ и поступкахъ; любовь на дѣлѣ, — это дѣла и поступки.

484. Замѣтимъ, что всѣ почти дѣла и поступки относятся къ жизни нравственной и гражданской, а слѣдовательно къ прямодушію и правдѣ, равно къ правосудію и къ нелицепріятію; прямодушіе и правда относятся къ жизни нравственной, а правосудіе и нелицепріятіе къ быту гражданскому. По источнику любви отъ коей они истекаютъ, дѣла эти бываютъ небесныя или адскія: дѣла жизни нравственной и гражданской, называются небесными, если дѣлаются по небесной любви, т. е. во имя Господа, а что дѣлается во имя Господа то и благо; дѣла и поступки жизни нравственной и гражданской называются адскими, если дѣлаются по адской любви, а что дѣлается по адской любви, т. е. по любви къ себѣ и къ міру, то дѣлается самимъ человѣкомъ отъ себя, и слѣдовательно есть зло, потому что человѣкъ самъ по себѣ, или собь его (proprium), есть одно только зло.

Наслажденіе каждаго по роду жизни его, превращается по смерти въ соотвѣтствующее.

485. Въ предшествующемъ показано было, что преобладающее чувство или господствующая любовь остается при каждомъ на вѣчныя времена; теперь объяснимъ, что наслажденіе этой любви обращается въ другое, соотвѣтствующее, т. е. природное превращается въ отвѣчающее ему духовное. Это доказывается тѣмъ, что доколѣ человѣкъ въ земномъ тѣлѣ своемъ, дотолѣ онъ живетъ въ природномъ мірѣ; покинувъ же тѣло это, онъ переходитъ въ духовный міръ и облекается въ духовное тѣло. Выше объяснено было уже, что образъ ангельскій есть образъ человѣческій въ совершенствѣ своемъ, и что человѣкъ по смерти въ такомъ же образѣ, но тѣло его духовное (не вещество, а субстанція, substantiale), см. нн. 73—77; 453—460; равно объяснено было, что такое соотвѣтствіе духовнаго съ природнымъ, нн. 87—115.

486. Всѣ наслажденія человѣка принадлежатъ господствующей въ немъ любви или отъ нея зависятъ ибо человѣку пріятно то только, что онъ любитъ, и всего болѣе наслаждается онъ тѣмъ, что всего болѣе любитъ, т. е. предметомъ господствующей любви своей. Наслажденія эти различны: ихъ вообще столько же, сколько родовъ (видовъ) господствующей любви, слѣдовательно, столько же, сколько есть людей, духовъ и ангеловъ; ибо господствующая любовь одного никогда не бываетъ, во всѣхъ отношеніяхъ, одинакова съ любовью другаго. Посему и нѣтъ двухъ лицъ вполнѣ одинаковыхъ, ибо лице есть образъ духа каж-

даго, а въ духовномъ мірѣ оно есть образъ господствующей въ каждомъ любви. Наслажденія каждаго, въ частности, также безконечно различны, и никогда одно, какое либо наслажденіе его, не можетъ вполнѣ уподобиться другому, хотя бы оно и слѣдовало за другимъ разновременно, или они были бы совмѣстны и одновременны; во всякомъ случаѣ, не могутъ они быть одни и тѣже: при всемъ томъ однакожъ, всѣ въ частности наслажденія одного человѣка, все имъ любимое, относится къ одной главной любви его, которая и называется господствующею; всѣ они вмѣстѣ образуютъ эту любовь и составляютъ съ нею одно цѣлое. Такъ точно и всѣ наслажденія вообще относятся къ одной главной и господствующей любви: на небесахъ къ любви къ Господу, въ преисподней къ любви къ себѣ или себялюбію.

487. Въ какія именно духовныя наслажденія превращаются, по смерти, природныя наслажденія каждаго, это узнать можно только по наукѣ соотвѣтствій, которая вообще учитъ, что нѣтъ природнаго предмета, коему бы не отвѣчалъ предметъ духовный, а въ частности указываетъ, что̀ именно и чему отвѣчаетъ. Посему, знающій науку эту можетъ познать состояніе свое по смерти, лишь бы зналъ господствующую любовь свою, и какое мѣсто она занимаетъ въ той главной и общей, царствующей любви, къ коей, какъ передъ симъ объяснено было, относится всякая прочая любовь или чувство. Но доколѣ кто самъ пребываетъ въ себялюбіи, тотъ не можетъ узнать господствующей любви своей, потому что любитъ только свое, собь свою, какова бы она ни была, на-

зывая зло свое благомъ, а ложь, которая потворствуетъ этому злу и утверждаетъ въ немъ, — истиною. Конечно, такіе люди могли бы узнать все это отъ другихъ болѣе мудрыхъ людей, кои видятъ то, чего первые видѣть не могутъ; но и это ими не дѣлается, потому что они до того исполнены себялюбія, что отвергаютъ всякое слово разумнаго человѣка. Напротивъ, живущіе въ небесной любви, принимаютъ наставленія, и видятъ, чрезъ истины эти, врожденное зло свое, когда къ нему влекутся, ибо истины обнаруживаютъ зло. По истинамъ, истекающимъ изъ блага, всякій можетъ видѣть зло и согласную съ нимъ ложь; но никто не можетъ изъ зла или по злу, познавать добро и истину: причина этому та, что ложь по злу потемки, и духовно соотвѣтствуетъ тмѣ; поэтому, живущіе во лжи, по злу слѣпы, и не только не видятъ того, что въ яркомъ свѣтѣ, но бѣгаютъ отъ свѣта, какъ совы. Напротивъ, истины по благу — свѣтъ, и духовно отвѣчаютъ свѣту, см. нн. 126—134; посему, живущіе въ истинѣ по благу, видятъ все, и глаза ихъ отверзты, вѣрно различая, что̀ свѣтъ, что тма. Во всемъ этомъ мнѣ дано было убѣдиться опытомъ. Ангелы небесные видятъ и слышатъ въ себѣ всякое зло и ложь, если въ нихъ что либо такое, временемъ, возникаетъ; видятъ также зло и ложь, въ коихъ живутъ духи, въ мірѣ духовъ, пріобщенные къ преисподней: но сами духи эти не могутъ видѣть своего зла и лжи; они вовсе не понимаютъ, что значитъ благо небесной любви, что̀ совѣсть, что прямота и правда, если не извращать все это въ свою пользу; не понимаютъ, что значитъ быть руководиму Гос-

подомъ, а отвергаютъ все это, какъ небылицу. Все это говорится, чтобы человѣкъ изслѣдовалъ самого себя, позналъ бы изъ наслажденій своихъ, свою господствующую любовь, а по ней, на сколько съумѣетъ примѣнить къ сему науку соотвѣтствій, позналъ бы состояніе свое по смерти.

488. Хотя изъ науки соотвѣтствій и можно видѣть, какимъ образомъ, утѣхи жизни каждаго превращаются, по смерти, въ соотвѣтствія свои, но какъ и самая наука эта доселѣ въ безгласности, то я объясню это нѣсколькими примѣрами. Всѣ живущіе во злѣ и утвердившіеся во лжи, противъ истинъ церкви, въ особенности же отвергающіе Слово, бѣгаютъ небеснаго свѣта, прячутся и скрываются въ пещерахъ съ мрачными выходами, и въ щеляхъ скалъ, потому что любили ложь и ненавидѣли истину; такія пещеры и разсѣлины, какъ и самые потемки отвѣчаютъ лжи, а свѣтъ — истинѣ: утѣха этихъ духовъ состоитъ въ томъ, чтобы жить въ такихъ мѣстахъ, имъ противно и несносно жить въ открытомъ полѣ. Точно также поступаютъ тѣ, коихъ усладою было, скрытно ставить сѣти и строить втайнѣ козни; эти духи также живутъ въ норахъ и пещерахъ, и при томъ до того темныхъ, что они другъ друга не видятъ, а сходясь по угламъ, другъ другу нашептываютъ въ уши: вотъ въ какое состояніе обращается утѣха любви ихъ. Кто прилежно изучалъ науки, но съ одной только цѣлью, чтобы прослыть ученымъ, а потому и не образовалъ этимъ путемъ разума своего, и наслаждался тщеславно общирностію свѣденій памяти своей, тотъ любитъ мѣста печальныя и избираетъ ихъ гораздо

охотнѣе, чѣмъ тучныя поля и сады; пески отвѣчаютъ такой безплодной учености. Изучавшіе догматы церковные, своего и другихъ исповѣданій, но не прилагавшіе ихъ къ жизни, избираютъ мѣста каменистыя, заваленныя булыжникомъ, а мѣстъ обработанныхъ и плодородныхъ бѣгаютъ, ненавидя ихъ. Кто признавалъ во всемъ только природу, а не Творца, или кто все приписывалъ своему разуму, притомъ различными уловками достигъ почестей и богатствъ, тотъ предается, въ будущей жизни, злоупотребленію Божественнаго порядка, чародѣйству, и въ этомъ находитъ высшую утѣху жизни. Кто Божескія истины искажалъ, прилагая ихъ къ страстямъ (affectio) своимъ, тотъ любитъ мѣста упитанныя животною мочою, потому что она отвѣчаетъ утѣхамъ такой любви. Грязно скупые, скряги, живутъ въ погребахъ или подвалахъ, среди свинаго помету и зловоній отъ дурнаго пищеваренія. Жившіе въ однихъ плотскихъ наслажденіяхъ, въ роскошѣ и нѣгѣ, обжоры и сластоѣдцы, угождавшіе желудку своему, полагая въ этомъ высшее наслажденіе, любятъ въ той жизни пометъ и калъ, равно мѣста накопленія его; это обращается въ усладу ихъ потому, что такое наслажденіе есть духовная нечистота: такіе духи избѣгаютъ мѣста опрятныя, не загаженныя нечистотами, потому что они имъ непріятны. Кто искалъ и находилъ утѣху свою въ развратѣ (adulterio), живетъ и тамъ въ такихъ же домахъ, гдѣ все грязно, гадко и омерзительно; такія жилища по нихъ, а отъ семей или домовъ нравственныхъ они бѣгаютъ, даже обмираютъ приближаясь къ нимъ, почитая первымъ наслажденіемъ жизни растраивать

супружества. Кто страстно предавался мести и чрезъ это сталъ лютъ и жестокъ, тотъ любитъ близость падали и труповъ, и живетъ въ такихъ преисподняхъ, и т. д.

489. Напротивъ, утѣха людей, жившихъ въ любви небесной, обращается въ небесныя соотвѣтствія, происходящія отъ небеснаго солнца и свѣта его; а этотъ свѣтъ представляетъ зрѣнію такія предметы, кои внутренно исполнены Божественнаго начала. Происходящія отъ сего явленія, поражаютъ внутренность духа ангеловъ и, въ тоже время, внѣшность или тѣлесныя чувства ихъ; а какъ Божескій свѣтъ или Божественная истина, отъ Господа исходящая, вліяетъ на духъ ихъ, отверстый небесной любовью, то и во внѣшности проявляется все то, что отвѣчаетъ любви ихъ. Выше было показано, что все видимое, на небесахъ, соотвѣтствуетъ внутреннему состоянію ангеловъ, вѣрѣ и любви ихъ, а стало быть и разуму и мудрости, см. нн. 170—176 о изображеніяхъ и видимостяхъ на небесахъ, и см. нн. 265—275 о мудрости небесныхъ ангеловъ. Начавъ подкрѣплять доводы эти примѣрами опыта, для лучшаго объясненія истинъ, излагаемыхъ на основаніи однихъ отвлеченныхъ началъ, сдѣлаю и здѣсь тоже, и скажу нѣсколько словъ о тѣхъ небесныхъ усладахъ или радостяхъ, въ кои превращаются утѣхи природныя, земныя, для людей жившихъ здѣсь въ небесной любви. Кто любилъ Божескія истины и Слово внутреннимъ влеченіемъ, или по одной любви къ истинѣ и ради ея, тотъ, въ томъ мірѣ, живетъ среди яркаго свѣта, въ мѣстахъ возвышенныхъ, какъ бы на горахъ, подъ

вѣчнымъ сіяніемъ небеснаго свѣта, не зная вовсе нашихъ потемокъ или ночнаго мрака. У нихъ и вѣчная весна, и имъ вокругъ представляются нивы, жатвы, виноградники; въ жилищахъ ихъ каждая вещь блеститъ и сіяетъ, какъ цѣнныя каменья; окна сквозятъ, какъ хрусталь. Таковы утѣхи зрѣнія ихъ, но онѣ внутренно превращаются въ усладу духовную, по соотвѣтствію съ Божественно-небесными предметами; чтимыя и любимыя истины Слова, отвѣчаютъ жатвеннымъ нивамъ, виноградникамъ, цѣннымъ каменьямъ, окнамъ и хрусталю. Далѣе, тѣ, кои ученіе церкви по Слову, тотчасъ прилагали къ дѣлу, поступаютъ въ самыя внутреннія небеса или тайникъ небесный (intimo coelo), и болѣе другихъ пребываютъ въ усладѣ мудрости: во всѣхъ предметахъ они видятъ Божественное начало; они видятъ и самые предметы, но въ тоже время, соотвѣтствующія имъ Божескія начала, вліяютъ на духъ ихъ, и наполняютъ его блаженствомъ, поражающимъ всѣ чувства ихъ, почему, въ глазахъ ихъ, все будто улыбается, играетъ и живетъ (см. н. 270). Кто любилъ науки и чрезъ нихъ воздѣлывалъ умственныя способности свои, обогащая такимъ образомъ разумъ свой, и притомъ признавая Божественное начало, у того наслажденіе наукою и утѣха разумомъ, на томъ свѣтѣ, превращаются въ усладу духовную, въ познаніе благъ и истинъ: такіе духи живутъ въ садахъ, гдѣ цвѣтники и луга красиво распредѣлены и окружены рядами деревъ, образующихъ крытыя ходы и гульбища; деревья и цвѣты ежедневно измѣняются; видъ всего этого служитъ утѣхою для духа вообще, а разнообразіе въ

частностяхъ, безпрестанно обновляетъ это удовольствіе. Какъ всѣ явленія эти отвѣчаютъ началамъ Божественнымъ, а любующіеся ими обладаютъ наукою соотвѣтствій, то они и наживаютъ всегда новыя познанія, чѣмъ совершенствуется духовный разсудокъ ихъ; всѣ радости и утѣхи эти даются имъ потому, что сады, цвѣтники, лужайки, клумбы и деревья, отвѣчаютъ наукѣ и познаніямъ, а затѣмъ и разумѣнію. Кто, по убѣжденію, все относилъ къ Божеству, а природу, сравнительно, почиталъ мертвою и только орудіемъ для достиженія духовныхъ цѣлей, тотъ пребываетъ въ свѣтѣ небесномъ, и все видимое имъ, при этомъ свѣтѣ, сквозитъ: въ этомъ блескѣ видятся всѣ цвѣта и оттѣнки свѣта, и съ усладою немедленно поглащаются внутреннимъ зрѣніемъ наблюдателей; вся домашняя утварь ихъ, какъ бы алмазная, и разливаетъ такой же свѣтъ; мнѣ сказано, что и стѣны палатъ ихъ будто хрустальныя, свѣтлыя и прозрачныя, а внутри ихъ являются, какъ бы текущіе, представительные образы небесныхъ предметовъ, въ безконечномъ разнообразіи. Все это основано на томъ, что прозрачный блескъ отвѣчаетъ просвѣщенному отъ Господа разуму, съ устраненіемъ всякой тѣни отъ природной вѣры и любви къ природному. За симъ понятно, почему говорилось о посѣтившихъ небеса, что они видѣли никѣмъ не виданное, слышали (по данному имъ постиженію Божественности явленій сихъ) то, что дотолѣ ничье ухо не слыхивало. Кто ничего не дѣлалъ скрытно, а всегда желалъ, чтобы всѣ помыслы его были гласны, на сколько жизнь гражданская это допускаетъ, тотъ, за то что мыслилъ

по Божески, объ одномъ прямомъ и правомъ, является на небесахъ съ лицемъ сіяющимъ отъ свѣта, и въ лицѣ его свѣтъ этотъ являетъ всѣ чувства и мысли, такъ сказать во образѣ; въ рѣчахъ же и дѣйствіяхъ своихъ, люди эти, какъ бы сами являются образами любви и чувствъ своихъ: такихъ людей любятъ тамъ болѣе прочихъ. Во время рѣчи ихъ, лице ихъ нѣсколько помрачается, но за то послѣ, все что было высказано ими, является на лицѣ ихъ въ полной ясности своей. Все, что окружаетъ такихъ духовъ, отвѣчаетъ состоянію внутреннихъ началъ ихъ, и является въ такомъ видѣ, что всякій ясно постигаетъ значеніе и знаменаваніе сихъ предметовъ. Духи, кои въ жизни любили дѣйствовать скрытно, бѣгаютъ отъ первыхъ, едва завидя ихъ, и кажутся будто уползаютъ отъ нихъ какъ змѣи. Кто считалъ развратъ (adulterium) скверностью и жилъ въ непорочномъ супружествѣ, преимущественно предъ прочими, обрѣтается въ порядкѣ и въ образѣ небесъ, а потому и въ полной красотѣ и вѣчно юношескомъ возрастѣ. Наслажденія любви его невыразимы и растутъ во вѣки вѣковъ: въ эту любовь вліяютъ всѣ услады и утѣхи небесъ, ибо она исходитъ изъ союза Господа съ небесами и церковью, и вообще изъ союза благъ и истинъ; союзъ же этотъ образуетъ небеса, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частности, въ каждомъ ангелѣ, нн. 366—386. Внѣшнія наслажденія подобныхъ духовъ таковы, что ихъ словами описать невозможно. Вотъ, для примѣра, немногое о соотвѣтствіи наслажденія духовъ, живущихъ въ небесной любви.

490. Изъ этого видно, что услада или утѣха вся-

каго, по смерти, обращается въ соотвѣтствіе свое, а самая любовь остается во вѣки, какъ, на примѣръ, любовь супружеская, любовь къ правдѣ, къ прямотѣ, къ благу, къ истинѣ, любовь къ наукамъ и знаніямъ, къ разуму и мудрости, и проч. Изъ такой любви истекаютъ, какъ ручьи изъ своего источника, услады или утѣхи, которыя также остаются при человѣкѣ, но растутъ и возвышаются до высшей степени, переходя изъ наслажденій природныхъ въ духовныя.

О первомъ состояніи человѣка по смерти.

491. До перехода въ небеса или преисподнюю, человѣкъ по смерти своей, долженъ пройти черезъ три состоянія: первое, состояніе внѣшности его, или внѣшнее; второе, состояніе внутренности его, или внутреннее; третье, пріуготовительное; эти три состоянія человѣкъ проходитъ въ мірѣ духовъ. Иные впрочемъ, не проходятъ чрезъ эти состоянія, а прямо, либо восходятъ въ небеса, либо нисходятъ въ адъ. Прямо въ небеса восходятъ духи возрожденные, приготовившіеся къ небесамъ еще на землѣ; кто до того возродился и пріуготовился, что нуждается только въ откинутіи, вмѣстѣ съ тѣломъ, природной грязи, тотъ прямо ангелами возносится въ небеса: я видѣлъ, вознесенныхъ на небеса, часъ спустя по смерти ихъ. Люди внутренно коварные, а внѣшне добрые, для одного вида, т. е. питавшіе злобу свою лукавствомъ, и надѣвавшіе для сего личину добродушія, какъ средство обмана, тотчасъ по смерти бросаются въ преис-

поднюю. Я видѣлъ такихъ людей, низринутыхъ тотчасъ по смерти въ адъ, и между прочимъ одного самаго коварнаго и лукаваго, летѣвшаго туда стремглавъ; другіе падали иначе, смотря по состоянію. Иные тотчасъ заключаются въ пещеры и этимъ отдѣляются отъ міра духовъ; они попеременно выпускаются оттуда и снова ввергаются въ заключеніе. Это тѣ люди, которые злобно преслѣдовали другихъ подъ гражданскими предлогами. Но вообще, весьма немногіе идутъ, подобно этимъ, прямо въ путь, а большая часть духовъ удерживаются въ мірѣ духовъ, и тамъ, по законамъ Божественнаго порядка, пріуготовляются для небесъ или для ада.

492. Въ первое состояніе, т. е. внѣшности, человѣкъ вступаетъ тотчасъ по смерти своей. У каждаго человѣка относительно духа своего, есть внѣшность и внутренность; внѣшностью духа человѣкъ приспособляетъ здѣсь тѣло свое, особенно лице, рѣчь и тѣлодвиженія, къ общественной жизни; внутренность же духа его состоитъ изъ того, что собственно принадлежитъ воли и помысламъ его, и что рѣдко изобличается лицемъ, рѣчью и движеніями тѣла, потому что человѣкъ привыкаетъ съ измала выказывать пріязнь, радушіе и откровенность, а помыслы воли своей, таить: такимъ образомъ всякій, по привычки, ведетъ жизнь нравственную и гражданскую во внѣшности, каковъ бы онъ ни былъ по внутреннимъ началамъ. По сей привычкѣ, человѣкъ самъ едва ли когда знаетъ о своихъ внутреннихъ началахъ, и даже рѣдко о нихъ заботится.

493. Первое состояніе по смерти весьма близко

къ мірскому, потому что человѣкъ остается во внѣшности своей, и даже похожъ на себя лицемъ, рѣчью и нравомъ (animus), а стало быть и нравственною и гражданскою жизнію; посему онъ и полагаетъ, что все еще продолжаетъ ту же мірскую жизнь, если только не обратитъ должнаго вниманія на все встрѣчаемое, и на внушенія ангеловъ, сказавшихъ ему, при возстаніи его, что онъ теперь духъ (н. 450.) Такимъ образомъ одна жизнь продолжается въ другой, и смерть служитъ только переходомъ.

494. По всему этому, прибывшаго со здѣшняго міра новичка, друзья его и вообще, бывшіе знакомые, тотчасъ узнаютъ его, не только по лицу и по рѣчи, но и по жизненной сферѣ его, когда они къ ней приближаются. Если на томъ свѣтѣ, кто либо думаетъ о другомъ, то представляетъ себѣ мысленно наружность его, а съ тѣмъ вмѣстѣ и разныя обстоятельства его жизни; отъ этого, мысленно призываемый является на лице, какъ бы привлеченный. Таковъ порядокъ въ духовномъ мірѣ, потому что тамъ сообщаются мысленно, а разстояній, въ смыслѣ природнаго міра, нѣтъ (нн. 191—199.) Посему, всѣ вновь прибывающіе на тотъ свѣтъ или въ ту жизнь, узнаются друзьями, родными и знакомыми, бесѣдуютъ съ ними, и дружатся снова, по мірской пріязни. Я много разъ видѣлъ и слышалъ радость вновь прибывшихъ, нашедшихъ тамъ старыхъ друзей своихъ, равно и удовольствіе послѣднихъ, при этой встрѣчи. Супруги всегда отыскиваютъ другъ друга и радуются свиданію; они даже остаются въ сожительствѣ, болѣе долгое или короткое время, смотря по удовольствію сожительства

въ міру: если же они не были соединены истинною супружескою любовью, т. е. союзомъ духовнымъ по небесной любви, то вскорѣ опять расходятся; а если супруги, по духу, были вовсе разнородны, и внутренно противны другъ другу, то между ними возникаетъ открытая вражда и нерѣдко драка; при всемъ томъ, они не разлучаются до вступленія во второе состояніе, о чемъ вслѣдъ за симъ говорится.

495. И такъ, жизнь вновь прибывшихъ духовъ мало разнится отъ жизни въ міру; они, при томъ, ничего почти не знаютъ о посмертной жизни своей; равно нѣтъ у нихъ правильнаго понятія о небесахъ и преисподней, кромѣ того развѣ, что могли заключить изъ буквальнаго смысла Слова, и изъ проповѣдей на этомъ же смыслѣ основанныхъ: посему они, надивившись, что видятъ себя и тамъ въ тѣлесномъ образѣ, и со всѣми чувствами, съ какими жили на землѣ, что даже видятъ подобные предметы, — выражаютъ желаніе узнать, что такое небо и адъ, и гдѣ они. Друзья наставляютъ ихъ о бытѣ вѣчной жизни, и водятъ ихъ по разнымъ мѣстамъ и въ различныя общества, иногда по городамъ, по садамъ и райскимъ насажденіямъ, показывая имъ великолѣпныя зрѣлища, услаждающія внѣшность, въ коей духи эти пребываютъ; за симъ, они попремѣнно впадаютъ въ прежнія, земныя мысли свои о состояніи души по смерти, о небесахъ и адѣ, и напослѣдокъ, изъявляютъ негодованіе, что ничего объ этомъ не знали, и что даже самая церковь этого не знаетъ. Всѣ почти жаждутъ провѣдать, попадутъ ли они въ небеса: многіе надѣются, что должны попасть, потому что жили въ свѣ-

тѣ по нравственнымъ и гражданскимъ законамъ, не размысливъ, что злые и добрые иногда живутъ въ свѣтѣ, по внѣшности, одинаково; они равно дѣлаютъ другимъ добро, посѣщаютъ храмы, слушаютъ проповѣди, молятся; но не вѣдаютъ, что внѣшнія дѣйствія и внѣшнее богопочитаніе по себѣ, вовсе ничтожны, а важно состояніе внутреннихъ началъ, изъ коихъ внѣшнее истекаетъ. Изъ числа многихъ тысячъ, едва ли одинъ знаетъ, что такое внутреннія начала человѣка, и что въ нихъ заключаются небеса и церковь: они еще менѣе того понимаютъ, что внѣшнія дѣла таковы, каковы намѣренія и помышленія, кои зависятъ отъ любви и вѣры; даже, при наставленіи, они не понимаютъ, чтобы помыслы и хотѣнія, что нибудь значили, а сущностію считаютъ то, что говорится и дѣлается. Такова большая часть людей, приходящихъ нынѣ на тотъ свѣтъ изъ Христіанскаго міра.

496. Добрые духи дѣлаютъ дознаніе надъ новичками, каковы они, на что есть разные способы; потому что въ этомъ первомъ состояніи, злые одинаково съ добрыми произносятъ истины и дѣлаютъ добро, какъ объяснено было выше, — потому, т. е., что они, равно съ прочими, жили во внѣшней нравственности, подчиняясь общему порядку и законамъ, чѣмъ старались заслужить славу людей правдивыхъ и правосудныхъ: лицемѣріе даровало имъ почести и богатства. Но злые духи узнаются особенно тѣмъ, что жадно прислушиваются ко всякой бесѣдѣ о внѣшности, а о внутреннихъ началахъ человѣка, т. е. объ истинахъ и благахъ церкви и небесъ, хотя и слуша-

ютъ, но безъ вниманія и удовольствія; другой признакъ: они часто обращаются къ извѣстной странѣ свѣта (по соотвѣтствію) и, покинутые одни, идутъ по этимъ направленіямъ. То и другое обращеніе къ извѣстной странѣ лицемъ, и шествіе по ведущимъ туда путямъ, обнаруживаетъ господствующую любовь.

497. Всѣ прибывающіе изъ міра духи, связаны уже съ какимъ либо обществомъ небесъ или ада, но связаны по внутреннимъ началамъ, а внутреннія начала человѣка закрыты, доколѣ онъ самъ во внѣшности: наружность прикрываетъ и скрываетъ внутренность, особенно у живущихъ во внутреннемъ злѣ; но въ послѣдствіи, во второмъ состояніи духа, внутренность становится явною, потому что открывается, а внѣшность напротивъ усыпляется.

498. Это первое состояніе человѣка, по смерти, длится для иныхъ по нѣскольку дней, для другихъ по мѣсяцамъ, или даже цѣлый годъ, но уже рѣдко далѣе одного года. Разница эта у каждаго зависитъ отъ степени однородства внутренности его съ внѣшностію. Внѣшность и внутренность каждаго должны совпадать и составлять одно, почему никому и не дозволено въ мірѣ духовъ мыслить и хотѣть одно, а говорить и дѣлать другое: тамъ каждый долженъ быть образомъ любви или чувствъ своихъ, а потому и одинаковъ по внутреннимъ началамъ своимъ, и по внѣшности; вслѣдствіе этого, внѣшность духа напередъ всего разоблачается и приводится въ должный порядокъ, чтобы служить внутреннимъ началамъ соотвѣтствующимъ средствомъ или основою (plano) дѣйствія.

О второмъ состояніи человѣка по смерти.

499. Второе состояніе человѣка по смерти именуется состояніемъ внутреннихъ началъ, или внутреннимъ, потому что онъ переходитъ тогда во внутренній или духовный бытъ свой, въ жизнь по волѣ и помысламъ, а внѣшность въ коей пребываетъ онъ, впродолженіи перваго состоянія, усыпляется. Всякій, кто обратитъ вниманіе на жизнь человѣка, на рѣчи и дѣла его, убѣдится, что во всякомъ человѣкѣ есть внѣшность и внутренность, или внѣшнія и внутреннія цѣли и помысли; это видно изъ слѣдующаго: въ гражданской жизни всякій думаетъ о другомъ, судя по тому, что слышалъ и зналъ объ немъ по слухамъ или въ бесѣдахъ; но никто не станетъ высказывать ему въ лице такого рода убѣжденія свои, а обращается съ нимъ вѣжливо и прилично, какъ бы дурно объ немъ ни думалъ. Такъ въ особенности поступаютъ лицемѣры и льстецы, которые говорятъ и дѣлаютъ совсѣмъ не то, что думаютъ и чего хотятъ; также ханжи, бесѣдующіе о Богѣ, о небесахъ, о спасеніи души, объ истинахъ церкви, о благѣ отечества и о ближнемъ, какъ бы по вѣрѣ и по любви, между тѣмъ какъ они сердцемъ вѣруютъ совсѣмъ въ иное, и любятъ только себя самихъ. Изъ этого слѣдуетъ, что мысли бываютъ двояки, внѣшнія и внутреннія; что согласно первымъ люди говорятъ одно, а согласно вторымъ чувствуютъ совсѣмъ иное; тѣ и другія мысли раздѣльны, и человѣкъ остерегается, чтобы внутренняя мысль его не перешла во внѣшнюю, и

какъ нибудь не обнаружилась. Человѣкъ созданъ такъ, чтобы внутреннія помышленія его, по соотвѣтствію, составляли одно и тоже со внѣшними; они и составляютъ одно, у людей живущихъ въ добрѣ, потому что они помышляютъ и говорятъ только о добрѣ: но у людей живущихъ во злѣ, внутреннія помыслы разнятся отъ внѣшнихъ, потому что такіе люди помышляютъ о злѣ, а говорятъ о добрѣ; у нихъ порядокъ извращенъ, добро снаружи, а зло внутри, — почему зло и господствуетъ надъ добромъ, подчиняя его себѣ какъ раба, который служитъ ему только средствомъ для извѣстныхъ цѣлей, согласно любви его. При такой цѣли добра на словахъ и на дѣлѣ, ясно, что добро, въ людяхъ этихъ, вовсе не есть добро, потому что оно заражено зломъ, хотя по внѣшности своей и въ глазахъ людей, не знающихъ внутреннихъ побужденій, оно и принимаетъ видъ добра. Иное дѣло, если человѣкъ самъ живетъ въ добрѣ: тутъ порядокъ не извращенъ; добро течетъ изъ внутреннихъ помысловъ во внѣшнія, и такимъ образомъ переходитъ въ рѣчи и дѣла. Для этого порядка человѣкъ созданъ: тогда внутреннія начала духа его пребываютъ въ небесахъ и въ небесномъ свѣтѣ; а какъ небесный свѣтъ есть Божеская истина, исходящая отъ Господа, или есть самъ Господь въ небесахъ (нн. 126—140), то такіе люди руководятся Господомъ. Все это сказано здѣсь для объясненія, что у человѣка есть мысли двухъ родовъ: внутреннія и внѣшнія, что тѣ и другія между собою различны. Подъ мыслями здѣсь разумѣется также воля, изъ которой помыслы исходятъ, потому что никто не можетъ размышлять безъ уча-

стія воли своей. Ясно за симъ, что понимается подъ состояніями человѣка внѣшнимъ и внутреннимъ.

500. Когда говорится о волѣ и помыслахъ, то подъ волею разумѣются также чувства и любовь, а затѣмъ и всякая утѣха и наслажденіе сихъ чувствъ и любви, ибо они относятся къ волѣ, какъ къ своему подлежащему: чего человѣкъ хочетъ, то, стало быть и любитъ, то считаетъ утѣхою и усладою своёю; и на оборотъ, что человѣкъ любитъ, чѣмъ тѣшится и услаждается, того и хочетъ. Мыслями, въ этомъ случаѣ, называется все то, чѣмъ человѣкъ оправдываетъ и утверждаетъ чувства свои, или любовь свою; мысль есть не иное что, какъ видъ или образъ воли, или наружное проявленіе ея. Образъ этотъ устанавливается различными пріемами (анализисами) разсудка, происходящими изъ духовнаго міра, и свойственными духу человѣка.

501. Надо знать, что человѣкъ вполнѣ таковъ, каковы внутреннія начала его, а не таковъ, какова внѣшность его, отдѣльно отъ внутреннихъ началъ; потому что внутреннія начала человѣка — духъ его, а жизнь человѣка, жизнь этого духа, которымъ живетъ и тѣло; посему человѣкъ и остается на вѣки такимъ, каковы внутреннія начала его: внѣшность же, какъ принадлежащая тѣлу, по смерти отпадаетъ, а часть ея, прилипающая къ духу, усыпляется, служа только какъ бы основою для внутреннихъ началъ, какъ объяснено было выше въ главѣ о памяти, остающейся по смерти. Изъ этого слѣдуетъ, что̀ именно составляетъ собь человѣка, и что̀ затѣмъ не есть собь его: т. е. у дурныхъ людей, всѣ внѣшніе помыслы,

какъ они сказываются въ рѣчахъ, и внѣшняя воля, какова она въ поступкахъ, не составляютъ соби ихъ, но тò, чтò принадлежитъ внутреннимъ мыслямъ и воли человѣка.

502. По минованіи перваго состоянія, о коемъ говорено выше, т. е. состоянія внѣшности, человѣкъ-духъ вступаетъ во второе, — въ состояніе внутреннихъ началъ своихъ или внутреннее, т. е. въ состояніе внутренней воли своей и помысловъ по ней, въ которомъ былъ и въ міру, когда мыслилъ самъ по себѣ, свободно, безъ всякаго стѣсненія. Въ состояніе это онъ впадаетъ безсознательно, не замѣчая того, какъ бывало и въ міру, когда сосредоточивъ внутрь внѣшніе помыслы, на коихъ основана рѣчь, онъ пребывалъ въ однихъ внутреннихъ помышленіяхъ. Впадая въ такое состояніе, человѣкъ-духъ пребываетъ въ себѣ и въ самой жизни своей, ибо свободное мышленіе по своимъ чувствамъ, есть собственно жизнь человѣка, есть самъ человѣкъ.

503. Въ этомъ состояніи духъ мыслитъ вполнѣ согласно съ волею своею, а стало быть и по чувствамъ или по любви своей, и потому помыслы его и воля сливаются въ одно; и до такой степени въ одно, что въ немъ почти не замѣтно мыслей, а видно только, что онъ желаетъ или хочетъ. Тоже дѣлается, если онъ говоритъ, съ тою разницею, что тутъ замѣтно какое то опасеніе, какъ бы не проговориться, не обнаружить помысловъ воли; потому что эта осторожность, по привычки въ мірской, гражданской жизни, также вошла въ хотѣніе или волю его.

504. Въ состояніе это приводятся всѣ безъ

изъятія люди, по смерти своей, потому что оно свойственно духу ихъ; первое же состояніе есть бытъ духа человѣка въ общежитіи, а потому и не есть настоящее, собственное состояніе его. Что это первое, по смерти, или внѣшнее состояніе человѣка, о коемъ говорено было выше, не есть настоящее, собственное состояніе его, ясно, по многимъ доводамъ: а именно: духъ не только мыслитъ, но и говоритъ по чувствамъ своимъ, ибо самая рѣчь вытекаетъ изъ сихъ послѣднихъ, какъ объяснено въ главѣ о рѣчи ангеловъ, (нн. 234—245). Человѣкъ, въ міру, мыслилъ точно тѣмъ же порядкомъ, когда входилъ въ себя; онъ тогда не размыщлялъ помощью тѣлесной рѣчи, а просто, будто видѣлъ все передъ собою, и притомъ видѣлъ въ теченіи одной минуты гораздо болѣе, чѣмъ могъ бы разсказать въ полчаса. Что внѣшнее состояніе не есть собственное состояніе человѣка или духа его, явствуетъ также изъ того, что будучи здѣсь въ обществѣ, человѣкъ бесѣдуетъ по правиламъ жизни нравственной и гражданской; причемъ внутреннее мышленіе управляетъ внѣшнимъ, какъ иногда человѣкъ управляетъ человѣкомъ, наблюдая, чтобы всѣ условія вѣжливости и приличія были соблюдены. Это ясно еще изъ того, что человѣкъ размышляя въ себѣ самомъ, обсуживаетъ какъ ему говорить и поступать, чтобъ нравиться, войти въ дружбу, или въ расположеніе и милость другаго; для сего онъ придумываетъ чуждыя ему самому средства и, стало быть, дѣйствуетъ противно внутренней, собственной волѣ своей. Ясно послѣ этого, что состояніе внутреннее, въ которое ставится духъ, есть собственное

состоянiе его, а слѣдовательно и подлинное, собственное состоянiе человѣка, поколѣ онъ жилъ въ мiру.

505. Если духъ находится во внутреннемъ состоянiи своемъ, то онъ для всѣхъ открыто является такимъ, какимъ человѣкъ былъ въ мiру, потому что дѣйствуетъ уже по внутренней волѣ или по соби своей. Кто былъ добръ, по внутреннимъ началамъ своимъ, тотъ дѣйствуетъ разумно и мудро, даже разумнѣе, чѣмъ на землѣ, потому что отрѣшенъ отъ плотскихъ вещей и вообще отъ всего земнаго, помрачавшаго видѣнiе, какъ бы облакомъ. Бывшiй во злѣ дѣйствуетъ, напротивъ, глупо и безумно, даже безумнѣе, чѣмъ на землѣ, потому что волѣ его данъ полный просторъ, ничѣмъ не стѣсняемый: въ мiру, такой человѣкъ былъ здравъ умомъ во внѣшности, и этимъ средствомъ могъ принимать личину разумнаго человѣка; но коль скоро внѣшность эта отнята, то безумiе обнаруживается. Злой, притворно принимающiй внѣшность добраго человѣка, подобенъ сосуду снаружи гладкому и блестящему, между тѣмъ какъ въ немъ, подъ крышкою, собраны всякаго рода нечистоты; къ нему примѣняются слова Господа: *Подобитеся гробамъ повапленымъ, иже внѣуду убо являются красны, внутрьуду же полны суть костей мертвыхъ и всякой нечистоты.* Матѳ. XXIII. 27.

506. Всѣ жившiе на землѣ въ добрѣ и по совѣсти, а стало быть, признававшiе Божественное начало и любившiе Божескiя истины, а въ особенности, прилагавшiе ихъ къ дѣлу, — будучи приведены въ состоянiе внутреннихъ началъ своихъ, какъ бы внѣзапно пробуждаются отъ сна, или будто выходятъ изъ подъ

тѣни на солнце; ибо они тогда мыслятъ при помощи небеснаго свѣта, слѣдовательно, по внутренней мудрости, и поступаютъ по благу, слѣдовательно, по внутреннему чувству своему: небесное начало вліяетъ на помыслы и хотѣніе ихъ, и сообщая ихъ съ ангелами небесными, разливаетъ внутри ихъ усладу и блаженство, котораго они доселѣ не знавали. Они тогда признаютъ Господа и чтутъ его самою жизнію своею, потому что перейдя во внутреннее состояніе, они живутъ настоящею, свойственною имъ жизнію (см. н. 505); они признаютъ и чтутъ Господа, по свободной волѣ своей, потому что свобода принадлежитъ внутреннему чувству. Такимъ образомъ, они удаляются отъ благочестія внѣшняго и обращаются къ благочестію внутреннему, въ коемъ и состоитъ истинное богопочитаніе. Таково состояніе Христіанъ, жившихъ по закону Слова; но противно сему, состояніе тѣхъ, кои жили на землѣ во злѣ, и у коихъ не было совѣсти, вслѣдствіе чего они отрицали все Божественное: ибо всѣ, живущіе во злѣ, внутренно отрицаютъ Божественное начало, хотя внѣшне и думаютъ, что не отрицаютъ, а признаютъ его; но признавать Божество и жить во злѣ, одно другому противоположно. Такіе люди, войдя, на томъ свѣтѣ, въ состояніе внутреннихъ началъ своихъ, по рѣчамъ и поступкамъ своимъ, со стороны, кажутся помѣшанными; потому что дурныя наклонности вовлекаютъ ихъ въ преступленія, ведутъ къ презрѣнію другихъ, къ обидамъ, поношеніямъ, ненависти, мести: они вымышляютъ коварства, иногда съ такимъ лукавствомъ и злобою, что съ трудомъ вѣрится, какая злонамѣренность можетъ

скрываться въ человѣкѣ. Они тогда находятся въ состояніи полной свободы дѣйствій, по помысламъ воли своей, потому что отрѣшены отъ внѣшности, которая неволила и обуздовала ихъ въ міру; словомъ, хотя они считали себя умнѣе и мудрѣе всякаго, тѣмъ не менѣе они лишены разсудка, потому что, въ земной ихъ жизни, разсудокъ пребывалъ не во внутреннихъ началахъ ихъ, о въ одной только внѣшности. По симъ причинамъ, такіе духи, изъ втораго состоянія своего приводятся, попеременно и на короткое время, сново въ первое состояніе или въ бытъ внѣшній, и съ тѣмъ вмѣстѣ, въ памяти ихъ, повторяются предшествовавшія рѣчи ихъ и поступки: иные стыдятся и сознаются, что безумствовали; другіе не знаютъ никакого стыда; еще иные негодуютъ, что имъ нельзя оставаться на всегда въ состояніи внѣшности (какъ въ міру). Но симъ послѣднимъ объясняется, чѣмъ бы они наконецъ сдѣлались, еслибы постоянно пребывали въ этомъ состояніи: а именно: что они бы продолжали скрытно строить козни свои и совращать простыхъ сердцемъ и вѣрою, принимая обманчивую личину блага, прямоты и правды; а затѣмъ погубили бы цѣликомъ и самихъ себя, потому что внѣшность ихъ, наконецъ, воспламенилась бы такимъ же огнемъ, какъ и внутреннія начала, что и уничтожило бы всю ихъ жизнь.

507. Когда духи пребываютъ въ этомъ второмъ посмертномъ состояніи, то являются точно такими, какими были по внутреннимъ началамъ своимъ, въ міру, оглашая сверхъ того все, что скрытно дѣлали и говорили, потому что они тогда, не стѣсняясь

внѣшнимъ, открыто говорятъ, и даже пытаются дѣлать тоже самое, не опасаясь огласки, какъ бывало на землѣ. Они, въ это время, также приводятся къ личнымъ состояніямъ зла своего, чтобы они явились ангеламъ и добрымъ духамъ въ истинномъ видѣ своемъ, каковы суть. Такимъ образомъ, скрытное становится явнымъ и тайное разоблачается, по словамъ Господа: *Ничто же бо сокровенно есть, еже не откроется, и тайно, еже не уразумѣется; занѣ елико во тмѣ рѣсте, во свѣтѣ услышатся; и еже во уху глаголасте во храмѣхъ, проповѣстся на кровѣхъ.* Лук. XII. 2. 3. *Глаголю же вамъ яко всяко слово праздное, еже аще рѣкутъ человѣцы, воздадятъ о немъ слово, въ день судный.* Матѳ. XII. 36.

508. Каковы дурные духи въ этомъ состояніи, нельзя разсказать вкратцѣ: всякій безумствуетъ по своему, по своимъ страстямъ, а ихъ много; поэтому я и намѣренъ упомянуть здѣсь только о нѣкоторыхъ особенностяхъ, изъ коихъ можно сдѣлать заключеніе о прочемъ. Любившіе сами себя паче всего, а въ службѣ и должностяхъ, гонявшіеся только за почестями, долгъ же свой исполнявшіе не ради долга, а на утѣху свою, ради славы, — чтобы прослыть болѣе достойными передъ прочими и наслаждаться славою почестей, — такіе духи, придя во второе состояніе, бываютъ глупѣе всѣхъ прочихъ; ибо на сколько кто самъ себя любитъ, на столько онъ удаляется отъ небесъ, а на сколько кто далекъ отъ небесъ, на столько же онъ далекъ отъ разума и мудрости. Если же къ себялюбію присоединялось еще коварство, а знатность достигалась происками, то такіе духи пріобщаются къ

самымъ дурнымъ, предаются чародѣйству, т. е. извращенію, и употребленію во зло Божественнаго порядка, и такими средствами мучатъ и томятъ всякаго, кто не хочетъ имъ подчиниться; они строятъ козни, предаются дѣламъ ненависти, сгараютъ нетерпѣніемъ мести, и жаждутъ свирѣпствовать противъ всякаго, кто имъ не поддается. Всему этому предаются они на столько, на сколько толпа злыхъ духовъ этому способствуетъ, и наконецъ замышляютъ, какъ бы взять имъ небеса приступомъ и разорить ихъ, либо поселясь тамъ, быть признанными за боговъ. Вотъ до какой степени доходитъ ихъ безуміе. Тѣ изъ людей этого разбора, которые принадлежали къ римско-католическому вѣроисповѣданію, безумнѣе всѣхъ прочихъ: они убѣждены, что небеса и адъ имъ подвластны, и что могутъ отпускать грѣхи по произволу; они присвоиваютъ себѣ все Божественное и называютъ себя Христомъ. Это убѣжденіе въ нихъ такъ сильно, что оно вліяніемъ своимъ поселяетъ безпокойство въ душѣ другихъ и помрачаетъ ее, даже до болѣзненнаго чувства. Эти духи почти одинаковы, въ обоихъ состояніяхъ, но во второмъ вовсе лишены разсудка. О безуміи ихъ и послѣдующей участи, говорится въ сочиненіи *о Послѣднемъ Судѣ и разоренномъ Вавилонѣ.* Кто мірозданіе приписываетъ природѣ и потому, если не словами, то сердцемъ отрицаетъ Божественное начало, а за симъ и все относящееся до небесъ и церкви, тотъ собираетъ себѣ подобныхъ въ одно толпище, которое изъ среды своей называетъ Богомъ всякаго, кто только лукавѣе прочихъ, воздавая ему, на самомъ дѣлѣ, Божескія почести. Я видѣлъ сборище такихъ

духовъ, обожавшихъ чародѣя, державшихъ совѣтъ о силахъ природы, и поступавшихъ при семъ до того безсмысленно, что походили на скотовъ во образѣ человѣка. Между ними были люди знатные, сановные и даже такіе, коихъ почитали въ міру учеными и мудрыми. Тому подобное бываетъ и съ другими. Изъ сихъ немногихъ примѣровъ можно заключить, каковы вообще тѣ, коихъ внутреннія начала духа закрыты къ небесамъ, что бываетъ у всякаго, кто признаніемъ Божества и жизнію въ вѣрѣ, не принялъ никакого небеснаго вліянія. Всякій можетъ разсудить самъ по себѣ, каковъ бы онъ былъ, еслибы при такихъ внутреннихъ качествахъ, ему можно было дѣлать что онъ хочетъ, не опасаясь, ни кары законовъ, ни самой смерти, ни какой любо внѣшней неволи, какъ то: боязни утратить добрую славу, лишиться почету, выгодъ, доходовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и наслажденій. При всемъ томъ, безуміе такихъ духовъ обуздывается Господомъ, чтобы оно не могло перейти за предѣлы должной службы или пользы, ибо даже и такіе духи несутъ службу на общую пользу, а именно: добрые духи видятъ въ нихъ, чтò такое зло, каково оно, и чтò выходитъ изъ человѣка, отказавшагося отъ руководства Господня. Служба или польза отъ нихъ еще и та, что они собираютъ всѣхъ себѣ подобныхъ въ одну толпу, отдѣляя ихъ отъ добрыхъ духовъ; также, что истины и блага, которыя дурными людьми притворно выказываемы были во внѣшности, отъ нихъ отбираются, а сами они остаются въ своемъ житейскомъ злѣ и во лжи этого зла, готовясь въ преисподнюю: ибо никто не заключается въ

адъ прежде, чѣмъ поставленъ будетъ въ житейское зло свое и въ отвѣчающую ему ложь, почему никому и не позволяется тамъ раздѣлять духъ свой, т. е. мыслить и говорить одно, а хотѣть другое. Тамъ всякій вынужденъ мыслить ложь, согласно злу своему, и говорить ложь, согласно злу этому; притомъ, то и другое по свободной волѣ, т. е. по собственной любви своей и согласно утѣхѣ или наслажденію ея, также точно какъ человѣкъ дѣлаетъ это духомъ своимъ на землѣ, когда помышляетъ въ себѣ по внутреннему влеченію: потому что воля человѣка есть самый человѣкъ, а мысль можетъ быть имъ, въ той только степени, въ какой она согласуется съ волею; воля есть и природа или нравъ человѣка. Посему, пребывать въ волѣ своей, значитъ быть въ своей природѣ, во нравѣ своемъ, и наконецъ въ жизни своей (по роду ея), — такъ какъ жизнь человѣка согласуется съ природою его, и по смерти, онъ пребываетъ такимъ, какой нравъ или природу онъ усвоилъ себѣ жизнію на землѣ; этого нрава, недобрый духъ уже не въ силахъ исправить или измѣнить, какъ на землѣ, путемъ размышленія или пониманія истины.

509. Находясь во второмъ состояніи, злые духи часто бываютъ подъ строгимъ наказаніемъ, потому что впадаютъ во всякаго рода зло или преступленіе. Кары эти въ мірѣ духовъ разнородны; на личность или званіе, при семъ, не обращается никакого вниманія: будь король, будь холопъ — все одно. Всякое зло неминуемо, вслѣдъ за собою, приноситъ и кару; то и другое связано нераздѣльно, а потому, кто во злѣ, тотъ и подъ наказаніемъ. Никто, однакожъ, не наказуется тамъ за

зло содѣянное здѣсь, а за преступленія, въ кои впадаетъ тамъ; но въ сущности все равно сказать, что тамъ караютъ за зло содѣянное въ міру, или наказуютъ за зло содѣянное въ той жизни, ибо всякій, по смерти, продолжаетъ жить на томъ свѣтѣ своею земною жизнію, и стало быть остается и во своемъ злѣ, во своихъ грѣхахъ: выше было объяснено, что человѣкъ и тамъ бываетъ таковъ, какимъ былъ въ тѣлесной жизни свой, нн. 470—484. Кара тамъ необходима потому, что въ этомъ состояніи, кромѣ страха наказаній, нѣтъ инаго средства для обузданія зла: убѣжденія и наставленія безсильны, страха законовъ и опасенія утраты доброй славы нѣтъ; ибо своеволіе, по природѣ своей, таково, что ничѣмъ не можетъ быть подавлено или сломано, кромѣ кары. Но добрые духи никогда не наказуются, если и дѣлали что либо дурное въ этой жизни, потому что они тамъ не впадаютъ снова во зло свое; мнѣ также дано было знать, что зло ихъ инаго рода или свойства: въ нихъ не было умыслу противъ истинъ, или закоснѣлости, а только наслѣдственное зло отъ родителей, которому они и предавались по слѣпой страсти, когда находились въ состояніи внѣшности, раздѣльной отъ внутреннихъ началъ.

510. Каждый присоединяется къ тому обществу, въ какомъ былъ духъ его, еще въ мірской жизни, ибо всякій человѣкъ по духу своему, связанъ съ какимъ либо обществомъ, адскимъ или небеснымъ: злой съ адскимъ, добрый съ небеснымъ, о чемъ говорится въ н. 438. Духъ сближается съ обществомъ своимъ постепенно, и наконецъ, входитъ въ него. Злой духъ,

будучи въ состояніи внутреннихъ началъ своихъ, постепенно обращается къ своему обществу, и наконецъ, направляется прямо туда, еще до окончанія этого (втораго или внутренняго) состоянія; при окончаніи же его, злой духъ самъ бросается въ преисподнюю, къ ровнямъ и товарищамъ своимъ. Самое дѣйствіе это представляется зрителю, будто кто падаетъ внизъ головою и вверхъ ногами. Видимость эта основана на томъ, что духъ этотъ находится въ превратномъ порядкѣ, любя адское и откидывая небесное. Иные злые духи, въ этомъ второмъ состояніи, поперемѣнно входятъ въ адъ и опять оттуда выходятъ; но въ этомъ случаѣ, они не кажутся падающими стремглавъ, какъ духи, надъ коими совершено опустошеніе (vastatio), о коихъ говорено выше. Самое общество въ коемъ они состояли по духу своему, еще будучи въ міру, показывается имъ, когда они бываютъ во внѣшности, чтобъ они знали, что находились въ аду, еще въ земной жизни своей, — въ состояніи однакожъ не вполнѣ адскомъ, но которое уподоблялось болѣе быту міра духовъ. Объ этомъ бытѣ, сравнительно съ адскимъ, будетъ говорено вслѣдъ за симъ.

511. Въ этомъ второмъ состояніи совершается отдѣленіе злыхъ духовъ отъ добрыхъ, тогда какъ въ первомъ состояніи, покуда духъ во внѣшнемъ быту своемъ, всѣ перемѣшаны вмѣстѣ, какъ на землѣ, злые съ добрыми и добрые со злыми; иначе бываетъ, когда духъ уже перенесенъ во внутренній бытъ свой, и предоставленъ нраву своему и волѣ. Отдѣленіе добрыхъ отъ дурныхъ дѣлается различно, обыкновенно же, — не говоря о прочихъ способахъ, — та-

кимъ образомъ: злые духи обходятъ тѣ общества, съ коими они входили въ сношеніе по добрымъ мыслямъ и чувствамъ своимъ, когда были еще въ первомъ (внѣшнемъ) состояніи, и которыя они обманывали внѣшностію своею, стараясь выказаться добрыми; большею частію носятся они въ обширной окружности, и всюду показываются добрымъ духамъ, чтобы эти видѣли каковы они; при взглядѣ на нихъ добрые духи отвращаются, а затѣмъ и самые посѣтители ихъ, т. е. дурные духи эти, отворачиваются отъ нихъ лицемъ, въ ту сторону, гдѣ находится ихъ адское общество, то есть, куда имъ окончательно должно прибыть.

О третьемъ состояніи человѣка по смерти, которое есть состояніе наставленія для поступающихъ въ небеса.

512. Третье состояніе человѣка по смерти, или духа его, есть состояніе наставленія: оно свойственно только тѣмъ, которые идутъ въ небеса и дѣлаются ангелами, а идущихъ въ адъ не касается, потому что они не могутъ принять никакого наставленія. Посему, для сихъ послѣднихъ, второй бытъ или состояніе, есть также и третье, которое оканчивается тѣмъ, что они сполна обращаются къ любви своей, и слѣдовательно, къ адскому обществу, живущему въ одинаковой съ ними любви; за симъ, они хотятъ и мыслятъ по этимъ чувствамъ, т. е. по адской любви, а потому и хотятъ одно зло, и помышляютъ одну

ложь: вотъ услада и утѣха ихъ, ибо это согласно съ ихъ любовью; съ тѣмъ вмѣстѣ, они уже явно отрекаются отъ всякаго блага и истины, хотя прежде и принимали то и другое, но только въ видѣ средства, на услугу своимъ страстямъ. Добрые же духи приводятся чрезъ второе состояніе въ третье, въ пріуготовительный бытъ, для наставленія, и поступленія въ небеса; ибо никто не можетъ быть иначе приспособленъ въ небожители, какъ познаніемъ благъ и истинъ, т. е. наставленіемъ: никому безъ этого не дано познать, что такое духовное благо и истина, и что такое противоположныя имъ, зло и ложь. Что̀ такое благо и истина гражданскія и нравственныя, и что̀ зовется правдою и прямотою, это человѣкъ можетъ узнать и въ мірѣ; потому что тамъ есть гражданскіе законы, которые учатъ что̀ такое правосудіе, и есть общество, въ которомъ человѣкъ научается жить по законамъ нравственнымъ, относящимся до прямоты и правды. Но познанію духовныхъ благъ и истинъ, учатъ не на землѣ, а въ небесахъ: конечно человѣкъ можетъ знать ихъ изъ Слова, и изъ ученія церкви, основаннаго на Словѣ, но они не могутъ слиться съ самою жизнію его, доколѣ онъ внутренними началами духа своего не вознесется въ небеса. Человѣкъ, тогда живетъ въ небесахъ, когда признавая Божественное начало, живетъ въ правдѣ и въ прямотѣ, ради того, что такъ повелѣваетъ Слово Божіе; т. е. живетъ въ правдѣ и прямотѣ ради Божественнаго начала, а не ради себя самого и міра. Но поступать такъ, никто, безъ наставленія, не можетъ: онъ долженъ знать для сего, что есть Богъ, есть небеса

и адъ, есть посмертная жизнь; что Бога должно любить паче всего, а ближняго какъ самого себя; что должно вѣровать въ Слово, ибо оно Божественно. Безъ знанія и признанія всего этого, человѣкъ не можетъ мыслить духовно, а безъ мыслей этихъ, не можетъ и хотѣть этого; чего человѣкъ не знаетъ, того не можетъ думать, а о чемъ не думаетъ, того не можетъ и хотѣть. Если же человѣкъ захочетъ благъ и истинъ, то небеса вліяютъ на него, т. е. Господь чрезъ небеса вліяетъ на жизнь человѣка, ибо Господь вліяетъ на волю человѣка, а черезъ нее и на помышленія его; чрезъ оба же пути эти, на самую жизнь его, такъ какъ вся жизнь человѣка состоитъ изъ воли и мыслей. Изъ сего слѣдуетъ, что духовному благу и истинѣ поучаются не отъ міра, а отъ небесъ, и что никто не можетъ быть пріуготовленъ для небесъ иначе, какъ посредствомъ наставленія. На сколько Господь вліяетъ на чью либо жизнь, на столько же онъ и наставляетъ человѣка, ибо на столько же онъ воспламеняетъ волю его любовью къ истинамъ, и просвѣщаетъ умъ его на ихъ постиженіе; въ той же мѣрѣ отверзаются и внутреннія начала человѣка, и въ него вносятся небеся; и наконецъ, въ той же мѣрѣ, Божественное и небесное начало вліяетъ на правдивыя дѣла его нравственной жизни, и на праведныя дѣла его гражданской жизни, возвышая дѣла эти въ духовную степень, потому что человѣкъ исполняетъ ихъ тогда по началу Божественному и ради его. Прямота и правда нравственной и гражданской жизни, если онѣ истекаютъ изъ такого источника, являются уже какъ послѣдствія духовной жиз-

ни, ибо сущность всякаго послѣдствія зависитъ отъ дѣйствующей причины: какова причина, таково и слѣдствіе ея.

513. Наставленіемъ, вообще, занимаются ангелы разныхъ обществъ, особенно ангелы странъ сѣверныхъ и южныхъ, потому что эти ангельскія общества состоятъ въ разумѣ и мудрости, по познанію благъ и истинъ. Мѣста наставленій этихъ расположены къ сѣверу, и весьма различны; они устроены и отдѣлены по родамъ и видамъ небесныхъ благъ, чтобы всѣ и каждый могли быть наставляемы по наклонностямъ своимъ, и по способностямъ. Мѣста эти простираются вокругъ, на огромныя пространства. Туда переносятся Господомъ, для наставленія, добрые духи, по прожитіи ими втораго состоянія въ мірѣ духовъ; но не всѣ. Принявшіе уже на землѣ хорошее наставленіе, прямо готовятся Господомъ въ небеса, куда возносятся другими путями: иные тотчасъ по смерти своей; другіе, послѣ краткаго пребыванія съ добрыми духами, для очищенія и удаленія грубыхъ помысловъ и чувствъ, принятыхъ на землѣ, по мірскимъ понятіямъ о почестяхъ и богатствахъ. Иные напередъ подлежатъ опустошенію (vastatio), *) что дѣлается подъ ступнями, въ мѣстѣ, именуемомъ исподнею землею. Иные, при этомъ, сильно страдаютъ, а именно люди, усвоившіе себѣ ложныя убѣжденія, хотя и жившіе по добру. Ложныя убѣжденія глубоко укореняются, а не разсѣявъ ихъ, человѣкъ не въ

*) т. е. отдѣленію и отстраненію отъ себя, всего несроднаго небесамъ.

силахъ понять и усвоить себѣ истину, потому что не видитъ ее. Впрочемъ, объ этомъ опустошенiи и о способахъ къ тому, говорилось уже въ сочиненiи *о Небесныхъ Тайнахъ*.

514. Всѣ, въ мѣстахъ наставленiя, живутъ порознь, и каждый, внутренними началами своими, связанъ съ тѣмъ небеснымъ обществомъ, куда предназначенъ; а какъ небесныя общества устроены по небесному образу (см. нн. 200—212), то и мѣста наставленiй принимаютъ тотъ же образъ; посему, при обзорѣ ихъ съ небесъ, они являются какъ бы небесами же, но въ уменьшенномъ видѣ. Они простираются въ длину отъ востока на западъ, а въ ширину отъ юга на сѣверъ; но ширина, по виду, короче длины. Порядокъ тамъ вообще таковъ: напереди размѣщены умершiе младенцами, воспитанные наставницами въ небесахъ, до юношескаго возраста, и перенесенные за тѣмъ Господомъ въ эти мѣста для ученiя. За ними находятся умершiе въ полномъ возрастѣ, и жившiе въ мiрѣ въ любви къ истинѣ и благу. За ними мусульмане, жившiе въ доброй нравственности, признававшiе одно Божеское начало, и чтившiе Господа первымъ пророкомъ; отрекаясь отъ Магомеда, въ которомъ не видятъ наконецъ никакой пользы, они обращаются къ Господу, поклоняются ему, признаютъ его Божественность, и тогда наставляются въ Христiанскомъ ученiи. За ними, еще далѣе къ сѣверу, мѣста наставленiя различныхъ языческихъ народовъ, жившихъ въ добрѣ по вѣрѣ своей, прiобрѣтшихъ этимъ нѣчто въ родѣ совѣсти, и поступавшихъ право и прямо, не ради законовъ граждан-

скихъ, а ради законовъ вѣры, которыя чтились ими свято и нерушимо. Всѣ эти люди, по наученію, легко обращаются къ признанію Господа, ибо они хранили въ сердцѣ своемъ то убѣжденіе, что Богъ не есть существо невидимое, а напротивъ, видимое въ образѣ человѣка. Такихъ народовъ болѣе, чѣмъ всѣхъ прочихъ, и лучшіе изъ нихъ жители Африки.

515. Но не всѣ наставляются одинаковымъ образомъ, и однимъ и тѣмъ же небеснымъ обществомъ: воспитанные съ самаго младенчества своего въ небесахъ, получаютъ въ наставники ангеловъ внутреннихъ небесъ, потому что не упитались ложью изъ ложныхъ ученій вѣры, и не загрязнили духовной жизни своей грубой привязанностью къ мірскимъ почестямъ и богатствамъ. Умершіе уже взрослыми, обычно поступаютъ въ ученье къ ангеламъ низшихъ небесъ, болѣе имъ сроднымъ, чѣмъ ангелы высшихъ, потому что у послѣднихъ мудрость внутреняя, которую духи эти еще не имѣютъ возможности постичь. Мусульмане же поучаются ангелами, бывшими единовѣрцами своими и обращенными въ Христіанство; а язычники, своими ангелами.

516. Наставленія даются тамъ согласно ученію, взятому изъ Слова, о не по одному только Слову Божьему, безъ ученія или науки. Христіанъ учатъ по ученію небесному, во всемъ согласному съ внутреннимъ смысломъ Слова; остальныхъ же, какъ мусульманъ и язычниковъ, наставляютъ ученіемъ доступнымъ ихъ понятіямъ, которое тѣмъ только отличается отъ ученія небеснаго, что учитъ духовной жизни посредствомъ жизни нравственной, согласной съ

хорошими догматами вѣры ихъ, по которой они жили на землѣ.

517. Способъ ученья на небесахъ тѣмъ разнится отъ земнаго, что свѣденія или познанія тамъ передаются не памяти, и прямо жизни. Память духовъ заключается въ самой жизни ихъ: они принимаютъ и усвояютъ себѣ все, что согласно съ ихъ жизнію, а отвергаютъ, и еще менѣе усвоиваютъ все неподходящее; ибо духи суть олицетворенія любви или чувствъ, и находятся въ человѣческомъ образѣ, чувствамъ симъ подобномъ. Вслѣдствіе этого, любовь къ истинѣ всегда внушается имъ для службы жизни, и Господь заботится о томъ, чтобы каждый любилъ службу, согласную со свойствами и способностями своими; эта любовь еще усиливается надеждою стать со временемъ ангеломъ. А какъ всякая служба на небесахъ относится къ службѣ общественной, т. е. къ царству Господнему, общему отечеству ангеловъ, и какъ всякая частная и особенная служба, тѣмъ выше, чѣмъ болѣе и ближе относится къ службѣ общественной, то всякая частная и особенная служба, виды коей безчисленны, именуется благою и небесною. Для сего то въ каждомъ духѣ любовь къ истинѣ, такъ соединяется съ любовью къ службѣ, что составляетъ одно; чрезъ это истина переходитъ въ службу (въ дѣло), и самыя истины, коимъ поучаются духи, становятся истинами службы (дѣла). Вотъ какимъ образомъ поучаются ангельскіе духи, готовясь къ небесамъ. Любовь къ истинѣ, прилагаемой къ службѣ (къ дѣлу), вселяется различными способами, частію вовсе неизвѣстными на землѣ; особенно же посредствомъ

изображенія такой службы, что дѣлается въ духовномъ мірѣ, на тысячи ладовъ, и притомъ доставляетъ такое удовольствіе, что проникаетъ человѣка отъ самой внутренности духа его, до самой внѣшности тѣла его, и такимъ образомъ проникаетъ его всего. Чрезъ это духъ какъ бы весь обращается въ службу свою, и приходя въ свое общество, куда онъ вводится посредствомъ этихъ наставленій, обрѣтается въ своей жизни, если только исполняетъ свою службу. Изъ сего ясно, что познанія, т. е. внѣшнія истины, никого не вводятъ въ небеса, а дѣлаетъ это самая жизнь, т. е. жизнь службы, какъ слѣдствіе сихъ познаній.

518. Были духи, принесшіе съ собою убѣжденіе, что они должны войти въ небеса предпочтительно передъ прочими, потому что славились ученостію, хорошо изучили Слово и ученіе церкви, и считали себя мудрыми; они разумѣли себя подъ словами пророка Даніила: *И смыслящіе просвѣтятся аки свѣтлость тверди, и отъ праведныхъ многихъ аки звѣзды во вѣки.* XII. 3. Но напередъ всего сдѣлано было надъ ними дознаніе, въ одной ли только памяти ихъ заключаются познанія ихъ, или въ самой жизни: духи, оказавшіеся въ подлинной любви къ истинѣ, ради службы отрѣшенной отъ всего тѣлеснаго и мірскаго, т. е. ради службы духовной, приняты были по должномъ наставленіи въ небеса, и имъ дано было понять, что̀ именно сіяетъ на небесахъ, т. е. Божеская истина, которая тамъ — есть свѣтъ небесный въ службѣ или дѣлѣ; имъ показано было, что служба эта есть основа (planum), которая пріемлетъ лучи этого свѣта и от-

ражаетъ ихъ разноцвѣтнымъ блескомъ. Противное бываетъ съ людьми, коихъ познанія заключались въ одной только памяти, посредствомъ которой они пріобрѣли себѣ способность разсуждать объ истинахъ, и доказывать тѣ изъ нихъ, кои были произвольно приняты ими, сперва за первыя начала, а потомъ и за самыя истины, хотя бы онѣ и были ложныя; такіе люди, какъ нисколько не жившіе въ небесномъ свѣтѣ, а въ надменной самоувѣренности, убѣждены, что превосходя другихъ ученостью, они должны поступить въ небеса, гдѣ ангелы будутъ имъ служить. Вслѣдствіе этого, чтобъ разубѣдить такихъ духовъ въ ихъ надменной увѣренности, ихъ возносили къ первому или низщему небу, вводя въ какое либо ангельское общество: тамъ, при самомъ входѣ, вліяніемъ небеснаго свѣта, зрѣніе ихъ начинало меркнуть, разсудокъ мѣшался, и наконецъ, дыханіе прерывалось, какъ у людей умирающихъ; а послышавъ небесное тепло, т. е. небесную любовь, они страдали внутренними муками. Посему они были оттуда удалены, и затѣмъ наставлены въ томъ, что не познанія образуютъ ангела, а самая жизнь, пріобрѣтаемая познаніями; потому что познанія или свѣденія, сами по себѣ, находятся внѣ небесъ, а жизнь, основанная на познаніяхъ, внутри небесъ.

519. Когда духи, чрезъ данныя имъ, въ описанныхъ мѣстахъ, наставленія, уже готовы къ небесамъ, — что совершается въ короткое время, ибо они въ духовномъ быту своемъ, легко и много за разъ постигаютъ, — тогда облекаются они въ ангельскія одежды, обычно бѣлыя, какъ бы тонко полотняныя.

Послѣ того, онинаправляются по пути, идущему въ верхъ, къ небесамъ, и передаются ангеламъ, охранителямъ этихъ небесъ; за тѣмъ, принимаются другими ангелами, и вводятся въ различныя общества, гдѣ познаютъ различнаго рода наслажденія, и наконецъ, каждый переносится Господомъ въ свое общество: это также дѣлается различными путями, и не рѣдко весьма окольными. Пути эти не вѣдомы ни одному ангелу, а самому только Господу. По прибытіи каждаго въ свое общество, внутреннія начала его отверзаются, и какъ они вполнѣ согласуются съ внутренними началами ангеловъ этого общества, то вновь прибывшіе тотчасъ узнаются и съ радостію принимаются.

520. Къ сему я прибавлю нѣчто замѣчательное о путяхъ или дорогахъ, ведущихъ отъ помянутыхъ мѣстъ къ небесамъ, и по коимъ вводятся туда ангелы-новички: дорогъ этихъ восемь, по двѣ изъ каждаго мѣста наставленія; одна изъ нихъ подымается на востокъ, другая на западъ; идущіе въ небесное царство Господне, вводятся туда по восточному пути, а назначенные въ духовное царство, по западному. Четыре дороги, ведущія въ небесное царство, являются какъ бы украшенныя масличными и другими плодовыми деревьями; а ведущіе къ духовному царству, усажены виноградомъ и лавромъ. Это основано на соотвѣтствіи: виноградъ и лавръ отвѣчаютъ любви къ истинѣ и службамъ ея, а маслина и плодовыя деревья, любви къ добру, и службамъ ея.

Никто не можетъ сподобиться царства небеснаго, по одному только непосредственному милосердію Господню.

521. Не получившіе должнаго наставленія о небесахъ, о пути къ нимъ, и о небесной жизни человѣка, полагаютъ, будто пріемъ въ небеса есть дѣло одного только милосердія къ вѣрующимъ, и тѣмъ, за коихъ ходатайствуетъ Господь, или, будто небеса доступны только по благодати или милости Божіей; что стало быть, всякій человѣкъ, безъ изъятія, можетъ быть спасенъ по благоусмотрѣнію Господню; иные же думаютъ, что даже и самые обыватели преисподней могутъ быть спасены. Но люди такого мнѣнія ничего не понимаютъ о человѣкѣ, который вообще весь таковъ, какова жизнь его; а жизнь его такова, какова любовь его, не только по внутреннему началу своему, по волѣ и по разуму, но и по внѣшности своей, по тѣлу или образу: тѣлесный образъ не иное что, какъ внѣшній видъ или образъ, въ коемъ внутреннія начала его проявляются на дѣлѣ, почему и весь человѣкъ есть представитель любви своей (н. 363). Люди эти не вѣдаютъ, что тѣло живетъ не отъ себя и не собою, а духомъ своимъ; что духъ человѣка есть любовь или чувства его, а духовное тѣло, не иное что, какъ любовь эта въ человѣческомъ образѣ, въ коемъ и является онъ по смерти (н. 453—460). Кто всего этого не знаетъ, тотъ можетъ полагать, что спасеніе человѣка зависитъ отъ одного только благоизволенія Божьяго, называемаго милосердіемъ и благодатью (gratia).

522. Но напередъ объяснимъ, что именно должно разумѣть подъ Божіемъ милосердіемъ. Это есть чистое милосердіе ко всему роду человѣческому, во спасеніе его; оно одинаково и постоянно ко всякому человѣку, и никогда ни отъ кого не отступается; поэтому всякій, кто только можетъ быть спасенъ, спасается. Но никто не можетъ быть спасенъ иначе, какъ Божескими средствами, показанными Господомъ въ Словѣ. Божественныя средства эти именуются Божескими истинами; онѣ учатъ какимъ образомъ человѣкъ долженъ жить во спасеніе свое; ими Господь ведетъ человѣка къ небесамъ, и посредствомъ ихъ насаждаетъ въ немъ небесную жизнь: это Господь одинаково творитъ всякому; но онъ можетъ насадить небесную жизнь въ томъ только, кто воздерживается отъ зла, ибо иначе зло препятствуетъ. И такъ, на сколько человѣкъ удерживается отъ зла, на столько Господь, по единому и чистому милосердію своему, руководитъ его Божественными средствами своими; руководитъ отъ самаго младенчества до конца жизни на семъ свѣтѣ, и далѣе въ вѣчности. Вотъ что понимается подъ именемъ Божескаго милосердія; изъ чего и ясно, что милосердіе Господне есть чистое милосердіе, но не непосредственное, т. е. не такое, которое могло бы спасать всякаго, какъ бы кто ни жилъ, по одному благоусмотрѣнію.

523. Господь никогда и ничего не дѣлаетъ вопреки порядка, потому что онъ самъ есть порядокъ. Божеская истина, исходящая отъ Господа, образуетъ собою порядокъ, а Божескія истины суть законы этого порядка, по коимъ Господь водитъ человѣка.

Посему, спасеніе человѣка по непосредственному милосердію, было бы противно Божественному порядку, и слѣдовательно, противно Божественному началу вообще. Божественный порядокъ образуетъ въ человѣкѣ небеса, кои онъ извратилъ въ себѣ жизнію противною законамъ этого порядка, т. е. противною Божескимъ истинамъ; къ этому то порядку человѣкъ возвращается снова, по чистому милосердію Господню, и по законамъ порядка: на сколько человѣкъ возвращается къ нему, на столько онъ пріемлетъ въ себя небеса, а кто небеса въ себя пріемлетъ, тотъ и самъ въ нихъ входитъ. Изъ всего этого слѣдуетъ опять тоже, т. е. что Божеское милосердіе есть милосердіе чистое, но не непосредственное, не произвольное.

524. Еслибъ люди могли быть спасаемы непосредственнымъ милосердіемъ, то были бы спасаемы всѣ, безъ изъятія, даже и сущіе въ аду; мало того, тогда бы не могло быть и самого аду, потому что Господь есть само милосердіе, сама любовь, само благо: вслѣдствіе этого, противно Божественности его говорить, что онъ могъ бы спасти всѣхъ, но не спасаетъ; вѣдомо изъ Слова, что Господь хочетъ спасенія всѣхъ и каждаго, а не гибели.

525. Многіе изъ Христіанскаго міра, являясь на тотъ свѣтъ, приносятъ съ собою убѣжденія, что могутъ быть спасены непосредственнымъ милосердіемъ, о которомъ и привыкли молиться; при испытаніи ихъ обнаружилось, что по ихъ убѣжденію, сподобиться небеснаго царствія, значитъ быть туда допущеннымъ, и что всякій, кому дозволяется вступить туда, наслаждается небеснымъ блаженствомъ. Очевидно, они

вовсе не понимали, что такое небеса и небесное блаженство; имъ объяснили, что входъ въ небеса никому отъ Господа не воспрещенъ, и что не только всѣ, если желаютъ, могутъ быть туда допущены, но что даже они вольны тамъ оставаться. За тѣмъ, желающіе, свободно туда допускались: но на самомъ рубежѣ, встрѣчалъ ихъ потокъ небеснаго тепла, т. е. любви, въ коей пребываютъ ангелы, и лучи небеснаго свѣта, т. е. Божеской истины; отъ этого на нихъ нападала такая тоска, что они подпадали, вмѣсто ожидаемаго блаженства, адскимъ мукамъ. Пораженные этимъ, они спѣшно бросались вонъ, и такимъ образомъ, живымъ опытомъ познавали, что никому не можетъ быть дано небесное царство, по одному милосердію.

526. Я не рѣдко бесѣдовалъ объ этомъ съ ангелами, говоря, что многіе, живучи въ мірѣ во злѣ, утверждаютъ, разсуждая о небесахъ и вѣчности, будто достичь небеснаго царства, значитъ быть допущеннымъ туда, по единому милосердію. Этому вѣруютъ особенно тѣ, кои вѣру почитаютъ единымъ путемъ и средствомъ ко спасенію; они, по началамъ вѣры своей, не обращаютъ вниманія на жизнь и на дѣла любви (что составляетъ самую жизнь), т. е. не ищутъ кромѣ вѣры, никакихъ другихъ средствъ, коими Господь могъ бы поселять въ нихъ небеса, и содѣлывать ихъ способными къ принятію небеснаго блаженства. Отвергая, такимъ образомъ, всякое дѣятельное средство къ достиженію желанной цѣли, такіе люди, какъ неизбѣжное слѣдствіе принятаго ими начала, должны утверждать, что человѣкъ поступаетъ въ небеса по одному только милосердію, къ коему склоняется Богъ

Отецъ, по предстательству сына. На все это ангелы мнѣ отвѣчали, что имъ извѣстна необходимость такого догмата изъ принятаго начала о спасенiи единой вѣрой, какъ догмата главнаго, но что такое ложное ученiе никакъ не можетъ быть проникнуто небеснымъ свѣтомъ: оно есть причиною того невѣжества, въ коемъ нынѣ находится церковь, относительно понятiй о Господѣ, о небесахъ, о посмертной жизни, о небесномъ блаженствѣ, о сущности любви и благостыни; вообще о благѣ и союзѣ его съ истиною, а стало быть и о самой жизни человѣка; о томъ, что̀ она такое и откуда; что мысли, по себѣ, никогда и ни въ комъ не образуютъ жизни, а воля и дѣла ея, съ участiемъ въ этомъ мыслей на столько, на сколько сами онѣ согласуются съ волею; что слѣдовательно вѣра образуетъ жизнь только въ той мѣрѣ, на сколько сама вѣра истекаетъ изъ любви. Ангелы соболѣзновали, что такiе люди не вѣдаютъ вовсе, что одной вѣры по себѣ и быть не можетъ, потому что вѣра, безъ своего источника, безъ любви, есть одно только знанiе, или какое то убѣжденiе подъ видомъ вѣры (н. 482); убѣжденiе, которое не усвояется жизнiю человѣка, а остается внѣ ея, ибо оно вовсе отдѣляется отъ человѣка, если не связуется съ его любовью. Далѣе ангелы говорили, что люди принявшiе такое превратное убѣжденiе о существенномъ средствѣ ко спасенiю души, по неволѣ должны вѣрить въ непосредственное милосердiе; ибо они понимаютъ и видятъ по природному здравому смыслу, что отрѣшенная отъ всего вѣра, не составляетъ жизни человѣка, ибо такихъ же мыслей и убѣжденiй могутъ быть и люди

самой дурной жизни: вслѣдствіе чего имъ и приходится вѣрить, что добрые и злые одинаково могутъ быть спасаемы, лишь бы они, въ смертный часъ, съ полнымъ упованіемъ, бесѣдовали о предстательствѣ Господнемъ и объ оказуемомъ вслѣдствіе того милосердіи. Ангелы утверждали, что дотолѣ, не видѣли еще ни одной души, которая бы, не смотря на дурную земную жизнь свою, была принята въ небеса по непосредственному милосердію, сколько бы такіе люди не толковали въ мірѣ о такомъ убѣжденіи или упованіи своемъ, — какъ называли они вѣру въ высшемъ значеніи. На вопросъ объ Авраамѣ, Исаакѣ, Іаковѣ, Давидѣ и Апостолахъ, не были ли они приняты въ небеса, по непосредственному милосердію, ангелы отвѣчали: ни одинъ изъ нихъ, а каждый по дѣламъ жизни своей въ міру; знаемъ гдѣ они теперь, и знаемъ, что они тамъ не въ бо̀льшомъ уваженіи, какъ и всѣ прочіе. Если же о нихъ съ особымъ почетомъ упоминается въ Словѣ, то потому только, что подъ ихъ именами, во внутреннемъ смыслѣ, разумѣлся самъ Господь: подъ именемъ Авраама, Исаака, Іакова — Господь по Божественности своей и его Божественная человѣчность; подъ именемъ Давида — Господь, относительно Божественной царственности своей; подъ Апостолами — Господь, въ отношеніи къ Божескимъ истинамъ. Затѣмъ они сказали, что при чтеніи человѣкомъ Слова, они вовсе не думаютъ объ этихъ личностяхъ, потому что самыя имена эти не доходятъ до небесъ, а вмѣсто ихъ понимается Господь въ тѣхъ значеніяхъ, какъ выше объяснено. Посему и въ Словѣ Божіемъ, хранимомъ на небесахъ (н. 259), мужи эти

нигдѣ не поименованы, такъ какъ Слово это есть внутренній смыслъ того Слова, которое у насъ на землѣ.

527. Могу подтвердить по множеству опытовъ, что не возможно даровать небесную жизнь тому, кто жилъ на перекоръ ей на землѣ. Иные полагали, что легко примутъ по смерти Божескія истины, услышавъ ихъ отъ ангеловъ, и что увѣровавъ въ нихъ, измѣнятъ родъ жизни, и затѣмъ будутъ приняты на небеса. Это было испытано надъ многими, бывшими въ такой увѣренности, и допущено было для того, чтобъ убѣдить ихъ, что по смерти нѣтъ покаянія. Иные изъ нихъ при этомъ опытѣ понимали истины и, по видимому, принимали ихъ; но лишь только они обращались къ жизни по любви своей, то отбрасывали истины эти, и даже начинали говорить противъ нихъ; иные тотчасъ же отвращались отъ нихъ, не желая и слышать ихъ: другіе требовали, чтобы жизнь по любви или страстямъ, принятая въ міру, была отнята у нихъ, и на мѣсто ея дана была жизнь ангельская, небесная; и это сдѣлано было надъ ними по соизволенію, но какъ только жизнь по любви была у нихъ отнята, то они тотчасъ падали будто мертвые, безъ чувствъ, и болѣе собою не владѣли. Сими и подобными опытами, внушено было простымъ, но добрымъ духамъ, что жизнь человѣка не можетъ измѣниться по смерти, и что дурная или адская жизнь, не можетъ быть превращена въ добрую или ангельскую; а всякій духъ, отъ головы до пятки таковъ, какова любовь его, т. е. какова его жизнь, и что превратить ее въ противуположную, значитъ уничтожить этого

духа вовсе. Ангелы объявили, что легче превратить сову въ голубку, или филина въ райскую птичку, чѣмъ адскаго духа въ небеснаго ангела. Что человѣкъ по смерти остается такимъ, какимъ былъ по жизни на землѣ, см. нн. 470—484. Изъ всего этого ясно слѣдуетъ, что никто не можетъ быть принятъ на небеса, по непосредственному милосердію.

Не столь трудна, какъ полагаютъ, жизнь ведущая къ небесамъ.

528. Иные полагаютъ, что вести жизнь приводящую человѣка въ небеса, называемую жизнію духовною, весьма трудно. Люди эти слышали, что человѣкъ долженъ отказаться отъ мірскаго, отъ такъ называемыхъ похотей плотскихъ и тѣлесныхъ, и жить духовно, т. е., какъ они понимаютъ, что все свѣтское должно быть откинуто, особенно богатства и почести; что должно постоянно предаваться благочестивымъ помышленіямъ о Богѣ, о спасеніи души, о вѣчности, проводить все время въ молитвахъ, въ чтеніи Слова и спасительныхъ книгъ: это они называютъ отреченіемъ отъ свѣта и жизнію духовною, не плотскою. Но мнѣ дано было познать многими опытами и бесѣдами съ ангелами, что это совсѣмъ не такъ; что, напротивъ, отрекающіеся отъ міра и живущіе духовно по сему способу, готовятъ себѣ жизнь печальную, неспособную къ принятію небеснаго блаженства, потому что жизнь каждаго остается при немъ на всегда. Чтобы приспособить себя къ небесной жизни, чело-

вѣкъ, напротивъ, долженъ жить въ мiру, въ должностяхъ, занятiяхъ и сношенiяхъ съ людьми, возвышаясь къ духовной жизни посредствомъ жизни нравственной и гражданской. Иначе не можетъ образоваться въ человѣкѣ духовная жизнь, или духъ его приготовиться къ небесамъ; а жить одною только внутреннею жизнiю, не живя въ тоже время и внѣшнею, значило бы жить въ домѣ, выстроенномъ безъ основанiя, — почему онъ либо садится, либо трескаясь, разсѣдается, либо клонится туда и сюда, и разрушается.

529. Если разобрать жизнь человѣческую разумнымъ взглядомъ, то оказывается, что она трояка: духовная, нравственная и гражданская, — и что каждая изъ жизней этихъ различна; есть люди, живущiе одною гражданскою жизнiю, устранивъ и нравственную и духовную; другiе живутъ жизнiю нравственною, но не духовною; а иные, жизнiю гражданскою, нравственною и духовною. Послѣднiе живутъ жизнiю небесною, а первые всѣ, жизнiю чисто мiрскою, съ устраненiемъ небесной. Изъ этого слѣдуетъ напередъ всего, что духовная жизнь не раздѣльна съ жизнiю природною или мiрскою, но что первая соединена со второю, какъ душа съ тѣломъ, и что если бы раздѣлить ихъ, то это, какъ сказано выше, уподобилось бы жилищу въ домѣ безъ основанiя, ибо жизнь нравственная и гражданская есть дѣятельность жизни духовной; къ послѣдней относится всякое благое желанiе воли (velle), къ первымъ — исполненiе его на дѣлѣ: если же отдѣлить одно отъ другаго, то духовная жизнь будетъ состоять въ

однихъ только размышленіяхъ и въ разговорѣ, а воли не будетъ, потому что ей нѣтъ опоры, — между тѣмъ, воля то и образуетъ всю сущность духовнаго человѣка.

530. Изъ послѣдующаго можно убѣдиться, что не столь трудно жить небесною жизнію, какъ обычно полагаютъ. Кто же не можетъ жить должною гражданскою и нравственною жизнію, когда всякій съ самаго дѣтства, знакомится съ нею, и она внушается ему? И почти всякій человѣкъ, дурной или добрый, живетъ этою жизнію, потому что всякій желаетъ прослыть честнымъ и правдивымъ; почти всякій, по внѣшности, старается поступать откровенно и справедливо, и до того, что кажется прямымъ и прявдивымъ отъ души, и будто дѣйствуетъ по самой прямотѣ и правдѣ. Также точно долженъ жить духовный человѣкъ, что̀ на дѣлѣ ему не труднѣе, чѣмъ человѣку природному, — съ тою только разницею, что духовный человѣкъ вѣруетъ въ Божественное начало, и живетъ честно и правдиво, не только ради законовъ гражданскихъ и нравственныхъ, но и ради законовъ Божескихъ. Кто, при исполненіи дѣлъ своихъ, мыслитъ о законахъ Божескихъ, тотъ сообщается черезъ это съ небесными ангелами, и по мѣрѣ того, что онъ такъ поступаетъ и мыслитъ, соединяется съ ними; чрезъ это самое отверзается его внутренній человѣкъ, который по себѣ и есть человѣкъ духовный. Если же человѣкъ таковъ, то онъ пріемлется и руководится Господомъ, самъ того не зная; тогда прямота и справедливость его, хотя и относятся до жизни нравственной и гражданской, исходятъ изъ духовнаго источника; а жить въ прямотѣ и правдѣ по

духовному источнику, значитъ жить такъ, ради самой прямоты и правды, или жить такъ по сердцу. Правда и прямота такого человѣка, по внѣшнему явленію своему, ничѣмъ не отличаются отъ правды и прямоты людей природныхъ, даже дурныхъ и адскихъ, но по внутреннимъ началамъ своимъ, свойства эти совсѣмъ различны: люди дурные дѣйствуютъ правдиво и праведно только ради себя и ради міру, и потому, еслибъ не опасались законныхъ взысканій, утраты доброй славы, почестей, выгодъ и самой жизни, то стали бы дѣйствовать неправедно и не правдиво, не боясь ни Бога, ни законовъ Божескихъ; ихъ не удерживаютъ никакія внутреннія узы, и потому, если бы можно было безопасно плутовать и мошенничать, воровать и грабить, то они дѣлали бы это съ большимъ удовольствіемъ. Истина эта проявляется на томъ свѣтѣ, гдѣ внѣшность отымается, а внутренность каждаго открывается на вѣчную жизнь, см. нн. 499—511. Дѣйствуя тогда безъ всякихъ внѣшнихъ узъ, безъ страху законовъ, безъ опасенія утраты славы, чести, богатства и самой жизни, такіе люди въ поступкахъ своихъ безумны, а надъ прямотою и правдою насмѣхаются. Напротивъ, жившіе въ прямотѣ и правдѣ, ради законовъ Божескихъ, отрѣшась отъ внѣшности и оставшись при внутреннихъ началахъ своихъ, дѣйствуютъ мудро, потому что сообщаются съ небесными ангелами, отъ коихъ и получаютъ мудрость свою. Изъ всего этого слѣдуетъ, что человѣкъ духовный, по жизни гражданской и нравственной, можетъ дѣйствовать одинаково съ человѣкомъ природнымъ, лишь бы внутренними

началами, т. е. волею и помыслами былъ въ союзѣ съ Божествомъ.

531. Законы жизни духовной, гражданской и нравственной, даны намъ и въ 10 заповѣдяхъ: въ трехъ первыхъ, законы жизни духовной, въ трехъ послѣдующихъ, законы жизни гражданской, въ четырехъ послѣднихъ законы жизни нравственной. Чисто природный человѣкъ, во внѣшности своей, живетъ по тѣмъ же правиламъ, какъ и человѣкъ духовный; онъ также поклоняется Божеству, посѣщаетъ храмы, слушаетъ проповѣди, смотритъ благочестиво; онъ не убійца, не воръ, не блудникъ; не лжесвидѣтельствуетъ, и не обираетъ своего товарища: но такъ онъ поступаетъ ради себя самого, и чтобы показать себя такимъ міру; внутренность же его вовсе не походитъ на этотъ внѣшній образъ, потому что онъ сердцемъ отрицаетъ Божество, при изъявленіи богопочитанія ханжитъ, и самъ про себя смѣется святости церкви, считая ее только уздою для черни. Такой человѣкъ во все отлученъ отъ небесъ и, не будучи духовнымъ человѣкомъ, не можетъ быть ни нравственнымъ, ни гражданскимъ: не убивая въ буквальномъ смыслѣ, онъ однакожъ ненавидитъ всякаго противника и горитъ местью этой ненависти; еслибъ онъ не былъ связанъ гражданскими законами и внѣшними узами, и вообще страхомъ кары, то рѣшился бы и на убійство; а какъ въ немъ есть эта страсть, то онъ и убиваетъ безпрестанно. Если онъ не распутничаетъ, то въ сущности все таки блудникъ, потому что считаетъ это дозволеннымъ и дѣлаетъ каждый разъ, когда считаетъ возможнымъ и безопаснымъ.

Онъ также не крадетъ, но въ душѣ все таки воръ, потому что жаждетъ чужаго богатства, и считаетъ лукавство и коварныя продѣлки, дозволенными; такимъ же образомъ онъ ведетъ себя и относительно заповѣдей жизни нравственной, не лжесвидѣтельствуй, не пожелай добра ближняго твоего. Таковъ всякій человѣкъ отрицающій Божественное начало, у котораго совѣсть не основана на вѣрѣ, такіе люди обнаруживаются въ загробной жизни, при лишеніи ихъ внѣшности своей и оставленіи при одной внутренней жизни: будучи отрѣшены отъ небесъ, они дѣйствуетъ за одно съ преисподней, почему туда и пріобщаются. Совсѣмъ иначе бываетъ съ тѣми, кои признавая всѣмъ сердцемъ Божественное начало, въ дѣлахъ своихъ, слѣдуютъ Божескимъ законамъ, и живутъ согласно первымъ тремъ и всѣмъ остальнымъ заповѣдямъ десятословія: они, утративъ внѣшность, и оставшись при одной внутренней жизни, становятся болѣе разумными, чѣмъ были на землѣ. Когда они вступаютъ во внутреннюю жизнь свою, то какъ бы внезапно переходятъ изъ подъ тѣни на солнечный свѣтъ, отъ невѣжества къ мудрости, изъ жизни скучной и печальной къ жизни блаженной, потому что они живутъ тогда въ Божественномъ началѣ, а стало быть и во небесахъ. Все это сказано здѣсь для объясненія, каковъ одинъ человѣкъ и каковъ другой, хотя оба они, по внѣшней жизни, одинаковы.

532. Всякому понятно, что мысли направляются туда, куда направлены намѣренія, или къ цѣли, которую человѣкъ хочетъ достигнуть; мышленіе есть внутреннее зрѣніе и, подобно ему, обращается туда

и останавливается тамъ, куда человѣкъ его направляетъ. Если внутреннее зрѣніе или мышленіе обращено къ мірскому и на немъ останавливается, то родятся мысли мірскія; если оно обращается человѣкомъ на себя и на почетъ свой, то мысли родятся плотскія; если же къ небесамъ, то и мысли бываютъ небесныя. Посему, обрящаясь къ небесамъ, мысли подымаются; обращаясь къ себѣ, къ человѣку, отрываются отъ небесъ и погружаются въ тѣлесное; а обращаясь къ міру, также уклоняются отъ небесъ, и растекаются на томъ, что предъ глазами. Намѣреніе человѣка, стремленіе его, есть слѣдствіе любви его или чувства; посему любовь эта и направляетъ внутреннее зрѣніе или мышленіе къ извѣстному предмету, а именно: себялюбіе направляетъ мысли къ себѣ самому и къ своему, любовь къ міру направляетъ ихъ къ мірскому, любовь небесная къ небесамъ. Посему и можно видѣть, въ какомъ состояніи внутреннія начала духа человѣка, коль скоро извѣстна его любовь: кто любитъ небеса, у того внутреннія начала обращены къ небесамъ и сверху открыты; кто любитъ міръ и себя самого, у того внутреннія начала сверху замкнуты, а извнѣ открыты. Изъ этого можно заключить, что если внутреннія начала человѣка сверху замкнуты, то человѣкъ не можетъ видѣть предметовъ небесъ и церкви, и они для него въ непроницаемой тмѣ; а что во тмѣ, то либо отвергается, либо вовсе не постигается. Посему, кто любитъ себя и міръ паче всего, и у кого затѣмъ внутреннія начала сверху замкнуты, тотъ сердцемъ отрицаетъ Божескія истины; если же онъ говоритъ объ нихъ на

память, то самъ ничего не понимаетъ, судя объ нихъ какъ о предметахъ мірскихъ и тѣлесныхъ. Такихъ людей занимаетъ только то, что доступно пяти чувствамъ, и однимъ этимъ они услаждаются: сюда принадлежитъ много грязнаго, развравнаго, кощуннаго и преступнаго; и подобныя мысли не могутъ быть удалены отъ нихъ, потому что тутъ не можетъ быть никакого небеснаго вліянія на духъ ихъ, который, какъ. объяснено уже, сверху замкнутъ. Стремленіе или намѣреніе человѣка, направляющее внутреннее зрѣніе или мышленіе его, есть воля его: чего человѣкъ хочетъ, къ тому онъ стремится, а къ чему стремится, о томъ мыслитъ; если онъ стремится къ небесамъ, то туда же направляетъ и помыслы свои, а съ ними и весь духъ свой, который такимъ образомъ находится въ небесахъ, и затѣмъ онъ глядитъ на все мірское, какъ бы сверху внизъ. Посему человѣкъ, у коего внутреннія начала духа его открыты, можетъ видѣть въ себѣ зло и ложь, ибо они расположены какъ бы подъ духовнымъ его началамъ; и на оборотъ, человѣкъ у котораго нутро закрыто, не можетъ самъ видѣть зло свое и ложь, потому что онъ не выше ихъ, а, такъ сказать, погрязъ въ нихъ самъ. Изъ этого видно, отколѣ дается человѣку разумъ и мудрость, и откуда безуміе; равно видно каковъ человѣкъ долженъ быть по смерти, когда ему предоставляется хотѣть и мыслить, а затѣмъ дѣйствовать и говорить, согласно съ внутренними началами своими. Все это объясняется здѣсь для того, чтобы вѣдома была разница между внутреннимъ и внѣшнимъ человѣкомъ, хотя бы одинъ и казался подобнымъ другому.

533. Понятно за симъ, что жить небесною жизнію не столь трудно, какъ полагаютъ: для этого только необходимо, при появленіи въ мысляхъ чего либо противнаго прямотѣ и правдѣ, хотя бы душа къ тому и стремилась, помнить и помышлять, что этого дѣлать не должно, какъ дѣла противнаго Божескимъ заповѣдямъ. Если человѣкъ пріучится къ такому размышленію, и оно обратится ему въ привычку, то онъ мало по малу соединяется съ небесами, и по мѣрѣ этого союза, отверзаются внутреннія начала духа его: на сколько же начала эти отверзаются, на столько видитъ и отличаетъ онъ все противное прямотѣ и правдѣ; а на сколько онъ это видитъ, на столько зло и ложь могутъ быть удалены и разсѣяны; но никакое зло не можетъ быть удалено, если его не видишь и не знаешь. Въ такое состояніе всякій можетъ войти по своей свободной волѣ, потому что всякій мыслитъ по своей волѣ; и будучи однажды наставленъ на путь этотъ, человѣкъ наитствуется Господомъ на всякое благо: ему дается не только видѣть зло, но и не хотѣть его, и наконецъ, оно становится ему противнымъ. Вотъ что понимается подъ словами Господа: *Иго мое благо есть и бремя мое легко.* Мат. XI. 30. Но должно замѣтить, что трудность такихъ помысловъ возрастаетъ, какъ равно и затрудненіе противустоять злу, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ дѣлаетъ зло по волѣ, по любви; отъ этого, зло обращается въ привычку, человѣкъ самъ его уже не видитъ, и наконецъ, полюбивъ его, наслаждается имъ, извиняетъ его и утверждается въ немъ всякаго рода ложными разсужденіями; онъ считаетъ зло не

только дозволеннымъ, но называетъ его благомъ. Это впрочемъ случается съ тѣмъ только, кто въ юношескомъ возрастѣ, очертя голову, мечется въ пропасть золъ, и въ тоже время сердцемъ отрекается отъ Божественнаго начала.

534. Однажды представилась мнѣ дорога, ведущая въ рай и въ адъ: это была широкая дорога, пролегавшая влѣво или на сѣверъ; множество духовъ шли по ней, а въ нѣкоторомъ разстояніи, тамъ гдѣ дорога оканчивалась, виднѣлся большой камень, за коимъ путь расходился на двое, на лѣво и на право. На лѣво шла дорога тѣсная, узкая, и вела черезъ западъ на югъ, къ небесному свѣту; дорога на право, была широка, просторна, и вела наискозь внизъ, въ преисподнюю. Сначала всѣ шли однимъ общимъ путемъ до камня на распутьи, а тамъ раздѣлялись: добрые сворачивали влѣво на узкую дорогу къ небесамъ; злые, не видя камня на распутіи, падали черезъ него и ушибались, а вскочивъ на ноги, спѣшили далѣе бѣгомъ по широкой дорогѣ, прямо въ адъ. Мнѣ объяснено было значеніе этого видѣнія: общій широкій путь, по коему одинаково и вмѣстѣ идутъ добрые и злые, бесѣдуя дружески и не представляя на видъ никакого различія, изображаетъ всѣхъ людей живущихъ, по внѣшности, одинаково въ прямотѣ и правдѣ, и потому не различаемыхъ на видъ; камень распутья или угольный, чрезъ который падали злые, спѣша бѣгомъ по пути въ преисподнюю, изображаетъ Божескую истину, отвергаемую людьми, обратившимися къ преисподней; а въ высшемъ значеніи, камень этотъ представляетъ Божественную человѣчность Господа;

посему, видящіе и признающіе Божескую истину и Божественность Господа, направляются по небесному пути. Изъ этого также слѣдуетъ, что злые и добрые, по внѣшности, идутъ однимъ и тѣмъ же путемъ, и что одному это нисколько не труднѣе, чѣмъ другому; но признающіе сердцемъ Божественное начало, особенно же Христіане, признающіе Божественность Господа, направляются къ небесамъ, а не признающіе, къ преисподней. Помышленія людскія, исходящія изъ намѣренія или воли, представляются на томъ свѣтѣ путями, дорогами, которыя принимаютъ иносказательный видъ, во всей точности отвѣчающій помысламъ и замысламъ, и каждый человѣкъ идетъ своей дорогою, согласно помысламъ и намѣреніямъ своимъ; посему духи, относительно качествъ и помысловъ своихъ, легко узнаются по путямъ коими идутъ. Все сказанное здѣсь поясняетъ Слова Господа: *Внидите узкими враты: яко пространная врата и широкій путь вводяй въ пагубу, и мнози суть входящіи имъ. Узкая врата и тѣсный путь вводяй въ животъ, и мало ихъ есть, иже обрѣтаютъ его.* Матѳ. VII. 13. 14. Путь жизни узокъ не потому, что труденъ, а потому что не многіе обрѣтаютъ и торятъ его, какъ сказано было выше. Камень угольный, въ концѣ общей, широкой дороги, откуда распутіе идетъ въ двѣ противныя стороны, объясняетъ Слова Господа: *Камень, его же небрегоша зиждущіе, сей бысть во главу угла; всякъ падый на камени томъ, сокрушится.* Лук. XX. 17. Камень — Божеская истина; камень Израильскій — Господь въ Божественной человѣчности; зиждущіе — люди церкви; глава угла

— распутье; пасть и сокрушиться — отрицать и гибнуть.

535. Мнѣ дано было бесѣдовать на томъ свѣтѣ съ людьми, удалившимися отъ мірскихъ суетъ, ради благочестивой, святой жизни; также съ людьми, налагавшими на себя, по обѣту, страданія разнаго рода, полагая что этимъ отрѣшаются отъ міра и обуздываютъ плоть. Бо̀льшая часть изъ нихъ, осудивъ себя, по привычкѣ, къ жизни унылой, печальной, и, удалясь отъ жизни любви (charitas), для которой необходимо оставаться въ міру, не могла быть присоединена къ ангеламъ; жизнь сихъ послѣднихъ, радостная и блаженная, состоящая вся изъ добрыхъ дѣлъ, изъ дѣлъ благостыни: кромѣ того, жившіе въ міру такою отвлеченною жизнію, воспламеняются заслугами своими, безпрерывно жаждутъ небесъ, и почитаютъ небесное блаженство должною себѣ платою или наградою, вовсе не понимая сущности небеснаго блаженства. Если они, за симъ, переносятся въ среду ангеловъ, соучастниками ихъ радостей, т. е. блаженства безкорыстнаго, не въ видѣ награды и заслуги, а состоящаго въ исполненіи долга и обязанностей, и въ блаженствѣ по мѣрѣ сдѣланнаго добра, то дивятся, видя вовсе не то, что ожидали; не будучи въ состояніи насладиться такимъ блаженствомъ, они удаляются, присоединяясь къ своимъ, жившимъ одинаково съ ними на землѣ. Жившіе во внѣшнемъ богопочитаніи, постоянные посѣтители храмовъ, и всегдашніе богомольцы, отягчавшіе душу свою печалью, и притомъ, всегда много думавшіе о себѣ, въ чаяніи большаго уваженія и почета, даже святости по смерти, — на

томъ свѣтѣ, не находятся въ небесахъ, потому что они все это дѣлали ради себя самихъ, и оскверняли Божескія истины, утопляя ихъ въ себялюбіи. Иные изъ нихъ такъ безумны, что почитаютъ себя Богами, почему и поступаютъ къ подобнымъ себѣ въ преисподнюю. Другіе лукавы и коварны, а потому идутъ и въ адъ лукавыхъ: это именно тѣ, кои посредствомъ хитрыхъ происковъ притворной жизни, соблазняли толпу, чтившую въ нихъ Божественную святость. Въ такомъ состояніи многіе изъ числа святыхъ Римскаго исповѣданія: со многими дано мнѣ было бесѣдовать, и вся жизнь ихъ, въ міру и послѣ того, была мнѣ показана.

Все это объясняется здѣсь для убѣжденія, что жизнь, ведущая къ небесамъ, не есть жизнь отвлеченная отъ міра, но жизнь въ міру, и что богомольная жизнь, безъ дѣятельной жизни любви (charitatis), которую можно найти только въ міру, не ведетъ къ небесамъ; а ведетъ къ нимъ жизнь дѣятельной любви, т. есть, прямое, честное и правосудное исполненіе всякой должности или обязанности, всякаго дѣла и сношенія съ людьми, по внутреннему и, стало быть, небесному началу: изъ этого начала истекаетъ такая жизнь, когда человѣкъ поступаетъ прямо и честно, ради Божественныхъ законовъ. Жизнь эта не многотрудна, а тяжела напротивъ, отрѣшенная отъ дѣятельной любви (charitas) жизнь богомола, которая сверхъ того, на столько же удаляетъ отъ небесъ, на сколько по мнѣнію людей, должна бы вести къ нимъ.

ОБЪ АДѢ.

Господь управляетъ адомъ.

536. Когда, выше сего, было говорено о небесахъ, вездѣ было показано, что Господь есть Богъ небесъ, въ особенности отъ н. 2 до 6, и что такимъ образомъ, все управленіе небесами принадлежитъ Господу; а какъ отношеніе небесъ къ аду и ада къ небесамъ такое, какъ между двумя противуположными, другъ противъ друга дѣйствующими началами, отъ дѣйствія и воздѣйствія которыхъ происходитъ равновѣсіе, въ которомъ все прочее должно существовать, — то вотъ почему, для содержанія всего существующаго въ равновѣсіи, необходимо, чтобы тотъ, кто управляетъ одной частью, управлялъ и другой: ибо, если тотъ же самый Господь не сдерживалъ бы порывовъ ада и не укрощалъ его неистовствъ, то равновѣсіе бы рушилось, а съ нимъ и все остальное.

537. Скажу напередъ нѣсколько словъ о равновѣсіи: извѣстно, что когда два начала взаимно дѣйствуютъ другъ противъ друга, и дѣйствіе и напоръ съ одной стороны, равны воздѣйствію и сопротивленію съ другой, то обѣ силы, по случаю равенства своего, уничтожаются, и тогда обѣ онѣ могутъ быть движимы по произволу третьей силы; ибо когда два

начала, вслѣдствіе равнаго противодѣйствія, лишаются всякой силы, то сила третьяго начала дѣлаетъ все, и такъ легко, какъ еслибъ не было никакого сопротивленія. Таково равновѣсіе между небесами и адомъ; однакожъ, это не такое равновѣсіе какъ бы между двумя состязающимися особами, коихъ силы равны между собой; но это равновѣсіе духовное, т. е. лжи и истины, зла и добра: адъ постоянно дышетъ (spirat) ложью, происходящею отъ зла; небеса же постоянно дышатъ истиной, происходящей отъ блага. Вслѣдствіе этого духовнаго равновѣсія, человѣкъ находится въ свободѣ мысли и воли: ибо все, что человѣкъ мыслитъ и волитъ, относится или ко злу и затѣмъ ко лжи, или къ добру и затѣмъ къ истинѣ; слѣдовательно, когда онъ въ равновѣсіи, онъ свободенъ — или допустить и принять зло, а затѣмъ и ложь, идущую отъ ада, или допустить и принять добро, а за тѣмъ и истину, идущую съ небесъ. Каждый человѣкъ содержится въ этомъ равновѣсіи Господомъ, потому что Господь управляетъ и небесами и адомъ. Но для чего человѣкъ, посредствомъ равновѣсія содержится въ свободѣ, и зачѣмъ Божественнымъ всемогуществомъ не отняты отъ него зло и ложь, и не исполненъ онъ однимъ благомъ и истиной, — это будетъ сказано ниже, на своемъ мѣстѣ.

538. Мнѣ нѣсколько разъ дано было постичь, какъ сфера лжи, происходящей отъ зла, вытекала изъ ада: это было какъ бы постоянное усиліе уничтожить всякое благо, и всякую истину, усиліе, сопровождавшееся гнѣвомъ, и какъ бы яростію вслѣдствіе неудачи; усиліе состояло въ особености въ томъ,

чтобы разрушить и уничтожить Божественность Господа, потому самому, что отъ него исходитъ всякое благо и всякая истина. Изъ небесъ же, напротивъ, я постигалъ какъ вытекала сфера истины, исходящей отъ блага; эта сфера укрощала ярость усилія возникавшаго изъ ада, и слѣдствіемъ этого было равновѣсіе. Я постигалъ, что сфера, вытекавшая изъ небесъ, происходила отъ одного Господа, хотя она и казалась, какъ бы исходящею отъ ангеловъ небесныхъ; она потому постигалась исходящею отъ одного Господа, а не отъ ангеловъ, что каждый ангелъ на небесахъ признаетъ, что нисколько блага и нисколко истины не принадлежитъ ему самому, а что все исходитъ отъ Господа.

539. Въ духовномъ мірѣ вся сила принадлежитъ истинѣ по благу, ложь же исходящая отъ зла совершенно безсильна. Всякая сила принадлежитъ истинѣ исходящей отъ блага, потому что само Божественное начало, на небесахъ, есть Божественное благо и Божественная истина, и что Божественному началу принадлежитъ всякая сила; а ложь, исходящая отъ зла, совершенно безсильна, потому что всякая сила принадлежитъ истинѣ, исходящей отъ блага, и что во лжи отъ зла, нѣтъ этой истины нисколько. Вслѣдствіе того, всякая сила принадлежитъ небесамъ, а въ аду нѣтъ ея вовсе, ибо каждый, на небесахъ, обрѣтается въ истинѣ по благу, и каждый, въ аду, обрѣтается во лжи по злу: никто не допускается въ небеса, если онъ не живетъ въ истинѣ по благу, и никто не ввергается въ адъ, если онъ не во лжи по злу. Что это такъ, видно въ главахъ, въ которыхъ

было говорено о первомъ и третьемъ состояніи человѣка послѣ смерти, см. нн. 491—520; а что всякая сила принадлежитъ истинѣ, исходящей отъ блага, это видно въ главѣ о могуществѣ ангеловъ на небесахъ, см. нн. 228—233.

540. И такъ, вотъ каково равновѣсіе между небесами и адомъ. Обитатели міра духовъ находятся въ этомъ равновѣсіи, ибо міръ духовъ занимаетъ середину между небесами и адомъ; затѣмъ и всѣ люди на землѣ содержатся въ такомъ же равновѣсіи, ибо Господь управляетъ людьми, на землѣ, посредствомъ духовъ, находящихся въ мірѣ духовъ; объ этомъ будетъ говорено ниже въ особой главѣ. Такое равновѣсіе не могло бы существовать, еслибъ Господь не управлялъ какъ небесами, такъ и адомъ, и не умѣрялъ ту и другую сторону: иначе ложь, исходящая отъ зла, брала бы верхъ и заражала простыхъ, добрыхъ духовъ, которые находятся на послѣднихъ границахъ небесъ, и которые могутъ быть легче совращены чѣмъ ангелы; такимъ образомъ погибло бы равновѣсіе, а съ нимъ и свобода въ людяхъ.

541. Адъ, равно какъ и небеса, раздѣляется на общества и даже на столько обществъ, сколько ихъ на небесахъ, ибо у каждаго общества на небесахъ есть противоположное ему общество въ аду, и это вслѣдствіе равновѣсія. Но общества въ аду различаются по разнаго рода злу и происходящей отъ него лжи, потому что небесныя общества различаются по благамъ и истинамъ своимъ. Что у каждаго блага есть противуположное ему зло, и у каждой истины противоположная ей ложь, это можно знать изъ того,

что нѣтъ вещи, которая бы не относилась къ чему либо противуположному; что изъ этой противоположности узнаются вещи относительно качествъ и степеней своихъ, и что на этомъ основано вообще пониманіе и ощущеніе (sensatio). Вотъ почему Господомъ постоянно предусматривается, чтобъ у каждаго небеснаго общества было свое противоположное въ аду, и чтобъ между ними было равновѣсіе.

542. Если адъ дѣлится на столько же обществъ, сколько ихъ на небесахъ, то слѣдовательно и адовъ столько же, сколько небесныхъ обществъ; ибо каждое небесное общество образуетъ небеса въ маломъ видѣ, вслѣдствіе чего и каждое общество въ аду, есть адъ въ маломъ видѣ. Какъ вообще трое небесъ, такъ вообще и три ада: низшій, противоположенъ самымъ внутреннимъ или третьимъ небесамъ; средній противоположенъ среднимъ или вторымъ небесамъ; и высшій, который противоположенъ послѣднимъ или низшимъ небесамъ.

543. Скажу также въ нѣсколькихъ словахъ, какимъ образомъ Господь управляетъ адомъ. Адъ, вообще, управляется общимъ вліяніемъ (affluxus) Божественнаго блага и Божественной истины, отъ небесъ идущимъ, и коимъ общее усиліе адское умѣряется и удерживается; и сверхъ того, особеннымъ вліяніемъ (affluxus) каждыхъ небесъ и каждаго небеснаго общества. Въ частности же адъ управляется ангелами, коимъ поручено смотрѣть за адомъ, и умѣрять его киченіе и буйство; иногда ангелы даже посылаются туда, и присутствіемъ своимъ усмиряютъ его. Но вообще, всѣ находящіеся въ аду, управляют-

ся страхомъ, который въ иныхъ врожденъ и привитъ еще здѣсь; но какъ этотъ страхъ не достаточенъ и мало по малу пропадаетъ, то они управляются страхомъ наказаній, — имъ въ особенности они воздерживаются отъ зла: наказанія въ аду многочисленны, иныя легче, другія тяжеле, смотря по сдѣланному злу. Вообще надъ другими духами поставляются самые злые, которые, превосходя прочихъ коварствомъ и хитростію, могутъ наказаніями и страхомъ содержать ихъ въ повиновеніи и покорствѣ; но сами начальники эти не смѣютъ преступать назначенныхъ имъ границъ. Должно знать, что единственное средство, сдерживать насиліе и ярость жителей ада, есть страхъ казни, — другаго средства нѣтъ.

544. До сихъ поръ вѣрятъ въ мірѣ, что во главѣ ада стоитъ діаволъ, который сперва былъ созданъ ангеломъ свѣта, а послѣ возстанія своего, вмѣстѣ съ сонмищемъ своимъ, былъ ввергнутъ въ адъ. Это вѣрованіе вышло изъ того, что въ Словѣ говорится о діаволѣ и сатанѣ, и также о Луциферѣ, и что въ этихъ изреченіяхъ Слово было понято въ буквальномъ его смыслѣ, межъ тѣмъ какъ тутъ, подъ діаволомъ и сатаною, разумѣтся адъ. Подъ діаволомъ тотъ адъ, который назади и въ которомъ находятся самые злые духи, называемые злыми геніями; а подъ сатаною тотъ адъ, который впереди и въ которомъ находятся духи не столь злые, и называемые просто злыми духами: подъ Луциферомъ разумѣются духи принадлежащіе къ Вавилону, т. е. тѣ, кои мечтаютъ о распространеніи господства своего даже до самыхъ небесъ. Что нѣтъ никакого діавола, которому бы

адъ былъ подвластенъ, это ясно изъ того, что всѣ находящіеся во аду, равно какъ и всѣ находящіеся на небесахъ, происходятъ отъ рода человѣческаго, см. нн. 311—317; и еще изъ того, что отъ самаго созданія міра до нынѣшняго дня, тамъ находятся миріады миріадъ духовъ, изъ коихъ каждый есть діаволъ, въ той самой степени, на сколько онъ, живши на землѣ, самъ сталъ такимъ, шедши противъ Божественнаго начала.

Господь никого не ввергаетъ въ адъ, но это дѣлается самимъ духомъ.

545. Въ нѣкоторыхъ людяхъ укорѣнилось понятіе, что Господь отвращаетъ лице свое отъ человѣка, отметаетъ его отъ себя, и въ гнѣвѣ своемъ за содѣланное имъ зло, низвергаетъ его въ адъ; иные идутъ еще далѣе и думаютъ, что Богъ наказываетъ человѣка и дѣлаетъ ему зло. Люди утверждаются въ этомъ понятіи вслѣдствіе буквальнаго смысла Слова, въ которомъ находятся подобныя выраженія, не вѣдая, что духовный смыслъ Слова, объясняющій смыслъ буквальный, совершенно отъ него отличенъ, и что слѣдовательно настоящее ученіе церкви, основанное на духовномъ смыслѣ Слова, учитъ другому; а именно тому, что никогда Богъ не отвращаетъ лица своего отъ человѣка и не отвергаетъ его отъ себя; что онъ никогда никого не ввергаетъ въ адъ и не гнѣвается. Равно и всякій человѣкъ, коего умъ при чтеніи Слова хотя нѣсколько озаренъ, постигаетъ это изъ одного

того, что Богъ есть самое благо, самая любовь и самое милосердіе; что само благо не можетъ никому сдѣлать зло, и что сама любовь и само милосердіе не могутъ отвергнуть человѣка, ибо это было бы противно самой сущности милосердія и любви, а слѣдовательно и противно самому Божественному началу. Поэтому люди съ умомъ озареннымъ (ex mente illustrata), ясно постигаютъ, читая Слово, что Господь никогда не отвращается отъ человѣка, а если не отвращается, то поступаетъ съ нимъ по благу, по любви и по милосердію, т. е. что онъ желаетъ ему блага, любитъ его и милосердуетъ о немъ; изъ этого люди эти видятъ также, что буквальный смыслъ Слова, въ которомъ находятся подобныя выраженія, заключаетъ въ себѣ смыслъ духовный, согласно которому должны быть объяснены тѣ выраженія, кои въ буквальномъ смыслѣ своемъ, приспособлены были къ пониманію человѣка, и согласованы съ его первоначальными и общими понятіями.

546. Человѣкъ озаренный видитъ кромѣ того, что благо и зло суть два противоположныя начала, и столь же противоположныя какъ небеса и адъ; что всякое благо идетъ съ небесъ, а всякое зло изъ ада; а какъ Божественное начало Господа образуетъ небеса (см. нн. 7—12), то отъ Господа наитствуетъ на человѣка одно только благо, а изъ ада одно зло; что такимъ образомъ, Господь постоянно отклоняетъ человѣка отъ зла и наклоняетъ его къ добру, а адъ постоянно склоняетъ его ко злу. Еслибъ человѣкъ не находился между тѣмъ и другимъ, онъ былъ бы лишенъ всякаго мышленія и всякой воли, и, еще болѣе

всякой свободы и всякаго выбору, ибо человѣкъ одаренъ всѣмъ этимъ вслѣдствіе равновѣсія между добромъ и зломъ; поэтому, еслибъ Господь отвратился отъ человѣка, и человѣкъ былъ бы предоставленъ одному злу, то онъ и не сталъ бы болѣе человѣкомъ. Изъ этого ясно, что Господь наитствуетъ благомъ на всякаго человѣка, какъ на злаго, такъ и на добраго; но съ тою разницею, что злаго человѣка онъ постоянно отклоняетъ отъ зла, а добраго человѣка постоянно склоняетъ къ добру, и что причина такой разницы въ самомъ человѣкѣ, ибо онъ пріемникъ.

547. Изъ этого видно, что человѣкъ дѣлаетъ зло по вліянію ада, а добро по вліянію отъ Господа; но какъ человѣкъ думаетъ, что онъ все дѣлаетъ самъ отъ себя, то и зло, которое онъ дѣлаетъ, принадлежитъ ему какъ собственное, изъ чего слѣдуетъ, что виною своего зла самъ человѣкъ, а никакъ не Господь: зло въ человѣкѣ есть адъ въ немъ, ибо все равно сказать — зло или адъ. И такъ, если самъ человѣкъ виною своего зла, то слѣдовательно онъ самъ собою ввергается въ адъ, а не Господомъ; Господь такъ далекъ отъ этого, что онъ освобождаетъ человѣка изъ ада, какъ только человѣкъ не хочетъ и не любитъ болѣе оставаться въ своемъ злѣ. Вся воля и вся любовь человѣка, послѣ смерти его, остаются при немъ, нн. 470—484: кто хочетъ и любитъ зло на землѣ, тотъ хочетъ и любитъ тоже самое зло и въ той жизни, и не терпитъ, чтобъ его тогда разлучали съ нимъ; поэтому человѣкъ, находящійся во злѣ, привязанъ къ аду, и духомъ своимъ дѣйствительно пребываетъ въ аду, а послѣ смерти своей ничего

бо̀льшаго не желаетъ, какъ быть тамъ гдѣ его зло. Изъ этого слѣдуетъ, что человѣкъ послѣ смерти самъ собою ввергается въ адъ, а не Господомъ.

548. Скажу также, какъ это дѣлается. Когда человѣкъ вступаетъ въ ту жизнь, онъ сначала принимается ангелами, которые оказываютъ ему всѣ восможныя услуги, говорятъ съ нимъ о Господѣ, о небесахъ, объ ангельской жизни, и поучаютъ его истинамъ и благамъ; но если человѣкъ, тогда уже ставшій духомъ, таковъ, что онъ еще въ мірѣ слыхалъ о томъ же, но сердцемъ отрицалъ или презиралъ это, то, нѣсколько поговоривъ съ ними, онъ желаетъ оставить ихъ и ищетъ какъ бы уйти: когда ангелы замѣчаютъ это, они оставляютъ его. Послѣ нѣкотораго пребыванія съ другими, онъ наконецъ присоединяется къ тѣмъ, которые живутъ въ одинаковомъ съ нимъ злѣ, см. выше нн. 445—452; когда это совершается, онъ тогда отвращается отъ Господа, и обращается лицемъ къ аду, съ которымъ онъ былъ соединенъ еще на землѣ, и въ которомъ находятся всѣ живущіе въ одинаковомъ съ нимъ злѣ. Изъ этого ясно, что Господь влечетъ къ себѣ каждаго духа посредствомъ ангеловъ и небеснаго наитія, но что духи, находящіеся во злѣ, совершенно тому противятся, отрываются, такъ сказать, отъ Господа, и зломъ своимъ, какъ бы вервіемъ, влекутся въ адъ; а если они такимъ образомъ влекутся, и по любви ко злу, поддаются влеченію, то ясно, что они сами, и по доброй воли, ввергаются въ адъ. Въ мірѣ не вѣрятъ, чтобы это было такъ, вслѣдствіе понятія составившагося здѣсь объ адѣ, и, даже въ той жизни, тѣмъ, которые не

находятся въ аду, кажется будто это совершается такимъ же образомъ. Но иначе кажется это тѣмъ, кои сами ввергаются въ адъ, ибо они идутъ туда добровольно, — и тѣ, которые вступаютъ туда съ горячей любовью ко злу, кажутся даже будто бросаются внизъ головою и вверхъ ногами; вслѣдствіе такой видимости, другимъ кажется, что они ввергаются въ адъ силою Божественною; см. подробности объ этомъ ниже, въ н. 574. Изъ всего этого можно теперь видѣть, что Господь никого не ввергаетъ въ адъ, но что каждый ввергается туда самъ, не только покуда онъ живетъ на землѣ, но даже и послѣ смерти, ставши духомъ, какъ и прочіе.

549. Господь по Божественному естеству своему, которое есть благо, любовь и милосердіе, не можетъ поступать одинаково съ каждымъ человѣкомъ, потому что разнаго рода зло и ложь этому препятствуютъ, и не только ослабляютъ, но и отталкиваютъ его Божественное наитіе: зло и ложь подобны чернымъ тучамъ, которыя становятся между солнцемъ и окомъ человѣка, скрывая отъ него блескъ и ясность свѣта; солнце же постоянно силится разогнать противостоящія тучи, и въ это время, съ разныхъ сторонъ, то тутъ, то тамъ, бросаетъ на человѣка, хотя нѣсколько свѣта. Точно такъ и въ духовномъ мірѣ: солнце тамъ есть Господь и его Божественная любовь, нн. 116—140; свѣтъ есть Божественная истина, нн. 126—140; черныя тучи, это ложь происходящая отъ зла; око есть разумъ. На сколько кто находится тамъ во лжи по злу, на столько онъ окруженъ тучей, черной и густой по степени своего зла; изъ этого

сравненія можно видѣть, что Господь постоянно присущъ въ каждомъ, но пріемлется различно.

550. Злые духи въ мірѣ духовъ строго наказываются съ тою цѣлію, чтобъ они, страшась наказаній, воздерживались отъ зла; при этомъ кажется будто и наказываются они Господомъ, но тѣмъ не менѣе, ни одно наказаніе не идетъ отъ Господа, а всѣ они происходятъ отъ самого зла, — потому что зло до того соединено съ своею карою, что одно отъ другаго не можетъ быть разлучено. Адское сонмище ничего бо̀льшаго не желаетъ и не любитъ, какъ дѣлать зло, и въ особенности налагать наказанія и мучить, а потому и дѣлаетъ зло, и подвергаетъ наказаніямъ каждаго, кто не находится подъ охраной Господа; когда зло совершено кѣмъ нибудь отъ злаго сердца, что устраняетъ всякую защиту (tutela) со стороны Господа, тогда злые духи нападаютъ на виновнаго и наказываютъ его. Это можетъ быть нѣсколько пояснено преступленіями и наказаніями ихъ въ здѣшнемъ мірѣ, гдѣ они также неразлучно соединены: здѣсь для каждаго преступленія или зла, законъ опредѣляетъ наказаніе; вслѣдствіе чего, кто совершаетъ преступленіе, тотъ подвергается и наказанію; разница только въ томъ, что въ мірѣ, зло можетъ быть сокрыто, межъ тѣмъ какъ въ той жизни, это невозможно. Изъ этого легко убѣдиться, что Господь никому не дѣлаетъ зла, и что въ той жизни точно также, какъ и здѣсь, царь, судья и законъ, не причинны тому, что наказывается виновный, ибо никто изъ нихъ не былъ причиною зла, совершеннаго преступникомъ.

Всѣ жители ада обрѣтаются во злѣ и затѣмъ во лжи, по любви къ себѣ и къ міру.

551. Всѣ жители ада обрѣтаются во злѣ, и затѣмъ во лжи, и нѣтъ тамъ никого, кто бы находился въ тоже время во злѣ и въ истинѣ. Большая часть злыхъ людей въ мірѣ знакомы съ истинами духовными, т. е. съ истинами церкви, ибо въ дѣтствѣ они учились имъ, потомъ узнавали ихъ изъ проповѣдей и чтенія Слова, и вслѣдствіе того сами говорили объ нихъ: даже нѣкоторые изъ нихъ, умѣя говорить отъ имени истины съ притворнымъ чувствомъ, и поступать при этомъ искренно, какъ бы по вѣрѣ духовной, умѣли завѣрять другихъ, что они въ душѣ Христіане; но тѣ изъ нихъ, которые внутренно думали противъ этихъ истинъ, и отъ зла, мысленно желаемаго, воздерживались только ради гражданскихъ законовъ, славы, чести и выгодъ, всѣ эти люди, по сердцу злые, обрѣтаются въ истинѣ и за тѣмъ въ благѣ, только по дѣйствіямъ тѣла, а не духа. Поэтому, когда въ той жизни, ихъ внѣшнее откидывается, а внутреннее, духу ихъ принадлежившее начало, раскрывается, то они вполнѣ обрѣтаются во злѣ и во лжи, а нисколько не во благѣ или въ истинѣ; ясно что истины и блага эти, какъ познанія научныя, пребывали въ одной памяти ихъ, и что они только извлекали ихъ оттуда, когда говорили объ нихъ, или когда выказывали добро свое, какъ бы исходящее отъ любви и вѣры духовной. Когда подобные духи предоставляются своему внутреннему началу, и слѣдовательно своему злу, они не могутъ болѣе произносить истинъ,

но говорятъ одну ложь, потому что они говорятъ по злу своему, а говоря по злу, невозможно высказывать истину, ибо тогда духъ есть ничто иное, какъ свое зло; отъ зла же исходитъ одна ложь. Каждый злой духъ, прежде чѣмъ быть ему ввергнуту въ адъ, приводится въ это состоянiе, см. выше нн. 499—512; это называется совлечься, отщетиться (vastari) истинъ и благъ; это совлеченiе есть ничто иное, какъ введенiе (immissio) во внутреннее начало человѣка, т. е. въ собь (proprium), или наконецъ, въ самый духъ его; см. объ этомъ выше н. 425.

552. Когда человѣкъ послѣ смерти приходитъ въ это состоянiе, онъ уже болѣе не духъ, кажущiйся человѣкомъ (homo spiritus), какъ это было въ первомъ его состоянiи, о коемъ было говорено выше, нн. 491—498, но онъ подлинно становится духомъ; ибо настоящiй духъ лицемъ и тѣломъ соотвѣтствуетъ внутреннимъ, духу (animi) принадлежащимъ началамъ, и слѣдовательно внѣшнiй образъ его есть отпечатокъ его внутреннихъ началъ. Таковъ духъ послѣ перваго и втораго состоянiя, о которыхъ было говорено выше: въ это время, смотря на него, тотчасъ узнаешь, не только по лицу и тѣлу, но и по рѣчи и движенiямъ его, каковъ онъ. Будучи тогда въ себѣ самомъ, онъ не можетъ быть въ иномъ мѣстѣ, какъ съ подобными себѣ. Въ духовномъ мiрѣ, всѣ чувства и происходящiя отъ нихъ помыслы, всячески общаются; поэтому духъ, какъ бы отъ себя самого, влечется къ себѣ подобнымъ, ибо онъ влечется тогда своимъ чувствомъ и удовольствiемъ этого чувства; онъ даже самъ обращается въ ту сторону, ибо

онъ тогда вдыхаетъ въ себя жизнь свою, или дышетъ свободно, чего не бываетъ съ нимъ, когда онъ обращается въ другую сторону. Должно знать, что въ мірѣ духовномъ, общеніе съ другими совершается посредствомъ обращенія лица, и что живущіе въ сходной любви, постоянно обращены другъ къ другу лицемъ, и что это бываетъ всегда, какъ бы тѣло ихъ не вращалось, см. выше н. 151. Вотъ отчего происходитъ, что всѣ адскіе духи обращаются въ противную отъ Господу сторону, ко тмѣ и мраку, которые, въ духовномъ мірѣ, занимаютъ мѣсто солнца и луны природнаго міра; и что напротивъ, ангелы обращаются къ Господу, какъ къ небесному солнцу и лунѣ. Изъ этого теперь видно, что всѣ живущіе въ аду, находятся во злѣ, и затѣмъ во лжи, и что они обращены къ своимъ любовямъ.

553. Всѣ духи въ аду, разсматриваемые при нѣкоторомъ свѣтѣ небесномъ, предстаютъ во образѣ своего зла, потому что каждый изъ нихъ есть изображеніе своего зла; ибо въ каждомъ, внутреннее и внѣшнее составляютъ одно, и внутреннее видимо проявляется во внѣшнемъ, т. е. въ лице, тѣлѣ, рѣчи и движеніяхъ: такимъ образомъ, при первомъ взглядѣ можно узнать какого они свойства. Вообще ихъ (внѣшніе) образы выражаютъ презрѣніе къ другимъ, угрозу тѣмъ, которые не почитаютъ ихъ, различнаго рода ненависть и мщеніе; въ этихъ образахъ, злость и жестокость проглядываютъ изъ внутреннихъ началъ: но когда другіе ихъ хвалятъ, почитаютъ и покланяются имъ, лице ихъ измѣняется и въ немъ выражается какъ бы радость отъ удовольствія. Невозможно

описать въ немногихъ словахъ, чѣмъ кажутся всѣ эти образы, ибо ни одинъ изъ нихъ не подобенъ другому; только между тѣми, которые въ одинаковомъ злѣ, и которые, поэтому, находятся въ одномъ адскомъ обществѣ, есть общее сходство, вслѣдствіе котораго, какъ бы отъ общаго источника, всѣ лица этого общества кажутся нѣсколько схожими. Вообще ихъ лица ужасны, и, подобно трупамъ, лишены жизни: у нѣкоторыхъ они черны, у другихъ огненны, подобно факеламъ; у другихъ безобразны отъ прыщей, нарывовъ и язвъ; у весьма многихъ лица не видать, а вмѣсто него что-то волосатое и костлявое, у другихъ торчатъ только одни зубы. Тѣла ихъ точно также уродливы, и рѣчь ихъ звучитъ, какъ бы гнѣвомъ, ненавистью или мщеніемъ, ибо каждый изъ нихъ говоритъ по своей лжи и звукъ его голоса отвѣчаетъ злу его; словомъ, они всѣ суть образы своего ада. Мнѣ не было дано видѣть каковъ образъ самого ада вообще; мнѣ только было сказано, что, какъ небеса въ совокупности изображаютъ (referat) одного человѣка, нн. 59—67, такъ и адъ въ совокупности изображаетъ одного діавола, и также можетъ представиться въ видѣ одного діавола, см. выше н. 544: но мнѣ часто дано было видѣть, каковъ образъ ада въ частности, или отдѣльныхъ адскихъ обществъ, потому что при отверстіяхъ ведущихъ къ нимъ, или, при такъ называемыхъ вратахъ ада, обыкновенно является чудовище, въ которомъ видѣнъ образъ общій всѣмъ жителямъ этого ада; при чемъ и лютость ихъ изображается въ жестокихъ и свирѣпыхъ дѣйствіяхъ, о которыхъ нечего упоминать. Слѣдуетъ

однакожъ знать, что адскіе духи кажутся такими только при небесномъ свѣтѣ, но что между собой они кажутся людьми; Божественнымъ милосердіемъ Господа допущено, чтобы они между собою не казались столь противными, какъ передъ ангелами: но эта видимость обманчива, потому что если только нѣсколько небеснаго свѣта проникнетъ къ нимъ, то ихъ человѣческіе образы превращаются въ чудовищные, которые, какъ было сказано выше, имъ дѣйствительно принадлежатъ; ибо при небесномъ свѣтѣ все показывается тѣмъ, чѣмъ оно есть въ себѣ самомъ. Вотъ почему они бѣгутъ отъ небеснаго свѣта и обращаются къ своему, болѣе грубому свѣту (lumen), который кажется какъ бы свѣтомъ отъ раскаленныхъ углей, а иногда какъ бы свѣтомъ отъ пылающей сѣры; но и этотъ слабый свѣтъ превращается въ совершенную темноту, когда до него коснется хотя одинъ лучь небеснаго свѣта. На этомъ основаніи сказано, что адъ находится во тмѣ и мракѣ, а тма и мракъ означаютъ всякаго рода, отъ зла исходящую ложь, такую именно, которая находится въ аду.

554. Изъ усмотрѣнія этихъ чудовищныхъ образовъ адскихъ духовъ, которые всѣ, какъ было сказано выше, выражаютъ презрѣніе къ другимъ, угрозы противъ тѣхъ, которые не почитаютъ и не уважаютъ ихъ, ненависть и мщеніе, направленныя противъ тѣхъ, которые имъ не благопріятствуютъ, — мнѣ стало ясно, что всѣ они вообще суть образы любви къ себѣ и любви къ міру, и что разное зло, которое они въ частности изображаютъ, происходитъ отъ этихъ двухъ видовъ любви. Мнѣ также было сказано съ небесъ, и

кромѣ того доказано нѣсколькими опытами, что эти оба рода любви, т. е. любовь къ себѣ и любовь къ міру, царствуютъ въ аду и образуютъ (faciant) его; что любовь къ Господу и любовь къ ближнему царствуютъ на небесахъ и образуютъ ихъ; и что наконецъ, эти оба рода любви, какъ адской такъ и небесной, другъ другу діаметрально противоположны.

555. Въ началѣ я дивился тому, что любовь къ себѣ и любовь къ міру до того діавольскія, и что живущіе въ этихъ любовяхъ, являются на видъ такими чудовищами; потому что въ мірѣ мало думаютъ о любви къ себѣ, а болѣе о той внѣшней напыщенности духа, которая называется гордостію, и которая, будучи видима для глазу, одна и принимается за любовь къ себѣ: а та любовь къ себѣ или то самолюбіе, которое такимъ образомъ не выказывается, почитается въ мірѣ душею жизни; имъ человѣкъ побуждается къ занятію должностей и службѣ, и если онъ не ищетъ въ нихъ чести и славы, то говорятъ, что духъ его коснѣетъ. Развѣ не говорятъ: кто сдѣлалъ что нибудь хорошаго, полезнаго и достопамятнаго, если не съ тою цѣлью, чтобъ снискать почетъ и славу между людей, или стать высоко во мнѣніи другихъ? Откуда, говорятъ, происходитъ это стремленіе, если не отъ пылу любви къ славѣ и чести, и слѣдовательно отъ любви къ себѣ? Изъ этого слѣдуетъ, что въ мірѣ неизвѣстно, что любовь къ себѣ, разсматриваемая въ себѣ самой, есть та любовь, которая царствуетъ въ аду и образуетъ въ человѣкѣ адъ. Вслѣдствіе чего я сперва скажу, что такое любовь къ себѣ, а затѣмъ, что отъ этой любви, какъ

отъ общаго источника истекаетъ всякаго рода зло, и всякаго рода ложь.

556. Любовь къ себѣ состоитъ въ томъ, чтобъ желать добра себѣ одному, а не другимъ, и даже не церкви, и не отечеству, или какому человѣческому обществу, если и тутъ опять не ради себя самого: или еще въ томъ, чтобъ дѣлать добро другимъ ради почести и славы для себя самого. Если человѣкъ не видитъ этихъ выгодъ въ службѣ, которую онъ несетъ, то онъ внутренно говоритъ себѣ: Что мнѣ въ этомъ? Для чего я буду это дѣлать? Какая мнѣ отъ этого польза? и за тѣмъ бросаетъ свое дѣло. Изъ чего ясно, что кто преданъ любви къ себѣ, тотъ не любитъ ни церкви, ни отечества, ни общества и никакой службы, а лишь себя одного: его удовольствіе есть только удовольствіе своей любви; а такъ какъ удовольствіе, отъ любви происходящее, составляетъ самую жизнь человѣка, то слѣдовательно его жизнь есть жизнь самого себя (vita sui), а жизнь самого себя, есть жизнь происходящая отъ соби человѣка, а собь человѣка — есть, въ себѣ самой, ничто иное какъ зло. Кто любитъ самого себя, тотъ любитъ и своихъ, т. е. дѣтей и внуковъ своихъ, и вообще всѣхъ тѣхъ, кои составляютъ съ нимъ одно и которыхъ онъ называетъ своими; любить тѣхъ и другихъ значитъ тоже самое, что любить себя, ибо такой человѣкъ видитъ ихъ въ себѣ и себя въ нихъ: въ числѣ тѣхъ, коихъ онъ называетъ своими, находятся и всѣ тѣ, которые его хвалятъ, почитаютъ и уважаютъ.

557. Изъ сравненія съ небесной любовью, можно видѣть въ чемъ состоитъ любовь къ себѣ. Небес-

ная любовь состоитъ въ томъ, чтобы любить службу ради службы, или благо ради блага; и человѣкъ несетъ эту службу и творитъ это благо для церкви, для отечества, для общества и для согражданъ своихъ: это значитъ любить Бога и любить ближняго, потому что всякая служба и всякое благо исходятъ отъ Господа и составляютъ того ближняго, котораго мы должны любить. Но кто любитъ службу и благо ради себя самого и выгоды, тотъ любитъ ихъ не иначе какъ слугъ, за то что они ему служатъ; изъ этого слѣдуетъ, что живущій въ любви къ себѣ, хочетъ чтобъ церковь, отечество, человѣческое общество и его сограждане служили ему, а самъ не хочетъ служить имъ; онъ ставитъ себя выше ихъ, а ихъ ставитъ ниже себя: посему, на сколько кто преданъ любви къ себѣ, на столько онъ удаляется отъ небесъ, ибо онъ на столько же удаляется отъ небесной любви.

558. Далѣе: на сколько кто живетъ небесной любовью, состоящей въ томъ, чтобъ любить всякаго рода службу и благо, и проникаться сердечнымъ удовольствіемъ, когда творишь ихъ ради церкви, отечества, человѣческаго общества, и согражданъ, — на столько тотъ человѣкъ ведется Господомъ, ибо въ этой любви пребываетъ самъ Господь и сама она исходитъ отъ Господа. Напротивъ того: на сколько кто живетъ въ любви къ себѣ, состоящей въ томъ, чтобы нести службу и творить благо для самого себя, на столько тотъ ведется самимъ собою, а на сколько человѣкъ ведетъ самъ себя, на столько онъ не ведется Господомъ; изъ этого слѣдуетъ и то, что

чѣмъ болѣе кто любитъ себя, тѣмъ болѣе онъ удаляется отъ Божественнаго начала, а слѣдовательно и отъ небесъ. Вести себя самому, значитъ быть ведому своею собью, а собь человѣка есть ничто иное какъ зло; ибо его наслѣдственное зло состоитъ въ томъ, чтобъ любить себя болѣе Бога, и міръ болѣе небесъ. Человѣкъ погружается въ собь свою, и затѣмъ въ свое наслѣдственное зло, всякій разъ какъ онъ видитъ себя во благѣ, которое онъ творитъ; ибо онъ тогда смотритъ отъ блага къ себѣ, а не отъ себя къ благу, почему и видитъ въ этомъ благѣ свой образъ, а не какой либо образъ Божества. Что это такъ, я убѣдился въ этомъ и по опыту: есть злые духи, коихъ жилища находятся въ средней области между сѣверомъ и западомъ, подъ небесами, и которые обладаютъ искусствомъ погружать добрыхъ духовъ въ свою собь, и слѣдовательно въ разнаго рода зло; для этого они погружаютъ ихъ въ мысли о себѣ самихъ, дѣйствуя при этомъ или открыто, лестію и почитаніемъ, или тайно, направляя ихъ чувства къ себѣ самимъ; по мѣрѣ того какъ они работаютъ надъ этимъ, они отвращаютъ отъ небесъ лица добрыхъ духовъ, затемняя вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ разумъ и вызывая изъ соби ихъ разнаго рода зло.

558bis. Что любовь къ себѣ противуположна любви къ ближнему, это можно видѣть по происхожденію и сущности той и другой. Любовь къ ближнему, въ тѣхъ, кои живутъ въ любви къ себѣ, начинается съ себя; они говорятъ, что каждый есть самъ себѣ ближній, и отъ себя, какъ отъ центра, они идутъ къ тѣмъ, которые образуютъ съ ними одно, убавляя

кругъ, смотря по степени, въ которой другіе соединены съ ними любовью: находящіеся внѣ этого сближенія, считаются за ничто, а тѣ, кои дѣйствуютъ противъ нихъ и противъ ихъ зла, почитаются врагами, хотябъ они и были людьми мудрыми, честными, искренними и правдивыми. Напротивъ того, духовная любовь къ ближнему, начинается отъ Господа, и отъ Господа какъ отъ центра, идетъ ко всѣмъ тѣмъ, которые соединены съ Господомъ любовію и вѣрой, и простирается къ нимъ по качеству любви и вѣры въ нихъ. Изъ этого ясно, что любовь къ ближнему, начинающаяся съ человѣка, противоположна любви къ ближнему, начинающейся съ Господа, и что первая исходитъ отъ зла, ибо исходитъ отъ соби человѣка, межъ тѣмъ какъ вторая исходитъ отъ блага, ибо исходитъ отъ Господа, который есть самое благо; ясно и то, что любовь къ ближнему, происходящая отъ человѣка и его соби — плотская, а любовь къ ближнему, исходящая отъ Господа — небесная. Словомъ, любовь къ себѣ въ томъ человѣкѣ, который ей преданъ, образуетъ голову, а небесная любовь ноги, на которыхъ онъ стоитъ, и которыми онъ даже попираетъ ее, если только она не нужна ему; вотъ отчего происходитъ, что низвергающіеся въ адъ, кажутся будто опрокидываются туда головою внизъ, а ногами вверхъ, см. выше н. 548.

559. Любовь къ себѣ такова, что чѣмъ болѣе ей послабляется, т. е. чѣмъ болѣе ей отпускаются внѣшнія узы, т. е. страхъ закона и налагаемыхъ имъ наказаній, страхъ потерять доброе имя, честь, выгоду, должность или жизнь, — тѣмъ болѣе она усиливается

и наконецъ доходитъ до желанія, не только владычествовать надъ всей землей, но и надъ небесами и даже надъ самимъ Божествомъ; ни предѣловъ, ни конца она не знаетъ. Такова страсть, которая скрывается въ каждомъ человѣкѣ, живущемъ въ любви къ себѣ, хотя она и не обнаруживается въ мірѣ, гдѣ человѣка удерживаютъ тѣ узы, о которыхъ было говорено выше. Что это такъ, всякій можетъ видѣть это изъ дѣйствій царей и сильныхъ міра сего, которые, не зная такихъ преградъ и узъ, идутъ на чужія области и, по мѣрѣ успѣха, завладѣваютъ ими, стремясь къ безпредѣльной славѣ и могуществу; это же самое еще яснѣе доказываетъ Вавилонъ нынѣшняго времени, который простеръ свое Господство даже до небесъ, всю Божественную власть Господа присвоилъ себѣ и постоянно стремится идти далѣе. Когда такіе люди, послѣ смерти своей, приходятъ въ ту жизнь, они становятся совершенно противъ Божества и небесъ, и переходятъ на сторону ада. См. объ этомъ небольшое сочиненіе *о Послѣднемъ Судѣ и разрушенномъ Вавилонѣ.*

560. Вообразите себѣ общество, состоящее изъ такихъ людей, что каждый любитъ только одного себя, а другихъ только въ той мѣрѣ, на сколько они съ нимъ составляютъ одно; и увидите, что любовь ихъ таже что между ворами, которые между собою обнимаются и зовутъ другъ друга друзьями, покуда дѣйствуютъ за одно, а какъ только расходятся и не признаютъ своего начальства, нападаютъ другъ на друга и рѣжутся. Если разсмотрѣть ихъ внутреннія начала или заглянуть въ ихъ духъ, окажется,

что они полны непримиримой другъ къ другу ненависти, что они внутренно смѣются надъ всѣмъ, что честно и правдиво, и даже надъ Божествомъ, которое они отбрасываютъ, какъ вещь пустую; это становится еще виднѣе изъ подобныхъ обществъ въ аду, о которыхъ будетъ говорено впослѣдствіи.

661. Внутреннія начала мыслей и чувствъ тѣхъ людей, кои болѣе всего любятъ самихъ себя, обращены къ нимъ самимъ и къ міру, т. е. въ противуположную сторону отъ Господа и небесъ; поэтому они полны всякаго рода зла, и Божественное начало не можетъ вліять на нихъ; ибо, какъ только оно начинаетъ вліять, оно погружается въ ихъ помыслы о себѣ самихъ, оскверняется и, въ тоже время, погружается въ разное зло, отъ ихъ соби происходящее. Вотъ отчего всѣ такіе люди смотрятъ въ той жизни, въ противуположную отъ Господа сторону, по направленію къ тому центру тмы, который занимаетъ тамъ мѣсто здѣшняго солнца и совершенно противоположенъ небесному солнцу, т. е. Господу, см. выше н. 123. Тма же означаетъ зло, а здѣшнее солнце любовь къ себѣ.

562. Разное зло, свойственное тѣмъ, кои живутъ въ любви къ себѣ, состоитъ вообще въ презрѣніи къ другимъ, въ зависти, въ непріязни къ тѣмъ, которые не благопріятствуютъ имъ, во враждѣ, которая отъ того возникаетъ, во всякаго рода ненависти, мщеніи, хитрости, обманѣ, немилосердіи и жестокости. Что касается до вѣры, то они не только питаютъ презрѣніе къ Божеству и къ Божественнымъ началамъ, т. е. къ истинамъ и благамъ церкви, но и

полны гнѣва противъ нихъ; когда же человѣкъ становится духомъ, гнѣвъ этотъ превращается въ ненависть, и тогда онъ не только терпѣть не можетъ, чтобъ говорили передъ нимъ о Божественныхъ предметахъ, но онъ даже пылаетъ ненавистью противъ всѣхъ тѣхъ, кои признаютъ Божественное начало и поклоняются ему. Я говорилъ съ однимъ духомъ, который въ мірѣ былъ изъ числа сильныхъ, и необыкновенно любилъ себя; когда онъ услыхалъ, что я говорю о Божествѣ, и въ особенности когда я произнесъ имя Господа, онъ до того пришелъ въ ярость отъ ненависти, что онъ пылалъ желаніемъ убить его; этотъ же самый духъ, когда узы любви его послаблялись, желалъ быть діаволомъ, чтобъ онъ могъ по любви своей къ себѣ, постоянно наваждать небеса: это же самое желаніе выражается многими изъ тѣхъ, кои принадлежатъ къ римско-католическому исповѣданію, когда они перешедши въ ту жизнь, замѣчаютъ, что всякая власть принадлежитъ Господу, а у нихъ нѣтъ ея нисколько.

563. Я увидалъ на западной сторонѣ, къ югу, нѣсколько духовъ, которые говорили, что, бывши въ мірѣ, они занимали высокія должности, вслѣдствіе чего теперь заслуживаютъ предпочтеніе предъ другими и должны имъ повелѣвать; ангелы изслѣдовали каковы они были внутри, и нашли, что они, въ мірскихъ должностяхъ своихъ, имѣли въ виду не службу свою, а самихъ себя, и что, слѣдовательно, они предпочитали себя службѣ. Но такъ какъ они сильно желали и домогались того, чтобъ повелѣвать другимъ, то имъ дано было занять мѣсто между ду-

хами, которые совѣщались о предметахъ высокой важности: тогда оказалось, что они вовсе не могли внимательно разсуждать о дѣлахъ, про которыя шла рѣчь, ни видѣть предметъ внутренно, въ себѣ самомъ; что они говорили, не думая о службѣ вещи но по соби своей, и кромѣ того, что они хотѣли дѣйствовать, какъ имъ заблагоразсудится, смотря по личной пріязни; посему они были отставлены отъ этой должности и отправлены искать себѣ другой, въ иномъ мѣстѣ. Они продолжали далѣе путь свой къ западу, и кое гдѣ были приняты; но имъ вездѣ было сказано, что они мыслятъ только о себѣ самихъ, и ни о чемъ иначе какъ о себѣ, что слѣдовательно они глупцы и только подобны плотскимъ чувственнымъ духамъ. Поэтому они были отсылаемы отовсюду, куда бы они ни приходили; а нѣсколько времени спустя, ихъ увидали въ крайней бѣдности, просящихъ милостыню. Изъ этого мнѣ стало ясно, что живущіе въ любви къ себѣ, хотя въ пылу любви своей и кажутся въ мірѣ будто говорятъ мудро, но что тѣмъ не менѣе они говорятъ такъ, только изъ памяти, а не по какому либо свѣту разсудка; вотъ почему въ той жизни, когда, содержащемуся въ ихъ природной памяти, не позволено болѣе возпроизводиться, они становятся глупѣе другихъ, — по той въ особенности причинѣ, что они отлучены отъ Божества.

564. Господство бываетъ двоякаго рода: одно принадлежитъ любви къ ближнему, другое любви къ себѣ. Эти оба рода господства, въ сущности совершенно другъ другу противоположны: кто господствуетъ изъ любви къ ближнему, тотъ всѣмъ жела-

етъ блага, и ничего такъ не любитъ, какъ службу, и слѣдовательно, служить другимъ (служить другимъ, значитъ желать блага другимъ, и нести службу для церкви, отечества, общества или согражданъ); вотъ въ чемъ состоитъ любовь и сердечное наслажденіе этого человѣка: поэтому, когда онъ, занятіемъ почетныхъ должностей, возвышается надъ другими, онъ радуется, но не ради самой должности, а ради тѣхъ высокихъ службъ, которыя тогда онъ можетъ исполнять въ бо̀льшемъ количествѣ; таково господство на небесахъ. Тотъ же человѣкъ, напротивъ, который господствуетъ по любви къ себѣ, никому не хочетъ блага, какъ только самому себѣ; службы, которыя онъ несетъ, исполняются имъ только изъ видовъ чести и славы, которыя одни и признаются имъ службами; онъ служитъ другимъ ради того только, чтобъ ему служили, чтобъ его почитали и чтобъ господствовать; онъ домогается высокихъ должностей, не ради добра, которое онъ долженъ принести отечеству и церкви, но ради того, чтобы быть на виду и въ славѣ, и затѣмъ наслаждаться своимъ сердечнымъ удовольствіемъ. Любовь къ господству остается въ каждомъ и въ той жизни; тѣ кои властвовали по любви къ ближнему, получаютъ власть и на небесахъ, но тогда не они господствуютъ, а службы, которыя они любятъ; а когда господствуютъ службы, то и господство принадлежитъ Господу: напротивъ тѣ, кои, въ мірѣ, властвовали изъ любви къ себѣ, перешедши въ ту жизнь, занимаютъ тамъ въ аду самыя низкія должности. Я видѣлъ людей могущественныхъ и властвовавшихъ въ мірѣ изъ любви къ

себѣ, брошенныхъ среди самыхъ низкихъ существъ ада, и даже нѣкоторыхъ среди тѣхъ, кои живутъ тамъ въ помойныхъ ямахъ (latrina).

565. Что же касается до любви къ міру, то эта любовь не въ той же степени противоположна небесной любви, потому что не такое зло скрывается въ ней. Любовь къ міру состоитъ въ томъ, чтобъ желать какимъ нибудь средствомъ стяжать себѣ чужое имущество, полагая сердце свое въ богатствѣ и допуская, чтобъ міръ отвлекалъ и отвращалъ духъ отъ любви духовной, т. е. отъ любви къ ближнему, и слѣдовательно отъ небесъ и Божества. Впрочемъ эта любовь разнообразна: иные любятъ богатства, чтобъ чрезъ нихъ подняться къ почестямъ, которыя однѣ любимы; иные любятъ почести и высшія должности, чтобъ пріобрѣтать богатства; иные любятъ богатства для различныхъ службъ, доставляющихъ имъ здѣсь удовольствія; другіе любятъ богатства для однихъ богатствъ, такова любовь скупыхъ, и т. д. Цѣль, съ которою любишъ богатства, называется службою, и эта цѣль или служба опредѣляетъ качество любви; ибо любовь такова, какова цѣль, для которой дѣйствуетъ человѣкъ: все осталное служитъ ему только средствомъ.

Что такое адской огонь и скрежетъ зубовъ.

566. Что такое вѣчный огонь и скрежетъ зубовъ, которымъ обрѣкаются по Слову тѣ, кои находятся въ аду — едва ли нынѣ кому извѣстно, потому

что человѣкъ, не зная духовнаго смысла Слова, все, что читалъ въ немъ, принималъ буквально: вотъ почему иные, подъ словомъ огонь, понимаютъ вещественный огонь, иные — страданія вообще, иные — угрызенія совѣсти, а иные, что объ этомъ огнѣ говорено было для того только, чтобъ внушить ужасъ ко злу; а подъ скрежетомъ зубовъ, иные понимали дѣйствительно такой скрежетъ, другіе же только ужасъ, который мы чувствуемъ, слыша скрежетъ зубовъ. Но кому вѣдомъ духовный смыслъ Слова, тотъ можетъ знать, что такое вѣчный огонь и скрежетъ зубовъ: въ Словѣ Божіемъ, въ каждомъ словѣ и въ каждомъ реченіи его, есть духовный смыслъ, ибо Слово внутри (in sinu) духовно; а духовное не иначе можетъ быть понятно выражено человѣку, какъ природнымъ образомъ, потому что человѣкъ живетъ въ мірѣ природномъ, и мыслитъ по тѣмъ предметамъ, которые находятся въ этомъ мірѣ. И такъ, вслѣдъ за этимъ будетъ сказано, что такое вѣчный огонь и скрежетъ зубовъ, которымъ подвергаются или которыми мучатся послѣ смерти своей, злые люди, или духъ ихъ, который тогда находится въ духовномъ мірѣ.

567. Начало тепла двоякое: одно отъ небеснаго солнца, т. е. отъ Господа, другое отъ земнаго солнца. Тепло, исходящее отъ небеснаго солнца, т. е. отъ Господа, есть тепло духовное, которое въ сущности своей есть любовь, см. выше нн. 126—140; тепло же, происходящее отъ солнца нашего міра, есть тепло природное, которое въ сущности не есть любовь, а только служитъ пріемникомъ духовнаго тепла или любви. Что любовь въ сущности своей есть тепло, это видно

изъ того, что духъ, а за тѣмъ и тѣло, согрѣваются присутствіемъ любви, даже согласно ея степени и качеству; это явленіе совершается въ человѣкѣ точно также зимою, какъ и лѣтомъ, и подтверждается такимъ же явленіемъ въ крови. Что тепло природное, исходящее отъ земнаго солнца, служитъ пріемникомъ теплу духовному, это видно изъ теплоты тѣлесной, которая возбуждается теплотою духа, и какъ бы замѣняетъ ее; въ особенности это видно изъ дѣйствія вешняго и лѣтняго тепла на всякако рода животныхъ, которыя ежегодно объ эту пору возвращаются къ любви своей (in amores redeunt): не то, чтобъ это тепло исполняло ихъ любовію, но оно располагаетъ ихъ тѣла къ воспринятію того тепла, которое и на нихъ наитствуетъ изъ духовнаго міра, ибо духовный міръ вліяетъ на природный, какъ причина на послѣдствіе. Кто думаетъ, что любовь животныхъ пораждается природнымъ тепломъ, тотъ весьма ошибается, потому что наитіе идетъ отъ духовнаго міра на природный, а не отъ природнаго міра на духовный, и всякая любовь, какъ принадлежность самой жизни, духовна; равно кто думаетъ, что въ мірѣ природномъ, хоть что нибудь существуетъ безъ наитія изъ духовнаго міра, тотъ одинаково ошибается, потому что все природное живетъ и существуетъ только въ силу духовнаго начала. Всѣ зародыши растительнаго царства также зачинаются отъ наитія изъ духовнаго міра; природное же тепло, въ вешнюю и лѣтнюю пору, только располагаетъ сѣмена въ ихъ природныхъ формахъ, наливая и вскрывая ихъ, чтобы, такимъ образомъ, наитіе изъ духовнаго міра, какъ

причина, могло бы проявить въ нихъ свое дѣйствіе. Все предшествующее сказано, чтобы было извѣстно, что тепло двоякаго рода, духовное и природное; что духовное тепло исходитъ отъ небеснаго солнца, а природное тепло отъ земнаго солнца; что наитіе перваго на послѣднее и затѣмъ ихъ совмѣстное дѣйствіе, производятъ тѣ явленія, которыя въ мірѣ нашемъ видимы для глаза.

568. Духовное тепло въ человѣкѣ, есть тепло его жизни, потому что въ сущности оно есть любовь, какъ и было сказано выше: это самое тепло и разумѣется въ Свящ. Писаніи, подъ словомъ огонь; любовь къ Господу и любовь къ ближнему подъ небеснымъ огнемъ, а любовь къ себѣ и любовь къ міру подъ адскимъ огнемъ.

569. Огонь или любовь адская происходитъ отъ того же начала, отъ котораго происходитъ и огонь или любовь небесная, т. е. отъ небеснаго солнца или Господа; но этотъ огонь становится адскимъ черезъ тѣхъ, которые принимаютъ его. Ибо всякое наитіе сходящее изъ духовнаго міра, измѣняется, смотря по тому, какъ оно принимается или смотря по образамъ, въ которые оно сходитъ; точно такъ какъ это бываетъ съ тепломъ и свѣтомъ, происходящими отъ здѣшняго солнца. Дѣйствіемъ этого тепла на лѣса и травы, развивается растительность, разливающая сладкое благоуханіе; но это же самое тепло, дѣйствуя на падаль и изверженія, производитъ гниль и зловоніе: такимъ же образомъ и свѣтъ, происходящій отъ того же солнца, производитъ въ одномъ предметѣ цвѣта прекрасные и привлекательные, а въ другомъ не-

красивые и противные. Это же самое повторяется съ тепломъ и свѣтомъ происходящими отъ небеснаго солнца, т. е. отъ любви; когда тепло или любовь наитствуетъ оттолѣ на благо, находящееся въ добрыхъ людяхъ и духахъ, и также въ ангелахъ, то оно оплодотворяетъ это благо; когда же это тепло или любовь наитствуетъ на злыхъ, то производитъ обратное дѣйствіе, ибо зло задушаетъ или извращаетъ его: такимъ же образомъ и небесный свѣтъ, вліяя въ истины блага, раждаетъ разумѣніе и мудрость, а вліяя на ложь зла, превращается въ безуміе и разнаго рода фантазіи. Такимъ образомъ его дѣйствія вездѣ согласны съ образомъ его принятія.

570. Адскій огонь, будучи ничто другое, какъ любовь къ себѣ и къ міру, есть слѣдовательно и всякая страсть (cupido), принадлежащая этой любви; потому что страсть есть любовь въ ея постоянномъ дѣйствіи (in suo continuo): что человѣкъ любитъ онъ того и желаетъ постоянно. Страсть (cupido) есть также и удовольствіе, потому что, когда человѣкъ получаетъ любимое или желаемое, онъ находитъ въ этомъ удовольствіе; его душевное наслажденіе не отъ другаго источника. И такъ, адскій огонь, есть страсть и удовольствіе, истекающія отъ этихъ обоихъ видовъ любви, какъ отъ своихъ источниковъ; виды зла, принадлежащаго этой любви, суть: презрѣніе къ другимъ, непріязнь и вражда къ тѣмъ, которые намъ не благопріятствуютъ; зависть, ненависть и мщеніе, а за тѣмъ насиліе и жестокость; относительно же Божества, отрицаніе и за тѣмъ презрѣніе, осмѣяніе и поруганіе всѣхъ самыхъ священныхъ, до церкви относящихся

предметовъ; это самое послѣ смерти, когда человѣкъ становится духомъ, обращается въ гнѣвъ и ненависть противъ нихъ, см. выше н. 562. Такъ какъ эти виды зла постоянно дышатъ желаніемъ уничтожить и умертвить тѣхъ, коихъ люди этого зла почитаютъ за враговъ своихъ, и противъ которыхъ они пылаютъ ненавистію и мщеніемъ, то и удовольствіе ихъ жизни состоитъ въ желаніи уничтожать и убивать противниковъ своихъ, а когда они этого не могутъ, то въ желаніи портить, вредить имъ, и свирѣпствовать противъ нихъ. Вотъ что разумѣется подъ огнемъ въ Словѣ, когда рѣчь идетъ объ злыхъ людяхъ и объ адѣ; чтобъ подтвердить это Словомъ, я приведу оттуда нѣсколько изрѣченій: *Вси беззаконніи и лукавіи, и взякая уста глаголятъ неправду; и разгорится яко огнь беззаконіе, и яко тростъ сухій поядена будетъ огнемъ, и разгорится въ чащахъ дубравныхъ. За ярость гнѣва Господня сгорѣ вся земля, и будутъ людіе яко огнемъ пожжены, человѣкъ брата своего не помилуетъ.* Ис. IX. 17. 18. 19. *И будетъ земля его горяща яко смола днемъ и нощію, и не угаснетъ въ вѣчное время, и взыдетъ дымъ ея высоцѣ.* Ис. XXXIV. 10. *И дамъ чудеса на небеси и на земли, кровь и огнь, и куреніе дыма, солнце обратится во тму.* Іоил. II. 30. *Яко се день грядетъ горящъ, яко пещь, и попалитъ я, и будутъ вси иноплеменницы и вси творящіи беззаконная яко стебліе: и возжетъ я день Господень грядый.* Мал. IV. 1. *Вавилонъ бысть жилище бѣсомъ, и вопіяху видяще, и дымъ ея восхождаше во вѣки вѣковъ.* Апок. XVIII. 2. 18. XIX. 3. *И отверзи студенца бездны и взыде дымъ пещи велики, и омерче солнце и*

воздухъ отъ дыма студеничнаго. Апок. IX. 2. *Изъ устъ коній исхождаше огнь и дымъ и жупелъ, и отъ трехъ язвъ сихъ погибе третія часть человѣковъ, отъ огня и отъ дыма и отъ жупела.* Апок. IX. 17 18. *Иже аще кто поклоняется звѣрю, той иматъ пити отъ вина ярости Божія, вина не растворенна въ чашѣ гнѣва его, и будетъ мученъ огнемъ и жупеломъ.* Апок. XIV. 9. 10. *И четвертый ангелъ излія фіалъ свой на солнце, и дано бысть ему опаляти человѣки огнемъ, и опалишася человѣци зноемъ великимъ.* Апок. XVI. 8. 9. *Вверженa быста въ озеро огненное, горящее жупеломъ.* Апок. XIX. 20. XX. 14. 15. XXI. 8. — *Всяко древо еже не творитъ плода добра, посѣкаемо бываетъ и въ огонь вмѣтаемо.* Матѳ. III. 10. Лук. III. 9. *Послетъ сынъ человѣческій ангелы своя, и соберутъ отъ царствія его вся соблазны и творящихъ беззаконіе, и ввергутъ ихъ въ пещь огненну: ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ.* Матѳ. XIII. 41. 42. 50. *Тогда речетъ царь сущимъ ошуюю его: идите отъ мене проклятіе въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеломъ его.* Матѳ. XXV. 41. Богатый, въ аду, сказалъ Аврааму: *стражду во пламени семъ.* Лук. XVI. 24. Въ этихъ изрѣченіяхъ и многихъ другихъ, подъ огнемъ разумѣется страсть, происходящая отъ любви къ себѣ и любви къ міру, а подъ дымомъ, исходящимъ отъ огня, разумѣется ложь, исходящая отъ зла.

571. Такъ какъ адскій огонь означаетъ страсть дѣлать зло, отъ любви къ себѣ и къ міру, и эта страсть свойственна всѣмъ жителямъ ада (см. предъидущую главу), то отъ этого и происходитъ, что когда адъ раскрывается, виднѣется что-то огненное

съ дымомъ, какъ это бываетъ при пожарѣ; густой огонь видѣнъ въ томъ аду, гдѣ царствуетъ любовь къ себѣ, а съ пламенемъ, въ томъ аду, гдѣ царствуетъ любовь къ міру. Когда адъ закрытъ, этого огня не видать, а на его мѣстѣ виднѣется что-то темное, какъ бы сгущенный дымъ; но внутри ада огонь этотъ все таки горитъ, что можно замѣтить по жару, который оттуда выходитъ, и который иногда, походитъ какъ бы на жаръ отъ горящихъ, послѣ пожара, остатковъ, а иногда, какъ бы на жаръ отъ раскаленнаго горна или отъ горячаго пара жаркой бани. Когда жаръ этотъ вліяетъ на человѣка, онъ возбуждаетъ въ злыхъ людяхъ ненависть и мщеніе, а въ больныхъ бредъ. Такой огонь или такое тепло, чувствуется людьми, живущими въ любви къ себѣ и къ міру, потому что духъ ихъ, даже покуда они живутъ на землѣ, невидимыми узами привязанъ къ тому аду, гдѣ царствуетъ такая любовь. Должно однакожъ знать, что живущіе въ аду не находятся въ огнѣ, но что огонь есть только одна видимость, ибо они не чувствуютъ тамъ никакого жженія, а только жаръ, какъ бывало и прежде въ мірѣ; огонь же видится по соотвѣтствію, потому что любовь соотвѣтствуетъ огню, а все, что представляется въ духовномъ мірѣ, представляется тамъ по соотвѣтствію.

572. Должно знать, что этотъ огонь или это адское тепло, переходитъ въ сильный холодъ, когда небесное тепло вліяетъ на него. Когда это случается, тогда жители ада дрожатъ, какъ бы въ ознобѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, внѣтренно мучатся; это происходитъ отъ того, что они, по духу своему, совершенно противоположны Бо-

жественному началу, и что небесное тепло, т. е. Божественная любовь, уничтожаетъ въ нихъ адское тепло, т. е. любовь къ себѣ, а вмѣстѣ съ этимъ и самый огонь ихъ жизни. Вотъ откуда тотъ холодъ, ознобъ и мученіе, коимъ подвергаются адскіе духи; при такомъ холодѣ, они оставляются и въ глубокомъ мракѣ отъ котораго понятія ихъ приходятъ въ помѣшательство и помраченіе. Но это бываетъ рѣдко и только въ томъ случаѣ, когда ихъ возмущенія выходятъ изъ должныхъ границъ и требуютъ усмиренія.

573. Такъ какъ и подъ адскимъ огнемъ разумѣется всякая страсть дѣлать зло отъ любви къ себѣ, то подъ этимъ же огнемъ разумѣются и адскія мученія; потому что у адскихъ жителей, страсть пораждаемая этой любовью состоитъ въ томъ, чтобъ вредить всѣмъ тѣмъ, кои не почитаютъ ихъ и не поклоняются имъ; и чѣмъ сильнѣе тогда гнѣвъ ихъ, и чѣмъ сильнѣе вслѣдствіе того ихъ ненависть и жажда мщенія, тѣмъ страстнѣе желаютъ они свирѣпствовать противъ недоброжелателей своихъ. Когда подобная ярость загорится во всѣхъ членахъ одного общества и ихъ не сдерживаютъ никакія внѣшнія узы, какъ то страхъ закона или потеря доброй славы, чести, выгоды и жизни, тогда каждый, по влеченіямъ своего зла, кидается на другаго, и по мѣрѣ силъ своихъ завладѣваетъ имъ; желаетъ и другихъ подчинить своей власти, а противъ тѣхъ, которые не поддаются ему, съ удовольствіемъ свирѣпствуетъ: это удовольствіе до того нераздѣльно отъ властолюбія, что идетъ съ нимъ рядомъ, ибо удовольствіе вредить нераздѣльно отъ вражды, ненависти, зависти, мщенія и другихъ ка-

чествъ, которыя, какъ было сказано выше, нераздѣльны отъ властолюбія. Всѣ ады состоятъ изъ такихъ обществъ, вслѣдствіе чего каждый духъ, въ сердцѣ своемъ, питаетъ ненависть къ другимъ и, по мѣрѣ ненависти и силъ своихъ, предается жестокостямъ. Эти жестокости и причиняемыя ими страданія, также разумѣются подъ адскимъ огнемъ, ибо суть послѣдствія господствующихъ тамъ страстей.

574. Выше было сказано, н. 548, что злой духъ бросается въ адъ по собственной воли своей; поэтому я въ нѣсколькихъ словахъ скажу, какимъ образомъ это происходитъ, не смотря на то, что его въ аду ожидаютъ такія мученія. Изъ каждаго ада распространяется особенная сфера отъ страстей, свойственныхъ его жителямъ: когда эта сфера чувствуется духомъ, въ которомъ господствуетъ таже самая страсть, она проникаетъ его сердце, и наполняетъ его удовольствіемъ, ибо страсть и удовольствіе страсти составляютъ одно; всякій находитъ свое удовольствіе въ томъ, чего желаетъ. Вслѣдствіе этого, духъ этотъ и обращается къ этому аду, и по удовольствію сердца своего, желаетъ тамъ остаться; онъ еще не знаетъ о тѣхъ мученіяхъ, которыя ожидаютъ его въ аду, но и тѣ, кои знаютъ ихъ, все таки желаютъ остаться тамъ: никто въ духовномъ мірѣ не можетъ устоять противъ своихъ страстей, потому что страсть человѣка принадлежитъ его любви, любовь его воли, а воля его природѣ или нраву, — живетъ же тамъ всякій по своему нраву. Вслѣдствіе чего, когда духъ по доброй воли своей, или съ полною свободою, прибываетъ въ свой адъ и входитъ туда, онъ сначала

принять какъ другъ, и потому увѣренъ, что находится между друзей; но это продолжается всего нѣсколько часовъ: межъ тѣмъ разсматриваютъ въ какой степени онъ хитеръ и силенъ. Послѣ того начинаютъ нападать на него (infestare), что совершается различнымъ образомъ, и постепенно съ бо̀льшею силою и жестокостію: для этого его заводятъ внутрь и вглубь ада, ибо чѣмъ далѣе внутрь и вглубь, тѣмъ духи злѣе; послѣ нападеній начинаютъ мучить его жестокими наказаніями, и не оставляютъ это до тѣхъ поръ, покуда несчастный не станетъ рабомъ. Но какъ тамъ попытки къ возстанію безпрестанны, вслѣдствіе того, что каждый хочетъ быть больше другихъ и пылаетъ къ нимъ ненавистію, то возникаютъ новыя возмущенія; такимъ образомъ одно зрѣлище смѣняется другимъ: обращенные въ рабство освобождаются, и помогаютъ какому нибудь новому діаволу завладѣть другими; а тѣ, которые не поддаются и не слушаются приказаній побѣдителя, снова подвергаются разнымъ мученіямъ, — и такъ далѣе, постоянно. Вотъ въ чемъ состоятъ адскія мученія, называющіяся адскимъ огнемъ.

575. Что же касается до скрежета зубовъ, то подъ этимъ должно понимать постоянные споры и состязанія между разными видами лжи (falsorum), и слѣдовательно, между тѣми духами, кои живутъ въ этихъ родахъ лжи; къ этимъ спорамъ и состязаніямъ присоединяется презрѣніе къ другимъ, вражда, осмѣяніе, издѣвка, богохульство, которыя точно также причиняютъ разнаго рода жестокія схватки, ибо каждый ратуетъ за свою ложь и говоритъ, что

это истина. Эти споры и состязанія слышны внѣ ада какъ бы скрежетъ зубовъ, и даже переходятъ въ дѣйствительный скрежетъ, когда истина наитствуетъ на нихъ съ небесъ. Въ такомъ аду живутъ всѣ тѣ, кои признавали природу и отвергали Божество, а въ самомъ глубокомъ, всѣ тѣ, которые утвердились въ такомъ понятіи: такъ какъ они нисколько не могутъ принять въ себя небеснаго свѣта, ни затѣмъ, хотя сколько нибудь видѣть истину внутри самихъ себя, то они большею частію плотски и чувственны, т. е. вѣрятъ въ то только, что видятъ глазами и осязаютъ руками; поэтому, всякій обманъ чувствъ, есть для нихъ истина, а изъ этого возникаетъ новый споръ. Ихъ споры потому слышны какъ бы скрежетъ зубовъ, что всякая ложь, въ духовномъ мірѣ, издаетъ звукъ подобный скрежету, и что зубы соотвѣтствуютъ, какъ послѣднимъ низшимъ началамъ въ природѣ, такъ и послѣднимъ, т. е. чувственно-плотскимъ началамъ въ человѣкѣ. Что въ аду есть скрежетъ зубовъ, см. Матѳ. VIII. 12. XIII. 42. 50. XXIV. 51. XXV. 30. Лук. XIII. 28.

О коварствѣ и ужасныхъ ухищреніяхъ адскихъ духовъ.

576. Кто мыслитъ внутренно и нѣсколько знакомъ съ отправленіями своего духа, тотъ можетъ видѣть и понять, какъ велико превосходство духа надъ человѣкомъ; ибо человѣкъ можетъ въ умѣ своемъ, въ одну минуту, передумать, сообразить и заключить го-

раздо болѣе, чѣмъ выразить въ полчаса словами или на письмѣ. Изъ этого видно, на сколько человѣкъ превосходитъ себя, когда онъ дѣйствуетъ однимъ духомъ своимъ (in spiritu), и на сколько, слѣдовательно, онъ будетъ выше, когда станетъ вполнѣ духомъ; ибо то, что мыслитъ въ немъ есть духъ, а тѣло есть только орудіе, чрезъ которое духъ передаетъ мысли свои письмомъ или рѣчью. Поэтому самому, человѣкъ, ставшій послѣ смерти своей ангеломъ, обладаетъ разумѣніемъ и мудростью несказанною, въ сравненіи съ тѣмъ разумѣніемъ и мудростію, съ которыми онъ жилъ на землѣ: когда онъ жилъ въ мірѣ, духъ его былъ привязанъ къ тѣлу, и черезъ это находился въ мірѣ природномъ, посему то, что онъ и мыслилъ тогда духовно, переходило (influxit) въ понятія природныя, которыя сравнительно съ духовными, обыкновенны грубы и темны; эти понятія вовсе не вмѣщаютъ тѣхъ безчисленныхъ предметовъ, которые принадлежатъ духовному мышленію, а если что въ нихъ и вмѣщается, то это облекается въ густую тму, пораждаемую мірскими заботами. Совсѣмъ иное дѣло, когда духъ отрѣшается отъ тѣла и приходитъ въ свое духовное состояніе, что случается, когда онъ переходитъ изъ природнаго міра въ духовный, который есть его собственный. Изъ выше сказаннаго ясно, что тогда состояніе его, относительно мыслей и чувствъ (affectio), несравненно выше его предшествующаго состоянія, и что слѣдователно, мысли ангельскія содержатъ въ себѣ то, что не можетъ быть ни высказано, ни передано, и что, поэтому, не можетъ войти въ природныя мысли человѣка, — хотя каждый

ангелъ и родился и жилъ человѣкомъ, и тогда не казалось ему, чтобы въ немъ было болѣе мудрости, чѣмъ въ другомъ, подобномъ ему человѣкѣ.

577. Сколь много мудрости и разумѣнія въ ангелахъ, столь же много коварства и хитрости въ адскихъ духахъ: степени одинаковы, потому что духъ человѣка отрѣшаясь отъ тѣла предается или своему благу или своему злу; ангельскій духъ предается своему благу, а адскій духъ своему злу. Ибо всякій духъ, какъ образъ любви своей, есть и образъ своего блага или своего зла, что уже не разъ было сказано и доказано; слѣдователно, какъ ангельскій духъ мыслитъ, хочетъ, говоритъ и дѣйствуетъ по своему благу, такъ точно и адскій духъ мыслитъ и дѣйствуетъ по своему злу: мыслить, хотѣть, говорить и дѣйствовать по своему злу, значитъ мыслить, хотѣть, говорить и дѣйствовать отъ полноты зла. Иначе было, когда духъ этотъ жилъ еще въ тѣлѣ: тогда зло, принадлежащее духу человѣка, сдерживалось узами, которыя на каждаго человѣка налагаются закономъ, расчетомъ, честью, славой и страхомъ потерять ихъ; поэтому, духовное зло его не могло прорваться, и объявиться, какимъ оно было по себѣ. Кромѣ того зло, принадлежавшее духу человѣка, таилось тогда, и скрывалось подъ личиною честности, искренности, справедливости и любви (affectio) къ истинѣ и благу: все это человѣкомъ исповѣдывалось устами и выказывалось въ дѣлахъ ради міра; а зло, подъ этой внѣшностью, до того было затаяно и укрыто во тмѣ, что самъ человѣкъ едва зналъ, что въ духѣ его столько коварства и хитрости, и что слѣдовательно онъ былъ уже въ

себѣ тѣмъ діаволомъ, которымъ онъ становится послѣ смерти. Когда духъ его предоставляется самому себѣ и своей природѣ, тогда обнаруживается въ немъ такое коварство, что оно превосходитъ всякое вѣроятіе: зло его тогда проявляется на тысячу ладовъ; иное такого рода, что нѣтъ словъ ни на какомъ языкѣ, чтобъ описать его. Въ чемъ оно состоитъ, мнѣ дано было многими опытами узнать и увидать, потому что мнѣ дано было Господомъ въ одно и тоже время быть духомъ въ мірѣ духовномъ, а тѣломъ въ мірѣ природномъ: я могу засвидѣтельствовать, что коварство злыхъ духовъ такъ велико, что едва одинъ случай изъ тысячи можетъ быть описанъ; могу также засвидѣтельствовать, что безъ покровительства Господня, ни одинъ человѣкъ никогда не могъ бы спастись отъ ада, потому что при каждомъ человѣкѣ столько же адскихъ духовъ, какъ и небесныхъ ангеловъ, см. нн. 292—293. Господь же не можетъ хранить человѣка, если человѣкъ не признаетъ Божественнаго начала и не живетъ жизнію вѣры и благостыни; ибо въ противномъ случаѣ, отвращаясь отъ Господа, онъ обращается къ адскимъ духамъ, и слѣдовательно духъ его исполняется адскимъ коварствомъ. Тѣмъ не менѣе Господь постоянно отвращаетъ человѣка отъ зла, которое онъ въ сообществѣ такихъ духовъ постоянно, такъ сказать, прилагаетъ или притягиваетъ къ себѣ; отвращаетъ же его Господь, если не внутренними, совѣсти принадлежащими узами, которыхъ онъ не признаетъ, когда отвергаетъ Божественное начало, — то по крайней мѣрѣ, узами внѣшними, т. е. какъ было сказано выше, страхомъ

закона и его наказаній, страхомъ лишиться выгоды, чести или славы. Такой человѣкъ, хотя правда и можетъ быть отклоненъ отъ зла, посредствомъ удовольствій любви къ себѣ, и страхомъ потери ихъ, но не можетъ быть приведенъ къ духовному благу; ибо по мѣрѣ того, какъ онъ къ нему приводится, онъ придумываетъ хитрости и обманы, представляясь и притворяясь, будто дѣлаетъ добро по правдѣ и справедливости, желая убѣдить въ этомъ другихъ, и слѣдовательно обмануть ихъ: эта хитрость прибавляется ко злу духа его, придаетъ ему образъ (format), и содѣлываетъ его тѣмъ зломъ, какимъ оно и есть, по природѣ своей.

578. Самые худшіе изо всѣхъ духовъ тѣ, кои жили во злѣ, происходившемъ отъ любви къ себѣ, и которые вмѣстѣ съ тѣмъ, внутренно поступали обманчиво, потому что обманъ (dolus) проникаетъ глубже въ мысли и намѣренія, заражаетъ ихъ ядомъ и слѣдовательно уничтожаетъ всякую духовную жизнь въ человѣкѣ; бо́льшая часть этихъ духовъ живутъ въ аду, находящемся назади, и называются геніями: тутъ ихъ удовольствіе состоитъ въ томъ, чтобы дѣлаться невидимыми, летать подобно призракамъ около другихъ, и внушать имъ тайно зло, которое разливается вокругъ нихъ, какъ ядъ змѣиный. Тѣ же, кои не были обманщиками и не насыщались злыми хитростями, но были однакоже во злѣ, по любви къ себѣ, также находятся въ аду, назади, но не въ столь глубокомъ. Тѣ же напротивъ, которые жили во злѣ по любви къ міру, находятся въ аду, который впереди и называются духами: зло, которымъ они полны

не такого рода, т. е. это не такая ненависть и жажда мщенія какъ у тѣхъ, которые жили во злѣ, по любви къ себѣ, — слѣдовательно, въ нихъ нѣтъ ни такого коварства, ни такой хитрости; вотъ почему и адъ ихъ не такъ жестокъ.

579. Мнѣ дано было на опытѣ узнать, каково коварство такъ называемыхъ геніевъ: они дѣйствуютъ и вліяютъ не на мысли, а на чувства (affectio), они замѣчаютъ и чуютъ ихъ, какъ собака чуетъ звѣря въ лѣсу; какъ только они замѣчаютъ добрыя чувства, они тотчасъ обращаютъ ихъ въ дурныя, направляя и склоняя ихъ, чуднымъ образомъ, посредствомъ удовольствій самого человѣка; и такъ тайно, и съ такимъ лукавымъ искусствомъ, что онъ ничего объ этомъ не знаетъ, потому что они съ такимъ же искусствомъ устраняютъ въ человѣкѣ всякую мысль объ ихъ вмѣшательствѣ, — безъ этой предосторожности, онъ замѣтилъ бы ихъ дѣйствіе. Мѣсто ихъ пребыванія въ человѣкѣ, затылокъ. Эти геніи, будучи въ мірѣ, принадлежали къ числу тѣхъ людей, которые обманомъ завладѣвали умами (animos) другихъ, направляя ихъ и убѣждая посредствомъ удовольствій ихъ чувствъ и страстей. Однакожъ Господь отстраняетъ этихъ геніевъ отъ того человѣка, на переобразованіе котораго есть надежда; ибо они таковы, что не только могутъ уничтожить совѣсть, но даже возбудить въ человѣкѣ то наслѣдственное его зло, которое иначе оставалось бы сокрытымъ: посему, чтобъ человѣкъ не вовлекался въ такое зло, Господомъ предусмотрено, чтобъ этотъ адъ былъ совершенно замкнутъ, а когда какой нибудь человѣкъ, который по

нраву своему есть такой геній, приходитъ, послѣ смерти своей, въ ту жизнь, онъ тотчасъ же ввергается въ этотъ адъ. Эти геніи, когда они разсматриваются по обманамъ и ухищреніямъ своимъ, кажутся змѣями.

580. Каково коварство адскихъ духовъ, видно изъ ихъ ужасныхъ ухищреній, которыя столь многочисленны, что одно исчисленіе ихъ наполнило бы книгу, а описаніе потребовало бы нѣсколько томовъ; эти ухищренія почти всѣ невѣдомы въ мірѣ. Одинъ изъ видовъ ихъ состоитъ въ злоупотребленіи соотвѣтствій; другой, въ злоупотребленіи послѣднихъ степеней Божественнаго порядка; третій, въ сообщеніи и вліяніи (внушеніи) мыслей и чувствъ, вращаясь около человѣка (per conversiones), глядя на него, и дѣйствуя, или чрезъ другихъ духовъ, на разстояніи, или прямо чрезъ посланныхъ отъ себя; четвертый, въ дѣйствіи посредствомъ фантазій; пятый въ томъ, что они, какъ будто выходятъ изъ себя и чрезъ это заявляютъ свое присутствіе тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ; шестой видъ состоитъ въ притворствахъ, увѣреніяхъ и обманахъ. Духъ злаго человѣка, по отрѣшеніи своемъ отъ тѣла, самъ приходитъ къ этимъ ухищреніямъ, потому что они присущи природѣ того зла, которому онъ тогда предается. Этими ухищреніями жители ада мучатъ другъ друга; но какъ всѣ эти пріемы, кромѣ притворствъ, соблазновъ и обмановъ, неизвѣстны въ мірѣ, то я и не буду описывать ихъ здѣсь въ подробности, какъ потому, что они останутся непонятными, такъ и потому, что они мерзки (nefanda).

581. Адскія мученія допускаются Господомъ, потому что зло не могло бы иначе быть сдержано

и подавлено; единственное средство удерживать и укрощать его, и равно обуздывать адское сонмище — страхъ наказанія; другаго средства нѣтъ: безъ страха кары и мученія, зло перешло бы въ ярость, и все бы рушилось (dispergeretur totum), какъ царство на землѣ, въ которомъ бы не было ни закона, ни кары.

О видѣ, мѣстоположеніи и множествѣ адовъ.

582. Въ духовномъ мірѣ или въ томъ мірѣ, гдѣ живутъ ангелы и духи, видны тѣже предметы какъ и въ природномъ мірѣ, въ которомъ живутъ люди, и до того тѣ же, что по внѣшнему виду нѣтъ между ними никакой разницы; тамъ видны равнины и горы, холмы и скалы, съ долинами между ними; также и воды, и многое другое, что на землѣ: но тѣмъ не менѣе всѣ эти предметы духовнаго происхожденія, поэтому и видимы они только для духовъ и ангеловъ, а не для людей, которые живутъ въ природномъ мірѣ; духовныя существа видятъ предметы духовнаго происхожденія. Вотъ почему человѣкъ никакъ не можетъ видѣть глазами своими предметовъ, находящихся въ духовномъ мірѣ, если ему не дано быть въ духѣ, или покуда онъ самъ, послѣ смерти, не станетъ вполнѣ духомъ; въ свою очередь, ангелы и духи ничего не могутъ видѣть въ природномъ мірѣ, если только они не находятся съ такимъ человѣкомъ, которому дано говорить съ ними: ибо глаза человѣка приспособлены къ принятію свѣта природнаго міра,

а глаза духовъ и ангеловъ къ принятію свѣта духовнаго міра, хотя на видъ, глаза тѣхъ и другихъ совершенно одинаковы. Что таковъ духовный міръ, этого не можетъ понять человѣкъ природный, ни тѣмъ паче человѣкъ чувственный, т. е. тотъ, который вѣритъ только тому, что видитъ своими тѣлесными глазами, и осязаетъ своими тѣлесными руками, слѣдовательно тому только, что онъ понялъ (hausit) зрѣніемъ и осязаніемъ; вотъ на чемъ основано его мышленіе, посему и мысли его вещественны, а не духовны. Вслѣдствіе такого сходства духовнаго міра съ природнымъ, человѣкъ послѣ смерти своей, едва замѣчаетъ, что онъ не въ томъ мірѣ, гдѣ онъ родился, и который онъ покинулъ; по этой же причинѣ, смерть называется, иногда, переходомъ изъ одного міра въ другой, ему подобный. О такомъ сходствѣ между тѣмъ и другимъ міромъ, см. что было сказано выше, объ изображеніяхъ и видимостяхъ на небесахъ, нн. 170—176.

583. Въ высшихъ областяхъ духовнаго міра находятся небеса; ниже ихъ міръ духовъ; а подъ тѣмъ и другимъ — адъ. Небеса не видимы (non apparent) для духовъ, находящихся въ мірѣ духовъ, развѣ только въ томъ случаѣ, когда открыто въ нихъ внутреннее зрѣніе; иногда же они бываютъ видимы какъ бы легкій туманъ (nimbi) или свѣтлыя облачки: это происходитъ отъ того, что небесные ангелы находятся въ болѣе внутреннемъ состояніи, относительно разумѣнія и мудрости, и слѣдовательно, внѣ зрѣнія тѣхъ, кои находятся въ мірѣ духовъ. Тѣ духи, которые живутъ въ долинахъ и равнинахъ

видятъ другъ друга, но когда они тутъ раздѣляются, что случается при вступленіи ихъ въ жизнь внутреннихъ началъ своихъ, тогда злые духи не видятъ добрыхъ; добрые же духи, хотя и могутъ видѣть ихъ, но отвращаются отъ нихъ; а духъ, отвернувшись, дѣлается невидимъ. Что же касается до адовъ, то ихъ не видно, потому что они закрыты; только входы, называемые вратами, бываютъ видны въ то время, когда они растворяются для пропуска такихъ же духовъ, какъ адскіе. Всѣ врата, ведущіе къ адамъ, отворяются со стороны міра духовъ, и ни одни не отворяются со стороны небесъ.

584. Ады есть вездѣ; какъ подъ горами, холмами и скалами, такъ и подъ равнинами и долинами: отверзтія или врата, ведущія къ адамъ, которые расположены подъ горами, холмами и скалами, кажутся на видъ провалами или разсѣлинами въ скалахъ, изъ коихъ иные широки и просторны, другіе тѣсны и узки, и почти всѣ обрывисты. Всѣ они, когда смотришь на нихъ, кажутся темными и мрачными; но адскіе духи, находящіеся внутри, видятъ свѣтъ, который похожъ, какъ бы на свѣтъ отъ раскаленныхъ углей: глаза ихъ приспособлены къ принятію такого свѣта, вслѣдствіе того, что живши въ мірѣ и отрицая Божественныя истины, они были, относительно ихъ, во тмѣ, а относительно лжи, утверждая ее, были какъ бы въ свѣтѣ (lumine); вотъ почему у нихъ образовалось такое зрѣніе, и свѣтъ небесный кажется имъ тмою, — такъ что, когда они выходятъ изъ пещеръ своихъ, они ничего не видятъ. Изъ этого стало для меня какъ нельзя яснѣе, что на столько человѣкъ при-

ходитъ къ небесному свѣту, на сколько онъ признаетъ Божественное начало и утверждается въ томъ, что относится до небесъ и церкви; и обратно, что на столько онъ приходитъ къ адской тмѣ, на сколько отрицаетъ Божественное начало и утверждается въ томъ, что противно относящемуся до небесъ и церкви.

585. Отверзтія или врата, ведущія къ адамъ, находящимся подъ равнинами и долинами, на видъ различны: нѣкоторыя подобны тѣмъ, которыя находятся подъ горами, холмами и скалами; другія подобны пещерамъ или норамъ; третьи подобны пропастямъ и пучинамъ; иныя похожи на болота, а нѣкоторыя на озера стоячей воды. Всѣ они сверху закрыты и открываются только въ то время, когда злые духи низвергаются туда изъ міра духовъ; когда они открываются, оттуда изрыгается какъ бы огонь съ дымомъ, какъ это бываетъ на пожарѣ, или какъ бы пламя безъ дыму, или какъ бы сажа вылетающая изъ раскаленнаго горна, или какъ бы туманъ или темная туча. Я узналъ что адскіе духи не видятъ и не чувствуютъ этого огня, дыму и пр., потому что среди всего этого, они какъ бы въ своей атмосферѣ, и слѣдовательно въ удовольствіи своей жизни; это происходитъ оттого, что эти вещи соотвѣтствуютъ злу и лжи, въ которыхъ они живутъ, а именно: огонь — ненависти и мщенію; дымъ и сажа — лжи отъ тѣхъ золъ происходящей; пламя — злу любви къ себѣ, а туманъ и густое облако — лжи отъ этого зла происходящей.

586. Мнѣ также дано было заглянуть въ ады и видѣть каковы они внутри, ибо когда Господу

угодно, духи и ангелы находящіеся сверху, могутъ зрѣніемъ проникнуть въ самую глубину адовъ и разсмотрѣть каковы они, не смотря на то, что они закрыты; такимъ же образомъ и мнѣ дано было видѣть ихъ внутри. Иные ады показались мнѣ на видъ какъ бы пещерами или вертепами въ скалахъ, сперва направляющимися внутрь, а потомъ вкось или отвѣсно въ глубину; нѣкоторые ады показались мнѣ какъ бы норами и берлогами дикихъ звѣрей въ лѣсу; другіе какъ бы сводчатами пещерами и подземными ходами, какіе бываютъ въ рудокопняхъ, съ углубленіями внутрь. Большая часть адовъ въ три яруса: верхніе кажутся внутри темными, потому что тутъ адскіе жители во лжи своего зла; нижніе же ярусы кажутся огненными, потому что тутъ духи живутъ въ самомъ злѣ; тма соотвѣтствуетъ лжи, происходящей отъ зла, а огонь самому злу: въ самомъ глубокомъ аду живутъ тѣ, кои внутренно поступали по злу, а въ менѣе глубокомъ тѣ, кои поступали такъ болѣе внѣшнимъ образомъ, т. е. по лжи отъ зла. Въ нѣкоторыхъ адахъ виднѣются какъ бы развалины домовъ и городовъ послѣ пожара, — тутъ живутъ и скрываются адскіе духи. Въ менѣе жестокихъ адахъ виднѣются какъ бы плохія избушки, иногда сплошныя на подобіе города, съ улицами и площадями: въ этихъ домахъ обитаютъ адскіе духи, предаваясь постоянно ссорамъ, распрямъ, дракамъ и истязаніямъ; на улицахъ и площадяхъ совершается воровство и грабежъ. Въ иныхъ адахъ только одни распутные, отвратительные на видъ, дома, полные всякаго рода нечистотъ и изверженій. Есть тамъ и темные лѣса въ

которыхъ адскіе духи скитаются, какъ дикіе звѣри, и въ которыхъ также есть подземныя пещеры, служащія мѣстомъ убѣжища для преслѣдуемыхъ. Есть тамъ и пустыни, въ которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ песку и безплодія; кое гдѣ тутъ попадаются крутыя скалы съ пещерами, а иногда и хижинки: въ эти пустынныя мѣста выгоняются изъ ада тѣ, кои перенесли крайнія муки, въ особенности тѣ, кои въ мірѣ превзошли другихъ искусствомъ обмана и вымысломъ хитростей; такова на послѣдокъ ихъ жизнь.

587. Что же касается до мѣстоположенія адовъ въ частности, никто этого не можетъ знать, ни даже ангелы ни небесахъ; это вѣдомо одному Господу: но ихъ общее мѣстоположеніе извѣстно по странамъ свѣта, въ направленіи которыхъ они находятся; потому что ады относительно странъ свѣта, расположены какъ и небеса; страны же свѣта распредѣляются въ духовномъ мірѣ по роду любви. Всѣ страны свѣта начинаются на небесахъ отъ Господа, какъ солнца, т. е. отъ востока; а какъ ады противоположны небесамъ, то ихъ страны свѣта начинаются съ противоположной стороны, т. е. съ запада, см. объ этомъ главу о четырехъ странахъ свѣта на небесахъ, нн. 141—153: отъ этого происходитъ, что ады, на западной сторонѣ, самые жестокіе и ужасные, и тѣмъ болѣе жестоки и ужасны, чѣмъ они болѣе удалены отъ востока. Въ этихъ адахъ находятся тѣ, кои въ мірѣ жили въ любви къ себѣ и затѣмъ въ презрѣніи къ другимъ, во враждѣ къ тѣмъ, которые имъ не благопріятствовали, въ ненависти и мщеніи противъ тѣхъ, кои не почитали ихъ и не поклонялись

имъ. Въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ этихъ адовъ находятся тѣ, которые, принадлежа къ такъ называемому римско-католическому вѣроисповѣданію, желали чтобъ имъ поклонялись какъ богамъ, и вслѣдствіе того возгарались ненавистію и мщеніемъ противъ всѣхъ, не признававшихъ ихъ права надъ человѣческою душею и надъ небесами; они и послѣ смерти своей, исполнены тогоже духа, т. е. той же ненависти и страсти мщенія противъ тѣхъ, которые противятся имъ: ихъ величайшее удовольствіе въ жестокостяхъ; но въ той жизни эти страсти обращаются противъ нихъ самихъ, потому что въ этихъ адахъ ихъ, коими полна вся западная сторона, каждый неистовствуетъ противъ того, кто не признаетъ въ немъ Божественной власти; но объ этомъ будетъ сказано болѣе въ сочиненіи *о Послѣднемъ Судѣ и разрушенномъ Вавилонѣ.* Какимъ образомъ ады расположены въ этой странѣ, этого знать нельзя, кромѣ того развѣ, что самые жестокіе изъ нихъ простираются по краямъ къ сѣверной сторонѣ, а менѣе жестокіе, къ южной; такимъ образомъ жестокость адовъ убываетъ отъ сѣверной стороны къ южной, и также постепенно къ востоку. На востокѣ находятся тѣ, которые были высокомѣрны и не вѣрили въ Божественное начало, но которые однакожъ не предавались ни такой ненависти, ни такому мщенію, ни такимъ обманамъ, какъ тѣ, кои находятся въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ западной стороны. Въ настоящее время, въ восточной сторонѣ нѣтъ адовъ; тѣ, кои были тутъ, перенесны въ переднюю часть западной стороны. Ады въ сѣверной и южной сторонѣ многочисленны; въ

этихъ адахъ находятся тѣ, кои, живши на землѣ, предавались любви къ міру и затѣмъ разнаго рода злу, какъ то: непріязни, враждѣ, утайкѣ, кражѣ, хитрости, скупости, немилосердію. Самые жестокіе ады этого разряда на сѣверной сторонѣ, а менѣе жестокіе на южной; жестокость ихъ увеличивается по мѣрѣ приближенія ихъ къ западной сторонѣ и по мѣрѣ отдаленія ихъ отъ южной. Позади адовъ западной стороны темные лѣса, въ которыхъ злые духи скитаются, какъ дикіе звѣри. Есть также лѣса и позади адовъ сѣверной стороны; но позади адовъ южной стороны находятся пустыни, о которыхъ только что было говорено выше. Вотъ все, что можно сказать о мѣстоположеніи адовъ.

588. Что же касается до ихъ многочисленности, то ихъ столько же, какъ и ангельскихъ обществъ на небесахъ, потому что каждому небесному обществу соотвѣтствуетъ, по противоположности, адское общество. Что небесныя общества многочисленны, и что они всѣ различаются по благамъ любви, благостыни и вѣры, см. объ этомъ главу объ обществахъ, изъ коихъ состоятъ небеса, нн. 41—50, и главу о необъятности небесъ, нн. 415—420: тоже самое можно сказать и объ адскихъ обществахъ; они различаются по роду зла, благу противоположнаго. Всякое зло, какъ и всякое благо, безконечно разнообразно: этого не могутъ понять тѣ, которые имѣютъ одно только простое понятіе о каждомъ злѣ, на примѣръ о презрѣніи, о враждѣ, о ненависти, о мщеніи, объ обманѣ и тому подобномъ; но да будетъ вѣдомо, что каждое такое зло, содержитъ въ себѣ столько особенныхъ

оттѣнковъ (differentias), и затѣмъ каждый изъ нихъ столько новыхъ особенныхъ или частныхъ оттѣнковъ, что цѣлой книги было бы не достаточно для ихъ исчисленія. Ады такъ отчетливо и по порядку расположены, согласно оттѣнку каждаго рода зла, что ни въ чемъ не можетъ быть бо̀льшаго порядка или отчетливости; изъ этого можно видѣть, что ады безчисленны, возлѣ или вдали другъ отъ друга, смотря по различію видовъ зла вообще, въ частности и въ особенности. Есть также ады подъ адами; нѣкоторые изъ нихъ сообщаются между собой посредствомъ проходовъ, но большая часть изъ нихъ посредствомъ испареній, и это дѣлается точно также по сходству одного рода и вида зла съ другимъ. Какъ велико число адовъ, мнѣ дано было узнать изъ того, что они находятся подъ каждой горой, подъ каждымъ холмомъ, подъ каждой скалой, и также подъ каждой равниной и долиной духовнаго міра, и что они подъ ними простираются въ длинну, ширину и глубину; однимъ словомъ, всѣ небеса и весь міръ духовъ какъ бы снизу вырыты (excavati), и подъ ними сплошной адъ. Вотъ что можно сказать о многочисленности адовъ.

О равновѣсіи между небесами и адомъ.

589. Для существованія чего бы то ни было, необходимо чтобы все было въ равновѣсіи; безъ равновѣсія нѣтъ ни дѣйствія, ни воздѣйствія, потому что равновѣсіе имѣетъ мѣсто между двухъ силъ, изъ

коихъ одна дѣйствуетъ, а другая воздѣйствуетъ: состояніе покоя, происходящее отъ одинакаго дѣйствія и воздѣйствія, называется равновѣсіемъ. Въ природномъ мірѣ есть равновѣсіе во всемъ, и въ каждой вещицѣ; также и въ самихъ атмосферахъ, въ коихъ низшіе слои воздѣйствуютъ и сопротивляются, на сколько верхніе дѣйствуютъ и нажимаютъ; въ природномъ мірѣ есть также равновѣсіе между тепломъ и холодомъ, между свѣтомъ и тмою, между сухимъ и влажнымъ, — средняя температура есть равновѣсіе. Есть также равновѣсіе и во всѣхъ предметахъ всѣхъ трехъ царствъ природы, т. е. ископаемаго, растительнаго и животнаго, потому что безъ равновѣсія въ нихъ, ничего не живетъ (existit) и не существуетъ (subsistit); вездѣ есть какъ бы усиліе дѣйствующее съ одной стороны, и какъ бы воздѣйствующее съ другой. Всякое бытіе (existentia), или всякое проявленіе (effectus), совершается въ равновѣсіи (fit in equilibrio), но совершается вслѣдствіе того, что одна сила дѣйствуетъ, а другая даетъ на себя дѣйствовать, или, что одна сила вліяя дѣйствуетъ, а другая принимаетъ и должнымъ образомъ уступаетъ. Въ природномъ мірѣ, то что дѣйствуетъ и воздѣйствуетъ, называется силой и усиліемъ (conatus), но въ духовномъ мірѣ то, что дѣйствуетъ и воздѣйствуетъ, называется жизнію и волей; тамъ жизнь есть живая сила, а воля — живое усиліе, самое же равновѣсіе называется свободой. Такимъ образомъ, духовное равновѣсіе или свобода образуется и существуетъ между благомъ, которое дѣйствуетъ съ одной стороны и зломъ, которое воздѣйствуетъ съ другой; или между зломъ,

которое дѣйствуетъ съ одной стороны и благомъ, которое воздѣйствуетъ съ другой. Въ добромъ человѣкѣ, равновѣсіе образуется между благомъ, которое дѣйствуетъ и зломъ, которое воздѣйствуетъ; а въ зломъ человѣкѣ, равновѣсіе образуется между зломъ дѣйствующимъ, и благомъ воздѣйствующимъ. Духовное равновѣсіе образуется (est) между благомъ и зломъ вслѣдствіе того, что все, принадлежащее жизни человѣка, относится ко благу или ко злу, и что воля служитъ тому пріемникомъ. Есть также равновѣсіе между ложью и истиной; но это равновѣсіе зависитъ отъ равновѣсія между добромъ и зломъ; равновѣсіе между истиной и ложью, подобно равновѣсію между свѣтомъ и тмою, которыя дѣйствуютъ на предметы растительнаго царства, только по мѣрѣ присутствія въ нихъ тепла и холода: что свѣтъ и тма сами по себѣ ничего не производятъ, а что тепло дѣйствуетъ черезъ нихъ, это можно видѣть изъ того, что зимой есть такой же свѣтъ и темнота, какъ и весной. Сравненіе истины и лжи, со свѣтомъ и тмою, основано на соотвѣтствіи, ибо истина соотвѣтствуетъ свѣту, ложь — тмѣ, а тепло — благу любви; кромѣ того, духовный свѣтъ есть истина, духовная тма есть ложь, а духовное тепло, благо любви. См. объ этомъ главу, въ которой было говорено о свѣтѣ и теплѣ на небесахъ, нн. 126—140.

590. Между небесами и адомъ существуетъ постоянное равновѣсіе; изъ ада постоянно дышетъ и возникаетъ усиліе дѣлать зло, а съ небесъ постоянно дышетъ и нисходитъ усиліе дѣлать добро: среди этого равновѣсія находится міръ духовъ, кото-

рый занимаетъ средину между небесами и адомъ, см. выше, нн. 421—431. Міръ духовъ находится въ этомъ равновѣсіи вслѣдствіе того, что всякій человѣкъ, послѣ смерти своей, приходитъ сперва въ міръ духовъ и содержится тутъ въ такомъ же точно состояніи, въ какомъ онъ былъ и на землѣ, что не могло бы дѣлаться, еслибъ не было тутъ полнаго равновѣсія; при такомъ только равновѣсіи, всѣ духи могутъ быть разсмотрены относительно качествъ своихъ, ибо они тогда предоставлены тойже свободѣ, которой они пользовались и на землѣ: духовное равновѣсіе, какъ для человѣка, такъ и для духа, есть свобода, какъ уже и было сказано выше, н. 589. Ангелы, на небесахъ, узнаютъ качество свободы каждаго духа чрезъ сообщеніе его внутреннихъ чувствъ (affectio) и происходящихъ отъ нихъ помышленій: это качество становится видимо для ангельскихъ духовъ изъ того пути, по которому идутъ находящіеся въ мірѣ духовъ; добрые духи идутъ по путямъ, которые ведутъ къ небесамъ, а злые духи по путямъ, которые ведутъ къ аду. Пути въ томъ мірѣ являются въ дѣйствительности; поэтому пути въ Словѣ означаютъ истины, ведущія ко благу, а въ противоположномъ смыслѣ, ложь, ведущую ко злу; поэтому также, выраженія: итти, ходить, ѣхать, означаютъ въ Словѣ преуспѣяніе (progressiones), или ходъ и развитіе жизни. Мнѣ неоднократно дано было видѣть такія дороги, и какъ свободно духи ходили по нимъ, смотря по внутреннимъ чувствамъ своимъ, и происходящимъ отъ нихъ помышленіямъ.

591. Зло постоянно дышетъ и подымается изъ

ада, а благо постоянно дышетъ и опускается съ небесъ, потому что каждый человѣкъ окруженъ духовною сферой, которая исходитъ и вытекаетъ изъ жизни его внутреннихъ чувствъ и порождаемыхъ ими помышленій; а какъ такая сфера жизни исходитъ отъ каждаго человѣка; то она исходитъ и изъ каждаго небеснаго и изъ каждаго адскаго общества, слѣдовательно и изъ всѣхъ обществъ вмѣстѣ, т. е. изъ всѣхъ небесъ, и изо всего ада. Благо исходитъ (effluat) отъ небесъ, потому что всѣ тамъ живутъ во благѣ, а зло исходитъ изъ ада, потому что всѣ тамъ живутъ во злѣ: все благо текущее съ небесъ исходитъ отъ Господа, ибо всѣ ангелы на небесахъ отклоняются (distinentur) отъ своей соби и содержатся въ соби Господней, которая есть самое благо; межъ тѣмъ какъ всѣ духи, живущіе въ аду, находятся въ своей соби, а собь каждаго есть ничто иное, какъ зло и вслѣдствіе того адъ. Изъ этого видно, что равновѣсіе въ коемъ содержатся ангелы на небесахъ и духи въ аду, не подобно равновѣсію въ мірѣ духовъ: равновѣсіе ангеловъ соразмѣрно тому, на сколько они хотѣли быть во благѣ или на сколько жили въ немъ, будучи на землѣ, и, слѣдовательно, на сколько зло было для нихъ противно; равновѣсіе же духовъ въ аду соразмѣрно тому, на сколько они хотѣли быть во злѣ или на сколько жили въ немъ, еще будучи въ мірѣ, а слѣдовательно и на сколько они были сердцемъ и душею противъ блага.

592. Еслибъ Господь не управлялъ какъ небесами, такъ и адомъ, то никакого бы не было равновѣсія, а безъ него не стало бы небесъ и ада, потому

что все въ мірѣ, какъ въ природномъ, такъ и въ духовномъ, содержится равновѣсіемъ: всякій человѣкъ съ разсудкомъ можетъ постичь, что это такъ; если положить вѣсу только съ одной стороны, ничего не положивъ съ другой, развѣ не погибнетъ та и другая? Тоже самое было бы и въ духовномъ мірѣ, еслибъ благо не воздѣйствовало противъ зла, и не сдерживало постоянно его возстаній; еслибъ это не дѣлалось единственно Божественнымъ началомъ, то погибли бы небеса и адъ, а съ ними и весь родъ человѣческій. Я сказалъ: „еслибъ это не дѣлалось единственно Божественнымъ началомъ," потому что собь каждаго ангела и духа есть ничто иное, какъ зло, см. выше н. 591; вслѣдствіе чего никогда, ни одинъ духъ и ни одинъ ангелъ не могутъ противиться злу, постоянно дышащему изъ ада, ибо по соби своей, они всѣ клонятся къ нему. Изъ этого ясно, что, еслибъ Господь не управлялъ одинъ, какъ небесами, такъ и адомъ, то никто бы не могъ спастись. Кромѣ того, всѣ ады дѣйствуютъ какъ одна сила, ибо всѣ роды зла въ аду совокупны, какъ всѣ роды блага на небесахъ; а противиться всѣмъ адамъ, которые безчисленны, и дѣйствуютъ вмѣстѣ противъ небесъ и противъ всѣхъ тамъ живущихъ, — возможно одному только Божественному началу, единственно отъ Господа исходящему.

593. Равновѣсіе между небесами и адомъ уменьшается и увеличивается, смотря по числу пришельцевъ небесъ и ада, а ихъ ежедневно прибываютъ туда многія тысячи; ни одинъ ангелъ не можетъ ни вѣдать, ни постигать уменьшенія или увеличенія рав-

новѣсія, ни сдерживать или равнять чаши вѣсовъ. Одинъ Господь можетъ это дѣлать, потому что Божественное, отъ Господа исходящее начало, вездѣсуще и вездѣ видитъ, гдѣ что нибудь колеблется; ангелъ видитъ только то, что возлѣ него, и даже не замѣчаетъ въ себѣ (percipit in se) того, что дѣлается въ его обществѣ.

594. Какимъ образомъ на небесахъ и въ аду все такъ расположено, что всѣ тамъ, какъ вообще, такъ и въ частности, находятся въ своемъ равновѣсіи, это можетъ быть нѣсколько видно изъ того, что было выше сказано и показано о небесахъ и объ адѣ: а именно изъ того, что всѣ небесныя общества расположены въ величайшемъ порядкѣ, смотря по благамъ, и по родамъ и видамъ благъ; а всѣ адскія общества по злу, и различнымъ родамъ и видамъ зла; далѣе изъ того, что подъ каждымъ небесномъ обществомъ есть противоположно соотвѣтствующее ему адское общество, и что изъ этой противоположной соотвѣтственности происходитъ равновѣсіе; поэтому Господь и предусматриваетъ постоянно, чтобъ адское общество, находящееся подъ небесномъ, не возымѣло надъ нимъ верхъ, а если оно начинаетъ осиливать, то оно разными средствами удерживается и приводится къ должному равновѣсію. Эти средства многочисленны; изъ нихъ упомяну только о нѣкоторыхъ: они состоятъ или въ болѣе сильномъ присутствіи Господа, или въ болѣе тѣсномъ сообщеніи и соединеніи одного или нѣсколькихъ обществъ съ другими; или въ томъ, чтобъ отбросить въ пустыню излишекъ адскихъ духовъ, или въ томъ, чтобъ переселить нѣсколькихъ адскихъ

духовъ изъ одного ада въ другой; или въ томъ, чтобъ находящихся въ аду привести въ порядокъ, что также дѣлается различными средствами; или въ томъ, чтобъ скрыть нѣкоторые ады подъ болѣе плотнымъ и грубымъ кровомъ, или еще въ томъ, чтобъ ихъ опустить на большую глубину, — не говоря о другихъ средствахъ и тѣхъ, кои употребляются въ находящихся надъ ними небесахъ. Все это было сказано, чтобъ можно было, хотя нѣсколько, постичь, что Господь одинъ предусматриваетъ, чтобъ вездѣ было сохранено равновѣсіе между благомъ и зломъ, и слѣдовательно между небесами и адомъ, ибо на такомъ то равновѣсіи зиждится спасеніе всѣхъ на небесахъ и на землѣ.

595. Должно знать, что ады постоянно нападаютъ на небеса и стараются уничтожить ихъ, а что Господь постоянно охраняетъ небеса, отвращая ихъ жителей отъ зла, изходящаго отъ соби, и содержа ихъ во благѣ, исходящемъ отъ него самого. Мнѣ часто дано было постигать вытекающую изъ ада сферу, — она вся состояла изъ усилій уничтожить Божественное начало Господне, а слѣдовательно и небеса; я также видѣлъ иногда вскипанія (ebullitiones) нѣкоторыхъ адовъ: это были усилія, чтобъ себя освободить, и все уничтожить. Небеса же, напротивъ, никогда не нападаютъ на адъ, потому что Божественная, отъ Господа исходящая сфера, есть постоянное усиліе спасти всѣхъ; а какъ находящіеся въ аду не могутъ быть спасены, затѣмъ что они погружены во зло и противятся Божественному началу Господню, то, по возможности, возмущенія и свирѣп-

ства ихъ подавляются и укрощаются, чтобъ они, возставъ другъ на друга, не перешли должныхъ границъ; и на это также есть безчисленныя средства, зависящія отъ Божественнаго всемогущества.

596. Небеса раздѣляются на два царства: небесное и духовное, см. выше нн. 20—28. Подобнымъ образомъ и адъ раздѣляется на два царства; одно изъ нихъ противоположно небесному царству, а другое духовному: противоположное небесному царству находится на западной сторонѣ, и живущіе тутъ называются геніями; другое же адское царство, духовному противоположное, находится въ сѣверныхъ и южныхъ странахъ, и живущіе тутъ называются духами. Всѣ находящіеся въ небесномъ царствѣ, живутъ въ любви къ Господу, а всѣ находящіеся въ аду, противоположномъ этому царству, живутъ въ любви къ себѣ; всѣ находящіеся въ духовномъ царствѣ, живутъ въ любви къ ближнему, а всѣ находящіеся въ аду, противоположномъ этому царству, живутъ въ любви къ міру: изъ этого мнѣ стало ясно, что любовь къ Господу и любовь къ себѣ противоположны, какъ любовь къ ближнему и любовь къ міру. Господомъ постоянно предусматривается, чтобъ изъ ада, противоположнаго небесному царству Господню, ничего не вліяло (effluat) на тѣхъ, кои находятся въ духовномъ царствѣ: еслибъ это случилось, то духовное царство погибло бы; а почему, см. выше, нн. 578, 579. Вотъ въ чемъ состоитъ то и другое общее равновѣсіе, нарушеніе коего постоянно Господомъ предотвращается.

Человѣкъ свободенъ вслѣдствіе (per) равновѣсія между небесами и адомъ.

597. Выше было говорено о равновѣсіи между небесами и адомъ, и было показано, что это равновѣсіе, есть равновѣсіе между благомъ, исходящемъ отъ небесъ и зломъ, исходящемъ отъ ада, что слѣдодовательно это есть духовное равновѣсіе, которое, въ сущности своей, есть свобода, — потому что оно находится между благомъ и зломъ, и между истиной и ложью, и что эти вещи духовны; вотъ почему имѣть возможность хотѣть благо или зло, мыслить истину или ложь, и выбирать одно передъ другимъ, — есть та свобода, о которой здѣсь говорится. Эта свобода предоставлена Господомъ каждому человѣку, и никогда у него не отнимается; хотя она, по происхожденію своему, принадлежитъ не человѣку, а Господу, отъ котораго она исходитъ, тѣмъ не менѣе она, вмѣстѣ съ жизнію дается человѣку, какъ нѣчто свое (sicut suum), и это съ той цѣлію, чтобы человѣкъ могъ переобразоваться и спастись; безъ свободы же не можетъ быть никакого переобразованія и никакого спасенія. Всякій, кто только одаренъ разсудкомъ, видитъ, что человѣкъ свободенъ мыслить благо или зло, искренно или неискренно, справедливо или несправедливо; что онъ свободенъ говорить и поступать хорошо, честно и справедливо, но не свободенъ поступать нехорошо, нечестно и несправедлво, вслѣдствіе законовъ духовныхъ, нравственныхъ и гражданскихъ, коими внѣшній человѣкъ его связанъ. Изъ

этого ясно, что духъ человѣка, т. е. то, что въ немъ мыслитъ и хочетъ, одарено свободой; но что внѣшнее въ человѣкѣ, т. е. то, что говоритъ и дѣйствуетъ, не свободно, если только не согласно съ законами духовными, гражданскими и нравственными.

598. Человѣкъ не можетъ переобразоваться, не будучи свободнымъ, потому, что онъ родится во злѣ всякаго рода, которое, чтобы спастись человѣку, должно быть отъ него удалено; но удалено оно быть не можетъ, если человѣкъ не видитъ его въ себѣ, не сознаетъ его, не перестаетъ хотѣть его и наконецъ не гнушается его: тогда только зло удаляется. Этого не могло бы быть, еслибъ самъ человѣкъ не находился какъ во благѣ, такъ и во злѣ, потому что посредствомъ блага, онъ можетъ видѣть зло, но посредствомъ зла не можетъ видѣть блага: духовное благо, о коемъ человѣкъ можетъ мыслить, имъ узнается еще съ дѣтства, изъ чтенія Слова и слушанья проповѣдѣй; а благо нравственное и гражданское узнается имъ живучи въ мірѣ. Вотъ почему, во первыхъ, человѣкъ долженъ быть свободенъ; во вторыхъ же потому, что человѣку присвоивается только то, что дѣлается имъ по внутреннему чувству (affectio), принадлежащему любви: многое другое, правда, можетъ войти въ духъ его, но собственно только въ мысль, а не въ волю его, — а что не входитъ въ самую волю человѣка, то не становится его собственностью, потому что мысль извлекаетъ все свое изъ памяти, а воля извлекаетъ все свое изъ самой жизни. Никогда нѣтъ свободы въ томъ, что не исходитъ отъ воли, или, что тоже, отъ чувства, принадлежащаго любви.

Все, что человѣкъ хочетъ и любитъ, онъ дѣлаетъ свободно; изъ чего слѣдуетъ, что свобода человѣка и чувство, любви или волѣ его принадлежащее, составляютъ одно: и такъ, человѣку дана свобода на то, чтобъ онъ могъ любить (affici) истину и благо, дабы такимъ образомъ истина и благо могли стать его собственностью. Словомъ, все, что не входитъ въ человѣка свободно (in libero), не остается въ немъ, потому что оно не принадлежитъ его любви или его волѣ; а что не принадлежитъ его любви или его волѣ, то не принадлежитъ его духу, ибо самая сущность (esse) духа человѣческаго есть любовь или воля: сказано любовь *или* воля, ибо что любитъ человѣкъ, то онъ и хочетъ. Вотъ причины, по которымъ человѣкъ не можетъ переобразоваться, не будучи свободнымъ.

599. Для того, чтобъ человѣкъ былъ свободенъ и могъ черезъ это переобразоваться, онъ соединенъ, — относительно духа своего — съ небесами и адомъ, ибо при каждомъ человѣкѣ есть адскіе духи и небесные ангелы: черезъ адскихъ духовъ человѣкъ находится въ своемъ злѣ, а черезъ небесныхъ ангеловъ онъ находится во благѣ, исходящемъ отъ Господа; такимъ образомъ онъ находятся въ духовномъ равновѣсіи, т. е. въ свободѣ. Что адскіе духи и небесные ангелы находятся при каждомъ человѣкѣ, это видно въ главѣ „О соединеніи небесъ съ родомъ человѣческимъ", нн. 291—302.

600. Должно знать, что соединеніе человѣка съ небесами и адомъ не непосредственное, но посредственное черезъ духовъ, которые находятся въ мірѣ

духовъ; эти то духи находятся при человѣкѣ, но при немъ нѣтъ ни одного духа изъ самого ада или изъ самихъ небесъ. Черезъ злыхъ духовъ, находящихся въ мірѣ духовъ, человѣкъ соединяется съ адомъ, а черезъ добрыхъ духовъ, находящихся въ томъ же мірѣ духовъ, онъ соединяется съ небесами; вслѣдствіе этого міръ духовъ и занимаетъ среднее мѣсто между небесами и адомъ, и образуетъ тутъ между ними равновѣсіе. Что міръ духовъ есть среднее мѣсто между небесами и адомъ, см. объ этомъ главу о мірѣ духовъ, нн. 421—431; а что тутъ, самое равновѣсіе между небесами и адомъ, см. объ этомъ предшествующую главу, нн. 589—596. Изъ этого теперь видно, откуда происходитъ человѣческая свобода.

601. Скажу еще нѣсколько словъ о духахъ, приставленныхъ (adjuncti) къ человѣку: цѣлое общество можетъ сообщаться съ другимъ обществомъ, или съ однимъ духомъ, гдѣ бы онъ ни былъ, черезъ посланнаго отъ себя духа; этотъ духъ называется посломъ (subjectus plurium). Точно такъ и соединеніе человѣка съ обществами на небесахъ и съ обществами въ аду, совершается черезъ духовъ, приставленныхъ къ человѣку изъ міра духовъ.

602. Должно подъ конецъ упомянуть о врожденномъ человѣку понятіи (de insito) о жизни его послѣ смерти, понятіи образующемся вслѣдствіе небеснаго на него наитія: нѣсколько духовъ изъ простаго народа и жившіе въ мірѣ во благѣ вѣры, были приведены въ то духовное состояніе, въ которомъ они жили на землѣ, что, если Богу угод-

но, можетъ быть сдѣлано съ каждымъ, и тогда было показано, въ чемъ состояло ихъ понятіе о состояніи человѣка послѣ смерти. Вотъ что сказали эти простые духи: когда разумные люди (intelligentes) спрашивали насъ въ мірѣ, что думаемъ мы о нашей душѣ, послѣ земной ея жизни, мы отвѣчали имъ, что не знаемъ, что такое душа. Что же вы думаете, продолжали они, о вашемъ состояніи послѣ смерти? Мы отвѣчали имъ, что будемъ жить какъ духи. Тогда они спросили: что же по вашему духъ? Мы отвѣчали: духъ есть человѣкъ. На вопросъ ихъ откуда мы это знаемъ? Отвѣтъ нашъ былъ: мы знаемъ это потому, что оно такъ есть. Разумники дивились, что такая вѣра живетъ въ народѣ, а что въ нихъ ея нѣтъ. Изъ этого ясно, что въ каждомъ человѣкѣ, не отлученномъ отъ небесъ, есть врожденное понятіе (insitum) о жизни его послѣ смерти. Это врожденное понятіе не отъ инаго источника, какъ отъ наитія съ небесъ, т. е. отъ Господа чрезъ небеса и чрезъ посредство тѣхъ духовъ, которые въ мірѣ духовъ приставлены къ человѣку. Это понятіе свойственно тѣмъ, въ которыхъ свобода мышленія не подавлена напередъ принятыми, потомъ утвердившимися понятіями (principiis) о душѣ человѣческой, въ родѣ тѣхъ, что она только одна мысль, или какое либо одушевленное начало, мѣстопребываніе котораго въ тѣлѣ: межъ тѣмъ какъ душа есть только жизнь человѣка, а духъ есть самый человѣкъ; земное же тѣло, въ которое онъ облеченъ на землѣ, есть только орудіе, посредствомъ котораго духъ этотъ, т. е. самый человѣкъ, приспособляясь къ міру природному, дѣйствуетъ въ немъ.

603. Все, что въ этомъ сочиненіи сказано о небесахъ, о мірѣ духовъ и объ адѣ, покажется темнымъ для тѣхъ, которые не находятъ удовольствія въ познаніи истинъ духовныхъ, но яснымъ для тѣхъ, которые находятъ въ этомъ удовольствіе, и въ особенности для тѣхъ, кои любятъ (sunt in affectione) истину ради истины, т. е. за то, что она есть истина, ибо все, что человѣкъ любитъ, входитъ вмѣстѣ со свѣтомъ въ понятія духа его, въ особенности же когда любимый предметъ — есть истина, ибо всякая истина есть свѣтъ.

Staats-Bibliothek Bamberg

Лейпцигъ, въ типографіи Бера и Германна.

Leipzig, Druck von Bär & Hermann.

Swedenborg, Emanuel,

O nebesach, o mire duchov i ob ade

Leipzig 1863

Bamberg, Staatsbibliothek -- Myst.o.58
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11755256-5